

Фёдор Сологуб

Собрание сочинений

Том 1

Рассказы (1894-1908)

Verlag Otto Sagner München · Berlin · Washington D.C.

Digitalisiert im Rahmen der Kooperation mit dem DFG-Projekt „Digi20“ der Bayerischen Staatsbibliothek, München. OCR-Bearbeitung und Erstellung des eBooks durch den Verlag Otto Sagner:

<http://verlag.kubon-sagner.de>

© bei Verlag Otto Sagner. Eine Verwertung oder Weitergabe der Texte und Abbildungen, insbesondere durch Vervielfältigung, ist ohne vorherige schriftliche Genehmigung des Verlages unzulässig.

«Verlag Otto Sagner» ist ein Imprint der Kubon & Sagner GmbH

SLAVISTISCHE BEITRÄGE

BEGRÜNDET VON

ALOIS SCHMAUS

HERAUSGEGEBEN VON

HEINRICH KUNSTMANN

PETER REHDER · JOSEF SCHRENK

REDAKTION

PETER REHDER

Band 291

VERLAG OTTO SAGNER
MÜNCHEN

Федор Сологуб

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Составители

Бернхард Лауэр - Ульрих Штельтнер

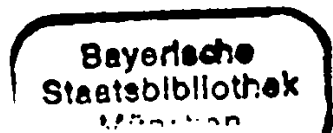

Том первый

РАССКАЗЫ (1894 - 1908)

Составитель тома: *Ульрих Штельтнер*

VERLAG OTTO SAGNER · MÜNCHEN
1992

ISBN 3-87690-527-3
© Verlag Otto Sagner, München 1992
Abteilung der Firma Kubon & Sagner, München

СОДЕРЖАНИЕ

Vorwort	VII
Предисловие	IX
Ниночкина ошибка	1
Тени	11
Червяк	26
Ничего не вышло	40
К звездам	44
Задор	56
Улыбка	63
Лелька	70
Лелечка	73
Белая мама	80
Земле земное	87
Баранчик	103
Красота	105
Утешение	111
Обруч	145
Жало смерти	148
Превращения	168
В плену	172
Маленький человек	180
Рождественский мальчик	193
Соединяющий души	202
Призывающий зверя	209
Елкич	214
Дикий бог	218
Чудо отрока Лина	228
Два Готика	233
Тела и душа	244
Милый паж	250
Страна, где воцарился зверь	257
В толпе	263
Царица поцелуев	284

Голодный блеск	288
Смерть по объявлению	293
Конный стражник	301
Перина	309
Ошибки и поправки	312
Томление к иным бытиям	313
Белая собака	317
Очарование печали	321
Мудрые девы	331
Опечаленная невеста	334
День шестьдесят седьмой	347
Обыск	351
Отравленный сад	355
Претворившая воду в вино	367
Алчущий и жаждущий	370
Снегурочка	373
Холодный сочельник	379
Они были дети	385
Комментарии	423

***

Vorwort

Der vorliegende Band ist Teil einer Ausgabe der Werke des russischen Symbolisten Fedor Kuz'mič Teternikov alias Fedor Sologub, die in russischer Sprache erscheinen soll und die zum Ziel hat, das verstreute und seit dem 1. Weltkrieg nicht mehr repräsentativ publizierte Werk Sologubs in der Originalsprache zugänglich zu machen. Als die Publikation Mitte der 80er Jahre geplant wurde, waren selbstverständlich die politischen Umwälzungen in Rußland nicht abzusehen, und es war zu befürchten, daß Sologub wegen der bekannten restriktiven Zensurpraxis überhaupt dem Vergessen anheimfallen würde. Mittlerweile ist einiges publiziert worden,¹ auch von den Erzählungen,² aber angesichts des Umfanges von Sologubs Werk bei weitem nicht genug.

Sologub hat z.B. über 100 Erzählungen publiziert, um nur bei dieser Gattung zu bleiben. Davon wurde zwar der größere Teil in den beiden Gesamtausgaben vor dem 1. Weltkrieg gesammelt,³ aber eben doch nicht alles. Somit werden hier zum ersten Mal alle erschienen Erzählungen Sologubs (in 2 Bänden) vereint. Da ein solches Unternehmen vom Ausland her seine spezifischen Schwierigkeiten hat, ist darauf verzichtet worden, auf Archivmaterialien zurückzugreifen. Statt dessen wurde in aller Regel die Textfassung der Erstpublikation in einer Zeitschrift oder in einem Sammelband zugrundegelegt. Auch so war es schwer genug, an die Erstpublikation heranzukommen. Zuweilen waren die Kopie oder der Mikrofilm von einer Qualität, die eine zusätzliche Prüfung in anderen Ausgaben notwendig machte. In solchen Fällen wurde zur zeitlich nächsten Publikation des jeweiligen Textes gegriffen. In den Kommentaren im Anhang wird deswegen genau vermerkt, nach welcher Textfassung gedruckt worden ist. Aus einem freilich nur exemplarischen Vergleich mit den Texten der *Gesammelten Werke* ergaben sich manche Abweichungen der späteren Fassung gegenüber der Erstpublikation. Aus Platzgründen wurde dergleichen nur in den Fällen vermerkt, da Sologub offenbar selbst die Neufassung hervorhebt,⁴ und auch dann nur als allgemeiner Hinweis. Die vorliegende Publikation der Erzählungen Sologubs eröffnet hoffentlich auch die Möglichkeit gezielter Untersuchungen.

Die Erzählungen werden in der Reihenfolge ihres Erscheinens abgedruckt. Die Orthographie der Erstpublikationen ist den heutigen Normen angepaßt. Die ursprüngliche Zeichensetzung wurde mit Ausnahme von offensichtlichen Druckfehlern bewahrt.

---

¹ Z.B. Sologubs Romane "Тяжелые сны (*Schwere Träume*)" (zuerst 1895/1896; nunmehr Leningrad 1990), "Мелкий бес (*Der kleine Dämon*)" (als Buch zuerst 1907; neben 3 Ausgaben "im Lande" nach 1917 <1926, 1933 und 1958> nunmehr Moskau 1988) sowie "Творимая легенда (*Eine Legende im Werden*)" (zuerst zwischen 1907 und 1913 publiziert, nunmehr in 2 Bänden Moskau 1991).

² "Свет и тени. Избранная проза (*Licht und Schatten. Ausgewählte Prosa*)" Minsk 1988; (den 11 Erzählungen dieser Ausgabe folgend:) "Голодный блеск. Избранная проза (*Das hungrige Glänzen. Ausgewählte Prosa*)" Kiev 1991, sowie die in Anm.1 verzeichnete Neuauflage des Romans "Тяжелые сны", die auch 9 Erzählungen enthält.

³ Vgl. unten *Abkürzungsverzeichnis* (Условные сокращения) S.422, Siglen СС Шиповник und СС Сирия.

⁴ Wie etwa in Band II der Ausgabe "Sirin".

Zum Schluß sei der Dank abgestattet: dem Mitherausgeber der Ausgabe, Dr. Bernhard Lauer (Kassel), ohne dessen Vorarbeiten auch die Erzählungen Sologubs nicht hätten erscheinen können; den drei Erlanger Mitarbeiterinnen, die nacheinander über die Jahre hin bei Textbeschaffung, Texterfassung und Korrektur geholfen haben: Sabine Kropp, M.A., Eva Lindenberg, M.A., und ganz besonders Stefanie Eber; Dr.phil.habil. Valentin Belentschikow (Berlin) für die Korrekturen des russischen Vorwortes, der Kommentare und des abschließenden Artikels (Bd.2); Johannes Steltner (Nürnberg) für die Gestaltung der (steilen/kursiven) kyrillischen Normalschrift, die im Rahmen des Textverarbeitungsprogramms *ChiWriter* für Vorwort, Kommentare etc. eingesetzt wurde; allen Bibliotheken für ihre Mühen um die Beschaffung der Texte von Sologub: v.a. den Universitätsbibliotheken Marburg und Erlangen sowie den Staatsbibliotheken Moskau, Petersburg (Leningrad) und Helsinki. Dank gilt auch dem Verlag Otto Sagner, insbesondere Herrn Kollegen Rehder, für die Realisierung der Ausgabe.

Erlangen, April 1992

Ulrich Steltner

Предисловие

Данный том является частью *Собрания сочинений* русского символиста Федора Кузьмича Тетерникова (псевдоним - Федор Сологуб), которое публикуется на русском языке. Это издание ставит себе целью сделать снова доступным на языке оригинала разбросанные в свое время и с 1-й мировой войны полностью никогда не публикуемые произведения Сологуба. Когда в середине 1980 гг. было запланировано данное издание, еще нельзя было, само собой разумеется, предвидеть последствия политических переворотов в России и следовало опасаться, что Сологуб, в связи с общеизвестной рестрикционной практикой тамошней цензуры, вообще будет предан забвению. Правда, кое-что было опубликовано,⁵ в том числе и из рассказов,⁶ но, ввиду огромного их количества, это явно недостаточно.

В частности, Сологуб опубликовал более 100 рассказов, если остановиться на этом жанре. Хотя большая часть их была собрана в обоих *Собраниях сочинений* до 1-ой мировой войны,⁷ но в них включены были далеко не все. Таким образом, здесь (в двух томах) впервые собраны все опубликованные в свое время рассказы Сологуба. Поскольку для осуществления подобного проекта не на родине автора имеются специфические трудности, мы отказались от обращения к архивным материалам. Вместо этого за основу, как правило, были взяты тексты первопубликаций в журналах или сборниках. Но и в данном случае оказалось довольно трудным получить прижизненные публикации рассказов. Некоторые копии или микрофильмы, имеющиеся в нашем распоряжении, были такого качества, что необходимой представлялась дополнительная корректировка материала по другим источникам.

В подобных случаях мы пользовались вариантом, следующим по времени издания за данным текстом. В *Комментариях* к данному тому указывается поэтому точно, какой вариант текста перепечатывается в нашем издании.

Из выборочных сравнения первопубликация с текстами *Собраний сочинений* выявились некоторые отклонения в последних редакциях. В связи с экономией места эти разночтения отмечены лишь в тех случаях, когда Сологуб вероятно сам напоминал о новой редакции,⁸ и то лишь как общее указание. Надеемся, что данное полное издание рассказов Сологуба откроет новые возможности целенаправленным исследованиям.

---

⁵ Напр., романы Сологуба *Тяжелые сны* (впервые в 1895/1896 гг.; а теперь - Ленинград 1990 г.), *Мелкий бес* (книгой впервые в 1907 г.; наряду с тремя изданиями "в отечестве" после 1917 г. <в 1926, 1933, 1958 гг.> теперь - Москва 1988 г.); *Творимая легенда* (впервые опубликована с 1907 до 1913 гг., теперь - Москва 1991 г. <в двух томах>).

⁶ *Свет и тени. Избранная проза*. Минск 1988; (все 11 рассказов этого издания перепечатаны в книге:) *Голодный блеск. Избранная проза*. Киев 1991; а также отмеченное выше в примечании 5 переиздание романа *Тяжелые сны*, которое содержит наряду с романом и 9 рассказов.

⁷ См. ниже, с.422, в списке сокращения под знаками «СС Шиповник» / «СС Сирина».

⁸ Ср. том II изд. «Сирин».

Рассказы печатаются здесь по очередности их первого появления. Орфография первопубликаций приведена в соответствие с современной нормой. Первоначальная расстановка знаков препинания сохраняется, за исключением очевидных опечаток.

В заключение пользуюсь возможностью принести глубокую благодарность соиздателю *Собрания сочинений Сологуба* Бернхарду Лауеру (г. Кассель), без подготовительной работы которого рассказы Сологуба не могли бы появиться; трем сотрудницам Эрлангенского университета - Сабине Кропп, Еве Линденберг и в особенности Штефани Эбер, которые на протяжении нескольких лет помогали заполучить тексты Сологуба, закомпьютеризировать и откорректировать их; Валентину Беленчикову (г. Берлин) за редактирование русского текста Предисловия, Комментариев и Послесловия в конце второго тома *Рассказов*; Йоханнесу Штельтнеру (г. Нюрнберг) за оформление (прямого/курсивного) русского шрифта, примененного в Предисловии, Комментариях и Послесловии в рамках программы для ЭВМ «ChiWriter»; всем библиотекам за их усилия в получении текстов Сологуба, прежде всего университетским библиотекам в гг. Марбурге и Эрлангене, а также государственным библиотекам Москвы, Петербурга (Ленинград) и Хельсинки. Искренняя благодарность также издательству «Отто Загнер» и в особенности коллеге Редеру за реализацию проекта.

Эрланген, в апреле 1992 г.

Ульрих Штельтнер

НИНОЧКИНА ОШИБКА

I

Был летний вечер или, вернее, летняя ночь. У городского головы нашего маленького города справлялись именины дочери, девицы, приданое которой привлекало много желающих попасть в женихи. Наш городской голова ладил со всем городом, и потому к нему собрались в этот вечер все те, из кого состоит наше, так называемое общество. Молодежь танцевала под звуки рояля, а пожилые и солидные люди играли в карты в хозяйском кабинете.

Не мешает заметить, что городской голова у нас был не из купцов, как почти все головы небольших русских городов. Он был из местных дворян, имел в городе двух-этажный дом, тот самый, где теперь шел «пир на весь мир», и служил прежде председателем мирового съезда, а теперь уже на второй срок был выбран головой. При этом он вел еще и торговлю, и нижний этаж его дома занят был магазином, где можно было найти и дамские наряды, и чай да сахар, и керосин да свечи. Года три назад он овдовел.

В дверях одной из гостинных, где было не так светло, как в других комнатах, и куда мало кто заглядывал, столкнулись два приятеля: учитель Иглин, сухощавый блондин с близорукими серыми глазами и городской судья Балагуров, плечистый и полный брюнет с яркими губами и самоуверенными движениями, – оба лет тридцати двух.

– Ты куда так стремишься? – спросил Иглин ленивым голосом.

– Ищу визави, – озабоченно отвечал Балагуров. Ты танцуешь?

– Нет, где мне! – с усмешкой промолвил Иглин.

– Ну, что ж ты, – удивился Балагуров. Так брат нельзя, таким кисляем быть не годиться... А я тут около Ниночки занялся.

Хозяйская дочь, именинница, звалась Антониной Филипповной.

– Надеюсь, с успехом? – все с той же усмешкой спросил Иглин.

– А вот надо актерика этого хорошенько проучить, Полтавского, ухаживать вздумал, пьяница этакий.

– Уж и пьяница!

– Да что тут, – все здешние актеры те же золоторотцы, босяки. Перестанут в одном городе сборы делать, в другой поплетутся по образу пешего хождения, на своих подошвах, вздев сапоги на палочку... Ну, однако, надо бежать.

– Давно пора, – сказал ему вслед Иглин.

Иглин отыскал молодую именинницу. Молодые люди нашего города отличаются почти все застенчивым нравом и в первую половину вечера предпочитают в антрактах между танцами наведываться в столовую, где в изрядном количестве приготовлены всякие утешительные напитки.

Поэтому, случилось так, что Иглин нашел Ниночку в разговоре и, кажется, скучном для нее, с одной из ее подруг. Стул возле Ниночки был свободен. Иглин опустился на этот стул, нагнулся к уху Ниночки и спросил ее тихо и быстро:

– Кто лучше: Полтавский или Балагуров?

– Как?

Ниночка вскинула на него удивленные глаза и постаралась придать им строгое выражение. Иглин улыбнулся в ответ на ее недоумевающий взгляд и продолжал, настойчиво глядя прямо ей в глаза.

– Для вас то кто лучше кажется?

– Послушайте, так нельзя спрашивать, – отвечала Ниночка с легонькой растяжкой, стараясь выдержать строгий тон.

И она повернулась было к своей подруге, с которой только что разговаривала, но той уже не было на месте.

– Полноте, отчего нельзя? – убедительно сказал Иглин.

– Отчего?

Ниночка затруднилась ответом: очень уж самоуверенно спрашивал Иглин.

– Да, отчего? – повторил он свой вопрос.

– Ну вот, – сказала Ниночка, да, только вы способны так спрашивать.

– Но, однако, кто же лучше? – настаивал Иглин.

Ниночка засмеялась.

– Балагуров – наш друг, – сказала она наставительным тоном, поколачивая легким веером по ладони своей маленькой ручки, затянутой в перчатку.

– О, я не передам ему того, что вы мне скажете.

– Да, в самом деле? – спросила Ниночка, лукаво улыбаясь. Вы меня утешили. А я боялась, право боялась.

– Боялись Балагурова? вот уж...

Иглин остановился.

– Что «вот уже» – спросила Ниночка.

– Нет, это я так... Ну-с, и так, кто же лучше.

И он наклонился к девушке с тем доверчивым видом, который часто заставлял людей быть с ним более откровенным, чем они сами желали.

– Знаете, – нерешительно сказала Ниночка, – ваш друг Балагуров – чванен и скучен не по возрасту.

– А не правда-ли, – с живостью подхватил Иглин, – как мил и остроумен Полтавский?

Ниночка вспыхнула, смешалась и приговорила смущенно:

– Ах, да, это правда.

– А вы знаете его фамилию? – спросил Иглин, опять принимая насмешливый вид.

– Вот странный вопрос! с неудовольствием отвечала Ниночка, – вы всегда шутите, но не всегда удачно.

– Полтавский только на сцене, – медленно говорил Иглин, словно наслаждаясь неудовольствием Ниночки, – а настоящая его фамилия, так вы ее не знаете?

– Нет, – сухо сказала Ниночка, но голубые ее глазки зажглись

любопытством.

– Да, так его настоящая фамилия Фунтиков.

– Вот так, с удивлением сказала Ниночка, и ее хорошенькие брови легонько приподнялись.

– Да, да, Фунтиков, – продолжал безжалостный Иглин, буйский мещанин. Знаете, в Костромской губернии есть такой городишко Буй, славное имячко, не правда-ли?

– Однако, что же из этого? – краснея и досадуя спросила Ниночка.

– Так, к слову пришлось, – равнодушно сказал Иглин и опустил свои глаза.

Лукавая усмешечка скользила на него тонких губах, под светлыми усами. Ниночка посмотрела на его с досадой и теперь все в нем ей не нравилось, даже эти усы, которые так скверно шевелились.

«Этакий противный!» подумала Ниночка.

Она была еще очень молоденькая и наивная девочка, не умела еще скрывать своих чувств, и не один Иглин заметил, что ее веселенькие глазки особенно ласково посматривали на Полтавского.

III

Полтавский был звездой нашего маленького театра. Некоторые из дам, восторгавшиеся его талантом, пропочили ему блестящую будущность, хоть и прибавляли при этом:

– Но, моя милая, вы знаете, что нынче даже и на этом попроще нужен не столько талант, сколько счастье и протекция, особенно протекция.

У Полтавского не было протекции, не было большого счастья, а может быть, не было большого таланта. Как бы то ни было, его у нас любили, и он делал хорошие сборы. Он нес на своих плечах, – сильный был молодой человек! – почти весь репертуар, играя и городничего в «Ревизоре», и «Гамлета». и все, что придется, пел куплеты в водевилях и оперетках, читал стихи и сцены из еврейского быта в дивертисементах и изображал красавцев или злодеев в живых картинах.

Вне сцены он был красивый и разбитной малый, что называется на все руки мастер и душа компании: мог выпить сколько угодно, а пьян не бывал, и в такие моменты артистически играл в стуколку с опьяневшими молодыми купчиками, которые приходили в азарт и бешено проигрывали.

Впрочем, деньги не держались по-долгу в карманах Полтавского, он живо находил для них более или менее веселое употребление.

– Не мы для денег, – говаривал он, – а деньги для нас, стало быть, нечего сквалыжничать.

IV

Полтавский танцевал с Ниночкой кадрили и бросал ей, в удобные минуты, умоляющие фразы.

Ниночка раздумянулась и опустила глазки.

– Антонина Филипповна, прикажите жить или умереть! – патетически прошептал Полтавский.

– Лучше живите, – нежно сказала Ниночка.

– Без вас мне не жить, – решительно сказал пылкий Фунтиков, –

ежели вы отвергнете страсть моего сердца, то мне один конец в цвете моих лет: камень на шею и бултых в воду.

– Зачем вы так говорите, – с нежным упреком сказала Ниночка, – ведь вы знаете...

И она замолчала, не кончив: пришла очередь делать фигуру.

– Папенька хочет, чтоб я вышла за Балагурова, – сказала Ниночка, когда они вернулись на место.

– Ах, Антонина Филипповна, погибать мне видно!

– Так ведь это папенька, а я не хочу. Он еще не делал предложения.

– Антонина Филипповна, дозвоьте мне переговорить с папенькой вашим!

– О чем? – спросила Ниночка, и лукаво усмехнулась, а сама вся пуше прежнего зарделась.

– О счастья всей моей судьбы, о том, чтоб мне отдали вашу божественную ручку вместе с вашим золотым сердечком.

– А если папенька откажет вам? – озабоченно спросила Ниночка.

Фунтиков (он же Полтавский) сделал отчаянное лицо и сказал замогильным голосом:

– Вы, Антонина Филипповна, по приказанию папеньки выйдете за Балагурова, а мне, известно, один конец: камень на шею...

– Ах, нет, нет! – испуганно перебила Ниночка, – я ни за кого не выйду... Кроме вас, – совсем тихонько прибавила она.

Фунтиков опять расцвел.

– А в таком случае я добьюсь вашей руки, хотьбы сто Кошечев бессмертных стерегли вас.

«Я опущусь на дно морское,

Я полечу за облака!»

– Послушайте, ваша настоящая фамилия ведь не Полтавский? – робко спросила Ниночка.

Фунтиков слетел с облаков на землю.

– Нет, – сконфуженно сказал он.

– А как же? – спросила Ниночка, ласково улыбаясь ему.

– Фунтиков, – пролепетал он, как напроказничавший школьник.

– Ну, это еще не большая беда, – снисходительно заметила Ниночка. Я буду госпожа Фунтикова!

И она закусила свои румяные губки, но через минуту не выдержала и засмеялась.

– Забавно, – сказала она, – госпожа Балагурова лучше.

Фунтиков взъерошил волосы и сделал отчаянное лицо.

– Что-ж, – уныло сказал он, – мне один конец...

– Нет, уж, пожалуйста, – опять перебила Ниночка, – нельзя-ли без камня. Пусть уж я лучше буду Фунтиковой.

Полтавский опять пришел в восторг.

– Позвольте вам сказать, – пылко заговорил он, – что я хоть и Фунтиков, а только-что любовь моя к вам на очень много пудов тянет. А тоже и Балагурова фамилия на скоморошью стать смахивает.

Ниночка засмеялась.

V

Кадриль кончилась, но Ниночка и актер продолжали оживленно разговаривать.

Иглин подошел к Балагурову и сказал ему с своею ленивой усмешкой:

– Мне кажется, что наша юная именинница находит Полтавского пленительным.

– Ну, это, брат, дудки, – самоуверенно ответил Балагуров.

– Однако посмотри, как они оживленно беседуют, – продолжал Иглин, слегка поводя в ту сторону, где сидела влюбленная парочка, своим тяжелым пенснэ в золотой оправе.

– А вот я его сейчас спугну, – злобно проворчал Балагуров.

Он подошел к Полтавскому, бесцеремонно хлопнул его по плечу и сказал:

– Ну, что тут лясы точить, пойдем брат, лучше выпьем.

Полтавский принял вид из «Ревизора» и сказал беззаботно, как Хлестаков:

– Пойдем, душа моя, выпьем.

– Уж вы извините, Антонина Филипповна, – обратился Балагуров к молодой имениннице со своею обычной самоуверенно покровительственной манерой: – я вижу, что он вам надоел хуже горькой редьки.

Полтавский галантно раскланялся с Ниночкой и пошел за Балагуровым.

Ниночка задумчиво посмотрела им в след. «Полтавский красивее» – думала она, «но какая у него фамилия! Балагурова – это гораздо приличнее, но за то он сам противный. Как он смеет так самоуверенно обращаться.»

VI

В столовой Балагуров и актер молча выпили по рюмке рябиновой и молча закусили.

– Повторим, что–ли, – угрюмо сказал Балагуров, злобно поглядывая на розоватый галстучек актера, повязанный небрежно и сидевший немного в бок.

– Повторим, душа моя, куда ни шла, – беспечно откликнулся Полтавский, потянулся за бутылкой и запел довольно приятным тенорком:

«Мы живем среди полей
И лесов дремучих,
Но счастливей и вольней
Всех вельмож могучих!»

– Что, брат, не собрался–ли жениться, – спросил его Балагуров.

– Справедливое наблюдение изволили сделать, синьор; публика мало поощряет сценические таланты, и для избежания карманной чахотки женитьба – отличное средство.

– Гм! а где невеста?

– Невесту найдем, почтеннейший синьор: этим добром Бог всякого накажет.

– Что–ж, присмотрели купеческую дочку? – допрашивал Балагуров, все больше и больше свирепея.

– Зачем же непременно купеческую? – ответил вопросом Полтавский с беззаботным и даже легкомысленным видом.

– Ну, мещанскую, что–ли?

– Зачем же мещанскую? при наших талантах, да при наших усиках мы и настоящую барышню завсегда прельстить можем.

– Ну, брат, гни дерево по себе, – злобно проворчал Балагуров.

Актер сделал лицо приказчика из бытовой комедии:

– Помилуйте, господин, напрасно обижать изволите. Чем мы не взяли: и ростом, и дородством, и обращением галантерейным. Нет, уж сделайте милость, дозвоьте иметь надежду.

– По чужой дороге ходишь, чужую травку топчешь, – гневно и отчетливо проговорил Балагуров, бешеным взором глядя на Полтавского, – смотри, как бы шею не сломать.

Фунтиков сделал глупое лицо из народной пьесы:

– Ась? – заговорил он. Это, то есть, к чему-же? но в домек маненечко...

Балагуров пробормотал еще что-то, очень неласковое, отошел от стола и вышел из столовой.

Актер саркастически улыбнулся и покачал головой.

VII

На другой день утром Полтавский явился к Ниночке отцу, Филиппу Ивановичу Животову. У него был торжественный и смущенный вид. Филипп Иванович принял его в своем кабинете. Через полчаса Полтавский вышел оттуда. Вид у него был тоже смущенный, но несколько не торжественный. Животов проводил его до передней и постоял с ним молча, пока актер надевал свое пальто.

– Так, значит, последнее слово? – спросил Полтавский срывающимся голосом.

– Последнее, почтительнейший, – отвечал Животов очень спокойно, но и очень уверенно.

Полтавский вышел. Он услышал, как запирали за ним дверь на замок. Тихонько спускался он с лестницы.

Вдруг из боковой дверцы выскочила Ниночка. У нее было встревоженное и озабоченное лицо.

– Ну, что, как? – быстро спросила она.

Фунтиков безнадежно махнул рукой.

– На отрез отказал и ходить не велел, – уныло объявил он.

Ниночкины глазки засверкали.

– Нет, этому не бывать, – сказала она, сжала досадливо маленькие кулачки и вдруг горько заплакала.

– Эх, Ниночка, – сказал Полтавский, – что горевать, нельзя честью, так мы убежим.

– Нет, нет, я упрошу папеньку, – говорила Ниночка, всхлипывая. Вдруг она быстро прильнула к Полтавскому, обвинила его шею белыми тонкими ручками, шепнула:

– Милый, я только тебя люблю.

Потом быстро поцеловала его прямо в губы и скрылась, бросив ему на прощанье маленькую оговорочку:

– Хоть ты и Фунтиков.

За дверцей, куда скрылась Ниночка, услышал он ее серебристый смех сквозь слезы и быстрый топоток убегающих маленьких ножек.

VIII

Ниночка вошла в кабинет отца с негодующим видом и с решительными намерениями.

– Зачем ты отказал ему? – запальчиво спросила она.

Отец поднял на нее строгие глаза и Ниночкина запальчивость мигом растаяла.

– Зачем? – тихонько повторила она, села у дверей на стул и заплакала.

Она достала из кармана платок и спрятала в него хорошенький, покрасневший носок.

– Затем что он прохвость, – спокойно отвечал отец, откидываясь на спинку кресла плотным станом, начинавшим жиреть. Его быстрые черные глаза пристально осматривали Ниночку.

– Беден, так уж и бранить его, – ворчливо сказала Ниночка.

– Беден? – не беспокойся, он в игре карты проживет: играет с пьяными и наверняка обыгрывает.

– Это – неправда, неправда, – закричала Ниночка, – на него наклеветали.

– Он тебе не парня, малообразованный, постоянно ломается, пьяница, мот, картежник, и еще есть за ним художества, о которых я тебе и говорить не стану.

– Я люблю его, – с отчаянием заговорила Ниночка, – и ни за кого не пойду, кроме него. Он хороший, хороший, я его люблю, люблю.

И Ниночка горько заплакала и застучала по полу маленькими своими ножками, как избалованный ребенок.

– Антонина! – строго сказал отец, и в его голосе зазвучала такая бешенная нотка, что Ниночка мигом угомонилась.

– Довольно, Антонина, – продолжал отец, – я тебе объяснил, почему ему отказано. Иди, мне некогда.

Ниночка побежала к отцу, стала на колени и, ласкаясь и плача, шептала:

– Папенька, я люблю его. Я не могу без него жить.

– Проживешь, голубушка, – сказал отец, принимая опять спокойный тон. Иди, иди, Ниночка, ты мне мешаешь.

IX

После обеда в большом саду Ниночкина отца, на скамейке под развесистым деревом сидели Ниночка и Балагуров. Ниночка имела недовольный и огорченный вид, Балагуров был самоуверен, как всегда.

– Я вас люблю, Ниночка, – повторил он.

– Да я вас не люблю, ведь я вам сказала.

– Этого не может быть, уверенно говорил он, – я люблю вас так сильно, так пылко, так горячо хочу вашей любви, что такая любовь не может остаться без ответа.

Ниночка встала и хотела уйти. Балагуров удержал ее.

– Извините, Ниночка, еще одно слово.

Ниночка вспыхнула ярким румянцем.

– Не смейте называть меня Ниночкой. И знайте, что я не вас люблю.

– Полноте, Ниночка, Полтавского вы не любите, это только детская прихоть.

– Люблю, люблю.

– Да и он вас не любит.

– Да? – насмешливо спросила Ниночка.

– Да, Ниночка, вы будете моею и полюбите меня.

– Никогда. и как вы смеете... Вы нахал...

– Благовоспитанные барышни не ругаются, Ниночка. Вы полюбите меня, потому что я силен и честен, и смею любить, и люблю вас больше моей жизни. Я не хочу жить без вас. Только мертвый уступлю я вас другому, и вы будете любить меня, клянусь честью.

Разгоревшееся и смелое лицо было в эту минуту так мужественно-красиво, что негодующая и раскрасневшаяся Ниночка смутилась, и какая-то смутная боязнь пробежала по ней. А глаза Балагурова глядели так властно и в то же время с такой мольбой, что Ниночка не могла отвести от них своих голубых глазок.

– Никогда, – повторила она неуверенным голосом.

– А вот и залог вашей любви, – страстно шепнул Балагуров, охватил могучими руками ее тонкую талию и поцеловал ее прямо в пунцовые губки.

Ниночка отчаянно вскрикнула и рванулась из его рук. Балагуров не удерживал ее.

– Целовал-ли он вас так? – спросил он ее, когда она быстро побежала от него к дому.

Ниночка приостановилась, положила руку на грудь, тяжело перевела дыхание и крикнула:

– Конечно, нет. Он не такой дерзкий.

Балагуров радостно засмеялся и пошел к Ниночке. Она вскрикнула и убежала.

В тот же день вечером Ниночкин отец объявил ей, что Балагуров просит ее руки.

– И я надеюсь, – прибавил Филипп Иванович, – что ты согласишься.

Ниночка и плакала и просила, отец стоял на своем.

Ниночка знала, что насильно ее замуж не выдадут, но знала и то, что отец настойчив. И вот написала Фунтикову о своем горе, а преданная горничная, Любаша, вызвалась доставить письмо по секрету.

Ниночкино письмо попало актеру между двух рюмок водки, пятнадцатой и шестнадцатой, – и он мигом составил план овладеть Ниночкиной рукой и ее приданым. Не даром говорится, что пьяному море по колено. Хотя Фунтиков от водки не пьянел, но все же делался отважен.

X

На другое утро Полтавский явился в дом Животова еще торжественнее и решительнее, чем в прежний раз.

– Доложи Филиппу Ивановичу, – сказал он Любаше, снимавшей с него пальто, и что-то сунул ей в руку.

Любаша зарделась от удовольствия и пошла докладывать. Фунтиков охорашивался перед зеркалом.

Любаша вернулась, смущенная.

– Просят извинить, не могут принять.

– Скажи, что я по делу, важному для самого Филиппа Ивановича, – спокойно приказал Фунтиков.

Любаша пошла и принесла тот же ответ. Повидимому Фунтиков этого ждал. Пока она ходила, он карандашом написал на своей карточке.

«Современно необходимо поговорить с вами наедине. Задержу недолго, и в последний раз. Дело щекотливое; я могу передать его через посторонних, но, уверяю вас, для вас самих лучше без огласки.»

Он отдал карточку Любаше, и она пошла третий раз. Через минуту

она вернулась и сказала:

– Просят пожаловать.

– Давно бы так, проворчал Фунтиков, и пошел за Любашей. Любаша отворила ему дверь кабинета.

Животов встретил его холодным поклоном, руки не подал и с сухой вежливостью пригласил сесть. Фунтиков раскинулся в кресле с видом победителя.

– Чем могу служить? – спросил Животов, пристально и строго глядя на актера.

Полтавский слегка поклонился:

– Имею честь, – сказал он с улыбкой, – просить у вас руки вашей дочери.

– Больше ничего имеете сказать? – леденым тоном спросил хозяин.

– А это глядя по ответу, – развязно сказал Полтавский, засовывая руки в карманы.

– Это дело между нами окончательно покончено.

– Так–с, – протянул актер. А только все–таки я вас убедительно прошу передумать, потому что я люблю...

– Все это я слышал, – перебил Животов, – если больше ничего не имеете, то и говорить не о чем.

– Иметь–то я имею, почтеннейший Филипп Иванович, только лучше...

– Говорите прямо, без предисловий, нетерпеливо прервал хозяин.

– Как угодно, – поклонился Полтавский и нахально усмехнулся, – прося руки вашей дочери, я исполняю долг честного человека, поймите, долг...

Но продолжать было не надо. актер почти испугался действия своих слов. Весь побагровевший, шатаясь, поднялся Животов со своего кресла и тяжело двинулся к Фунтикову, который тоже встал.

– Лжешь, негодяй, – прохрипел Животов и тяжело опустил руку на плечо актера.

Актер струсил, но старался скрыть это.

– Полегче, любезнейший, – сказал он, – честью любимой девушки не шутят.

– Где? – бешенно крикнул Животов.

– Да в вашем же саду.

Животов упал в кресло и схватился руками за голову.

– Ты, пьяница, шулер, альфонс! – бешенно вскрикивал он, – ты посмел подойти к моей дочери.

– Я не буду пигь, – угрюмо сказал Фунтиков, – я не буду играть, любовь меня возвысила.

– И ты думаешь, что я отдам тебе свою дочь! – закричал Животов, яростно вскакивая, – вон, негодяй!

– Что–ж, в городе узнают, – нахально сказал актер.

Животов схватил со стола тяжелый подсвечник. Полтавский мигом очутился у дверей.

– Стой, – крикнул Животов, догоняя его, – признайся, ведь ты согнал! Ты оклеветал ее, мою невинную голубку.

Актер внимательно посмотрел на несчастного отца.

«Ну нет, – подумал он, – сегодня же за мной пришлешь.»

– Я сказал правду, – начал он, – но тотчас же поспешил скрыться.

Филипп Иванович метался в кабинете, как бешенный зверь. На его неистовый звонок появился Любаша.

– Барышню ко мне, – приказал он.

Перепуганная Ниночка пришла сейчас: она слышала бешенные вскрики отца и уверения актера, что все обойдется, – не успокоили ее.

Бедная девочка не могла взять в толк, на что гневается ее папенька и какого признания от нее требует. Она плакала и лепетала что-то наивное, а отцу казалось, что она признается. Его бешенству, казалось, не было предела. Но он удерживался изо всех сил, чтобы не ударить Ниночку: ему казалось, что он может теперь убить дочь, если даст себе волю.

– Ну, дочка, – сказал он наконец, – осрамила ты мою седую голову. А за Фунтиковым все же тебе не бывать. Иди в свою комнату и жди, жди розог, ты их заслужила.

XI

На Ниночкино счастье приехала как раз в то время, когда Ниночка замирала от страха в своей комнате, ее тетка. Надежда Ивановна Яхонтова, приехала к брату погостить из Москвы, где жила с своим мужем.

Она выслушала бешенный и нестройный рассказ Животова, потом пошла к Ниночке.

Тетя и племянница просидели вместе часа два. Ниночка плакала, тетя очень осторожно выпрашивала ее.

Вдруг Ниночкины глазки засверкали.

– Ах, тетя, – воскликнула она дрожащими губками, – какой он подлец!

Тетя перекрестила ее, потом с веселым лицом пошла к брату.

– Конечно, это клевета, – сказала она, входя в его кабинет.

Через полчаса Ниночку опять позвали к отцу.

– Извини, голубка моя, – сказал ей отец, нежно обнимая ее, – я погорячился и оказывается, напрасно. А чтобы вознаградить тебя за напрасную обиду, я позволяю тебе, уж если ты непременно хочешь, выходи за...

– Нет, нет, папочка, ни за что, я не хочу теперь и слушать о нем, – перебила Ниночка, ласкаясь к отцу.

Животов улыбнулся и поцеловал ее.

– То-то, мой друг, я тебя не обманывал... Теперь сама видишь, что за человек.

XII

Балагуров добился–таки своего. Ниночка его полюбила и осенью была их свадьба.

Ниночка очень счастлива с мужем.

Когда она хочет капризничать, муж называет ее «madame Фунтикова». Ниночка смеется и делается опять нежной и ласковой. Да и как же иначе! Ведь муж так горячо, так страстно любит ее.

СВЕТ И ТЕНИ

I

Худошавый и бледный мальчик лет двенадцати Володя Ловлев толь-ко что вернулся из гимназии и ждал обеда. Он стоял в гостиной у рояля и рассматривал последний номер «Нивы», который принесли с почты сегодня утром.

Из газеты, которая лежала тут же, прикрывая один лист «Нивы», выпала маленькая книжечка, напечатанная на тонкой серой бумаге, – объявление иллюстрированного журнала. В этой книжечке издатель перечислял будущих сотрудников, – полсотни известных литературных имен, – многословно хвалил журнал весь в целом и по отделам, весьма разнообразным, и давал образчики иллюстраций.

Володя начал рассеянно перелистывать серенькую книжку, рассматривая крохотные картинки. Его большие глаза на бледном лице с широко развитым лбом глядели устало.

Одна страничка вдруг заинтересовала мальчика и заставила его широкие глаза раскрыться еще шире. Рядом с похвалами одному из отделов журнала, сверху вниз вдоль странички было напечатано шесть рисунков, изображавших сложенные разными способами руки, тени которых, отброшенные на белую стену, образовали темные силуэты: головку барышни в какой-то смешной рогатой шляпке, голову осла, быка, сидячую фигуру белки и еще что-то в этом же роде.

Володя, улыбаясь, углубился в рассматривание рисунков. Ему знакома была эта забава: он сам мог сложить пальцы одной руки так, чтобы на стене появилась заячья головка. Но здесь было кое-что, чего Володя еще не видывал; и – самое главное – здесь все были фигуры довольно сложные, для двух рук.

Володе захотелось воспроизвести эти тени. Но теперь, при рассеянном свете догоравшего осеннего дня, конечно, ничего хорошего не выйдет.

Надо взять книжку к себе, сообразил он: – ведь она же не нужна.

В это время услышал он в соседней комнате приближающиеся шаги и голос матери. Покраснев отчего-то, он быстро сунул книжку в карман и отошел от рояля, навстречу своей маме, которая подходила к нему, ласково улыбаясь, такая похожая на него, с такими же широкими глазами на бледном прекрасном лице.

Мама спросила, по обыкновению:

– Что у вас сегодня новенького?

– Да ничего нового, – хмуро сказал Володя.

Но ему сейчас же показалось, что он говорит с мамой грубо, и стало от этого стыдно. Он ласково улыбнулся и стал припоминать, что было в гимназии, – но при этом еще яснее почувствовал досаду.

– У нас Пружинин опять отличился, – начал он рассказывать об учителе, нелюбимом гимназистами за грубость. – Ему наш Леонтьев отвечал урок и напутал, а он и говорит ему: «Ну, довольно, говорит, садитесь, – вались дерево на дерево!»

– А вы все сейчас и заметите, – сказала мама, улыбаясь.

– Вообще, он ужасно грубый.

Володя помолчал немного, вздохнул и заговорил жалующимся голосом:

– И всё-то они торопятся.

– Кто? – спросила мама.

– Да учителя. Каждый хочет поскорее курс пройти, да повторить хорошенько к экзаменам. Если о чем спросишь, так уж наверное подумают, что это гимназист зубы заговаривает, чтобы до звонка протянуть, чтоб не спросили.

– А вы после уроков разговаривайте.

– Ну да, – после уроков тоже торопятся – домой или в женскую гимназию на уроки. И всё так скоро, – сейчас геометрия, а сейчас и греческий.

– Не зевай!

– Да, не зевай! Как белка в колесе... Право, это меня раздражает.

Мама легонько усмехнулась.

II

После обеда Володя отправился в свою комнату готовить уроки. Комната его – совсем в сторонке, как кабинет заправского хозяина. Мама заботится, чтобы Володе было удобно, – и здесь есть все, чему надлежит быть в такой комнате. Володе здесь никто не мешает, – даже мама не проходит к нему в это время. Она придет попозже, помочь Володе, если это будет нужно.

Володя был мальчик прилежный и, как говорится, способный. Но сегодня ему было трудно заниматься. За какой бы урок он ни взялся, вспоминалось что-нибудь неприятное, – вспоминался учитель того предмета, его язвительная или грубая фраза, брошенная мимоходом и запавшая в глубину души впечатлительного мальчика.

Случилось почему-то, что многие из последних уроков сошли неудачно: учителя являлись недовольные, и дело у них не клеилось. Дурное настроение их сообщалось Володе, и теперь веяло на него со страниц книг и тетрадей хмурое и смутное беспокойство.

От одного урока он торопливо переходил к другому, третьему, – и это мелькание маленьких дел, которые надо поскорее исполнить, чтобы не оказаться завтра «деревом на дереве» своей скамьи, бестолковое и ненужное мелькание раздражало его. Он начал даже зевать от скуки и досады, и нетерпеливо болтать ногами, тревожно двигаясь на стуле.

Но он твердо знал, что все эти уроки надо непременно выучить, что это очень важно, что от этого зависит вся его судьба, – и он добросовестно делал скучное для него дело.

Володя сделал на тетрадке маленькое пятнышко, и отложил перо. Вглядевшись внимательно, он решил, что можно стереть перочинным ножом. Он был рад развлечению.

На столе ножа не было. Володя сунул руку в карман и порылся там. Среди всякого сора и хлама, по мальчишеской привычке напиханного в карманы, нащупал он ножик и потянул его, а с ним заодно и какую-то книжку.

Он еще не знал, что это за бумага в его руке, но, уже вытаскивая ее, вдруг вспомнил, что эта книжка с тенями, – и внезапно обрадовался и оживился.

Так и есть, это – она, та самая книжка, о которой он уже и забыл, занявшись уроками.

Он проворно вскочил со стула, подвинул лампу поближе к стене, опасливо покосился на притворенную дверь – не вошел бы кто-нибудь, – и, развернув книжку на знакомой странице, принялся внимательно

разглядывать первый рисунок и складывать по этому рисунку пальцы. Тень выходила сначала нескладная, не такая, как надо, – Володя передвигал лампу и так и этак, сгибал и вытягивал пальцы – и наконец получил на белых обоях своей комнаты женскую головку в рогатом уборе.

Володе стало весело. Он наклонял руки и слегка шевелил пальцами, – головка кланялась, улыбалась, делала смешные гримасы.

Володя перешел ко второй фигуре, потом к следующим. Все они сначала не давались, но Володя кой-как справился с ними.

В таких занятиях провел он с полчаса, и забыл об уроках, о гимназии, о всем в мире...

Вдруг за дверью послышались знакомые шаги. Володя вспыхнул, сунул книжку в карман, быстро подвинул лампу на место, причем едва не опрокинул ее, – и уселся, сгибаясь над тетрадкой. Вошла мама.

– Пойдем чай пить, Володенька, – сказала она.

Володя притворился, что смотрит на пятно и собирается открыть ножик. Мама нежно положила руки на его голову, – Володя бросил ножик и прижался к маме раскрасневшимся лицом. Очевидно, мама ничего не заметила, и Володя был рад этому. Но ему всё-таки было стыдно, словно его поймали в глупой шалости.

III

На круглом столе посреди столовой самовар тихо напевал свою воркующую песенку. Висячая лампа разливала по белой скатерти и темным обоям дремотное настроение.

Мама задумалась о чем-то, наклоняя над столом прекрасное бледное лицо. Володя положил руки на стол и помешивал ложкой в стакане. Сладкие струйки пробегали в чае, тонкие пузырьки подымались на его поверхность. Серебряная ложка тихонько брэнчала...

Кипяток, плеща, падал из крана в мамину чашку...

От ложечки на блюде и на скатерть бежала легкая, растворившаяся в чае тень. Володя всматривался в нее: среди теней, бросаемых сладкими струйками и легкими пузырьками воздуха, она напоминала что-то... что именно, Володя не мог решить. Он наклонял и вертел ложечку, перебирал по ней пальцами, – ничего не выходило.

«А всё-таки, – упрямо подумал он, – не из одних же пальцев можно складывать тени. Из всего можно, только надо приноровиться».

И Володя стал всматриваться в тени самовара, стульев, маминой головы, в тени, отбрасываемые на столе посудой, – и во всех этих тенях старался уловить сходство с чем-нибудь. Мама говорила что-то, – Володя слушал невнимательно.

– Как теперь Леша Ситников учится? – спросила мама.

Володя в это время рассматривал тень молочника. Он встрепенулся и торопливо ответил:

– На кота.

– Володя, ты совсем спишь, – с удивлением сказала мама. – Какой кот?

Володя покраснел.

– Не знаю, с чего мне пришло, – сказал он – Извини, мамочка, я не расслышал.

IV

На другой вечер перед чаем Володя опять вспомнил о тенях и опять занялся ими. Одна тень у него все плохо выходила, как он ни вытягивал и ни сгибал пальцы.

Володя так увлекся, что не заметил, как подошла мама. Заслышав скрип отворяющейся двери, он сунул книжку в карман и смущенно отвернулся от стены. Но мама уже смотрела на его руки, и боязливая тревога мелькнула в ее широких глазах.

– Что ты делаешь, Володя? Что ты спрятал?

– Нет, ничего, так, – бормотал Володя, краснея и неловко переминаясь.

Маме представилось почему-то, что Володя хотел курить и спрятал папиросу.

– Володя, покажи сейчас, что ты спрятал, – говорила она испуганным голосом.

– Право же, мама...

Мама взяла Володю за локоть.

– Что ж, мне самой к тебе в карман лезть?

Володя еще сильнее покраснел и вытащил из кармана книжку.

– Вот, – сказал он, протягивая ее маме.

– Что ж это?

– Ну вот, – объяснял Володя, – тут рисуночки есть, – вот видишь тени. Ну, я и показывал их на стене, да у меня плохо выходило.

– Ну, чего ж тут прятать! – сказала мама, успокоившись. – Какие ж это тени, покажи мне.

Володя застыдился, но послушно стал показывать маме тени.

– Вот это – голова лысого господина. А это – заячья голова.

– Ах ты, – сказала мама, – вот ты как уроки готовишь!

– Я, мама, немножко.

– То-то, немножко! Чего ж ты краснеешь, милый мой? Ну полно, ведь я знаю, ты все сделаешь, что надо.

Мама взъерошила Володиные коротенькие волосы. Володя засмеялся и спрятал пылающее лицо под мамиными локтями...

Мама ушла, – а Володя все еще чувствовал неловкость и стыд. Мама застала его за таким занятием, над которым он сам посмеялся бы, если бы застал за ним товарища.

Володя знал, что он – мальчик умный, и считал себя серьезным, а ведь это все-таки – забава, годная разве только для девочек, когда они соберутся.

Он сунул книжку с тенями подальше в ящик своего стола, и не вынимал ее оттуда больше недели, да и о тенях всю эту неделю мало вспоминал. Разве только иногда вечером, переходя от предмета к другому, улыбнется он, вспомнив рогастую головку барышни, – иногда даже сунется в ящик за книжкой, да вспомнит сейчас же, как мама застала его, застыдится – и скорее за дело.

V

Володя и его мама, Евгения Степановна, жили на окраине губернского города, в собственном маминном доме. Евгения Степановна вдовела уже девять лет. Теперь ей было тридцать пять лет, она была еще молода и прекрасна, и Володя любил ее нежно. Она вся жила для сына, училась для него древним языкам и болела всеми его школьными тревогами. Тихая и ласковая, она несколько боязливо смо-

трела на мир своими широкими глазами, кротко мерцавшими на ее бледном и прекрасном лице.

Они жили с одной только прислугой. Прасковья, угрюмая вдова, мещанка, была баба сильная, крепкая; ей было лет сорок пять, но по строгой молчаливости своей она была похожа на столетнюю старуху.

Когда Володя смотрел на ее мрачное, словно каменное лицо, ему часто хотелось узнать, что думает она длинными зимними вечерами на своей кухне, когда холодные спицы, позванивая, мерно шевелятся в ее костлявых руках, и сухие губы ведут беззвучный счет... Вспоминает ли она пьяницу мужа? Или рано умерших детей? Или мерещится ей одинокая и бесприютная старость?

Безнадежно уныло и строго ее окаменелое лицо...

VI

Долгий осенний вечер. За стеной и дождь и ветер.

Как надоедливо, как равнодушно горит лампа!

Володя оперся на локоть, весь наклоняясь над столом на левый бок, и смотрел на белую стену комнаты, на белую штору окна.

Не видны бледные цветы на обоях... Скучный белый цвет...

Белый абажур задерживает отчасти лучи лампы. Вся верхняя половина комнаты в полусвете.

Володя протянул вверх правую руку. По затененной абажуром стене потянулась длинная тень, слабо очерченная, смутная...

Тень ангела, улетающего в небеса от порочного и скорбного мира, прозрачная тень с широкими крыльями, с головой, грустно склоненной на высокую грудь...

Не уносится ли из мира нежными руками ангела что-то значительное и пренебреженное?..

Володя тяжело перевел дыхание. Рука его лениво опустилась. Он склонил скучающие глаза на свои книги.

Долгий осенний вечер... Скучный белый цвет... За стеной плачет и лепечет...

VII

Мама второй раз застала Володю за тенью.

На этот раз бычачья голова очень удалась ему, и он любовался ей и заставлял быка вытягивать шею и мычать.

Но мама была недовольна.

– Вот как ты занимаешься! – укоризненно сказала она.

– Я ведь немножко, мама, – застенчиво прошептал Володя.

– Можно бы этим и в свободное время заняться, – продолжала мама. – Ведь ты не маленький, – как тебе не стыдно тратить время на такие пустяки!

– Мамочка, я больше не буду.

– Только глаза портить.

– Право, не буду.

Но Володе трудно было исполнить обещание. Ему очень понравилось делать тени, и желание заняться этим частенько стало приходить ему среди какого-нибудь неинтересного урока.

Эта шалость иной вечер огымала у него много времени и мешала хорошенько приготовить уроки. Приходилось наверстывать потом и недосыпать. А как бросить забаву?

Володе удалось изобрести несколько новых фигур, и не только при помощи пальцев. И эти фигуры жили на стене и, казалось иногда

Володе, вели с ним занятные беседы.

Впрочем, он и раньше был большой мечтатель.

VIII

Ночь. В Володиной комнате темно. Володя улегся в свою постель, но ему не спится. Он лежит на спине и смотрит на потолок.

По улице идет кто-то с фонарем. Вот по потолку пробегает его тень среди красных световых пятен от фонаря. Видно, что фонарь качается в руках прохожего, – тень колыхается неровно и трепетно.

Володе становится почему-то жутко и страшно. Он быстро натягивает одеяло на голову и, весь содрогаясь от торопливости, ложится поскорее на правый бок, и принимается мечтать.

Ему становится тепло и нежно. В голове его складываются милые, наивные мечты, те мечты, которые посещают его перед сном.

Часто, когда он ляжет спать, ему делается вдруг страшно, он словно становится меньше и слабее, – и прячется в подушки, забывает мальчишеские ухватки, делается нежным и ласковым, и ему хочется обнять и зацеловать маму.

IX

Сгущались серые сумерки. Тени сливались. Володе было грустно.

Но вот и лампа... Свет пролился на зеленое сукно стола, по стене прошмыгнули неопределенные, милые тени.

Володя почувствовал прилив радости и одушевления и заторопился вынуть серенькую книжку.

Бык мычит... барышня звонко хохочет... какие злые и круглые глаза делает этот лисый господин!

Теперь свое.

Степь. Странник с котомкой. Кажется, слышна печальная и тягучая дорожная песня...

Володе радостно и грустно.

X

– Володя, я уж третий раз вижу у тебя эту книжку. Что ж, ты целыми вечерами на свои пальцы любишься?

Володя неловко стоял у стола, как пойманный шалун, и вертел книжку в горячих и влажных пальцах.

– Давай мне ее сюда! – сказала мама.

Володя сконфуженно протянул ей книжку. Мама взяла ее и молча ушла, а Володя уселся за тетрадки.

Ему было стыдно, что он своим упрямством огорчил маму, и досадно, что она отняла от него книжку, и еще стыдно, что он довел себя до этого. Он чувствовал себя очень неловко, и досада на маму терзала его: ему совестно было сердиться на маму, но он не мог не сердиться. И оттого, что сердиться было совестно, он еще более сердился и озлоблялся.

«Ну, пусть отняла, – подумал он, наконец, – а я и так обойдусь».

И в самом деле, Володя уже знал фигуры на память и пользовался книжкой только так, для верности.

XI

Мама принесла к себе книжку с рисунками теней, расрыла их, – и задумалась.

«Что же в них заманчивого? – думала она. – Ведь он – умный, хороший мальчик, и вдруг увлекается такими пустяками!»

«Нет, уж это, значит, не пустяки!..»

«Что же, что тут?» – настойчиво спрашивала она себя.

Странная боязнь зарождалась в ней, – какое-то неприязненное и робкое чувство к этим черным рисункам.

Она встала и зажгла свечу. С серенькой книжкой в руках подошла она к стене и приостановилась в боязливой тоске.

«Да, надо же наконец узнать, в чем здесь дело», – решила она, – и принялась делать тени, от первой до последней.

Она настойчиво и внимательно складывала пальцы и сгибала руки, пока не получала той фигуры, какая была ей нужна. Смутное, боязливое чувство шевелилось в ней. Она старалась его преодолеть. Но боязнь росла и чаровала ее. Руки ее дрожали, а мысль, запуганная сумерками жизни, бежала навстречу грозящим печалям...

Вдруг услышала она шаги сына. Она вздрогнула, спрятала книжку и погасила свечу.

Володя вошел и остановился у порога, смущенный тем, что мама строго смотрит на него и стоит у стены в неловком и странном положении.

– Что тебе? – спросила мама суровым и неровным голосом.

Смутная догадка пробежала в голове Володи, но он поторопился ее отогнать, и заговорил с мамой.

XII

Володя ушел.

Мама прошлась несколько раз по комнате. Она заметила, что за ней на полу движется ее тень, и – странное дело! – первый раз в жизни ей сделалось неловко от этой тени. Мысль о том, что есть тень, беспрестанно приходила ей в голову, – но Евгения Степановна почему-то боялась этой мысли, и даже старалась не глядеть на тень.

А тень ползла за ней и дразнила ее. Евгения Степановна пыталась думать о другом – напрасно.

Она внезапно остановилась, бледная и взволнованная.

– Ну, тень, тень! – воскликнула она вслух, со странным раздражением топая ногами, – ну что же из того? что же?

И вдруг сразу сообразила, что глупо так кричать и топать ногами, и притихла.

Она подошла к зеркалу. Ее прекрасное лицо было бледнее обыкновенного, и губы ее дрожали испуганной злобой.

«Нервы, – подумала она, – надо взять себя в руки, а не то как расклеишься».

XIII

Ложились сумерки. Володя размечтался.

– Пойдем, погуляем, Володя, – сказала мама.

Но и на улице были повсюду тени, вечерние, таинственные, неуловимые, – и они шептали Володе что-то родное и бесконечно печальное.

В туманном небе проглянули две-три звезды, такие далекие и

чужие и Володе, и обступившим его теням. Но Володя, чтоб сделать приятное маме, стал думать об этих звездах: только они одни были чужды теням.

– Мама, – сказал он, не замечая, что перебил маму, которая говорила ему о чем-то, – как жаль, что нельзя добраться вот до этих звезд.

Мама взглянула на небо и ответила:

– Да и не надо. Только на земле нам и хорошо, там – другое.

– А как они слабо светят! Впрочем, тем и лучше.

– Почему?

– Ведь если бы они посильнее светили, так и от них побежали бы тени.

– Ах, Володя, зачем ты все только о тенях и думаешь?

– Я, мама, нечаянно, – сказал Володя раскaiвающимся голосом.

XIV

Володя все еще старался готовить уроки получше, – он боялся огорчить маму ленью. Но всю силу своей фантазии он употреблял на то, чтобы вечером уставить на своем столе груды предметов, отбрасывающую новую, причудливую тень. Он раскладывал так и этак все, что было у него под руками, и радовался, когда на белой стене появлялись очертания, которые можно было осмыслить. Эти теневые очертания становились близки ему и дороги. Они не были немые, они говорили – и Володя понимал их лепечущий язык.

Он понимал, на что ропщет этот унылый пешеход, бредущий по большой дороге в осеннюю слякоть, с клюкой в дрожащих руках, с котомкой на понурой спине.

Он понимал, на что жалуется морозным треском сучьев занесенный снегом лес, тоскующий в зимнем затишье, и про что каркает медленный ворон на поседлом дубе, и о чем грустит суетливая белка над опустелым дуплом.

Он понимал, о чем, на тоскливом осеннем ветре, плачут нищие старухи, дряхлые, бесприютные, которые в ветхих лохмотьях дрожат на тесном кладбище, среди шатких крестов и безнадежно черных могил.

Самозабвение и томительная грусть!

XV

Мама замечала, что Володя продолжает шалить.

За обедом она сказала:

– Хоть бы ты, Володя, другим чем заинтересовался.

– Да чем?

– Почитал бы.

– Да, начнешь читать, а самого так и тянет делать тени.

– Забаву бы придумал другую, – хоть мыльные пузыри.

Володя грустно улыбнулся.

– Да, пузыри полетят, а за ними и тени по стене.

– Володя, ведь ты этак вконец расстроишь себе нервы. Ведь я вижу, – ты даже похудел из-за этого.

– Мама, ты преувеличиваешь!

– Пожалуйста! Ведь я знаю, – ты по ночам стал плохо спать, и бредишь иногда. Ну, представь, если ты захвораешь!

– Вот еще!

– Не дай Бог, сойдешь с ума или умрешь, – какое мне горе

будет!

Володя засмеялся и кинулся на шею к маме.

– Мамочка, я не умру. Я больше не буду.

Мама заметила, что Володя уже плачет.

– Ну, полно, – сказала она, – Бог милостив. Вот видишь, какой ты стал нервный, – и смеешься, и плачешь.

XVI

Мама пристально и боязливо всматривалась в Володю. Всякие мелочи теперь волновали ее.

Она заметила, что голова Володи слегка не симметрична: одно ухо было выше другого, подбородок немного отклонен в сторону. Мама смотрела в зеркало и замечала, что Володя и в этом похож на нее.

«Может быть, – думала она, – это – один из признаков дурной наследственности, вырождения? И в ком тогда корень зла? Я ли – такая неуравновешенная натура? Или отец?»

Евгения Степановна вспомнила покойного мужа. Это был добрейший и милейший человек, слабовольный, с бессмысленными порываниями куда-то, то восторженно, то мистически-настроенный, грезивший о лучшем общественном устройстве, ходивший в народ – и пивший запоем в последние годы жизни. Он был молод, когда умер, – ему было тогда всего тридцать пять лет...

Мама даже свела Володю к врачу и описала его болезнь. Врач, жизнерадостный молодой человек, выслушал ее, посмеиваясь, дал кой-какие советы относительно диеты и образа жизни, сопровождая их шутливыми прибаутками, весело настроил «рецептик микстурки», и игриво прибавил, похлопывая Володю по спине:

– А самое лучшее лекарство – посечь бы.

Мама жестоко обиделась за Володю, но все остальные предписания выполнила в точности.

XVII

Володя сидел в классе. Ему было скучно. Он слушал невнимательно...

Он поднял глаза. На потолке к передней стене класса двигалась тень. Володя заметил, что она падает из первого окна. Сначала она легла от окна к середине класса, а потом быстро прошмыгнула от Володи вперед, – очевидно, на улице под окном шел кто-то. Когда еще эта тень двигалась, от второго окна упала другая тень, тоже сначала к задней стене, потом начала быстро поворачиваться к передней. То же повторилось в третьем и четвертом окне – тени падали в класс, на потолок, – и по мере того, как прохожий подвигался вперед, они тянулись назад.

«Да, – подумал Володя, – это не так, как в открытом месте, где тень тянется за человеком; здесь, когда человек идет вперед, тень скользит назад, и другие тени уже опять встречают его впереди».

Володя перевел глаза на сухую фигуру учителя. Холодное, желтое лицо учителя раздражает Володю. Володя ищет его тень, и находит ее на стене, за учительским стулом. Тень уродливо перегибается и колышется, – но у нее нет желтого лица и язвительной усмешки, и Володе приятно смотреть на нее. Мысли его убегают куда-то дале-

ко, – и он уже совсем ничего не слышит.

– Ловлев! – называет его учитель.

Володя по привычке подымается, и стоит, тупо глядя на учителя. У него такой нездешний вид, что товарищи смеются, а учитель делает укоризненное лицо.

Потом Володя слышит, что учитель издевается над ним вежливо и зло. Володя дрожит от обиды и от бессилия. Потом учитель объявляет ему, что ставит ему единицу за незнание и невнимательность, и приглашает его садиться.

Володя глупо улыбается и принимается соображать, что с ним случилось.

XVIII

Единица, первая в Володиной жизни!

Как это было странно для Володи!

– Ловлев! – дразнят его товарищи, смеясь и толкаясь: – Схватил кол! С праздником!

Володе неловко. Он еще не знает, как следует вести себя в таких случаях.

– Ну, схватил, – досадливо говорит он, – тебе-то что за дело!

– Ловлев! – кричит ему ленивый Снегирев: – Нашего полку прибыло!

Первая единица! И ее надо было показать маме.

Это было стыдно и унижительно. Володя чувствовал на своей спине в ранце странную тяжесть и неловкость, – этот «кол» пренеудобно торчал в его сознании и никак не вязался ни с чем в его уме.

Единица!

Он не мог привыкнуть к мысли об единице, и не мог думать ни о чем другом. Когда городской близ гимназии посмотрел на него, по обычаю своему, строго, Володя почему-то подумал:

«А вот, если бы ты знал, что у меня единица!»

Это было совсем неловко и непривычно, – Володя не знал, как ему держать голову и куда девать руки, – во всем теле была неловкость.

И еще надо было принимать перед товарищами беззаботный вид и говорить о другом!

Товарищи! Володя был уверен, что все они ужасно рады его единице.

XIX

Мама посмотрела на единицу, перевела непонимающие глаза на Володю, опять взглянула на отметку, и тихо воскликнула:

– Володя!

Володя стоял перед ней и уничтожался. Он смотрел на складки мамина платья, на мамины бледные руки, и чувствовал на своих трепетных веках ее испуганные взгляды.

– Что это? – спросила мама.

– Ну что ж, мама, – вдруг заговорил Володя, – ведь это ж первая!..

– Первая!

– Ну, ведь это со всяким может быть. И право, это нечаянно.

– Ах, Володя, Володя!

Володя заплакал, по-ребячьи размазывая слезы ладонью по щекам.

– Мамочка, не сердись, – зашептал он.

– Вот твои тени, – сказала мама.

В ее голосе Володе послышались слезы. Сердце его сжалось. Он взглянул на маму. Она плакала. Он бросился к ней.

– Мама, мама, – повторял он, целуя ее руки: – я брошу, право, брошу всякие тени...

XX

Володя сделал громадное усилие воли – и не занимался тенями, как его ни тянуло к ним. Он старался наверстать пропущенное из уроков.

Но тени настойчиво мерещились ему. Пусть он не вызывал их, складывая пальцы, пусть он не громоздил предмет на предмет, чтоб они отбросили тень на стене, – тени сами обступали его, назойливые, неотвязные.

Володе уже незанимательны стали предметы, он их почти и не видел, – все его внимание уходило на их тени.

Когда он шел домой, и солнце, бывало, проглянет из осенних туч хоть в дымчатой ризке, – он радовался, что повсюду побежали тени.

Тени от лампы стояли около него, когда он вечером был дома.

Тени везде вокруг, – резкие тени от огней, смутные от рассеянного дневного света, – все они теснились к Володе, скрещивались, обволакивали его неразрывной сетью.

Некоторые из них были непонятны, загадочны, другие напоминали что-то, на что-то намекали, – но были и милые тени, близкие, знакомые, – вот их-то и сам Володя, хотя и мимовольно, искал и ловил повсюду в беспорядочном мелькании чуждых теней.

Но грустны были эти милые и знакомые тени...

Когда же замечал Володя, что сам он ищет этих теней, он терзался совестью и шел каяться к маме.

Случилось однажды, что Володя не одолел соблазна, пристроился к стенке и начал показывать себе бычка. Мама застала его.

– Опять! – сердито воскликнула она. – Нет, я наконец попрошу директора, чтоб тебя сажали в карцер.

Володя досадливо покраснел и угрюмо ответил:

– И там есть стена... везде стена.

– Володя! – горестно воскликнула мама, – что ты говоришь!

Но Володя уже кается в своей грубости и плачет.

– Мама, я сам не знаю, что со мной делается.

XXI

А мама все не может одолеть своего суеверного страха теней. Ей все чаще думается, что и она, как Володя, погрузится в созерцание теней, но она старается утешить себя.

– Какие глупые мысли! – говорит она себе. – Все обойдется, даст Бог, благополучно: нашалится и перестанет.

А сердце замирает от тайного ужаса, и настойчиво забегает ее мысль, пугливая перед жизнью, навстречу будущим печалям.

В тоскливые минуты утра она поверяет свою душу, вспоминает свою жизнь, – и видит ее пустоту, ненужность, бесцельность... Одно только бессмысленное мелькание теней, сливающихся в густеющих сумерках.

«Зачем я жила? – спрашивает она себя: – для сына? Но для чего? Чтобы и он стал добычей тени, маниаком с узким горизонтом, – прикованный к иллюзиям, к бессмысленным отражениям на безжизненной стене?»

«И он тоже войдет в жизнь, и даст жизнь ряду существований, призрачных и ненужных, как сон».

Она садится в кресло у окна и думает, думает.

Мысли горькие, тягучие.

Она заламывает в тоске прекрасные белые руки. Мысли ее разбегаются. Она смотрит на свои заломленные руки и начинает соображать, какие из этого могли бы выйти фигуры на тени. Она ловит себя на этом и в испуге вскакивает.

– Боже мой! – восклицает она. – Да ведь это: – безумие!

XXII

За обедом мама смотрит на Володю.

«Он побледнел и похудел с тех пор, как ему попала эта несчастная книжка. И весь он переменялся, – характером, и всем».

«Говорят, характер перед смертью меняется... Что, если он умрет?»

«Ах, нет, нет, не дай, Господи!»

Ложка задрожала в ее руке. Она подняла к образу боязливые глаза.

– Володя, да отчего ж ты не доел супа? – испуганно спрашивает она.

– Не хочется, мама.

– Володя, не капризничай, голубчик, – ведь это же вредно – не есть супу.

Володя лениво улыбается и медленно кончает суп. Мама налила ему слишком полную тарелку. Он откидывается на спинку стула и хочет сказать с досады, что суп был невкусен. Но у мамы такое обеспокоенное лицо, что Володя не смеет говорить об этом, и бледно улыбается.

– Теперь я сыт, – говорит он.

– Ах, нет, Володя, сегодня все твое любимое.

Володя печально вздыхает: он уже знает, что если мама говорит о его любимых блюдах, то это значит: будет его пичкать. Он догадывается, что и за чаем мама заставит его, как и вчера, есть мясо.

XXIII

Вечером мама говорит Володе:

– Володя, милый мой, ты опять увлечешься, – уж лучше ты не затворяй дверей...

Володя принимается за уроки. Но ему досадно, что за его спиной открыта дверь и что мама иногда проходит мимо этой двери.

– Я так не могу, – кричит он, шумно отодвигая стул, – я не могу ничем заняться, когда дверь настежь.

– Володя, зачем же ты кричишь? – ласково укоряет мама.

Володя уже раскаивается и плачет. Мама ласкает его и уговаривает:

– Ведь я, Володенька, о тебе забочусь, – чтобы помочь тебе справиться с твоим увлечением.

– Мама, посиди здесь, – просит Володя.

Мама берет книгу и садится у Володиного стола. Несколько минут Володя работает спокойно. Но фигура мамы начинает понемногу раздражать его.

«Точно над больным!» – злобно думает он.

Его мысли перебиваются, он досадливо двигается и кусает губы. Мама наконец замечает это и уходит из комнаты.

Но Володя не чувствует облегчения. Он терзается раскаянием, что показал свое нетерпение. Он пробует заниматься, – и не может. Наконец он идет за мамой.

– Мама, зачем же ты ушла? – робко спрашивает он.

XXIV

Ночь под праздник. Перед образами теплятся лампы.

Поздно и тихо. Мама не спит. В таинственном сумраке спальни она стоит на коленях, молится и плачет, всхлипывая по-детски.

Ее косы бегут на белое платье; плечи ее вздрагивают. Умоляющим движением подымает она руки к груди и заплаканными глазами смотрит на икону. Лампада на цепях еле заметно зыблется от ее горячего дыхания. Тени колышутся, толпятся в углах, шевелятся за киотом, и лепечут что-то тайное. Безнадежная тоска в их лепете, неизъяснимая грусть в их медленно зыбких колыханиях.

Мать встает, бледная, с широкими и странными глазами, и колеблется на ослабевших ногах.

Тихо идет она к Володе. Тени обступают ее, мягко шуршат за ее спиной, ползут у ее ног, падают, легкие, как паутина, к ней на плечи и, заглядывая в ее широкие глаза, лепечут непонятное.

Она осторожно подходит к кровати сына. В лучах лампы лицо его бледно. На нем лежат резкие, странные тени. Неслышно дыхания, – он спит так тихо, что маме страшно.

Она стоит, окруженная смутными тенями, обвешанная смутными страхами.

XXV

Высокие церковные своды темны и таинственны. Вечерние песни поднимаются к этим сводам и звучат там торжественной грустью. Таинственно и строго смотрят темные образа, озаренные желтыми огоньками восковых свечей. Теплое дыхание воска и ладана наполняет воздух величавой печалью.

Евгения Степановна поставила свечу перед иконой Богородицы и стала на колени. Но молитва ее рассеянна. Она смотрит на свою свечу. Огонь ее зыблется. Тени от свечей падают на черное платье Евгении Степановны и на пол, и отрицательно колышутся.

Тени реют по стенам церкви и утопают вверху, в этих темных сводах, где звучат торжественные и печальные песни.

XXVI

Другая ночь.

Володя проснулся. Темнота обступила его и беззвучно шевелится...

Володя высвободил руки, поднял, их и шевелит ими, устремляя на

них глаза. В темноте он не видит своих рук, но ему кажется, что темные массы шевелятся перед его глазами...

Черные, таинственные, несущие в себе скорбь и лепет одинокой тоски...

А маме тоже не спится, – тоска томит ее.

Мама зажигает свечу и тихонько идет в комнату сына, взглянуть, как он спит.

Неслышно приотворила она дверь и робко глянула на Володину кровать...

Луч желтого света дрогнул на стене, пересекая Володино красное одеяло. Мальчик тянется руками к свету и с бьющимся сердцем следит за тенями. У него даже нет вопроса: откуда свет?

Он весь поглощен тенями. Глаза его, прикованные к стене, полны стремительного безумия.

Полоса света ширится, тени бегут, угрюмые, сгорбленные, как бесприютные путницы, торопящиеся донести куда-то ветхий скarb, который бременит их плечи.

Мама подошла к кровати, дрожа от ужаса, и тихо окликнула сына:

– Володя!

Володя очнулся. С полминуты глядел он на маму широкими глазами, потом весь затрепетал, соскочил с постели и упал к маминым ногам, обнимая ее колени и рыдая.

– Какие сны тебе снятся, Володя! – горестно воскликнула мама.

XXVII

– Володя, – сказала мама за утренним чаем, – так нельзя, голубчик; ты совсем изведешься, если и по ночам будешь ловить тени.

Бледный мальчик грустно опустил голову. Губы его нервно вздрагивали.

– Знаешь, что мы сделаем? – продолжала мама. – Мы лучше каждый вечер вместе понемножку поиграем тенями, а потом и за уроки присядем. Хорошо?

Володя слегка оживился.

– Мамочка, ты – милая! – застенчиво сказал он.

XXVIII

На улице Володя чувствовал себя сонно и пугливо. Расстился туман, было холодно, грустно. Очерки домов в тумане были странны. Угрюмые фигуры людей двигались под туманной дымкой, как зловещие неприветливые тени. Все было громадно необычайно. Лошадь извозчика, который дремал на перекрестке, казалась из тумана огромным, невиданным зверем.

Городовой посмотрел на Володю враждебно. Ворона на низкой крыше пророчила Володе печаль. Но печаль была уже в его сердце, – ему грустно было видеть, как все враждебно ему.

Собачонка с облезлой шерстью затявкала на него из подворотни, – и Володя почувствовал странную обиду.

И уличные мальчишки, казалось, хотели обидеть и осмеять Володю. В былое время он бы лихо расправился с ними, а теперь боязнь теснилась в его груди и оттягивала вниз обессилевшие руки...

Когда Володя вернулся домой, Прасковья, которая отворила ему дверь, посмотрела на него угрюмо и враждебно. Володе сделалось неловко. Он поскорее освободился от своей верхней одежды и ушел в комнаты, не решаясь поднять глаз на унылое лицо Прасковьи.

XXIX

Мама сидела у себя одна. Были сумерки, – и было скучно. Где-то мелькнул свет.

Володя вбежал, оживленный, веселый, с широкими, немного дикими глазами.

– Мама, лампа горит, поиграем немножко.

Мама улыбается и идет за Володей.

– Мама, я придумал новую фигуру, – взволнованно говорит Володя, устанавливая лампу. – Погляди... Вот видишь. Это – степь, покрытая снегом, – и снег идет, метель.

Володя подымает руки и складывает их.

– Теперь, вот видишь, старик прохожий. По колени в снегу. Трудно идти. Один. Чистое поле. Деревня далеко. Он устал, ему холодно, страшно. Он весь согнулся, – старый такой.

Мама поправляет Володины пальцы.

– Ах, – в востроге восклицает Володя, – ветер рвет с него шапку, развеивает волосы, зарывает его в снег. Сугробы все выше. Мама, мама, слышишь?

– Вьюга...

– А он?

– Старик?

– Слышишь, стонет?

– Помогите!

Оба бледные, смотрят они на стену. Володины руки колеблются, – старик падает.

Мама очнулась первая.

– Пора и за дело, – говорит она.

XXX

Утро. Мама дома одна. Погруженная в бессвязные, тоскливые думы, она ходит из комнаты в комнату.

На белой двери обрисовалась ее тень, смутная в рассеянных лучах затуманенного солнца. Мама остановилась у двери и подняла руку широким и странным движением. Тень на двери заколебалась и зашептала о чем-то знакомом и грустном. Странная отрада разлилась в душе Евгении Степановны, и она двигала обеими руками, стоя перед дверью, улыбалась дикой улыбкой и следила мелькание тени.

Послышались шаги Прасковьи, – и Евгения Степановна вспомнила, что она делает нелепое...

Опять ей страшно и тоскливо...

«Надо переменить место, – думает она: – уехать куда-нибудь подальше, где будет новое»...

«Бежать отсюда, бежать!»

И вдруг вспоминаются ей слова Володи:

– И там будет стена... везде стена.

«Некуда бежать!»

В отчаянии она ломает бледные, прекрасные руки.

Вечер.

В Володиной комнате на полу горит лампа. За ней у стены на полу сидят мама и Володя. Они смотрят на стену и делают руками странные движения...

По стене бегут и зыблются тени.

Володя и мама понимают их. Они улыбаются грустно, и говорят друг другу что-то томительное и невозможное. Лица их мирны, и грезы их ясны, – их радость безнадежно печальна, и дико-радостна их печаль.

В глазах их светится безумие, блаженное безумие...

Над ними опускается ночь.

ЧЕРВЯК

I

Ванда, смуглая и рослая девочка лет двенадцати, вернулась из гимназии румяная с мороза и веселая. Шумно бегала она по комнатам, задевая и толкая подруг. Они опасливо унимали ее, но и сами заражались ее веселостью и бегали за нею. Они, однако, робко останавливались, когда мимо них проходила Анна Григорьевна Рубонослова, учительница гимназии, у которой девочки жили на квартире. Анна Григорьевна сердито ворчала, хлопотливо перебегая из кухни в столовую и обратно. Она была недовольна и тем, что обед еще не готов, а Владимир Иванович, муж Анны Григорьевны, должен сейчас вернуться из должности, и тем, что Ванда шалила.

– Нет, – досадливо говорила Анна Григорьевна, – последний год держу вас. И в гимназии–то мне вы надоели до смерти, да и тут с вами возись. Нет, будет с меня, намаялась.

Зеленоватое лицо Анны Григорьевны принимало злое выражение, желтые клыки ее выставлялись из-под верхней губы, и она мимоходом больно щипала Ванду за руку. Ванда ненадолго стихала, – девочки боялись Анны Григорьевны, – но скоро снова комнаты дома Рубонос-вых оглашались смехом и гулкой беготней.

У Рубоносых был собственный дом, деревянный, одноэтажный, который они недавно построили и которым очень гордились. Владимир Иванович служил в губернском правлении, Анна Григорьевна – в женской гимназии. Детей у них не было, и потому, может быть, Анна Григорьевна часто имела злой и раздраженный вид. Она любила щипаться. Ей было кого щипать: Рубонособы держали на квартире каждый год несколько гимназисток, из приезжих, и у них жила сестра Анны Григорьевны, Женя, девочка лет тринадцати, маленькая и худенькая, с костлявыми плечами и большими холодными губами бледно-малинового цвета, похожая на старшую сестру, как молодая лягушка бывает похожа на старую. Нынче, кроме Жени, у Рубоносых жили еще четыре девочки: Ванда Тамулевич, дочь лесничего в одном из далеких уездов Лубянской губернии, веселая девочка с большими глазами, втайне тосковавшая по родине и всегда к концу зимы (она жила у Рубоносых третий год) заметно хиревшая от этого, – Катя

Рамнева, самая старшая и смышленная из девочек, – смешливая, черноглазая Саша Епифанова, – и ленивая русоволосая красавица Дуня Хвастуновская, обе лет по тринадцати.

У Ванды была причина веселиться: она сегодня получила «пятерку» по самому трудному для нее предмету. Ванде всегда трудно и скучно было готовить те уроки, которые надо было брать памятью: как то случалось часто, что во время заучивания неинтересных вещей мысли ее разбегались, и мечта уносила ее в таинственно-тихие, оснеженные леса, где, бывало, несли ее с отцом легкие санки, где наклонялись над ней толстые от снега ветви сумрачно-молчаливых елей, где бодрый морозный воздух вливался в грудь такими веселыми, такими острыми струями... Ванда мечтала, часы летели, урок оставался невыученным, – и утром наскоро прочитывала его Ванда и отвечала, если спрашивали, кой-как, на «тройку».

Но вчера был удачный вечер: Ванда ни разу не вспомнила далеких лесов своей родины... Сегодня она ответила урок «батюшке» слово в слово по книге: а законоучитель придерживался старого способа, как его самого обучали лет 40 назад. Батюшка ее похвалил, назвал «молодец-девка» и поставил ей пять.

Вот поэтому теперь Ванда буйно носилась по комнатам, дразнила угрюмого пса Нерона, который, впрочем, с снисходительной важностью относился к ее шаловливым выходкам, хохотала и тормозила подруг. От быстрых движений и нее захватывало дыхание, но радость подымала ее и заставляла бесноваться. С разбегу Ванда налетела на суетливую служанку Маланью и выбила у нее из рук тарелку, но ловко подхватила ее на лету.

– О, чтоб тебя, оглашенная! – сердито окрикнула ее Маланья.

– Ванда, перестанешь-ли ты шалить! – прикрикнула на нее и Анна Григорьевна, – разобьешь еще что-нибудь.

– Не разобью, – весело крикнула Ванда, – я ловкая.

Она завертилась на каблуках, махнула пухлыми руками, зацепила любимую чашку Владимира Иваныча, которая стояла на краю обеденного стола, – и замерла от ужаса: послышался звон разбитого фарфора, беспощадно-ясный и веселый, по полу покатались разноцветные осколки разбитой чашки. Ванда стояла над черепками, прижимая руки к груди: ее черные бойкие глаза от испуга приняли безумное выражение, и смуглые полные щеки внезапно побледнели. Девочки притихли и столпились вокруг Ванды, пугливо разглядывая осколки.

– Вот и дошалилась! – наставительно сказала Женя.

– Задаст тебе Владимир Иваныч, – заметила Катя.

Саше Епифановой вдруг сделалось смешно; она фыркнула и закрыла рот рукой, как делала всегда, чтоб не очень рассмеяться. Анна Григорьевна, услышав звон, прибежала из кухни, восклицая:

– Что, что здесь такое?

Девочки молчали. Ванда затрепетала. Анна Григорьевна увидела черепки.

– Этого только не хватало! – воскликнула она, и злые глазки ее тускло засверкали. – Кто это сделал? Говорите сейчас! Это твои штуки, Ванда?

Ванда молчала. Женя ответила за нее:

– Это она здесь прыгала и вертилась у самого стекла, махнула руками, задела за чашку, чашка и разбилась. А мы ее все унимали, чтоб она не шалила.

– А, вот что! Благодарю покорно! – зашипела Анна Григорьевна, зеленая и грозя Ванде своими желтыми клыками, – да что ты, мать моя, ошалела?

Ванда порывисто бросилась к Анне Григорьевне, обхватила ее дрожащими руками за плечи и упрашивала:

– Анна Григорьевна, голубушка, не говорите Владимиру Иванычу!

– Да, Владимир Иваныч не увидит! – злобно ответила Анна Григорьевна.

– Скажите, что вы сами разбили.

– Любимую чашку Владимира Иваныча я стану бить! Что, ты с ума сошла, Ванда? Нет, милая, я не стану тебя выгораживать, разделяйся сама. Сама и черепки Владимиру Иванычу покажешь.

Ванда заплакала. Девочки принялись подбирать черепки.

– Да, да, покажешь сама, он тебя поблагодарит, голубушка, – язвительно говорила Анна Григорьевна.

– Не говорите, ради Бога, Анна Григорьевна, – опять принялась упрашивать Ванда, – накажите сами, а Владимиру Иванычу скажите, что это кошка разбила.

Саша, которая усердно собирала мелкие осколки, складывая их себе в горсть, опять фыркнула от смеха.

– Кот в сапогах! – крикнула она сдавленным от смеха голосом.

Катя шепотом унимала ее:

– Ну, чего смеешься? Ты бы разбила, так как взывала бы, небось.

Анна Григорьевна отымала от Ванды свои руки и повторяла:

– И не проси лучше, непременно скажу. Что это, в самом деле, постоянные шалости! Нет, матушка, надо тебя хорошенечко пробрать! Ну, что собрали? – спросила она девочек. – Давайте сюда.

Анна Григорьевна положила осколки на тарелку и отнесла их в гостиную, на стол, на самое видное место: Владимир Иваныч, как придет, так сейчас же заметит. Довольная своей изобретательностью, Анна Григорьевна опять забегала взад и вперед от стола к печке и тихонько, злобно шипела на Ванду.

Ванда уныло и безнадежно ходила за Анной Григорьевной и упрашивала убраться черепки:

– Пусть хоть после обеда Владимир Иваныч увидит! – говорила она, горько плача.

– Нет, милая, пусть он сразу увидит, – злобно отвечала Анна Григорьевна.

В Ванде порывами подымалась злоба на жестокость Анны Григорьевны, и она отчаянно всплескивала руками и тихонько вскрикивала:

– Да простите же! Да прибейте лучше!

Остальные девочки сидели смирно и разговаривали шепотом.

II

Владимир Иваныч возвращался домой и сладко мечтал, как он пропустит водочки, заморит червяка, а потом плотно пообедаст. Был ясный и морозный день. Солнце клонилось к закату. Изредка набегал ветер, частый гость в Лубянке, и отрывал от снежных сугробов толпы пушистых снежинок. Улицы были пустынные. Низенькие деревянные домишки торчали кое-где из-под снега, розовеющего на солнце, да бесконечно тянулись длинные, полурасшатанные заборы, из-за которых выглядывали жесткие, серебристо-заиндевелые стволы деревьев.

Рубоносов пробирался по узким мосткам, молодцовато ступая кривыми ногами и весело посматривая маленькими глазками, мерцав-

шими оловянным блеском на красном, веснушчатом лице. Вдруг он завидел своего врага, Анну Фоминичну Цикилеву, учительницу гимназии, сорокалетнюю девицу с очень злым языком. Владимиру Иванычу стало досадно: неужели он должен уступить дорогу этой «ехидне», рискуя свалиться в снег? А она шла себе прямо, скромно опустила змеиные глазки и сжимая ненавистные губы каким-то особым способом, раздражавшим всегда Владимира Иваныча. Он сжал в правой руке толстую палку из кружков березовой коры, плотно насаженных на железный прут, и решительно пошел на врага. И вот они сошлись грудь с грудью и менялись пламенными взорами. Владимир Иваныч первый нарушил молчание.

– Холера! – торжественно воскликнул он.

Только теперь он заметил, что за спиной Анны Фоминичны копошилась девчонка Машка, ее служанка, которая несла барышнины книжки. Владимиру Иванычу стало жаль, что нельзя покружнее изругаться, – есть свидетельница.

Анна Фоминична прошептала шипящим голосом:

– Совершенно невежественный кавалер!

Владимир Иваныч растопырил ноги и, подпираясь палкой, говорил, посмеиваясь и показывая гнилые зубы:

– Ну, проходи, шкура барабанная, чего стала!

– Неужели вы не можете посторониться? – смиренно спросила Анна Фоминична.

– Что-ж, мне для вас в снег лезть прикажете? Нет, брат, шалишь, мне свое здоровье дорого. Проходите, проходите, не засаривайте дороги.

И он легонечко протолкнул мимо себя Анны Фоминичны, но как-то так неосторожно, что она упала на снег и закричала визгливым голосом, вдруг потерявшим всю свою слащавую смиренность:

– Ах, ах, уронил! ах, ах, злодей!

Девчонка прыгнула за нею, – Владимир Иваныч поощирил ее легким ударом палки под коленки, – и барахталась в снегу, помогая барышне подняться и вопя благим матом.

Расчистив путь, Владимир Иваныч отправился дальше. Лицо его пылало гордой радостью победы. Машка кричала ему в догонку:

– Ах ты, мазурик, паршивый, окаянный! Вот мы тебя к мировому.

Дойдя до перекрестка, Владимир Иваныч обернулся, погрозил палкой и крикнул:

– Поругайтесь, ясен колпак, так я вам и еще прибавлю.

В ответ на это Машка высунула язык, показала сразу четыре кукиша и звонко закричала:

– Сунься, сунься, очень мы тебя боимся!

Владимир Иваныч подумал, решил, что не стоит связываться с дрянью, плюнул, энергично выругался и отправился домой, радостно чувствуя, что аппетит его разыграл и удвоился.

III

Напряженно ожидавшие девочки вздрогнули. Раздался резкий и повелительный звонок: это возвратился Владимир Иваныч. Анна Григорьевна бросила злорадный взгляд на Ванду и кинулась отворять дверь. Женя повторила за сестрой и злорадный взгляд, и суетливый порыв в прихожую. Ванда, замирая от страха, бежала за Анной Григорьевной и тихонько упрасивала ее не говорить. Анна Григо-

рьевна сердито оттолкнула ее.

Владимир Иваныч, освобождаясь от шубы при помощи жены и услужливой Жени, громогласно восклицал:

– Я ей, курицыной дочке! Будет помнить до новых веников, ясен колпак!

Ужас охватил Ванду: ей представилось, что Владимир Иваныч узнал каким-то чудом о разбитой чашке. Но скоро из его отрывочных восклицаний Ванда поняла, что речь идет о другом. Смутная надежда шевельнулась в ней: может быть, удастся оттянуть до после-обеда, когда Рубоносов будет, от нескольких рюмок водки, в добродушном и сонном настроении. Поспешно вернулась она в гостиную и стала перед столом, стараясь заслонить обломки чашки. Катя помогла ей, подвинув на столе лампу так, чтобы она с боку закрывала тарелку.

Владимир Иваныч вошел в гостиную, потрясая кулаком и повторяя на расспросы Анны Григорьевны:

– погоди, все расскажу по порядку, дай только отдохнуть, дай промочить горло.

Он остановился перед зеркалом и самодовольно оглядел себя, – он казался себе самому первым красавцем в городе. Потом он снял сюртук и бросил его Ванде, крикнув:

– Ванда, тащи в нашу спальню!

Ванда трепетно подхватила сюртук и уныло потащила его в спальню супругов, бережно держа его за петлю воротника и высоко-подымая, словно бы он был стеклянный. Для большей осторожности она даже приподнялась на носки. Смешливая Саша закрыла рот рукой и выбежала из комнаты. Щеки Ванды покрылись яркой краской стыда и досады.

Рубоносов, оставшись в жилете, опять посмотрелся в зеркало и стал расчесывать свои гладкие, светлые волосы с пробором посредине. Отвернувшись от зеркала, он увидел на столе, на тарелке, черепки. Мигом признал он в них остатки той вместительной чашки, из которой привык пить чай, – и почувствовал себя жестоко оскорбленным.

– Кто разбил мою чашку? – закричал он свирепым голосом. – Ведь это же безобразие, – мою любимую чашку!

Он гневно зашагал по комнате.

– Известно, кому же больше, как не Ванде, – заговорила злым и шипящим голосом Анна Григорьевна.

Женя, торопясь услужить, взволнованно повторила свой рассказ о том, как Ванда разбила чашку. Потом она растопырила руки и закружилась, представляя Ванду. Ее слегка поникшее зеленоватое лицо с тупым носом выражало озабоченность усердия, злые губы не улыбнулись, и спина отвратительно горбатилась.

– Вечные шалости! – шипела Анна Григорьевна, – никакой нет sprawy с этой девчонкой. Уйми хоть ты ее, Владимир Иваныч, – ведь иначе что же это у нас будет: всю посуду перебьют. Ведь они нам не золотые горы возят, – одни хлопоты да беспокойство с ними.

– Она и тарелки чуть не побила, – опять вмешалась Женя, – Маланья несла из кухни тарелки, а она на нее как налетит! Маланья едва только подхватила, а то так бы все тарелки в дребезги.

Рубоносов постепенно свирепел, багровел и гневно рычал. Ванда стояла за дверьми гостиной, плакала и тихонько молилась, торопливо крестясь. Сквозь щель двери видела она багровое лицо Владимира Иваныча, и оно было ей отвратительно и страшно. Рубоносов крикнул:

– Ванда, поди-ка сюда!

Ванда трепетно вышла в гостиную.

– Ты что это, курицына дочка, наделала? – закричал на нее Владимир Иваныч.

Ванда увидела в его руке ременную плеть, которая служила Рубоносову для усмирения Нерона.

– Поди-ка, поди-ка сюда! – говорил Владимир Иваныч, брызгая слюной, – вот я тебя приласкаю плеточкой.

Он свирепо замахал плетью и пронзительно засвистал. Испуганная Ванда попятилась назад, к дверям, – он ухватил ее за плечо и потащил, неровно подергивая, на середину комнаты. С громким плачем Ванда упала на колени. Рубоносов взмахнул плетью. Заслыша свист плети в воздухе, Ванда отчаянно взвизгнула, увернулась от удара судорожно быстрым движением, вскочила на ноги и бросилась в переднюю, где забилась за шкаф, в тесный и пыльный угол. По всему дому разносились оттуда ее истерические вскрикивания. Владимир Иваныч ринулся было вытаскивать Ванду, но Анна Григорьевна, испуганная дикими глазами и неистовыми криками девочки, остановила мужа:

– Ну, довольно, Владимир Иваныч, брось ее, стерву, – сказала она, – еще заплачешься с нею. Смотри, какие у нее глаза, – начнет кусаться, пожалуй. Уж видно, как волка ни корми, а он все в лес смотрит.

Рубоносов остановился перед шкапом, за которым дрожала и билась Ванда.

– Прятаться от меня, ясен колпак! – заговорил он медленно, со свирепыми ударами на словах, весь багровый от негодования: – ну ладно, тварь поганая, подожди, я тебя иначе доеду.

Ванда притихла и прислушивалась.

– От меня не спрячешься, курицына дочка! – продолжал Владимир Иваныч, видимо, подыскивая угрозу пострашнее: – я знаю, что с тобой сделать. Вот погоди, уж ночью, как только ты заснешь, заползет тебе червяк в глотку. – Слышишь, курицына дочка, червяк!

Владимир Иваныч сделал на слове червяк грозное, рывкающее ударение и сердито бросил плетку на пол. Из-за шкафа глядели на него, не отрываясь, черные и широкие глаза, и неподвижно смуглело побледневшее лицо Ванды.

– Будешь ты у меня знать! – говорил Рубоносов. – Вползет червяк прямо в глотку, ясен колпак! Так по языку и поползет. Он тебе все чрево расколупает. Он тебя засосет, миляга!

Ванда чутко и внимательно слушала; ее испуганные глаза неподвижно мерцали среди теней, окутывающих ее в пыльном и темном углу за шкафом. А Владимир Иваныч повторял свои странные и злобные угрозы, и Ванде из ее душного угла он казался похожим на чародея, напускающего на нее таинственные навождения, неотразимые и ужасные.

IV

Выдумка о червяке понравилась Рубоносову, он повторял ее несколько раз и за обедом, и после обеда, вечером. Понравилась эта шутка и Анне Григорьевне и девочкам, – все смеялись над Вандой. Ванда молчала и испуганно поглядывала на Владимира Ивановича. Иногда она думала, что он шутит, и что какой же может быть червяк? Иногда ей становилось страшно. Весь вечер ей было не по себе. Она чувствовала себя и виноватой, и обиженной. Ей хотелось бы остаться одной, забиться куда-нибудь в угол и поплакать, – но

нельзя было этого сделать: вокруг нее тихо жужжали ее подруги, и она сама должна была сидеть с ними, за постылыми книгами и скучными тетрадками; в соседней комнате разговаривали Рубоносовы. Ванда с нетерпением ожидала ночи, когда можно будет хоть одеялом прикрыться от этих докучливых и ненужных людей... Ванда сидела и притворялась, что занимается уроками. Закрывшись руками от подруг, она старалась представить себе отцов дом и глухие леса... Она смыкала глаза, и видела далекую родину.

Весело трещит огонь в печке. Ванда сидит на полу и протягивает к огню застылые, красные руки, – она только что прибежала домой. А в окно глядит зимний день, морозный, светлый. Низкое солнце румянит искристые кристаллы оконных узоров. Тепло, уютно, кругом свои, – добродушный смех, шутки...

Но входил Рубоносов и спрашивал:

– Что, Ванда, задумалась? по червяке соскучилась, ясен колпак? небось, вползет ночью в самое чрево.

Девочки смеялись, Ванда растерянно озиралась широкими, черными глазами.

«Червяк!» тихонько, одними губами повторяла она, и вдумывалась в это слово. Самый звук его казался ей странным, и каким-то грубым. Почему червяк? Она расчленяла слово на слоги и звуки: гнусное шипение вначале, потом рокот угрозы, потом скользкое, противное окончание. Ванда брезгливо повела плечами и холодок пробежал по ее спине. Бессмысленный и некрасивый слог «вяк» повторялся настойчиво в ее памяти, – он был ей противен, но она не могла от него отделаться.

V

Было поздно. Девочки разделись и улеглись в своей спальне, где их пять кроватей неуютно стояли в один ряд. Кровать Ванды была вторая с краю. По левую сторону у стены спала Дуня Хвастуновская, с правой стороны Саша, потом Катя, а у двери в спальню Рубоносовых – Женя.

Тоскующими и злобными глазами Ванда осматривала спальню. Хмурые тени в углах неприветливо смотрели на нее и, казалось ей, стерегли ее... Стены оклеены некрасивыми темными обоями; на них грубо наляпаны лиловые цветы, с краской, наложенной мимо тех мест, где ей следовало быть. Обои наклеены кой-как, и узоры не сходятся. Оклеенный бумагой потолок низок и сумрачен. Ванде кажется, что он опускается, сжимает собой воздух и теснит ей грудь. Железные кровати тоже, кажется Ванде, пахнут чем-то неприятным и печальным, острогом или больницей. Против кроватей, прямо перед глазами Ванды, стоят шкапы для одежды девочек, щелистые, сколоченные из гнилого дерева, с неплотно прилаженными дверцами. Когда мимо шкапов проходят, то их дверцы вздрагивают и слегка поскрипывают. Ванде досадно, что у шкапов такой жалкий и недоумевающий вид испуганных, дряхлых старичков.

Владимир Иванович вошел в спальню девочек и зычно крикнул:

– Ванда, слышь, червяк-то вползет тебе нынче ночью в глотку.

Девочки захихикали и смотрели на Ванду и на Владимира Ивановича. Ванда молчала. Из-под одеяла сверкали на Владимира Ивановича ее большие черные глаза.

Рубоносов ушел, девочки принялись дразнить Ванду. Они знали, что Ванду легко раздражить до слез, и потому любили дразнить ее.

И у Ванды задраженное, недоверчивое сердце, открытое только мечтам о далекой родине.

Ванда тоскливо молчала, грустными глазами тупо рассматривая сумрачный потолок. Девочки болтали и пересмеивались. Это надоело Владимиру Иванычу, который собирался спать. Он крикнул из своей спальни:

– Цыц, ясен колпак! Что вы там раскудахтались, комики! Вот я вас плеткой!

Девочки затихли.

«Только и умеет, что о плетке!» досадливо подумала Ванда. Ей припомнились ласковые и добрые домашние, и Владимир Иваныч, в сравнении с ними, показался неотесанным и грубым. Но вдруг ей стало совестно осуждать его, – ведь все же она перед ним провинилась.

Скоро послышалось с соседней постели легкое сопенье быстро засыпающей Дуни. Это было сегодня противно Ванде. В теплом и спертном воздухе ей дышалось трудно и грустно. Ей казалось, что здесь тесно и мало воздуха. Тоска и странная досада на что-то теснили грудь Ванды.

Она закрыла голову одеялом. Сердитые мысли пробежали в ее голове, – и потухли, сменившись счастливыми и далекими грезами...

Ванда начала засыпать. Вдруг почувствовала она на губах что-то неприятное, как бы ползущее. Она вздрогнула от страха. Сон словно соскочил с нее. Ее глаза широко и тоскливо раскрылись. Сердце замерло, – и застучало до боли быстро и сильно. Ванда торопливо поднесла руку ко рту и вытащила изо рта нечаянно попавший туда край простыни, слегка смоченный ее слюной. Он-то и произвел во рту Ванды ощущение, так напугавшее ее.

Ванда почувствовала радость, как после избегнутой опасности. Она заметила теперь, что сердце ее сильно бьется. Она приложила руку к груди и, ощущала горячими пальцами быстрые толчки, улыбаясь своему миновавшему испугу.

А в сумраке ночи вокруг нее смутно и неопределенно шевелилось что-то угрожающее и неизвестное. Радость ее была напряженная, и улыбка – бледная, а сердце уже опять замирало тихонько все от того же темного и тайного предчувствия.

Ванде было тоскливо и томно. Она безпокойно ворочалась с боку на бок. Ей было душно. Одеяло мешало дышать. В ногах были неприятные ощущения: томная усталость наливалась их болезненной тяжестью, подъемам ног было больно от стягивавшей их днем тесной обуви. Во всем теле ощущалась неловкость. Ей хотелось спать, но она не могла уснуть, и глаза ее казались ей тяжелыми и сухими...

Ветер завыл в трубе жалобно и тонко. Кто-то из девочек в просонках пробормотал что-то. Томительная тоска бессонницы душными объятиями обхватила Ванду. Болезненно-неловко было ей лежать на тех грубых складках простыни и пропотевающей рубашки, которые она сама сбивала, мечась и ворочаясь.

Ванда пыталась помечтать, вызвать в себе сладкие и кроткие настроения, – но и это не удавалось ей... Девочки крепко спали, и Ванде казались они иногда неживыми и страшными...

Так пролежала она целый долгий час, и наконец заснула...

Ванда внезапно проснулась, точно ее толкнули. Была еще глубокая ночь, все спали. Ванда порывисто поднялась и села на постели, чем-то испуганная, каким-то смутным сном, какими-то неопределенными ощущениями. Напряженно всматривалась она в мрак спальни, думая отрывочными и неясными мыслями о чем-то непонятном ей. Тоска сжимала ее сердце. Во рту была неприятная сухость, заставившая Ванду порывисто зевнуть. Тогда почувствовала она, как будто что-то постороннее ползет по ее языку, около самого его корня, что-то тягучее и противное, — ползет в глубине рта и щекочет зев. Ванда бессознательно сделала несколько глотательных движений. Ощущение ползучего на языке прекратилось...

Вдруг Ванда вспомнила о червяке. Она подумала, что это, конечно, вполз к ней в рот тот самый червяк, и она проглатила его жевьем. Ужас и отвращение охватили ее. В сумрачной тишине комнаты пронеслись отчаянные, пронзительные вопли Ванды.

Испуганные девочки повскакали с постелей, не понимая, лепеча что-то и всхлипывая, и беспорядочно металась в потьмах, сталкиваясь одна с другой. Ванда затихла. Анна Григорьевна, узнав голос Ванды, прибежала из своей спальни неодетая, на бегу зажигая свечку. Слышно было за дверью, как тяжело ворочался на скрипевшей под ним кровати Владимир Иваныч, как он сердито мычал, и как он потом начал отыскивать свою одежду.

Анна Григорьевна подошла к Ванде.

— Ванда, что ты? — спросила она. — С чего ты орешь! Чего испугалась, шальная?

При свете свечки девочки тоже сообразили, что это кричала Ванда, и столпились около ее кровати, пожимаясь с просонок от холода и протирая руками заспанные глаза. Ванда сидела на постели, согнувшись, поджимая ноги. Она дрожала всем телом и боязливо смотрела на Анну Григорьевну. Ее широко открытые глаза горели и выражали безотчетный ужас. Анна Григорьевна тронула ее за плечо:

— Да что с тобой, Ванда, говори же!

Ванда вдруг заплакала, громко, с детскими отчаянными вскрикиваниями, и залепетала:

— Червяк, червяк!

Зубы ее как-то странно и звучно звякнули. Анна Григорьевна не вспомнила сразу, о каком червяке говорится.

— Какой червяк? — досадливо спрашивала она, обращаясь то к Ванде, то к другим девочкам.

Ванда еще сильнее заплакала, вскрикивая:

— Ой, батюшки, помогите: червяк заполз!

Она беспомощно открыла рот и сунула туда пальцы, бессознательно прикусила их, вытащила их изо рта и опять зарыдала. Катя Рамнева объяснила:

— Это ей, должно быть, приснилось, что в рот червяк заполз, о котором Владимир Иваныч говорил.

Прошел и Владимир Иваныч и крикнул еще с порога:

— Ну, что у вас тут? Комики, спать не дают.

— Да вот, — отвечала ему Анна Григорьевна, — ты натолковал Ванде про червяка, она и поверила.

— Дура, — сказал Рубонос, — ведь я шутил, никакого червяка нет.

Девочки засмеялись, теснее придвинулись к Ванде и стали ее ласкать и успокаивать:

– Это тебе только померещилось, Ванда, откуда может быть червяк?

– Вот дура-то! Пошутить с тобой нельзя! – воскликнул Рубоносов, и ушел в свою спальню.

Дуня принесла Ванде воды в ковшике и убеждала Ванду выпить. Анна Григорьевна присела к Ванде на кровать и уговаривала ее. Мало-по-мало Ванда успокоилась, и быстро заснула.

VII

Ванда видела во сне родной дом, отца, мать, маленьких братьев, милый лес, и верного Полкана...

Одноэтажный домик на краю маленького города, полузанесенный снегом. Весело вьется синий дымок над его крутой кровлей. Невдалеке белый лес с своей манящей грустью. Тихие небеса озарены ранним розовым закатом...

Потом пригрезилось лето. Извилистая река медленно струится. Желтые кувшинки недалеко от берега. Над рекой крутые глинистые обрывы. В тонком воздухе звенят и реют быстрые птицы...

Мать, ласковая, веселая. Ее светло-синие глаза, ее звенящий голос, напевающий тихую и мирную песенку...

Отец, такой суровый с виду. Но Ванду не пугают его длинные, жесткие усы, начинающие седеть, и его густые, нахмуренные брови. Ванда любит слушать его рассказы об его родине, далекой и несбыточной. Ванда родилась и выросла среди этих снегов, на родине своей матери, и отцовы рассказы она понимает по своему, сказочно и роскошно...

Движение в спальне, голоса и смех девочек разбудили Ванду. Она открыла глаза. Чуждо и непонятно было ей все то, что она увидела. Так резок был переход от милых видений к этим пыльным стенам, к этим грубым обоям с нелепыми цветами, что она с полминуты пролежала, не понимая, где она и что с ней, полусознательно хватаясь за убегающие обрывки прерванного сна...

А потом знакомой тоской глянули на нее стены комнаты, знакомой тоской защемило ее сердце. Она грустно вспомнила, что опять целый день придется ей быть среди чужих, которые будут дразнить ее и червяком, и ее странным именем, и еще чем-нибудь обидным... Предчувствие обиды больно зашевелилось в ее сердце.

VIII

Рубоносовы и девочки пили чай. Ванда была еще бледна от ночного испуга. У нее болела голова, ей было томно и тоскливо, и она нехотя пила и ела. Во рту у нее был дурной вкус, и чай казался ей не то затхлым, не то кислым.

Владимир Иваныч пил с блюдечка и громко чмокал губами. Ванде казалось противным это чмоканье, а он торопился выпить побольше: скоро надо было идти на службу.

Анна Григорьевна заметила, что Ванда печальна, и спросила:

– Что с тобой, Ванда? Не болит ли у тебя голова?

– Нет, ничего, Анна Григорьевна, я здорова, – отвечала Ванда, встрепенувшись и стараясь улыбнуться.

– Это она с перепугу такая бледная, – объяснила Катя.

Саша, вспоминая ночной переполох, громко засмеялась, заражая

веселостью и других девочек.

– Ты, Ванда, может быть, и в самом деле больна, -- не остаться-ли тебе дома? – спросила Анна Григорьевна.

Но Ванда слышала по ее голосу, что она рассердится, если остаться, и примет это за притворство. И Ванда поспешила сказать:

– Да нет, Анна Григорьевна, что вы, я же, право, совсем здорова.

– Что, верно, и вправду червяк вполз? – спросил Владимир Иваныч, и зычно захохотал.

Все засмеялись, улыбалась и Ванда. При дневном свете она перестала бояться червяка. Но Рубоносову стало досадно, что Ванда улыбается: негодная шалунья смеет скалить зубы в то время, когда он пьет чай не из любимой чашки! Он решил еще попугать Ванду, чтоб она вперед помнила.

– А ты чего зубы скалишь, Ванда? – сказал он, свирепо хмуря белесоватые брови, – ты и впрямь думаешь, что я шучу? Вот дура-то! червяк только пока притих, – отогревается, а вот дай сроку, начнет сосать, взвоешь истошным голосом.

Ванда побледнела, и вдруг явственно почувствовала в верхней части желудка легкое щекотание. Она испуганно схватилась за сердце. Анна Григорьевна встревожилась: захворает девочка, – возись с ней, – родители живут за триста верст. Она стала унимать мужа:

– Да полно тебе, Владимир Иваныч, ну что пугаешь девочку: опять ночью заблажит. Не каждую мне ночь с ней возжаться. И за день намаешься с ними.

IX

Когда Ванда шла с подругами в гимназию, червяк продолжал щекотать все в том же месте. ей было неловко и страшно. Ветер, который веял ей навстречу, казался ей беспощадным. Угрюмые заборы и унылые люди наводили на нее тоску, – и не могла она никак забыть, что в ней сидит червяк, маленький, тоненький, еле заметный, и щекочет, словно пробираясь куда-то, щекочет урывками: то притихнет, то начнет снова, как и этот беспощадный ветер, порывами вздымающий нелепо кружащиеся снежные вихри. Этот гул ветра на пустынных улицах томительно напоминал Ванде дремотную тишину далекого леса, где теперь под суровыми соснами звучно раздается мужественный голос ее отца. Но там, в лесу, – простор и Божия воля, а здесь, в скучном и чужом городе, – стены и людское бессилье...

Ей вспомнилось, как любо ей было прятаться в отцову шубу, – а санки бегут, а ветер разгульно взвизгивает и взвивает снежные тучи, и солнце сквозит в них, и многоцветными брызгами дробятся его лучи; слышен бодрый храп коней и протяжный гул полозьев, скользящих по снегу...

Из ворот чьего-то дома на улицу тянулась узкая дорожка ельника. Пугливо сжалось сердце Ванды.

«И зачем я вчера разбила эту чашку!» горько подумала она: «и зачем я прыгала? чему обрадовалась?»

X

Сидя в классе, Ванда прислушивалась к тому, что делает ее червяк. Ей казалось по временам, что он подымается выше, к сердцу. Она старалась успокоить себя, думая, что это пройдет. Но от голых стен класса веяло на нее такой неумолимой строгостью, что ей делалось страшно.

Ее подруги рассказали по всем классам про червяка, и Ванду немилосердно дразнили. На переменах девочки подходили к ней и спрашивали:

– Правда, что вы червяка проглотили?

Ванда слышала за собой смех и тихие восклицания:

– Ванна червяка проглотила. (В гимназии Ванду дразнили «ванной», искажая так ее имя).

Потом Ванду стали дразнить «под рифму»:

– Ванна чашку разбила, червяка проглотила.

Ванда яростно бледнела и бранилась с подругами. Вдруг, в разгаре жаркой ссоры с надоедливой и смешливой барышней, Ванда почувствовала легкое сосанье под самым сердцем. Испуганная, она замолчала, уселась на свое место и, не обращая ни на что внимания, стала прислушиваться к тому, что в ней делалось.

Под сердцем тихонько, надоедливо сосало... То затихнет, то опять засосет...

Это томительное сосание продолжалось и дома, за обедом, и вечером. Когда утомленные червяком мысли Ванды переходили на другие предметы, червяк затихал. Но она сейчас же опять вспомнила о нем и начинала прислушиваться. Мало-по-малу снова начиналось надоедливое сосанье.

Ванде казалось иногда, что если бы забыть о червяке, то он затих бы. Но ей не удавалось забыть его: напоминали...

Все тоскливее и страшнее становилось Ванде, но ей стыдно было сказать, что червяк уже сосет ее. В ней робко гнездилась бледная надежда, что это пройдет само собой.

XI

Девочки сидели за уроками. Желтый свет лампы раздражал Ванду. Она прислушивалась к томительной работе червяка, который сосал все чаще, все проворнее. Ванда оперлась локтями на стол, сжала голову ладонями и тупо смотрела на раскрытую книгу. Неизъяснимая тоска томила ее. Ей трудно было дышать в этом враждебном и замкнутом воздухе. Ванда подумала, стараясь утешить себя:

«Никакого червяка нет, это все только от тоски. Только бы развеселиться!»

Она пробовала помечтать о доме. Вот будет весна, ее возьмут домой...

Прохладный и мшистый лес дремотен. Он полон свежими ароматами сосен. Вода в ручье серебристо звенит, переливаясь по камням. Темнеет в зелени покрытая тусклым налетом крупная голубика...

Но мечты складывались трудно, и Ванда скоро устала заставлять себя мечтать...

Из столовой доносились голоса. Анна Григорьевна торопила Маланью: Владимир Иваныч встал от послеобеденного сна и сердился, что еще нет самовара...

Ванда порывисто отодвинула стул и пошла в столовую. Смуглое

лицо ее было так бледно, что полные щеки казались опавшими за эти сутки. Глядя перед собой остановившимися глазами, она подошла к Анне Григорьевне и тихо сказала:

– Анна Григорьевна, у меня сосет под ложечкой.

– Что такое еще? – нетерпеливо спросила недослышавшая Анна Григорьевна.

– Под ложечкой... сосет... червяк, – упавшим голосом говорила Ванда.

– А ну тебя, дура! – сердито крикнула Анна Григорьевна, – возись тут с тобой, – только мне и дела!

– Ого! червяк! – торжествуя закричал Владимир Иванович. Он залился грохочущим хохотом, неистово восклицая:

– Сосет, ясен колпак! Доехал таки я тебя! Володька Рубонос не дурак!

Привлеченные хохотом, девочки прибежали в столовую. Хохот разгульно разливался вокруг Ванды. У нее закружилась голова. Она просела на стул, и покорно и безнадежно глотала какое-то невкусное лекарство, которое наскоро смастерила ей Анна Григорьевна.

Она видела, что никто ее не жалеет, и никто не хочет понять, что с ней делается.

XII

Ночь. Ванда не может уснуть. Червяк угнездился под сердцем, и сосет непрерывно и мучительно. Ванда приподнялась, опираясь локтем на подушку. Одеяло скатилось с ее плечей. В слабом свете предпраздничной лампы слабо белела рубашка Ванды, смугтели ее голые руки и испуганно горели на бледном лице черные широкие глаза. Боль становилась, казалась Ванде, нестерпимой. Она тихонько заплакала. Но она не смела разбудить Анну Григорьевну. Смутная боязнь людской враждебности мешала ей звать на помощь. Она прильнула лицом к подушке, чтоб заглушить звуки своего плача. Но рыдания теснили ее грудь. В спальне раздавалось тихое, но отчаянное аханье плачущей девочки...

– Что мне делать? – тихонько и горестно восклицала Ванда. – И чему я радовалась, дура какая! Что урок-то вызубрила? О, Боже мой! Неужели же погибать из-за разбитой чашке?

Ванда встала с постели. Девочки спали, – слышалось их мерное и глубокое дыхание. Ванда стала на колени перед своим образом, прикрепленным к изголовью кровати. Она молилась, складывая руки на груди и тихонько шепча дрожащими и пересыхающими губами слова отчаяния и надежды. Увлечшись, она начала шептать погромче и всхлипывать. Саша заворочалась на постели и залепетала что-то. Ванда испуганно притихла, присела на коленях и тревожно ждала. Все опять было тихо, никто не проснулся...

Ванда молилась долго, но молитва не успокоила ее. Тишина и сумрак враждебно отвечали ее молитве. Ванде казалось, что кто-то тихий проходит близко, что-то движется и тайно веет, – но все это идет мимо нее с чарами и властью, и до нее никому нет дела. Одна, потерянная в чужом краю, никому она не нужна. Кроткий ангел пролетает над ней к счастливым и кротким, – и не приникнет к ней.

Проходили томительные дни и страшные ночи. Ванда быстро худела. Ее черные глаза, оттененные теперь синими пятнами под ними, были сухи и тревожны. Червяк грыз ее сердце, и она порой глухо вскрикивала от мучительной боли. Было страшно, и трудно дышалось, так трудно, что колело в груди, когда Ванда вздыхала поглубже.

Но она уже не смела просить помощи. Ей казалось, что все здесь за червяка и против нее.

Ванда ясно представляла своего мучителя. Прежде он был тоненький, серенький, со слабыми челюстями; он едва двигался и не умел присасываться. Но вот он отогрелся, окреп, — теперь он красный, тучный, он непрерывно жует и неутомимо движется, отыскивая еще неизранные места в сердце.

Наконец Ванда решила написать отцу, чтоб ее взяли. Надо было писать тайком.

Улучив минуту, Ванда подошла к столу Рубоносова, вытащила из-под мраморного пресса, в виде дамской ручки, конверт и спрятала его в карман. В это время услышала она легкие шаги. Она вздрогнула, как пойманная, и неловко отскочила от стола. Проходила Женя. Ванда не могла решить, видела-ли Женя, что она взяла конверт. Сидя за уроками, она внимательно посматривала на Женю. Но Женя углубилась в свои книги.

«Конечно, она не видела, — сообразила Ванда, — а то сейчас бы наябедничала».

Ванда писала письмо, прикрывая его тетрадями. Приходилось беспрестанно открываться, — проходила Анна Григорьевна, смотрели подруги. Вот что она писала:

«Милые папа и мама, возьмите меня, пожалуйста, домой. В меня заполз червяк, и мне очень худо. Я разбила шаливши чашку Владимира Ивановича и он сказал, что вползет червяк, и в меня вполз червяк, и если вы меня не возьмете, то я умру, и вам будет меня жалко. Пришлите за мной поскорее, я дома поправлюсь, а здесь я не могу жить. Пожалуйста возьмите меня хоть до осени, а я сама буду учиться и потом поступлю в четвертый класс, а если вы не возьмете, то червяк изложет мне сердце, и я скоро умру. А если вы меня возьмете, то я буду учить Лешу читать и арифметике. Извините, что я не наклеила марки, у меня нет денег, а у Анны Григорьевны я не смею спросить. Целую вас, милые папа и мама, и братьев, и сестриц, и Полкана.

Ваша Ванда.

А я не ленилась, и у меня хорошие отметки».

Между тем Женя отправилась к Анне Григорьевне и принялась шопотом рассказывать ей что-то. Анна Григорьевна слушала молча и сверкала злыми глазами. Женя вернулась и с невинным видом принялась за урок...

Ванда надписывала конверт. Вдруг ей стало неловко и жутко. Она подняла голову, — все подруги смотрели на нее с тупым и странным любопытством. По их лицам было видно, что есть еще кто-то в комнате. Ванде сделалось холодно и страшно. С томительной дрожью обернулась она, забывая даже прикрыть конверт. За ее спиной стояла Анна Григорьевна и смотрела на ее тетради, из-под которых виднелось письмо. Глаза ее злобно сверкали, и клыки страшно желтели во рту под губой, вздрагивавшей от ярости...

XIV

Ванда сидела у окна и печально гладела на улицу. Улица была мертва, дома стояли в саванах из снега. Там, где на снег падали лучи заката, он блестел пышно и жестоко, как серебряная парча нарядного гроба.

Ванда была больна, и ее не пускали в гимназию. Исхудалые щеки ее рдели пышным и неподвижным румянцем. Беспокойство и страх томили ее, робкое бессилие сковывало ее волю. Она привыкла к мучительной работе червяка, и ей было все равно, молчит-ли он, или грызет ее сердце. Но ей казалось, что кто-то стоит за ней, и она не смела оглянуться. Пугливыми глазами глядела она на улицу. Но улица была мертва в своем пышном газете.

А в комнате, казалось ей, было душно и мглисто, пахло ладаном.

XV

Был яркий солнечный день. Но больная Ванда лежала в постели. Ее перевели в другую комнату, где стояла только ее кровать. Пахло лекарствами. Страшно исхудалая, лежала Ванда, выпростав из-под одеяла бессильные руки. Она безучастно озирала новые, но уже постылые стены. Мучительный кашель надрывал быстро замиравшую детскую грудь. Неподвижные пятна чахоточного румянца ярко пылали на впалых щеках, смуглый цвет которых принял восковой оттенок. Жестокая улыбка искажала ее рот, который от страшной худобы лица перестал плотно закрываться... Хриплым голосом лепетала она бессвязные и нелепые слова.

Ванда уже не боялась этих чужих людей, им было страшно слушать ее злые речи.

Ванда знала, что она погибает.

НИЧЕГО НЕ ВЫШЛО

I

Сидели мы вечерком на балконе дачки Ивана Степаныча Молодилова, попивали чаек с ромом и слушали хозяина, а в карты не играли, — хоть и недурно было бы перекинуться на чистом воздухе, под березками, да ж такая компания подобралась, что никакой игры не вышло. Хозяин наш был говорун, вот мы его и слушали, а он рассказывал нам разные случаи, покручивая свои длинные сивые усы, да сверкая черными и еще зоркими глазами.

— Я, милостивые государи, — говорил он, — человек русский: я там разных этаких экивоков не понимаю, а по-моему так, — задумал дело, и делай, а на понятный двор ни ни!

— Само собой, — подтвердил плотный сангвиник Сабельников, — хватай быка прямо за рога!

— Именно так, за рога. Да вот я вам расскажу несколько

случаев из моей жизни, так вы сами увидите, как мы умели обделывать делишки.

Иван Степаныч крякнул, призадумался, вытер лысую голову красным платком и стал рассказывать.

– Было это, милостивые государи, в эпоху, так сказать, невинного отрочества. Славное было времячко, есть чем вспомнить. Пороли, как сидорову козу, ну а, все-таки, не без приятности бывало.

– Воображаю! – сердито проворчал худощавый и желтый Ежевикин.

Хозяин строго взглянул на него и продолжал:

– Учился я в Кипрейском кадетском корпусе. Знаменитое было заведение, на всю Россию славилось. Ну и точно, доложу я вам, там были мастера своего дела, и директор, да и прочее начальство. И никак, то есть, ты к ним не приспособишься, – по глазам, шельменцы, видят, чуть что не так, ну и сейчас, известное дело.

– Законное возмездие? – подсказал, подмигивая хозяину, Сабельников.

– Вот, именно. Кормили при этом так, доложу вам, что и вспомнить не хочется. Но больше всего насолил нам один из учителей, – и не из важных, так, молоденький: ядовитый мерзавец был такой, что не приведи Господи. Вызубришь бывало ему урок на совесть, а нет таки, собьет, скотина, хоть ты что хочешь! И залепит нуль. Так это он аппетитно нуль закручивал, точно рюмку водки выпьет.

– Скотина! – проворчал Ежевикин.

– А чем он болше всего нас донимал, – продолжал Молодилов, – так это своей тихостью: говорит, каналья, ласково, голоса никогда не возвысит, а после его урока, глядишь, уж это бедно – бедно, пятерых, но то десятерых из нас выдерут. Ну, мы терпели, терпели, да и решили взбунтоваться. Признаться сказать, дело прошлое, зачинщиком-то был я. Ну-с, вот мы и порешили, на следующем же уроке, двери припереть поплотнее и его, протоканалью, избить на славу. Всё, как следует, приготовили, даже репетичку сделали, и ждем. Вот, милостивые государи, наступил назначенный час. Сидим мы, можете себе представить, бледные, решительные, все на дверь уставились, стало в классе так тихо, как еще я никогда и не слыхивал. И вот, в коридоре, слышим мы, идет он, – его походочка, легонькая такая. Мы все, поверите-ли, дрожим, у всех кулаки сжаты, – вы понимаете, у всех накипело. Вошел он в класс, – фертик этакой, улыбается, сам маленький, фрачек аккуратненький, – мы все в ту же минуту вскочили на ноги, как один человек...

Иван Степаныч остановился и обвел нас гневным взглядом.

– Дальше, Иван Степаныч! Что-ж дальше, – нетерпеливо закричали мы.

– Ну-с, и представьте себе, – воскликнул Иван Степаныч, подымаясь с кресла и выпрямляясь во весь свой богатырский рост: – вскочили мы...

– Ну, ну, – торопил рассказчика любопытный юнец Лабазников, не в меру суетливый.

Иван Степаныч сердито взглянул на него и с ожесточением сказал:

– Ну, и ничего не вышло. Струсили, мерзавцы!

И Молодилов ударил кулаком по деревянной баллюстраде балкона, сердито сплюнул в сад и уселся поудобнее в свое кресло.

Мы переглянулись, – и расхохоталось.

II

– А что еще вот что со мной было, – рассказывал Иван Степаныч. – Вышел я из корпуса, прослужил несколько лет и надумал жениться. Ну, я долго думать не люблю, – задумано, сделано. Таким я всегда был, и под старость такой, а тогда и тем паче, – кровь-то молодая, горячая, сами знаете.

– Как не знать! – весело сказал Сабельников.

– Стояли мы с полком в городе Бедренце, – пустой городишка, я вам доложу, никакой в нем значительности нет. Не знаю, может быть теперь там что, а тогда совсем захолустье. Но, однако, невест в этом городе было достаточно. Вот и выбрал я себе одну барышню, Леночку Поручейникову: и сама девица была во всех статьях авантажна, да и прилагательным тоже Бог не обидел.

– Это-то – главное? – иронически спросил Ежевикин.

– Само собой! а то как-же! Ну, сами знаете, я такой человек, – ухаживать там, канителиться, – это все не по моей части, – я по-русски, по-простецки решил действовать. Примундирился, припарадился, да и поехал делать предложение. Приехал это я к ним, и думаю сам с собой, с кого тут начать, с папеньки да маменьки, или с девицы. Ба! думаю, – ведь мне не с папенькой да маменькой жить, а с девицей, с нее, значит, и начинать надо. Правильно ли я говорю?

– Совершенно правильно, – единогласно одобрили мы.

– Ну вот, сударики мои, подхожу я к девице и без всяких этаких затейливых фигур прямо ей так-таки и брякнул: Осчатливьте, мол, сударыня, будьте моей женой. Ну, и что-же, милостивые государи, представьте, – ничего не вышло! Оказалось, что она помолвлена с каким-то штафиркой.

Мы засмеялись.

– Смейтесь, смейтесь, – с неудовольствием сказал Иван Степаныч, – а я зато отделался без всяких этаких любовных финтифлюшек, бильедушек, да рандевушек. Скоро и хорошо.

III

– А то еще такой казус был со мной. Был уже я в отставке и проживал в городе Жабрице, – уездный городишко не из важных. Одолели нас купцы, – за все деруть в три города, потому, – конкуренции никакой. А слышим мы, других местах какие-то потребительные общества заводятся. Собрались мы, потолковали, как и что. Только я вижу, дело тянут, – а я мямлить не люблю, я живо, по-русски. Выписал я себе из Питера штуки три уставов этих самых, подобрал себе человек пять таких же незеваек, как я сам, засели мы, благословясь, за работу, уставник склеили, а там и пригласили других сообща обсудить. Ну, само собой, на новинку многие пошли под сотню желающих всякого звания людей. Было у нас заседаний пять, устав рассмотрели досконально, переписали на-бело, подписались и послали, куда надо.

– А много-ли вас осталось на последнем-то заседании? – спросил Ежевикин.

– Осталось нас не так, чтоб очень много, а все-ж таки подписали устав тридцать два человека с росчерком.

– Это как росчерком? – полюбозытствовал Сабельников, улыбаясь сочными губами.

– А, это, извольте видеть, был у вас чиновник один акцизный, так он так расписывался всегда, – сперва росчерк сделает, фигуристый этакий, а потом и фамилию влепит, да так, что сам черт не разберет, где начало, где конец. Мастак был на это. Ну, вот, сделал он росчерк, а сам и струсил. Нет, говорит, я, говорит, подожду, мне, говорит, неудобно, так как я, говорит, все же по бандерольной части: как бы, говорит, за это сверху не влетело. Так один росчерк и остался. Ну ни его, мы отправили, – вышло вроде того, что это верхний так залихватски расчеркнулся. Ну вот, нас долго не томили, – прошло этак годика два с небольшим, – устав мы получили обратно, и пишут нам: так-то и так-то надо изменить, сообразно с местными условиями. Мы, делать нечего, снова собрались, сменили, что велено, переписали, подписали и послали.

– А сколько было вас тогда? – спросил Ежевикин.

– Было нас весьма достаточное число: двадцать-три человека, из старых девять, да новых четырнадцать.

– Недурно! – воскликнул Ежевикин.

– Ну, что-ж такое, – известно, кто умер, кого в другой город перевели, кому некогда было... Вот, послали мы, и ждем. Ну и дождалось, – через три года прислали нам устав, и уже совсем утвержденный, как следует. Хорошо-с. Мы ликуем. Соорудили на радостях выпивку такую, что потом в неделю еле очухались, а там и собрались. Привалило сразу тридцать девять человек, да еще сомнительных сотни полторы, – посмотреть. А после, говорят, и мы примкнем. Ладно. Выбрали распорядителя, казначея. И вижу я, попал в казначей такой господин, которому я носового платка не доверил бы. Как это вам понравится? Но я молчу, – выбран законно, воля большинства, – тут нечего растабарывать. Однако, думаю себе: нет, думаю, такому господину я постерегусь свои деньги, свой пай давать. Ну, и представьте себе, из всего этого нашего общества...

– Ничего не вышло, – перебил Ежевикин.

– Именно так. Удалось этому господину собрать всего три пая, да и те он в тот же вечер пропил, – ну, а другие уж и не давали денег. Распорядители было туда, сюда, – давайте, говорят, господа, другого казначея выберем. Но только все отмахиваются: в своем-то, мол, кармане денежки целее будут, авось.

– А вы-то сами, Иван Степаныч? – спросил Сабельников.

– А уж я, милостивые государи, отстранился-с. Если они не знают, кого выбирать, то и наплевать, с позволения сказать. Помилуйте, я для них трудился, распинался, хлопотал, а они выбирают не меня, а какого-то, извините за выражение, прохвоста! Сами и виноваты, – без меня у них ничего и не вышло.

К ЗВЕЗДАМ

I

Сереза чувствовал себя обиженным. Это, как всегда, заставляло его как-то некрасиво сжиматься в своем костюме небольшого мальчика, — коротеньком и узком костюме, которого Сереза не любил и не умел носить: он был неловок и мешкотен в движениях. Сердце его досадливо и томительно билось, и он глядел злыми черными глазами, через куртину пестрых и пахучих цветов, на изгородь дачи, где они, — Сереза, мама и папа, — жили. У ворот стояла коляска. Мама собиралась уезжать и весело беседовала с чужими мужчинами, которые все были длинные и развязные, и все по-шутовски, казалось Серезе, одетые. И отец был с ними...

Мама сказала сейчас Серезе, целуя его на прощанье:

— Ах, милый мой голубок, ты мне что-то хочешь рассказать? Вот подожди, я скоро приеду, мы поговорим тогда вволю, и о звездочках.

Сереза слышал неискренние ноты в мамином голосе, и уже знал, что это только так говорится. Мама была такая нарядная, от нее сладко пахло духами, и это досаждало Серезе.

— Он у меня такой фантазер, — сказала мама. — Представьте, он мне вчера лепетал что-то о звездочках, вы понимаете, что-то детское, наивное, но, право, поэтическое. Он у меня будет художник, не правда ли?

Гости смеялись, и папа смеялся, не выпуская изо рта сигары, которая от его смеха качалась у него во рту. Потом все ушли, а Сереза остался. И вот он стоял один среди сада и сердито смотрел туда, где мама.

Когда мама уехала, бледное, но полное лицо Серезы из злого сделалось тоскливым, и он повернулся к дому. Деревянный дом, с мезонином, был так красив, и так ярки и пахучи были цветы в окнах и на балконе, и так зелены были ползучие стебли, обвивавшие столбы балкона, что Серезе стало жутко, — он почувствовал себя чужим здесь, — и это все нарядное было ему темно и странно. Ему не захотелось входить в комнаты, где он будет, предчувствовал он, тосковать среди удобной и дорогой мебели, среди красивой и неизбежной обстановки, где все прилично и надоедливо.

Грустно наклоняя мало загоревшее, некрасивое лицо, побрел он тихонько в глубь сада. Там, прилегши грудью на забор, долго смотрел он на возню двух босоногих мальчишек, игравших на дворе. Они были одного возраста с Серезой, но он не мог играть с ними: это — неприлично и запрещено. Ему было жаль, что он не может идти к этим веселым мальчишкам. Он с любопытством наблюдал, как они поочередно догоняли один другого, играя в пятнашки. Беготня была удовольствием, запрещенным Серезе: у него сердце начинало от беготни сильно колотиться, и он останавливался, задыхаясь. Но теперь, когда бегали другие, он жадно следил за ними и смеялся от радости, наводимой на него их беганьем и криками, — и сердце его порой так трепетало, как будто он сам бежал с мальчишками. Впрочем, он старался сдерживать свой смех: ему стало бы стыдно, если бы увидели, что он с таким интересом наблюдает игру уличных ребятшек.

Мальчишки приостановили свою игру и, стоя среди двора, звонко и крикливо совещались, словно переругивались. Сереза все смотрел на

них, – ему было странно, что они такие растрепанные и босые, и что от этого им ничуть не становится неловко. Они опять забежали, но Сережины мысли разбрелись...

Крик на дворе заставил его вздрогнуть. Кухарка Настасья, неистово крича, колотила одного из игравших мальчишек, своего сына, а он отчаянно выл. Сережа взвизгнул от страха и от чужой боли, которую он вдруг почувствовал в себе, и убежал...

Ни мама, ни папа не вернулись и вечером. Сережа оставался почти все время один, потому что гувернер его, белобрысый студент, с добродушной ленцой, ухаживал сегодня за франтоватой горничной Варварой, которую Сережа не любил за то, что она угодливо смотрела в глаза барыне и целовала ее руки.

Когда совсем свечерело, Сережа потихоньку вышел из дому и ушел в одну из дальних дорожек сада. Там улегся он на скамейку, заложил руки под голову и принялся смотреть на небо. Оно словно таяло слой за слоем и постепенно обнажало спрятанные за ним звезды и темно-голубую зазвездную бездну.

Сырость и прохлада июльского вечера охватывали мальчика. Если бы старшие увидели его в саду, его прогнали бы в комнаты. Он сам знал, что ему вредно лежать здесь, под сырыми ветками сирени, – он такой изнеженный и нервный, – но он нарочно оставался и сердито припоминал, как пренебрежительно обошлась с ним мама, и как посмеивались гости, глядя на его маленькую фигурку. Ему припомнилось еще, как однажды тетя Катя назвала его миниатюрным, и это слово теперь досадовало его.

«Разве такие миниатюры бывают?» сердито думал он. «И зачем все старшие всегда скалят зубы и стараются говорить смешное и веселое? Смеются от радости – это можно, но они смеются от злости. И от зависти, что я маленький, а они скоро умрут.»

Он думал, что если бы он был сильный, то он заставил бы тетю Катю стать на колени перед ним и просить прощения. Но чтобы никого при этом не было, – чтобы некому было смеяться. И он взял бы тетю Катю за ухо и сказал бы ей:

– Смотри, другой раз хуже достанется.

И она ушла бы, смиренная и без смеха. А с теми, долговязыми мужчинами, что сделал бы он? Ничего, прогнать их, и только. Только бы ни они сами, ни воспоминание об их глупом смехе не мешали ему смотреть на звезды, которые, как и Сережа, им не нужны.

Звезды, далекие и мирные, смотрели ему прямо в глаза. Они мигали и казались робкими. Сережа был тоже робкий, но теперь он чувствовал, что ему и звездам хорошо. Он вспомнил, что его студент говорил ему, будто бы звезды каждая, как солнце, и со своей землей. Но он не мог поверить, что там так же, как и здесь. Он думал, что там лучше. Ему было жаль, что нельзя попасть туда, – земля большая, она притягивает. Если бы она не притягивала, то можно было бы улететь туда, к звездам, и узнать, что там делается, живут ли там ангелы с белыми крыльями и в золотых рубашках, или такие же люди...

Отчего звезды так внимательно смотрят на землю? Может быть, они и сами живые, и думают?

Сережа долго смотрел на звезды и забывал свою досаду и свою злость. Кротко и ясно становилось в его душе. Его лицо с пухлыми, но бледными губами казалось невозмутимо-покойным.

Звезды все яснее и ласковее горели над Сережей. Они не затмевали одна другой, – их свет был без зависти и без смеха. Они с каждой минутой словно приближались к мальчику. Радостно и легко

сделалось ему, и казалось, что он плывет на скамейке, покачиваясь в воздухе. Звезды приникли к нему. Все вокруг чутко и ожидаательно замолчало, и ночь сделалась гуще и таинственнее. Как бы сливаясь со звездами, он забыл про себя самого и потерял все ощущения своего тела...

Вдруг визгливые звуки гармоники долетели откуда-то издали, и пробудили Сережу из его самозабвения. Сережа удивился чему-то, – быть может, этому минувшему самозабвению, – и потом досадно стало ему на разбудившую его гармонику, грустные звуки которой прыгали и кобянились над мальчиком. Эти звуки, нахальные, скрипучие, неотвязчивые, напомнили ему все, что бывает днем, – гостей, студента, Варвару, мальчишку, которого была мать и который неистово кричал, – и от этого последнего воспоминания Сережа вдруг задрожал, и сердце его больно забилося. Тоска охватила его, и великое нежелание быть здесь, на этой земле.

– А что, если меня земля не притягивает! – вдруг подумал он. – Может быть, я могу, если захочу, отделиться и улететь? Меня звезды притягивают, а не земля. А вдруг я полечу?

И вот показалось ему, что звезды тихонько зазвенели, и земля под ним медленно, осторожно стала наклоняться, и забор сада потихоньку пополз вниз у его ног, а скамья под ним плавно задвигалась, подымая его голову и опуская ноги. Ему стало страшно. С криком слабым и резким вскочил он со скамьи и бросился бежать домой. Ноги его отяжелели, сердце больно стучало, – и казалось Сереже, что земля с глухим шумом колеблется под ним.

Дрожа, вбежал он в комнату. Никто не заметил его. Как всегда, горели лампы в пустых комнатах, и голоса людей слышны были близко.

– Чего же я испугался? – соображал Сережа: – ведь я лежал, вот и вышло, что забор был против моих ног, – а мне показалось, что земля повертывается.

И ему захотелось поскорее идти к людям, и не быть одному. Но когда он вошел в ту комнату, из которой слышался ему веселый голос его гувернера, то заметил, что помешал ему беседовать с Варей. Студент быстро повернулся к мальчику с принужденным и смущенным видом. Его руки были неловко расставлены, потому что он сейчас только держал их на Вариных плечах. Варя, которая стояла около стола, словно ей надо было что-нибудь прибрать на нем, усмехалась блудливой улыбкой и смотрела на Сережу, как на непонимающего, с видом превосходства. Но Сережа знал, что Константину Осиповичу, студенту, нравится Варвара, и что он с ней только так занимается шутками, а не женится на ней, потому что они не пара. Теперь ему сразу стало неприятно смотреть на них. Он думал, что у них нехорошие лица, и у курносого и рябого студента, и у краснощеккой и чернобровой горничной. Он не знал, что нехорошего в их лицах, но они наводили на него досаду и стыд.

Он отвел от них глаза и смотрел на лампу, завешенную красным бумажным колпаком с тонкой сквозной оторочкой. Но звезды припомнились ему, и тягостно стало смотреть на красный свет лампы. Он отошел к окну, – земные огни, мгlistые и дымные, отовсюду глянули на него. Недалеко, на одной из дач, горели бумажные фонарики, – должно быть, по случаю какого-нибудь семейного праздника. Тоской повеяло на Сережу от всех этих крикливых и резких огней.

– Что это, – жалобно заговорил он, – когда же мама приедет?

– Маменька ваша поздно приедут, – ответила Варвара сладким

голосом, – вы их, Сереженька, завтра утром увидите, а теперь уже вам спать пора.

Сережа посмотрел на Варвару злыми и холодными глазами, которые странно мерцали на его желтовато-бледном лице. Его губы повело злой усмешкой, и от этого щеки его словно припухли внизу. Злость захватила его сердце вмятым томлением, похожим на томление голода.

– Я лягу, – сказал он слегка вздрагивающим голосом, – а ты с ним целоваться будешь?

Варвара покраснела.

– Чтойто, Сереженька, как вам нестыдно, – неуверенно сказала она, – вот я маменьке пожалуюсь.

– Я сам пожалуюсь, – ответил Сережа, и хотел еще что-то сказать, но не мог, потому что томления злости и тоски до боли сжимали его сердце и горло.

– Вы, Сережа, сократитесь, – посоветовал студент, стараясь прикрыть свое смущение авторитетным тоном и презрительной усмешкой, – да отправляйтесь-ка спать.

Сережа посмотрел на него изподлобья и молча отправился в свою комнату.

Раздеваясь, он постарался забыть и о студенте, и о Варе, и о всех людях, – ему хотелось кротко и любовно помечтать о звездах. Он подошел к окну и, слегка отодвинув штору, посмотрел на небо. Оно все искрилось и сверкало. Как алмазы, были звезды, и блеск их казался холодным, – как бы прохладное дуновение нисходило от них.

Согнувшись и припав плечом к околотке окна, стоял Сережа и грустно думал о том, что никак нельзя допроситься у звезд, что и как там, – и холодные глаза его мерцали на бледном лице. Но, когда он стоял так и смотрел на звезды, понемногу злость его смиралась, и сердце перестало томиться.

Ночью, мир таинственный и чудный снился Сереже, мир на ясных звездах. На деревьях вешего леса сидели мудрые птицы и смотрели на Сережу, – и под ветвями деревьев медленно проходили мудрые, невиданные на земле звери. Сереже радостно и легко было быть с ними и с людьми того мира, которые все были ясные, смотрели большими глазами и не смеялись.

II

День был жаркий, и Сереже было грустно. Он не любил жара, не любил яркого солнечного освещения, и днем все чего-то боялся. Весь этот жар и свет тяжело ложились на его грудь, и в ней пробуждалось по временам, где-то около сердца, неприятное томление и трепетание.

К тому же днем грубо проставали к нему с наставлениями и занятиями, когда он хотел быть один и думать, или пренебрежительно отталкивали его недосугом, когда ему хотелось поговорить о чем-нибудь своем. Каждый день бывали чужие люди, все больше мужчины, развязные и шумные. Все они казались Сереже темными, – словно пыль от их вечного смеха налипла на них.

Сереже хотелось, чтобы опять, поскорее, настала ночь: он поглядел бы, так ли и сегодня мерцают звезды, как вчера мерцали. Опять было бы радостно, а днем – тоска! Потому что все чуждо и враждебно. Отец – совсем чужой. Он даже не знает, о чем говорить

с Сережей: остановиться перед ним, погладить по голове, спросить что-нибудь несвязное и ненужное, вроде того, что:

– Ну, что, Сережа, как?

И уже сейчас же, не дожидаясь, что скажет Сережа, начинает говорить с другими. Мама, так та иногда вдруг возьмет Сережу за плечи и начнет ласкать его и говорить с ним, и тогда она делается такая простая и светлая, что Сереже даже не страшно ее нарядного платья, и он доверчиво прижимается к ней. Но это бывает редко, совсем редко, а то обыкновенно и мама бывает чужая, любезная с гостями, нарядная и благоухающая для них, для всех этих длинных и смешно по-модному одетых мужчин, а с Сережей холодная, пренебрегающая.

«Да, и мама – чужая, – думал Сережа, – и все, что днем, надоедает, а вот звезды – мои; все он смотрят на меня и не отвертываются. Они светлые. А на земле все темное. И мама только изредка бывает светлой. А может быть, моя душа где-нибудь там, на звезде, а я здесь только так, один, как сплю, и потому мне скучно?»

В обычное время Сережа отправился купаться со своим гувернером, Константином Осиповичем. Сереже хотелось говорить о своих мыслях, и он думал, что теперь это удобно, потому что студенту тоже жарко и, повидимому, неприятно от этого; он шагал лениво и не улыбался.

– Солнце темное, – заявил для начала Сережа.

Студент неопредетельно хмыкнул.

– Правда, – убеждающим голосом продолжал Сережа. – На него нельзя смотреть. А если посмотришь, потом темные круги в глазах. И день темный: ничего не видно на небе. А ночь светлая. Звезды лучше, чем солнце.

– А вы очень высоко не заноситесь, Сережа, – лениво остановил его студент, – меньше глупостей скажете.

Сереже была неприятна грубость студента. Но он продолжал говорить.

– Ведь вот все видят, что у вас на плече полотенце.

– Ну? – спросил студент, и опять Сереже не понравился грубый звук этого нуканья. Он легонько вздохнул и сказал:

– Значит, все знают, что мы – купаться.

– Так, – подтвердил студент тоном человека, слушающего очевидный вздор. – Что же из этого следует?

– А вот мы влезем в купальню. Там тесно, а мы там будем по-секрету купаться, а выплывать нельзя.

Студент вдруг оскалился и захихикал как-то совсем странно. Сережа с удивлением посмотрел на него. У студента было опять нехорошее лицо, такое же, как вчера вечером. Сереже стало неловко и досадно, и он заговорил о другом.

– Какие глупые лошади на земле, – сказал он, глядя на покорную морду мохнатой извозчицей лошадедки.

Извозчик, на припеке, дремал на козлях, дремала и лошадь. Сереже вспомнились мудрые животные, которых он видел во сне, те смотрели и знали, а эти...

– Право, глупые, – повторил он.

– Чем они вам не угодили? – спросил студент, все еще хихикая.

– Да как же, сильные, а глупые: таскают на себе людей.

Студент захохотал. Сережа вздрогнул от внезапного этого хохота и тоскливо поглядел кругом. И все везде было звонко, тревожно и

чуждо: дачи, яркая зелень, яркий песок на дорогах, яркие цветы в садах, нарядные дамы. И рядом с роскошью этой жизни сновали грязные босые мальчишки с жадными и робкими глазами.

В купальне, когда Сереже стало свободно и весело от холодной воды, ему опять вспомнились, что люди стыдятся, и что нельзя выплыть на широкий простор. И он не понимал, что было в нем стыдного, когда ему здесь так легко и удобно, в этой воде, которая холодна и спокойна, и держать его в своих объятиях. Вот там, на земле, когда он наденет свой костюм, он опять станет маленький и смешной, а здесь он простой и ясный. Он быстро колотил руками и ногами по воде, взвизгивая от радости и подымая над собой облака брызгов. Буйная веселость охватила его, и в то же время нестерпимая злость на то, что тесно, и что беспрестанно чувствуются стены то под руками, то под ногами. Он стиснул зубы, пронзительно завизжал и нырнул под стенку купальни, – вода была низкая, и ему не трудно было очутиться на открытом месте. Было светло, просторно, холодно и весело. Рядом стояла другая купальня; из нее слышались голоса и вскрикивания девочек. С радостным и громким визгом Сережа сунулся в эту купальню.

Увидя у себя мальчика, девочки, – их было человек пять, и они были одни, без взрослых, – подняли крик и писк, и стали нелепо барахтаться в воде, отвертываясь от Сережи и брызжа в него водой. Одна из них, посмелее, рослая девочка, всмотрелась в Сережу, крикнула сердито и пренебрежительно:

– Совсем маленький мальчик!

И поплыла к нему, очевидно, с враждебными намерениями. Сережа поспешил спастись в свою купальню.

Молча слушал он нотации студента и одевался, а глаза его были злые и светились по-змеиному. Грубые и неуклюжие слова студента шли мимо его, как и почти все эти праздные слова, которых он уже так много слышал. Но он думал, что студент, конечно, насплетничает дома, и опять будут бранить и смеяться, и от этого Сереже делалось тоскливо. «Каждый день смех и стыд! – думал он. – И чем я заслужил такую жизнь?»

Дома Сереже стали доказывать неприличие его поступка, – все на него одного: и мама, и тетя Катя, папина сестра, полная дама с желтым и морщинистым лицом, и кузина Саша, тетина дочка, тонкая барышня с ровным и тягучим голосом. Сережа тупо слушал слова и не следил за ними. Он и сам знал, что считается неприличным делать то, что он сделал, но думать об этом ему было совсем неинтересно.

Мама вздохнула, полузакрыла свои красивые черные глаза и молвила тихо, ни к кому особенно не обращаясь:

– Какой-то он нынче у нас непокойный, – и с чего это он, право, я не понимаю.

Тут мама посмотрела на студента.

– Вы бы, Константин Осипыч, – начала она, и замялась, не зная, что сказать: построже или помягче; наконец она кончила:

– Как-нибудь... этак, – и сделала при этом один из тех изящных жестов, которые так не нравились Сереже.

Константин Осипович состроил понимающее лицо, и глубоко-мысленно заметил:

– Нервезность сильная... вообще... поколение... и конец века.

Тетя Катя сказала таким кислым и усталым голосом, как-будто бы это она больше всех была обижена и Сережею, и всем прочим:

– Нынче уж и дети, вот у Нечаевых мальчик, но это ужас что такое.

Она наклонилась к мамину уху и зашептала. Сережа угрюмо стоял поодаль, ожидая, когда его отпустят, и думал коротенькими и злыми мыслями. Мама с удрученным видом выслушала секретный рассказ, опять вздохнула и сказала:

– Да, дети... Столько забот... Право, уж и не знаешь, как с ними быть. Ты, Сережа, голубчик, уж ты и сам воздерживайся от всяких таких выходов. Пойми, тебе самому вредно: тебя бранят, а ты волнуешься. А тебе вредно волноваться. Да и меня пожалей, ты меня совсем расстраиваешь. И без тебя забот...

– Вот видишь, Сережа, – сказала кузина, – ты огорчаешь свою маму, а это нехорошо.

Сережа поглядел на ее светлое платье с буффами, бантами, складками, и подумал, что она напрасно вмешивается, – вовсе не ее дело. Она говорила еще что-то неторопливо и ровно, и тонкие губы ее противно двигались. Тягучие звуки ее голоса наводили на Сережу тоску и злобу, и сердце его опять замирало и томилось. Наконец он сказал, перебивая кузину на полуслове:

– Кузина Надя вышла замуж, а у тебя и в этом году нет женихов, и не будет, потому что ты уксусная.

Мама рассердилась, покраснела и сказала:

– Сергей, тебе наказать придется.

Кузина сжала свои тонкие губы. Тетя воскликнула:

– Какой ты злой, Сережа!

– Ничего не остается, как только наказать, – усталым голосом повторяла мама.

Сережа угрюмо посмотрел на нее. Он почувствовал, что сердце его бьется чаще, а щеки бледнеют. Он думал: «Если бы взрослым каждый день грозили наказать. Наказать!»

– А как? – спросил он.

– Что? – с удивлением переспросила мама.

– Как наказать?

– Да уж тебя не спросят, как, – гневно заговорила мама. – Вот позову Варвару, так ты и увидишь тогда, как.

– К Варваре на расправу? – спокойно спросил опять Сережа.

Мама всплеснула руками и нервно рассмеялась.

– Вот поговорите с ним, – звенящим от обиды голосом сказала она. – Нет, уведите его, Константин Осипович, я не могу. Идиот какой-то растет.

Сережа засмеялся таким же взвизгивающим смехом, как и мама, и выбежал из комнаты. Красная портьера неприятно задела его по коротко-остриженной голове шершавой материей. Сережа подумал вдруг, что его всегда обижают, и что всякий другой на его месте непременно расплакался бы. Но он никогда не плачет, и ему теперь даже стало жалко, что он не заплакал: мама, может, стала бы утешать его и приласкала бы. Горячее желание маминых поцелуев и ласки безнадежно-острой струей пробежало в душе мальчика, но он быстро подавил в себе это желание. Губы его капризно сжались, а вздрагивающий подбородок прижался к груди. Бегом добрался он до своей комнаты, повалился ничком на постель, заболтал в воздухе согнутыми в коленях ногами и принялся тихонько взвизгивать странными, некрасивыми звуками. Его злые глаза мерцали и расширились, и чернота их зрачков казалась глубокой от соседства с его лицом, бледным до желтизны и мало загоревшим.

III

Кто-то тронул Сережу за плечо. Сережа досадливо взмахнул ногами и повернулся на спину. Над ним стоял Константин Осипович. Лицо студента, рябое, курносое, обросшее маленькой и мягкой рыжеватой бородкой, было важно, и это не шло к нему и было смешно. Сережа сразу увидел, что студент имеет какое-то дело до него, может быть очень скверное, и мальчику стало тоскливо и страшно. Он лежал неподвижно, с протянутыми вдоль руками, и плотно, всем телом прижимался к постели. Его черные глаза на бледном лице сверкали, они были сухи и злы.

Студент постоял над мальчиком, нахмурился и сказал:

– Во-первых, днем нельзя валяться.

Сережа молча сел на постели, а потом и вовсе стал на ноги. Он не отрываясь смотрел на студента, снизу в его лицо, высоко подымая для этого голову, и как-то совсем ничего в это время не думал. Студент еще больше нахмурился, искал слов и начал говорить:

– И всячески вы того... сбрендили...

– Сбрендил, – согласился Сережа совсем машинально, и принялся рассматривать руки студента, большие, костлявые, с синими толстыми жилами.

– Вы не перебивайте, – сердито сказал студент. – Вы того... дерзостей там наговорили барышне, и маменьке тоже. Так оно выходит этак... неказисто. Совсем, знаете, это вы неосновательно поступили. Ну-с, грубиянить, это – не того и совсем... ну, одним словом, неказисто.

Студент сделал энергичный жест, словно он рукой что-то проталкивал быстро и сильно в узкую щель. Сереже было досадно, что он так долго тянет и говорит нескладно.

– Просить прощенья надо? – спросил Сережа.

– Вот оно самое и есть, – обрадовался студент. – Вы этого... того... шаркните там, ну и в ручки.

– Да хоть в ножки, мне все равно, – угрюмо сказал мальчик.

– Ну, это, приблизительно, лишнее.

– А пороть не будут? – осведомился Сережа деловым тоном.

Студент ухмыльнулся, точно он услышал о чем-то, очень ему дорогом и приятном.

– Не собираются, – ответил он, – а следовало бы.

Ему бы хотелось пострашать мальчика, но он не смел: черные и злые глаза Сережи наводили на него смущение, и все слова и поступки Сережины казались ему неожиданными.

Мальчик постоял еще немного, подумал о чем-то смутном и постороннем, и переваливающеюся походкой пошел в гостиную. Студент шел за ним и думал, как бы мальчишка не наговорил еще дерзостей. Но все обошлось благополучно.

Когда Сережа вошел в гостиную, то и мама, и тетя, и кузина, все сидели и молча глядели на него, а отец стоял у камина, длинный, весь в сером, и усмехался едва заметно, равнодушно и пренебрежительно. Сережа направился к кухне, остановился перед нею, шаркнул ногой и сказал ровным голосом, как отвечают затверженный урок:

– Простите меня, кузина, что я сказал вам дерзость.

При этом щеки его несколько не окрасились. Холодными глазами посмотрел он в притворно-благосклонное лицо кузины, постоял еще немного перед нею, потом подвинулся к ней поближе, наклонился

и поцеловал ее руку таким движением, словно выполнял неинтересный ему самому, но уже так принятый обряд. Кузина кисло улыбнулась.

– Я не сержусь, – сказала она, – а только тебе самому нехорошо, если ты приучишься грубиянить.

Сереза опять шаркнул ногой, так же спокойно направился к матери и проделал с ней все то же, что и с кузиной. Мама сказала ему недовольным голосом:

– Не говорил бы дерзостей, не пришлось бы и прощенья просить.

Сереза подошел к отцу. Отец притворился строгим и сердитым, но Сереза знал, что ему все равно, что он – чужой.

– Что, сорванец, опять напраказничал? – спросил отец.

Сереза нахмурился, и сообразил, что можно и не отвечать. Отец подумал, и не нашел сердитых слов. Это его рассердило, и он досадливо засмеялся.

– Клоп! – сказал он, и щипнул сына за щеку. – Достукаешься ты до хорошего ушения.

– Только, пожалуйста, не сегодня, – серьезно сказал Сереза, потирая щеку, на которой показалось красное пятнышко.

– Ну, отправляйся к себе, – хмуро сказал отец.

Сереза вышел, а студента удержали. Из этого Сереза понял, что будут опять говорить о нем. Он отошел немного, тихонько воротился, притаился за портьерой, и принялся слушать.

– И заметили вы, – говорила мама измученным и неискренним голосом, – с какой злостью он просил прощенья?

– И в кого он у вас такой недобрый? – спрашивала кузина.

– Нервы, – сердито проворчал отец, – мальчишку ведут, как девочку, он и изнервничался.

– Ах, какие там нервы, – грубым и громким голосом заговорила вдруг тетя, – просто вы набаловали мальчика. Надо строже.

– Как еще строже, – недовольным голосом отвечал отец, – бить его, что ли?

– Конечно, не мешало бы тебе его иногда высечь, очень бы это для него было полезно.

– Это нельзя, – решительно и с досадой сказал отец, не потому, что он так думал, а потому, что считал такой разговор с дамами неприличным и стеснялся при них таких грубых слов.

– Отчего это нельзя? – с неудовольствием возразила тетя, – не беспокойся, не растреплется.

– Ах, я, право, на понимаю таких разговоров, – раздражительно сказал отец, и сейчас же переменял тон и заговорил о другом, чтобы прекратить этот неприятный для него разговор: – да, я чуть было и не забыл, сегодня я у Леонида Павловича...

Сереза поспешно, стараясь не зашуметь, отошел от двери. Он пошел в сад. Когда он проходил мимо кухни, он услышал, как там Варвара говорила кухарке со смехом:

– А наш-то коротелька как ловко отбрил барышню.

И она рассказывала, что сказал Сереза, и при этом прибавляла и перевираала, и они смеялись звонко и грубо. Сереза пошел дальше. Он чувствовал злость. «Везде смеются», думал он, – «люди не могут не смеяться друг над другом». Он поднял глаза к небу, но оно было еще закрыто белесоватой синевой. Сереза тоскливо потупился и лениво шел по дорожкам сада.

У самого края песочной дорожки сидела маленькая и чахлая лягушечка. Она была противна Серезе. Вдруг у него мелькнула шаловливая, мальчишеская мысль. Черные глаза его радостно засверка-

ли. Он наклонился и схватил лягушку в руки. Она была вся слизкая, и Сереже было очень противно держать ее. Это ощущение скользкого и отвратительного расплзлось по всему его телу и щекотало в зеве. Торопясь, спотыкаясь от торопливости, он побежал в гостиную. Там отца уже не было, а остальные сидели на тех же местах. Все трое посмотрели на Сережу с презрительной усмешкой. Сережа подошел прямо к кухне.

– Смотрите-ка, – сказал он, – какую я поймал хорошенькую...

И он посадил лягушку на колени кузины. Кузина отчаянно взвизгнула и вскочила с места.

– Лягушка, лягушка, – кричала она, бестолково махая руками.

Все переполошились и вскочили с мест, а Сережа стоял и смотрел на кузину, которая кричала и рыдала истерически. Сереже казалось, что она кривляется, и ему было стыдно за нее.

– Она же не вредная, – сказал он, – она не укусит.

Но, видя, что его не слушают, он тихонько повернулся и вышел из комнаты. Его не остановили, потому что барышня впала в истерику, а мама и тетя ее расшнуровали и отпаивали водой с каплями.

Сережа знал, что теперь-то его наверное накажут, – впрочем, ему было теперь все равно. Голова его слегка кружилась, пустяки развлекали его. Портьера, под которую он пошел, колебалась и темнела в складках, и была повешена, конечно, только для того, чтобы задевать проходивших мимо, шершавой материей по остриженной голове. Она была красная, и осталась за ним, а он ушел к себе.

Он сел в своей комнате на подоконник и смотрел в сад злыми и черными глазами. Деревья были ярко-зелены, и с длинными прутьями, воробьи прыгали, солнце бросало резкие пятна на землю, и желтый песок резко блестел. Все было грубо, и все злило Сережу, – и от этого у него билось сердце, и он чувствовал это так же отчетливо, как иногда ясно чувствуется боль в руке или в ноге. Дразня и растравляя свою злость, он стал воображать, что с ним сделают: как его будут бранить и стыдить, и как потом примутся бить. Он маленький и поместиться на коленях Варвары, голова его будет вниз, а рукам неловко.

Случилось, однако, что Сережу оставили сегодня в покое. Приехала к маме с визитом богатая и важная барышня, и мама была рада этому до чрезвычайности. Дама была очень любезна и участлива, и потому ей рассказали о Сереже, и она пожелала видеть Сережу. Сережа шаркнул передь ней совсем гак, как это следовало, поцеловать ей руку и посмотреть на нее внимательными и злыми галзами. На его взгляд она была большая, грубая и темная, в пышном и шумном платье, от нее неприятно пахло духами, – несколько негармонично смешанных и резких запахов, – и на лице ее было что-то постороннее, пудра или белила. Дама хотела улыбнуться на мальчика, такого коротенького по возрасту, но от его черных и внимательных глаз и от его бледных, слегка припухлых щек она почувствовала смутное беспокойство и сказала Сережиной матери:

– Вы его оставьте в покое, – да, оставьте в покое. Пусть себе играет. Ему надо подрасти. Это все оттого, что он слишком мал для своего возраста.

И Сережу оставили в покое, на волю его глухому раздражению, которое, не унимаясь, мучило его, – словно вчерашние звезды отравили его. Он томительно ждал вечера, когда опять снимется эта свежая и тяжелая завеса, которой солнце закрывает звезды. И он дождался.

IV

Серезу рано отправили спать. Сегодня мама была дома, и Серезу не пустили вечером в сад, а за то, что он дурно себя вел, его не оставили с мамой. Но он был рад, когда наконец остался один, раздетый, в своей постели. День кончен, солнца, этого жаркого и грубого чудовища, нет, и ночь тиха, и на небе есть звезды, которыми можно любоваться, если вот встать с постели, тихохонько подойти к окну и отодвинуть штору. Он лежал, нежась в постели, и смотрел на белую штору, и тихо смеялся, а черные глаза его горели радостно. Звезды звали его еле слышным, тонким звоном. Сереза откинул одеяло, спустил на пол ноги и послушал. Ковер под ногами был мягкий и теплый. На нем приятно было стоять. Сереза потянулся, тихонько засмеялся от радости и подбежал к окну, — и холодные доски крашеного пола тоже радовали его. Он отодвинул штору, стал на колени перед окном, положил подбородок на подоконник и принялся глядеть на ясные звезды мерцающими черными глазами. При неверном свете звезд казалось, от легкой припухлости бледных щек, что на губах его улыбка, — но он не улыбался, хотя ему было весело. Долго смотрел он на звезды, холодные, ясные, — и сквозь стекла окна к нему веяли от них холод и покой. Сердце радостно и часто билось в его груди, и он дышал весело и торопливо, точно что-то холодное и радостное вливалось в его легкие. Он ни о чем не думал, — все дневное отошло от него, как сон...

Затихли голоса в доме и на улице. Сереза встал, отошел к постели и принялся одеваться. Обувя своей он не нашел, — сапоги его унесли, чтобы почистить утром. Но он знал, что теперь уже все спят и не увидят. Он подошел к окну, открыл его, взобравшись для этого на подоконник, и вылез в сад, цепляясь за ветки березы. Внизу, на земле, сырость и холод июльской ночи охватили его. Он вздрогнул. Но звезды все глядели на него, — и он поднял к ним свое некрасивое, бледное лицо, радостно засмеялся и побежал по сырой земле, дальше от дома, к той же скамейке, где вчера смотрел он на звезды. Ветки кустов задевали его, и ногам было сыро и неловко, и сердце непомерно билось в груди, — но он торопился, — так много ушло времени, и скоро небо начнет заволакиваться бледным светом, люди проснутся, а звезды опечалятся.

Он добежал, лег на скамью, — и, глядя на звезды, дышал тяжело и не улыбался. Ему было больно: сердце так сильно стучало в груди, что это отдавалось в горле и в висках неприятными и резкими подергиваниями. Он всматривался в звезды и старался этим успокоить свое сердце, — и оно начинало по временам утихать, а то вдруг опять заколотится и делается больно. Но когда оно затихало и только слегка трепетало в груди, Серезе становилось жутко и трепетно-хорошо, и неиспытанное еще им раньше наслаждение заставляло его крепко стискивать зубы и раздвигало его губы бледной и больной улыбкой.

Эти все ощущения мешали ему отдаться звездам, и кроме того вдруг налетели на него целым роем нелепые и ничтожные воспоминания. Они надоедали, Сереза старался избавиться от них, и не мог.

Вот кузина перед зеркалом, с белой пуховкой для пудры в руках, завистливо вздыхает. Отец держит во рту сигару, и от нее вьется синий дым. Улица, дачи, красные огни в окнах, с вокзала едут дрожки безконечной вереницей, на дрожках все мужчины в сером.

Сереза стоит на пароходной пристани, и хочет рассказать о звездах, – но все смеются над ним...

Резкая боль в груди пронизала все тело мальчика. Смутные, серые тени пробежали перед его глазами, – что-то страшное и безликое мелькнуло из-за кустов. Медленно, дрожа всем телом, поднялся Сереза со своей скамейки... Тонкая паутинка коснулась его щеки... Бледный стоял он и черными глазами всматривался в пустоту ночи... Все было тихо и спокойно. Сереза повернулся к дому, – его молчаливые и внимательные окна виднелись вдали из-за кустов, и Сереза почувствовал, что страшно туда идти, страшно даже смотреть туда. Он отвернулся от этого дома и опять лег на скамейку.

Ему стало хорошо. Сердце было спокойно, как-будто его и не было в груди. Сереза прислушался к нему, – оно билось ровно, и только легкое щекотание было где-то около него, но оно было приятно. Сереза перестал думать о своем сердце. Все воспоминания вдруг отошли и не мешали звездам придвинуться...

И вдруг не стало ничего, кроме звезд. Стало совсем тихо, и ночь сгустилась, придвинулась к Серезе и слушала вместе с ним, но звезды радостно молчали, и сияли, и играли переливными своими огнями. Их сияние возрастало, и они сладко и томно кружились, сначала медленно, потом все быстрее. Сереза смотрел вниз на их сияющую бездну со своей высоты, и ему не было страшно, что теперь все эти звезды блещут и сверкают не вверху, как раньше, а внизу, под ним. Кружась, они слились в ясные дуги, свет их расплывался, – словно легкая дрема набежала на них. Белое полотно разостал кто-то между ними и Серезей. Под сводами полотняной палатки румяный мальчик говорил что-то Серезе, а у Серези в руках была вещь и ясная птица из алмазов.

– Оглянись! – сказал мальчик.

Сереза доверчиво оглянулся. Мальчик выхватил из его рук птицу и убежал. Сереза почувствовал, что он плывет и качается. Ветка сирени над ним поплыла с ним вместе. Опять ему стало жутко и радостно. Звезды звенели над ним тихо и нежно. Потом жалобны стали их звуки...

Холод пробежал по Серезину телу, от ног к голове.

– Спасайся! К нам! – тревожно шептали звезды.

Скамейка, на которой лежал Сереза, толкала его и старалась сбросить. Ветер повеял, – и вдруг страшные звуки поднялись везде в деревьях.

Сереза вскочил на ноги. Середце у него трепетало, словно у него выросли крылья. Земля колебалась под Серезиными ногами. Что-то противное и страшное приближалась к нему по земле, гибкое, с яркими зелеными глазами, и кричало ужасно и резко. За спиной Серези кто-то неистово хохотал грубым человеческим голосом. Над хаосом грубых и злых звуков, которые возникали везде вокруг Серези и оглушали его, радостно и призывно звенели звезды, – голоса их были тихие, но внятные для Серези. А в воздухе носилась липкая и тонкая паутина и ложилась на щеки Серези; среди общего смятения и шума, она одна была безмолвна, и это безмолвие липкой паутины было всего страшнее.

Сереза не знал, что ему делать, чтобы спастись от этого шума и от этой паутины. Госка сжимала его сердце. Он побежал, шатаясь, спотыкаясь и плача, не зная сам, куда бежит, – ноги его тяжелели, и сердце с тяжким грохотом стучало в груди, и все вокруг гремело и скрежетало.

Сереза набежал на темный ствол березы, уперся в него

руками, отскочил, шатаясь, назад, и остановилось, колеблясь на ослабелых ногах и шепча в тоске:

– Что мне делать? Что мне делать?

Со страшной, рванувшей все тело болью сжалось его сердце, – и вдруг боль и тоска исчезли. Тихая и нежная радость приникла к Сереже. Он почувствовал, что кто-то повеял на него холодным дыханием и прислонил его спиной к земле. Опять под ним, далеко внизу, засияли ясные и тихие звезды. Сережа широко раскинул руки, оттолкнулся от земли ладонями, и с криком громким и резким, похожим на визгливый голос ночной птицы, бросился торопливо и радостно, с темной земли к ясным звездам. Радостно закружились звезды, и зазвенели стройно и громко, и помчались ему навстречу, расширяя свои золотые крылья. Великий и кроткий ангел подставил его груди свое белое крыло, и нежно обнял его, и закрыл его глаза легкой рукой. И в его объятиях навсегда и обо всем забыл Сережа.

Рано утром нашли его в сырой траве у забора. Он лежал, широко раскинув руки, с лицом, обращенным к небу. Около его рта, на бледной, словно припухшей от улыбки, щеке, темнела струя запекшейся крови. Глаза его были сомкнуты, лицо не по-детски спокойно, он весь был холодный и мертвый.

ЗАДОР

То было лет двадцать назад, – война, – даже подростки много рассуждали о текущих событиях и волновались. Товарищи Вани Багрецова, гимназисты четвертого класса, на переменах больше толковали о политике, чем о своих школьных интересных делах и делишках. Ваня кипел и горячился в гимназии, заодно с товарищами, и дома в безконечных, ожесточенных спорах с бабушкой, а иногда и с матерью.

Однажды, тусклым предвесенним днем, Ваня вернулся из гимназии под впечатлением новых слухов, весь насквозь пропитанный негодованием. Он решился наказать бабушке не мало горьких истин. О, конечно, он никогда не трогал бы ее, – старая, где ей понять! – но в последнее время бабушка слишком злобно нападала на молодежь и даже позволяла себе лживые утверждения, которых Ваня не мог оставлять без ответа.

Не нравились и бабушке, и матери Ванины новые взгляды и его знакомства, – хотя товарищи заходили к нему редко: но тем, конечно, хуже. У Вани, притом, была давняя привычка по вечерам гулять, и уходил он один. Прежде на это не обращали внимания, а теперь Ванины, совершенно, впрочем, невинные, прогулки по городским улицам начинали казаться подозрительными. Их пока не запрещали, – не было очевидного повода, – но и не поощряли: косились и ворчали.

В воинственном настроении вошел Ваня в столовую, стараясь придать себе независимый вид, но в душе волнуясь в ожидании предстоящей схватки. Его бойкие серые глаза, немного близорукие, смотрели задорно и сердито. Бабушка, – высокая, худощавая старуха с быстрыми движениями и очень прямым станом, – была уже «готова», как подумал Ваня, взглянув на нее. Она энергично шагала по комнатам и не обращала ни малейшего внимания на заигрывания серого, сытого

пройдет мимо, и вдруг бросался на подол ее черного платья. Бабушкины темнокарие глаза метали молнии, и черные крылья ее кружевной наколки трепетали и развевались. Ваня сообразил, что это сердятся, зачем он опоздал: случилась необходимость зайти из гимназии кое-куда по самонужнейшему делу, и это заняло лишние полчаса.

Бабушка так и набросилась на вошедшего Ваню.

– А, передовой человек, милости просим, здравствуйте! – восклицала она, иронически раскланиваясь.

Ваня обиделся на неуважительное обращение со словами, выражающими такое почтенное понятие.

– Лучше быть передовым человеком, чем задовым, – немедленно же и с большим достоинством отрезал он.

– Прекрасно! – с сердитым смехом воскликнула бабушка, – очень прилично! Что же, это – я, по вашему, задовой человек? Как это мило! Продолжайте, пожалуйста!

– Что же мне продолжать, – запальчиво отвечал Ваня, – если вы считаете, что постыдно быть передовым, значит, вы сами хотите быть задовым человеком.

– Хорошо, хорошо, – говорила бабушка, принимаясь расхаживать по комнате, – на дерзости вы все большие мастера, а еще материно молоко на губах не обсохло. Недоучки желтогубые, туда же суются учить других!

Ваня жестоко покраснел: он не выносил намеков на свои годы.

– Возраст здесь не при чем, – заявил он решительным голосом и с вызывающим видом посмотрел на бабушку.

– Нет, при чем, при чем! – закрычала бабушка, приходя в сильное раздражение и опять наступая на Ваню, – сперва научитесь хлеб зарабатывать, а уж потом пофыркивайте.

– Где, да, вот что, – пробормотал Ваня, делая чрезвычайно-саркастическое лицо: – «в мои лета не должно сметь свое суждение иметь!»

Ваня имел пристрастие к литературным цитатам, заимствованное им у бабушки; но старуха любила толковать эти цитаты с некоторым изменением их первоначального смысла. Она сердито говорила, расхаживая из угла в угол:

– Да, мы, старики, не должны своего суждения иметь; так по вашему, должно быть, выходит. Только вы, господа недоучки, можете обо всем и обо всех судить и рядить с плеча, – как же, министры какие, подумаешь!

– Да я совсем не то говорю, вы меня не так поняли, – попробовал оправдываться Ваня.

Но бабушка волновалась и кипела.

– Где уж мне, старой дуре, понимать таких умников! У вас, ведь, все по-своему, по-новому: что мое, то мое, а что твое, то тоже мое, – так, ведь, у вас говорится. Прекрасные правила!

– Это вот вы все по-своему перевертываете, – с досадой возражал Ваня: – Никто таких глупостей не говорит.

– Нет, уж лучше ты, батюшка, опять накинулась бабушка на Ваню, – завиральные идеи брось, а то с ними далеко уйдешь. Незнайка – то себе лежит на плечи, а знайка по Владимирке бежит, вот оно что.

Ваня усмехнулся: «Ведь как все пословицы и примеры коверкает на свой лад!» – подумал он, и не мог удержаться, чтобы не заметить:

– Завиральные идеи – совсем не в таком смысле у Грибоедова сказано.

– Ну, уж я стара стала учиться по-вашему, – раздраженно говорила бабушка, вставляя папиросу в деревянный мундштук и закуривая ее: – Мы по-просту учились. В наше время сходок не бывало, и уши выше лба не росли. В наше время мальчишки писем не получали нивесть от кого, да на сходки не бегали. А вот как на сходке-то заберут вас всех, недоучек желтогубых, да и засадят, – то-то радость родителям будет! Ну да, ведь, нынче родители – что!

Бабушка скрыла огорченное лицо в густых клубках табачного дыма.

– Какие там сходки! – угрюмо сказал Ваня. Отчего же нельзя от товарищей получать письма.

– Нынче о родителях вот как рассуждают, – породолжала бабушка, не удостоивая его ответом: – я, мол, не виновата, что ты меня родила, – если бы я тебя родила, то я бы твоя мать была! Вот вы как нынче рассуждаете.

Ваня призадумался о своем и перестал спорить. Вчера он, точно, получил письмо по почте. Вопрос: прочли его, или нет? Еще в гимназии сегодня утром он вспомнил, что имел неосторожность забыть это письмо дома. Теперь он еще не успел удостовериться, лежит-ли оно не месте. Оно спрятано довольно хорошо, но, может быть, искали и нашли. Положим, если бы прочли его, то поняли бы, что дело идет вовсе не о сходке. А и то может быть, что прочесть- прочли, а поняли по своему, т. е. уж очень нелепо и навыворот, «по своей всегдашней глупости», как мысленно выражался теперь Ваня. Конечно, он раньше не замечал за матерью и бабушкой «таких подлостей» (опять его мысленные слова), т. е. подсматривания за ним и шаренья в его бумагах, но, все-таки, сердце его было непокойно: кто их знает, очень уж сегодня бабушка кипитится ни с того, ни с сего. Притом же, как ни оправдывало его содержание письма относительно затеянной, будто бы, где-то сходки, а все же он счел бы большой неприятностью, если бы это письмо стало известно.

Замолчала и бабушка и ходила по комнате, распуская за собой дымовые струи и презрительно посматривала на мальчика.

Ваня подошел к окну и тупо глядел на улицу. Темнело быстро... Он, впрочем, и не старался рассмотреть что-нибудь. Торопливая побежка немногочисленных прохожих на противоположном тротуаре теперь нисколько не занимала его. Воинственный его пыл сменился жуткой тоской. Сердце томительно ныло в Ваниной груди. Ване хотелось бы заплакать, – он чувствовал себя одиноким, непонятым. Гордое сознание своей правоты, – что в нем! от него становилось еще хуже: оно вливало в его тоску отраву безнадежности. Если бы он был неправ, о, это было бы гораздо лучше! Тогда он решился бы исправиться и теперь надеялся бы, что все забудется, обойдется, «перемелется – мука будет». Но он твердо знает, что прав. Он борется с закоренелыми предрассудками своих домашних. Эта борьба страшно трудна и тягостна его кроткому сердцу, которое так жаждет любви и ласки и только не умеет, гордое, ласкаться и стыдиться чувствительности.

Пришла Ванина мать, – робкая, пожилая женщина в сереньком платье, – зажгли огонь, сели у окна в ожидании обеда и тихо разговаривали. Потом скоро мать снова ушла...

Подали, наконец, и обед, а Ваня все еще стоял у окна и хмуро глядел на улицу. Гремяще стула, которым кто-то двигал по полу, заставило его обернуться. Бабушка тащила к столу тяжелый стул, на котором обыкновенно сидела за обедом, и который сегодня почему-то стоял у стены. Гримаса усилии на ее лице смешивалась с

выражением крайнего негодования и самой изступленной злости. Матери еще не было в комнате, Ваня не успел оказать бабушке услугу, и она сама тащила свой стул. Ваня бросился на помощь, но слишком поздно, – стул уже был водворен на место, и Ваня за свое запоздалое усердие получил только толчок по плечу спинкой стула, когда он, тяжело брякнув задними ножками, грузно устоялся перед столом. Совершенно уничтоженный, Ваня сел на свое место. Мать, которая только что вошла, поглядела на него своими маленькими серыми глазами с укоризной и ужасом. Потом она приняла кроткий вид, вздохнула и принялась разливать суп. Бабушка не глядела на Ваню и грозно молчала.

– Мог бы, я думаю, стул подать бабушке, – заговорила мать, подавая Ване тарелку.

– Где уж нам с тобой ждать, Варенька, – злобно возразила бабушка, – скоро он нас бить станет.

– Что это будет, что будет! – вздыхая, сказала мать.

Ее серенькое и маленькое лицо стало озабоченным. Ваня молчал. Ему было обидно и тоскливо. Бабушка молча съела свой суп и потом опять сердито заговорила, обращаясь к Ване:

– И чего они хотят? Нет, вы скажите мне, чего им нужно?

– Все знают, что нужно, – буркнул Ваня.

Ему, вообще, не очень-то нравились такие вопросы, потому что он и сам не совсем еще ясно понимал кое-что.

– Вот как, все знают, только мы, старые дуры не знаем! – насмешливо сказала бабушка.

– Надо, чтобы никого не обижали, – объяснил Ваня.

– Ну, отчего же они не выйдут прямо, да и не скажут: вот, чего мы хотим? Зачем же они подпольно действуют, коли они такие хорошие?

– Если они откроются, их и повесят, ничего и не будет, – говорил Ваня, волнуясь и краснея.

– Ну, так и ты тоже хочешь с ними? – вдруг заговорила мать, быстро и с отчаянием в голосе: – Тоже в подпольные передовые записался? Для того и на сходки к ним бегаешь?

– Ни на какие сходки я не хожу, с чего вы это взяли! – проворчал Ваня, с презрением посматривая на макароны, которые были принесены после супа и теперь лежали на его тарелке.

«Опять эти слизкие сосульки», – досадливо подумал он и, не разрезывая, захватил целую макарону губами и стал всасывать ее в рот. Бабушка этого не любила, но теперь почти не заметила.

– Как ни на какие сходки не ходишь? – допрашивала она: – А вчера вечером где изволил быть? А сегодня после гимназии?

– У больного товарища.

«Тебе-то что за дело!» – кончил Ваня мысленно. «На зло им», хотя макароны были достаточно посолены, он подвинул к себе солонку, запустил туда пальцы и бросил щепотку соли на свои макароны. Тотчас же он подумал: «И так – гадость, а теперь как я буду их глотать?».

Такого неприличия бабушка уже не могла вынести.

– Постыдись! Точно Иуда Христонпродавец! – укоризненно воскликнула она.

– Хорошо вы евангелие читали! – возразил Ваня.

– Что такое? – внушительно спросила бабушка, устремляя на Ваню сверкающий взор.

А мать вздохнула и сокрушенно покачала головой.

– Там вовсе не про Иуду говорится, что хлеб в солонку

обмакнул, – спорил Ваня, не смущаясь.

– Ну, извините, от старости забывагь стала.

Мать снова и как-то безнадежно вздохнула. Помолчали. Ване бы не следовало возобновлять спора, но он не утерпел и опять начал:

– Вот вы забыли, что прежде сами все ругали, а теперь-то вам чего же волноваться?

– Ты врешь, дерзкий мальчишка! – запальчиво крикнула бабушка.

– Нет, я не вру, – резко ответил Ваня.

– Что-ж, я, по твоему, вру? – спрашивала бабушка раздраженно, покрываясь внезапным старческим румянцем.

– Не я вру! – отрезал Ваня, и тотчас же сообразил, что этого не следовало говорить.

Да он, кажется, и не хотел сказать ничего такого, – просто хотел повторить: я не вру, – да впопыхах не то вышло.

– Покорно благодарю!, – с ироническим поклоном сказала бабушка и мрачно ринялась за свои кофе.

Ваня молчал. Мать вдруг вся покраснела и задрожала.

– Нет, уж это тебе так не сойдет, – взволнованным голосом сказала она: – Наговорил дерзостей, обругал всех, да и сидит гоголем. Проси у бабушки прощенья!

Ваня упрямо молчал. Помолчала и мать.

– Слышишь ты, что я говорю? – спросила она, постукивая по скатерти кусочком сахара: – Сейчас же проси прощенья, говорят тебе!

– Никаких дерзостей я не говорил.

– Ну хорошо, сейчас же я тебя высеку.

В стакане, на черной поверхности кофе, Ваня увидел свое, мгновенное зардевшееся лицо. Он чувствовал, как у него краснеют уши, шея и даже плеча. Это было совсем ново, – то, что он сейчас услышал. Так еще с ним никогда не говорили. Ваня имел определенный взгляд на «подобные проявления родительского деспотизма относительно детей». Себя к детям он не причислял, – но, конечно, тем возмутительнее угроза!

– Вы докажете этим только вашу дикость, – проговорил он трепещущими губами.

Сливочник сочувственно вздрагивал в его руке, – но Ваня успел-таки выловить, почти машинально, кусок пенки.

– Так только в старину, при крепостном праве поступали, а теперь это пора оставить.

– Ну вот, ты поругайся еще, подожди немного, – быстрым говорком ответила мать, постукивая ложечкой по блюдечку.

Ваня в досаде и смущении отвернулся к стене и с трудом глотал кофе. Пенка пристала к стеклу, но Ваня забыл про нее и не заботился смыть ее кофейной волной, чтобы заодно отправить в рот.

– Глядит на стену, – узоры какие на ней нашел! – со злым смехом проговорила бабушка.

– Это уж у него злобная привычка такая, – объяснила мать: – мы недостойны, чтоб он глядел на нас.

Ваня поставил стакан на стол, – пенка так и осталась, прилипла на краю стекла. По сбыковению, он подошел поблагодарить обеих. Ему не дали сделать обычных поцелуев, и он должен был благодарить так, – «всухомятку», пронеслось в его голове.

– Вперед чтоб писем не было, и по вечерам чтоб не шляться Бог знает куда, – решительно приказала бабушка.

– Я не шляюсь, я хочу гулять, а письма получаю от товарищей

и пишу им же, – дрожащим голосом отвечал Ваня.

– И никаких писем не надо!

– Нет, надо!

– Слышишь, чтоб не было писем!

– Нет, будут!

– Будут, будут! Это почему? – крикнула бабушка.

– Потому что я так хочу!

Бабушка раздраженно захохотала.

«Ишь, ломается!» – подумал Ваня.

Мать закричала обиженным голосом:

– Да как ты смеешь так отвечать бабушке! Нет, видно одно осталось: сечь и сечь. Марш в свою комнату и жди там.

Ваня стремительно выбежал из столовой и бросился в свою комнату. Сердце спешило биться.

«Пульс–то, пожалуй, теперь 120 будет», – почему–то подумал Ваня, подбегая к своему столу. Поспешно выдвинул он ящик. Перочинный ножик в белой костяной оправе бросился в глаза, хоть и лежал в стороне, полуприкрытый бумагами. Ваня взял его с чувством горестного недоумения. Он не помнил отчетливо, зачем ему нужен ножик, но знал, что именно это нужно. Жалкая улыбка пробежала по его пересохшим губам. Он торопился. Дрожащими и неловкими от волнения, жаркими пальцами оттянул он и выпрямил одно лезвие.

«Недавно наточено», – подумал Ваня, легонько прикасаясь к ладони его белстящим острием.

Ваня быстро подошел к зеркалу, которое висело рядом с окном. Неверный сумеречный свет падал из окна прямо на Ванино лицо, а зеркало было в тени. На Ваню из темного зеркала глянуло словно чужое, злобное лицо с перекосившимся ртом. Ваня поднял ножик и приставил его концом к горлу с левой стороны.

«Как только войдут!» – подумал он и прислушался. Но пока еще никто не шел, и Ваня глядел в зеркало со злобой и отчаянием. В эти минуты ни одно отрадное воспоминание не мелькнуло в голове. Обрывки злых и страшных мыслей сплетались в нелепые вереницы. С каждым ударом торопливого сердца в голову, как молот, ударялось безусловно–повелительное представление о том, что он неизбежно сделает, когда войдут.

Поднявши нож правой рукой, он левой расстегнул пуговицы и обдернул курточку и рубашку книзу. Шея, белая и тонкая, с синеватыми жилками, обнажилась. Ваня поднял голову и слегка провел ножом по тому месту, где будет разрез.

«Так!» – сказал он себе и поставил нож на прежнее место: – «Надо сразу, с силой, глубоко ткнуть и сейчас же, как можно сильнее, дернуть вправо», – сообразил он и опять прислушался. Все еще было тихо.

«Приготовляются!» – горько подумалось Ване. Он передал нож в левую руку и правой, сжатой в кулак (как и раньше, когда в ней был нож), быстро и сильно сделал то движение, которое, надо будет сделать тогда с ножом.

«Так!» – еще раз сказал он про себя, – «только надо отнести руку подальше», – и он еще раз повторил тоже движение с большим размахом.

«Надо бы шведский, – острее, сильнее, – да уж некогда искать, – да и все равно!».

В соседней комнате раздались шаги. Нож мгновенно очутился на своем месте, в правой руке, сжатой в кулак, против открытой шеи. Ваня стоял, напряженно закинув голову назад и немного вправо. С

ненавистью и отчаянием глядели не него из зеркала полуприкрытые злые глаза безумного мальчика, который сделает то, чего назвать не хочет Ваня, да, может быть, и не умеет...

«Но отчего же не идут?»

Там, рядом, сейчас ходили, теперь ушли... Часы начали бить. Где-то зашумели стулом. Слышен разговор, – далекий, одни только звуки. Ваня опустил нож и повернулся к двери, – постоял немного, – потом пошел тихонько, сжимая нож в руке и придерживая другой расстегнутый ворот, – осторожно отворил свою дверь и остановился на пороге. Было темно. В следующей комнате, столовой, куда дверь была закрыта, горел огонь: он выдавал себя к узкую щель внизу двери. Осторожно, на цыпочках Ваня подошел к этой двери. Говорили о нем.

– И где у него письмо это спрятано? – озабоченно рассуждала мать.

«Ага, не нашли!» – радостно подумал Ваня.

– Следить за ним, следить хорошенько надо, – авторитетно говорила бабушка.

«Много выследишь, гриб старый!» – подумал Ваня, застегивая курточку.

– Право, высечь бы хорошенько, – стал бы шелковым, – отчаянным голосом сказала мать.

– Нет, Варенька, нельзя, – возражала бабушка: – Ведь вот у них дух какой: ему внушат товарищи, что это он за правду пострадал, а нас в газетах пропечатают. Да, а что с ним потом поделаешь: ожесточится, совсем от рук отобьется, еще подожжет, пожалуй, или убьет нас, старух.

Мать заплакала.

– Господи, Господи, за что такое наказание? Вот дети, – расти их, заботься, а вот благодарность, – одно горе!

– Что делать, Варенька, надо терпеть, да следить хорошенько. Пострадать можно: авось, будет бояться.

Ваня отошел. Ему вдруг стало стыдно, что он подслушивает.

– Ну, так что-ж! – тотчас оправдался он перед собой: – Зачем же они точно заговорщики! Однако, трусили! Эх, бабы!

Ваня презрительно улыбнулся и швырнул нож на прежнее место.

«Да и я дурака сваял!»

Ваня зажег лампу и подошел к зеркалу. Оттуда мальчик с раскрасневшимся, застыдившимся лицом печально улыбнулся ему, высунул язык и сказал:

– Иди, учи уроки.

«И стоило за нож хвататься!» – думал Ваня, разбирая тетради: – «Если бы и так, что за беда? Многие хорошие люди терпели безвинно. Разве оттого, что меня прибудут какие-то обскуранты, и могу лишиться общество своей полезной силы? Надо шире смотреть на вещи. Страдать за убеждения не постыдно. Это для них было бы стыдно. И зачем у них такие мысли? Все эта старая ворона расстраивает маму: подожгу, убью. Это уж подло так думать. Лучше бы уж высекли. И за что? Что я им сделал? Нет, вперед не буду горячиться с ними. Буду молчать и – презирать их отсталость...»

Успокоив себя такими рассуждениями, Ваня решил заняться уроками, открыл тетрадь, взял перо, – потом вдруг бросил его на стол, подбежал к своей кровати и, уткнув голову в подушку, совершенно неожиданно для себя, горько заплакал, всхлипывая, как маленький.

– За что, за что? Что я им сделал? – в тоске повторял он.

Глупый мальчик не мог еще понять, что он сделал тем, которые тоже томилась, глядя на его внезапный задор и неожиданную грубость...

УЛЫБКА

I

В саду дачи Семибояриновых, по случаю именин одного из сыновей, Леша, гимназиста второго класса, собралось десятка полтора мальчиков и девочек разного возраста и несколько юношей и девиц. Лешины именины и справлялись, чтобы лишний раз собрать молодых гостей для взрослых барышень, сестер именинника. Все были веселы и улыбались, – и взрослые, и мальчики и девочки, которые, играя, двигались по желтому песку подметенных дорожек, – улыбался и бледный некрасивый мальчик, что сидел одиноко на скамеечке под сиренью и молча глядел на своих сверстников. Его одиночество, молчаливость и поношенная, хотя и чистенькая, одежда показывали, что он из бедной семьи и стесняется этим обществом нарядных и бойких детей. И лицо у него было такое робкое и худенькое, и грудь такая впалая, ручонки такие тощие; и так смиренно они лежали, что на него жаль было смотреть. А все-таки он улыбался, – но и улыбка его казалась жалкой: не то ему весело было смотреть на игры и на веселье, не то он боялся не улыбаться, чтобы не рассердить кого-нибудь своим скучным видом и плохим костюмом.

Его звали Гриша Игумнов... Отец его недавно умер; мать посылала иногда Гришу к своим богатым – сравнительно с ней – родственникам, где Гриша всегда чувствовал скуку и неловкость...

– Что ж ты один сидишь, – иди, побегай! – сказала ему мимоходом синеглазая барышня, Лидочка Семибояринова.

Гриша не смел не послушаться, – сердце его забилося от волнения, и лицо покрылось мелкими капельками пота. Он боязливо подошел к группе краснощеких мальчиков. Они посмотрели на него недружелюбно, как на чужого, – и Гриша сам почувствовал сейчас, что он не такой, как они: и не может говорить так смело и громко, и у него нет таких желтых башмаков и задвинутой на затылок круглой шапочки с мохнатой красной шишечкой, как у мальчугана, который стоял к нему всех ближе.

Мальчики продолжали говорить между собой по-прежнему, как будто бы здесь и не было Гриши. Гриша стоял возле них в неловкой позе, принагнув тонкие плечики, крепко держась тоненькими пальцами за свой узенький кушачок, и робко улыбался. Он не знал, как ему теперь быть, и от смущения едва слышать, что говорили эти бойкие мальчики. Они окончили свой разговор и вдруг разбежались. Гриша покраснел. Продолжая улыбаться все так же робко и виновато, он неловко пошел по песчаной дорожке и опять сел на скамейку. Ему было стыдно, что вот он подходил к мальчикам, но ни с кем из них не заговорил, и ничего из этого не вышло. Усевшись, он робко осмотрелся, – никто не обращал на него внимания, никто не смеялся над ним. Гриша успокоился.

Но вот, мимо него медленно прошли, обнявшись, две девочки.

Под их пристальными взорами Гриша ежился, краснел, виновато улыбался...

Когда девочки прошли, одна из них, поменьше, светловолосая, громко спросила у своей подруги:

– Кто этот маленький уродец?

Другая, краснощекая, чернобровая, рослая девочка засмеялась и ответила:

– Я не знаю, – надо будет у Лидочки спросить.

Верно, какой-нибудь бедный родственник.

– Какой смешной! Уши расставил, сидит и улыбается.

Они скрылись за кустами на повороте дорожки, и Гриша перестал слышать их голоса. Ему было обидно, и становилось страшно думать, что еще долго надо здесь пробыть и неизвестно, когда мама с ним пойдет домой...

Большеглазый, тоненький гимназист с упрямым хохолком, торчавшим над его крутым лбом, заметил, что Гриша один и сидит сиротой, – и он захотел чем-нибудь приласкать и утешить мальчика, и подсел к нему.

– Как тебя зовут? – спросил он.

Гриша тихонько назвал свое имя.

– А меня зовут Митей, – сообщил маленький гимназист. – Что ж ты здесь: один, или с кем-нибудь?

– С мамой, – шепнул Гриша.

– Отчего же ты тут один сидишь? – спросил Митя.

Гриша беспокойно задвигался и не знал, что сказать.

– Отчего ты не играешь?

– Я не хочу...

– Что ты говоришь? – не дослышал Митя.

– Мне не хочется, – сказал Гриша немного погромче.

– Не хочется? Отчего же? – удивился гимназист.

Гриша опять не знал, что сказать, и растерянно улыбнулся. Митя внимательно смотрел на него. Чужие взоры всегда приводили Гришу в смущение, – он словно боялся, что в его наружности найдут что-нибудь смешное... Митя помолчал, придумывая, что бы еще спросить...

– Ты что собираешь? – спросил он. – Какие-нибудь предметы, понимаешь, коллекцию? Мы все собираем: я – марки, Катя Покрывалова – раковины, Леша – бабочек! А ты что собираешь?

– Ничего, – ответил Гриша, краснея.

– Как же ты так? – простодушно удивился Митя. – Ничего не собираешь? Напрасно, это очень интересно!

Грише стало стыдно, что он ничего не собирает, и что это обнаружилось. «Надо собирать что-нибудь и мне!» подумал он, но не решился сказать этого вслух.

Митя посидел немного и ушел. Гриша почувствовал облегчение. Но ему готовилось новое испытание... По дорожкам сада гуляла нянька Семибояриновых с их младшим сыном, годовалым бутузом, на руках. Ей захотелось посидеть, и она выбрала для этого ту самую скамейку, где сидел Гриша. Ему опять стало неловко. Он глядел прямо перед собой и не решался даже отодвинуться от няньки на другой конец скамьи. Внимание малытки скоро привлекли оттопыренные Гришины уши, и он потянулся к ним. Нянька, толстая и румяная баба, сообразила, что Гриша – безответный. Она поднесла своего бутуза к Грише, и розовый младенец ухватился своей пухлой ручонкой ему за ухо. Тот обомлел от смущения, но не решился сопротивляться. А ребенок, весело и звонко хохоча, то выпускал Гришино ухо, то

опять хватался за него. Румяная нянька, забавляясь не менее младенца, повторяла:

– А вот мы его! А вот мы ему зададим!

Кто-то из мальчиков увидел и сказал другим, что маленький Жоржик развоевался с тихим мальчиком, который все сидит на скамеечке. Дети сбежались, окружили Жоржика и Гришу и шумно смеялись. Гриша старался показать, что ему ничего, не больно, и что ему тоже весело и забавно, что Жоржик его так хватает. Но ему становилось все труднее улыбаться и страшно хотелось заплакать... Он знал, что нельзя, стыдно, и крепился... К счастью, его скоро выручили. Синеглазая Лидочка, заслыша необычайный смех и восклицания, пришла и увидела, в чем дело, и сказала:

– Няня, как вам не стыдно! что вы делаете?

Ей и самой стало смешно глядеть на жалкое, сконфуженное Гришино лицо. Но, поддерживая перед нянькой и детьми свое достоинство взрослой барышни, она не засмеялась. Няня встала и сказала, посмеиваясь:

– Что ж, Жоржинька легонечко... Они сами ничего не говорят, им не больно...

– Пожалуйста, – чтоб этого не было!..

Жоржик, недовольный тем, что его отняли от Гриши, поднял крик. Лидочка взяла его на руки и унесла подальше – утешать... Ушла за ней и нянька... А мальчики и девочки не ушли. Они толпились перед сидевшим на скамейке Гришей, бесцеремонно оглядывая его...

– У него, может быть, приставные уши, – соображал один из мальчиков, – потому ему и не больно.

– Ты, должно быть, любишь, когда тебя держат за уши? – спрашивал другой.

– Скажите, – спросила девочка с большими синими глазами, – вас ваша мама за какое ухо чаще держит?

– Это ему так на-заказ уши вытянули, в мастерской, – кричал веселый мальчуган, звонко хохоча.

– Нет, – поправил другой, – он так и родился. Когда маленький был его не за руку водили, а за ухо!

Гриша поглядывал на своих мучителей, как загнанный зверек, напряженно улыбался и – вдруг, совсем неожиданно для веселой детворы, заплакал. Частые мелкие слезы закапали на его курточку. Дети сразу притихли. Им стало неловко. Они сконфуженно переглядывались и молча смотрели на то, как Гриша плакал, утирая лицо тоненькими руками и, очевидно, стыдясь своих слез.

– Туда же, обижаться, – сердито сказала русоволосая красавица Катя, – что ему сделали? Уродец!

– Вовсе он не уродец, ты сама урод, – заступился Митя.

– Терпеть не могу, когда говорят грубости, – сказала Катя, досадливо краснея.

Маленькая смуглая девочка в красной юбочке смотрела долго на Гришу, особенно хмуря брови, очевидно, размышляя о чем-то. Потом она обвела других детей недоумевающим взглядом и тихо спросила:

– Так зачем же он улыбался?

II

Одновки у Гриши бывали редко, – делать их часто средств не хватало у его матери, – и потому каждая обновка была ему в большую радость. Наступила осень, стало холодно, – и справила Грише

мать пальто, шапку и рукавицы. Больше всего порадовали Гришу рукавицы...

В праздник после обедни он надел все свои обновки и отправился гулять. Он любит гулять по улицам, и его пускали одного: матери было некогда ходить с ним. Теперь она с гордостью смотрела из окна, когда Гриша степенно проходил по двору. Вспоминая своих зажиточных родственников, которые много обещали, но мало делали для нее, она думала: «Вот, и сама справила, слава Богу, обошлась и без них».

Стоял холодный и ясный день; солнце светило не ярко; по воде городских каналов плыли первые тонкие льдинки. Гриша ходил по улицам, радуясь и этому бодрому холоду, и своим обновкам, и наивным своим мечтам, — он всегда принимался мечтать, как только оставался один, и мечтал всегда о подвигах, о славе, о блестящей и счастливой жизни в роскошных чертогах, обо всем, что не похоже на скучную действительность...

Когда Гриша стоял на набережной канала и сквозь чугунную решетку смотрел на тонкое «сало», плывшее по течению, к нему подошел уличный мальчишка в довольно потасканной одежонке и с покрасневшими от холода руками. Он заговорил с Гришей. Гриша его не боялся, даже пожалел, что у него озябли руки. Новый знакомец сообщил, что его зовут Мишкой, а фамилия у него Бабушкин, потому что он с матерью живет у бабушки.

— Так как же, — спросил Гриша, — а у твоей матери какая фамилия?

— У матери? — переспросил Мишка, ухмыляясь, — а у нее фамилия Материкина, потому что бабушка ей не бабушка, а матушка.

— Вот как! — с удивлением сказал Гриша. — А вот у меня с мамой одна фамилия: мы — Игумновы.

— Так это потому, — живо объяснил Мишка, — что твой дедушка был игумном.

— Нет, — сказал Гриша, — мой дедушка был полковником.

— Ну, — все равно, дедушкин отец, или кто-нибудь был игумном, вот вы все и пошли Игумновы.

Гриша не знал, кто был его прадед, и потому замолчал. Мишка все поглядывал на его рукавицы.

— Рукавицы-то у тебя знатные, — сказал он.

— Новые, — объяснил Гриша, радостно улыбаясь, — в первый раз надел. Видишь ты, — с прошивочкой!

— Ишь ты, какие важные! Поди, тепло тебе в них?

— Тепло.

— У меня тоже есть рукавицы, только я их дома оставил, они мне не нравятся. Я попрошу, чтобы мне купили такие же, как у тебя, а то мои мне совсем не нравятся... Они — желтые, а я желтых не люблю. Дай мне надеть, я сбегаю, покажу бабушке, а то как же они купят!

Мишка просительно смотрел на Гришу, и глаза его завистливо блестели.

— А ты скоро? — спросил Гриша.

— Да я вот тут близко живу, только за угол...

Ты не бойся! Я, ей-Богу, сейчас...

Гриша доверчиво снял рукавицы и отдал их Мишке.

— Я сейчас, ты постой, не уходи, — радостно крикнул тот, убегая с Гришиными рукавицами.

Он скрылся за углом, а Гриша остался ждать. Он не думал, что Мишка может его обмануть: вот, сбегаю домой, покажет, вер-

нется и отдаст рукавицы. Но долго стоял он и ждал, а тот и не думал приходить.

Уже короткий осенний день вечерел; уже мать, встревоженная долгим отсутствием Гриши, отправилась искать его, – когда он, наконец, понял, что Мишка не вернется. Мальчик печально пошел домой и встретился с матерью.

– Гриша, да где ты пропадал? – и сердясь, и радуясь, что сын нашелся, – спрашивала мать.

Гриша смущенно молчал, теребя свои красные от холода пальцы. Мать заметила, что у него нет рукавиц.

– Где твои рукавицы? – сердито спросила она, обшаривая карманы его пальто.

Гриша улыбнулся и сказал:

– Я мальчику отдал поносить, а он не принес...

III

Проходили годы за годами... Из бойких и смелых детей, что собрались на именины Леша Семибояринова, вышли ловкие и смелые люди, – и мальчишка, обманувший Гришу, нашел, конечно, свою дорогу в жизни, – а Гриша стал, разумеется, тем, что называется «неудачник». Как в детстве, он все мечтал, и в мечтах покорял царства, – а на деле не умел оборонить себя от любого предприимчивого человека, который бесцеремонно отстранял его с дороги. Отношения его к женщинам были так же неудачливы, как и вся жизнь, и никогда ответное чувство не награждало его робких ухаживаний. Друзей у него не было. Одна только мать любила его.

Игумнов радовался, когда поступил на службу, на маленькое жалование, – радовался тому, что теперь мать будет жить покойно, не заботясь о куске хлеба. Но счастье его не долго продолжалось: скоро мать умерла. Гриша заскучал, упал духом. Жизнь показалась ему бесцельной. Апатия овладела им, работа валилась из рук... Он потерял место и стал сильно нуждаться...

Игумнов заложил, наконец, и последнее материно колечко, и выходя из ломбарда, улыбался, – чтоб не заплакать от жалости к себе...

Приходилось наведываться к разным людям, просить работы или места. Но Игумнов не умел просить. застенчивый, молчаливый, он испытывал в таких случаях непобедимое смущение и не мог настаивать на своих просьбах. Уже на лестнице перед дверью той квартиры, у хозяина которой надо чего-нибудь просить, его охватывал ужас, – сердце томительно билось, ноги тяжелели, рука нерешительно протягивалась к звонку...

В один из самых тяжелых и голодных своих дней Игумнов сидел в роскошном кабинете Алексея Сипановича Семибояринова, отца того Леша, именины которого были ему так памяты. Накануне Игумнов послал Алексею Степанычу письмо: на бумаге все же легче просить, чем на словах... Теперь он пришел за ответом. Но суетливой и беспокойной любезности Семибояринова, сухого и малорослого старичка с коротко остриженными серебристо-седыми волосами, он догадывался, что получит отказ, чувствовал себя поэтому очень скверно и не мог не улыбаться какой-то искусственно-ласковой улыбкой, словно ему хотелось показать, что это ничего, что если, мол, нельзя, то и не надо, а я, мол, так, между прочим. Эта улыбка, очевидно,

раздражала Семибояринова...

– Получил я ваше письмо, любезнейший, – заговорил он, наконец, о деле своим сухим и отчетливым голосом. – Но, милейший, теперь ничего на примете нет.

– Ничего? – пробормотал Игумнов, краснея.

– Решительно ничего, почтеннейший. Все занято. И не предвидится в ближайшем будущем. Вот к Новому году можно что-нибудь устроить для вас, милейший...

– Да, хоть к Новому году, – сказал Игумнов, улыбаясь с таким видом, как будто какие-нибудь восемь месяцев для него не расчет.

– Да, тогда очень рад буду. Если бы от меня зависело, я бы вас сегодня же посадил за дело... Мне очень хочется быть вам полезным, дорогой мой!

– Благодарю вас, – сказал Игумнов.

– Но скажите мне, милейший, – участливо спросил Семибояринов, – отчего вы ушли с того вашего места?

– Не пригодился, – смущенно отвечал Игумнов.

– А, не пригодились! Ну, надеюсь, что у нас, милейший, вы пригодитесь. Вы мне дайте адрес, почтеннейший...

Семибояринов суетливо принялся отыскивать на стол бумагу. Игумнов увидел тут же, под маленьким мраморным прессом, свое вчерашнее письмо.

– У меня адрес на письме написан, – сказал он.

– Да, да, верно, – оживленно заговорил хозяин, хватая письмо. – Так я буду знать...

– У меня привычка, – сообщил Игумнов, подымаясь с места, – всегда писать в начале письма адрес.

– Европейская привычка, – похвалил хозяин.

Игумнов распрощался и, улыбаясь, вышел, гордясь своими европейскими привычками, которые, однако, не мешали чувствовать голод. Его почти радовало то, что неприятный разговор кончен. Припоминались вежливые слова, преимущественно те, в которых заключались обещания и возбуждались легкомысленные надежды. Только через несколько минут, шагая по улице, он понял, что ничего из этих обещаний не будет. Да и обещано-то когда-нибудь, а есть надо теперь, и на квартиру без денег идти тяжело, – что скажет хозяйка? Что он ей скажет?

Игумнов замедлил шаги и повернул в другую сторону. В грустной задумчивости, бледный и голодный, проходил он по шумным столичным улицам, мимо сытых, занятых своими делами людей. Улыбка исчезла с его лица. Выражение мрачного отчаяния придало некоторую значительность его маловыразительным чертам.

Он приближался к Неве. Громадный купол Исаакиевского собора торжественно горел своим золотом на синей небесной пустыне. В лучах склоняющегося к закату солнца широкие площади и улицы подергивались нежной, еле различимой, пыльной мглой. Грохот экипажей смягчался здесь, на этих великолепных просторах. Все было неприветливо и чуждо голодному и бессильному человеку. Румяные фрукты за стеклами магазинов были так же недоступны, как если бы их охраняла крепкая стража...

В нежно-зеленеющем сквере играли веселые дети. Игумнов смотрел на них и улыбался. Несносные воспоминания о детстве томили его щемящей жалостью к себе. Он думал, что ему остается только умереть. Это страшило... Но он думал: «Почему же не умереть? Ведь было же время, когда я не жил? Будет покой, вечное забве-

ние». Обрывки чужих мудрых мыслей приходили в голову и утешали его.

Игумнов вышел на набережную. Опираясь о гранит, он стоял и смотрел на тяжелые волны реки. Вот только упасть туда – и все конечно. Но страшно тонуть – захлебываться, давиться этими тяжелыми и холодными волнами, беспомощно биться и, наконец, в изнеможении опуститься на дно, чтобы течение повлекло тело вниз и потом выбросило безобразный труп где-нибудь на взморье.

Игумнов вздрогнул и отвернулся от реки... Непдалеку он увидел бывшего сослуживца, Куркова. Щеголевато одетый, веселый и самодовольный, тот медленно шел, помахивая тросточкой с фигурным набалдашником.

– А, Григорий Петрович! – воскликнул он, точно очень обрадованный встречей. – Гуляете? Или по делу?

– Да, гуляю, т. е. по делу, – сказал Игумнов.

– Нам, кажется, по дороге?

Они пошли вместе. Веселый говор Куркова усиливал тоску Игумнова. С внезапной решимостью, нервно передернув плечами, он сказал:

– Николай Сергеевич, не найдется ли у вас рубля?

– Рубля? – удивился Курков, – на что вам?

Игумнов зарделся и, запинаясь, принялся объяснять:

– Да мне, видите ли... Мне не хватает именно одного рубля...

Мне надо одну вещь купить... купить, знаете...

Волнение перехватило его дыхание. Он замолчал и улыбался напряженно и жалко.

«Ну, это значит, без отдачи», – подумал Курков. И он сказал, уже не тем беспечным тоном, как раньше:

– Рад был бы, но совсем нет лишних, ни гроша. Сам вчера должен был занять...

– Ну, что ж, на нет и суда нет, – бормотал Игумнов, продолжая улыбаться, – как-нибудь обойдусь...

Его улыбка злила Куркова, – может быть, потому, что она была такая беспомощная и жалкая.

«Чего он улыбается?» – досадливо думал Курков: «Не верит что ли? Ну, и пусть, у меня не казначейство!..»

– Отчего вы к нам никогда не зайдете? – небрежно и сухо спросил он Игумнова, глядя куда-то в сторону.

– Все собираюсь, непременно зайду, – отвечал тот дрожащим голосом, – сегодня можно? – Уютная столовая Курковых представилась ему, гостеприимная хозяйка, самовар на столе, заставленном закусками...

– Сегодня? – сказал Курков тем же сухим и небрежным голосом.

– Нет, сегодня нас дома не будет. На днях как-нибудь, милости просим. Однако, мне в этот переулочек. До свиданья!

И он поспешно стал переходить через деревянную настилку набережной. Игумнов смотрел за ним, улыбаясь. Какие-то медленные и несвязные мысли ползли в его голове. Когда Курков скрылся в переулочке, Игумнов опять приблизился к гранитной ограде и, содрогаясь от холодного ужаса, мешкотно и неловко стал перелезать через нее...

Никого не было вблизи...

ЛЕЛЬКА

Вечерело. Я шел за город, побродить на берегах нашей Хвати, мелкой и порожистой реки. Встарину она была многоводна, пролегал по ней великий путь из Чуди в Русь, – а теперь она давно уж обмелела, сжалась в своем широком русле, как червяк на зеленом листе, и затихла, – и сжался, затих и приуныл над ее берегом, извилистым и крутым, когда-то богатый город Тихий–Омут.

Вечер стоял тихий, теплый, благоухающий свежими веяниями нежаркого лета, полный очарования, как нежная колыбельная песенка. Солнце было уже низко: багряно–желтый круг его почти касался мгристо–синей черты горизонта, темно–лиловые тучки, с золотыми краями, были разбросаны по розовому небу заката. Все небо заливали восхотительно–магкие переливы голубых, алых и палевых оттенков; узкие полоски тонких облачков желтели и белели на нем, как прилипшие к нарядному платью засохшие стебли. Прощальные солнечные лучи убирала в пурпур бедные городские лачуги. Серая пыль иногда подымалась от набегавшего ветра, влеклась по немощным улицам и тихонько ложилась на землю.

Я вышел на обрывистый берег реки. Откосы другого берега начинали терять свои ярко–пунцовые краски; только верхи крутых обрывов еще сверкали темно–красной, как мед, глиной. Внизу слегка дымился туман, еще почти не видный, заметный лишь по тому, как скрадывались им очертания берега: словно прильнула река, близко близко, к обрывистым берегам и, тая, целовала их, и таял угрюмый берег, целуя журчащую воду.

Глинистая тропинка бежала между откосами берега и широкими полями. Кусты ползли вниз, по откосам, цепляясь за землю изогнутыми ветвями и охватываясь им друг с другом, словно сгорбленные старушки, тихо ползущие в гору... Становилось в воздухе свежее...

Берег понижался. В прозрачной полумгле, которую ласково бросали на меня ивы с пониклых ветвей своих, меня обнимала нежная прохлада: воздух вливался в грудь, как сладкий напиток, возбуждающий трепет сил и жажду жизни и навевающий отрадные мечтания. Легкая задумчивость овладела мной.

Вдруг услышал я детский голос, звонко и отчетливо выговаривавший стихи:

Не знаю отчего, но на груди природы,
Лежит ли предо мной полей немая даль,
Колышет ли залив серебряные воды,
Иль простирает лес задумчивые своды,
В душе моей встает неясная печаль...

А вот и он, маленький чтец. Лицом к реке, под ивой, прислонясь к ее стволу спиной и рассеяно глядя вдаль, сидел тоненький мальчик, в ситцевой рубаше и помятой шапке. Ему по лицу можно было дать лет тринадцать; он был, очевидно, мал для своего возраста. На бледном, нервно–подвижном, лице, слегка смуглом и загорелом, мечтательно теплились кроткие карие глаза. Так они пристально смотрели куда–то далеко, что мальчик и не видел меня, даже когда совсем близко подошел я к нему.

Он говорил стихи на память и, сложа руки на коленях, слегка покачивался взад и вперед. Говорил он их задушевно и просто, как будто это были не чужие для него слова. Было так странно видеть ребенка, очевидно, бедной семьи, который сидит на траве, необутый,

и читает стихи, вряд ли понятные сверстникам его, да, может быть, и ему не вполне ясные.

Она – всегда немая Галатей,
А я – страдающий, любя, Пигмалион...

закончил мальчик, – и повел вперед сжатыми руками.

Я молча стоял сбоку, немного позади его. Он повернулся, бросил на меня рассеянный взгляд, заметил меня и быстро вскочил на ноги.

– Хорошо ты читаешь, молодец! – сказал я.

Он покраснел и молчал. Видно было, что ему хочется уйти. Но я решил как-нибудь удержать его. Невдалеке от реки, я заметил небольшой домик, с небольшими и тусклыми окнами.

– Ты не здесь ли живешь? – спросил я, показывая на эту лачугу.

– Да, – тихо ответил мальчик.

Это был самый крайний и дальний дом подгородной слободы Подолешья, населенной бедным людом. На плетне, которым обнесен был двор, я увидел растянутые сети. У берега виднелась лодка, привязанная непрочной, с узлами, бичевкой к тому дереву, под которым мы стояли.

– А это – твоя лодка? – спросил я.

– Отцова, – ответил мальчик.

– А ты с ней справишься?

Мальчуган легонько усмехнулся.

– Справлюсь, что ж, – сказал он.

– Так прокати меня по реке. Я тебе заплачу, – сказал я.

Мальчик взглянул на меня с удивлением и ответил:

– Ладно, вот только у отца спрошусь.

Он побежал в избу. Через минуту на пороге ее показался хозяин, – маленький и тонкий человек с мочальной бородкой и смирной улыбкой на бледном лице. Он подошел ко мне, клонясь с некоторым подобострастием. Я ему сказал, чего хочу. Он вызвался сам сесть со мной. Я отказался:

– Справимся и с мальчуганом, – сказал я.

Тогда он суетливо задвигался по двору, покрякивая на сына:

– Ну, живей. живей. Лелька, пошевеливайся.

Лелька побежал в сарай за веслами, потом в избу, собрался вмиг, – и выбежал ко мне.

Вот уселись мы вдвоем на узеньких и неудобных беседочках лодки: вода тихо зашумела под веслами. Мы плыли вниз по течению. Я скоро взял у мальчика весла и сел посреди лодки. Мальчик не обнаруживал большой охоты говорить и вначале только отвечал на вопросы. Но мало-помалу мы разговаривались.

– Любишь ты стихи? – спросил я.

– Люблю, – ответил он, слегка краснея, и прибавил вдруг, засмеявшись и весело взмахнул головой: – я много стихов знаю.

– Учишься где-нибудь? – опять спросил я.

– Учусь, как же, – в городское училище хожу. Прежде ходил в приходское. Кончил там, – отец меня сперва хотел к сапожнику отдать в учение, – а я ему говорю: я лучше, говорю, в городское училище поступлю, там тоже мастерская есть. Ну, отец и согласился. Я и поступил в училище, и в столярную стал тоже ходить, у нас при училище есть столярная. Теперь еще два года остается.

Меж тем, вечерняя мгла сгущалась внизу, и только на небе еще теплились розоватые, потухающие отблески догоревшего дня.

Плеск весел по воде раздавался мягко и звучно. Было тихо, – мы тихо разговаривали, берега медленно двигались, течение несло нас вперед.

Берега раздвинулись, река разлилась вдвое шире, заструилась ленивей и глаже: пред нами легла сероватая гряда камней – мельничная запруда. Все слышнее и слышнее доносилось до нас журчание воды, которая, лениво переливаясь через плотину, падала на фашинник и камни. Мы подъехали близко к запруде, – и повернули назад. Опять береговые тени побежали навстречу взмахам весел.

Леля рассказывал про свое житье–бытье. Лелин отец, по ремеслу печник и трубочист, был очень беден. За то мальчик жил близко к природе; хотя он казался на взгляд хрупким и слабым – но, когда он брал у меня весла, он махал ими ловко и бодро. И речь его была такая бодрая, хотя бы он говорил о темных сторонах своей жизни.

Я попросил его прочесть мне еще какие–нибудь стихи. Он сперва застыдился, но потом, все–таки, прочел мне два стихотворения, – из Лермонтова и Некрасова. Мне стало грустно; рассеянно слушая, вспоминал я, что все подростки, все юноши, которых я встречал, предпочитали стихи с печальным содержанием.

Леля помолчал.

– А вот, я вам еще скажу стихи, – промолвил он, слегка дрогнувшим голосом, почему то смущаясь больше прежнего.

– Прочти, милый, – сказал я, – ты хорошо читаешь.

Леля сказал незнакомое мне стихотворение. Сначала голос его был робок и тих, но мальчик быстро справился со своим волнением... Стихи были слабоваты по форме, но подкупали искренностью и свежестью чувства.

– Чьи же это стихи? – спросил я, когда Леля кончил.

Мальчик покраснел, засмеялся, поежился и сказал тихонько:

– Мои. Самодельные, – прибавил он и глядел на меня смущенными и смеющимися глазами.

– Вот как! – сказал я с удивлением, – так ты, брат, сочинитель!

– Да. Только вы отцу не сказываете, что я вам читал.

– А что?

– Да уж так... Пожалуй, опять достанется.

– А уж доставалось?

Леля помолчал немного, – и начал рассказывать по порядку:

– Сочинять–то стихи я давно начал, а только показать их некому было. Вот в прошедшую зиму я и надумал, – дай, думаю, покажу их учителю. Ну, он прочел, – ничего, похвалил, – говорил, надо работать; ты, говорит, можешь научиться хорошие стихи писать. Стал мне книжки давать. Вот от него и другие наши учителя узнали. Ну, вот раз и вышло так, что меня батюшка по священной истории урок отвечать вызвал, а я не выучил в тот раз. И совсем не от стихов, а вовсе другая причина была. А батюшка и говорит: ты, говорит, только стихи сочиняешь, а уроков не учишь; еще и на нас, может быть, пасквили пишешь, говорит; погоди, говорит, вот я уже твоему отцу скажу. Отец у него печи тогда как раз чинил. Вот батюшка ему в тот же день на меня нажаловался.

Леля опять помолчал, внимательно посмотрел на меня и продолжал:

– Ну, мне от отца шибко попало. Взятся, говорит, учиться, это отец мне говорит, – так учись, а глупостями не занимайся. Денег–то у меня нет, говорит, шальных, чтобы ты попусту в школе

околачивался, к шорнику, говорит, отдам в учение, коли еще чуть что. А коли в школу, говорит, хочешь ходить, так о пустяках и не думай. И взял все мои тетрадки со стихами, да и пожог.

Леля досадливо и стыдливо нахмурился при этих словах: видно было, что он сильно жалел об этих пожженных тетрадках.

– Так как же ты теперь? – спросил я.

– А теперь я потихоньку пишу, и никому не показываю.

Становилось все темнее, надвигалась ночь. Мне было грустно, и странно смотреть на этого мальчика. Что из него выйдет? Мечта представляла мне угол сарая, полусвещенный отблесками тонких солнечных лучей, пыльными спицами бегущих из многочисленных щелей в стенках и потолке; там, на сене, мальчик с пылающим лицом и блистящими глазами; в руках у него карандаш и тетрадка; на лбу – крупные капли пота, взволнованно дышет грудь, озабоченное лицо выдает тайну недетского напряжения мысли. Не преждевременно ли это напряжение? Не бесплодно ли оно? Или и точно эта сила, стремящаяся найти себе исход в свободной деятельности – сила, которая победит препятствия?..

Лодка причалила к берегу возле городского бульвара. Я молча вышел из лодки на шаткие доски, прилаженные для прачек, и опустил в Лелькину руку две серебряные монеты. Он весело поблагодарил меня, сунул деньги, не поглядев на них, в карман, уселся и веслом отпихнул от берега лодку. Плеснули весла, жалобно зароптали речные струи, плещась и разбегаясь, и поблекли за собой, в мгlistый туман, остроносый челнок.

– Покойной ночи, – крикнул мне Лелька с реки, заметив, что я еще стою на берегу.

Звонкий голос пронесся в ночной тишине, словно бряканье колокольчика, разбудив где-то далеко слабый и короткий отголосок, – и затих. И скоро затихли в отдалении мерные всплески весел, – и я тихонько побрел домой.

ЛЕЛЕЧКА

I

В детской у Лелечки было светло, красиво и весело. Звонкий Лелечкин голос радовал маму. Лелечка – прелестный ребенок. Ни у кого нет другого такого ребенка и никогда не было, и не может быть. Серафима Александровна, Лелечкина мама, уверена в этом. Глаза у Лелечки черные и большие, щеки румяные, губы точно созданы для поцелуев и для смеха. Но не в этом самая милая для Серафимы Александровны Лелечкина прелесть.

Лелечка у мамы одна. Поэтому-то каждое Лелечкино движение чарует маму. Что за блаженство держать Лелечку на коленях, ласкать ее, чувствовать под руками маленькую девочку, бойкую и веселую, как птичка!

Сказать по правде, только в детской Серафиме Александровне и весело. С мужем ей холодно. Может быть, это потому, что он и сам любил холод, – холодную воду, холодный воздух. Он всегда свежий и холодный, с холодной улыбкой, и где он проходит, там словно

пробегают в воздухе холодные струйки.

Неслетьевы, Сергей Модестович и Серафима Александровна, поженились не по любви и не по расчету, а потому, что уже так принято... Молодой человек тридцати пяти лет и молодая девица – двадцати шести, – оба одного общества и хорошо воспитанные, сошлись: ему следовало жениться, ей настала пора выйти замуж. Серафиме Александровне казалось даже, что она влюблена в жениха, и это очень веселило: он был изящный и ловкий, сохранял всегда значительное выражение в умных серых глазах, и с безукоризненной нежностью выполнял жениховские обязанности. Сергей Модестович не чувствовал себя влюбленным, и ему не было особенно весело, а только приятно, как, впрочем, и все в его ровной и умеренной жизни. Невеста была красивая, – не слишком, впрочем, – высокая, черноглазая и черноволосая девица, державшая себя несколько застенчиво, но с большим тактом. За приданым он не гнался, – но ему доставляло удовольствие знать, что у нее есть что-то. Он имел связи, – и у нее были хорошие и влиятельные родственники. Когда-нибудь, при случае, это могло пригодиться. Всегда корректный и тактичный, Неслетьев двигался по службе не так скоро, чтобы ему завидовали, но не так медленно, чтобы завидовать другим.

После того, как они сочтались, Сергей Модестович ни разу, во внешнем и показом своем поведении, не дал жене повода обвинить себя. Потом, уже когда Серафима Александровна была в интересном положении, у Сергея Модестовича завязались легкие и непрочные связи на стороне. Серафима Александровна узнала об этом и, к удивлению своему, не особенно огорчилась: она ждала ребенка с тревожным, поглощающим ее чувством.

Родилась девочка: Серафима Александровна предалась заботам о ней. Вначале она с восторгом сообщала мужу радующие ее подробности из Лелиной жизни. Но скоро она заметила, что Сергей Модестович выслушивает ее без всякого живого участия, единственно только по светской любезной привычке. Серафима Александровна стала все больше отдаляться от него. Она полюбила девочку с неудовлетворенной страстностью, как другие женщины, ошибочно устроившие судьбу, изменяют мужьям для случайных молодых людей...

В детской у Лелечки было светло и весело...

– Мамочка, поиграем в прятки, – кричала Лелечка, выговаривая «р» как «л», так что выходило, вместо в «прятки», – «в плятки».

Эта милая неумелость говорить заставляла Серафиму Александровну нежно и растроганно улыбаться. Лелечка побежала, топоча по коврам маленькими и пухлыми ножками, и спряталась за занавесками у своей кровати.

– Тютю, мамочка! – закричала она смеющимся голосом, выглядывая одним черным, плутовским глазком.

– Где моя деточка? – спрашивала мама, притворяясь, что ищет Лелечку и не видит ее.

А Лелечка заливалась звонким смехом в своем убежище... Потом она высунулась побольше, – и мама, как-будто сейчас только увидела ее, взяла ее за плечики, радостно восклицая:

– А, вот она, моя Лелечка!

Долго и звонко смеялась Лелечка, прикинув головой к маминым коленям и барахтаясь в маминых белых руках, – радостно горели мамины черные глаза.

– Теперь ты, мамочка, прячься, – сказала Лелечка, уставши смеяться.

Мама пошла прятаться: Лелечка отвернулась, – будто бы не

смотрит, – а исподтишка наблюдала, куда пойдет мамочка. Мама спряталась за шкапом и крикнула:

– Тютю, деточка!.. – Лелечка побежала вокруг комнаты, заглядывая во все уголки, притворяясь, как давича мама, что ищет, хоть сама хорошо знала, где стоит мамочка.

– Где моя мамочка? – Здесь нет и здесь нет, – говорила она, перебегая к другому уголку.

Мама стояла, притаив дыхание, с прислоненной к стене головой, с примятой прической. Блаженно–тревожная улыбка играла на ее румяных губах.

Нянька Федосья, глуповатая на вид, но добрая и красивая, женщина, ухмыляясь, смотрела на барыню с тем обычным и нее выражением, как–будто она согласна не спорить против барских затей, и думала про себя: «И мать–то, ровно дите малое, ишь, разгорелась».

Лелечка приближалась к мамину углу, – а мама все больше волновалась, входя в интерес игры: мамино сердце усиленно и коротко билось, и она теснее прижималась к стене и принимала свои волосы. Лелечка заглянула в мамин угол и взвизгнула от радости.

– Насла! – закричала она громко и радостно, не чисто выговаривая звук «ш» и опять веселя этим маму.

Она потащила маму за руки на середину комнаты, – и обе радовались и смеялись, и опять Лелечка упала головой к маминим коленям, и лепетала без конца милые словечки, так славно и неловко их выговаривая.

Сергей Модестович подходил в это время к детской. Сквозь неплотно затворенные двери он услышал смех, радостные восклицания, шум от возни. Холодно, но любезно, улыбаясь, вошел он в детскую, свежий и прямой, одетый безукоризненно, распространяя вокруг себя веяние чистоты, свежести и холода. Он вошел среди оживленной игры и всех смугил своим ясным холодом. Даже Федосья застыдилась, не то за барыню, не то за себя самое. Серафима Александровна сразу сделалась спокойной и, по–видимому, холодной, – о это ее настроение сообщилось девочке, которая перестала смеяться, а внимательно и молча смотрела на отца.

Сергей Модестович беглым взглядом окинул комнату. Все здесь ему приятно: обстановка красивая и изящная, – Серафима Александровна заботится о том, чтобы девочку, с самого нежного возраста, окружало только прекрасное; одета Серафима Александровна нарядно и к лицу, – это она всегда делает для Лелечки, с тем же расчетом. Одного только Сергей Модестович не мог одобрить, – того, что жена почти постоянно в детской.

– Мне надо было сказать... Я так и знал, что найду тебя здесь, – сказал он с снисходительной улыбкой.

Они вышли вместе из детской. Пропустив Серафиму Александровну в дверь кабинета, Сергей Модестович сказал равнодушно, как бы вскольз и не придавая значения своим словам.

– Ты не находишь, что девочке полезно бы иногда обойтись и без твоего общества? Понимаешь, чтобы ребенок несколько почувствовал свою отдельную личность, – пояснил он в ответ на удивленный взгляд Серафимы Александровны.

– Она еще так мала...

– Впрочем, это так, только мое скромное мнение.

Я не настаиваю, – там ваше царство.

– Я подумаю, – отвечала жена, улыбаясь, как и он, холодно и любезно. И они заговорили о другом.

II

Вечером нянька Федосья рассказывала в кухне молчаливой горничной Дарье и любящей рассуждать старухе кухарке Агафье о том, что маленькая барышня уж так-то полюбила играть с барыней в прятки: спрячет личико и крикнет – тютю!

– И сама-то барышня ровно дитя малое, – говорила Федосья, ухмыляясь.

Агафья слушала, неодобрительно покачивала головой, и лицо ее сделалось строгим и укоряющим.

– Что барыня: известно, ей ни к чему, – сказала она, – а вот что барышня-то все прячется, нехорошо это.

– А что? – с любопытством спросила Федосья.

Ее доброе и румяное лицо от любопытства сделалось похожим на лицо деревянной грубо раскрашенной куклы.

– Да нехорошо, – повторила с убеждением Агафья, – да и как еще нехорошо!

– Ну? – переспросила Федосья, усиливая на своем лице смешное выражение любопытства.

– Прячется, прячется, да и спрячется, – глухим голосом сказала Агафья, опасливо поглядывая на дверь.

– Да что ты! – с испугом воскликнула Федосья.

– Верно говорю, вот попомни мое слово, – уверенно сказала Агафья, – уж это самая верная примета.

Но эту примету старуха, очевидно, придумала сама, – внезапно поверила ей и теперь очень гордилась ей.

III

Лелечка спала, а Серафима Александровна сидела у себя и радостно и нежно мечтала о Лелечке. Лелечка в ее мечтах была милой девочкой, потом милой девушкой, потом опять прелестную девушкой, и все, без конца, оставалась маминой Лелечкой.

Серафима Александровна и не заметила, как пришла Федосья и остановилась перед ней. У Федосьи было озабоченное и испуганное лицо.

– Барыня, а барыня, – позвала она тихонько, вздрагивающим и взволнованным голосом.

Серафима Александровна очнулась. Федосьино лицо обеспокоило ее.

– Что тебе, Федосья? С Лелечкой что?

Она быстро встала с кресла.

– Ни, барыня, – отвечала Федосья, махая руками, чтобы барыня успокоилась и села, – Лелечка спит, Господь с ней. А только я, знаете что, – я вам скажу, Лелечка-то у нас все прячется, – ведь нехорошо это...

Федосья смотрела на барыню неподвижными и округлившимися от страха глазами.

– Чем нехорошо? – спросила Серафима Александровна, невольно подчиняясь неопределенному беспокойству.

– Да так уж, нехорошо, негоже, – сказала Федосья, и лицо ее выражало непоколебимую уверенность.

– Говори, пожалуйста, толком, – сухо приказала Серафима Александровна, – я ничего не понимаю.

– Да так, барыня, примета есть такая, – вдруг застыдившись,

объяснила Федосья.

– Глупости, – сказала Серафима Александровна.

Ей не хотелось больше слушать, что это за примета, что она предвещает, – стало как-то, не то, чтобы страшно, а жутко и оскорбительно, что какая-нибудь, очевидно, нелепая выдумка разбивает милые мечты и томительно тревожит.

– Что ж, известно, – господа приметам не верят, а только нехорошая примета, – заунывным голосом говорила Федосья, – прячется барышня, прячется...

Вдруг она заплакала, всхлипывая в голос.

– Прячется, прячется, да и спрячется, ангельская душенька, во сырую могилку, – приговаривала она, вытирая слезы передником и сморкаясь.

– Кто это тебе наговорил? – строгим и упавшим голосом спросила Серафима Александровна.

– Агафья, – отвечала Федосья, – уж она знает...

– Знает, – досадливо сказала Серафима Александровна, видимо, желая как-нибудь оградиться от этого внезапного беспокойства. – Что за глупости! Пожалуйста, на будущее время не говори мне такого вздора. Иди...

Федосья, с обиженным и унылым лицом, вышла.

– Что за вздор! Разве Лелечка может умереть? – думала Серафима Александровна, стараясь разумными рассуждениями победить ощущение холода и ужаса, охватившее ее при мысли о возможной Лелечкиной смерти.

Серафима Александровна думала, что эти женщины невежественны и потому верят приметам. Она же ясно понимала, что между детской забавой, которую может полюбить всякий ребенок, и продолжительностью его жизни не может быть никакого соответствия. Она с особенным тщанием старалась в этот вечер заняться чем-нибудь посторонним, – на мысли ее невольно обращались к тому, что Лелечка любит прятаться...

Еще когда Лелечка была совсем маленькая и недавно только научилась узнавать маму и няню, случалось, что она вдруг сделает, взглянув на маму, плутовскую гримаску, засмеется и спрячется за плечо к няньке, у которой сидит на руках. Потом выглянет и смотрит лукаво. В последнее время Федосья опять приучила Лелечку прятаться, в те немногие минуты, когда мама уходила из детской; потом мама, увидев, как прелестна Лелечка, когда она прячется, сама стала играть в прятки...

IV

На другое утро, поглощенная радостными заботами о Лелечке, Серафима Александровна забыла о вчерашних Федосьиных словах. Но когда она вышла из детской – заказать обед – и потом вернулась, а Лелечка спряталась под стол и оттуда: Тютю! – то Серафиме Александровне стало вдруг страшно. Хотя она сейчас же упрекнула себя за этот неосновательный, суеверный страх, все-таки она уже не могла позабавить Лелечку игрой в прятки и постаралась отвлечь Лелечкино внимание на что-нибудь другое.

Лелечка – ласковая и послушная девочка. Она охотно переходит к тому, чего хочет мама. Но так как она уже привыкла прятаться от мамочки и покрикивать свое «Тютю!» – то сегодня она часто возвращалась к этому.

Серафима Александровна усиленно старалась занимать Лелечку. Не так-то это легко! Особенно, когда беспрестанно мешают тревожные и угрожающие мысли...

Отчего Лелечка все вспоминает свое «Тютю»?!. Как это ей не надоест одно и то же, – закрывать глаза и прятать лицо? Может быть, думала Серафима Александровна, у Лелечки нет такого сильного влечения к миру, как у других детей, которые неотступно глядят на вещи. Но если так, то не признак ли это органической слабости? Не зародыш ли это бессознательной неохоты жить? Предчувствия томили Серафиму Александровну. Ей стыдно было – перед Федосьей и перед собой – бросить игру в прятки с Лелечкой. Но эта игра становилась для нее мучительной, – тем более мучительной, что все-таки хотелось поиграть ей, и все более тянуло прятаться от Лелечки или отыскивать спрятавшуюся Лелечку. Серафима Александровна даже сама иногда затевала эту игру, – страдая, как от какого-нибудь дурного дела, о котором знаешь, что не надо его делать, и все же делаешь. Тяжелый день выдался у Серафимы Александровны...

V

Лелечка собиралась спать. Ее глазки слипались от усталости, когда она забралась на кроватку, огороженную сетками. Мама прикрыла ее голубым одеяльцем. Лелечка выпростала из-под одеяльца белые и нежные ручонки и протянула их, чтобы обнять мамочку. Мама наклонилась. Лелечка, с нежным выражением на сонном лице, поцеловала маму и опустила голову на подушке. Ее руки спрягались под одеялом, и девочка прошептала:

– Ручки тютю.

Мамино сердце замерло, – Лелечка лежала такая маленькая, слабая и тихая. Лелечка слабо улыбнулась, закрыла глаза и тихонько сказала:

– Глазки тютю.

И потом еще тише:

– Лелечка тютю.

С этими словами она заснула, прижимаясь щекой к подушке, закрытая одеяльцем, маленькая и слабая. Мать смотрела на нее нежными тоскующими глазами...

И долго стояла Серафима Александровна над Лелечкиной кроваткой, с опасением глядя на свою Лелечку.

«Я – мать: неужели не уберегу?» – думала – она, воображая разные напасти, которые могут угрожать Лелечке.

Долго молилась она в эту ночь, – но тоска ее не облегчалась молитвой...

VI

Прошло несколько дней. Лелечка простудилась. Серафиме Александровне надо было отлучиться на несколько часов, а нянька не досмотрела, и Лелечка заигралась у открытой форточки. Ночью у девочки сделался жар. Когда разбуженная Федосьей Серафима Александровна пришла к Лелечке и увидела ее, жаркую, беспокойную и страдающую, она вспомнила прежде всего зловещую примету, – и безнадежное в первую минуту отчаяние овладело ей.

Позвали врача, сделали все, что делают в таких случаях, – но

неизбежное совершалось. Серафима Александровна старалась утешать себя надеждой на то, что Лелечка выздоровеет и будет опять улыбаться и играть, но это казалось ей таким несбыточным счастьем. А Лелечка слабела с каждым часом...

Доктор и муж притворялись спокойными, чтоб не пугать Серафиму Александровну, – но их неискренние лица наводили на нее тоску. Смертную тоску наводили на нее Федосьины всхлипывания и причитания.

– Пряталась, пряталась, Лелечка!

Но мысли Серафимы Александровны были смутны, – и она плохо понимала, что делается.

Лелечка вся горела и поминутно забывалась и бредила. Но, когда она проходила в сознание, она выносила свою боль и свое томление с нежной кротостью и улыбалась мамочке, чтоб мамочка не думала, что ей очень больно.

Томительные, как кошмар, прошли три дня. Лелечка совсем ослабела. Но она не понимала, что умирает.

Она взглянула на мать помутившимися глазками и залепетала еле слышным, хриплым голоском:

– Тютю, мамочка! Сделай тютю, мамочка!

Серафима Александровна спрятала лицо за занавесками Лелечкиной кровати. Какая тоска!..

– Мамочка! – еле слышно позвала Лелечка.

Мама наклонилась к Лелечке, – и Лелечка в последний раз увидела, своими мутнеющими глазами, мамичкино бледное и отчаянное лицо.

– Мамочка белая! – прошептала она.

Бледное мамочкино лицо померкло, и Лелечке стало темно. Она схватилась рученками за край одеяла и шепнула:

– Тютю.

Что-то захрыпело в ее горле, Лелечка открыла и опять закрыла быстро побледневшие губы и умерла...

В тупом отчаянии Серафима Александровна оставила Лелечку и вышла из комнаты. Она встретила мужа.

– Лелечка умерла, – сказала она беззвучным голосом.

Сергей Модестович опасливо посмотрел на ее бледное лицо. Его поразило странное отупение в чертах этого, прежде оживленного, и красивого лица...

VII

Лелечку одели, положили в маленький гроб и вынесли в залу. Серафима Александровна стояла у гроба и тупо смотрела на мертвую дочку. Сергей Модестович подошел к жене, и, утешая ее пустыми и холодными словами, старался отвести ее от гроба. Она улыбалась.

– Отойди! Лелечка играет. Она сейчас встанет.

– Сима, друг мой, не расстраивай себя. шопотом говорил Сергей Модестович. – Надо покоряться судьбе.

– Она встанет, – упрямо повторила Серафима, остановившимися глазами глядя на мертвую.

Сергей Модестович опасливо оглянулся: он боялся неприличного и смешного.

– Сима, не расстраивай себя! – опять заговорил он. – Это было бы чудо, а чудес в 19-ом веке не бывает.

Сказав эти пошлые и неуместные слова, Сергей Модестович

смутно почувствовал их несоответствие с тем, что совершалось. Ему стало неловко и досадно. Он взял жену под руку и осторожно отвел от гроба. Серафима Александровна не сопротивлялась. Ее лицо казалось спокойным, и глаза были сухи. Она пошла в детскую и стала ходить по ней, заглядывая в те места, где прежде пряталась Лелечка. Кругом всей комнаты обошла она, нагибаясь, чтобы заглянуть под стол или под кроватку, и веселым голосом приговаривала:

– Где моя деточка? Где моя Лелечка?

Обойдя комнату вокруг, она снова начинала свои поиски. Федосья неподвижно, с унылым лицом, сидела в углу, испуганно смотрела на барыню, потом вдруг зарыдала и завопила в голос:

– Пряталась, пряталась Лелечка, ангельская душенька!

Серафима Александровна вздрогнула, остановилась, в недоумении посмотрела на Федосью, заплакала и тихо пошла из детской...

VIII

Сергей Модестович торопил похороны. Его беспокоило женино поведение. Он понимал, что Серафима Александровна чрезмерно потрясена внезапным горем, и, опасаясь за ее рассудок, думал, что Лелечку надо поскорее похоронить, чтобы мать развлеклась и утешилась...

Утром Серафима Александровна оделась особенно тщательно, – для Лелечки. Когда она пришла в зал, между ней и Лелечкой было много людей, ходили священник и дьякон, плавал синий дым, и ладаном пахло. С тупой тяжестью в голове Серафима Александровна подошла к Лелечке. Та лежала тихая и бледная и словно улыбалась. Она положила голову щекой на край Лелечкина гроба и шепнула: – Тютю, девочка! – Девочка не отвечала.

Вокруг Серафимы Александровны произошло какое-то движение, суматоха, – чужие и ненужные лица наклонились к ней, кто-то поддержал ее, – а Лелечку куда-то понесли.

Серафима Александровна выпрямилась, растерянно ахнула, улыбнулась и громко сказала:

– Лелечка!

Лелечку уносили, – мать бросилась за гробом с отчаянным воплем, – ее удержали. Она метнулась за дверь, через которую несли Лелечку, села там на пол, и, глядя в щель, крикнула: – Лелечка, тютю!

Потом она высунула голову из-за двери и засмеялась.

Лелечку торопливо уносили от матери, – печальное шествие стало похоже на бегство...

БЕЛАЯ МАМА

I

Приближалась Пасха. Эспер Константинович Саксаулов был в смутном, томительном настроении. Началось это, кажется, с того, что в одном знакомом доме, у Городищевых, его спросили:

– Где вы встречаете праздник?

Саксаулов потому-то замедлил ответом...

– Приходите к нам, – сказала хозяйка, полная дама, близорукая и суетливая...

Саксаулову стало досадно, – не на барышню ли, которая, при словах матери, быстро глянула на него и сейчас же опять отвела глаза, продолжая разговор с молодым приват-доцентом.

В Саксаулове маменьки взрослых дочек еще видели жениха, что его раздражало. Он считал себя старым холостяком, – а ему было всего тридцать семь лет. Он резко ответил:

– Благодарю вас. Я всегда провожу эту ночь дома.

Барышня взглянула на него, улыбнулась и спросила:

– С кем?

– Один, – с оттенком удивления в голосе ответил ей Саксаулов.

– Вы – мизантроп, – сказала г-жа Городищева, как-то кисло улыбаясь.

Саксаулов дорожил своей свободой. Порой ему казалось странным, что и он когда-то был близок к женитьбе. Теперь он обжился в своей небольшой, со строгим вкусом убранной, квартире, привык к своему камердинеру, пожилому, степенному Федоту, и к его не менее степенной жене Христине, готовившей Саксаулову обед, – и убедил себя, что не жениться из верности своей первой любви. На самом же деле сердце его холодело от равнодушия, порожденного одинокой, рассеянной жизнью. У него было независимое состояние, отец и мать его давно умерли, близких родных не было. Он жил умеренно и спокойно, числился при каком-то ведомстве, был близко знаком со всем современным в литературе и искусстве и эпикурейски пользовался благами жизни, – а сама по себе жизнь казалась ему пустой и безцельной. Если бы не одна светлая и чистая мечта, порой навещавшая его, он стал бы и совсем холоден, как многие.

Его первая и единственная любовь, закончившаяся до расцвета, заставляла его по вечерам иногда грустно и сладостно размышляться. Лет пять тому назад встретился он с молодой девушкой, которая произвела на него неизгладимое впечатление. Бледная, нежная, с тонким станом, голубоглазая и светлокудрая, она казалась ему почти неземным созданием, порождением воздуха и тумана, случайно и ненадолго занесенным судьбой в городской шум. Ее движения были медленны; нежный и ясный голос ее звучал слабо, как ропот ручья, плещущего на камни свои тихие струи...

Саксаулов, – случайно ли это было, или нет, – всегда видел ее в белом платье. Впечатление белого сделалось в нем нераздельным с мыслью об ней. Самое имя ее – Тамара – всегда казалось ему белым, как снег на горных вершинах.

Он стал бывать у родителей Тамары. Не раз уже решался он сказать ей те слова, которыми связываются людские судьбы. Но она всегда уклонялась: в глазах отразятся страх и тоска, она встает и уходит. Но что ее страшило? Саксаулов читал на ее лице признаки девственной любви: глаза ее оживлялись, когда он входил, и легкий румянец разливался по ее щекам...

Но вот в один, вечно памятный для него, вечер она выслушала его. Была ранняя весна. Еще недавно вскрылись реки, и нежным зеленым пухом одевались деревья. В городской квартире Тамара и Саксаулов сидели у открытого окна над Невой. Не заботясь о том, что и как скажет, он говорил нежные и страшные ей слова. Она побледнела, как-то неопределенно и слабо улыбнулась и встала. Ее тонкая рука трепетала на резной спинке стула.

– Завтра, – тихо сказала она и вышла.

Саксаулов долго, с напряженным ожиданием, смотрел на дверь, за которой скрылась Тамара. Голова у него кружилась. Ветка белой сирени бросилась ему в глаза, – он зачем-то взял ее с собой и ушел, не простившись с хозяевами.

Ночью он не мог заснуть. Он стоял у окна, смотрел в темные, потом опять к утру посветлевшие, уличные дали, улыбался и сжимал белую ветку сирени. Когда стало светло, он заметил, что пол в комнате усеян белыми лепестками сирени. Это показалось Саксаулову смешным и наивным. На его ночные волнения пахнуло холодком. Он взял ванну, почувствовал себя почти уравновешенным и поехал к Тамаре.

Ему сказали, что она больна, – где-то простудилась. И уже никогда больше Саксаулов не видел ее: через две недели она умерла. Он не пошел на ее погребение. Ее смерть оставила его почти спокойным, – и уже он не мог понять, любил ли ее, или то было краткое и проходящее обаяние...

Иногда по вечерам он мечтал о ней, потом она стала забываться: и портрета ее у Саксаулова не было. Только через несколько лет, в прошлом году, весной, ему напомнила Тамару ветка белой сирени в окне гастрономического магазина, грустно безприютная среди обжорной роскоши. И с этой поры полюбил он снова вспоминать по вечерам Тамару.

Порой он задремлет, и пригрезится ему, что она пришла, села против него, смотрит на него неотступным, ласковым взглядом и чего-то хочет. И томительно, и страшно было иногда ему чувствовать на себе чего-то ожидающий взгляд Тамары...

Теперь, уходя от Городищевых, он робко подумал: «Она придет христосоваться». Чувство страха и одиночества так больно охватило его, что он подумал: «Не жениться ли, чтобы не быть одному в святые и таинственные ночи?»

Валерия Михайловна, – так звали барышню Городищевых, – вспомнилась... Она милая, рассудительная. Ей 27 лет. Она не кокетка, но одета всегда удивительно к лицу. К Саксаулову она, по-видимому, расположена и вряд ли откажет ему, если он посватается.

На улице шум и толпа рассеяли его, и мысли о девице Городищевой приняли привычный иронический оттенок. И может ли он для кого-нибудь изменить памяти Тамары?! Все в мире представилось ему столь пошлым и мелким, что ему захотелось, чтобы Тамара, – и только она одна, – пришла к нему христосоваться.

«Но, – подумал он, – она опять будет смотреть с ожиданием... Белая, нежная Тамара, чего же она хочет? Ее нежные губы поцелуют ли меня?»

II

Тоскливо мечтая о Тамаре, Саксаулов утром бродил по улицам, смотрел на лица прохожих, – и неприятны ему были грубые лица взрослых. Он припоминал, что ему не с кем будет радостно и любовно похристосоваться. Будет много поцелуев в первый день, – грубые губы, колючие бороды, винный запах...

Уж если целовать кого-нибудь, так это детей. Детские лица стали милы Саксаулову...

Он долго ходил, устал и вошел в церковную ограду на шумной

улице. Бледный мальчик, сидевший на скамейке, испуганно глянул на Саксаулова, и тотчас же опять принялся неподвижно смотреть перед собой. Его голубые глаза были печальны и нежны как у Тамары. Он был такой маленький, что ноги его торчали вперед со скамейки. Саксаулов сел рядом с ним, и с жалостливым любопытством стал его рассматривать. Было в этом одиноком мальчугане что-то радостно-напоминающее и волнующее. А на взгляд это был самый обыкновенный мальчишка: отрепанная одежда, белая меховая шапчонка на светловоло-сой голове, на ногах – изношенные грязные сапоги. Он долго сидел на скамейке и вдруг – встал и тоскливо пискнул. Он побежал из ворот по улице, потом остановился, метнулся в другую сторону и опять остановился. Видно было, что он не знает, куда идти. Он заплакал, тихо, без крика, роняя крупные слезы. Собралась толпа. Пришел городской. Мальчика стали спрашивать, где он живет...

– Глюхов дом, – лепетал мальчуган, еще не ясно, по-младенчески, произнося слова.

– На какой улице? – спрашивал городской.

Но улицы мальчик не знал и только повторял: «Глюхов дом». Городовой, молодой и веселый, подумал и решил, что такого дома по близости нет.

– Ну, а у кого ты живешь? – спросил угрюмый мастеровой, – отец-то у тебя кто?!

– Отца нет, – отвечал мальчик, обводя толпу заплаканными глазами.

– Отца нет, такое дело, – серьезно сказал мастеровой и покачал головой. – Ну, а мать кто?

– Мама есть, – сказал мальчик.

– Как же ее зовут?

– Мама, – сказал мальчик, подумал и прибавил: – черная мама.

Кто-то в толпе засмеялся.

– Черная? Что-ж, фамилия такая? – догадывался угрюмый мастеровой.

– Прежде белая мама была, а теперь черная, – рассказывал мальчик.

– Ну, брат, тебя не разберешь, – решил городской. – Надо в участок свести... Там справятся по телефону.

Он подошел к воротам и позвонил. В это время, завидев городского, дворник с метлой в руках уже выходил из ворот. Городовой велел ему вести мальчика в участок. Но мальчик вдруг словно надумал что-то и крикнул:

– Ну, пустите, сам найду!

Он, может быть, испугался дворниковой метлы, может быть, и в самом деле что-то припомнил, – только так побежал, что Саксаулов чуть не потерял его из вида. Но скоро мальчик пошел тише. Он колесил по улицам, перебегая с одной стороны на другую, отыскивая и не находя своего дома. Саксаулов шел за ним молча. Он не умел разговаривать с детьми.

Наконец, мальчик устал. Он остановился у фонаря, прислонясь плечом к столбу. На глазах его сверкали слезинки...

– Милый мальчик, – заговорил Саксаулов, – что же ты, еще не нашел?

Мальчик молча посмотрел на него грустными и кроткими глазами, – и вдруг Саксаулов понял, что заставляло его так неотступно следить за мальчиком. Во взоре и в лице маленького скитальца было что-то, придававшее ему необычайное сходство с Тамарой: сын не больше был бы похож на мать.

– Милый, как тебя зовут? – взволнованно и нежно спросил Саксаулов.

– Леша, – сказал мальчик.

– Что же ты, милый Леша, живешь с мамой?

– С мамой. Только это – черная мама, а прежде белая мама была.

Саксаулов догадался, что черная была мачиха.

– Как же это ты заблудился? – спросил он.

– А мы шли с мамой, все шли, шли. Она велела сидеть и ждать, а сама пошла. А мне стало страшно.

– Кто же твоя мама?

– Мама? Она – такая черная и сердитая.

– А чем она занимается?

Мальчик подумал.

– Кофей пьет, – сказал он.

– Ну, а еще что?

– Еще? С жильцами ругается, – подумав, ответил Леша.

– А белая мама где?

– Ее унесли. Положили в гроб и унесли. И папу унесли...

Мальчик показал рукой куда-то вдаль и заплакал.

«Что же с ним делать?» – думал Саксаулов. Но вдриг мальчуган опять побежал. Через несколько поворотов он пошел потише. Саксаулов опять догнал его. Лицо мальчика изображало странную смесь радости и боязни.

– Вот Глюхов дом, – сказал он Саксаулову, показывая на пятиэтажную уродливую громадину.

В это время из ворот Глюхова дома показалась черноволосая, черноглазная баба в черном платье и черном платке с белыми горошинами. Мальчик боязливо сжался.

– Мама, – шепнул он.

Мачиха увидела его и удивилась.

– Ты зачем здесь, постреленок, – закричала она. – Велено тебе было сидеть на скамейке... Зачем сошел?

Кажется, она собиралась тут же прибить мальчика. Но, заметив, что на них смотрит какой-то барин, очень строгий и важный с виду, она заговорила помягче:

– Я только отошла на полчаса, а он побежал. С ног сбилась, искавши, пострел этакий!.. Сердце не на месте!..

Она захватила в свою широкую лапищу крохотную ручонку ребенка и потащила его во двор. Саксаулов заметил номер дома и название улицы и пошел домой.

III

Саксаулов любил слушать рассудительные речи Федота. Вернувшись домой он рассказал ему про мальчика Лешу.

– Это она его нарочно, – решил Федот. – Ведь экий яд-баба! – Экую даль от дома отвела.

– Зачем же ей это? – спросил Саксаулов.

– Как сказать... Известно, глупая баба, – думает: заблудится мальчонка на улице, всячески, не оставят, может, кто и возьмет. Известно, мачиха... Что ей, нежалимое дитячко.

Саксаулову не верилось. Он сказал:

– Да ведь полиция нашла бы ее!..

– Известно, нашла бы, – ну, а между прочим, она, может

быть, и совсем из города уедет, ищи тогда.

Саксаулов усмехнулся. «Положительно, – подумал он, – моему бы Федоту быть судебным следователем».

Вечером, сидя перед лампой за книгой, он задремал. Пригрезилась Тамара, – нежная и белая, – пришла и села рядом. Лицо ее было удивительно похоже на Лешино лицо. Она смотрела неотступно, настоятельно и чего-то ждала. Томительно было Саксаулову видеть ее светлые, молящие глаза, и не знать, чего она хочет. Он быстро поднялся и подошел к тому креслу, где показалось ему, что сидит Тамара. Остановясь перед нею, он громко и страстно спросил:

– Чего ты хочешь? Скажи.

Но ее уже не было. Только приснилась, – грустно подумал Саксаулов.

IV

На другой день, выходя с академической выставки, Саксаулов встретил Городищевых. Он рассказал барышне о Леше.

– Бедный мальчик, – тихо сказала Валерия Михайловна, – мачиха его просто сбить с рук хочет.

– Это еще не доказано, – ответил Саксаулов.

Ему было досадно, что все – и Федот, и барышня – так трагически смотрят на этот простой случай.

– Это очевидно, – горячо говорила Валерия Михайловна. – Отца нет, мальчик у мачихи, он ее стесняет. Не сбудет добрым – совсем изведет.

– Вы слишком мрачно смотрите, – с усмешкой сказал Саксаулов.

– Вот вам бы взять его к себе, – посоветовала вдруг Валерия Михайловна.

– Мне? – с удивлением переспросил Саксаулов.

– Живете вы один, – настойчиво продолжала Валерия Михайловна, – никого у вас нет... Сделайте доброе дело на Пасху! Хоть похристосоваться с кем будет...

– Помилуйте, Валерия Михайловна, – где же мне возиться с ребенком?

– Возьмите бонну. Сама судьба вам его посылает.

Саксаулов с удивлением и невольной нежностью смотрел на раскрасневшееся и оживленное лицо барышни...

Когда вечером ему опять пригрезилась Тамара, ему уже казалось, что он знает ее волю. И вот, в тишине его комнаты, словно прозвучали тихие слова:

«Сделай, как она сказала!..»

Саксаулов радостно встал и провел рукой по дремотным глазам. Он увидел на столе ветку белой сирени и удивился. Откуда она? Или Тамара оставила ее, как знак своей воли?

И он подумал вдруг, что, женившись на барышне Городищевой и взяв к себе Лешу, он исполнит желание Тамары. Он радостно вдыхал нежный аромат сирени...

Вдруг вспомнил он, что сам купил сегодня эту ветку. Но сейчас же подумал: «Это ничего не значит, что сам: и в том, что захотел ее купить, и в том, что теперь забыл об этом, есть указание.»

V

На утро он отправился за Лешей. Мальчик встретился ему в воротах и показал свою квартиру. Лешина черная мама пила кофе и ругалась со своим красноносим жильцом. От нее вот что узнал Саксаулов о Леше... Мальчик остался от матери по третьему году. Отец женился на этой черной бабе, а через год и сам умер. У черной, – Ирины Ивановны, – есть свой годовалый сын. Она собирается замуж. Свадьба наднях, и сейчас же после венца уедут «в провинцию». Леша ей чужой, и совсем ненужен.

– Отдайте его мне, – предложил Саксаулов.

– Сделайте ваше одолжение, – со злобной радостью сказала Ирина Ивановна.

Потом, замолчав, прибавила:

– Только за одежду заплатите.

И вот, Леша водворился у Саксаулова. Барышня Городищева принимала участие в поисках бонны и в других подробностях в устройстве Лешы. Пришлось ей, со своей мамашею, побывать и в квартире Саксаулова, – хотя и не без некоторого опасливого колебания. В этих заботах она показалась Саксаулову совсем иной. Словно ему открылась дверь в ее душу. Глаза ее стали лучисты и нежны, и вся она прониклась почти той же тихостью, какой веяло от Тамары.

VI

Лешины рассказы о белой маме умилили Федота и его жену. В страстную субботу, укладывая его спать, они повесили над его изголовьем белое сахарное яйцо.

– Это от белой мамы, – сказала Христина, – только ты, голубчик, его не трогай! Его нельзя трогать, пока Божинька не воскреснет, и в колокола не зазвонят.

Леша послушно улегся. Долго смотрел он на радостное яичко, – наконец заснул...

А Саксаулов в этот вечер сидел дома один. Незадолго до полуночи непобедимая дрема опять сомкнула его глаза, – и он обрадовался, что увидит сейчас Тамару.

И вот она пришла, вся белая и радостная, принося с собой далекие и радостные звуки благовеста. Нежно улыбаясь, она склонилась над ним, и – несказанная радость! – на губах своих почувствовал Саксаулов нежное прикосновение. Нежный голос тихо сказал:

– Христос воскрес!

Не открывая глаз, Саксаулов протянул руки и обнял нежное, тонкое тело.

Это Леша – взобрался к нему на колени и христосовался...

Благовест разбудил мальчика. Он схватил белое яйцо и в одной рубашке побежал к Саксаулову. Саксаулов проснулся. Леша смеялся и показывал ему белое яйцо.

– Белая мама прислала, – лепетал он, – а я тебе даю, а ты дай тете Валерии.

– Хорошо, милый, так я и сделаю, – сказал Саксаулов.

Он уложил Лешу спать, а сам поехал к Валерии Михайловне с Лешиним белым яичком, – подарком от белой мамы, который казался ему в эти минуты даром Тамары...

ЗЕМЛЕ - ЗЕМНОЕ

I

Сашу перевели в следующий класс без испытания и с похвальным листом. Это его, конечно, обрадовало. И все остальное в его жизни было в это время хорошо. Не было никакой причины грустить.

И о чем грустить?

Он жил со своим отцом, — мать умерла давно, он ее мало помнил. Жил он на своей родине, в отцовом доме, в небольшом городе, на окраине. Здесь Саша и родился. Дом небольшой, с огородом и садом, где много ягодных кустов и плодовых деревьев. Недалеко, через реку, поля и лес...

Отец небогат, но в доме достаток. Отец — частный поверенный, дела есть, и есть запас.

В жизни все было хорошо, и солнце радовало, и зелень манила, — а собой Саша все чаще бывал недоволен. Почему? Он не знал, не мог понять, что его беспокоит, и — томился. И чем это началось? Сущими пустяками.

Отец не пошел на училищный акт, — пришлось идти в суд. Саша нес домой свой похвальный лист. Он торопился, и так хотелось, чтобы отец был дома.

Оказалось, что отец уже вернулся. Он сидел на балконе, курил папироску и задумчиво смотрел через золотые очки куда-то вдаль, откуда приходят смутные и неуловимые мысли. Он услышал на дорожках в саду поспешные шаги Саши, почему-то припомнил вдруг свою ссору с одним из учителей и стал ждать, что скажет Саша, — отомстили ему учителя, или нет. И сейчас же опять подумал, что это вздор, что учителя не решатся мстить сыну за отца. Ему стало неловко и досадно.

А Саша бежал к нему — румяный, веселый — и махал свернутым в трубочку похвальным листом.

— С похвальным листом! — крикнул он звонко, и его веселый крик нарушил обычную в этом доме тишину.

Весь он горел от восторга. От звонкого его голоса у отца сильнее заболела голова, — но и теперь, как всегда, он скрыл это.

— Покажи, покажи! — ласково сказал он, медленными, как бы утомленными, движениями поглаживая длинную рыжую бороду.

Легкая усмешка едва обозначилась под его густыми червонными усами. Саша, ловкими движениями проворных рук, развернул лист, который при этом шуршал, словно сделанный из тонкого железа.

— Все пятки, даже четверок мало! — радостно говорил Саша.

— Молодец, отличился на славу! — сказал отец, устало и задумчиво рассматривая отметки.

— Что ж, ведь я все хорошо знаю, что проходили, — так же радостно, но уже не так громко, говорил Саша.

Что-то в отцовых словах и в отцовом лице уже начинало охлаждать его, а

что именно, еще он не осмыслил...

— На стенку повесишь? — спросил отец.

Саша засмеялся, но как-то неуверенно.

— Зачем на стенку, — смущенно сказал он, — уберу в сундук.

— А никто и не увидит, — посмеиваясь, продолжал отец.

— Ну вот, покажу кому надо.

— Как не показать, — люди похвалят.

– А ты? – спросил Саша.

– За показ-то?

– Да нет!

Отец обнял Сашу за плечи своими сильными руками и поцеловал его в щеку...

– Славный ты у меня, – сказал он.

Искренняя ласка звучала в его голосе. Саша почувствовал, как минутная неуверенность проходит, – ему опять становилось радостно, и он весело засмеялся, беспричинно, неудержимо.

Отец в это время думал: «Зачем я его смущаю? Милый мальчик, он и сам скоро поймет многое»...

Здоровый и веселый мальчик, Саша иногда казался отцу недолговечным. Что-то темное и вечно нерадостное в Сашиних глазах наводило иногда отца на грустные мысли. И, когда он смотрел печально вдаль, перед ним возникала иногда в воображении, рядом с женой могилой, другая, свежая насыпь...

II

За день Саша набегался, наигрался. Пришел вечер. Заря пылала на небе и, утомленная, радостно умирала. Саша сидел на скамеечке в саду, усталый, смотрел на румяные заревые улыбки, на струйки, целовавшие речной берег, на синие кисти мышиного горошка, прижавшегося к забору, и припоминал утро и свое торжество.

Отличился, это верно. Да ему и не трудно, – совсем почти без труда все давалось, и времени мало уходило, – так что Саша успел за свою короткую жизнь и кроме учебников прочитать не мало всяких книжек.

На похвальном листе надпись – «за отличные успехи и благонравие». Странное слово – благонравие. Значит, думал Саша, у меня благой, добрый нрав, – т.е. я хороший.

Саша улыбался, и ему стало совестно думать, что он признан благонравным.

А вдруг бы давали похвальные листы за честность? За доброту? Нельзя: честность – бескорыстна. Если за добро награда, то уж это что за добро!

А как же рай? Ведь это награда? В раю будет приятно. А грешников праведники не пожалеют? Но ведь они там воют в огне?!

Вот и он – блаженствует, а грешники-то, оставленные на второй год! Иные тоже воют...

Саша смотрел в сгущавшуюся темноту. Было тихо, и все имело такое выражение, точно сейчас придет кто-то и что-то скажет. Но никого не было. Только влажные ветки, шелестя, вздрагивали, да ночная птица, далеко, из-за леса, кричала о чем-то своем, диком и жадном.

Саша потихоньку пошел домой, горячими щеками задевая влажные ветки на кустах. Как-то странно и томительно горело его сердце...

III

Уже стало темно. В Сашиней спальне копошилась Лепестинья, – постлала ему постель, прибирала что-то. Она была старая-престарая, согбенная и морщинистая, никогда не улыбалась и всегда понимала,

что думал Саша, хоть бы он и не сумел хорошо сказать ей о том. Недаром она выняньчила его. Ее движения были тихи, поступь безшумна.

Саша раздевался.

– Помолись, Саша, – сказала Лепестинья.

– Да я знаю, Лепестиньюшка, о чем молиться, – лениво отвечал Саша.

Ему хотелось спать, и не было никаких в голове мыслей.

– За отца помолись, за себя, – говорила Лепестинья неторопливым, старчески-хриплым, голосом.

– А как молиться?

– Да уж Бог сам знает. Ты только стань к Нему, Он сам к тебе приклонится.

Саша стал на колени перед образом. Слова из молитв не вспоминались, и ничего не хотелось просить, – но он чувствовал в себе что-то нежное и отдающееся, и ему казалось, что бессловная и бездумная молитва рождалась в егорастроганной душе.

Что-то развлекло, шум какой-то, – ветер повеял, и ветка задела о стекло в открытом окне. Молитвенное настроение вдруг исчезло, – но жаль было этого. Саша стал повторять молитвы на память, но от этого повторения чужих, заученных для классной отметки, слов стало неловко и совестно. Он перекрестился и поднялся. Скоро он улегся и почувствовал, что не хочется спать. Лепестинья собиралась уходить, – он окликнул ее.

– Что тебе, касатик? – ласково молвила старуха, остановясь на пороге.

Саша заговорил тихонько и нежно:

– Скажи, Лепестинья, отчего звезды смотрят, да таково-то печально?

Лепестинья подошла к окну и посмотрела на темное небо и на ясные звезды.

– Звезды смотрят? – раздумчиво повторила она. – Бог, видно, так им дал. Смотрят, а ты не смотри, спи себе.

– Я бы, Лепестиньюшка, не смотрел, – глаза смотрят.

Лепестинья приблизилась к Саше и, подперши рукой щеку, тихонько проговорила, любовно глядя на него:

– Спи, батюшка, спи с Богом. Закройся, глазок, закройся, другой.

Саша, улыбаясь, закрыл сперва один глаз, потом и другой. Но Лепестинья ушла, а глаза у Саши открылись и упрямо хотели глядеть в темноту, которая обступала со всех сторон и словно таила что-то, чего никакими глазами не вымотришь, – а уж Сашины ли глаза не зорки!

И отчего в этой темноте и в этой тишине так много звуков, еле слышных, но ясных? Откуда они?

Саша долго смотрел в темноту. Мысли его были смутные и неопределенные. Уже совсем рассветало, когда он, наконец, заснул.

IV

Лютное солнце стояло в самом притине. Оно, словно громадный свернувшийся огненный змей, казалось, вздрагивало всеми своими тесно сжатыми кольцами.

Саша лежал, необутый, в траве на берегу, под ивой, лицом кверху, раскинув руки, спасаясь в тени от знойной истомы. Рядом с

ним валялась камышевая жалея, которую он сам себе сделал. Жужжали пчелы, с тихим шелестом около веток колебался жаркий воздух. День протекал беспощадный и торжественный; это яркое великолепие дневное наводило на Сашу тоску, смутную и почти приятную. Чарова-ла полдневная тишина... В ее величавом обаянии еще отчетливее становились для зоркого и чуткого Саши все впечатления – легчайшие звуки, тончайшие переходы в освещении. Когда подымался легкий ветер, Саша слышал, как поскрипывал на крыше, поворачиваясь на ржавом стержне, вертлявый железный петух-ветрочуй.

За рекой раскидывались поля, широкие, замкнутые далекой и непонятной чертой, – и за ней тревожно подозревались новые неведомые дали. Между колосьев по дороге подымались и плясали иногда серые вихри. В зеленовато-золотистом колыхании колосьев Саша чувствовал соответствие с тем, что двигалось и жило в нем самом земной, мимолетно-зыблемой, жизнью. Значительно и строго было выражение полей и всей природы, – хотелось разгадать, чего она хочет и к чему она вся, – но трудно было и думать об этом. Промелькнет неясная мысль и погаснет, – и Саша опять в тягостном и тайном недоумении. И он думал тогда, что злая и коварная природа какими-то чарами отводит его от познания о своей тайне, чтобы таиться и лукавить по прежнему.

Саша лег лицом к земле. В траве кишел перед ним целый мир, – былинки жили и дышали, жучки бегали, сверкали разноцветными спинками, шелестели еле слышно. Саша ближе приник к земле, почти прилег к ней ухом. Тихие шорохи доносились. Трава вся легонько, по змеиному, шелестела. Какие-то струйки тихо звенели под землей. От движения испаряющейся влаги шуршал порой оседавший земляной комочек...

Лепестинья пришла погреться на солнце. Кряхтя, она опустилась на траву рядом с Сашей. Саша ласково посмотрел на нее черными, вопрошающими глазами. Лепестинья захватила горсть земли сухими руками, – и уже Саша знал, что сейчас она станет любовно растирать ее и тихо забормочет: «Земля еси и в землю отъидеши». И Саша легонько улыбался, услышав эти знакомые, страшные кому-то, но не им обоим, слова.

– Ох, Сашенька, – сказала старуха, стара я стала, уж и солнце от меня отвертывается, греть меня, старую, не хочет.

Саша с удивлением внимательно посмотрел на Лепестинью и сказал нежным и звенящим голосом:

– А вот ко мне, Лепестиньюшка, так все поворачивается, точно смотрит на меня, – и трава, и кусты, все, что далеко, что близко, все. Вон там видишь, на том берегу серый камень, – и тот на меня уставился...

– Да тебе приместилось, поди, – опасливо сказала старуха.

– Нет, Лепестиньюшка, – весело ответил Саша, – мне никогда не кажется. А только так все ясно да странно как-то. Так вот я вижу, что глаз там нет, а смотреть смотрит.

– Безглазая засматривается, – говорила старуха. – Поберегайся, голубчик, – приглянулся ты ей, курносой.

Она сидела на траве, охватив колени морщинистыми коричневыми руками. Ее слезящиеся глаза тупо смотрели куда-то прямо и далеко. Дряхлое лицо ее не выражало ни удивления, ни сомнения.

– Ну да, безглазая! Тоже выдумашь, – тихо сказал Саша и подумал немного. – А почему? – вдруг спросил он.

– Приглянулся-то почему? – переспросила Лепестинья. – Глаза, вишь ты, у тебя, глаза нехорошие.

– А чем, няничка, не хорошие? – ласково спросил Саша.

– Глаза–то у тебя смотрят куда не надо, видят, что не гоже. Что закрыто, на то не гоже смотреть. Курносая не любит, кто за ей подсматривает.

– Да разве я, няничка, за ней подсматриваю? – еще ласковее примолвил Саша, и чистый, как подснежный ручей, голос его звучал нежно и сладко.

– Везде она, голубь мой, все она, и в речке, и в травке, – медленно и уныло говорила старуха. – Ты идешь, и она тут же ползет, травку сломит, козявку задавит. Не гоже смотреть много, не любит она.

Саша закрыл глаза. Он думает, что умрет и будет лежать в земле да тлеть. Но не страшило его, что лежать ему – в родной земле. Он любил землю. Любил уходить подалее в поле, быть в одиночестве, прикинуть к земле, слушать ее шорохи и шопоты. Любил ходить босыми ногами, чтобы чувствовать землю ближе...

Саша сел, взял в руки жалею и принялся дудеть. Полились нежные, жалобные звуки. Рождались грустные, томительные мысли...

Вот пришел товарищ с удочкой. Они побежали к реке, радостно разговаривая о рыбах, оба влезли в воду, – и холодное плескание о голые колени отогнало непосильные печальные думы...

Река была тихая, вся гладкая да ясная на солнце. Но маленькие струйки тревожно звучали, ударяясь о берег, и рыбки порой тревожно плескались, – а река стремилась медленно и неуклонно. Серовато–зеленый тростник колыхался в воде у берега, и по высоким стеблям его пробегал порой сухой да слабый шум...

Мальчики долго шалили вдвоем и плескались на реке. Среди веселых забав, Саша вдруг приумолк; он вышел на берег, присел на камень и сказал медленно и задумчиво:

– Вода–то, – все течет.

– Ну так что ж? – спросил его товарищ, бело–волосый мальчуган с пухлым и простодушным лицом.

– Чудно! – сказал Саша.

– Чего чудно? Как же ей не течь, коли она в реке? – ответил белоголовый мальчишка и засмеялся Сашиним глупым словам.

Саша вздохнул, с презрительным сожалением посмотрел на товарища и спросил:

– А ты слыхивал, как трава растет?

Белоголовый мальчишка разинул рот.

– Нет, – ответил он.

– А говорят, что можно слышать, – сказал Саша.

– Ишь ты! – удивленно откликнулся белоголовый мальчишка.

Рано поутру Саша с отцом отправился на мамину могилу. Они тихо разговаривали на дороге, между тем как светлое и равнодушное солнце обливало их еще нежарким светом. Отец рассказывал о матери.

Саша любил слушать эти рассказы, и смотреть на затуманное печалью отцово лицо, да на его усталые, далеко устремленные глаза

V

На кладбище в этот ранний час было хорошо. Посетители еще не появлялись, – кладбище дремало, как успокоенная роца в стране безлюдной и мирной. Только птицы чирикали, да ветви шептали. Но эти нежные звуки не нарушали светлой тишины.

Саша с отцом сели на зеленую скамеечку перед маминой могилой. Она зеленела и цвела. Саше грустно стало, что мертвые не встают и не являются.

– Знаешь, папа, чего я хотел бы? – застенчиво сказал Саша.

Отец молча посмотрел на него.

– Мне, знаешь, хотелось бы повидать мамочку. Право, хоть разик.

Отец грустно улыбнулся, и спросил:

– Как же ее увидеть? Во сне разве?

– Хоть бы только показалась, хотя бы на самую маленькую минутку!

– Мертвые к нам не ходят, – печально сказал отец. – Да и мы их боимся...

Саша подумал немного: неужели он испугался бы милой мамочки? Нет, уж если он и чужих покойников не боится, так как же родной – то испугаться... А ведь в могиле она истлела, и вся теперь черная, мягкая, как земля...

Отец встал и сказал:

– Пора домой.

Саше грустно было оставлять мамину могилу. Грустно, что все на свете кончается!

VI

Вечером Саша с отцом сидели в столовой и долго молча смотрели на мамины портреты. Саша сказал:

– Хоть бы мамочка только мимо прошла, хоть бы там, за дверьми.

Отец печально посмотрел на Сашу, потом перевел глаза на дверь и сказал:

– А если бы она вошла, ты бы испугался.

Саша оглянулся. Из двери видна была темная прихожая. Никто не стоял там. Саша вздохнул и сказал:

– Ничуть бы не испугался.

– Уверен? – строго спросил отец.

– Вот бы нисколько, – твердо сказал Саша.

– Не хвались, брат, тихо промолвил отец и замолчал.

Саша призадумался. Хоть он уверен был, что нет в его душе страха, все же он решился испытать себя.

VII

Саша лежал в постели, но не спал и ждал. В тихом всегда доме ночные звуки раздавались особенно ясно. За несколько горниц слышались отцовы шаги, потом заскрипела его кровать. Лепестинья ходила, тихонько шлепая туфлями. Беспреданно возникали и уничтожались какие-то легкие шумы. Перед образом слабо мерцала лампада. Тени беззвучно, еле заметные, двигались по стенам.

Наконец, и Лепестинья утомилась. Стало совсем тихо. Ночь, летняя, полупрозрачная, достигла самой темной поры. Саша поднялся с постели, оделся и выскочил из окна в сад. Ночная свежесть охватила его. Обильная роса мочила ноги. Сразу стало холодно, захотелось вернуться, заснуть. Но Саша все-таки шел по дорожкам. У калитки он немного постоял, подумал, потом решился и вышел на дорогу.

Поля за рекой туманились. Река покрылась легкой дымкой и лежала внизу неширокой излучиной. Дорога была жесткая да влажная; мелкие камешки на ней ясно чувствовались...

Саша спустился к броду. Теплая вода нежно обняла колени. Река, всей шириной, двигалась, и трудно было идти прямо, – ноги стали такими легкими да шаткими, и на каждом шагу вода, ясно и весело звуча, тихонько, но сильно пласкалась о колени. Когда Саша подходил к берегу, стало жаль, что вода падает все ниже, что все уменьшаются ее теплые да нежные прикосновения. Окунулся бы совсем, – славно, но некогда, – завтра. И Саша вышел на берег...

Он медленно шел по дороге вдоль реки, озирался вокруг и ждал, когда будет страшно. Он чувствовал в себе только ночную истому, да любопытство, да волнение, вовсе, впрочем, не похожее на страх. Ощущения его были бодры, как всегда.

Белая ночь делала все полуявственным: ничего не могла она закрыть от взора, ни близкого, ни дальнего, и осветить не могла ничего своим бледным небом без луны и без звезд, – бессильная ночь! Все лежало в истоме и в дремоте. Река под легким туманом томилась и слабо вздыхала в камышах и слезливо плескалась о берег...

Здесь, в этом окутанном ночной прозрачной полутьмой поле, то же, как и днем, – так же все было обращено к Саше, все представило перед ним и не давало знать о том, что есть за этой видимостью. Деревья стояли неподвижные, с длинными и тонкими ветками. В их видимой упругости сказывалась неведомая жизнь, непреклонная воля.

Дорога с редкими и тонкими березками по краям повышалась едва заметно, отдаляясь от реки. Земля при дороге, сырая да теплая, ласково прикасалась к Сашиним ногам. Свежий воздух нежил тело; грудь радостно дышала...

Скоро вдали забелела кладбищенская ограда.

То чувство, которое испытывал теперь Саша, все больше разочаровывало его. Он ждал страха, да уже и хотел его, – что дальше, то сильнее, – и напрасно: страха не было.

Странно было, что так безлюдно, и светло, и тихо, – ночное чувство, несравнимое ни с чем дневным...

Вот перекресток. Издали, пока другую дорогу заслоняли кусты, можно было думать, что там, за ними, что-то есть. Но, когда Саша подошел, он увидел, что все пусто, – никто не движется ни по той, ни по этой дороге. Ни люди, ни духи не ждали здесь условленных встреч.

Саша стал на перекрестке и крикнул:

– Приди!

Голос его прозвучал звонко и дерзко, – и все вокруг удивительно молчало. И Саша сказала:

– Если ты есть, явись!

Полуявственно и неподвижно лежало близкое и далекое, – все обращенное к Саше, – и не являлся никто иной...

Саша постоял и пошел к ограде. Нетерпеливое ожидание страха усиливалось.

Ворота, через которые возили покойников, были совсем такие же, каких много и в городе. Они спокойно и бессмысленно показывали Саше свою решетчатую зеленую поверхность...

Саша подошел к калитке и толкнул ее. Замок слабо звякнул. Саша полез через невысокую стену, белую, холодную, и спрыгнул в мягкую траву на кладбище...

За оградой все стало иным, тесным и близким, но столь же простым и загадочным. Кусты темнели. Белая церковь с зеленой кровлей смотрела темными окнами, как незрячими глазами. Где же страх? Саша проходил между крестами и могилами, между кустами и деревьями. Под землей, он знал, лежали, истлевая, покойники. Все предметы были дивны, как призраки, – а призраки не являлись. Неподвижные кресты не таили за собой белых колеблющихся фигур, простирающих руки.

Не думая о том, куда идет, Саша привычной дорогой добрался до маминой могилы. Тишина и тайна осеняли ее. Вот смерть! И что она? Мама лежит, вся истлевшая. Но что же это, и как?

Саша сидел на могиле, неподвижно и грустно охватив руками белый крест, прижимаясь к нему щекой. Он терпеливо ждал, маленький, словно потерянный среди крестов и могил. Его лицо бледнело, глаза, темные и печальные, неотступно глядели в прозрачную полутьму. И он дождался...

На неуловимо–короткое время сладостный и нежный восторг овладел им. Минуты сгорали. Настала неизяснимая полнота в чувствах, словно пришла утешительница и низвела с собой рай. Бледный, с сияющей и радостной улыбкой на губах, Саша еще ближе приник к белому кресту и широко открытыми черными глазами смотрел перед собой, мимо померкшего для него мира...

Но отошло это, – и опять надвинулись докучные явления... Высокая радость забылась, едва отгорев: это было чувство неземное и не для земли. Душа же у человека земная и узкая, и Саша был еще во власти у земли.

Заря занималась. Церковь розовела и погружалась в дневной сон, – вечный, непробудный. Саша встал... Церковь и кресты пошатнулись, – Саша понял, что это он сам покачивается от усталости, потому что не спал всю ночь...

VIII

Саша возвращался домой, дивясь и грустя. Голова тяжелела, кровь тяжело обращалась в жилах. Земля под ногами лежала холодная и жесткая. Влажный воздух томил своим холодом... Вода тепло и нежно обняла ноги, – но Саша торопился домой: уже светало быстро.

Саше не хотелось, чтоб его дома увидели, – хотя он и не думал таиться. Все равно, он и сам скажет, пусть и достанется за это. Но только бы сейчас не увидели, а то выйдет: точно поймали.

Саше удалось пробраться незамеченным, – прямо в окно, потому что на крыльце уже стояла Лепестинья, крестясь на кресты над городским собором. В мягком утреннем свете она казалась такой старой и дряхлой.

«Епистимия – знающая», – вспомнил Саша вычитанное из календаря старухино имя, – «а вот не знает, где я провел всю ночь».

Ему стало весело, что он прячется от Лепестиньи, когда это вовсе не надо, – да смешно еще на то, что дома невольная радость от избегнутых опасностей и страхов овладела им.

Он улегся и скоро заснул. Тревожный сон снился ему... Багровое зарево пылало за окном. Над городом гудел набат. Сначала только и было слышно, что этот жалобный звон, да еще тихий и далекий треск, – точно дрова в печке. Потом послышались пугливые голоса, сперва одиночные. Пробегали мимо, кричали что–то. Сумахота поднялась близко, – и вдруг все забегали и закричали, и от этого

Саша проснулся.

Сердце сильно билось. Но везде было тихо, ясно и светло. Солнце радостно, поутреннему, смотрело в окно. Саша повернулся к стене, натянул повыше одеяло, чтобы свет не мешал, и сейчас же опять заснул. Снова ему приснилось то же, о пожаре. Снова под окнами забегали и закричали испуганные люди. Саша вскочил, торопливо оделся и побежал на пожар. Сердце его тоскливо сжималось, — он знал, что надо спешить спасти кого-то.

Ярко и весело пылал деревянный дом. Кругом суетились люди. Горело красиво и нисколько не страшно. Близко не подойти было, — жарко. Левая половина еще не горела, и там только из-под крыши струйками выбегал черный дым.

Бледная женщина рыдала и металась в толпе. В доме остался ее ребенок. Дюжие краснощекие парни равнодушно смотрели на несчастную мать.

Она кидалась то к одному, то к другому. Бросилась было и к Саше, да увидела, что это еще мальчик, и метнулась дальше. Неясное, но повелительное, чувство толкнуло Сашу вперед. Какие-то доски лежали под ногами, — Саша через них перепрыгнул. Вот и крыльцо. Саша с усилием открыл дверь. Его обдало густым дымом.

— Назад, назад! — испуганным голосом кричал ему кто-то с улицы.

Саша прикрыл лицо руками и кинулся в дверь. Водяная струя обдала его сзади. Справа и слева, близко мелькали огненные язычки. Голова кружилась от жары, от дымного воздуха, — но Саша чувствовал себя сильным и смелым.

Горницы застилал густой дым, — только внизу, около пола, его еще не было. Саша нагибался и касался руками пола, чтобы не задохнуться в дыму...

Вот комната, где посветлее. Дым, разорванными клочьями, клубился под потолком и вытекал из окна. У стены стояла люлька. В ней спал ребенок. Люлька слегка дымилась, откуда-то снизу. На потолке узкой полоской вспыхнул огонь. Ребенок улыбнулся во сне. Он был бледен. На его лице лежала серая копоть. Саша выхватил его из люльки, завернул в одеяльце и побежал к окну. Что-то мешало, — какие-то доски и бревна наклонялись сверху и с боков; дым, вытекавший на улицу, не давал ничего видеть из окна. Саша просунул ребенка в узкое отверстие и бросил его на улицу.

«А как же я?» — мелькнула быстрая мысль. Он глянул вверх. Пылающая балка смешивалась над окном, обдавала нестерпимым жаром, трещала и сыпала искры. Саша опустил голову. Сердце сжалось. Тяжелое надавило на спину и заставило нагнуться. Лбом Саша больно ударился о подоконник. Дым сгущался, мешал дышать, душил...

Саша проснулся, задыхаясь. Он лежал, согнувшись, закрывая голову и рот одеялом, — и от этого так трудно дышалось...

Саша поспешно отбросил одеяло. Дыхание стало свободно, и он обрадовался, что теперь легко, что он жив и дома, и не задыхается в горьком дыму.

В памяти ярко повторялся сон и все его волнения. Вдруг Саша вспомнил, что и раньше он не раз мечтал, как спасет ребенка на пожаре, и с других подвигов. Сон повторил мечту...

«Во сне только и спасать!» — подумал Саша.

Он лежал на спине, усмехался слегка насмешливо и нежно, прислушивался к тишине и неопределенно ожидал чего-то. Длинные черные ресницы осеняли полузакрытые глаза, — темные, земные.

Воспоминания и мечты стали смешиваться в дремоте. Яркие

облики проплыли перед глазами, – темные и огромные глаза глянули, – закружились, осыпаясь, золотые одуванчики, – и погасли. Саша опять заснул...

... Приснилось, что он в гробу неподвижный и мертвый. Он погиб на пожаре, – и вот люди вытащили из-под развалин обгорелое тело и хоронили его. Доносилось сладостное пение. Много прошло народу – Саша слышал это по сдержанному говору, по тихому плачу. Хвалебные слова в толпе радовали его. Особенно хвалили и нежно плакали девушки, и, должно быть, их-то и было больше всех.

Подняли гроб и понесли с плачем и пением. Саша плавно покачивался, как в люльке. Веял легкий ветер. Солнце светило прямо в лицо, грело глаза сквозь сомкнутые веки, но не жило, – оно было нежное, как будто светило из рая. Приятно и томно было, лежа, качаться...

Потом Саша увидел себя отдельно, откуда-то сверху. Гроб был маленький и весь осыпан цветами. Несли, чередуясь, юноши и прекрасные девицы, и толпа теснилась вокруг, пестрея нарядными платьями на барышнях. У всех в руках и на одежде были цветы. Отец шел за гробом, поглаживал свою червонную бороду и недоверчиво улыбался, и на глазах его под очками блестели слезинки; только Саше сверху они и были видны. Впереди шли певчие и пели что-то сладостное и печальное, и такое нежное, чего никому еще на земле не пели, – и от этого из глаз у всех лились невольные слезы.

Весь в слезах, Саша проснулся. Солнце сияло прямо в глаза...

Саше стало грустно, – он горько думал, что все люди будут хвалить за такую смерть, и выйдет, как будто для похвал и в огонь пошел. Он лежал и прислушивался к тишине, словно хотелось каких-то утешающих и спокойных звуков. И далекие звуки донеслись до него от земной жизни, – грубые, телесные звуки...

IX

И вот, в Сашу словно вселился буйный дух, подстрекавший его на злые и бессмысленные шалости. То он переставил все часы в доме на час назад, – и обед опоздал, и отцу пришлось ждать.

То он приспособил к дверям, на веревке, кувшин с водой, так-что: кто откроет дверь, на того плеснет вода...

То он взбирался на крышу сарая и, с полуторасаженной вышینی, прыгал на землю, в траву, пугая Лепестинью и отца.

В шалостях, как и в работе Саша был неутомим и изобретателен. Самые незначительные предметы в его руках становились орудиями для замысловатых и неожиданных предприятий.

Своих шалостей Саша и не думал скрывать: он спешил рассказывать отцу о каждой проказе и при этом раскисался и досадовал на себя. Но тоскливое беспокойство все сильнее томило его, и он шалил все больше, словно нарочно, с какой-то ему самому не вполне ясной целью. Кажется, хотелось довести отца до того, чтобы тот рассердился и «задал». Но отец только хмурился, да слегка побранивал Сашу – полунасмешливо, полусердито.

Иногда Лепестинья принималась усовещивать Сашу.

– Смотри, отбойный, – говорила она, – отец терпит, терпит, да как рассердится, да так-то выстегает!..

– А и пусть бы, – спокойно отвечал Саша.

– То-то вот, а станет стегать, завопишь истошным голосом.

– Так что же?

– Да ничего, егозенок, – покричишь, да такой же будешь. Ты у отца единец, то-то он тебя и балует. А ты все же свою совесть знай. Натко-подитко, ни стыда, ни страха!

– Что же мне делать? – спрашивал Саша.

– Молись: избави нас от лукавого. А то что хорошего: отец молиться не умеет, да и тебя не выучил. Учены очень. Отцу книги читаешь, да не те, слышь...

X

Отца не было дома. Саша набрал на берегу в подол своей рубахи-косоворотки целый ворох камешков и притащил их в сад. Там, на берегу, он бросал их плашмя в воду, – красиво отскакивали. А здесь он принялся швырять их вдоль дорожек, в кусты, в густолиственный кленовый шатер, в птиц. Потом запустил один камень в беседку, угодил прямо в стекло, – стекло разбилось. Его жидкий звон полюбился Саше. Он побежал к дому, да и принялся бросать камни в окна. Стекла одно за другим разбивались с жидким и веселым звуком, похожим на то, как смеются глупые и радостные дети, – этот звон забавлял Сашу. Он смеялся и знай-себе швырял камни. Весело было смотреть на разбитые стекла, да и то радовало, что он тут так хозяйничает, и никто не знает: ни отец, ни Лепестинья. С радостным визгом он бегал по дорожкам. Потом захотелось посмотреть, как это покажется изнутри, – и он побежал в дом.

Но, как всегда, входя в горницы, он затих и перестал визжать, словно сами стены утихомирили его. Окна с битыми стеклами имели печальный и безобразный вид. Саша вдруг очнулся, словно отрезвел, или словно его разбудили. Теперь стало ясно видно, как бессмысленно то, что он сделал.

Саша приуныл и, тоскуя, ходил по горницам. В доме было тихо, как всегда, и от этого жутко. Ворожащий стук маятника разносился гулко по всему дому. Битые стекла валялись на полу, в окнах зияли звездчатые дыры, по стеклам в уцелевших краях вились синеватые трещины. Так стало грустно, хоть на белый свет не гляди. А тут еще Лепестинья пришла откуда-то, ходила сзади и ворчала, подбирая осколки. Ее голос звучал подобно печальному шелесту в камышах над водой.

Саша тоскливо ждал отца. Наконец, отец вернулся. Еще не входя в дом, он заметил битые стекла, и нахмурился. Саша, весь красный от стыда, говорил запинаясь:

– Это я побил стекла. Из шалости. Нарочно. Вот я набрал там, на реке, камешков.

И он подробно рассказал все свое буйство. Его смущенный вид и откровенность тронули отца.

– Как же ты, братец, так, а? Не годится, – сказал он тихо, взял Сашу за плечи, сам сел на стул, а Сашу поставил между коленями и, своим медленным и ясным голосом, стал говорить ему ласково-укоризненные слова, поглаживая рукой длинную рыжую бороду.

Саша плакал. Что отец не сердится, а только говорит недовольным и огорченным голосом, – это терзало его сердце. Он стал просить:

– Накажи меня построже.

– Как тебя наказывать-то? – спросил отец, задумчиво глядя на

Сашу.

– Розгами, да побольнее, – сказал он и еще сильнее покраснел.

Отец посмотрел на него с удивлением и усмехнулся.

– Право, папа, держал бы ты меня в ежовеньких, – говорил Саша, плача и смеясь, – а то уж я так расшалюсь, что и на-поди.

Отец промолчал, отпустил Сашу и ушел.

Саша задумался. Стало как-то неловко, что отец даже ничего не сказал. Упрямо захотелось поставить на своем...

«Он все прощает, – думал Саша, – но ведь есть что-нибудь, чего и он не простит? Что не прощается?»

XI

Саша настойчиво придумывал, чем рассердить отца. Это было так трудно, – жалко сделать что-нибудь грубое, чем бы отец был слишком опечален. Саша стал беспокоен, тосковал и метался. Все чаще уходил он в поля, один, подальше от дома, словно ждал, что там найдет решение. Под солнцем он весь загорел, как цыганенок, – и лицо, и руки, и ноги.

Все чувства Сашины особенно изощрились за эти дни. Он и раньше был чуток и зорок. Ему не случалось заблудиться в лесу или напасть на ложный след: зоркий глаз его знал приметы, чуткий слух доносил до него тишайшие шумы и шорохи из чащи и от жилья, и легчайшие запахи с полей выводили его на единственно-верные тропы. Теперь же он пуще прежнего любил прислушиваться к тишине в полях. Легчайшие шорохи, неслышные для обычно-грубого слуха, реяли вокруг него, и он чутко различал их источники, – то бегали жучки по былинкам, то легко трескались, раскрываясь, созревшие в траве крохотные плоды. И над этими звуками еще тончайшие, неопределенные колебания, – не звуки, а как бы их предчувствия: то не растут ли травы, не звенят ли подземные струи?

Травы колыхались, тянулись к чему-то неуклонно, бессознательно. Вот скерда, – на сухом песке взошла и все тянется. Вот шелковисто-серый астрагал с лиловыми цветками лепится на песчаном обрыве. Вот ядовитый вех, томясь на болоте, раскинул свой белый зонтик... Но из цветов любее всех стали Саше в эти дни одуванчики, хрупкие да чуткие, как и он. Когда уже созревали их круглые серенькие корзиночки, ему нравилось, лежа в траве, развеивать их, не срывая, легким дыханием, да следить за их неторопливым полетом.

В полдень в полях становилось истомно. Полуденные страхи таились за колосьями, прятались в воде за тростниками, дрожали в серых пыльных вихрях по проселку, неслышными, прозрачными тенями ширяли над землей, – страхи, понятные Саше, но бессильные над ним. Тоска томила его. Тишина чаровала. На всем просторе в полях невозмутимое было молчание. Знойным воздухом тяжело и безрадостно дышалось.

Иногда Саша уходил в лес, тихий да величавый, как опустелый собор. Пахло смолой, как ладоном. Грудь легко дышала. Сумрак между этими спокойными столпообразными соснами обвеивал душу миром. Бестревожно таил лес неведомые дали.

Но ничего не говорила Саше лесная тишина: он уходил из леса недовольный, смущенный.

XII

Прошло несколько дней. Саша надумал нечто. Утром, когда отец сидел над тяжёлым делом, Саша, с куском угля в руках, с веселой улыбкой на загорелом лице, вошел в гостинную. Там висело на стене, в ореховой рамке, мамино изображение, увеличенное по светописному снимку. Саша взлез на стул и углем начертил по стеклу маме усы. Потом посмотрел и засмеялся. Мама молодая, веселая, с усами, точно мальчик, вздумавший пошалить, – и такая милая.

Саша побежал к отцу и со смехом привел его в гостинную. Отец угрюмо смотрел на мамино изображение, – и вдруг Саша увидел его словно иными глазами: усы безобразили это милое, нежное лицо. Шаловливый задор соскочил с Саши. Он раскаялся и заплакал. И все-таки, вместе с раскаянием, в нем ликовала радость. По строгому и неподвижному отцову лицу он понял, что отец весьма недоволен и, пожалуй, способен круто обойтись.

– Видишь, папа, – сказал он плача, – какой я стал дурной. Высеки меня побольнее, право, – давно пора.

– Давно пора? – задумчиво повторил отец.

Саша продолжал просить. Отец подумал, да и решил, что не вредно и высечь мальчика, коли он сам просит.

– Что ж, – сказал он, – беги к березе, наломай хороших розог...

XIII

... Отец бросил на пол прутья, поставил Сашу на ноги и слегка прижал его к себе. Саша тотчас перестал кричать и уже устыдился своих криков. Боль разом смягчилась. Саша плакал и стыдливо прижимался к отцову плечу...

«Так и испытал!» – торжествуя, думал он, прислушиваясь к могучим еще болевым ощущениям. Он подумал: «Проходит боль, и уже не страшно. Нестерпимая, но проходящая боль, да она и вовсе не страшна, и не была страшна», – уже думал Саша.

«А что ж я кричал?» – спросил он себя и ответил: «Неволью, с непривычки».

И вот, Саша успокоился, перестал шалить. Он испытал и мучения, – но и в них не нашел побеждающего страха...

XIV

Пришла осень. Начались уроки. В августе и ученики и учителя еще не втянулись в дело, – ученики еле готовили заданное, учителя приходили поздно. Однажды, в свободное время перед уроком, Саша поссорился с Колей Егоровым, задорным шалуном, с которым он и раньше не ладил. Началось пустяками. Егоров рассказывал нескольким простодушным мальчуганам, что в пруду на Опалихе нечисто, живет шишига, и парни ее видели, – страшная! Саша вслушался и, улыбаясь, спросил:

– Шишига? Что за шишига такая?

Егоров отвечал неохотно, уже заранее сердясь на то, что Саша не поверит:

– Такая круглая, толстая, вся слизкая, – голова, как у жабы.

– Ну вот, – сказал Саша, – тоже веришь!.. Никакой шишиги

нет.

Егорев рассердился, покраснел и запальчиво закричал:

– Как нет, коли Серега Рахинский да Ванька Большой сами видели! Врать они тебе станут!

– Нет шишиги, – повторил спокойно Саша. – Им показалось нивесть что с перепугу, они и говорят зря.

Сашины возражения лишили Егорева уверенности в шишигу. Но из задора он не мог признать себя неправым, – тихие Сашины слова да спокойные Сашины взгляды все больше его раздражали. Он горячо доказывал, что шишига есть, и от злости начал толкаться, хоть и боялся ударить Сашу, – знал, что тот сильнее и его, и почти всех товарищей.

– А увидишь шишигу, сам ужаснешься! – сердито и насмешливо сказал Егорев.

– Чего ужасаться? Вот эта стена страшнее шишиги, – ответил Саша, вспоминая, что все на свете одинаково не страшно.

Егорев пуще рассердился. Сашины слова показались ему явной издевкой. А Саша словно нарочно дразнил его и сказал со смехом:

– Ах ты, легковерный! Сам-то ты – шишига!

Мальчики засмеялись... Уже этого Егорев не мог стерпеть. Он вдруг подскочил к Саше и со всего размаху ударил его ладонью по щеке. У Саши зазвенело в ушах; перед глазами запрыгали красные искры и зеленые круги.

«Не даром говорят, – быстро подумал он, – что из глаз искры посыпались».

Он стоял, ошеломленный неожиданным ударом. Было больно и стыдно; приходилось показывать товарищам, что это ничего, что он не заплачет, а то таки сдачи даст. Но унижение от чужой, хоть и случайной, победы горько чувствовалось. Егорев смотрел, торжествуя, и злорадно улыбался. Мальчишки сочувствовали, как всегда, победительно и дразнили Сашу. Вдруг они замолчали и разбежались по местам. На пороге показался учитель, гладко подстриженный, рыжий молодой человек. Он услышал издали удар, а теперь увидел двух мальчиков в таких положениях, которые его наметанному взгляду сразу показали, в чем дело.

– Что это, Кораблев? – спросил он у Саши.

Саша молчал. На его щеке горели яркие полосы от Колиных пальцев. Товарищи рассказали, как все было. Учитель сказал:

– Егорев, ты останься сегодня. Надо тебе замечаньице написать в дневничок, чтобы родители приняли меры.

– А он зачем меня шишигой назвал? – слезливо оправдывался Егорев. – Мне тоже обидно, какая же я шишига!

– А ты рукам воли не давай, – спокойно возразил учитель, продолжая улыбаться ласково и жестко.

На перемене Егорев то плакал да жаловался товарищам, что его из-за Кораблева дома высекут, то принимался бранить Сашу, то издевался над ним. Саше было неловко и грустно. Хотелось чем-нибудь утешить этого взволнованного мальчика, – но он невольно презирал его за эту робость перед домашней расправой.

XV

Уроки кончились, молитву прочитали, ученики шумно расходились. Учитель Василий Григорьевич опять пришел в класс и потребовал дневник у Егорева...

Мальчик плакал, медленно вытаскивая дневник. Саша вдруг подошел к учителю.

– Василий Григорьевич, простите Егорева, ведь я же на него не сержусь...

– Мало ли, что не сердись, драться в училище нельзя, – наставительно ответил учитель.

– Право, простите, – просил Саша, – мы с ним помиримся; я его сам обидел, что шишигой назвал. Простите...

Учитель, посмеиваясь, сказал:

– Плохо просишь.

Саша настойчиво продолжал просить.

– Плохо просишь, – повторил учитель со своей вечной усмешкой.
– Поклонись пониже.

– Да я хоть в ноги вам поклонюсь, только простите его, – сказал Саша и вдруг покраснел.

– Ну что ж, поклонись, вот тогда и прощу, – ответил учитель.

Он не верил, что Саша сделает это. Но Саша откинул в сторону свою сумку с книгами и быстро поклонился учителю, – сперва руками уперся в пыльный пол, потом лбом стукнулся. Ему не было стыдно кланяться, но, подымаясь, он почувствовал, что, если учитель все же не простит, то будет так досадно! И он настойчиво сказал, глядя на учителя решительными глазами:

– Теперь уж вы его должны простить.

Учитель был удивлен. Неловко посмеиваясь и краснея, он проговорил:

– Ну, нечего делать, обещанное – свято.

Он отдал дневник Егорева.

– Не следовало бы тебя прощать, – благодари Кораблева.

Егорев обрадовался и улыбался, размазывая слезы ладонью по щекам. Учитель, смущенно улыбаясь, смотрел на обоих мальчиков и медлил уйти из опустелого класса.

В Сашином поступке он чувствовал что-то необычное и не вполне понимал его. Что это? Товарищеская дружба, или – просто шалость?

Саша был весел и бессознательно доволен собой. Егорев, не успевший еще собрать книг, просил его подождать, – им по дороге, – и ласково смотрел на него.

Саша вышел в коридор и ждал там. Учитель подошел к нему, чтобы сказать что-нибудь приветливое, да не мог придумать. И он говорил несвязные слова, ласково и неловко.

– Что ж, вы с ним друзья, что так заступаешься, а? – спросил он.

– Друзья, – весело ответил Саша.

– А, друзья... Забияка ведь он?

– Ничего!

– Ну что ж, домой пойдешь, милый?

– Домой, – так же весело и радостно отвечал Саша.

Он, улыбаясь, глядел на учителя и ждал от него каких-то добрых и мудрых слов, ждал с простодушной верой, так как он воистину был еще ребенок.

А учитель не знал таких слов. И уже совсем больше ничего не придумал он сказать. Он взял Сашу за руку и тихонько пожал ее. Тот смутился, покраснелся. Учитель как-то неловко отвернулся и отошел.

И вдруг веселость снова соскочила с Саши. Он почувствовал в

душе своей ту же неловкость, как-будто заразился ей от учителя. В мыслях и настроениях его началась смута...

XVI

Вместе с Егоровым шел Саша по тихим городским улицам домой. Мальчик благодарил Сашу искренно и весело. Распреотлично бы мне дома порку задали, – говорил он, с уважением глядя на Сашу.

Саше от этого еще томительнее становилось. Егоров все посматривал на него сбоку, словно хотел что-то сказать, да не решался.

И Саша понемногу стал ждать, что он сделает что-то настоящее, должное. Наконец, Егоров надумался и вдруг спросил:

– Хочешь, я тебе тоже поклонюсь в ноги?

– Не надо, – смущенно сказал Саша.

– А то поклонюсь. Хоть сейчас, на улице, – право, а?

– Ну вот, говорю: не надо.

Егоров словно успокоился.

– Ну, ладно, – сказал он по прежнему весело, – я тебе заслужу чем-нибудь. Ты только скажи.

«Вот, – думал Саша, – я кланялся, молил за то, чтоб его кожа цела осталась, а он меня побережет при случае. И мне же от всего этого польза: учитель похвалил, Егоров стал другом».

И мучило это Сашу – этот корыстный его подвиг.

Какая грусть!

Какие во всем невозможности!..

Вот и в огороде, мимо которого они проходили, молочай-солнцеглядь напрасно тянулись к солнцу, – они были малы и слабы, их подавляли глупые, клонящиеся к земле ромашки...

XVII

В грустном раздумьи Саша сидел под серой ольхой на скамеечке, внизу сада, над самой рекой. За день он набегался, был шумно весел и утомился. Длинные ресницы бросали печальную тень на загорелые Сашины щеки.

Вечер мирно догорал.

За рекой лежали тихие дали... Большие босоногие мальчишки, как всегда по вечерам, пришли на пустой песчаный берег играть в рюхи и подымать легкую сизую пыль длинными палками.

Здесь, в саду, был дикий, нетронутый уголок. У воды цвела зеленовато-белая развесистая гречиха. Горицвет раскидывал белые полузонтики, и от них к вечеру запахло слабо и нежно. В кустарниках таились ярко-лазоревые колокольчики, безуханные и безмолвные. Дурман высоко подымал крупные белые цветы, надменные, некрасивые и тяжелые. Там, где было сырее, изгибался своим твердым стеблем паслен с ярко-красными продолговатыми ягодами. Но эти плоды, никому не нужные, и эти поздние цветы не радовали глаз.

Усталая природа клонилась к увяданию.

Саша чувствовал, что все умрет, и что так это и должно быть. Покорная грусть овладела его мыслями. Он думал:

«Устанешь, спать хочется; а жить устанешь – умереть захочешь.

Вот и ольха устанет да и свалится».

Кто-то запел...

В тихом воздухе печально звучала заунывная песня. За рекой раздавались эти протяжные звуки, – словно кто-то звал, да печалил, да, лишая воли, требовал чего-то необычайного...

Но неужели не суждено человеку узнать здесь правды? Где-то есть правда, – к чему-то идет все, что есть. И мы идем, – и все проходит, – и мы вечно хотим того, чего нет...

Или надо уйти из жизни, чтобы узнать? Но как же и что узнают отшедшие от жизни?

И засмотрелся Саша на воду, и думал:

«Если упасть, утонуть? Страшно ли будет тонуть?»

Вода тянула его к себе своим влажным запахом. Нисколько не было страшно, и равнодушно думал Саша о возможной смерти.

Все равно, уже не стало своей воли, и он пойдет, куда устремит его первое впечатление.

Он задумался и неподвижно смотрел перед собой. Лепестинья подошла сзади и погладела на него суровыми глазами.

– Что смотришь? Куда смотришь? Опять к ней засматриваешь? – тихо и сурово сказала она, качая дряхлой головой.

И она пошла мимо, и уже не глядела на Сашу, и не жалела его, и не звала. Безучастная и суровая, она прошла мимо...

Легкий холод обвеял Сашу.

Весь дрожа, томимый таинственным страхом, он встал и пошел за Лепестиньей, – к жизни, в путь истомный и смертный...

БАРАНЧИК

I

В деревне Хотимирицы на пророка Илью праздновали. Со всей округи сходились и съезжались гости, и ели и пили, и пировали и день, и два, и три, переходя из дома в дом.

Хозяйственный мужик Власт готовился загодя, – наварил пива, купил водки, зарезал барана.

Когда он взял нож и пошел резать барана, его дети, Аниска и Сенька, пошли за ним, стали близко и смотрели. Аниске доходил пятый год, Сеньке начинался четвертый, – все-то им было внове, все-то их забавляло.

Баран был весь белый, – и волосенки у ребят были белые. Ребята стояли, взявшись за руки, и дивились, и таращили светлые глазенки. Баран заблеял, кровь полилась, красная да широкая, – страсть, как весело!..

Дети, лепеча и толкаясь, мешали отцу. Он прикрикнул на них, – и ребятишки, смеючись, побежали прочь.

II

Отец ушел в поле, мать по дому хлопотала, дети играли себе на дворе.

И сказала Аниска Сеньке:

– Сенька, а Сенька! Давай играть в баранчика.

Засмеялся Сенька, говорит, – а сам еще и выговорить чисто не

умеет:

– Давай, – говорит, – пусть я баранчиком буду.

– Ну, ладно, – говорит Аниска, – ты пусть баранчиком будешь, а я тебя по горлышку ножиком чик-чик.

– А кровь пойдет?, – спросил Сенька, – красная, широкая?

– Пойдет, – сказала Аниска.

И оба засмеялись, зарадовались.

– А ножик где мы возьмем?, – спросил Сенька.

– Как-никак разживемся, – отвечала Аниска, – у мамки скрадем...

Тихохонько пробрались ребятки в избу, – а матери ни к чему, знай себе дрова в печь накладывает, жарено всякое, да пироги жданы про гостей готовить хочет. Стащили ребята нож, большой, большой, каким хлебы рушать, – а мать и не видит, до ребят ли ей!..

Побежали дети во двор, забились в угол.

– Ну, режь скорее, – лепечет Сенька.

Сам заблеял, таково жалобно, словно баранчик, – сам засмеялся и сестренку насмешил. И взяла его Аниска за плечи, опрокинула на спину, повалила на землю, – все блеял Сенька...

Полоснула Аниска ножом по Сенькину горлу. Затрепыхался Сенька, захрипел. Кровь – широкая, красная – так и хлынула на его белую рубашенку и на Анискину руки. Кровь была теплая да липкая, Сенька затих...

– Баранчик, баранчик!– закричала Аниска и засмеялась. А самой с чего-то холодно стало.

– Ну, вставай, что ли, Сенька!– закричала она, будет.

Не хотел Сенька вставать, и кровь уже не текла, и слиплись Анискины руки. Сенька лежал, скорчившись, и все молчал, – страшно стало Аниске, побежала она от Сеньки.

Шмигнула в избу, от матери прячется, полезла в печку, – а сердце-то у нее в груди тяжелое. Забралась Аниска в печку на дрова, сидит, молчит, вся дрожит. Страх на нее напал и тоска, и не поймет Аниска, что такое случилось.

Начала мать затоплять печку, – ничего не слышит Аниска, сидит, не подает голосу. Тяжко да быстро бьется маленькое сердце, ничего не видит Аниска своими тоскливыми глазками...

Дрова плохо разгорались, пошел дым, наполнил всю печку, задушил Аниску...

III

И вознеслись к Господним райским вратам Сенькина душа и Анискина душа... Смутились ангелы; и проливали они слезы, светлые, как звезды, и не знали, что им делать. Предстал перед Господом Анискин ангел, и с великим сокрушением воззвал:

– Господи, врагу ли отдадим младенца с окровавленными руками?

Искушая ангела, спросил Господь:

– На ком же та невинная кровь?

Отвечал ангел:

– Да будет на мне, Господи.

И сказал ему Господь:

– Проливающие кровь искуплены Моею кровью, и научающие пролитию крови искуплены Мною, и тяжкою скорбию приобщаю людей к искуплению Моему.

Тогда впустили ангелы Аниску и Сеньку в обители светозарные и в сады благоуханные, где на тихих травах мерцают медвяные росы, и в светлых берегах струятся отрадные воды...

КРАСОТА

*"Возноситесь над
сумраком прошлого..."*

I

В строгом безмолвии вечерующего дня Елена сидела одна, прямая и неподвижная, положив на колени белые, тонкие руки. Не наклоняя головы, она плакала; крупные медленные слезы катились по ее прекрасным щекам, и темные глаза ее слабо мерцали.

Нежно-любимую мать схоронила она сегодня, и, так как шумное горе и грубое участие людское были ей противны, то она на похоронах, и раньше, и потом, слушая утешения, воздерживалась от плача. Она осталась, наконец, одна, в своем белом покое, где все девственно-чисто и строго, — и печальные мысли исторгли из ее прекрасных глаз прекрасные, тихие слезы.

Еленино платье, строгое и черное, лежало на ней печально, — как будто, облекая Елену в день скорби, не могла равнодушная одежда не отражать ее омраченной души. Елена вспоминала покойную мать, — и знала, что прежняя жизнь, мирная, ясная и строгая, умерла навсегда. Прежде, чем начнется иное, Елена, холодными слезами и неподвижной грустью, поминала прошлое.

Ее мать умерла еще не старая. Она была прекрасна, как богиня древнего мира. Медленны и величавы были все ее движения. Ее лицо было как бы обвеяно грустными мечтами о чем-то, навеки утраченном, или о чем-то желанном и недостижимом. Уже на нем давно, предвешательница смерти, ложилась томная бледность. Казалось, что великая усталость клонила к успокоению это прекрасное тело. Белые волосы между черными все заметнее становились на ее голове, — и странно было Елене думать, что ее прекрасная мать скоро будет старухой...

Елена встала, подошла к окну, и медленно отодвинула тяжелый занавес, чтобы рассеять сумерки, которых она не любила. Но и оттуда, извне, томил ее взоры серый и тусклый полусвет, — и Елена опять села на свое место и терпеливо ждала черной ночи, и плакала медленными и холодными слезами.

И, наконец, настала ночь, в комнату принесли огонь, и Елена снова подошла к окну. Пустая темнота окутывала улицу. Бледные и грубые предметы скучной обычности скрывались в черном покрове ночи, — и было что-то торжественное в этой печальной черноте. Против окна, у которого стояла Елена, слабо виднелся, на другой стороне улицы, при свете редких фонарей маленький кирпично-красный дом кузнеца. Фонари стояли далеко от него, — он казался черным.

Вдруг из раскрытой кузницы к воротам пронеслась медленно громадная искра, и мрак вокруг нее словно сгустился, — это кузнец пронес по улице кусок раскаленного железа. Внезапная зажглась радость в Елениной душе, и заставила Елену тихо засмеяться, — в просторе безмолвного покоя пронесся звонкий и радостный смех.

И когда прошел кузнец, и скрылась красная в черном мраке искра, — Елена удивилась своей внезапной радости, и удивилась тому,

что она все еще, нежно и трепетно, играет в ее душе. Почему возникает, откуда приходит эта радость, исторгающая из груди смех и зажигающаяся огни в глазах, которые только что плакали? Не красота ли радует и волнует? И не всякое ли явление красоты радостно?

Мгновенная, пронеслась она во мраке, рожденная от грубого вещества, и погасла, как и надлежит являться и проходить красоте, радуя и не насыщая взоров своим ярким и преходящим блеском... Елена вышла в неосвещенный зал, где слабо пахло жасмином и ванилью, и открыла рояль; торжественные и простые мелодии полились из-под ее пальцев, и ее руки медленно двигались по белым и черным клавишам.

II

Когда Еленина мать была в живых, они жили только вдвоем. Теперь, чтобы Елена не слишком грустила, и для соблюдения того светского приличия, которое запрещает молодой девице жить одной, родственники, с общего безмолвного согласия, устроили так, что к ней переехала жить ее тетка, сестра ее отца, полковничья вдова, Катерина Николаевна Печенегова. Маленькая дама с мелькими морщинами на лице, она имела вид кислый, угнетенный и озабоченный. Племянницы своей она побаивалась и относилась к ней даже с некоторым подобострастием, так как ничего не имела, кроме небольшой пенсии. Елена не выражала ни согласия своего, ни несогласия на это водворение у нее тетки. Она больше сидела в своих комнатах одна, и Катерина Николаевна скоро поняла, что Елена вовсе не желает частных бесед с ней, а так как квартира была просторная, то и стали они жить каждая отдельно, встречаясь почти только за столом.

Елена любила быть одна, среди прекрасных вещей в своих комнатах, в убранстве которых преобладал белый цвет, в воздухе носились легкие и слабые благоухания, и мечталось о красоте так легко и радостно. Все благоухало здесь едва различными ароматами: Еленины одежды пахли розами и фиалками, драпировки — белыми акациями; цветущие гиацинты разливали свои сладкие и томные запахи. Было много книг, — Елена читала много, но только прекрасные и строгие творения.

С людьми Елена была тягостно, — люди говорят неправду, льстят, волнуются, выражают свои чувства преувеличенным и неприятным способом. В людях много нелепого и смешного: они подчиняются моде, употребляют зачем-то иностранные слова, имеют суетные желания. Елена была сдержанна с людьми и не могла полюбить ни одного из тех, кого встречала. Одна только была, которая стоила любви, мать, — потому что она была спокойная, прекрасная и правдивая. Елена хотела бы, чтобы и все люди стали когда-нибудь такими же, чтобы они поняли, что одна есть цель в жизнь, — красота, и устроили себе жизнь прекрасную и мудрую...

Горели лампы, — их свет разливалась неподвижно-ясно и бело. Пахло розой и миндалем. Елена была одна.

Она замкнула на ключ дверь, зажгла перед зеркалом свечи и медленно обнажила свое прекрасное тело.

Вся белая и спокойная, стояла она перед зеркалом и смотрела на свое отражение. Отсветы от ламп и от свеч пробегали по ее коже и радовали Елену. Нежная, как едва раскрывшаяся лилия с мягкими, еще прямыми листочками, стояла она, и безгрешная алость разливалась

по ее девственному телу. Казалось, что сладкий и горький миндальный запах, веющий в воздухе, исходит от ее нагого тела. Сладостное волнение томило ее, и ни одна нечистая мысль не возмущала ее девственного воображения. И нежные грезилась ей, и безгрешные поцелуи, тихие, как прикосновения полуденного ветра, и радостные, как мечты о блаженстве.

Радостна была для Елены обнаженная красота ее нежного тела. Елена смеялась, и тихий смех ее звучал в торжественной тишине ее невозмутимого покоя.

Елена легла грудью на ковер и вдыхала слабый запах резеды. Здесь, внизу, откуда странно было смотреть на нижние части предметов, ей стало еще веселее и радостнее. Как маленькая девочка, смеялась она, перекатываясь по мягким коврам.

III

Много дней подряд, каждый вечер, любовалась Елена перед зеркалом своей красотой, – и это не утомляло ее. Все было в ее комнате, – и среди этой белизны мерцали алые и желтые тоны ее тела, напоминая нежнейшие оттенки перламутра и жемчуга.

Елена подняла руки над головой и, приподнимаясь, вытягивалась, изгибалась и колебалась на напряженных ногах. Нежная гибкость ее тела веселила ее. Ей радостно было смотреть, как упруго напрягались под нежной кожей сильные мускулы прекрасных ног.

Она двигалась по комнате, нагая, и стояла, и лежала и все ее положения, и все медленные движения ее были прекрасны. И она радовалась своей красоте, и проводила, обнаженная, долгие часы, – то мечтая и любясь собой, то прочитывая страницы прекрасных и строгих поэтов...

В чеканной серебрянной амфоре белела благоуханная жидкость: сама Елена соединила в амфоре ароматы и молоко. Елена медленно подняла чашку и наклонила ее над своей высокой грудью. Белые, пахучие капли тихо падали на алую, вздрагивающую от их прикосновения, кожу. Запахло сладостно ландышами и яблоками. Благоухания обняли Елену легким и нежным облаком...

Елена распустила свои длинные, черные волосы, и осыпала их красными маками. Потом белая вязь цветов поясом охватила ее гибкий стан и ласкала ее кожу. И прекрасны были благоуханные эти цветы на обнаженной красоте ее благоуханного тела.

Потом она сняла от себя цветы и опять собрала волосы высоким узлом, облекла свое тело тонкой одеждой и застегнула ее на левом плече золотой пряжкой.

Сама она сделала для себя эту одежду из тонкого полотна, так что никто еще не видел ее.

Елена легла на низкое ложе, и сладостные мечтания проносились в ее голове, – мечтания о безгрешных ласках, о невинных поцелуях, о нестыдных хороводах на орешенных сладостной росой лугах, под ясными небесами, где сияет кроткое и благостное светило.

Она глядела на свои обнаженные ноги, – волнистые линии голеней и бедер мягко выбегали из-под складок короткого платья. Желтоватые и алые нежные тоны на коже рядом с однообразной желтоватой белизной полотна радовали ее взоры. Выдающиеся края косточек на коленях и стопах, и ямочки рядом с ними, – все осматривала Елена любовно и радостно, и осязала руками, – и это доставляло ей новое наслаждение.

IV

Однажды вечером Елена забыла запереть дверь перед тем, как раздеться. Обнаженная, стояла она перед зеркалом, подняв руки над головой.

Вдруг приотворилась дверь. В узком отверстии показалась голова, — это заглянула горничная Макрина, смазливая девица с услужливо-лукавым выражением на румянном лице. Елена увидела ее в зеркале. Это было так неожиданно, что Елена не сообразила, что ей сделать или сказать, и стояла неподвижно. Макрина скрылась сейчас же, так же бесшумно, как и появилась. Можно было подумать, что она и не подходила к двери, что это только так привиделось.

Елене стало досадно и стыдно. Хотя она едва только успела бросить один взгляд на Макрину, но уже ей казалось, что она видела промелькнувшую на Макрином лице нечистую улыбку. Елена поспешно подошла к двери, и заперла ее на ключ. Потом она легла на низком и мягком ложе и думала печально и смутно...

Досадные подозрения развивались в ней..

Что скажет о ней Макрина? Теперь она, конечно, пошла в людскую, и там рассказывает кухарке, шепотом, с гадким смехом. Словно волна стыдливого ужаса пробежала по Елене. Ей вспомнилась кухарка Маланья, молодая, веселая, с лукавым смешком...

Что же теперь говорит Макрина? Елене казалось, что кто-то шепчет ей в уши Макринины слова:

— И вижу это я сквозь щелку, — стоит барышня перед зеркалом в чем мать родила, — вся как есть совсем выпялившись.

— Да что то! — восклицает Маланья.

— Вот ей-Богу! — говорит Макрина. — вся голая, и фигурует, и фигурует, — и этак-то повернется, и так-то...

Макрина топчется на месте, представляя барышню, и обе хохочут. Циничные, грубые слова звучали с беспощадно-гнувной ясностью; от этих слов и от грубого смеха горничной у кухарки Еленино лицо покрылось жгучим румянцем стыда и обиды. С отвращением и ужасом она быстро встала и опустила портьеры у дверей.

Она чувствовала стыд во всем теле, — он по ней разливался пламенем, как снедающаяся тело болезнь. Долго Елена сидела неподвижная, в каком-то странном и тупом недоумении, — потом стала медленно одеваться, хмуря брови, как бы стараясь решить какой-то трудный вопрос, и внимательно рассматривая себя в зеркало.

V

В следующее за тем дни у Макрины был такой вид, будто она тогда и не видела ничего, и даже не приходила, — и это ее притворство раздражало Елену. Было тягостно Елене, что и ей надо так вести себя перед горничной будто и не знает, что она смотрела. И потому уже все в Макрине, что было и раньше, но чего Елена не замечала, теперь стало ей противно. Неприятно было одеваться и раздеваться при Макрине, принимать ее услуги, слушать ее льстивые слова, которые прежде терялись в лепечущих звуках водных струек, плещущих об Еленино тело, а теперь поражали слух.

И в первый же раз, когда Макрина заговорила по прежнему, Елена вслушалась в ее слова и дала волю своему раздражению.

Утром, когда Елена входила в ванну, Макрина, поддерживая ее под локот, сказала с льстивой улыбкой:

– В такую милочку, как вы, кто не влюбится! Разве у кого глаз нет, тот только не заметит. Что за ручки, что за ножки!

Елена покраснела.

– Пожалуйста, перестаньте, – резко сказала она.

Макрина взглянула на нее с удивлением, опустила глаза, и потом, – или это только показалось Елене? – легонько усмехнулась. И эта усмешка еще более раздражила Елену – но уже она овладела собой и промолчала...

Упрямо, без прежнего радования, с какими-то злыми думами и опасениями, Елена продолжала каждый день обнажать свое прекрасное тело и смотреть на себя в зеркало. Она делала это даже чаще, чем прежде, не только вечером, при свете ламп, но и днем, опустив занавесы. Теперь она уже не забывала опускать портьеры у дверей, чтобы не подсматривали и не подслушивали ее снаружи, и при этом стыд делал все ее движения неловкими.

Уже не таким, как прежде, прекрасным казалось теперь Елене ее тело. Она в этом теле находила недостатки, – старательно отыскивала их. Чудилось в нем нечто отвратительное, – зло, разъедающее и позорящее красоту, как бы налет какой-то, паутина или слизь, которая противна, и которую никак не стряхнуть.

Елене часто казалось, что на ее обнаженном теле тяжело лежат чьи-то чужие и страшные взоры. Хотя никто не смотрел на нее, но ей казалось, что вся комната на нее смотрит, и от этого делалось стыдно и жутко.

Было ли это днем, – Елене казалось, что свет бесстыден, и заглядывает в щели из-за занавески острыми лучами, и смеется. Вечером – безокие тени из углов смотрели на нее, и зыбко двигались, и эти их движения, которые производились трепетавшим светом свеч, казались Елене беззвучным смехом над ней. Страшно было думать об этом беззвучном смехе, и напрасно убеждала себя Елена, что это обыкновенные, неживые и незначительные тени, – их вздрагиванье намекало на чуждую, недолжную, издевающую жизнь.

Иногда внезапно возникало в воображении чье-то лицо, обрюзгое, жирное, с гнилыми зубами, – и это лицо похотливо смотрело на нее маленькими, отвратительными глазами.

И на своем лице Елена порой видела в зеркале что-то нечистое и противное, и не могла понять, что это.

Долго думала она об этом и чувствовала, что это не показалось ей, что это в ней родилось что-то скверное, в тайниках ее опечаленной души, меж тем как в теле ее, обнаженном и белом, подымалась все выше горячая волна трепетных и страстных волнений.

Ужас и отвращение томили ее.

И поняла Елена, что невозможно ей жить со всем этим темным на душе. Она думала: «можно ли жить, когда есть грубые и грязные мысли? Пусть они и не мои, не во мне зародились, – но разве не моими стали эти мысли, как только я узнала их? И не все ли на свете мое, и не все ли связано неразрывными связями?!...»

VI

В гостиной Елены сидел Ресницын, молодой человек, по модному одетый, несколько вялый, но совершенно влюбленный в себя и уверенный в своих достоинствах. Его любезности сегодня не име-

ли никакого успеха у Елены – как и раньше, впрочем. Но прежде она выслушивала его с той общей и безличной благосклонностью, которая привычна для людей так называемого «хорошего общества». Теперь же она была холодна и молчалива.

Ресницын чувствовал себя выбитым из колеи, а потому сердился и нервно играл моноклем. Он не прочь был бы назвать Елену невестью, и ее холодность казалась ему грубостью. А Елену более, чем когда-либо прежде, утомляло в его разговоре легкомысленное порхание с предмета на предмет. Она сама говорила всегда сжато и точно, и всякое многоречие людское было ей тягостно. Но люди почти все таковы, – распущенные, беспорядочные.

Елена спокойно и внимательно смотрела на Ресницына, как бы находя в нем какое-то печальное соответствие своим горьким мыслям. Неожиданно для него она спросила:

– Вы любите людей?

Ресницын усмехнулся небрежно, с видом умственного превосходства, и сказал:

– Я сам – человек.

– Да себя-то вы любите? – опять спросила Елена.

Он пожал своими узенькими плечами, саркастически усмехнулся и сказал притворно-вежливым тоном:

– Люди вам не угодили? Чем, позвольте спросить?

Видно было, что он чувствует себя оскорбленным за людей тем, что Елена допускает возможность и не любить их.

– Разве можно любить людей? – спросила Елена.

– Почему же нельзя? – изумленно переспросил он.

– Они сами себя не любят, – холодно говорила Елена, – да и не за что. Они не понимают того, что одно достойно любви, – не понимают красоты. О красоте у них пошлые мысли, такие пошлые, что становится стыдно, что родилась на этой земле. Не хочется жить здесь.

– Однако же вы живете здесь! – сказал Ресницын.

– Где же мне жить, – холодно промолвила Елена.

– Где же люди лучше? – спросил Ресницын.

– Да, они везде одинаковы, – ответила Елена, и легкая презрительная усмешка мелькнула на ее губах.

Ресницын не понимал. Разговор этот стеснял его, казался ему неприличным и странным. Он поспешил распрощаться и уйти.

VII

Вечерело... Елена была одна...

В тихом воздухе ее покоя ванильный запах гелиотропа не смешивался с медовым ароматом черемухи и со сладкими благоуханиями роз, и побеждал их.

«Построить жизнь по идеалам добра и красоты! С этими людьми и с этим телом! – горько думала Елена. – Невозможно! Как замкнуться от людской пошлости, как уберечься от людей? Мы все вместе живем, и как бы одна душа томится во всем многоликом человечестве. Мир весь во мне. Но страшно, что он таков, каков он есть, – и как только его поймешь, так и увидишь, что он не должен быть, потому что он лежит в пороке и во зле. Надо обречь его на казнь, – и себя с ним».

Тоскующие Еленины глаза остановились на блестящем предмете, красивой игрушке, брошенной на стол.

«Как это просто! – подумала она. – Вот, довольно хоть бы этого ножа».

Тонкий позолоченный кинжал, из тех, которые иногда употребляются для разрезывания книг, с украшенной искусной резьбой рукоятью и с обоюдоострым лезвием, лежал на ее письменном столе. Елена взяла его в руки, и долго любовалась им. Она купила его недавно, не потому, что он был ей нужен, – нет, ее взоры привлек странный, запуганный узор резьбы на рукояти.

«Прекрасное орудие смерти», подумала она, и улыбнулась. Улыбка ее была спокойная и радостная, и мысли в голове у нее проходили ясные и холодные.

Она встала, – и кинжал блестел в ее опущенной, обнаженной руке, на складках ее зеленовато-желтого платья. Она ушла в свою опочивальню, и на подушках, лезвием, к изголовью, положила кинжал. Потом надела она белое платье, от которого томно и сладостно пахло розами, опять взяла кинжал, и легла с ним на постель, поверх белого одеяла. Ее белые башмаки упирались в подножие кровати. Она полежала несколько минут неподвижно, с закрытыми глазами, прислушиваясь к тихому голосу своих мыслей. Все в ней было ясно и спокойно, и только темное томило ее презрение к миру и к здешней жизни.

И вот, – как будто кто-то повелительно сказал ей, что настал ее час. Медленно и сильно вонзила она в грудь, – прямо против ровно бившегося сердца, кинжал до самой рукояти, – и тихо умерла. Бледная рука разжалась и упала на грудь, рядом с рукоятью кинжала...

УТЕШЕНИЕ

I

В ясный августовский день по шумной и людной улице возвращались домой два школьника. Один, Дмитрий Дармоустук, был удручен тем, что в его дневнике единица. Тоска и страх ясно отражались на его худощавом лице с большим носом и тонкими, по привычке улыбающимися, губами.

Дармоустук – кухаркин сын, но одет чистенько и сам чистый да белый. Он довольно высок для своих тринадцати лет.

Другой, Назаров, видно, сорви-голова, – растрепанный, оборванный, в стоптанных и нечищенных сапогах, в выгоревшей на солнце фуражке; весь он нескладный, – длинный, тощий, испитой. Его бледное и сухое лицо часто подергивается судорожными гримасами, а в минуту возбуждения он весь сотрясается, моргает и заикается.

– Недаром у меня утром правый глаз чесался, – сказал Дармоустук, пожимаясь тонкими плечами, словно от холода, – так я и знал, что что-нибудь выйдет.

– Дурак, приметам веришь, – ответил Назаров, заикаясь на звуке «р.» – Ты знаешь что, ты дневник расшей.

– Ну, и что же? – с робким любопытством спросил Дармоустук.

– Ну, вот, – оживленно говорил Назаров, начиная усиленно гримасничать и бестолково разводя руками, – вынешь лист с единицей, ну и вставишь чистый, – понимаешь, из другого дневника, – дома покажешь, а потом опять расшей, старый встав.

Назаров засмеялся, поднял колени и хлопнул по нему ладонью.

– А чистый–то лист откуда мне взять? – нерешительно спросил Митя.

– Я тебе продам из своего дневника, – зашептал Назаров, оглядываясь по сторонам, – а сам скажу, что потерял, – понимаешь? – и куплю другой дневник.

– Да ведь будет видно, если расшить, – возражал Митя.

– Можно, и не расшивавши, вынуть, – сказал Назаров с уверенной усмешкой знающего человека.

– Ну? – недоверчиво спросил Митя.

Улыбка отдаленной надежды мелькнула на его бледных губах.

– Вот ей–Богу, – убедительно говорил Назаров, – только надорвать сверху и внизу, – да вот я тебе покажу, – давай, – вот только войдем под ворота.

– Боюсь, – нерешительно сказал Митя, щурясь от набегавшего ветра, который поднимал с мостовой столбы сора и пыли.

А Назаров уже вытащил из сумки дневник, – тетрадочку, разграфленную на весь год для записи уроков, отметок и замечаний. Товарищи вошли в ворота большого проходного дома и там остановились: Дармостоку надо было идти через этот двор, а Назаров не отставал и убеждал Митю купить лист из дневника. Голоса их гулко раздавались под кирпичными сводами, и это пугало Митю.

– Ну, давай пятиалтынный, – говорил Назаров. – Ведь дневник тридцать копеек стоит, а куда он порченный? Для того только уступаю, что может потом и мне пригодится, на всякий случай, – понимаешь?

– Дорого, – сказал Дармостук, завистливо поглядывая на дневник.

– Дорого? Дурак! Найди дешевле, – с досадой крикнул Назаров и показал Мите язык, длинный и тонкий.

– Да мне и не надо.

Митя отвернулся, стараясь подавить незаконное желание.

– Ну, давай гривенник, – быстро заговорил Назаров, становясь опять ласковым. – Ну, пятак? Соглашайся скорее, завтра двугривенный заломлю.

Назаров хватал Дармостоку за руки холодными и цепкими пальцами и отчаянно гримасничал.

– Грешно, – пробормотал Митя и покраснел.

– Ничего не грешно, – запальчиво возразил Назаров, – а им не грешно колы лепить ни за что, ни про что?

По Митину лицу было видно, что он не долго устоит против искушения. Но уже Назаров рассердился окончательно и сделал гримасу, выразившую горьчайшее презрение.

– Чорт с тобой! – выкрикнул он, трепеща от досады, передернулся, как картонный паец на ниточке, быстро всунул дневник в сумку и побежал прочь.

Митя вошел во двор и в раздумьи тихо подвигался вперед. Двор тянулся длинный, неширокий, мощный неровным булыжником. Посреди заднего флигеля мрачно зияли ворота на другую улицу. Вдоль двора лежал узенький, в одну плиту, неровный тротуар. По сторонам подымались четырехэтажные флигели, с грязно–желтыми стенами, с бурными деревянными, крупно–продыравленными для воздуха, ящичками в кухонных окнах. Проходили женщины в платках, мастеровые. Мусор валялся неприбранный. Стояла поломанная бочка. Грязные босые дети играли возле нее, и весело и звонко кричали. Пахло неприятно и грубо.

Хорошо бы, если бы дневник показывать только матери! Но его надо показать еще и барыне... Барыня вспоминалась надоедливая, говорливая, важная, шумящая шелковым платьем и сильно пахнущая духами, – и всем этим наводила на Митю оторопь и страх.

И мать вспоминалась. Митя знал, что она будет бранить его и плакать. Она – угрюмая и бедная. Она работает, – и Митя понимал, что должен выучиться чему-нибудь, чтоб ей под старость был приют.

С улицы доносились грохочущие звуки, – проезжали экипажи, далеко сотрясая мостовую. Митя чувствовал, как бы в самых своих костях, как легонько вздрагивали камни, – и это дрожание страшило его, как и отзвуки от уличных гулов.

Вдруг, где-то высоко, услышал Митя тонкий смех и звонко-лепечущий голос. Митя поднял глаза. В окне заднего флигеля, в четвертом этаже, увидел он девочку, лет четырех, – и девочка понравилась ему. Освещенная солнцем, она лежала на подоконнике, ухватившись пухлыми ручонками за железный красный лист под окном, и смотрела ясными глазами вниз, на играющих маленьких девочек, которые бегали и визгливо хохотали. Девочку наверху радовало их веселье. Она нагибалась к ним, смеялась и кричала что-то, чего не слушали они.

Митино сердце тоскливо замерло. В первую минуту он не знал, что его страшит. Потом он подумал, что девочка может упасть, что она упадет, вот-вот сейчас. Митя побледнел и замер на месте. Привычная головная боль схватила его за виски...

Так высоко, – а девочка наклоняется, кричит и смеется. Так высоко, – и только узкая железная полоска, покатавшая вниз, отделяет девочку от страшной пропасти. Голова у девочки, – думал Митя, – должна закружиться. Ей не удержаться, – думал он с отчаянием и страхом и ему показалось, что она уже не смеется, что она тоже испугалась.

Злая мысль на мгновение овладела Митей и заставила его задрожать: он почувствовал нетерпеливое желание, чтобы девочка упала поскорее, лишь бы не томиться ему здесь этим страхом. Но едва только он понял в себе это желание, он спохватился и, – словно чувствуя, как она колеблется и скользит на узком железе, теряя равновесие и цепляясь задрожавшими ручонками, – побежал к девочке, протягивая руки. Но в эту самую минуту девочка взвизгнула, перевернулась в воздухе и упала, мелькнувши перед окнами, как сброшенный с чердака узел с бельем.

Митя не добежал. Он остановился, и руки его бессильно повисли... Девочка ударилась о камни затылком. Митя ясно услышал легкий треск ее черепа, похожий на звук от разбиваемой яичной скорлупы. Потом, с мягким стуком, она опрокинулась на спину и, как-то неловко изогнувшись и раскинув руки, легла ногами к Мите; глаза ее были полужакрыты, и губы жалобно искривились.

Два мальчика, не видевшие падения, все еще бегали и смеялись, – и голоса их звучали странно и неуместно. Девочки, перепуганные, стояли молча, дрожали и таращили глаза на ребенка, который неожиданно свалился к их ногам. Было так светло, на всем дворе лежали ясные и бледные отблески солнечных лучей от верхних окон, – кровь текла медленно из под золотистых девочкиных волос, яркой струйкой, и смешивалась с пылью и сором.

Вдруг одна из девочек, слабенькая и хрупкая на вид, высоко вскинула руки, всплеснула маленькими ладошками и пронзительно закричала, без слов. Ее лицо покраснело и перекосилось, из прищурившихся глаз брызнули мелкие и частые слезинки, – и разли-

лись по всему крошечному лицу.

Не переводя голоса, протягивая руки и шатаясь, она метнулась в сторону, гонимая ужасом, наткнулась на Митю руками, отскочила и побежала дальше, крича и плача...

Запищал кто-то, робко и плаксиво. Мальчики, только что игравшие, стали рядом с Митей, и смотрели на упавшую девочку с тупым и бессмысленным любопытством. В одном из окон показалась толстая женщина в белом переднике и заговорила что-то, взволнованно и быстро. И из других окон стали выглядывать на двор. Неспешно и равнодушно приблизился дворник, белолицый парень в красной вязаной куртке, посмотрел на девочку крупными глазами и, опершись о метлу руками, стал глазеть по окнам. Когда он, постепенно подымая голову, дошел до верхних окон, какие-то неясные чувства тускло отразились на его пухлом лице.

Вокруг девочки собирались, зашумели. Мастеровой в опорках, с ремешком на лбу, замахал руками и крикнул:

– Городового!

– Ах, грех какой! – заахала маленькая старушонка, выглядывая из-за его плеча.

– Мать не досмотрела, – сказала сердитая баба в сером платке.

Подошел старший дворник, в черном пиджаке, чернобородый, с подледневшим от неожиданности лицом.

– Беги, беги, – говорил он подручному.

Белолицый парень медленно пошел к воротам.

– В участок пошли! – зашептал кто-то сзади Мити.

– Чего уж, окапутилась! – ответил положительный мужской голос.

Митя удивился, как чему-то невозможному, что девочка лежит уже мертвая.

Вдруг откуда-то сверху донесся вой, растущий и приближающийся. С угловой лестницы, дико вопя, вынеслась, неистовым порывом, растрепанная и побледневшая женщина: она протягивала дрожащая руки и стремительно упала на девочку.

– Раечка, Раечка! – закричала она и трясущимися губами принялась дуть на девочкины ручки. Потом, вздрогнув от их холода, она схватила Раечку за плечики и приподняла ее. Раечкина голова запрокинулась назад. Мать отчаянно взвыла и покраснела, как та маленькая девочка, и так же облилась слезами.

– Мать-то – окарачь! – послышался за Митей сокрушенный старушечий шопот.

Мостовая задрожала, – с улицы донесся грохот и лязг от железа. Мите стало страшно. Он бросился бежать.

II

Тяжело дыша от долгого бега, Митя приостановился на площадке, на узкой и грязной лестнице, в третьем этаже. Из отворенной двери кухонный чад обдал его. Он слышал сердитый материн голос. Робко вошел Митя в кухню, где пахло маслом, луком, дымом, – и остановился у дверей, охваченный привычными ощущениями, – неловкостью и бесприютностью в этой квартире, которая – и чужая ему, и все же служит его домом.

Его мать, кухарка Аксинья, растрепанная, жаркая, с засученными рукавами на толстых, красных руках, в затасканном и прожженном

переднике, суежилась у плиты, поджаривая что-то, шипевшее и брызгавшее маслом на сковороде. Пламенные язычки, красные, как струйки Раечкиной крови, мелькали за неплотно-затворенной печной дверцей. Сквозило, – дверь и окно стояли настежь. Аксинья бранила барыню, и свою жизнь, и жаркое, и дрова.

Митя чувствовал в себе какое-то неясное, ответное раздражение: он знал, что свою досаду мать сорвет на нем.

– Ну, чего торчишь на пороге! – закричала Аксинья, повертывая к Мите красное озлобленное лицо со слезящимися глазами, над которыми мотались реденькими косами седеющие волосы. – Принесла нелегкая, без тебя тошно!

Митя прошел за перегородку, в каморку при кухне, где они с матерью жили. Из кухни, сквозь шипящие звуки на сковороде и в печке, слышалось сердитое Аксиньино ворчанье.

– Жаришься весь век свой у печки, как окаянная, – прости, Господи, мое великое согрешение! – а сын вырастет, о матери и не подумает. Сыновним-то хлебом не разъеешься. Пока мать поит-кормит, пота мать и нужна!

Митя сердито нахмурился, уселся в углу на зеленый сундучок, пригорюнился и погрузился в печальные мысли и воспоминания. Раечка вспоминалась ему – на камнях, с разбитой головой...

Прошло несколько минут. Аксинья заглянула в каморку, приоткрыв дверь.

– Митя, поди-ка сюда! – с неловкостью в голосе, полушопотом, позвала она.

Уже она смотрела на сына ласково, и это не шло к ее грубому, некрасивому лицу. Митя подошел.

– На, съешь пока! – сказала Аксинья, сунула ему сладкий блин, только что испеченный и еще горячий, и опять скрылась в кухню.

Внезапное сердечное размягчение вызвало на Митины глаза легкие слезинки. Когда он ел блин, скулы его двигались неловко, с какой-то особой болью от подступающего к горлу плача. Острая жалость к матери, вызванная жалобами ее, и ее неуклюжей нежностью, сплелась, тончайшими нитями, с жалостью к Раечке...

Аксинья любила сына озлобленной любовью, которая так обычна у бедных людей, которая терзает обе стороны. Скучная, необеспеченная жизнь запугивала ее и подсказывала, что вот Митька вырастет, запьянствует, сам пропадет и ее на старости бросит. Но как отвратить беду, что делать с Митькой, чтобы он вышел человеком, она не знала и только смутно чувствовала, что в кухне трудно возрастать. Она угрюмо хмурилась, всего боялась, часто вздыхала и охала.

Митя дожевал блин и подошел к окну, вытирая палыцы об испод куртки. Из окна все казалось бледным и скучным. Виднелись кухни, где стряпали, крыши, дым из труб и блеклое небо. Митя лег на подоконник и смотрел на мощный булыжником двор.

Раечка представилась ему, и то высокое окно, – он подумал:

«Этак и каждый может упасть»

Первый раз, полусознательно, по уже со страхом, отнес он к себе мысль о смерти. Это была невозможная и ужасная мысль, – еще страшнее, чем думать, что Раечка упала и умерла, так просто, как разбивается ламповое стекло, если его бросить на кашни.

Митя дрожа, соскочил с подоконника. Он чувствовал боль в висках и в темени. Как-то нелепо замахал он руками и пошел в кухню. Там Аксинья стояла у плиты, подперши рукой щеку, и уныло

глядела на огонь. Митя сказал:

– Мама, а что я видел-то на проходном дворе!

– Ну? – сурово спросила мать, не поворачивая к нему головы.

– Как девчонка шмякнулась с четвертого этажа и голову разбила.

– Да что ты! – вскрикнула Аксинья.

От испуганного ее голоса Мите стало и страшно, и смешно. Ухмыляясь, иногда хихикая, он подробно рассказал, как Раечка упала. Аксинья ахала, испуганно и жалостливо, и смотрела на сына неподвижным, округлившимися глазами. Когда Митя рассказывал, как Раечка вскрикнула, он взвизгнул, как она, тонким голосом, побледнел и слегка присел.

– Таких бы матерей... – со злобой начала Аксинья, не кончила и всхлипнула. – Андельчик! -- жалостно сказала она, вытирая слезы грязным передником, – Бог прибрал, ей там лучше будет...

– Как она хряснулась! – задумчиво сказал Митя.

Мать опустила передник. Ее смоченное слезами и неподвижное лицо поразило мальчика. Он заплакал. Крупные слезы быстро текли по его бледным щекам. Но ему стыдно стало плакать. Он отвернулся и, понурившись, побрел в свою каморку, сел в угол на зеленый сундучок, и долго и горько плакал, закрываясь руками.

Вечерело, и обычным порядком все шло, как всегда. В Митиных настроениях была смута. Мелочи лезли в глаза и больно царапали душу, раньше почти не замечавшую их. Хотелось еще рассказывать о Раечке, еще разжалобить кого-то. Когда пришла в кухню горничная Дарья, франтоватая девица с лукавым лицом и гладко причесанными волосами, он и ей рассказал подробно. Но с тупым равнодушием слушала его Дарья, приглаживая перед Аксиньиным зеркальцем, висевшим в каморке на стене, свои волосы тараканьего цвета, от которых пахло помадой

– Тебе разве не жалко? – спросил Митя.

– А что она мне, родная, что ли? – с глупым смехом ответила Дарья. – Жалельщик выискался, поди-ка!

– Чего жалеть! – сказала мать, – всех бы вас туда, и слава Богу. Вот ты, что вырастешь? Пьяный мастеровщина будешь!

«А если бы Раечка выросла?» – подумал Митя. – «Была бы горничная, как Дарья, помадилась бы и косила бы хитрые глаза»...

Митя пошел к барыне, дневник за неделю показать. Это имело вид хорошего дела с барыниной стороны, – заботиться о мальчишке, кухаркином сыне.

Приятные, но странные, как ладон, запахи в комнатах оторвали Митю от мыслей о Раечке. Он боязливо подошел к барыне, которая сидела в гостиной на диване и раскладывала пасьянс.

У rutina была полная, белая от притираний и пудры. Барынины дети, –сын гимназист, Отя, – Иосиф, – и дочь Лидия, вертелись тут же, и Отя делал Мите гримасы. У Оти выпуклые глаза и красное лицо. Лидия похожа на него, немного помладше. Волосы на лбу подстрижены. Аксинья и Дарья, в своих разговорах, называют это челкой.

Барыня увидела в Митином дневнике единицу и сделала Мите выговор. Митя поцеловал барынину руку, – так заведено.

В комнатах было нарядно и красиво. Мягкие ковры делали шаги неслышными, занавесы и портьеры висели тяжелыми и строгими складками, мебель стояла удобная, бронза – дорогая, картины в золоченых рамах. Прежде Мите нравилось здесь, – он входил сюда с уважением и робостью, когда его звали, или когда господ не было

дома и можно было любоваться всем этим.

Сегодня красивость комнат в первый раз возмутила Митю. Он подумал: «Раечка, бедная, поди, ни разу в таких хоромах не поиграла.»

«Да и настоящая ли здесь красота?» – подумал Митя. И пока Урутина, долго и скучно, объясняла ему, как стыдно лениться, и как он должен дорожить тем, что о нем заботится сама барыня, – Митя думал, что где-то есть чертоги, – может быть, у одного только царя, – и там настоящая красота, и неисчерпаемая роскошь, и пахнет, как у царя Соломона, неведомыми благовониями, смирной и ливаном. В таких бы чертогах поиграть Раечке!

Когда уже Митя хотел уходить, барыня сказала:

– Дарья мне говорила, что ты какую-то девочку видел, как она упала из окна. Расскажи.

Митя, как всегда, испугался барынина повелительного и строгого тона и тотчас же принялся рассказывать. От застенчивости он пожимал плечами, но рассказывал так же подробно и с жестами, и мало-помалу воодушевлялся. И опять он взвизгнул, как Раечка, и при этом присел и подледнел. Все это забавило и растрогало барыню и барчат.

– Как он мило рассказывает! – воскликнула Лидия, подражая одной знакомой взрослой барышне и так же взмахивая руками. – Бедная девочка! И она совсем, до смерти ушиблась?

– До смерти, – сказал Митя.

Барыня дала ему конфетку, сладкую и липкую, в плоеной бумажке. Митя любил сладкое и обрадовался.

III

Митя сидел в своей каморке у окна, за деревянным некрашенным столом, с расколовшейся доской, спиной к матери, которая угрюмо вязала чулок. Наклоняя к учебнику бледное лицо с трепетными губами и большим носом, который придавал ему как бы насмешливое выражение, Митя с усилием заставлял себя запоминать заданное. Но грустно и жалостно вспоминалась Раечка. Глупая у нее мать, – не доглядела!

Голова болела, – и Митя думал, что это от кухонного чада и от прелого запаха, который был особенно заметен и обиден после благоухания барских покоев...

Митя вдруг захотелось представить себе, какого роста Раечка: пожалуй, она достала бы головой до его пояса.

Все мешали читать: пришла Дарья и говорила с Аксиньей о своем миле... Но надо учиться, чтобы опять не схватить единицы... Хлопнула выходная дверь, Дарья убежала.

– О, чертова кукла! – крикнула Аксинья.

Митя не слышал, из-за чего они поссорились; он посмотрел на мать. Аксинья вязала чулок и сердито сжимала губы.

«Чертова кукла!» – повторил Митя про себя, улыбаясь. Должно быть, – подумал он, – это большая кукла, как человек, и ей по ночам играют черти. А днем? Ну днем она живет, как все. Может быть, и не знает, кто придет за ней. Поглядеть бы, думал Митя, как черт играет Дарьей. Может быть, он делает ее кошкой, выносит на крышу и заставляет бегать и мяукать... Эти дикие мечты смешили и развлекали Митю. Он не заметил, как и мать ушла. Вдруг, среди тишины, скрипнула дверь из корридора.

Митя оглянулся. На пороге стоял Отя с выражением напряженного любопытства в выпуклых глазах. Он на цыпочках, смешно махая руками, подошел к Мите и спросил:

– Один?

– Один, – сказал Митя.

Отя вышел тихонько и вернулся через минуту вместе с Лидией. Барышня улыбалась и казалась встревоженной.

– Послушай, – зашептал Отя, – расскажи нам еще про ту девочку, про надучую.

Лидия захихикала, – от смешного слова, – она знала, что Отя придумал его нарочно, – и от ожидания любопытного рассказа.

– Хорошо, – сказал Митя и встал.

Лидия села на его стул, сложила руки на коленях и, не отрываясь, смотрела на Митю. Отя поместился на зеленом сундучке, поколачивал кулаками по коленям и делал сестре гримасы. Митя повторил рассказ, как и прежде, – а в конце, вспомнив, как взывала мать над Раечкой, засмеялся. Барышня при этом вздрогнула.

– Какой ты бесчувственный, – с неудовольствием сказала она, – подумай, ведь девочке больно было! А ты вдруг смеешься!

– Да, – наставительно сказал Отя, – ты, брат, не отличаешься тонкими чувствами, над падучими девочками не надо смеяться.

Митя вспомнил опять, как раскинулись Раечкины руки, и хрустнул ее череп, и кровь тонкой струйкой медленно поползла в серый сор. Митя заплакал. Дети поглядели на него, переглянулись, захихикали. Им стало неловко. Они не знали что говорить, и как уйти. Выручила барыня.

Она заметила, что детей нет в комнатах, и отправилась на поиски.

Она услышала голоса, постояла в темном коридоре, потом распахнула дверь и появилась на пороге. Выпрямившись, закинув голову и высоко подымая густые черные брови, от которых теперь было так близко до гладкопричесанных волос, что это придавало ей глупый и смешной вид, постояла она с минуту, – и под ее сверкающими взорами все трое застыли на местах. Отя и Лидия пугливо смотрели на нее, однообразно держали руки на коленях и натянуто улыбались. Митя исподлобья глядел на барыню, а крупные светлые слезы медленно катились по худощавым щекам и падали на полинялую домашнюю блузку.

– Дети, идите в комнаты, – сказала наконец барыня, – нам здесь нечего делать. Что за место, что за компания!

Дети поднялись. Пропустив их вперед, барыня пошла за ними.

Митя слышал удаляющиеся звуки ее негодующего голоса.

«Неприличное место!» – обидчиво подумал он и оглянул голые стены каморки, досчатую перегородку, убогие вещи, сундуки, – большой буро-красный, с жестяной оковкой, и маленький зеленый, – окно, из которого видны крыши, трубы и блеклое небо. Все бедно, грубо и жалко.

«Подкралась как!» – подумал Митя про барыню: – «от нее не утаишься, точно ведьма!»

IV

Митя разделся и улегся на своей постели, которую мать расстилала ему на большом сундуке; сама же она спала на кровати,

втиснутой в угол между перегородкой и дверью в коридор и закрытой ситцевой пестрой занавеской. Теперь Аксинья сидела в кухне, — еще будет ужин барыниным гостям. Из-за досчатой перегородки на потолке и на полу виднелись световые полосы, а здесь, у Мити, тьма страшила. Митя закутал голову в одеяло.

Прежде любил он, лежа помечтать о невозможном: о подвигах, о славе, и о чем-нибудь нежном и тихом. Сегодня мечты стремились к Раечке. Что теперь с ней? Страшно, впотьмах, представлять ее мертвой.

Страшно было Митя думать о том, что Раечку будут отпевать, зажгут желтые свечи, распустят в воздухе синий ладан, — и потом ее зароят, но не мог Митя не думать об этом.

— Там ей будет лучше, — вспомнил он материны слова. «Как лучше?» с недоумением подумал он, и вдруг радостно догадался: «Да, она воскреснет и будет с ангелами».

Все отчетливее становился в Митином воображении Раечкин образ. Как будто кто-то дорисовывал его медленно и тщательно тусклым свинцовым карандашом — и каждая новая черта внушала Митя смешанные чувства страха, восхищения, жалости.

В кухне Аксенья точила нож о край плиты. Неприятный лязг мешал заснуть.

Митя высвободил голову из-под одеяла и тихонько позвал:

— Мама, а мама!

— Ну, чего тебе? — откликнулась мать.

— А Раечкина мать не помрет? — спросил Митя.

— Кака така мать?

— А вот, что девочка-то расшиблась.

— Ну? — отозвалась мать суровым и досадливым голосом.

— Так вот ее мать, говорю, не помрет?

— С чего ей помирать-то?

— А с горя по Раечке, — тихо сказал Митя, и слезы покатались из его глаз, моча ему щеки и подушку.

— Спи, дурак, спи, когда лег, — с досадой сказала Аксинья.

— Все бы с такого горя помирали, так и людей бы в Рассеи не осталось.

— Так что ж такое? — отчаянным голосом спросил Митя, всхлипывая.

— А то, что спи, — без тебя тошно.

Митя замолчал. Точно слезы утомили его, — он начал дремать. Ему пригрезилось вдруг, — высоко, в окне, ясная, веселая, смеялась Раечка. «Она воскресла!» — радостно подумал Митя, — и что-то воскресно-светлое лепетала ему Раечка.

V

Митя участвовал в школьном хоре, который пел в одной из приходских церквей. В хоре Митей дорожили за верный слух и за отличный голос, — чистый, сильный альт. Он и сам любил петь. Особенно ему нравились свадьбы и отпевания. Венчальные песни веселили, надгробные — возбуждали приятно-печальные настроения.

Утром в воскресенье Митя пришел к обедне. Сбирались прихожане. Колокольный звон торжественно плыл в тихом осеннем воздухе. Мальчики — певчие толкались, шумели и шалили в церковной ограде и на паперти. Беленький, маленький Душицын свежим и нежным голосом говорил ругательные слова, сохраняя на лице невинное и

кроткое выражение. Пришел и регент, учитель Галой, коротенький, чахленький, с неподвижным румянцем кирпичного цвета на щеках и с длинной жиденькой бородкой, которая казалась приклеенной. Появился он внезапно, словно вырос на улице и вынырнул из ворот в ограде. Мальчишки побежали к паперти, кланяясь учителю, кто с преувеличенной почтительностью, кто с небрежным и недовольным видом. Митя снял шапку неловко, точно сомневался, надо ли это делать, помазал ее себя по щеке, посмотрел на учителя, щурясь, как от солнца, опять надел шапку и слегка сдвинул ее на затылок. Галой остановился на паперти. Митя подошел к нему.

– Чего тебе? – покашливая, спросил учитель дребезжащим и тонким голосом.

– Позвольте домой, Дмитрий Дементьевич, – тихонько и робко попросился Митя.

– Здавствуйте! – воскликнул Галой, тараща на Митю маленькие глазки. – Все уйдут, а я с кем останусь?

– Голова болит, Дмитрий Дементьевич, – жалобно объяснял Митя, морщась и хмурясь.

Его бледное лицо и посинелые губы доказывали учителю, что он не обманывает.

– Отчего же у тебя голова болит? – спросил Галой, неодобрительно потряхивая бородкой.

– Не знаю, – робко ответил Митя.

– Да я тебя о чем спрашиваю? – пискливо крикнул Галой.

Митя в недоумении молчал.

– Ты, милостивый государь, болван, и все. Я тебя о чем спрашиваю?

– Отчего болит голова, – повторил Митя.

– Ну да, а вовсе не о том, знаешь ты это или не знаешь. Отчего болит голова? Говори, и все.

Митя не знал, что сказать, и смущенно улыбался.

– Дрова носом рубил, – сказал краснощекий Карганов, хмурясь, чтобы не засмеяться.

Школьники, столпившиеся вокруг, захохотали. Михеев, большеголовый, большеглазый малыш, подсказал шепотом:

– От неизвестной причины.

– Ну? – настаивал Галой, – говори.

– От неизвестной причины, – сказал Митя.

– Ну, вот. Отправляйся, и все.

Митя поклонился и вышел из ограды. Но он не пошел домой. Постоянное послушание наскучило ему, и он, в первый еще раз, решил прогулять. Когда его отпустили, ему стало радостно и легко. Но грустные предчувствия и неотступная боль в голове скоро стали затмевать его радость.

Митя пошел к заставе, подальше от шумных, закованных в камни, улиц. Холодный ветер набегал порывами. Безоблачное небо висело ясное и печальное, словно утомленное. Деревья стояли пыльные и скучные. По ветру поднималась пыль. Она мешала идти и видеть...

На кладбище, в дальнем участке, где места дешевые, Митя отыскал отцову могилу, – и долго сидел на ней, прижавшись к белому кресту, думая о Раечке и о себе. Бесконечные тянулись могилы, и сосны, и кресты, – и тишина стояла невозмутимая. Только изредка ворона закаркает, пролетая, да ветер набегит и зашелестит листьями.

Раечка вспоминалась Мите отчетливо и подробно. Мите хотелось представить ее как можно яснее, и он закрыл глаза... Светлые

Раечкины кудры, – виделось ему, – падают до плеч. На Раечке блекло желтое платье, запыленные башмачки. Она стоит бледная. На щеке алая струйка. Раечке не больно, – она же сразу умерла и теперь воскресла. Но зачем она неподвижная?

Митя напрягал воображение, – ему хотелось, чтоб Раечка хоть глазки открыла. Какие у нее глазки?

И вот ему привиделось, что она открыла глаза, – синие, покойные, как ясное небо, – и в Митиной душе стало ясно и торжественно. Ему казалось, что Раечка тихо идет, едва переступая по камням, – и желтая юбочка ее чуть-чуть колеблется.

Митя открыл глаза, – и милое видение исчезло, и опять глазам предстало земное и смертное. Митя побрел тихонько с кладбища, грустно понурясь, печально думая о Раечке. Он вышел через другия ворота, к полю. За кладбищенской оградой, на пустынной и пыльной дороге, он запел: «Молитву пролию ко Господу, и тому возведу печали моя, яко зол душа моя исполнился»...

Высокий альт его звенел. Деревья слушали, трава шелестела под ногами. Непонятное обетование какой-то дивной радости сияло в ясном дне и в солнце...

VI

В училище Мите было скучно. Уроки были неинтересные, и все надо было бояться, как бы не спросили чего-нибудь трудного и не поставили единицы. На переменах ему было невесело.

Ученики из разных классов собрались, как всегда на перемене, в зале, и принялись шалить и возиться. Иные уселись на лавках вдоль стен и там толкались и жали друг друга. Зал был небольшой и несветлый: он помещался внизу, и свет затеняли деревья в инспекторском саду, да близкая стена соседнего высокого дома, кирпичная, голая, без окон и без жизни. В углу в зале темнел тяжелый киот, и за ним сгущалась тьма.

Школьники казались скученными, как стадо. Они возились, роняли один другого на пол, бегали, играючи в пятнашки, наталкивались друг на друга. Иные поглощали завтраки, – принесенный из дому хлеб, купленную у сторожа булку. От пыли воздух мглился, и саднило в груди. Над неподвижно-ровным криком и шумом иногда подымался вдруг чей-нибудь визг.

Митя сидел на скамье. Между мальчиками, где их кучка сбилась поплотней, где вздымались пыль и мгла и мелькали руки и лица, померещилась ему Раечка. На солнце тускло блеснули ее светлые волосы, радужные линии пробежали вокруг нее, чистый голосок ее прозвенел, – пылью рассыпалась она и скрылась.

Кого-то повалили, разбили стекло в окне, закричали – «ура!» и подняли неистовый вой. Завыл за другими и Митя, протяжно, тихо.

В учительскую донеслись крики и вой. Дежурный учитель, Ардальон Сергеевич Коробинцын, бледный, бритый, длинный и тонкий, лениво отправился в зал. При его появлении, шум немного затих. От разбитого стекла разбежались. Но нашлись добровольные доносчики. Виновные были найдены.

Чумакин, мальчик с вечно-озабоченным выражением на веснушчатом лице, подбежал к Мите и зашептал:

- Давай дразнить Ардальошку!
- А как? – спросил Митя, радуясь развлечению.
- Зашипим!

Едва Коробицын вышел из зала в коридоре, где уже толпились школьники, как в зале зашипел сперва Чумакин, а за ним и другие. Коробицын вернулся и остановился в дверях. Чумакин, в стороне от его взора, продолжал шипеть.

– Шипи, не увидит! – шепнул он Мите, сам прячась за него.

Митя зашипел. Коробицын не знал, уйти ли, унимать ли шалунов. Ему было все равно. Но он вошел в залу, на самую середину, стал присматриваться, прислушиваться, и почувствовал, что трудно открыть шалунов: они мирно разговаривали, когда он на них смотрел, и начинали шипеть, едва он отведет глаза в другую сторону, к толпе других сорванцов. Коробицын внезапно рассердился и покраснел.

А Митя, между тем, выдвинулся на середину, улыбался и тихонько шипел, не думая о том, что делает, – и Коробицын почти натолкнулся на него.

– Давай дневник! – сердито крикнул Мите Коробицын.

Тягостное недоумие охватило Митю.

– Да я ничего не делал! – оправдывался он.

– Давай дневник, – упрямо повторил Коробицын, стискивая зубы.

– Да за что же, спросите других, я не шипел, – с внезапной досадой говорил Митя.

– Дневник! – яростно крикнул Коробицын.

Его высокий голос с некрасивой резкостью пронесся под низким потолком. Митя медленно пошел в класс за дневником и заворчал:

– Ни за что, зря записывают.

Коробицын услышал и задрожал от злости.

– Ах ты, осел ты этакий! – закричал он вслед Мите, – хорошо же. Неси свой дневник в учительскую.

И он отправился в учительскую, уже не глядя на мальчишек, которые продолжали шипеть за его спиной. Ему опять стало все равно.

VII

Митя сказал матери, что ему надо на спевку. Таким образом, время от четырех до восьми часов стало у него свободно. Он ушел. Но было невесело. Звонили к вечерне, – и звон наводил тоску. Небо, полиняло–голубого цвета, словно ветхое, висело над кровлями низко; тускло–серые тучи медленно двигались по его блеклой синеве.

У Мити томительно–тупо болела голова. Раечка вспомнилась так ясно, – и Митя думал, что она не такая, как все. Волосы ее рассыпались по спине ниже плеч. Все проходило сзади ее прозрачного тела, и она оставалась, не заслоняя мира, не смешиваясь с ним, совсем особая. Иногда Мите казалось, что она подходит близко, чуть не касаясь головой его груди.

Он долго и быстро ходил по улицам громадного и сурового города, погруженный в мимовольные мечтания, – и не чувствовал усталости.

Пыльные вихри, дымовые столбы и облака слагались для него в Раечкин образ. Но рассыпалась пыль, развеивался дым, убежали облака, – безобразная обычность снова представала и томила Митю.

Прозрачный и легчайший Раечкин образ опять придвигался к нему, и Мите опять казалось, что Раечка проходила, в белом платье и в белых башмаках, опоясанная белой лентой, украшенная белыми цветами на груди. Она проходила, ясная, и не звала Митю, но как

будто жалела, – и Митя шел за ней...

Митя забрел на одну из дальних улиц. Там он увидел издали учителя Коробицына, который шел быстрой походкой, длинный, тонкий, бледный и злой. Митя испугался и бросился в ближайшие ворота. Под сводами, расписанными в клетку блеклыми узорами, было темно и гулко. Митя прижался к стене. Он хотел переждать, пока пройдет Коробицын. Но что, если учитель увидел его и сейчас завернет под ворота, схватит Митю и закричит на него?

Митя не мог устоять на месте и вошел во двор. Ему показалось, что Коробицын уже под воротами. Митя проворно перебежал двор и укрылся на лестнице в заднем флигеле.

Но едва только он остановился там, как на дворе, на камнях послышались шаги. Митя побежал вверх по лестнице. Шаги позади него раздавались по каменным ступеням тяжело и мерно, – и Митя подымался все выше. У него ноги подкашивались от усталости и страха.

Вот, наконец, чердак. Дверь не замкнута. Митя отворил ее и вошел в темный коридор. Шаги, преследовавшие его, остановились на последней площадке. Послышался стук, – отворилась и затворилась за вошедшим дверь. Мгновенная радость безопасности охватила Митю. Он понял, что то был не Коробицын, а какой-то здешний жилец. Митя выглянул из двери, увидел, что на лестнице никого нет, и уже хотел уходить.

Вдруг близкие и тихие звуки привлекли его внимание. Кто-то читал вслух, здесь где-то, близко. Митя осмотрелся. Вот еще дверь, на самый чердак, полуоткрытая. Из нее серая световая полоса падала в коридор, и через нее же слышался голос – ясный, тихий и быстрый.

Митя постоял у двери, потянул ее к себе и вошел на чердак. Пришлось нагнуться, – близки стропила.

У окна на чердаке сидели двое, старуха и девочка, по виду лет пятнадцати. Старуха вязала чулок, девочка читала толстую книгу. Они сидели одна к другой лицом, старуха на сундуке, девочка на складном тонком стуле. Свет из окна падал между ними, на их колени. Спицы тихонько звякали и тускло сверкали в быстрых старухиных руках.

Митя перешагнул через высокую балку. Видно было, что здесь живут, – прибрано и подметено.

Бледная, некрасивая девочка подняла глаза от книги и смотрела на Митю спокойно и кротко. Митя рассматривал ее и дивился. Она была вся так тонка и бледна, что в полумгле, за светлом, падавшим на книгу, казалась почти бестелесной. Тонкие косточки спереди на шее выдавались под кожей: девочка была в сарафане и рубашке, открывавшей руки и плеча. Сарафан – ситцевый, бледно-зеленый с крапинками, полинялый, уже короткий для девочки. Руки и ноги желтоватые, словно вылепленные из воска.

Щеки у девочки были худые, рот большой, глаза серые. Волосы светлые, гладкие, в косичке; косичка тонкая, до пояса. Девочка сидела спокойная, тихо дыша, – почти не дыша, – как не живая, но милая. И сердце Митино влеклось к ней...

– Садись, мальчик, отдохни; ты, я вижу, притомился, – сказала она явственно-тихо и неторопливо и отложила книгу.

Митя сел на балку, близ девочки. Все ему было здесь странно. – и от того, что близка крыша, представлялось, что они сидят необычайно высоко.

– Ты откуда такой взялся? – спросила старуха.

– Да я гулял, – рассказал Митя, – а наш учитель увидел, – я в городском учусь, – так я от него убежал, да сюда и попал, – а то бы он пристал отчитывать.

– Шалунишка, – молвила старуха.

Она продолжала вязать и сидела спокойная, словно дремала, или уж устачла очень. Лицо у нее было неподвижное, темное, морщинистое. Обе говорили тихо, – как будто издали доносились их голоса.

– Пусть отдохнет, что нам, – сказала девочка. – Меня Дуней звать, а тебя?

– Митя. А фамилия – Дармостук.

– Дармостук, – повторила девочка, и не улыбнулась. – А мы Власовы.

– Ну? Власовы? – с радостным удивлением переспросил Митя: – у меня учитель был Власов, добрый такой, – только он помер. А вас как надо звать? – обратился он к старухе.

– Знакомец выискался, знакомится, – с легкой усмешкой сказала старуха.

Дуня ответила за нее:

– Катерина Васильевна.

– А ты что же здесь? – спрашивал Митя.

– Мы с мамочкой здесь живем, – объяснила Дуня, – потому что мамочка теперь без места. Наша знакомая, одна кухарка здешняя, пустила нас сюда, – только ее барыня не знает.

– А как же вы, когда белье вешали?

– А мы кочевали на другие чердаки, – отвечала девочка спокойно.

– А где же вы спите?

– Когда на кухне, если можно, а то чаще здесь. Если здесь, то надо рано ложиться: огня жечь нельзя, – пожар сделаешь.

– И лампадки не затеплишь, – сказал мать.

В углу висел образ, но без лампы. Странно было видеть, что он так низко.

Что ж такое, – сказала Дуня, – ночью звезды светят. Каждая звезда, как лампада хрустальная.

Она перевела спокойные, ясные глаза на окно и протянула к нему тонкую руку. Митя, повинуясь ее указанию, подошел к окну и увидел близкое, ясное небо. Митино сердце дрогнуло от радости.

– Как близко небо-то! – тихо сказал он и оглянулся на Дуню.

Девочка положила руки на колени и сидела тихо, как не живая. Митя опять прикинул к окну.

Пустынное близкое небо... Железная крыша, – и дальше крыши да трубы...

И так тихо, как будто и нет никого около Мити, и не дышит никто. Тихо!

Митя отвернулся от окна. Обе сидели смирно. Спицы звенели, как муха жужжит. Жутко стало Мите. И старуха, и девочка молча смотрели на него.

– Как у вас тут тихо! – сказал Митя.

Они молчали. У Мити кружилась голова. Он думал, что здесь ночью страшно. В углах лежала мгла. Крыша часто шелестела, как-будто кто-то легкий пробежал по ней. С лестницы доносились порой глухие отзвуки от шагов, голосов, хлопанья дверьми.

– А вам не страшно? – спросил Митя.

– Кого, глупый мальчик? – ласково спросила Дуня.

Митя застенчиво улыбнулся и сказал:

– Домового.

– Домовой не тронет, с легкой усмешкой отвечала Дуня. – Вот нам дворников приходится бояться, как бы не согнали, да хозяина домового. От них не отчужаешься, коли захотят выгнать.

– В ночлежном–то по пятаку припасай с носа, гривенник за ночь, легко сказать! – заговорила старуха, и в ее голос послышался испуг.

Вот вы скоро место найдете, – сказал Митя, – тогда отсюда съедете.

– Дай–то Бог, да–то Бог, – сказала старая, вздыхая.

Митя помолчал, думая, чем бы еще утешить. Дуню и Дунину мать. «Не рассказать ли им про Раечку?» – подумал он.

VIII

– Вот какое дело я на–днях видел, – подумав немного, сказал Митя.

И он рассказал о Раечке. Дуня дрожала и смотрела на Митю испуганными глазами. Когда Митя кончил, она, с тихим ужасом в глазах и в голосе, промолвила:

– Бедная женщина, вот ей горе–то!

– Это вы про мать? – с удивлением спросил Митя.

Дуня молча наклонила голову.

– Ведь она сама не доглядела, она и виновата, – возразил Митя. – А вот девочка–то бедная, – как страшно!

Он вздрогнул. Тупая боль в затылке мучила его.

– Что девочка, – сказала Дуня, – Бог прибрал, от греха спас, умерла смеючись да играючи. А матери где ж было углядеть, – человек рабочий!..

– Горбом–то немного достанешь, – подхватила старуха, – тоже, нянек не нанимаешься. наших ребят Бог бережет. А взял, – Его святая боля. Что наша жизнь? Не живем, только маемся.

Митя закрыл глаза, – Раечка вспомнилась, – она прошла улыбаясь, протягивая к Мите белые руки. На ее лице сияло счастье. Она была бледная и в крови, – но ей не больно было; радостно пахли ладоню ее светлые кудри.

– Как во сне живем, – медленно говорила Дуня, глядя на близкое и бледное небо, – и ничего не знаем, что к чему. И о себе ничего не знаем и есть ли мы, или нет. Ангелы сны видят страшные. – вот и вся наша жизнь.

Митя глядел на Дуню, улыбаясь – и радостно, и покорно.

Он чувствовал теперь, что не больно умирать: только покоряйся тому, что будет.

– А мне она померещилась сегодня, – тихо сказал он.

Дуня вздохнула, и Митя радостно подумал: «Это – Раечка дышет», – но сейчас же спохватился и понял, что это – Дуня.

– Ты молись, – посоветовала она.

– За Раечку? – спросил Митя.

За себя, Раечке и так хорошо, – сказала Дуня, и лицо ее озарилось печальной и светлой улыбкой.

Митя помолчал и потом начал рассказывать Дуне про учителей, как он их боится, и как они кричат.

– И откуда они, учителя, иной раз берутся! Идешь себе по улице, нечего не думаешь, а вдруг он, да как крикнет!

Митя развел руками с видом недоумения и как–то глупо рассмеялся. Он начал говорить, как и они, так же тихо, но они

слышали, – привыкли к тихому.

– Я тоже училась, в прогимназии, сказала Дуня. – Теперь не хожу. Вот, Бог даст, еще шесть месяцев туда похожу, сдам экзамен на сельскую учительницу. Получу место, – поедem с мамочкой в деревню.

– Все несправки наши; обносились совсем, – угрюмо сказала мать. – Скареды наши хоть бы юбчонкой помогли.

– Без них обойдемся, мамочка, – спокойно возразила Дуня. – Это мамочка про нашу родственницу одну, – объяснила она Мите. – У нее муж на хорошем месте. Только им самим много надо, – у них дети.

– Я им помогала, – с раздражением говорила мать. – Как они нуждались, нашего с Дунечкой не мало им пошло. Себя обрывала, потому что я к чужому горю очень восприимчива. Вдруг она теперь все забыла. Вот это меня и возмущает. Помилуй скажи! Зарплата такая хорошая, и сейчас человек о себе зазнается.

– А вы у них бываете? – спросил Митя.

– Пошли с Дунькой на-днях, – ответила старуха, досадливо усмехаясь своим воспоминаниям. – Приняла, хаять нечего, по хорошему, – рассказывала она, – и сейчас это закуска. Чего-чего не наставили на столе! А пошли домой хоть бы тебе, скажи, рваную тряпчонку дали!

– Мамочка! – с тихим укором сказала Дуня.

– Зная свою родную сестру в такой нищете, в бедности, – продолжала, не слушая, мать, – и они не помогут какой-нибудь пятеркой, десяткой, чтоб перевернуться! Закусок рублей на десять, а мы с голоду помираем.

– Мамочка! – опять сказала Дуня погромче и решительнее.

Но старуха быстро бормотала свои жалобы и все взяла, наклоняясь к спицам, словно дремля.

– Буквально все позаложили, попродали! Положение! – говорила она. – Прямо не везет в жизни людям. Зовут: приходи, говорят, мы вам с Дуняшей завсегда очень рады, потому как мы вас любим и очень обожаем, – это они-то нам говорят. Помилуй скажи! Если ты меня так любишь, так докажи, сделай твое одолжение. Нет, это не есть любовь, это – лесть одна.

Смутные воспоминания пронеслись в Митином сознании, – он подумал: «Не жаловался ли кто-то когда-то раньше этими же словами?»

Дуня сидела прямая, неподвижная, положила руки на колени, полузакрыв глаза, – и казалось, что она дремлет. В последних солнечных лучах спокойное лицо ее напоминало Мите покой на лице у Раечки.

– А если вы не найдете места? – спросил Митя.

– Как не найти! Не дай Бог! – с тревогой в голосе ответила старуха.

– Бог устроит, – спокойно сказала Дуня, – а захочет, приберет. Это мы думаем, деться некуда, – а дверь-то рядом.

Тонкой и бледной рукой она показала на вечеряющее небо. Митя поглядел по направлению ее руки, в окно. Старуха продолжала бормотать свои жалобы. Дуня смотрела на нее светло и строго. Она сказала:

– Мамочка, не ропщи! Бог с ними, нам ихнего не надо.

– А ты мать не учи, – сердито сказала старуха, возвышая голос. – Косы-то я тебе давно не чесала.

– Так ты, мамочка, на мне и облегчи сердце, а их не брани,

– спокойно ответила Дуня.

Мать сразу успокоилась и сказала ворчливо, но уже мирно:

– Кого чем Бог накажет. У богатых характерные дети, бьются с ними родители, а моя–то голубка кроткая, и сорвать сердца не на ком.

Дуня улыбнулась, и вдруг от этой улыбки вся засияла и зарадовалась. Митя думал:

«Так только Раечке улыбаться!»

И радостно стало ему.

– Хочешь, Митя, я тебе свои картинки покажу? – спросила Дуня.

– Покажи, – сказал Митя.

Дуня встала, – она была немного выше Мити, – пошла, сгибаясь под крышей, в угол, порылась там в сундуке и через минуту вернулась с папкой, завязанной по краям тесемочкой. Папка уж была истертая, с обломанными краями, и тесемочки отрепанные, – но потому как Дуня держала папку в руках и как на нее смотрела, Митя догадался, что здесь ее самые дорогая и любимые вещи. Дуня села на балку рядом с Митей, положила папку на колени, неторопливо развязала тесемки, улыбаясь радостно и светло, и раскрыла папку. Там лежали пожелтевшие от времени, иные порванные, рисунки из старых иллюстраций. Дуня осторожно перебирала их тонкими и бледными пальцами. Она выбрала один, самый желтый и растрепанный, но хорошо гравированный, снимок с какой–то старой картины, и передала его Мите.

– Это – хорошие картинки! – с убеждением сказала она. – Они у меня вместо кукол. Я их люблю.

Митя взглянул на девочку. Она застенчиво потупилась, и щеки ее слабо зарумянились. Митя опустил глаза на рисунок. Рисунок туманился и расплывался. Жалость томила Митино сердце. Что–то горькое и щекочущее подступало к горлу. Митя выпустил из рук, закрыл лицо ладонями и заплакал, сам не зная, о чем.

– Что ты, милый? – спросила Дуня, наклоняясь к нему.

– Раечка, – шептал Митя и плакал, плакал.

Дуня положила руку на Митины плечи, – Митя прильнул к ней, обнял ее и, горько плача, чувствовал на своих щеках Дунины тихия слезы.

– Митя, утешься, – тихо сказала Дуня, – хочешь, я тебе песенку спою?

– Спой, – сквозь слезы сказал Митя.

И Дуня утешала его тихими песенками...

IX

Он ушел от Власовых, когда уже свечерело. Наверху еще были светлые сумерки, тишина и ясные речи, – а внизу быстро темнело, зажигались фонари.

Все казалось Мите призрачным и мимолетным. Молча горели газовые рожки в фонарях; с грохотом проносились экипажи по жесткой мостовой; окна в магазинах светились огнями; шли, стуча сапогами по каменным плитам, случайные и безобразные люди и не останавливались, – и Митя торопился. Звонки конок и крики извожиков иногда пробуждали его из мира зыбких иллюзий, который вновь и вновь создавали ему молчаливые предметы при неверном, переходящем освещении.

Люди казались Мите не похожими на людей: шли русалки с манящими глазами, странно-белыми лицами и тихо журчащим смехом, – шли какие-то, в черном, злые и нечистые, словно извергнутые адом, – домовые подстерегали у ворот, – и еще какие-то предметы, длинные, стоячие, были как оборотни.

Мите хотелось иногда представить себе Дуню, но ее образ в его памяти смешивался с Раечкиным, хотя Митя и знал, что у Дуни совсем другое лицо. И вдруг он подумал: «Да уж не померещилась ли Дуня?»

«Нет, – сейчас же подумал он, – она – живая: ведь у нее тоже есть мать. Но какое лицо у старой?»

Митя припоминались отдельные черты, – морщины, седеющие волосы под платком, худые щеки, большой рот, морщинистые, быстрые руки, – но общего образа не складывалось.

Когда Митя уже подымался по своей лестнице домой, в сумраке ему померещилась Раечка. Быстро прошла она по площадке и тихонько улыбнулась ему. Она была вся прозрачная, и все при ней оставалось по-прежнему. Исчезла она, и Митя не мог понять, – видел ли ее, или только подумал о ней.

X

А следующий день Митя вышел из дому на полчаса раньше обыкновенного. Свежее утро веселило его. Солнце сияло неяркое, и еле заметная мгlistая дымка лежала на узких городских аллеях. Озабоченные люди быстро проходили, и уже ранние школьники начали показываться на улицах. Митя, едва завернув за первый угол, отправился не к своему училищу, а в другую сторону. Он торопился, чтобы не встретиться с кем-нибудь из товарищей или учителей.

Вчера он не замечал дороги, – она механически запомнилась. Скоро Митя попал на те улицы, по которым вчера возвращался. Он чувствовал, что идет, куда надо, и думал о Дуне и ее матери.

«Бедные они! – думал он, – должно быть, они уже давно без места и долго живут на чердаке впроголодь. Оттого они стали такие бледные, Дуня пожелтела, старуха все нагибается над чулком и словно дремлет, и обе так тихо говорят, как будто бредят и начинают засыпать.»

Утренние улицы, и дома, и камни, и мгlistые дали, – все, казалось Мите, дремало. Казалось, что все эти предметы хотят стряхнуть с себя дремоту и не могут, и что-то их клонит книзу. Только дым да облака, дремля и пробуждаясь, подымались высоко.

Среди колесного треска и смутного людского говора иногда слышался вдруг Мите Раечкин голос, – прозвучит и смолкнет.

Раечкино дыхание иногда проносилось близко к Мите, как легкий утренний ветер. Сама Раечка припоминалась, прекрасная и светлая. Туманный и легкий Раечкин образ носился в неярких солнечных лучах, в лиловом утреннем озарении...

Митя вбежал на чердак, так поспешно, что ударился головой о стропила. Боль заставила его побледнеть. Но он улыбнулся и подошел к Власовым.

Дуня, сидя у окна, заплетала русые волосы в крутую косичку. Как и вчера, Дуня и мать сидели одна против другой. Мать вязала, и спицы жужжали в ее быстрых руках. Она посмотрела на Митю внимательно и сказала:

– Заявился, друг вчерашний, ни свет, ни заря.

– Тут надо осторожнее, Митя, – сказала Дуня. – В школу идешь? Присядь, отдохни, коли есть время.

– Хоромы у нас, – бормотала старуха, – с непривычки–то и мы головами стукались.

Солнечные лучи с боку падали в окно. Пыльный столб светился на солнце. На пылинках мелькали радужные блески. В углах было сумрачно. Митя сидел на балке и смотрел на прекрасные, тонкие Дунины руки. Ее лицо казалось утомленным, и серые глаза глядели как бы нехотя. Она говорила тихо и неторопливо, – Митя слушал, радуясь ее голосу и забывая ее слова. Вдруг старуха сказала:

– Что, друг сердечный, таракан запечный, не пора ли тебе в школу?

Митя покраснел и смущенно пробормотал:

– Я лучше у вас посижу, не хочется в училище.

– Мало чего не хочется, да коли надо, – спокойно возразила старуха.

– И то, Митя, беги скорее, – сказала Дуня, – еще опоздаешь: солнце, смотри–ка, как высоко.

Митя не подумал раньше о том, что его здесь не оставят. Он смущенно попрощался и вышел. В темном коридоре он пошарил на полу, отыскал скважину между досками и сунул туда книги.

На улице он почувствовал, что все ему не нужно, что перед ним, в этом громадном и суровом городе, – длинные улицы, с большими домами, и люди, и камни, и воздух, и шум от уличного движения. Скучно, и надо так ходить, чтобы не встретить учителей или товарищей...

«Не хочет Дуня, чтобы я прогуливал уроки! – дивясь, думал Митя. – Странная! Вот Раечке все равно, какой Митя: лжет ли он людям, или нет. И если есть тоска, то не Раечкина, а по Раечке.»

Легкий дождь пронесся над городом, как плач по Раечке. Но уже через полчаса от него и следа не осталось...

Митя забрел на городскую окраину. Базарная площадь, – большой пустырь. Булыжники громадны. Посредине, по длинному поперечнику площади, торчат черные фонарные столбы.

По краям площади – амбары из бурого кирпича, заборы, каменные и деревянные домишки. На углу – небольшой двух–этажный дом с широкими простенками и маленькими окошками. Он вымазан желтой краской. Крыша красная, железная. На площадь – крыльцо без верха, с тремя известняковыми ступеньками. Над крыльцом вывеска, черным по белому: 2–й городской ночлежный дом.

Митя стоял на площади и внимательно рассматривал эту безобразную постройку.

«Вот в этом доме и Раечке, может быть, придется ночевать с матерью по пятаку за ночь», – думал он, как–то странно смешивая Раечку с Дуней. И тяжелые мечтания томили его.

И кто там спит, за этими грубыми простенками, на грязных и липких нарах, вповалку, по ночам, когда пахнет и потом и грязью? Пьяные оборванцы, вот как этот, что стоит в дверях у кабака, избитый, огрепанный, и мучительно соображает что–то, пяля бессмысленные глаза с воспаленными белками. И вместе с такими–то людьми быть Раечке!

Митя отвел глаза от пьяницы и опять глядел на грязно желтую стену. Ему грезилось: за ней нары. Пусто. Одна Раечка лежит на голых досках, свернувшись калачиком, подложив под голову кулачки, и ее русые кудри на досках, и она кривит свой маленький рот капризной и жалующейся гримаской. Раечке жестко на нарах...

XI

Митя сидел в ялике. Ему захотелось перебраться на ту сторону реки и назад вернуться по плашкоутному мосту. Широкая река слегка покачивала краснобокий ялик, – дул легкий ветер, и воду рябило. Против солнца по реке лежала широкая блестящая полоса; на нее больно было смотреть, – она вся сверкала, колыхалась и радовалась. С Митей ехало еще четверо: две молодые мещанки в пестрых платочках, толстые, румяные, крикливые и смешливые, – угрюмый пожилой мужчина, – и молодой человек в котелке, белобрысый, все заигрывавший с мещанками, но презлой, с косыми глазами и тонкими губами. Дюжий, чернобородый яличник в розовой рубашке греб молча и лениво. Сновали парходы, которые возили пассажиров от города до приречных дачных мест и обратно. Изредка протащится черный буксирный парход с неуклюжими барками. Когда лодка опускалась с гребня широкой и длинной волны, поднятой парходом, Митино сердце замирало, и это жуткое ощущение было приятно.

Митя ждал чего-то. В торжественном сиянии солнца и во всем величаво-ясном дне чудилось ему какое-то нелживое обетование, – и он ждал, и душа его была готова к благоговейному восприятию чуда.

Кто-то легонько прикоснулся к его локтю. Какая радость!.. Но нет, это не Раечка, – молодая мещанка, смеясь, лущила семечки и бросала шелуху в воду.

Митя опять смотрел на яркую полосу по реке. Раечка подходила к ялику. Разве она живая? – подумал Митя. Да, – припомнил он, – ведь она воскресла. Что из того, что ее схоронили, забыли, забыли! Вот она подходит в торжественном сиянии, белая, строгая, – и ничего нет, кроме нее. На ней белое платье, как на невесте, белая фата, белые цветы с зелеными листьями. Волосы ее рассыпаются до пояса, ясен взор ее, вся она туманная и легкая.

– Раечка, – шепчет Митя и радостно улыбается.

Раечка смеется, и Мите слышится, что она говорит:

– Я уже не Раечка, я – большая. Меня зовут Рая, потому что я живу в раю.

Голос ее звенел, как будто ветер и вода колыхали серебрянные струны, – но Митя не мог понять, слышал ли он слова, которые говорила Раечка, или она говорила что-то свое, а ему это слышалось.

Она удалялась, кивая головой, улыбаясь, ясная, многоцветная, в лучах яркого солнца. Потом она загорелась, обратилась в золотой сверкающий шар, видом подобный солнцу, но превосходящий его радостной взором красотой.

Этот шар все уменьшался, – и вот от него осталась яркая точка, – вот и она погасла. Все стало мглистым и темным, и солнце потускнело.

XII

Митя поднялся тихонько по лестнице, разыскал свои книжки и явился на чердак, словно из школы. Дуня и мать сидели по вчерашнему, только теперь они обе вязали, и спицы жужжали в их проворных руках.

– Здравствуй, Рая, – сказал Митя.

Дуня посмотрела на него ясными, как у Раи, глазами, и ответила:

– Я – Дуня.

Митя покраснел и сказал застенчиво:

– Я ошибся. ты, Дуня, похожа на Раечку.

Дуня медленно покачала головой. Она встала, положила чулок на стул, подошла к окну и позвала тихонько:

– Митя!

Митя подошел к ней. Она положила руку на его плечо и сказала:

– Вот, одно только небо и видно... Хорошо!

Митя радостно чувствовал прикосновение тонкой Дуниной руки. Он подумал: Рая прежде была маленькая, но она же растет.

– Что хорошего! – ворчала старуха. – Мало, скажем, хорошего. Галдило-то приходил, кричал, кричал, оглушил.

Дуня вернулась к чулку.

– Старший дворник приходил, – спокойно объяснила она Мите.

– Ну? – спросил Митя с опасливым удивлением.

– Пришел, гаркнул, гаркнул: убирайтесь! – тихо говорила старуха. – Куда уберешься-то, скажите на милость! Куда идти, коли некуда, положительно некуда!

Она заплакала, и вся покраснела и сморщилась, так же, как и Раечкина мать. Дуня спокойно смотрела на нее, прямая и бледная, и спицы жужжали в ее быстрых руках. Митя знал, что сердце ее томительно болит за мать. Но жалости не было в Мите, – и он одинаково равнодушно чувствовал и острую боль в висках, и Дунино безмолвное горе.

– Уж, Господи! Уж видят, что бедность заставляет, – говорила старуха, плача и дрожащими руками ударяя спицу о спицу.

Митя посидел немного, молча, и пошел домой.

XIII

Митя опять решил прогулять уроки. Еще для прошлого раза купил он у Назарова лист из дневника. Осталось только подделать барынину надпись: «не был в училище по болезни» (Аксинья была неграмотна, и в Митином дневнике подписывалась барыня). Назаров взялся отнести этот лист, и с Митиным дневником, к своему приятелю, искусному в подделывании почерков, а завтра вернуть его готовым и вложенным в дневник.

Митя так распределил день: утром погулять, потом домой – обедать, а там скажет, что надо на спевку, и опять отправится к Дуне. С утра он пошел на кладбище.

В кладбищенской церкви – покойники, грустный запах. Митя стоит близ алтаря и молится, склоняя колена на каменные плиты. Дым от ладона клубится по церкви, синее и подымается вверх. У алтаря ходит Рая, полупрозрачная, легкая. Она радостно сияет. Одежда у нее белая, руки обнаженные, волосы падают ниже пояса широкими, светлыми прядями. На шее у нее жемчуга, и легкий кокошник унизан жемчугами. Вся она белая, как никто из живых, и прекрасная.

Она смотрит на Митю отрадно-темными и строгими глазами, и к смерти клонит его. Не сама ли она смерть? Прекрасная смерть! А зачем тогда жизнь?

Раин голос звучит, чистый и ясный. Что сказала она, не слышал Митя. Он вслушивается, внутри себя, в след ее слов, – и над мукой головной боли тихо веют краткие слова:

– Не бойся!

Радостно, что будет все темно, как в Раиных глазах, и успокоится все, – муки, томления, страх. Надо умереть, как Рая, и быть, как она.

Сладостно уничтожаться в молитве и созерцании алтаря, кадильного дыма, и Раи, и забывать себя, и камни, и все страшные призраки из обманчивой жизни.

Рая близко.

– Отчего ты белая? – тихонько спрашивает Митя.

Тихо отвечает Рая:

– Только мы – белые. Вы все красные.

– Почему же?

– У вас кровь.

Тихо звучил ясный Раин голос, как цепь у кадила перед алтарем, – Рая подымается в синем дыму, вся прозрачная и голубая, к церковным сводам. Мглой одевается все, и синее в Митиных глазах. За стенами тоска и страх стерегут, – и не уйти от них...

XIV

На Дунином чердаке лампы не было, но пахло елеем и кипарисом. Молитва и мир осеняли душу.

Опять на тех же местах сидели Дуня и мать, и Дуня читала, – она коротко рассказала Мите содержание. Потом дочитала, от рассказа о несчастье в шахтах. Она отчетливо выговаривала, и с чувством, несколько преувеличивая его выражение.

Митя закрыл глаза. Ему чудилось, что в углу, перед иконой, теплится ясная лампада, и от нее белый свет падает на Дуню... Кто-то слушает вместе с ними... Их много, – коленапреклоненные и светлые... Митя благоговейно молчал и наклонял голову.

Дуня кончила. Она опустила руки на колени и сидела неподвижно. Старуха плакала, всхлипывая и сморкаясь. Митя улыбался, а по щекам его текли слезы, чистые и крупные.

Дуня говорила:

– Вот, какая она несчастная. Зачем бы ей жить? Хорошо, что умерла. Хорошо, что есть смерть.

И вдруг Дуня заплакала. Она сидела прямо и неподвижно, бледные руки лежали на коленях, лицо не искажалось и было спокойно и светло, а слезы ручками текли из потемневших глаз по худощавым щекам и падали на обнаженные руки.

– Что же ты плачешь? – спросил Митя, и грустным недоумением томилось его сердце.

– Она была прекрасная, – тихо, едва двигая губами, словно в бреду, говорила Дуня, – и душа у нее, как у ангела. Ее запихали в нору, так она там и погибла, ровно крыса в мышеловке. Какие люди! Пожалеешь о том, что родился на этой земле!

– Что же есть хорошего на земле? – спросил Митя.

Дуня помолчала, и слезы ее иссякли, – потом она поднялась с места и сказала:

– Помолимся, Митя, вместе.

В углу, перед образом, они стали рядом на колени, на пыльный и сорный пол. Дуня читала вслух молитвы, Митя шепотом повторял иные слова, не связывая с ними никакого смысла, и тупо улыбался.

Его худое с длинным носом казалось насмешливым. Дуня умиленно плакала, и Митя, сквозь муки своей головной боли, не мог понять, о чем эти слезы, и дивился.

Ему чудилось, что там, на стуле у окна, позади молящихся детей, сидела Рая, и белые руки ее двигались неспешно и мотали длинные и тонкие нити. Два прозрачные облачка трепетали над ее плечами. Она спрашивала старуху:

– О чем же ты плачешь?

– Подохнешь с голоду, – да хоть бы я одна, – Дуньку жалко, – отвечала старая, плача.

Рая светло улыбалась и неспешно мотала длинные нитки.

XV

Митя сидел в классе. Был урок истории, и учитель Конопатин спрашивал заданное.

Конопатин был толстый, короткий, быстрый да бранчивый, с пробритым подбородком и длинными седыми баками. У него было как бы два лица: сладко-хитрое для сослуживцев, и суровое для учеников. Митя боялся его больше прочих учителей, особенно с тех пор, как он сделался инспектором училища.

Теперь Мите было и страшно, – как бы не спросили, – и скучно, что надо сидеть, молчать и слушать неинтересное. Это утомляло, усыпляло, и уже как будто бы совсем не оставалось своей боли. Мечты роились, – и ничем их было не отогнать.

Что-то бойко рассказывает маленький, рыженький Захаров. Громко сыплет слова, нижнюю губу выставляет вперед, как загородочку, чтобы слова через нее прыгали, а правую руку за пояс засунул. Смешной...

Полупрозрачная, легкая, видится Рая. Томный взор ее спокоен. Митя улыбается ей, – и лицо у него становится неожиданно-радостным...

Потом смуглый, длинный Водокрасов, вышел говорить, – и плохо знает, а хочет припомнить. Ему подсказывают и стараются, чтобы учитель не заметил этого.

Митя улыбается Рае и шепчет:

– Отчего ты далекая? Приди поближе.

Конопатин услышал подсказывание и увидел, что Митины губы шевелятся. Он подумал, что подсказывает Митя.

– Дармостук, ты подсказывал! – закричал он гневно, – давай дневник.

Митя вздрогнул, схватил свой дневник и понес его учителю. Но уже когда дневник был в учительских руках, Митя вспомнил, что оставил там, вместе с подделанным листом, и лист своего дневника за ту же неделю.

Митя испугался и схватился было опять за дневник, – но уже было поздно. По испуганному Митину движению и по его виноватому лицу Конопатин понял, что дело не ладно, и принялся рассматривать дневник. Два листа на одну неделю, и один из них не вшитый, – и ослабленные нитки, – и разрывы в каждом листе для удобства при вкладывании, – все сразу бросилось в глаза.

– Те-те-те! – протяжно заговорил Конопатин, – духи малиновые! Это что такое? Ах ты, животное! Дневник подделывать!

И поток бранных слов обрушился на Митю.

О Митином проступке послали матери письмо. Оно пришло на другое утро, еще пока Митя был в школе.

Митя вернулся, – мать встретила его бранью да колотушками. Барыня, слышав отчаянные Аксиныны крики, налетела коршуном в кухню.

– Да как ты смел? – кричала она, подступая к оторопелому Мите и тряся его за плеча. – Нет, говори, как ты смел прогуливать! Говори, говори сейчас!

Митя не знал, что сказать, и дрожал от страха.

– Неслуш негодный! – вопила Аксиныя, – ты вовсе палец о палец не хочешь ударить, а мать из-за тебя из жил тянется. Ты ведь видишь, ты хорошо видишь!

– Надо же стараться, ведь ты не маленький, – говорила и Дарья. – Ведь ты хуже всякого животного!

Так они стояли трое против одного, бранили и стыдили его. Лица у них были злые и казались Мите ужасными и отвратительными.

– Выгонят тебя, мерзавца! – голосила мать, – что я с тобой делать буду, с негодяем таким? Куда ты денешься, образина твоя носастая?

«Умру, как Рая», – подумал Митя. Он молчал и плакал, пожимаясь плечами, как от холода.

Из дверей выглядывали, толкаясь, Отя и Лидия, пересмеивались, делали Мите гримасы, – он не замечал их. Отя дразнил его громким шепотом:

– Гуляка-фонарщик! Гуль-гуль-гуль! Гулька! Гульфик! Гуливер! Проходимец!..

Урутина услышала, и самодовольно усмехнулась: она гордилась Отиним остроумием.

– Я сама поеду завтра в училище, – торжественно объявила она и важно ушла из кухни.

Барынины эти слова произвели большое впечатление. Аксиныя, подавленная барыниным великодушием и сыновниным негодяйством, тяжело вздыхала. Дарья говорила с негодованием и укоризной:

– Сама барыня! Из-за такого, с позволения сказать, ошметса!

Митя сидел перед учебниками и горько плакал. «Не сон ли это, – думал он, – и школа, и барыня, и вся эта грубая жизнь?»

Он вспомнил, что надо сделать, чтобы проснуться, и с отчаянием ожесточенно принялся щипать себе ноги. Резкое ощущение боли не разбудило его. Он понял, что все это, ужасное, надо пережить. Голова так сильно болела весь день, – хоть бы на миг полегче! Рая утешила.

Уже когда свечерело, но еще не зажигали огня, в неверном и таинственном озарении от последних лучей, она пришла, поступью легкой и воздушной, незримая ни для кого, кроме одного только Мити.

Полупрозрачная, мерцающая, она едва застеняла предметы, как застеняют их легкие слезы, сквозь которые трепещет и колеблется мир.

Как юная царица, в одежде белой и торжественной, униженной жемчугами, и в жемчужном кокошнике, с жемчужными подвесками, которые качались под ее ушами и шелестели на плечах о жемчуг на ожерельи, – она стояла перед Митей и глубоким и строгим взором утешала его. Тусклым блеском осветились жемчуги, и, бледно желтые,

розовели, как белые тучи в небесной высоте при последнем догориании заката.

«Жемчуг-слезы», – робко думал Митя.

– Слезы мои сладкие, – беззвучно ответило Рая.

– Дай мне, Рая, поцеловать твою белую руку, – шепнул Митя.

– Теперь нельзя, мы разные, – нежным голосом сказала Рая, качая головой.

Закачались, зашелестели жемчужные подвески, закачались жемчужные вязи под кокошником, и Рая отошла. Митя увидел, что она не такая, как он. Она – светлая и сильная, он – темный и слабый; он словно заключен в труп, она – вся живая и вся переливается огнями и светами, и красота ее несказанная смиряет несмолкаемую боль в его бедной голове.

– Останься со мной, не уходи, Рая! – шептал Митя.

– Не бойся, – нежно отвечала Рая, – я буду с тобой, я приду, когда настанет время. И тогда иди за мной.

– Страшно!

– Не бойся, – утешала Рая. – Подумай, – ничего этого не будет. Как легко! И новое небо откроется.

– А Дуня? А мама? – робко спрашивал Митя.

Рая радостно смеялась и озарялась, и жемчуга ее тускло блестели и шелестели. Глубокий взор ее говорил Мите, что надо верить и не бояться, и ждать, что будет, и послушно идти за ней, по этой длинной лестнице.

Мите грезилось, что перед ним лестница белая и широкая. Ступени покрыты багряным ковром, на площадках зеркала и пальмы. Рая идет, все выше, и не оглядывается. Белые башмаки ее неторопливо касаются красных ступеней. Вот окно, и за ним светлая дорога, огни, звезды. И грезится Мите, что у него крылья, он летит и тонет в воздухе, и погружается в сладостное забвение. Вдруг раздался грубы материн голос.

– Дрыхни, сокровище! – кричит она, – дрыхни больше: нагулялся за день.

Толчки, пробуждение, испуг и тоска. Желтые стены, тусклый свет от лампы, ситцевая занавеска, сундучки, самовар. Митино сердце отяжелело...

XVII

Печально ясный длился день. Митя вернулся из училища. Мать молчала и угрюмо возилась у печки. Дарья, с таинственным и злым видом, ушла зачем-то. Скоро она вернулась. За ней в кухню вдвинулся угрюмый дворник Дементий, рыжий с неподвижными глазами и широкими сросшимися бровями. Он стал у входной двери, точно прирос. Барыня прошла к нему из коридора мимо Митиной коморки, не взглянув на Митю. Дементий поклонился барыне.

– Здравствуй, голубчик Дементий, – сказала барыня томным голосом. – А где Димитрий? – спросила она обращаясь к Аксинье и Дарье, которые стояли рядом, словно ожидая чего-то. – Позовите Димитрия! – приказала барыня.

Митя сам вышел из-за перегородки. Все посмотрели на него враждебно, и от этого ему стало страшно.

– Вот, голубчик Дементий, – сказала барыня, показывая на Митю, – возьми ты этого негодяя...

– Слушаю, – с готовностью сказал Дементий и двинулся к Мите.

– Отведи ты его в дворницкую, – продолжала барыня.
 – Слушаю, сударыня, – повторил Дементий.
 – И накажи его там розгами, да хорошенько. Здесь, при мне, я не могу слышать, у меня нервы, ты сам понимаешь, я – барыня.

Барыня обнаружила признаки волнения и раздражения.

– Слушаю, сударыня, не извольте беспокоиться, – почтительно говорил Дементий.

– Я тебе дам на чай, – сказала барыня и вздохнула.

– Покорнейше благодарю! – радостно воскликнул Дементий, – не извольте беспокоиться, то есть, в лучшем виде...

Он взял Митю за локот. Митя стоял бледный, дрожал и неясно понимал, что делается. Ужас вдруг охватил его, – словно готовилось что-то невозможное.

– Ну, пойдем, молодчик, – сказал Дементий.

Митя бросился к барыне.

– Барыня, голубушка, миленькая, ради Христа, не надо, – лепетал он, сгибаясь и подымая к барыне полные слезами глаза.

– Иди, иди! – отмахиваясь от него, сказала барыня, – я не могу, у меня нервы. Я барыня, о тебе забочусь, а ты что? Нельзя, иди!

Аксинья стояла, пригорюнившись, вздыхала часто и шумно, и в ее глазах было такое выражение, как у человека, навеки лишённого счастья и надежды. Дарья в сторонке, искоса посматривала на Митю и слегка улыбалась, лукаво и радостно.

Митя порывисто стал на колени, кланялся барыне в ноги, целовал ее башмаки, от которых, как и от всей барыни, пахло нежно и сладко, и повторял отчаянные, несвязные слова.

– Возьмите его, я не могу! – воскликнула барыня, не уходя, однако, из кухни и не отымая своих ног.

Она не помнила, чтобы ей так поклонялись; хоть это был только жалкий мальчишка, а все же ей было приятно.

Аксинья и Дементий с ожесточением бросились оттаскивать Митю от барыни. Митя, рыдая и умоляя барыню, упирался и хватался за подоконник, за двери, но Дементий быстро вытолкнул его на лестницу.

Митя почувствовал, что стыдно плакать и сопротивляться: увидят, услышат чужие. Он сказал Дементию:

– Ты хоть не говори, Дементий, никому.

– Ладно, чего мне говорить, – с усмешкой отвечал Дементий. – Ты только не барахтайся, – сам знаешь, надо, – так у меня чтоб без скандала, благородным манером.

Митя старался удержать слезы и принять равнодушный вид. Дементий придерживал его за локот.

– Голубчик Дементий, – шептал Митя, – иди отдельно хоть сзади, я сам приду.

– Убежишь? – спросил Дементий.

– Куда бежать-то? В воду, что ли? – с досадой сказал Митя.

Дементий участливо посмотрел на него и покачал головой.

– Эх ты, малый, сказал он, раньше надо было думать.

Он немного отстал, однако не спускал с Мити глаз. Когда Митя шел по двору, Аксинья и Дарья смотрели на него из кухни в окно. Митя поднял глаза и встретил их неподвижные, враждебные взоры. Он пошел поскорее. Хорошо, что близко, – смутно думал он; от угловой лестницы надо было пройти несколько шагов вдоль переднего флигеля, по плитяной дорожке, и под ворота...

Вход в дворницкую был из-под ворот. Перед узкой лестницей

вниз, в дворницкую, на Митю напал внезапный ужас. Там, за этой дверью, – неужели он сам пойдет туда?

Он метнулся назад, но тотчас попался Дементию.

– Куда? – крикнул Дементий.

Его глаза чаровали Митю, – неподвижные, из-под рыжих, сросшихся, прямых бровей. Дементий захватил Митю в охапку, да так и снес, по нескольким ступенькам, в дворницкую.

Там охватил Митю кислый запах от овчины и от щей из громадной русской печки. Было тесно и грязно. Большая гармоника красовалась на видном месте. Молодой, недавно нанятый из деревни дворник Василий стоял у окна и снимал кафтан. Его красная рубаха, дюжие руки, румяные щеки, широкие скулы, глупые глаза, – все казалось Мите страшным, как у палача.

Баба, Дементьева жена, уныло возилась у печки, держа на руках крохотного ребенка, смиренного и желтого, как восковая кукла, с неподвижными, как у отца, синими глазами. Дементий поставил Митю на пол. Митя дышал тяжело и боязливо озирался. Подвал, с низким потолком, кирпичным полом, небольшими окнами, громадной печью и грубыми запахами, казался Мите норой, где живут домовые. Баба невесело поглядела на мужа.

– Барыня из пятого номера мальчонку велела выдрать, – сказал Дементий.

Василий словно обрадовался и оскалил белые, крепкие зубы.

– Что ты? Вот этого? Носастого? – спросил он.

– Этого, – подтвердил Дементий.

– Ай нашкодил? – крикнула любопытная баба.

Она сделалась веселой и зарумянилась. Глаза у нее заблестели. Вплотную подошла она к Мите и весело спросила, обдавая его жарким дыханием:

– Да за что это тебя, парень, а?

Митя молчал. Жалость к себе ужалила его.

– Надо быть, не даром, – угрюмо ответил за него Дементий.

– Что ж разуважим парнишку, – со смехом говорил Василий.

– Посиди пока, паренек, на лавочке, – сказал Дементий Мите, – подожди.

Митя растерянно сел на лавку. Стало невыносимо стыдно. Что-то говорили, двигали какие-то метлы, – прутья шелестели. Дворничиха присела рядом и посмеивалась, заглядывая Мите в лицо. Митя низко наклонял голову и перебирал дрожащими пальцами пуговицы у своей блузы. Он чувствовал, что лицо у него красное, и от этого жжет в глазах, красный туман застилает глаза и не дает ничего видеть, и жилы на шее мучительно бьются.

Дементий подошел к Мите...

XVIII

Дома Аксинья встретила Митю грубым смехом и бранью.

– Имею честь проздравить, – злобно сказала она, – с новой баней, с легким паром. Ах ты, скотина долгоносая! Весь-то ты в отца твоего в пьяного. Мало я с одним маялась, другое мне на шею сокровище навязалось.

Злое лицо было у нее и страшное. Пришла и Дарья, смеяться и дразнить.

– Проздравляю вашу милость. Удостоились, нечего сказать.

Дурачок, чего ты стоишь? Ай боишься голову на полу потерять, – матери – то чего ж не кланяешься, говорю?

У Мити опять заболела голова, в глазах темнело и кружило.

– Кланяйся, идол, – неистово закричала Акси́нья, наскакивая на сына с кулаками.

Митя поспешно поклонился матери в ноги и, принав лбом к полу, тихонько завыл от боли.

Потом повели Митю к барыне. Она сидела в гостиной на диване и раскладывала пасьянс. Заставили кланяться в ноги и ей, но она сказала, что не надо, и сделала ему длинный выговор.

Прибежали барчата, веселые и румяные. Они знали, что сделали с Митей. Барышня думала, что Мите ничем. Но, увидя, что он плачет, и что вообще он жалкий, словно затравленный, она перестала улыбаться и поглядывала на него сострадательно, – ей стало жаль его.

– Так ему и надо, – строго сказал Отя, – хамчик простеганный!..

Лидия рассердилась.

– Ты – злой дурак! – сказала она брату.

Он показал ей сразу два кулака и принялся шептать, дразня Митю:

– Насекомый! Березайка! Дрань! Сечка!

Так как барышня пожалела Митю, что Акси́нья заставила его и барышне целовать ручки. Барышня была довольна и чувствовала себя очень доброй: вот, мол, я какая, – даже скверного кухаркина сына пожалела!..

«Проклятые, проклятые!» – повторил Митя про себя. – «Никогда не буду с вами, ничего не сделаю по вашему.»

ХІХ

Вечерело. Митя сидел на своем обычном месте у окна, глядел в раскрытый учебник и не видел его. Голова страшно болела и кружилась. Предметы, как призраки, то являлись, то снова потухали. Чудилось, что все шатается, все неустойчиво, – и когда красная ситцевая занавеска перед материнной кроватью колыхалась, то Митя ждал, что вот сейчас все обрушится и погибнет. Безликие чудища носились над Митей, издевались, и голоса их гудели. Митя заливался горькими слезами.

Вдруг услышал он тихий зов:

– Митя!

Он поднял глаза, – Рая стояла перед ним, белая, светлая и торжественная.

Алмазы в ее венце сверкали дивными огнями, багряница была длинная, смарагды и лалы горели на бармах. Яркий луч сиял в Раиной руке. Бледное лицо было торжественно–спокойно и светло. Нежное Раино дыхание колыhalo воздух сладостной отрадой.

Близко стояла Рая, едва не касаясь Митиных колен. Удивительные слова нежно звучали на ее бледных губах. Она говорила о новых небесах, – там, за этими: истлевающими, страшными.

Митя встал и коснулся губами ее лба, – над глазами, повыше бровей.

Рая отошла назад. Митя сделал было шаг за ней, но натолкнулся на сундук и ушиб ногу.

Как здесь тесно! Какая бедная жизнь!..

И понял Митя, что Раи с ним нет, – и никогда не будет...

XX

На другой день был праздник. Митя пел.

Толкались певчие, ходил угрюмый дьякон, синий дым от горящего ладона плыл. Рая проходила по солее и смотрела горящими глазами. Образа глядели строго. Утренний свет из широких и высоких окон лился томительно ярко. О каменные плиты на церковном полу стучали каблуки, шаркали подошвы.

Рая вся пламенела тлеющим, белым пламенем. Вечерним светом озаряла она предметы, грубые солнечные лучи не смели спорить с ее кротким сиянием. За ее пламенеющими ризами исчезали предметы.

Головная боль усиливалась и томила Митю.

Раины ризы развевались, колеблемые нездешними веяниями. Легкие, прозрачные крылья трепетали за ее плечами. Она была вся ясная, как заря на закате. Ее волосы, сложенные на голове, светлы и пламенны. Нежно говорила она:

– Теперь уже скоро.

Она распростерла крылья и тихо приближалась к Мите. Митя ждал ее, – и вот, почудилось ему, что она приникла и вошла в него. Сердце его горело...

Церковные песни звали из ненужного – и тесного, и страшного – мира. Митя пел, и – как чужой, звучал ему его голос. Звуки уносились к церковным сводам и там откликались и звали.

Как призраки, двигались люди по каменным плитам.

Барыня стояла близ клироса. Она пришла в эту церковь поздно, – нарочно пришла в эту церковь, последить, чтоб Митя не прогуливал после обедни. Она стояла важная и гордая тем, что так великодушно заботится об этом мальчике, – и все время не спуская с Мити строгих глаз. Митя подумал, что вот и сегодня опять нельзя идти к Дуне. Ему стало страшно: может быть, в это время, Дуню прогонят с чердака или вовсе погубят, и он никогда ее не увидит.

«Какая злая барыня! – думал он. – Все злые!»

Все предметы хмурились и грозили...

От алтаря, как горний вестник, приближалась Рая, трепеща и сияя дивными крыльями, – яркие, горели ее взоры, – и снова почудилось Мите, что она приникла и вошла в него, – и пламенело его сердце... Бряцала кадильная цепь, и дым подымался, пахучий и синий...

XXI

На большой перемене, Митя грустно стоял в зале у дверей. На солнце набегали тучи, день хмурился. Все утро Митю томила головная боль. От многолюдства и толкотни она грозно возрастала.

Краснощекий Карганов подошел к Мите и хлопнул его по плечу, как большой, хотя сам не дорос до Мити на полголовы.

– Что, брат, невесел, голову повесил? – спросил он, улыбаясь, причем углы у его губ некрасиво оттягивались вниз, и зубы жадно обнаружались, – выстегали, небось? Не беда, заживет до свадьбы! Мне тоже на-днях славную баню отец задал, да мне ни по чем.

Митя внимательно посмотрел на Карганова: казалось, что на его красных щеках еще слабо синеют полоски, следы от отцовых пощечин.

Эти красные щеки, угловатые, полные губы и дерзкие, но беспокойные, словно запуганные, глаза, навели почему-то Митю на мысли о том, как должен был вопить и рыдать Карганов, когда отец его бил. Мите жаль стало Карганова, и захотелось утешить.

– Что я тебе расскажу, – ты не разболтаешь? – тихонько спросил Митя.

Карганов так и воткнул в него жадные взоры и принялся уверять:

– Вот, чего мне болтать! Не бойся, рассказывай.

Они сели рядом на скамье. Митя шепотом рассказал, как его наказывали. Карганов слушал с участием.

– Ишь ведь как, в дворницкой!.. Важно... – сказал он потом и засмеялся.

Он отошел, и Мите вдруг досадно стало на себя: Зачем проговорился? Он вспомнил, что Карганов не может не рассказать по всему училищу, и догадывался, что станут дразнить.

Так и случилось. Карганов подходил то к одному, то к другому и с радостным хохотом сообщал:

– Дармостука-то третьего дня в дворницкой пороли.

– Что ты? – с веселым оживлением спрашивали его.

– Ей-Богу, он сам рассказал, – подтверждал Карганов.

Мальчишки радовались, лица у всех оживлялись, – и маленькие, и большие говорили тем, кто еще не знал:

– Слышал, Дармостука в дворницкой пороли!

Новость разнеслась быстро между школьниками. Мальчишки бодро опраивали пояса и кричали:

– Пойдем дразнить Дармостука!

Они бежали к Мите радостные, оживленные, с торжеством и гамом, и толпились вокруг него. Беленький Душицын засматривал снизу в Митины глаза ласковыми серыми глазками, упираясь руками в колени, кротко улыбался и нежным голосом говорил грубые и неприличные слова, все разные, словно он знал неистощимое множество непристойных речений, относящихся к розгам.

Румяные лица, оживленные искренним весельем, теснились к Мите, а беспощадные глаза жадно всматривались в него. Иные из школьников плясали от радости; иные схватывались по-двое руками, бегали вокруг толпы, окружившей Митю, и кричали:

– В дворницкой! Потеха!

Митя порывисто кидался то в одну сторону, то в другую, молча, опустив глаза и виновато улыбаясь. Но маленькие негодяи плотно сгрудились.

Увидев, что из этого тесного кольца не выбраться, Митя перестал метаться и стоял, бледный и растерявшийся, с потупленными глазами; он казался преступником, отданным на поругание черни. Наконец, уже восторг дошел до такого напряжения, что кто-то крикнул:

– Дармостук, ура!

И все мальчишки, звонкими и громкими голосами, закричали: – Ура! ура! ура! – а – а – а!

По всему училищному дому и на улицу понеслись отголоски звонкого детского веселья. Из учительской выскочил на шум Конопатин. Навстречу ему побежали несколько школьников и радостно докладывали на-перебой:

– Дармостука в дворницкой пороли. Там его дразнят, а он стоит, как филин, глазами хлопает.

Жирное учительско-лицо засияло блаженством, широкая улыбка

расползлась на его чувственных губах.

– Духи малиновые! – воскликнул он смеющимся голосом, – где же он, покажите, покажите мне его.

Школьники повели Конопатина к толпе, которая расступилась перед ним. Блаженно улыбаясь, Конопатин взял Митю за плечо и повел в учительскую. Мальчишки толпой бежали сзади. Они уже не смели кричать так громко и дразнили Митю вполголоса, – веселые, румяные.

Учителя обрадовались почти так же, как и школьники, – и тоже издевались...

XXII

На другой день Митя ушел с книгами в обычное время и весь день бродил по улицам медленно и вяло. Все казалось ему тусклым и страшным. В тягостное самозабвение погружала его все возрастающая головная боль.

Позже обыкновенного до заката, пришел он к Власовым. Только взобравшись наверх и перелезая через высокую балку, заметил он, как ноют от усталости ноги, и как томительно хочется поскорее сесть.

Власовы радостно суетились, собирая свои жалкие пожитки: старуха нашла, наконец, место. От радости руки у обеих дрожали, и улыбки были робкие, словно они еще не совсем смели верить своему счастью.

Митино сердце похолодело от испуга. Они что-то говорили Мите, но он никак не мог связать и понять их слова. Ему казалось, что их гонят с чердака. Отчего же они улыбаются, как безумные, если надо идти на улицу, на жесткие камни? – в тягостном недоумении думал он.

Дуне жаль было чердака. Она тихо сказала:

– Все лето здесь прожили, все одни. Хоть и впроголодь, зато одни. А как-то теперь Бог приведет жить в людях!

Такая острая жалость пронизала Митино сердце, что он заплакал. Дуня утешала:

– Полно, милый, – даст Бог, увидимся. Приходи к нам, коли пустят. О чем плакать, глупый мальчик?

Она записала карандашом на бумажке свой адрес и дала его Мите. Митя взял бумажку и вертел ее в руках. Так сильно болела голова, что он ничего не мог сособразить. Дуня сказала с ласковой усмешкой:

– Да ты бы в карман и положил, – неравно потеряешь.

Митя сунул адрес в карман и тотчас же забыл о нем... Поздно вернулся он домой. Мать сидела среди кухни на табурете, суровая и печальная, и плакала, вытирая глаза передником. Мите она показалась уродливой и страшной. Она принялась бранить его и бить, и Митя не понимал, за что. Он упорно молчал.

Маленькая лампа тускло светила. Пахло чадом и керосином. Барыня пришла кричать да издеваться. От ее крика звенело в ушах, и точно тяжелые молоты били в голову. Барчата выглядывали из-за двери. Отя гримасничал и дразнился. Дарья протяжно выговаривала укоризненные слова. Тени шмыгали по стенам, – стены, казалось Мите, колебались, потолок нависал и казался близким. Все было – как в бреду.

Как же, и зачем же стоять миру, – думал Митя, если и Дуня погибает!..

Утром мать отвела Митю в училище. Дорогой она и плакала, и ругалась, и порой колотила Митю по затылку. От этого Митя наклонялся и спотыкался. Он почти не замечал предметов, погруженный в тупые ощущения невыносимой головной боли. Проблески сознания были мучительны, и тянуло тогда вниз, головой к этим жестким камням, чтобы разбить жесткую боль.

В училище Митя тупо принимал издевки товарищей и учителей. Он был мрачен, как этот день, пасмурный и дождливый. Беду предчувствовал он.

Дуня порой печально вспоминалась ему. Уже забыл он, что она оставила чердак, и боялся, что она там умрет с холода и голода.

За час до конца уроков, с большой перемены Митя незаметно убежал из училища, бросив там свои книги. Едва ли сознаваемое им желание укрыться от преследований и поисков влекло его на далекие от училища улицы. Там он долго блуждал, не уставая, не отдыхая. Он заходил во дворы, в скверы, в церковь забрел, когда служили вечерню, бежал за шарманщиком, смотрел на марширующих солдат, разговаривал с дворниками, с городовыми, — и все тотчас же забывал.

По-временам шел дождь, мелкий, словно просеянный. С деревьев летели мокрые, желтые листья.

Уже бред словно распространился на всю природу, — и все стало сказочным и мгновенным, — вдруг возникали предметы и вдруг умирали. Яркий Раин взор загорался и потухал...

Наконец, Митя пришел туда, где жили Власовы. У чердака внезапный ужас охватил его: чердак был под замком. Митя остановился на последней ступеньке и с отчаянием смотрел на замок. Потом он принялся стучать в дверь кулаками. В это время из верхней квартиры вышел дворник, чернобородый угрюмый мужик с ленивыми движениями.

— Чего тебе тут? — спросил он Митю, подозрительно глядя на него. — Чего по чужим лестницам шарить!

— Тут Власовы жили, — робко сказал Митя, — я к Власовым пришел.

— Никто тут не жил, — отвечал дворник, — тут нельзя жить, — тут чердак.

Митя стал спускаться, неловко хватаясь руками за тонкую железную решетку. Дворник внимательно осматривал его, стоя на площадке, и ворчал. Мите было тягостно чувствовать на своем лице и потом на спине его пристальный, черный взгляд.

Митя не мог поверить, что Власовых здесь нет. Куда же им деться? — думал он. — Конечно, они погибли на чердаке. Домовые замучили их, этот черный повесил замок и стережет их.

Когда Митя опять шел по улицам, чердак представился ему, — отчетливо, как бы въявь, — и какое-то слабое хрипение послышалось ему. И они представились ему, — на тех же местах, где раньше сидели.

Митя видел, как Дуня умирала, изголодавшаяся, холодная, — мать сидела против нее, закинувверху цепенеющее, незрячее лицо и протянувши вперед сжатые руки, — обе они умирали и холодели...

И вот они умерли. Неподвижные, холодные, сидят они одна против другой. Ветер из слухового окна струится у желтого старухина лба и

колеблет седые, тонкие волоски, отделившиеся и выбившиеся из-под

платка.

Митя заплакал, – медленные и холодные были слезы. Голод приступами начинал томить его.

XXIV

Митя стоял на берегу над узкой и мутной речкой, опирался локтями о деревянную изгород и глядел перед собой равнодушными глазами.

Вдруг знакомое что-то приковало его внимание. Он увидел вдали, по ту сторону мать. Она появилась из переулка и шла к мосту, – сейчас будет переходить сюда, где Митя. Она не дождалась сына, испугалась, побежала в училище. Там сказали, что его нет, что он убежал до конца уроков. Тогда она принялась обходить своих знакомых, – не зашел ли к кому.

Митя перебежал через дорогу и укрылся от матери, в отворенную калитку, за деревянными воротами.

Он прильнул к щели в воротах и тупо ждал. Мать прошла мимо. На ней серый большой платок, старенькая куцавейка. Ее морщинистое лицо, полусклоненное к земле, неподвижно и скорбно...

Жалость к матери томила Митю. Но что же он мог делать, как не таиться?

Она шла быстро, угрюмая и скорбная, и неподвижно смотрела перед собой. Митя высунулся из калитки, смотрел за матерью и глупо улыбался. Не оборачивалась она и уходила в туманную от мелкого дождя даль.

Когда она скрылась в далекой влажной мгле, Митя перестал думать о ней и забыл ее. Только жгучая боль от жалости горела в его сердце.

И опять печальные мечтания овладели им. Там, где было так мирно и тихо, где теперь и темно и холодно, они сидят мертвые одна против другой. Дуня держит руки на коленях и смотрит белыми, незрячими глазами, – тонкие веки не замкнули глаз, так она исхудала. Она мертвая. Лампада перед образом погасла. Тишина, холод, мрак на чердаке...

XXV

Всю ночь Митя провел на улицах. Было безлюдно. Кое-где у ворот спал дворник, да изредка извозчик дремал на козлах. Сперва горели фонари. Потом пришел фонарщик и потушил их. Темно и страшно стало. И не найти было ни одного убежища, – от жизни, от дождя, от холода, от великой усталости. В сторону от сквозных улиц отходили какие-то безнадежные тупики, и трудно было выбираться из них... Митя подходил ко всем воротам и дверям и осторожно пытался открыть их. Напрасно, – люди везде все позаперли. В городе, где не таились ни тигры, ни змеи, люди боялись спать, не оградившись от людей.

Шел дождь, иногда мелкий моросил, иногда польется проливень. Тогда Митя укрывался где-нибудь под навесом, у подъезда. Изредка люди спряшивали Митю, дивясь, что он блуждает в эту пору, и он отвечал почти бессознательно, но подходящими словами. Ему верили, потому что он лгал...

Перед подъездом, где стоял Митя, остановились дрожки. Барин

и барыня вышли, позвонили, швейцар их впустил. Он был молодой и любопытный. Зевая, он спросил:

- Чего ты стоишь, мальчик?
  - Дождь пережидая, - ответил Митя, не глядя на него.
  - Да куда идешь-то?
  - За бабкой послали.
  - За бабкой послали, так беги, дура-голова, - озабоченно сказал швейцар, - такое дело не ждет.
  - Да я уж назад иду, - спокойно сказал Митя.
  - Ну, а бабка? - с удивлением спросил швейцар.
  - На извознике поехала.
  - А тебя не взяла?
  - Нет, не взяла.
  - Тоже, и бабка дура, - решил швейцар. - Ну, уж и бабка.
  - Сама села, - рассказал Митя, - а мне говорит: ты, говорит, и так добежишь.
  - Ишь ты, тесно ей, что ли?
  - Видно, что тесно.
  - Спать, поди, хочешь, мальчик? - участливо спросил швейцар и сладко зевнул.
  - Да вот скоро лягу, - сказал Митя, улыбаясь.
- Митя побежал по дождю, перепрыгивая через лужи. Он дрожал от холода и от усталости...

XXVI

К рассвету рассеялись тучи. Медленно восходило солнце, из-за далекого синего леса за рекой. Было тихо. Над рекой колыхался туман. Слободы за рекой, нежные и молчаливые, почивали в золотисто лиловых грезах.

Усталый, бледный Митя стоял на набережной, опершись руками об ее решетку, и радовался тому, что ночь минула, что солнце встало, что над рекой свежесть и туман. И ночь, и все, что было с нее, - ничего не помнил усталый мальчик, радовался и улыбался, и любил каких-то добрых людей, которые там, за рекой, в золотисто лиловых грезах. Холодно и томно было ему, а в теле разливалась свежая бодрость, - от этой воды, и солнца, и светлого неба, и всей широты поднебесной...

Где-то далеко задребезжали колеса по камням. Эти звуки разбудили все темное в сознании и страшную головную боль. Злые воспоминания закружились томительным туманом на холодных и влажных камнях. Митя задрожал.

«Надо же найти ворота, - подумал он, - лестницу, окно, где была Рая. И отчего нет Раи? И он один на этих жестких камнях!»

С отчаянным и бледным лицом побежал он по улицам, - и они словно умирали за ним. Крупный пот струился по его холодному лицу, и сердце горело и стучало от быстрого бега, и это мучительно отдавалось в голове. Гулкие плиты жестко звучали под ногами.

Наконец, изнемогая, он остановился и оперся плечом о фонарный столб. Не сразу признал он местность, - а когда узнал, то обрадовался.

Вот это - тот самый проходной двор. Заспанный молодой дворник, гремя ключами, отворил калитку, вышел на мостовую и стоял спиной к дому, громко зевая и щурясь на солнце. Митя осторожно пробрался на двор.

И вот, наконец, Раина лестница, – и видится Мите, что Рая стоит на ней и ждет Митю. Охваченный мгновенной радостью, Митя вошел на лестницу. Полусвет на черной лестнице озарялся сверху, отблесками от Раиных светлых риз. Рая тихо шла перед Митей. Белые ризы цвели алыми розами, и косы ее рассыпались, как легчайшие пламенные струйки. Она не оборачивалась, шла впереди, и на лестничных поворотах Митя видел ее склоненное лицо. От ее прекрасного лица изливался в полусумрак таинственный и нежный свет, и глаза ее в этом свете сияли, как два вечеряющие светила.

Розы падали с ее риз и пламенили, и Митя благоговейно ступал между ними. И розы пламенили вокруг его головы, и неугасаемое пламя словно сожигало его мозг...

... Бледный, усталый мальчик, боязливо озираясь, словно крадучись, подымался по черной лестнице, мимо запертых дверей. На лице его изображались отчаяние и смертельная истома, взор его блуждал и, казалось, не различал предметов, грудь вздымалась тяжело и неровно. Он покачивался, спотыкался иногда и беспомощно и неловко хватался рукой за скользкие от сырости стены. Но в помраченном сознании его выростали из его томления дивные грезы...

Страшный шум подымался за Митей, и шопот, и хохот чудились ему, снизу лестницы, как от многих бегущих людей: то – разъяренные учителя и школьники гнались за Митей. Все они страшно кричали, кривлялись, высовывали острые языки и протягивали красные, уродливые руки. Митя в ужасе бросился бежать от них. Ноги его тяжелели. Уже когда настигали его, и Митя чувствовал за собой злое людское дыхание, Рая остановилась, повернулась к Мите, вся занялась пламенем и сказала:

– Не бойся!

Грозный для мира, голос ее был словно гром, рожденный, со страшной болью и великим восторгом, как бы в самой Митиной голове. Рая взяла Митю за руку и через тесную дверь вывела его на светлую дорогу, где пламенили дивные розы...

... Бледный мальчик с усилием взлез на подоконник в четвертом этаже. Окно было открыто. Цепляясь руками за верхнюю перекладину в раме, он повернулся лицом к лестнице и спиной наружу начал вылезать из окна. Ноги его скользнули по узкой железной полоске и сорвались... Мгновенный, последний ужас охватил его, и он сделал бесполезное усилие удержаться руками за раму. Начиная падать, он уже почувствовал облегчение. Сладкая жуткость под сердцем, быстро возрастая, погасила сознание прежде, чем он коцнулся камней. Падая, он крикнул:

– Мама!

Но горло захватило, крик прозвучал коротко, слабо и резко, – и вслед за ним на пустом и безмолвном дворе тихо, но явственно, раздался треск от разбитых о камни Митиных костей.

ОБРУЧ

I

Поутру пустынной улицей на городской окраине шли дама да мальчик лет четырех, – дама нарядная, молодая, мальчик с ней

веселый да румяный. Дама улыбалась и, счастливая, заботливо смотрела на сына. Мальчик катил обруч, большой, новый, ярко-желтый.

Еще неловкими движениями подгонял мальчик свой обруч, – смеялся, радовался, топтал пухлыми ножонками с голыми коленками и взмахивал палочкой. Даже и не надо было так высоко поднимать палочку, – да где уж, где тут! Радость–то какая!

Обруча этого раньше не было, а теперь он так бойко катится. И все так весело!

И ничего ведь раньше не было для мальчика, – все это вновь: и утренние улицы, и веселое солнце, и далекие городские шумы. Все мальчику ново, чисто и радостно.

Да, все чисто: дети не видят ничего, пока взрослые не покажут.

II

Бедноодетый старик с грубыми руками остановился на перекрестке, – прижался к забору и пропустил даму с мальчиком. Старик смотрел на мальчика тусклыми голубыми глазами и тупо усмехался. Неясные, медленные мысли ползли в его лысой голове.

«Барченок, – думал он, – дите малое. Ишь ведь как заливается! Дите, – а барское дите. Поди же ты.»

Он не понимал чего то, что то было ему странно.

Дитя, – детей за вихор треплют? Игра, – баловство поди? Ребята, известно, баловники. А мать, ничего, не унимает, не кричит, не грозит. Нарядная да светлая.

Чего ей, живут видно в тепле да в холоде.

Вот когда он, старик, был мальчишкой, – то–то по собачьи жилось. Не сладко и теперь, – да хоть не бьют, и все–таки сыт. А тогда – голод, холод, потасовки. Такого баловства и не бывало, чтобы обручем или там другие барские игрушки.

Так и вся жизнь прошла, – в нищете, в заботе, в озлоблении. И вспомнить нечего, – ни одной радости.

Улыбаясь на мальчика пухлым ртом, он завидовал. Он думал: – «Вот глупым забавляется!» – а зависть томила.

Он пошел на работу, на фабрику, где работал с детства, где состарился. И весь день думал он о мальчике. Неподвижные мысли, – так, просто, вспоминался мальчик, – бежит, смеется, ногами топчет, обруч гонит. А ножки то пухленькие, а коленки то голенькие. Весь день в шуме от фабричных колес мальчик с обручем вспоминался ему. А ночью он видел мальчика во сне.

III

На другое утро мечты опять одолели старика.

Стучат машины, однообразен труд, не надо думать. Руки делают привычное дело, беззубый рот усмехается забавной мечте.

От пыли туманится воздух вверху, под высоким где потолком, с быстрым свистом скользят с колеса на колесо безконечные ремни. Далекие углы закутаны шумной мглой. Как призраки снуют люди, и не слышна человеческая речь под гулким пением машин.

И мерещится старику: вот он маленький, вот мама у него барыня, и есть у него обруч да палочка, и он играет, – палочкой

обруч гонит. Наряд на нем беленький, ножки-то у него пухленькие, коленьки голенькие.

IV

Раз, возвращаясь домой под вечер, увидел старик на дворе обруч от старой бочки, – черный, шершавый обод. Старик задрожал от радости, и слезы выступили на его тускло – голубых глазах. Быстрое, почти бессознательное желание мелькнуло в его душе. Он опасливо огляделся, наклонился, трепетными руками ухватил обруч и понес домой, стыдливо улыбаясь. Никто не заметил, не спросил. Да и кому какое дело? Старик в лохмотьях несет старую, ломанную, никому ненужную вещь, – кому на него смотреть? А он то нес крадучись, боялся – засмеют.

Для чего взял, зачем понес, – и сам не знал.

Так, похож на тот, что был у мальчика, – ну, и взял. Что ж такое, пусть полежит! Посмотреть, потрогать, – живет мечты, тусклее фабричные гудки да шумы, туманнее туманная мгла...

Несколько дней обруч лежал у старика под кроватью, в его бедном, тесном углу.

Иногда старик вынимал обруч, смотрел на него, – этот грязный да серый обруч тешил старого, и живет являлась неподвижная мечта о счастливом мальчике.

V

Однажды в ясное, теплое утро, когда птицы гомозились в чахлых городских деревьях веселее вчерашнего, встал старик пораньше, взял свой обруч и пошел за город, подальше...

Покашливая, пробирался он в лесу между старыми деревьями да цепкими кустами. Непонятно ему было молчание сумрачных деревьев, покрытых сухой, темной, растрескавшейся корой. И запахи были странные, и мхи дивили, и папоротник рос, как сказочный. Не было пыли и шума, и нежная, дивная мгла лежала позади деревьев. Старые ноги скользили по настилу хвой, спотыкались о вековые корни.

Старик сломал сухую ветку и надел на нее обруч.

Лужайка лежала перед ним светлая, тихая. Многоцветные, бесчисленные росинки искрились на зеленых былинках недавно скошенной травы...

И вдруг скинул старик с палки обруч, ударил палкой по обручу, – тихо покотился обруч по лужайке. Старик засмеялся, засиял, побежал за обручем, как тот мальчик. Он вскидывал ногами и палочкой подгонял обруч, и так же высоко над головой, как тот мальчик, подымал руку с палочкой. Чудилось ему, что за ним идет мама, смотрит на него, да улыбается. Как ребенку, первоначально, свежо стало ему в сумрачном лесу, на веселой траве, на тихих мхах.

Козлиная, пыльно-серая борода на ослабленном лице тряслась, и смех с кашлем дребезжащими звуками вылетал из беззубого рта.

VI

И полюбил старик по утрам приходить в лес, играл обручем на

этой прогалинке. Иногда подумает, что увидят, могут осмеять, – и от этой мысли становилось вдруг нестерпимо стыдно. И стыд был похож на страх, – так же обессиливал, подкашивал ноги. Пугливо, стыдливо озирался старик.

Да нет, – никого не видно, не слышно. И, поиграв довольно, он мирно уходил в город, легко и радостно улыбаясь.

VII

Так никто его и не увидел с обручем, никто не посмеялся над ним. И ничего больше особенного не случилось. Мирно поиграл старик несколько дней, – и в одно слишком росистое утро простудился. Слег, – и скоро умер. Что ж, ведь старый был, пожил довольно.

Умирая в фабричной больнице, среди чужих, равнодушных людей, он ясно улыбался. И его утешали воспоминания, – и он тоже был ребенком, и смеялся, и бегал по свежей траве, под сумрачными деревьями, и за ним смотрела милая мама...

ЖАЛО СМЕРТИ

Жало смерти – грех.

(1 Кор. 15, 56).

I

В дачной местности, любимой за красоту порожистой речки, ее обрывистых берегов, а также за удобное сообщение со столицей, два дачные мальчика забрались в глухой лесной уголок на берегу реки и ловили рыбу на удочку. Речка обмелела, журчала по камням, так что во многих местах деревенские ребяташки легко могли переходить ее в брод. Дно было песочное и ясное.

Один из маленьких дачников удил внимательно, другой – рассеянно, словно между прочим. Один, Ваня Зеленев, производил с первого же взгляда впечатление уроды, хотя трудно было сказать, что в нем особенно дурно: зеленоватый ли цветлица? несимметричность ли его? большие ли и тонкие оттопыренные уши? слишком ли толстые и черные брови? или этот растущий над правой бровью кустик черных волос, за который Ваню дразнили трехбровым? Все бы это не беда, – но что то искаженное чудилось в этом лице, – придавленное, злое. Держался он сутуловато, любил гримасничать и кривляться, – и так это вошло в его природу, что многие считали его горбатым. Но он был совсем прямой, сильный, ловкий и смелый, даже дерзкий иногда. Он любил лазать на деревья, – разорять птичьи гнезда, и при случае охотно поколачивал маленьких. Одежда на нем была старая и заплатанная.

Другой, Коля Глебов, сразу казался красивым, хотя тоже, если разобрать, ни строгой правильности, ни особой тонкости выражения не являли его черты. Он был беленький и веселый. Когда он смеялся, под его подбородком вспухал бугорок, – и это было очень мило.

Мама именно в это местечко любила целовать его. Одет он был чистенько и красиво: матросская курточка, коротенькие панталоны, черные чулки, желтые башмаки. Он был сын морского офицера, плававшего ныне за границей. Жил Коля здесь на даче вместе с мамой.

Возле мальчиков стояли две жестянки с водой. Туда мальчики бросали выловленных рыбок. Но плохо ловилась рыба...

– Красивое местечко, – нежно-звенящим голосом сказал Коля.

– Что красивого? – хриплым детским баском возразил Ваня, странно дергаясь плечами.

– Обрыв-то какой высокий, страсть! – сказал Коля, показывая движением подбородка через реку на высокий противоположный берег, – а там березки лепятся. И как они только стоят!

– Вода подмоет, – пробасил Ваня, – обрыв обвалится.

– Ну! – недоверчиво сказал Коля, и посмотрел на Ваню так, словно просил не делать этого.

– Да уж верно, – со злой усмешкой сказал Ваня. Коля грустно посмотрел на обрыв: плотные, красные пласты глины высоко громоздились один на другой, словно гладко срезанное громадной лопатой. Кое-где еле заметные трещины отделяли один пласт от другого. В иных местах, ближе к воде, виднелись небольшие углубления, словно промытые водой. Вода бежала такая жидкая, прозрачная, и так нежно плескалась о могучий обрыв.

Она хитрая, – подумал Коля, – слизывает помаленечку. Подумать только, вся эта громадная стена, со всеми веселыми березками на ней, вдруг сползет в реку!

– Ну, это еще не скоро будет, – сказал он вслух.

Помолчали мальчики. И опять, нежный и ласковый, зазвенел Колин голос:

– А в лесу-то как славно! Смолой пахнет.

– Шкипидаром, – вставил Ваня.

– Нет, хорошо пахнет, – радостно говорил Коля. – Утром я белку видел. По земле бежала, а потом на сосну так ловко вскарабкалась, – только хвостик мелькает.

– А я дохлую ворону под куском видел, – объявил Ваня. – Вон там, – сказал он, показывая в сторону головой и плечами, и весь корчась при этом. – Я заметил место.

– Зачем? – с удивлением спросил Коля.

– Домой приволоку, – объяснил Ваня. – Положу Марфе на кровать.

– Ведь она испугается, – опасливо сказал Коля.

– Ворона-то? Ау, брат, мертвая, – сказал Ваня таким злорадным голосом, точно ему очень нравилось, что ворона мертвая.

– Не ворона, а Марфа, – сказал Коля, слегка улыбаясь и немножко щуря веселые глаза, отчего нежное лицо его стало кисленьким, как барбарис.

– А, – протянул Ваня. – Я думал, ты говоришь, ворона Марфы испугается. Она у нас безобразная, как смертный грех. Мать красивых не держит, – отца ревнует.

– О, ревнует!

Коля протянул не вполне понятное ему слово, точно вслушивался в его звук.

– Бойтся, что влюбится, – пояснил Ваня, и засмеялся. – Точно он на стороне не может, – злорадно сказал он.

Помолчали опять. И снова Коля сказал, но уже неуверенным голосом:

– А там какой луг красивый, вон направо! Цветочков много, все разные, – так весь луг и пестреет. И некоторые пахнут так хорошо.

Ваня глянул на него досадливо, и проворчал:

– И коровы нагадили.

– Ну, на тебя не угодишь, – сказал Коля, и опять улыбнулся так, что лицо у него стало кисленькое.

– Я телячьих нежностей не люблю, – сказал Ваня. – Я люблю выпить и покурить.

– Выпить? – с удивлением и ужасом спросил Коля.

– Ну да, вина или водки, – с искусственным спокойствием сказал Ваня, искоса посмотрел на Колю, и сделал очень свирепую гримасу.

– Нельзя же нам пить вино, – сказал Коля, и ужас послышался в его голосе. – Это большим только можно, да и то нехорошо.

– Все это выдумки, – решительно ответил Ваня. – Навыдумывали разных правил, чтобы нами помыкать. Родители воображают, что мы их собственность. Чтохотят, то с нами и делают.

– Так ведь это вредно, пить; можно заболеть, – сказал Коля.

Ваня посмотрел на него странным, смущающим взором. В его слишком светлых, словно прозрачных глазах вспыхивали янтарные искорки.

– Что? – спросил он, улыбаясь и гримасничая.

Коля засмотрелся в его глаза, и забыл, что хотел сказать. Ванины глаза его смущали, и прозрачный блеск их словно затемнял его память. Припоминая с усилием, он сказал наконец:

– Mamочка рассердится.

– Mamочка! – презрительно сказал Ваня.

– Да ведь как же не слушаться мамочки-то? – нерешительно спросил Коля.

Ваня опять посмотрел на Колю. Прозрачно-светлые Ванины глаза показались Коле странными, скверными, – и Коле стало страшно. Ваня сказал, пренебрежительно произнося ласкательные слова:

– Ну, допустим, что мамочка тебя любит, – ну, чтож, ты все и будешь мамочкиной лялькой? А вот я люблю все по своему делать. То ли дело, брат, свобода, – это не то, что цветочки нюхать, да мамочке букетики собирать. Да и что, ну вот, – тебе тут нравится, – ведь нравится?

– Очень нравится, как же! – сказал Коля с тихой радостью в звуке голоса.

– Ну что ж, а долго ли тут побыть, – оживленно говорил Ваня, дергаясь, худенькими плечиками, – хорошо, не хорошо, – поиграем, да и в город, – пыль глотать.

Коля молчал, и мысли его обратились к мамочке.

Mamочка любит Колю; она – ласковая и веселая. Но у нее своя жизнь. Она любит быть с веселыми молодыми людьми, которые приходят часто, смеются, разговаривают бойко и шутливо, ласкают Колю, иногда подшучивают над ним, – побыть с ними Коле не скучно, он же и сам веселый, разговорчивый и доверчивый, – но они чужие, далекие, и словно заслоняют мамочку от Коли.

– Однако не ловится, – сказал Ваня. – Да и домой пора. Приходи к вечеру на опушку.

– Ладно, – сказал Коля.

Мальчики понесли ведерки и удочки домой.

Они проходили по деревенской улице. Дачи стояли тесно, и казались, бедными и неряшливыми. За ними шумела река.

Крестьянские ребяташки, грязные и лохматые, играли у домов, ругались грубыми и страшными словами, и плакали. Столь красивые почти у всех детей руки и ноги были так у них грязны, что жалко и противно было на них смотреть.

У одной из дачек на скамеечке сидел любопытный господин в синей рубашке под сюртуком и в высоких сапогах. Он расспрашивал всех прохожих.

– Много наловили? – спросил он у Коли.

Коля доверчиво показал ему свою жестянку с рыбками.

– Не много, – сказал господин. – А вы где живете?

– А вон там на горе, дача Ефима Горбачева, – сказал Коля.

– А, это Уфишка Горбачек! – сказал господин.

Коля засмеялся.

– Вы с отцом живете? – спрашивал любопытный господин.

– Нет, с мамочкой, – ответил Коля, – папа у меня в плавани. Он флотский офицер.

– А ваша мама скучает? – спросил любопытный.

Коля посмотрел на него с удивлением, подумал.

– Мамочка? – сказал он медленно. – Нет, она играет. Вот скоро будет здесь любительский спектакль, так она будет играть роль.

Тем временем Ваня прошел несколько дальше, потом вернулся.

– Ну, пойдем, что ли, – сказал он Коле, сердито поглядывая на любопытного господина.

Мальчики отошли.

Ваня сказал, странным движением плеч и локотей показывая назад, на любопытного барина:

– Этот барин всех расспрашивает, – сволочь ужасная. О родителях, обо всем, – должно быть, в газетах пишет. Я ему здорово наврал.

В прозрачных, острых Ваниных глазах опять загорелись янтарные искорки.

– Ну! – смешливо протянул Коля.

– Я ему сказал, что мой отец в взыскной полиции служит, – рассказал Ваня, – он меня теперь страх как боится.

– Почему? – спросил Коля.

– Я ему сказал, что отец одного мошенника сдесь высматривает, ну, он и боится.

– Да разве он – мошенник? – смешливо спросил Коля.

– А я ему приметы такие сказал, на него похожие, – объяснил Ваня, – ну, он и боится.

Мальчики смеялись.

Дошли до Ваниной дачи и стали прощаться.

Ванина мать стояла в саду, и курила, подбочась. Она была высокая, толстая, красная, и на лице ее лежало тупое и важное выражение, какое часто бывает у привычных курильщиков. Коля боялся Ваниной матери.

Она строго посмотрела на Колю, и Коле стало неловко.

– Так приходи, – сказал Ваня.

Коля проворно побежал домой.

– Приятели, – сердито сказала Ванина мать, – обоих бы вас...

Не было никакой причины сердиться, но уже она привыкла сердиться и браниться.

III

После обеда мальчики опять сошлись, – на большой дороге, там, где она входит в лес.

– А знаешь что, – сказал Ваня, – надо тебе показать одно местечко.

Доверчивые Колины глаза вдруг засветились любопытством.

– Покажи, – с восторгом промолвил он, заранее чувствуя радость чего-то таинственного и необычного.

– Я знаю такое место, где нас никто не найдет, – сказал Ваня.

– А мы не заблудимся, – спросил Коля.

Ваня посмотрел на него презрительно.

– Боишься, – не ходи, – пренебрежительно сказал он.

Коля покраснел.

– Я не боюсь, – сказал он обидчиво, – а только, если мы долго проходим, так животы подведет.

– Не подведет, это недалече, – уверенно сказал Ваня.

Мальчики побежали в лесную чащу.

Место быстро становилось темным и диким. Стало тихо, – и страшно...

Вот и берег широкого и глубокого оврага. Слышалось, как звучал внизу ручей, но ручья сверху из-за чащи было не видеть, и казалось, что туда никак нельзя пробраться. Но мальчики полезли вниз. Спускались, цепляясь за ветки, порой скатываясь по крутому откосу. Ветки задевали, были по лицу. Густые, цепкие кусты приходились с усилием разбирать руками. Много было веток сухих и колючих, и опускаясь, трудно было уберечься, чтобы не расцарапать лицо или руки. Неприятная иногда липла паутина, густая и удивительно клейкая.

– Того и гляди разорвешься, – сказал Коля опасливо.

– Ничего, – крикнул Ваня, – не беда.

Он был далеко впереди, а Коля еле сползал.

Чем ниже спускались, тем становилось сырее. Коле было досадно и жалко, что его желтые башмачки в мокрой глине, и руки испачканы глиной.

Наконец спустились в узкую, темную котловину. Ручей плескался о камни, и звенел тихой, воркочущей музыкой. Было сыро, но мило. Казалось, что и люди, и небо, все высоко, высоко, а сюда никто не придет, не увидит...

Коля с огорченным лицом оглядывал, изогнувшись назад, свои штанишки. Оказалось, что они разорваны. Коле стало досадливо.

– Что скажет мама, – озабоченно думал он.

– Не велика беда, – сказал Ваня.

– Да панталоны новые.

Ваня засмеялся.

– А у меня так вся одежда в заплатках, – сказал он. – Мне здесь хорошего не дают носить. Лес, брат, тебе не гостинная, сюда нечего новенькое надевать.

Коля вздохнул и подумал: хоть руки помыть.

Но сколько он ни плескал на них холодной водой, они

оставались красноватыми от глины.

– Липкая здесь она, глина-то эта, – беззаботно сказал Ваня.

Он снял сапоги, сел на камень, и болтал в воде ногами.

– Разорвал одежду, испачкался, руки, ноги исцарапал, – говорил Ваня, – все, брат, это не беда. За то ты не по указке, а что хочешь, то и делаешь.

И, помолчав, он вдруг сказал, улыбаясь:

– Сюда бы на крыльях слетать, ловко было бы.

– Жаль, что мы не скворцы, – весело сказал Коля.

– Еще мы летаем, – странно уверенным голосом сказал Ваня.

– Ну да, как же так, – недоверчиво возразил Коля.

– Я нынче каждую ночь летаю, – рассказывал Ваня, – почти каждую ночь. Как лягу, так и полечу. А днем еще не могу. Страшно, что ли? Не пойму.

Он задумался.

– У нас крыльев нет, – сказал Коля.

– Что крылья! Не в крыльях тут дело, – задумчиво ответил Ваня, пристально глядя в струящуюся у его ног воду.

– А в чем же? – спросил Коля.

Ваня посмотрел на Колю долгим, злым и прозрачным взором, сказал тихо:

– Еще ты этого не поймешь.

Захохотал звонко, по-русалочьи, и принялся гримасничать и кривляться.

– Что ты так гримасничаешь? – робко спросил Коля.

– А что? нешто худо? – беспечно возразил Ваня.

– Даже страшно, – с кисленькой улыбкой сказал Коля.

Ваня перестал гримасничать, сел смиренно, и задумчиво посмотрел на лес, на воду, на небо.

– Ничего нет страшного, – сказал он тихо. – Прежде в чертей верили, в леших. А теперь, ау, брат, ничего такого нет. Ничего нет страшного, – тихо повторил он, и еще сказал еле слышным шопотом: – кроме человека. Человек человеку волк, – прошептал он часто слышанное от отца изречение.

IV

Ваня, посмеиваясь, вытащил из кармана начатую пачку папирос.

– Давай, покурим, – сказал он.

– Ай, нет, как можно, – с ужасом сказал Коля.

Ваня вздохнул, и сказал:

– Уж слишком все мы, дети, привыкли слушаться, – от отцов переняли. Взрослые страх какие послушные, – что им начальник велит, то и делают. Вот бабье, – те самовольнее.

И помолчав, он сказал насмешливым и убеждающим голосом:

– Эх ты, – от табаку отказываешься. Цветочки, травку, листики любишь? – спросил Ваня.

– Люблю, – нерешительно сказал Коля.

– Табак-то, – ведь он тоже трава.

Ваня посмотрел на Колю прозрачными, русалочьими глазами, и, посмеиваясь, опять протянул ему папиросу.

– Возьми, – сказал он.

Очарованный прозрачным блеском Ваниных глаз, Коля нерешительно потянулся за папироской.

– То-то, – поощрительно сказал Ваня. – Ты только попробуй, –

потом сам увидишь, как хорошо.

Он раскурил и свою, и Колину папироску: спички нашлись в одном из его глубоких карманов, среди всякой мелочи и дряни.

Мальчишки принялись курить, – Ваня, как привычный курильщик, Коля – с озабоченным лицом. И он сейчас же, от первой затяжки, поперхнулся. Огненная туча рассыпалась в горле и груди, и в дыму огненные искры завертелись в глазах. Он выронил папироску.

– Ну, что же ты? – спросил Ваня.

– Горько, – шопотом, растерянно сказал Коля, – не могу.

– Эх ты, неженка! – презрительно сказал Ваня. – Ты хоть одну папиросочку выкури, – кури понемножку, не затягивайся глубоко, потом привыкнешь.

Коля мимовольно, как не живой, всунул папироску в рот. Он сидел на земле, прислонясь к дереву спиной, бледный, со слезами на глазах, курил, – и покачивался. Едва покурил. Голова разболелась, тошно стало. Он лег на землю, – и деревья медленно и плавно поплыли над ним в круговом, томительном движении...

Ваня говорил что-то. Его слова едва доходили до затемненного Колина сознания.

– Когда бываешь один, можно сделать, что станет ужасно приятно, – сказал Ваня.

– Как же? – спросил Коля вялым голосом.

– Ну, ты этого не поймешь... после расскажу...

Вот сюда ты ко мне и ходи. Право, давай здесь собираться, – просил Ваня.

Коля хотел отказываться, но не мог.

– Ладно, сказал он вяло.

V

Дома Коля озабоченно показал маме свои разорванные штанишки. Мама засмеялась глядя на его опечаленное лицо: она была сегодня хорошо настроена, – ей дали ту именно роль на любительском спектакле, которую она мечтала сыграть.

– А ты вперед осторожнее, – сказала она Коле. – Вот тебе и обновка.

Коля улыбнулся виноватой улыбкой, – и мама сразу догадалась, что на его совести есть еще что-то. Мама взяла его за подбородок, подняла его голову.

– Да что ты бледный? – спросила она.

Коля вспыхнул, и опустил голову, с усилием освобождаясь от маминой руки.

– Это еще что такое? – строго сказала мама, и нагнулась к нему.

От Коли пахло табаком.

– Коля! – сердито крикнула мама. – Что же это, от тебя табаком пахнет? Рано, голубчик.

Коля заплакал.

– Я только одну папироску, – виноватым, тоненьким голоском признался он.

Маме было смешно и досадно.

– Зачем ты водишься с этим скверным Ванюшкой? Противный, лягушка зеленая, – досадливо говорила мама.

– Я не буду больше курить, – плача говорил Коля, – а ему отец позволяет.

- То-то и хорошо!
- Он хороший, право, а что ж, коли ему позволяют!
- Ах ты, курильщик, - сказала мама. - Чтоб этого больше не было, слышишь?

VI

В эту ночь ворона приснилась Коле. Противная и страшная. Он проснулся. Была еще ночь, - полусветлая северная ночь.

Потом Коля видел во сне Ваню с его ясными глазами. Ваня посмотрел пристально, сказал что-то невнятное, - и у Коли сильно забилось сердце, - и он проснулся.

Потом Коле снилось, что он поднялся с постели, и летит под потолком. Сердце замирало. Было жутко и радостно. Тело несло без усилий. Страшно было, что толкнешся в стену над дверью. Но это обходилось благополучно, - Коля опускался, где надо, и в другой горнице опять всплывал под темный, сумеречный потолок. Много было покоев, и один за другим являлись они все более высокие, и полет в них все более жуткий и быстрый. Наконец, из высокого, темного окна, которое безшумно распахнулось перед ним, вылетел он на свободу, поднялся высоко под небо, и, закружившись томно и сладко в его голубой вышине, пронизанной солнцем, оборвался, упал и проснулся.

VII

На другой день Коля как-то мимовольно очутился в том же овраге. Не хотел идти. Но пошел, словно по привычке...

И там, далекие от людей, говорили они...

- Ты рассказывал вчера, - нерешительно начал Коля.
- Ну? - сердито спросил Ваня, и весь передернулся.
- Вот, что ты мечтаешь, - робко сказал Коля.
- А, вот что, - протянул Ваня.

Он сел смиренно на камень, охватил колени руками, и уставился неподвижным взором куда-то в даль. И Коля опять спросил его:

- О чем же ты мечтаешь?

Ваня помолчал, вздохнул, повернулся к Коле, оглядел его со странной улыбкой, и сказал:

- Ну, об разном. Самое лучшее, об чем-нибудь стыдном. Как тебя ни обидят, - сказал Ваня, - как ты ни зол, а только заведешь шарманку, все зло забудешь.

- Шарманку? - переспросил Коля.

- Я это называю, завести шарманку, - объяснил Ваня. - Только жаль, что она не очень долго играет.

- Не долго? - с жалостливым любопытством переспросил опять Коля.

- Устаешь скоро, - сказал Ваня.

Он как-то вдруг опустил плечи, и усталыми, сонными глазами смотрел перед собой.

- Ну, а все-таки, о чем же? - настаивал Коля.

Ваня усмехнулся криво, передернул плечами...

Далекие от людей, говорили они, о странных мечтаниях, о жестоком, о знойном...

И лица их пламенели...

Ваня помолчал и заговорил о другом.

– Я один раз целых три дня ничего не ел, – сказал Ваня. – Меня отец ни за что отдул, а я страх как озлылся. Подождите, думаю, я вас напугаю. Ну, и не ел.

– Да что ты? – широко открыв доверчивые глаза, спросил Коля.

– Ну, и как же ты?

– Кишки от голоду выворачивало, – рассказывал Ваня. – Перепугались дома. Опять пороть принялись.

– Ну, и что же? – спросил Коля.

Ваня нахмурился, – и сжал кулаки.

– Не выдержал, – хмуро сказал он, – наелся. Уж очень ослабел с голоду. Так напустился на еду... Говорят, можно три недели прожить, если не есть, только пить. А вот без воды живо подохнешь. Знаешь что, – давай завтра не есть, – быстро сказал Ваня.

И он пристально смотрел на Колю прозрачными, ясными глазами.

– Давай, – вяло сказал Коля, словно чужим голосом.

– Смотри, не надуй.

– Ну, вот еще.

Тепло пахло мхом и папоротником, и смолистой хвоей. Колина голова слегка кружилась, и томительное безволие овладевало им. Мама вдруг припомнилась, но какая то словно далекая, – и равнодушно подумал о ней Коля, без того прилива нежных чувств, который всегда возбуждался в нем думами о маме.

– Мать разозлится, аж побагровеет, – сказал Ваня спокойно, – но только если очень расхочется, то я в лес убегу.

И вдруг, совсем другим, оживленным и веселым голосом, он сказал:

– Перейдем-ка здесь в брод. Вода холодненькая.

VIII

Ванин отец, Иван Петрович Зеленев, юрист по образованию и свинья по природе, служил в министерстве, каждый день ездил на службу на утреннем поезде, и возвращался к вечеру, часто под хмельком. Это был рыжий, плотный, веселый и ничтожный человек. И мысли, и слова его были в высокой степени пошлы, – как будто у него не было никакого облика, и как будто он не имел ничего настоящего и верного в себе. Разговаривая, он подмигивал зачем-то собеседнику зачастую на самых невыразительных местах. Фальшивым голосом напевал он модные песенки из опер. Носил перстень с фальшивым камнем, и галстук, зашпиленный булавкой со стразом. На словах был весьма свободолюбив, любил повторять громкие слова и осуждать правителей. На службе же был усерден, искателен, и даже подловат.

Обедали поздно. За обедом Зеленев пил пиво. Дал и Ване. Ваня пил, как взрослый.

Отец спросил:

– Ты, Ванька, для чего связался с этим дохлым чисто-плюйчиком?

– Что ж такое! – грубо ответил Ваня, – уж и знакомиться нельзя. Новости какие!

Ванина грубость несколько не смутила ни отца, ни мать. Они ее даже не заметили. Привыкли. Да и сами были грубы.

– Жалоб не обернешься, – объяснил отец. – Чего ему папиросы

даешь! Его мать жалуется. Да и мне брат, накладно: на всех здешних мальчишек папирос не купишься.

– И он совсем не дохлый, – сказал Ваня, – так только, манеженный. А выходить он много места может, ничего. И главное, что мне в нем нравится, что он послушный.

– Ты-то у меня боец, – с гордостью сказал отец. – Так и надо, брат, всегда старайся верх забрать. Люди, брат, большие скоты, – говорил со странным самодовольствием Зеленев. С ними нечего церемониться. Там все эти миндальности если разводить, – загрызут живым манером.

– Само собой, – сказала мать.

– Кто сильнее, тот и прав, – продолжал отец наставительно. – Борьба за существование. Это, скажу тебе, брат, великий закон.

Зеленев закурил, и для чего-то подмигнул Ване. Так, по привычке. Он не думал в это время ничего такого, что вызывало бы надобность в таком подмигиваньи. Ваня попросил:

– Дай папироску.

Отец дал. Ваня закурил, с тем же спокойно-важным выражением, с каким он незадолго пил пиво. Мать сердито заворчала:

– Ну, оба задымили.

– Пойдем, брат, в садик, – сказал отец.

IX

Ночью Коля нескоро заснул. Странные волнения томили его. Он вспомнил, что рассказал ему Ваня о своих мечтах, – и Ванины мечты соблазнили его помечтать о том же. Как это может быть?

Утром Коля попросил у мамочки позволения ничего не есть сегодня. Сначала мамочка обеспокоилась.

– Что у тебя болит? – спросила она.

Но потом, когда узнала, что ничего не болит, что Коля только хочет поголодать, мамочка рассердилась, и не позволила.

– Ванькины затеи, сказала она, – уж от этого сорванца добра не ждешь.

Коля признался, что они с Ваней условились сегодня целый день не есть ничего.

– Как же вдруг я наемся, а он голодный, – смущенно говорил Коля.

Но мама решительно сказала:

– И думать не смей.

Коля был очень смущен. Попытался, все-таки, не есть, но мамочка так строго приказала, что поневоле пришлось послушаться. Коля ел, как виноватый. Мамочка и хмурилась и улыбалась.

А Ваня, точно, голодал весь день. Мать сказала ему спокойно:

– Не хочешь жрать, – и не жри. Поголодаешь, – не сдохнешь, а и сдох бы, не убыток.

К вечеру мальчики сошлись в овраге.

Колю поразили голодный блеск в Ваниных глазах, и его осунувшееся лицо. С нежной жалостью смотрел он на Ваню, и с почтительным уважением. И с этого часа как рядом стал он Ване.

– Жрал? – спросил его Ваня.

Коля сделал виноватое и кисленькое лицо.

– Накормили, – робко сказал он.

– Эх ты! – презрительно промолвил Ваня.

X

Если бы Колина мама не была так занята репетициями к назначенному на днях представлению, то она, конечно, давно бы заметила и обеспокоилась тем, что Коля странно изменился. Веселый и ласковый прежде мальчик стал совсем другим.

Неведомые раньше Коле тоскливые настроения все чаще обнимали его, – и Ваня их поддерживал. Точно он знал какие-то губительные и неотразимые чары. Он заманивал Колю в лес, и чаровал под сумрачными лесными сенями. Порочные глаза его наводили забвение на Колю, – забвение столь глубокое, что иногда Коля смотрел вокруг незнающими и непонимающими ничего глазами. То, что прежде было радостно и живо казалось новым, чужим и враждебным. И сама даже мама уходила иногда в неясный сумрак далеких воспоминаний: Коля, когда захочет иной раз сказать что-нибудь о мамочке, как раньше, – вдруг чувствовал, что нет у него ни слов, ни даже мыслей о ней.

И природа в Колиных глазах странно и печально тускнела. Очертания ее словно смывались, и уже нелюбопытна она становилась для Коли, – и не нужна. Соблазняясь Ваниными соблазнами, Коля иногда курил. Не больше, как по одной папироске за раз. И Ваня каждый раз давал ему заедать табачный запах мятными лепешками.

Теперь табак уже не кружил Колину голову, как вначале. Но действие его стало еще нагубнее: каждый раз после курения Коля ощущал необычайную пустоту в душе и равнодушие. Словно кто-то тихими, воровскими руками вынимал из него душу, и заменял ее холодной и свободную, стихийной, русалочьей душой, дыханием бездушным и навеки спокойным. От этого он казался себе смелее и свободнее. И как-то не хотелось ни о чем и ни о ком думать.

И от куренья, и от ночных мечтаний у Коли появились под глазами синие круги. И мама заметила, обеспокоилась, стала было наблюдать за Колей, – но как-то скоро отвлеклась к другим своим, веселым и праздничным, заботам.

XI

Было жарко даже и в овраге. И тихо. Коля пришел в лес раньше Вани. Сосны и ели распространяли смолистый запах, – и он слабо и не надолго порадовал Колю. Не надолго. Как бы привычным движением душа ответила радостью на привет природы, вечно родной и только обманчиво равнодушной, – обрадовалась вдруг, – и вдруг забыла свою радость, и словно забыла даже, что есть на свете радость...

Чуть плескался ручей, с недоумевающим, вопрошающим ропотом. В лесу раздавались порой тихие шорохи. Робко таясь, и тая неуклонные стремления, жила своей неведомой и родной нам жизнью природа...

Коля ждал. Тоскливая скука томила его. Так много было вокруг всяких, милых прежде предметов – деревьев, трав, – и звуков, и движений, – но все это казалось словно чужим. И далеким.

Послышался шорох, далекий, тихий, – но уже Коля сразу признал, что это приближается Ваня. И Коле стало весело. Точно он был потерян, и один в чужом и страшном месте, где обитает тоска, и его нашли и спасли от ее темных обаяний.

Зашевелились ветки, упруго и упрямо чему-то насилью, чтобы

потом опять сейчас же забыть о нем и быть по-своему, и из зеленой чащи выглянуло, гримасничая, Ванино лицо.

– Ждешь? – крикнул он. – А у меня-то что!

Плечом раздвинул он ветки, и вышел к ручью, радостный, потный, босой. В руке у него была бутылка. Коля смотрел с удивлением.

– Мадера, – сказал Ваня, показывая бутылку. – Спер.

Он был радостно взволнован, и лицо его более обыкновенного подергивалось гримасами. Он говорил прерывистым шопотом:

– Отец у меня любит куликнуть. Авось не заметит, что бутылка пропала. А если, грехом, хватится, подумает, что сам выпил. Или на прислугу.

Мальчики присели у ручья на корточки, и с немым восторгом смотрели на бутылку. Коля спросил:

– А как откроешь?

– Ну вот, – важно ответил Ваня. – А штопор на что.

Ваня запустил руку в карман, пошарил там: и вытащил нож со штопором.

– Видишь, – сказал он, показывая нож Коле, – у меня такой нож, – тут два лезвия, а на спинке, штопор.

– На спинке, – смешливо повторил Коля.

Медленно, с трудом, и радуясь этому труду, откупорили бутылку. Ваня отдал Коле бутылку, и сказал:

– Пей.

Коля покраснел, хихикнул, сделал гримаску, поднес бутылку к губам, и отхлебнул чуть-чуть. Сладко и горько. И легкая струйка лихорадочно-веселого возбуждения пробежала по Коле. Со стыдливым смешком передал он бутылку Ване. Ваня торопливо поднес бутылку к губам, и сразу отпил много. Глаза его заблестели.

– Что ты помаленьку, – сказал он, передавая Коле вино, – ты сразу побольшехвати, увидишь, как хорошо.

Коля уже смелее выпил, сколько мог больше, сразу. Но уж слишком много, – так, что закашлялся. Стало вдруг страшно и жутко. Лес плавно и медленно поплыл перед его глазами. Потом сразу стало весело.

Передавая вино один другому, они пили поочередно, то большими, то маленькими глотками. И оба скоро опьянели. Ваня усиленно гримасничал. Мальчики громко хохотали. Коля закричал с диким хохотом:

– Лес пляшет!

– Пляшет, пляшет! – вторил ему Ваня.

– Смотри, какая смешная птица!

И все, что они видели, возбуждало их веселость и казалось им смешным. Они возлились, плясали. Дикие шалости внушала им их шумная веселость. Они ломали деревья, царапали друг друга, и все их движения были неожиданны и нелепы, и в глазах их все было туманно, несвязно и смешно.

Бутылку они куда-то бросили. Потом вспомнили о ней, стали искать, да так и не нашли. Ваня говорил:

– Там еще было вино. Жаль, что потеряли.

– Будет, и то опьянели, – сказал Коля, хохоча.

Ваня присмирел. Буйная веселость упала. И его изменившееся настроение тотчас же передалось Коле. Ваня сказал расслабленно-пьяным, жалующимся голосом:

– Завтра выпили бы. Башка трещит.

Коля лег под деревом на траву. Лицо его побледнело. Казалось

ему, что что-то внутри его подымает его, вертит, несет... куда?

– Давай купаться, – сказал Ваня. – Вода освежит, хмель соскочит.

Мальчики разделись, вошли в воду, и чуть не утонули в ручье. Вода все толкала их под колени. Они хохотали, падали на четвереньки, и глотали воду. Вода попадала и в нос, и в горло. Было страшно, и смешно...

Наконец, кое-как они выбрались, и с неистовым хохотом повалились на траву.

Принялись одеваться. Ваня спросил:

– Хочешь, я два кораблика спущу?

– Ну, спусти, – сказал Коля. – А где кораблики?

– Да уж найду, – ухмыляясь ответил Ваня.

Он вдруг схватил Колины желтые башмаки, и бросил их в ручей.

– Смотри-ка, два кораблика, – закрычал он с громким хохотом.

Башмаки, прыгая через камешки, стремительно уносились. Коля взвизгнул, и побежал за ними, но сразу стало видно, что не догнать, – да и кусты мешали, и ноги не служили. Коля сел на землю, и заплакал.

– Зачем ты их бросил? – упрекал он Ваню.

– Ну, вот, сам сказал, – пускай, – со злой улыбкой оправдывался Ваня.

– Как же я теперь пойду домой? – горестно спрашивал Коля.

– А вот так же, как и я, – ответил посмеиваясь Ваня.

Его прозрачно-светлые глаза щурились и смеялись. Он сделал Коле гримасу, и побежал вверх по склону, быстро, карабкаясь, словно кошка. Коля поспешал кое-как за ним, плача и царапая ноги.

– Домой бы поскорее добраться, – горестно и стыдливо думал он.

Но, едва выбрались они на дорогу, опять ему стало весело и все приключение с вином, купаньем, башмаками, казалось ему забавным.

XII

Вечерело, а Коли все еще не было. Уже Колина мама начала беспокоиться. Послала служанку к соседям. Служанка вернулась, и сказала:

– И Ванюшки еще у Зеленовых нет.

– Вместе шляются. Вот я ему задам, – сердито сказала Колина мама.

А сама была испугана. Мало ли что могло случиться. Воображение рисовало ей страшные картины Колиной гибели.

Она стояла у калитки, и озабоченно смотрела на дорогу. Сзади послышался быстрый и тихий топот чьих-то ног. Мама обернулась. Это был Коля: он прибежал задворками. Мама ахнула.

– Коля, в каком ты виде! Рукав у курточки оборван! Башмаки где?

Коля весело засмеялся, махнул рукой и сказал:

– Башмаки уплыли... далеко.

И неверный, хриплый звук его голоса ужаснул маму. Коля еле ворочал языком, был бледный, но очень веселый, принялся быстро, но сбивчиво и неясно рассказывать свои приключения. И ему было так странно, что мама не смеется его веселому рассказу.

– От тебя вином пахнет, – горестно воскликнула мама.

Ее пьяный мальчик казался ей столь страшным, что ей как-то не верилось. А Коля радостно рассказывал:

– Мы, мамочка, мадеру пили, в овраге, страсть вкусно. И кораблики спускали, – два кораблика. Как весело, – прелесть, что такое!

Мама была в ужасе, а Коля болтал неудержимо.

Наконец мама кое-как уложила Колю спать. Он скоро заснул. Мама пошла к Зеленым.

XIII

Когда Александра Дмитриевна пришла к Зеленым, глава дома сказал своей супруге:

– Разбирайтесь сами, как знаете.

И ушел на мезанин.

– Ваш Ваня дома? – спросила Александра Дмитриевна, задыхаясь от волнения. – Он напоил моего сына.

Зеленева покраснела, подбоченилась, злобно засмеялась, и сказала:

– Как же, дома. Дрыхнет. С вашим сынком они, видно, здорово выпили, – винищем так и разит. А что напоил, так это еще кто кого. Худ-худ, а только таких дел за ним пока еще не было до приятного знакомства с вашим сынком.

Обе женщины принялись осыпать одна другую упреками и бранными словами. Глебова говорила:

– Ваш сын – самый отчаянный сорванец из всех дачных мальчиков. Нельзя так распускать мальчика.

– Чего вы лаетесь, – грубо ответила Зеленева. – Ваш соколик тоже, видно, хорош, что и говорить. Сапоги сегодня пропил, – чего уж тут. Хорош мальчик.

– Как пропил! – с негодованием вскрикнула Глебова. – Ваш Ваня их в ручей бросил.

Зеленева злорадно засмеялась.

– Эка беда, – сказала она, – напились! Не каждый день случается, слава Богу. Ваш Коля, авось, не размокнет. Проспится, – очухается.

Александра Дмитриевна заплакала. Зеленева посмотрела на нее с презрительным сожалением.

– Да вы не сердитесь, – сказала она примирительно. – Мы его этому не учим. С ребятами чего не бывает, – под колпак их не посадишь, – и набеда курят иногда. Нашему Ваньке, само собой, дерка будет. А вашего болванчика вы облобызайте хорошенько, – он вам завтра ручьи слезные напустит от раскаяния. И больше нам нечего разговаривать.

Повернулась и ушла.

XIV

На другой день, когда Ваня проспался, отец высек его. Было это рано утром, но соседи слушали с удовольствием, как Ваня ревел низким, злым голосом.

– Я его утоплю, – сказал Ваня после наказания.

Но уже его не слушали. Отец торопился на поезд. Мать провожала...

Отец уехал. Ваня долго лежал в чулане, неподвижно и молча. Потом встал, и пошел из дому. Мать закричала на него:

– Ванька, не смей уходить сегодня! Сиди дома.

– Нашли дурака, – грубо ответил Ваня. – Стану я сидеть.

Он открыл калитку и побежал по улице. Мать погналась было за ним, но сразу видно было, что не догнать.

– Марфа, – закричала она служанке, которая, весело ухмыляясь, выглядывала из кухни, – забеги проулком, поддержи его.

– Подрал, где его догонишь, – ответила Марфа, и захохотала.

Бессильная хозяйкина ярость потешала ее.

– Вернись ты у меня, мерзкий мальчишка! – кричала Зеленева в догонку сыну.

XV

Ваня сидел на берегу лесного ручья, мрачно смотрел на воду, и думал злые и жестокие мысли. Он шептал:

– Камень на шею, в мешок да в воду.

Вся его злоба и ненависть сосредоточилась на Коле. Желание Колиной гибели томило и радовало его.

Утопить! А как его засунешь в воду?

Да и зачем? Лучше бы так сделать, чтобы сам он утонул. Он послушается. Его можно заставить, заговорить, заморозить.

Злая улыбка жестокой гримасой исказила Ванино лицо. Он побежал в лес, и закричал громко:

– Ау, ау!

Никто не отозвался.

«Это пусть будет ночью, – подумал Ваня. – Он утонет, а я скажу, что спал в это время».

И радостно стало Ване.

«Из дому тишком уйду», – думал он.

XVI

Коля, выспавшись, со стыдом и ужасом вспомнил вчерашнее. Долго плакал он в мамочкиных объятиях, раскаиваясь и давая обещания никогда больше не делать ничего такого. И мамочка успокоилась. Она очень была занята своими репетициями.

А Колю опять тянуло в лес. Он улучил время, убежал, и пробрался к оврагу.

Ваня встретил Колю злым, мстительным взглядом.

«В мешок бы тебя да в воду», опять подумал он. Но он скрыл свою злобу, и принялся рассказывать Коле, как его наказали. Коля слушал его с нежной и робкой жалостью. Заметил это, Ваня засмеялся, и сказал:

– Мне ни по чем. Со мной что хотят пусть делают, – вот-то ничуть не боюсь. Да ведь и за дело выдрали. Воровать не велят. Берегут людишки свое добро. А хочешь воровать, – не попадайся.

Мальчишки сидели на корточках на берегу реки, и задумчиво смотрели в воду. Плескалась рыба, словно тесно было ей там, в прохладной и прозрачной воде. Вились над водой, мошки. Все было как всегда, равнодушно, красиво в общем, однообразно в подробностях, и не весело.

Ваня притих. Печально шептал он:

– Знаешь, что я тебе скажу, – я не хочу жить.

Коля с удивлением посмотрел на него широко-раскрытыми глазами.

– А как же? – спросил он.

– Так же, – спокойно и словно насмешливо ответил Ваня. – Умру, да и вся недолга. Утоплюсь.

– Да ведь страшно? – испуганно спросил Коля.

– Но вот, страшно. Ничего не страшно. А что и жить! – говорил Ваня, устремляя на Колю неотразимо-прозрачный взор своих чарующих глаз. – Подло жить здесь, на этой проклятой земле. Человек человеку волк здесь, на этой постылой земле. И что страшно? Захлебнуться недолго, – и живо очутишься на том свете. А там все по другому.

– По другому? – робко и доверчиво спросил Коля.

– Совсем по другому. Подумай только, – убежденно говорил Ваня. – Вот, если ты любишь путешествовать...

– Люблю, – сказал Коля.

– Так вот, – продолжал Ваня, – куда ни придешь ты на земле, – все реки, деревья, трава, – все, все, брат, одно и то же. А там, за гробом, совсем, совсем не похожее. Что там, я не знаю, и никто не знает, но разве тебе здесь нравится?

Коля молча покачал отрицательно головой.

– Да, здесь гадко жить, – продолжал Ваня. – Что тебе страшно умереть? Смерти боишься? Это у нас, на земле только смерть, мы все умираем, – там нет смерти. Здесь не пожуешь долго, так и умрешь, – от кусков каких-то глупых, и от тех зависишь, – а там свобода. Вот у тебя теперь тело. От него сколько муки. Обрежешь, – больно. А там этого ничего не будет. Тело сгниет, – на что оно? Будешь свободный, – и никто тебя не возьмет.

– А мама как же? – спросил Коля.

– Какая мама! – убеждающим голосом отвечал Ваня. – Она тебе приснилась, может быть. У тебя нет мамы. Все это только кажется, а на самом деле ничего нет, обман один. Подумай сам, если бы все это было в самом деле, так разве люди умирали бы! Разве можно было бы умереть! Все здесь уходит, исчезает, как привидение.

Коля отвел глаза от Ваниных холодных и прозрачных глаз, и с недоумением посмотрел на свое тело.

– Как же, – сказал он, – все-таки тело.

– Ну, что тело, – возразил Ваня. – Над ним смеются, – чуть если где волос

не там вырос, или бородавка, или глаза косят, – все смеются. И бьют, – больно бьют. Ты думаешь, – часто бьют, так привык. Нельзя привыкнуть. Что больно, – это вздор. А к обидам не привыкнешь. А там тебя никто не обидит. Никто тебе не велит, не забранит, не упрекнет. Что хочешь делай. Все можно. Это здесь на земле все так, – лишний шаг сделаешь, бутылку с места на место перенесешь, – уж ты и вор, позорят тебя.

Ваня говорил, а Коля смотрел на него доверчивыми, покорными глазами. И обиды, о которых говорил Ваня, больно мучили его, – больнее, чем если бы это были его собственные обиды. И не все ли равно, чьи обиды!

Какая-то черная птица пролетела над детьми, и ее широкие крылья двигались быстро и безшумно. Ваня говорил печальным и тихим, но неотразимо-убеждающим голосом:

– Какую-нибудь жидкость проглотишь, – уж ты точно другой

стал. Там ничего этого нет. Ни ты ничему, ни тебе ничто не повредит. Хорошо там. Здесь на людей смотришь, – одному завидуешь, другого жалеешь, – все сердце в заносах. Там ничего этого нет.

И долго говорил так Ваня, – и Коля все более очаровывался печальным звуком Ванина голоса и скорбной прелестью его наговоров.

Ваня замолчал, – чары его голоса, как легкий дым из потухающего кадила, казалось, расточились в смолистых лесных ароматах. Он смотрел куда-то далеко, усталый и безмолвный, и Коле захотелось вдруг возразить ему так, чтобы это было последнее и сильное слово.

Вечно-радостное и успокоительное чувство осенило его. Он поднял на Ваню повеселелые глаза, и сказал нежно-звонким голосом:

– А Бог?

Ваня повернулся к нему, усмехнулся, – и Коле опять стало страшно. Прозрачные Ванины глаза зажглись недетской злобой. Он сказал тихо и угрюмо:

– А Бога нет. А и есть, – нужен ты ему очень. Упадешь нечаянно в воду, – Бог и не подумает спасти.

Коля, бледный, слушал его в ужасе.

XVII

Деревенские ребяташки вздумали подразнить Ваню. Они кричали друг другу:

– Ребята, вон трехбровый идет, – его драли сегодня.

На Ваню посыпались грубые и обидные слова. Ваня остановился. Он смотрел молча на ребяташек ясными, словно змеиными глазами, неподвижными, круглыми. Дети примолкли, и боязливо таращили на него глупые, непонимающие глаза. Откуда-то из-за угла стремительно выбежала баба. Она схватила ребят, как-то всех сразу, в охапку, и, сердито бормоча что-то, потащила прочь.

– Еще сглазит, проклятый, – ворчала она.

– Что ты, тетка? – спросила соседка.

– Глаз у него нехороший, – шопотом объяснила баба.

Ваня слышал. Он усмехнулся невесело, и пошел дальше.

Был уже вечер, и отец спал после обеда, когда Ваня вернулся домой. Он принес матери корзинку с земляникой.

– Я тебе задам дерку, – свирепо говорила мать, – верно, утренней мало.

– Ягодки не съел. все тебе сберег, – жалким голосом тянул Ваня.

– Где корзинку взял? – спросила мать сердито, но уже менее свирепо.

– Нешто бить будешь? – плаксиво спросил Ваня. – Я-то старался.

– А как смел уйти! – крикнула мать.

– А коли меня в лес тянуло, – жалобно говорил Ваня.

– Ужо вот отцу скажу, – довольно уже спокойно сказала мать.

– Садись, ешь, коли хочешь.

– А отец спит? – с понимающей усмешкой спросил Ваня.

Он уселся за стол и принялся есть с жадностью.

«Поголодался», с жалостью подумала мать.

– Пообедал, завалился до чаю, – сказала она. – Пьяненький вернулся. Не плоше, как и ты вчера. В папеньку.

Она курила, подбочась, и глядела на сына с нежностью, смешной

и как бы неуместной на ее грубом и красном лице. Ей было жалко, что его сегодня били из-за того «дохлого».

«И так зеленый, – думала она. – Да он у нас молодец, – утешила она себя. – На воздухе живо поправится.»

– Подпоили? – спросил Ваня, и подмигнул матери на соседнюю комнату, откуда слышалось тяжелое дыхание спящего.

– Не иначе, как Стрекалов затянул, – отвечала мать. – Уж это такие подлые людишки.

Она говорила с сыном совсем запросто, на равных правах, не стесняясь.

XVIII

Теперь каждый раз, как мальчики сходились, у них начинался разговор о смерти. Ваня хвалил и смерть, и загробную жизнь. Коля слушал, и верил. И все забвеннее становилась для него природа, и все желаннее и милее смерть, утешительная, спокойная, смиряющая всякую земную печаль и тревогу. Она освобождает, и обещания ее навеки неизменны. Нет на земле подруги более верной и нежной, чем смерть. И если страшно людям имя смерти, то не знают они, что она-то и есть истинная и вечная, навсегда неизменная жизнь. Иной образ бытия обещает она, – и не обманет. Уж она-то не обманет.

И мечтать о ней сладостно. И кто сказал, что мечтания о ней жестоки? Сладостно мечтать о ней, подруге верной, далекой, но всегда близкой.

И обо всем начал забывать Коля. От всех привязанностей отрешалось его сердце. И мама, прежде милая мама, что она! И есть ли она? И не все ли на этой земле равно неверно и призрачно? Ничего нет здесь истинного, только мгновенные призраки населяют этот изменчивый и быстро-исчезающий в безбрежном забвении мир.

Очарование Ваниных взоров, одно, глубоко внедрившееся в Колину душу, каждый день влекло его в лес, в овраг, где журчит ручей о том же, о чем говорят ему Ванины прозрачно-светлые глаза, навводящие забвение.

И глубже, и глубже забвение, и сладостнее оно.

И когда Ваня долго смотрел на Колю глазами ясными и неподвижными, – под этим беспощадным взглядом так обо всем забывал Коля, как забывают обо всем в объятиях самого утешительного из ангелов, – в объятиях ангела смерти.

А Колин ангел смерти гримасничал, и таил злые мысли. Порочны и жестоки были его мечты и прежде, – но теперь они приобрели особую остроту. Он мечтал о смерти, – о Колиной смерти, а потом и о своей. И в безумных мечтаниях, воображая жесточайшие предсмертные мучения, проводил он томительные ночи.

Соблазняя, соблазнил он и себя самого смертным соблазном, – своим ядом отравленный отравитель.

Вначале он хотел утопить Колю, и уйти. Потом уже он не думал о том, что уйдет. Пленили его мечты о смерти.

И Колины мечты и сны стали столь же безумны. Как будто бы одни и те же, переходили они от одного к другому.

XIX

Однажды днем встретились они у лесной опушки. Лицо у Вани было бледное, с отеками.

– Что ты бледный? – спросил Коля.

– Я нынче много мечтал, – рассказал Ваня.

Помолчали мальчики. Ваня огляделся кругом, – не видать ли кого, и сказал:

– Я знаю глубокое место. Как упадешь, так сразу и утонешь.

– А где оно? – спросил Коля.

Ваня засмеялся, и показал Коле язык.

– Нет, – сказал он, – я тебе не покажу раньше, а то ты один уйдешь. А я хочу вместе с тобой.

Ваня обнял Колю, и сказал злым и тихим голосом:

– Вместе с тобой, миленький.

Близко, близко от себя увидел Коля ясные, бессмысленные глаза, – и, как всегда, от этих глаз темное забвение окутало его. Все забылось, ни о чем не хотелось думать, – бездна в глазах...

Мальчики условились, – уйти сегодня ночью, и умереть.

– Сегодня мама играет, – сказал Коля.

– Вот и хорошо, – ответил Ваня.

И слова о маме не пробудили в Коле никакого чувства.

Ваня усмехнулся и сказал Коле:

– Только ты, как пойдешь, так крест дома оставь, – не надо его...

Ваня ушел. Коля остался один. Он не думал о Ваниных словах. Не то, чтобы забыл. Тоска от этих слов осталась, и в глубине души сами жили ядовитые слова.

Они жили и возрастали сами, а Коля жил, как всегда, обычными впечатлениями: мама, поиграть, качели, к речке сбегать, на улице мальчики, – все прежнее.

Но только все прежнее было страх как не занимательно. Скучно. Только надо, чтобы мама не видела, что скучно.

И кисленькая улыбочка, прежняя, привычная, всегда была у Коли навстречу маме.

XX

Настала ночь. И она была печальная, тихая, темная, длинная, как последняя ночь.

Мама сегодня играла в театре. Ее любимая роль досталась таки ей. Мама была так рада. Она ушла сразу после обеда, и не скоро вернется: после представления – танцы до четырех часов. Коля будет уже спать, когда мама вернется.

Служанка напоила Колю чаем, уложила его, замкнула двери, и ушла гулять. Коля остался один. Не в первый раз. Он не боялся.

Но когда звук замкнутой двери, легкий металлический звук, достиг его уха, чувство холодного отчуждения охватило его.

Он полежал в постели, на спине, глядя в темный потолок темными глазами.

«А мама?» – отрывочно подумал он.

«А мамы нет», – не то сказал кто-то, не то припомнились чьи-то слова.

Коля усмехнулся, тихо слез с кровати, и начал одеваться. Он взял было бумашки, но припомнил, что земля теперь влажная,

прохладная, – она обласкает ноги мягкими прикосновениями.

Мать сыра земля!

Коля бросил башмаки под кровать, и подошел к окну. Полная луна, светло-зеленая и некрасивая, стояла в небе. Казалось, что она прячется за вершинами деревьев, и подсматривает. Ее свет был тихий, не живой, и сквозь ветки проникал ворожащими и робкими лучами...

Ваня задворками прошел в сад Колиной дачи. В окнах везде было темно. Ваня тихонько стукнул в Колино окно. Оно открылось. Коля выглянул бледный, с кисленькой улыбкой. Лунный свет падал прямо на Ванино лицо.

– Ты – зеленый, – сказал Коля.

– Уж какой есть, – отвечал Ваня.

Лицо его было спокойно и безвыразительно, словно не живое. Только жили глаза, и блестели жидким, прозрачным блеском.

– Пойдем, что ли, – сказал он, – пора.

Коля, неловко цепляясь белыми маленькими руками за подоконник, вылез из окна. Ваня помог ему, – поддержал.

– Обулся бы, холодно, – сказал Ваня.

– А ты-то как же? – возразил Коля.

– Я-то ничего. Я не боюсь, – сказал Ваня, и усмехнулся невесело.

– Ну и я тоже, – тихо сказал Коля.

Мальчики вышли из сада, и пошли в поле, узкой межей, к темневшему лесу. Ваня шептал:

– Видишь, луна какая ясная. Там тоже люди были, да все умерли. Еще когда земля солнцем была. На луне тепло было, и воздух, и вода, дни и ночи сменялись, трава росла, а по траве-то, по росе, бегали веселые, босые мальчики. Ау, брат, все умерли, застыли, – кто их пожалует!

Коля повернул к Ване лицо с кисленькой, грустной улыбкой, и шепнул:

– Вот и мы умрем.

– Только ты не кисни, – хмуро сказал Ваня. – Еще заплачешь. Тебе холодно?

– Ничего, – тихо ответил Коля. – Скоро придем? – спросил он.

– Сейчас.

Мальчики сошли к реке. Здесь она теснилась между берегами: там – стена обрыва, этот берег опускался к воде крутым склоном. Несколько больших камней лежали на берегу и в воде у берега. Было тихо. Луна, ясная и холодная, висела над обрывом, смотрела пристально, и ждала. Вода казалась неподвижной и темной. Деревья и кусты застыли в молчании. В траве виднелись мелкие, некрасивые цветы, зловещие и белые.

Ваня пошарил около одного из береговых камней, и достал два сачка с обломанными ручками. Он привязал к их краям по бечевочке, – вышло как сумочки, – и положил в них по камню.

– Две торбочки, – тихо сказал он.

На широком и низком прибрежном камне, похожем на могильную плиту, стояли рядом два мальчика, и оба с равным страхом глядели на темную воду. Завороженные, стояли они, и уже не было им дороги назад. И у каждого на груди, надавливая бечевочкой шею, висело по сумочке с камнем.

– Иди, – сказал Ваня, – сначала ты, потом я.

– Лучше вместе, – робко-звонящим голосом ответил Коля.

– Вместе, так вместе, – решительно сказал Ваня, и усмехнулся.

Ванино лицо разом осунулось и потемнело. Холодное предсмертное безволие отяготело над ним.

Коля хотел перекреститься. Ваня схватил его руку.

– Что ты, нельзя, сердито сказал он. – Ты все еще веришь? Ну, вот, если Он тебя спасти хочет, пусть эти камни в торбочке сделаются хлебом.

Коля поднял глаза к небу. Мертвая луна тупо смотрела на него. В бессильной душе не было молитвы. Камень остался камнем.

Коля заметил над собой тонкую ветку с маленькими листочками. Она выделялась на синем небе черным, очень изящным рисунком.

«Красиво!» – подумал Коля. Кто-то шопотом позвал сзади, – словно мамин голос:

– Коля!

Но уже некогда было. Уже тело его наклонялось к воде, все быстрее падало.

Коля упал. Раздался тяжелый плеск. Брызги, холодные и тяжелые, осыпали Ванино лицо.

Коля утонул разом.

Холодная тоска охватила Ваню. Неодолимо потянуло его вперед, за Колей. Лицо его исказилось жалкими гримасами. Странные судороги пробежали по телу. Он весь изогнулся, словно вырываясь от кого-то, кто держал его и толкал вперед. И вдруг он вытянул руки, жалобно крикнул и упал в воду. Вода раздалась и плеснула, брызги взлетели, темные круги пробежали по воде, умирая. И стало снова тихо.

Мертвая луна, ясная и холодная, висела над темным обрывом.

ПРЕВРАЩЕНИЯ

I

С книгой и с книжкой

Помню, – нас, детей, нисколько не удивляло двойственное поведение старика, Ивана Степаныча. Мы уж применились, и знали, как быть, когда дед с книгой, и когда он с книжкой.

Случалось в праздничный вечер, уже когда мы наиграемся вдоволь, и уже из маленьких кое-кто готов раскапризничаться, – приходил к нам дедушка Иван Степаныч с громадной книжицей в толстом переплете с тяжелыми застежками. На дедушке был надет длинный черный сюртук, черный галстук, а сам был сухой и строгий. Он вынимал из футляра серебряные очки, надевал их медленно и важно, – словно это был знак особого достоинства, – раскрывал свою книжицу на столе в столовой, и громко говорил:

– Дети, успокойтесь. Послушайте.

Тогда мы, дети, собирались, и чинно рассаживались вокруг стола. Важные и простодушные рассказы читал нам дедушка, исполненные непонятного смысла и высокой поучительности. Мы слушали, иногда дремали, – и отходили ко сну с утихомиренными душами.

Иногда приходил к нам Иван Степаныч утром, в праздник, и уже одетый иначе, – в легкий серенький пиджачек, с сереньким или

пестреньким галстучком на шее. В руке он держал маленькую книжку, без переплета, с поотрепавшимися у страниц краями. Дедушка улыбался, – все морщинки на его лице дрожали от сдержанного смеха. С шумными криками мы, дети, окружали старика, – и то-то было смеху и радости. Веселые историйки, забавные игры, замысловатые загадки, – чего-чего не было в маленькой книжечке!

Быстро пролетал час, другой, – Иван Степаныч уходил, радостная, благодарная толпа ребят провожала его, любовно поглядывая на его доброе, морщинистое, но румяное лицо, в его живые, веселые, совсем еще молодые глаза.

И долго потом вспоминалась детям книжечка.

II

Учитель и конторщик

Андрей Никитич Шагалов, учитель сельской школы, молодой человек степенный и добродетельный, хотя и холостой, одевался всегда чистенько, прилично званию и положению. Держал себя с достоинством. Любил бывать у батюшки, законоучителя его школы, – и ни разу не ссорился с ним. Нередко заходил к местному земскому фельдшеру, уряднику, волостному писарю и старшине. Каждому оказывал должное почтение, и на свою долю получал достаточно такового же. Не гнушался и простыми мужичками, но за панибрата с ними не держался. В гостях вел себя тонко, говорил о том, что могло занимать хозяина, иногда легонечко спорил, но всегда приятно и сдержанно, и никогда не доводил спора до резких пререканий. Если собеседник упрямо говорил что-нибудь такое, с чем никак нельзя было согласиться, Андрей Никитич умел шуточкой или иным ловким оборотом переменить предмет беседы.

Случалось Андрею Никитичу бывать и у помещика, отставного действительно статского советника Палицына. И там Андрей Никитич поддерживал себя на должной высоте, приходил в крахмалах, здоровался за руку, был умеренно почтителен, и долго не засиживался.

– Заходите, Андрей Никитич, – говорил ему, пожимая на прощанье руку, господин Палицын.

Андрей Никитич вежливо благодарил.

– Покорно благодарю, Владимир Алексеевич, – говорил он, – сочту непременно долгом.

Приятно осклаблялся, уходил, и по дороге домой помахивал тросточкой, как человек довольный судьбой.

Кончались по весне занятия в школе. На лето помещик нанимал лишняго приказчика. Приглашали Андрея Никитича. Тогда он надевал не крахмалы, а чистую вышитую рубашку под пиджак, и являлся в контору. Барину докладывали. Немного, – но и не мало погода, – звали учителя в кабинет.

Шагалов входил, кланялся низенько, и останавливался у порога, легонечко покашливая в руку из скромности. И уже он не оклаблялся. Барин слегка кивал ему головой, и не вставал со своего кресла у письменного стола.

– Э... Ну, что ж, – говорил он с растяжкой, – нам того... долго разговаривать нечего... Э... По прошлогоднему.

– Так точно, ваше превосходительство, – отвечал Шагалов, и звук его голоса, и вся его фигура олицетворяли почтительность.

– Так уж ты, Андрей, старайся, – увереннее и быстрее говорил

барин, – а ежели я... э... сгоряча скажу чтонибудь... э... лишнее, так уж ты, того, не взыщи.

– Помилуйте, ваше превосходительство, уж это само собой, как же–с иначе, – почтительно говорил Шагалов.

– Ну, да, я знаю, ты это понимаешь, – продолжал барин, – со своим приказчиком я не могу нежности разговаривать. Э... там зимой, мы и на вы, и за руку, и все такое, а теперь мне, – э... приказчик нужен, дело делать, а не э... миндальничать.

– Уж я это понимаю, ваше превосходительство, – уверял Шагалов, – уж вы меня знаете, останетесь довольны, не извольте беспокоиться.

Так начиналась его летняя служба. Барин говорил ему ты, называл Андреем, а иногда под горячую руку, ругал скотиной, и грозил заехать в морду.

Зато платил хорошо, – и не затягивал. Семьдесят пять рублей в лето – деньги.

III

С учеником и с гостем

Инспектор гимназии кончал обед.

Звонок.

– Несет нелегкая кого–то спозаранок, – сердито проворчал инспектор.

В прихожей открыли дверь.

– Да это не гость, – сказала жена, заглядывая со своего места в полутемную прихожую, – гимназист какой–то.

– Гимназист Буров, – доложила горничная.

– Проводите в кабинет, пусть подождет, – недовольным голосом сказал инспектор.

Он нарочно затянул свой обед.

«Не во время приходят, – досадливо думал он, – есть гимназия, я не каторжный».

– Надо во время, – сказал он, входя в кабинет.

Буров, мальчик лет тринадцати, вскочил со стула, ловко шаркнул, и стал на вытяжке у дверей тесного кабинета. Инспектор сел в кресло, потянулся, строго оглядел гимназиста с ног до головы, и сердито сказал:

– Пояс на боку.

Буров покраснел, передвинул у пояса пряжку прямо наперед, и снова опустил руки.

– И что вы вахлаком стоите, одно плечо выше, носки вместе, – тихо говорил инспектор, преувеличивая недостатки в стоянии мальчика.

Буров старательно поправился. Инспектор вздохнул, еще раз потянулся, и спросил с сухой служебной вежливостью:

– Чем могу служить?

Но тотчас же сказал желчно:

– Разве вы не могли в гимназии?

– Извините, Петр Иваныч, сказал Буров, – я не знал, мама...

Инспектор перебил его.

– Чем могу служить? – резко спросил он.

Буров быстро и отчетливо сказал тоном служебного доклада, – как маленький, но уже вымуштрованный чиновник:

– На воскресенье и два праздника позвольте мне, Петр Иванович, уехать с мамой в именье, и не быть в гимназии в церкви.

– К классному наставнику надо, – сердито сказал инспектор, порядка не знаете. Вы бы еще разлетелись в директору. Удивительное легкомыслие!

– Разрешите вы, Петр Иванович, – просил Буров, – все равно, к Николаю Алексеевичу далеко, а мы сегодня хотим уехать.

– Можете, – сухо сказал инспектор. – Больше ничего?

Буров шаркнул ногой, поблагодарил, и, перестав вытягиваться, – даже руку на пояс положил, – сказал:

– Мама велела просить вас, Петр Иванович, приехать к нам на эти дни погостить.

Инспектор улыбнулся.

– Ну, уж это дело частное, – сказал он, – садитесь, Сережа, гостем будете.

Мальчик опять шаркнул, сел на кушетку, рядом с инспектором, локот положил на валик, ноги поместил поудобнее.

– Скажите вашей маме, – начал было инспектор.

Сережа перебил его:

– И Анну Владимировну с детьми мама просит.

– Ну, – сказал инспектор, – уж это надо у них спросить, пойдемте.

Он взял Сережу за плечи, и повел его к жене.

IV

В сапогах и босиком

Петя Горнилов, дьячков сын, мальчик лет шестнадцати, обучался в городском училище. Шалил много, но учился бойко, – шустрый паренек. Держался развязно. Одевался чистенько, и свои сапоги отчищал так, чтобы они блестели. Учителю, при встречах на улице, кланялся весьма почтительно, но с достоинством, и здоровался за руку, так как учитель водил знакомство с его отцом. В классе Петя не очень-то уступал учителю, – не давал ему себя притеснять. Если за шалости Петю посылали в угол, – он шел не охотно, долго оправдывался, спорил и даже, случалось, дерзил.

О себе он думал высоко. Читал книжки, – и старался выбирать те, что для взрослых. Хотел он учиться дальше, и выучиться настолько, чтобы получать хорошее жалованье, больше, чем отец, и жить лучше отца, т. е. богаче.

Настала весна, и уже снег на городских улицах стаял. Утром, в неучебный день, Петя собирался удить рыбу. Он вышел из дому босой. Так и часто он будет ходить, – почти всегда летом, да и осенью, пока тепло. Уже он так привык с мала, – и самому ему больше нравилось, чем в сапогах, да и отец не позволял трепать сапоги без нужды: надо беречь и вещи, и деньги, – люди небогатые.

На улице Петя встретил учителя, первый раз в эту весну. Петя к стороне, – покраснел, поскорее отошел подальше, чтобы не здороваться за руку, – снял шапку и поклонился издали. Теперь, когда он идет босиком, он думает про себя, что еще он, – простой мальчишка, которому еще далеко до хорошего жалованья. Поэтому, босоногий, он скромный да смирный со старшими, особенно в начале теплых дней, пока еще ноги не загорелые, и потому виднее, что он не обут.

Завтра, в классе, пошли его учитель в угол хотя ни за что, – он пойдет послушно, чувствуя в душе почтение к учителю, – к его господскому положению, и к его казенному жалованью, и к его форменной одежде со светлыми пуговицами.

V

С подчиненным и с начальником

Начальник спросил столоначальника:

– Ну, что у вас?

Замерший в почтительном склонении столоначальник сказал:

– Я должен доложить вашему превосходительству, что приказание, которое изволили отдать ваше превосходительство, относительно сношения с губернским правлением, не могло быть исполнено по неимению у нас достаточных...

– Это у вас обычная история, – резко прервал начальник, – надо заблаговременно. Но, пожалуйста, сократите, – я должен ехать, меня вызывают. Есть еще дела?

– Не особенно важные, наше превосходительство, – если позволите, можно отложить.

– Для вас, кажется, все дела не особенно важные. Ну–с, до свидания.

Протянув два пальца, для почтительного пожатия, – подчиненному, его превосходительство взглянул еще раз на часы, и торопливо проследовал мимо склонявшихся перед ним чиновников к подъезду.

В карете начальник почувствовал себя слегка взволнованным. Сейчас он предстанет пред особой, и скажет:

– Осмелюсь доложить вашему высокопревосходительству...

А его высокопревосходительство скажет:

– В вашем департаменте, почтеннейший Павел Павлович, всегда неблагополучно. Опять вы меня подвели. Так нельзя–с.

Начальник ответит:

– Извините великодушно, ваше высокопревосходительство, но я уже неоднократно имел честь докладывать...

– Ну да знаю, – сердито прервет его особа, – вы всегда хотите быть правы. Кстати, вы сколько лет изволили быть в чине?

– Семь лет, ваше высокопревосходительство, – трепетными губами ответит начальник.

– Да–с, – задумчиво скажет его высокопревосходительство, – так что при отставке можно в тайные. Да–с...

Его высокопревосходительство помолчит, пожует губами, вздохнет, и скажет:

– Я просил вас пожаловать собственно вот по какому делу...

Так мечтает горестно начальник, сидя в карете, и сердце его сжимается тоскливо.

В ПЛЕНУ

Пака сидел в высокой беседке у забора своей дачи и смотрел в поле. Случилось, что он остался один. А случалось это не часто. У Паки была гувернантка, был студент, который учил его кое–чему

первоначальному; да и Пакина мама, хотя и не пребывала в его детской неотлучно, – у нее же ведь было так много этих несносных светских обязанностей, отношений, – но все же она очень заботилась о Паке, – чтобы Пака был весел, мил, любезен, не подходил к опасностям и к чужим нехорошим мальчикам, и знался только с детьми семей из их круга. И потому Пака почти постоянно был под надзором. Уже он и привык к этому, и не делал попыток освободиться. Да он же еще был так мал: ему шел только восьмой год.

Иногда утром или днем, когда мама еще спала, или уже не было ее дома, гувернантка и студент находили вдруг какие-то неотложные темы для разговора наедине. Вот в такие-то минуты Пака и оставался один. Он был такой тихий и послушный, что совсем не опасно было оставлять его одного: он же никуда не уйдет, и уже наверное ничего недолжного не сделает. Сядет, и займется чем-нибудь. Очень удобный мальчик.

Пака, не развлекаемый своими наставниками, стал задумываться и сравнивать. Бес сравнения – бес очень мелкий, но один из самых опасных. Он не вяжется к сильным, – там ему не будет поживы, – а маленьких он любит соблазнять. И соблазны его для маленьких и слабых неотразимы.

Сегодня, в знойный летний день, Пака почувствовал новую для него досаду. Новые желания томили его. И так как он знал, что желания его неисполнимы, то чувствовал себя несчастным и обиженным.

Ему хотелось уйти из этого чинного дома, в широкое вольное поле, и там играть с ребятами. Быть на реке, войти в воду.

Вон там, внизу, у речки, мальчики какие-то, ловят рыбу, кричат что-то радостное. Право, им живется лучше, чем Паке. И почему доля его столь отлична от доли этих вольных и веселых детей? Неужели милая мама хочет, чтобы он здесь тосковал и печалился? Не может этого быть.

Горячее солнце обдавало его зноем и туманило мысли. Странные мечты роились в Пакиной голове.

Милая мама далеко, далеко, в иной стране. Пака – в плену. Он принц, лишенный наследства. Злой волшебник отнял его корону, воцарился в его королевстве, а Паку заточил под надзор чародейки. И злая фея приняла образ его милой мамочки.

Странно, как Пака раньше не догадался, и не понял, что это не мама, а злая фея. Разве такая была его милая мама прежде, в счастливые годы, когда жили они в замке гордых предков? Далекое, далеко.

Грустные Пакины глаза тоскливо смотрели на дорогу.

Мимо проходили мальчики. Их было трое. Те самые, что были сейчас на речке. Один был в белой блузке, другие два в синих матросках и в коротких панталонах. За плечами у них виднелись теперь луки и колчаны со стрелами.

Счастливые мальчики! – подумал Пака. – Сильные, смелые. Ноги у них босые, загорелые. Должно быть, они простые мальчики. Но все-таки счастливые. Уж лучше быть простым мальчиком на воле, чем принцем в плену.

Но вот Пака увидел у старшего на фуражке гимназический значок и удивился.

Мальчики проходили близко. Пака робко сказал им:

– Здравствуйте.

Мальчики подняли на него глаза и засмеялись чему-то. Старший

из них, тот, который был со значком и в белой блузке, сказал:

– Здравствуй, комар; как поживаешь?

Пака улыбнулся легонечко и сказал:

– Я не комар.

– А кто же ты? – спросил гимназист.

– Я – пленный принц, – доверчиво признался Пака.

Мальчуганы с удивлением уставились на Паку.

– Зачем вы так вооружены? – спросил Пака.

– Мы – вольные охотники, – с гордостью сказал второй из мальчиков.

– Краснокожие? – спросил Пака.

– А ты откуда это узнал? – с удивлением спросил самый маленький из босых мальчуганов.

Пака улыбался.

– Да уж так, – сказал он. – У вас и отец – краснокожий?

– Нет, у нас отец – капитан, – ответил старший.

– Плохие же вы краснокожие. А как вас зовут? – продолжал спрашивать Пака с любезностью благовоспитанного мальчика, привыкшего поддержать разговор.

– Я – Левка, – сказал гимназист, – а это – мои братья: Антошка и Лешка.

– А я – Пака, – сказал маленький пленник, и протянул братьям вниз руку, маленькую и беленькую.

Они пожали его руку и опять засмеялись.

Левка, мальчик лет двенадцати, рыжеватый, коротко остриженный, с веселыми и добрыми глазами и мягкими губами. Лицо кое-где в веснушках. Нос широковатый, и слегка вздернутый. Милый малый. Антошка, лет десяти, и Лешка, лет девяти, повторяли старшего брата довольно близко, только были еще понежнее и подбрее на вид. Антошка, улыбаясь, легонечко шурился, и смотрел очень внимательно на собеседника. У Лешки глаза были широко открытые, с привычным выражением удивления и любопытства. Все они старались казаться молодцами, и для того летом постоянно ходили босые, устроили в лесу нору, и там варили и пекли себе пищу.

Пака вздохнул легонечко и тихонько сказал:

– Счастливые вы. Ходите на свободе. А я-то сижу в плену.

– Как же ты в плен попал? – спросил Лешка, любопытными и широкими глазами глядя на Паку.

– Да уж и сам не знаю, – отвечал Пака. – Мы раньше с мамочкой жили в замке. Было очень весело. Но злая фея. одна наша дальняя родственница, рассердилась на мамочку, за то, что мамочка не пригласила ее на мои крестины, – и вот однажды ночью унесла меня на ковре-самолете, когда я спал, потом сама обернулась мамочкой. Но она не мамочка. А я в плену.

– Ишь ты, какая злая ведьма, – сказал Антошка. – Она тебя бьет?

Пака покраснел.

– О, нет, – сказал он, – как можно! И она не ведьма, а злая фея. Но только она очень воспитанная фея и никогда не забывается. Нет, меня не бьют, – как можно! – повторил Пака, вздрагивая худенькими плечиками при мысли о том, что его могли бы побить. – Но только меня стерегут, – mademoiselle и студент.

– Аргусы? – спросил Левка.

– Да, аргусы, – повторил Пака. – Два аргуса, – повторил он еще раз, улыбаясь, потому что ему понравилось это слово, и он мог теперь объединить им и mademoiselle и студента.

– И не пускают никогда в поле? – спросил Лешка, и с горестным сочувствием смотрел на Паку.

– Нет, одного не пускают, – сказал Пака.

– А ты бы сам вырвался бы, да и махни-драла, – посоветовал Антошка.

– Нет, – сказал Пака, – нельзя мне махни-драла: – аргусы сейчас увидят и воротят.

– Плохо твое дело, – молвил Левка. – Да мы тебя освободим.

– О! – с недоверием и восторгом воскликнул Пака, складывая молитвенно руки.

– Ей-Богу освободим, – повторил Антошка.

– А пока прощай, нам некогда, – сказал Левка.

И мальчики простились с Пакой и ушли, – побежали, быстро-быстро по узкой дорожке, скрылись за кустами. Пака смотрел за ними, и неясные надежды волновали его и мечты о далекой мамочке, которая ищет Паку и не может найти и плачет неутешно, потому что нет с ней милого Пакочки.

Братья, уходя, говорили о Паке.

– Посмотрел бы на эту злую фею, – сказал Лешка, – какая она такая.

– Фея! Просто ведьма, – поправил Антошка.

– Конечно ведьма, – подтвердил и Левка.

– Как же это его освободить? – спросил Лешка.

Маленькому любопытному Лешке весь мир представлялся с вопросительной стороны. Он обо всем любопытствовал, ко всем приставал с вопросами и всякому ответу простодушно верил. Антошка любил фантазировать и строить более или менее смелые проекты. А Левка, как старший, одобрял или отвергал эти предположения, и братья беспрекословно подчинялись его словам.

Антошка сказал:

– Против ведьмы слово надо знать.

– А какое слово? – быстро спросил Лешка.

Мальчики призадумались и несколько минут шагали молча. Вдруг Антошка крикнул:

– А я знаю.

– Ну? – спросил Левка и недоверчиво глянул на Антошку.

Антошка, слегка смущаясь под уставленными на него взорами обоих братьев, сказал:

– Я думаю, что мужики это слово знают. У них в деревнях много колдунов. И они все, деревенские мужики и бабы, друг на друга часто сердятся, портят один другого, а чтобы их самых порча не брала, так они очень часто такие слова непонятные говорят, – про мать вспоминают и такое слово произносят.

Левка подумал немного и сказал:

– Пожалуй, что и так. Это у них крылатые слова.

На другое утро три мальчика, возясь у речки, все посматривали на забор Пакиной дачи. Когда белокурая Пакина голова оказалась из-за забора, и видно было, что мальчик опять один на своей вышке, – мальчуганы забрали удочки и побежали вверх по дорожке.

– Здравствуй пленник, – сказал Лешка.

– Пленный принц, – поправил Антошка.

– Принц Пака, маленький зевака, – сказал Левка.

Пака, сдержанно улыбаясь, пожимал их руки.

– Отчего же вы, краснокожие охотники, не наденете мокасинов? – спросил он.

Мальчики засмеялись. Антошка сказал:

– А эти скороходы чем не хороши? Из собственной кожи. У нас на даче такое правило есть, чтобы диваны сапогами не пачкать, – так вот мы сапог и не надеваем.

– А мне бы не пройти босиком по песку, – сказал Пака.

– Где тебе! – молвил Левка. – У тебя скорлупа тоньше папиросной бумаги. Да мы к тебе по делу зашли. Мы хотим тебя освободить от злой феи. Понимаешь, разворожить. Ты скажи, когда это удобнее сделать.

Пака недоверчиво улыбнулся. Вчера, после первой радости надежд, когда вернулись к нему mademoiselle и студент, и потом мама – злая фея, и весь домашний обиход надвинулся с его несокрушимым порядком, замок злой феи показался маленькому пленнику Паке таким прочным, таким незыблемым, что маленькое сердце его тоскливо сжалось, и милая, радостная надежда побледнела и тихо растаяла, как туман над ободнявшей долиной. И он сказал братьям:

– Да вы не умеете.

– Нет умеем, – горячо ответил Лешка.

И Левка рассказал:

– Мы такие слова выучили. Нарочно в деревню сходили, самого старого колдуна отыскали, заплатили ему за науку и твердо выучили все слова, какие надо говорить.

– А какие это слова? – спросил Пака.

Левка свистнул. Антошка сказал:

– Тебе еще нельзя таких слов знать.

– Ты еще мал для этого, – сказал Лешка.

Левка сказал Паке:

– Ты нам расскажи, когда твоя ведьма будет дома, – ну, понимаешь, эта фея, у которой ты в плену, – поправился он, заметив недовольную, при слове ведьма, гримаску на Пакином лице. – Мы подойдем под окно, – продолжал Левка, – и скажем крылатые слова, – и сейчас все колдовство пропадет, и ты освободишься.

– И мама вернется? – спросил Пака.

– Ну, уж там видно будет, – ответил Левка. – Конечно, если все ее колдовство пропадет, то, значит, ты опять будешь там, где она тебя взяла.

Пака помолчал и сказал:

– Мы обедаем в семь часов.

И ему стало вдруг жутко, – и страшно и радостно.

– Так в семь часов приходиться? – спросил Лешка.

– Нет, – сказал Пака, лукаво и застенчиво улыбаясь, – лучше попозже, часов в восемь, вообще после сладкого, а то у мамы, может быть, обед уже съеден будет, так я без сладкого останусь.

Босые мальчуганы засмеялись.

– Эх ты, принц Пашка-лизашка, – сказал Антошка, – сладенькое любишь.

– Люблю, – признался Пака.

Мальчики распростились и ушли.

У себя дома, – не на даче дома, а в их собственном помещении, в лесу, в овраге, в норе под корнями сваленного бурею дерева, – дома они совещались, как исполнить замышленное предприятие. Откладывать не было никакого смысла, – решили сделать это сегодня же.

Антошка придумал, что для большей крепости надо слова не только сказать, но и написать на стрелах и пустить эти стрелы в окна ведьминой дачи.

– Стрелы надо черные сделать, – сказал Антошка.

– Само собою, – согласился Левка.

– Писать своею кровью, – предложил Антошка.

Левка и это одобрил.

– Ну, понятно, – сказал он. – Не чернилами же такие слова писать.

Пака очень волновался. Вся его судьба переменится в этот день. Он вернется к мамочке. Какая мамочка? Злая фея приняла вид мамочки. Значит, мамочка такая же. Только добрая, добрая, все будет играть со своим мальчиком, а когда мальчик захочет к речке, то будет пускать его к другим веселым, загорелым мальчуганам.

Но только Пака должен был сознаться, что злая фея, хотя и злая, все же была с ним всегда любезна. Держала в плену, но, видно, помнила, что он принц. Даже иногда целовала и ласкала его. Должно быть, привыкла к нему. Когда Пака освободился от нее, злая фея очень рассердится. Или опечалится? Может быть, будет скучать о Паке? Плакать?

Паке стало тоскливо. Нельзя ли устроить дело миром? – чтобы злая фея помирилась с мамочкой, отказалась бы от своего колдовства, – и тогда она могла бы даже вместе с ними жить. Надо поговорить со злою феею, предупредить ее, – может быть, она и сама раскается.

И когда студент, кончив с ним задачку, позвал его в сад, Пака заявил, что ему надо идти к маме. И отправился, – к злой фее.

Злая фея была одна. Она ждала гостей к обеду, лежала у себя на кушетке и читала книжку в желтой обложке. Она была молодая, красивая. Темные волосы, томные движения. Жгучий взор черных глаз. Полные полуоткрытые, очень красивые руки. Одета всегда к лицу.

– А, маленький, – сказала она, нехотно отрываясь от книжки. – Что тебе?

Пака поцеловал ее руку, посмотрел на нее нерешительно и молвил:

– Мне надо с вами поговорить.

Злая фея засмеялась.

– Поговорить с нами? – переспросила она. – С кем это с нами?

Пака покраснел.

– Ну, с тобою. Мне очень надо.

Смеясь, щуря блестящие глаза и закрывая смеющийся рот книжкой, злая фея сказала:

– Садись и поговори, маленький. А что ты сейчас делал?

– Мы с ним решали задачу, – ответил Пака.

– А, с ним!

Злая фея хотела сказать, что так невежливо, что надо назвать студента по имени, – но ей уже стало скучно, и она сказала:

– Ну, Пака, говори, что тебе надо.

Пака сильно покраснел и, нервно поламывая пальцы, сказал:

– Я все знаю.

Злая фея весело и неудержимо-звонко засмеялась.

– О, неужели! – воскликнула она. – Уже так рано, и все знать. Ты, Пака, феномен, если это правда.

– Нет, мама, – кротко возразил Пака, – я не феномен, я только принц, взятый вами в плен.

– О! – воскликнула злая фея, перестала смеяться, и с удивлением смотрела на Паку. – У нас фантазии! – с удивлением сказала она.

Пака так же кротко продолжал:

– Я еще знаю, милая фея, что вы не мама, а злая фея. Вы очень любезная особа, но, пожалуйста, не сердитесь, я все таки знаю, что вы злая фея.

– Боже мой! – воскликнула злая фея, – от кого ты наслушался таких чудесных сказок? Поди сюда поближе, маленький.

Пака опасливо приблизился, и злая фея пощупала его голову, руки.

– Ты не болен? – спросила она.

– Нет, милая фея, – ласково сказал Пака, целуя маленькие белые и нежные руки злой феи, – но, пожалуйста, отпустите меня на волю.

– На волю? – переспросила фея.

– Да, – продолжал Пака, – я хочу махни-драла к речке.

– О! махни-драла! – в ужасе повторила фея. – Ради Бога, Пака, разве можно такие слова говорить.

Но Пака, не слушая, продолжал:

– С мальчиками поиграть. Там есть славные мальчуганы. Но только, пожалуйста, без аргусов.

– Без аргусов? – переспросила злая фея, и опять засмеялась.

– О, маленький фантазер! Нам дали слишком много волшебных сказок, маленький Пака, и у нас в голове все перемешалось. Но аргусы, – это, правда, мне нравится. Позови ко мне своих аргусов, – это надо как-нибудь успокоить.

Пака вышел.

«Хитрая! – думал он, – не сердится, но видно, что не отпустит на волю. Много сказок дали читать! А сама зачем постоянно читает такие длинные сказки на французском языке в этих желтых книжках. Видно, и в сказках не все сказка, а есть и правда, если и взрослые любят читать сказки».

И вот уже был вечер, и начинало темнеть. Были зажжены веселые лампы, обед приближался к концу, к самому интересному месту, – подавали сладкое, – воздушный пирог с земляникою и сливками. Были гости, мужчины и дамы, человек десять, но все были или родственники, – Пакин дядя с дочерьми, еще другие кузины, – или собирающиеся породниться, близкие и хорошие знакомые: стол был накрыт по семейному, и Пака сидел тут же, на конце стола, против злой феи, между своими аргусами. Злая фея рассказала гостям про Паочкины фантазии, и над Пакой и аргусами подшучивали. Пака улыбался: он знал, что он прав, и он любил этот воздушный пирог. А вот аргусам было очень неловко, и хотя они улыбались и даже иногда отшучивались, но у *mademoiselle* уши горели, а в голосе студента иногда звучали досадливые нотки. Перед обедом злая фея поговорила с ними очень мило и весело о их недосмотре: Пакины фантазии, ужасное выражение махни-драла, – откуда это, удивлялась злая фея. Она была очень любезна, но как-то так вышло, что аргусы вышли от нее с ощущением жесточайшего нагоняя.

И вот, едва Пака успел кончить свое сладкое, в открытое окно столовой с легким шелестом и свистом влетела и упала на белую скатерть черная деревянная стрела, со слабо краснеющею на ней надписью. И вот то же время за окном детский голос выкрикнул площадную брань.

– «Началось!» – подумал Пака.

Он вскочил, дрожа всем телом, и с жадным не терпением смотрел на злую фею. А злая фея, как и другие дамы и девицы, была испугана неожиданностью. Раздались восклицания обедающих, но

прежде чем кто-нибудь догадался подойти к окну, влетела вторая стрела, вонзилась в букет цветов на столе, и послышался другой детский голос, выкрикнувший гадость. Третья стрела вонзилась в мундир студента, третий голос звонко выкрикнул безобразные слова, и потом в саду послышался смех, топот удаляющихся шагов, крики прислуги, – кто-то убежал, кого-то догоняли. И все это взяло времени меньше минуты. Когда мужчины, наконец, бросились к окнам, то в легком полусвете вечерней зари уже за оградой сада увидели они проворно убегающих трех мальчишек.

– Не догнать, – сказал Пакин дядя. – Вот вам наглядное объяснение выражения махни-драла.

И все смотрели на Паку. А он стоял, смотрел вокруг, и дивился, – все осталось на месте. Обманули его глупые мальчишки, не сумели освободить его из плена.

– Говорил я им, что не сумеют, – горестно воскликнул Пака и залился горькими слезами.

Расспрашивали. Волновались. Смеялись. Было шумно. Не то весело, не то досадно. Злая фея восклицала:

– Как это кстати, что мы на-днях уедем. Какие невозможные мальчишки!

– Но их накажут! – успокаивал ее Пакин дядя.

– О, какое мне дело! – говорила злая фея и притворялась, что плачет. – Пака такой впечатлительный. Боже мой, два аргуса не досмотрели.

Плакала и смеялась. Смеялись и утешали. Паку увели. Пака плакал. Аргусы ворчали.

Да, в Пакиной жизни бывали тяжелые минуты. Это был тяжелый, противный вечер. Хорошо, что была потом ночь и можно было заснуть.

На утро босым мальчуганам пришлось объясняться с отцом. Капитан хмуро смотрел на своих сыновей. Они стояли рядышком, плакали и каялись. Левка рассказывал:

– Мы ему поверили, что он – пленный принц, и захотели его освободить от злой феи. Мы думали, что для этого надо сказать волшебные слова.

– Какие слова? – хмуро спросил капитан.

Он хмурился усиленно, чтобы не засмеяться.

– Крылатые слова, – сказал Левка, плаксиво растягивая окончания слов.

– Какие крылатые? – опять спросил капитан. – Ведь вы их знаете?

Левка молча кивнул головой.

– Ну, скажите, какие же это слова, – приказал капитан.

Мальчики повторили. Капитан гневливо покраснел.

– Вырастил дураков, – сердито проворчал он. – Не смей вперед говорить этого! Это – гадость, – крикнул он на сыновей. – Откуда вы научились?

Левка рассказывал, рыдая:

– Мы думали, что мужики знают всякие крылатые слова, какие нужно. Мы и пошли в деревню. К самому старому пришли. Он пил водку и произносил слова. Мы дали ему сорок копеек, больше не было. Он нас и научил этим словам. Мы просили еще. А он сказал: – «За сорок копеек многому не научишься. И то, говорит, против таких слов ни одна ведьма не устоит».

– Молодцы-ребята, – сказал капитан. – И с такими то словами вы под чужие окна пошли? Ах вы, негодяи! Что мне с вами делать?

Мальчуганы узнали, что Паку сегодня утром увезут. Злая фея едет за границу и везет с собою Паку с его аргусами. Мальчики вышли на полотно железной дороги, там, где она подходит к их оврагу, и ждали. И вот от станции показался быстро приближающийся поезд.

Пака смотрел в окно затуманенными глазами. Везут... И аргусы опять с ним, и злая фея, – любезная, но все не мама, а злая фея, – и тот же все плен. Нерасторжимый плен.

И вдруг Пака увидел трех босых мальчуганов. Безумная, отчаянная надежда мелькнула в его душе. Может быть, они узнали новые слова? Настоящие? И вдруг совершится радостное чудо?

И Пака в восторге высунулся из окна и замахал платком.

И мальчуганы радостно побежали по откосу пути, ближе к поезду. Пакин вагон подходил быстро. Лицо злой феи показалось над Пакиным лицом, равнодушно-любезное лицо красивой дамы, – и вдруг исказилось выражением жестокой тревоги.

И в радостном ожидании, один за другим, прокричали еще новые, только-что разученные ими крылатые слова и замахали шапками.

– Опять эти ужасные мальчики! – воскликнула злая фея. – Пака, не смотри пока, маленький, в окно.

Но уже все равно, поезд промчался мимо мальчуганов, и они опять остались бессильные, разочарованные в их страстном ожидании радостного события.

– Увезла! Проклятая ведьма! – горестно крикнул Антошка. Мальчуганы повалились в траву и горько плакали.

И в быстро улетающем вагоне Пака плакал, злая фея смеялась, аргусы старались развлечь Паку чем-нибудь.

Бессильные, бедные слова! Нерасторжимый плен! Горькие детские слезы!

Глупые, бедные, – о, если бы они знали! Фея, похищающая на ковре-самолете спящих детей, как прочно, нерушимо ее владычество! И никому не дано сорвать с нее личины. И аргусы ничего не видят, но не выпустят из ограды. И не уйти из плена. И вольные охотники напрасно ищут мудрых и знающих.

Все на месте, все сковано, звено к звену, навек зачаровано, в плену, в плену...

МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК

I

Якову Алексеевичу Саранину немного только не доставала до среднего роста; жена его, Аглая Никифоровна, из купчих, была высока и объемиста.

Уже и теперь, на первом году после свадьбы, двадцатилетняя женщина была дородна так, что рядом с маленьким и тощим мужем казалась неполиншей.

«А что, еще раздобреет?» – думал Яков Алексеевич.

Думал, хотя женился по любви, – к ней и к ее приданому.

Разница в росте обоих супругов нередко вызвала насмешливые замечания знакомых. Эти легкомысленные шутки отравляли спокойст-

вие Саранина и смешили Аглаю Никифоровну.

Однажды, после вечера у сослуживцев, где пришлось услышать не мало колкостей, Саранин вернулся домой совсем расстроенный.

Лежа в постели рядом с Аглаей, он ворчал и придирался к жене.

Аглая лениво и нехотя возражала сонным голосом:

– Что же мне делать? Я не виновата.

Она была покойного и мирного нрава.

Саранин ворчал:

– Не обжирайся мясом, не трескай так много мучного; целый день конфеты лопаешь.

– Не могу же я ничего не кушать, коли у меня хороший аппетит, – сказала Аглая. – Когда я была в барышнях, у меня еще лучше был аппетит.

– Воображаю! Что ж, ты по быку сразу съедала?

– Быка сразу съесть невозможно, – спокойно возразила Аглая.

Скоро она заснула. А Саранин заснуть не мог в эту странную осеннюю ночь.

Долго он ворочался с боку на бок.

Когда русскому человеку не спиться, он раздумывает.

И Саранин предался этому занятию, столь мало свойственному ему в другое время. Он же был чиновник, – много думать ему было не о чем и не к чему.

«Должны же быть какие-нибудь средства, – размышлял Саранин. – Наука с каждым днем совершает такие удивительные открытия; в Америке делают людям носы какой угодно формы, наращивают на лицо новую кожу. Операции какие делают, – черепа продырявливают, кишки, сердце режут и опять зашивают. Неужели же нет средства или мне вырасти, или Аглае телес посбавить. Какое-нибудь секретное бы средство. Да как его найти?».

«Как? Да вот если лежать, то не найдешь. Под лежачий камень и вода не бежит. А поискать? Секретное средство! Может быть, он, изобретатель, просто ходит по улицам да ищет покупателя. Ведь как же иначе? Не может же он опубликовать в газетах. Цензура не пропустит такого объявления. А по улицам, вразнос, из-под полы, продать что угодно, – это очень возможно. Ходить и предлагать по секрету. Кому нужно секретное средство, тот не станет валяться в постели».

Так поразмыслив, Саранин стал проворно одеваться, мурдыкая себе под нос: «В девенадцать часов по ночам...»

Он не боялся разбудить жену. Знал, что Аглая спит крепко. – По-купечески, – говорил он вслух; «по-мужицки», – думал про себя. Он оделся и вышел на улицу.

Спать ему совсем не хотелось.

На душе было легко, и настроение было такое, как у привычного искателя приключений перед новым и интересным событием.

Мирный чиновник, проживший тихо и безцветно треть века, ощутил вдруг в себе душу предприимчивого и свободного охотника диких пустынь, – героя Купера или Майн Рида.

Но пройдя несколько шагов привычной дорогой, – к департаменту, – он остановился, призадумался. Куда же, однако, идти? Все было тихо и спокойно, так спокойно, что улица казалась коридором громадного здания, обычным, безопасным, замкнутым от всего внешнего и внезапного. У ворот дремал дворник. На перекрестке виднелся городской. Фонари горели. Плиты тротуара и камни мосто-

вой слабо мерцали сыростью недавно прошедшего дождя.

Саранин подумал и в тихом недоумении пошел прямо вперед, повернул направо.

II

На перекрестке двух улиц при свете фонарей он увидел какую-то фигуру, и сердце его сжалось радостным предчувствием.

То была странная, словно из средних веков, фигура.

Халат ярких цветов, с широким поясом. Высокая шапка, остроконечная, с черными узорами. Шафраном окрашенная борода, длинная и узкая. Белые, блестящие зубы. Черные, жгучие глаза. Ноги в туфлях.

«Армянин!» – подумал почему-то Саранин.

Армянин подошел к нему и сказал:

– Душа моя, чего ты ищешь по ночам? Шел бы спать или к красавицам... хочешь провожу?

– Нет, мне и моей красавицы слишком довольно, – сказал Саранин, и доверчиво поведал армянину свое горе.

Армянин оскалил зубы и заржал.

– Жена большая, муж маленький, – целовать, лестницу став. Вай, нехорошо!

– Что уж тут хорошего.

– Иди за мной, помогу хорошему человеку.

Долго шли они по тихим коридоро-образным улицам – Армянин впереди, Саранин сзади.

От фонаря до фонаря странное превращение совершалось с фигурой армянина. В темноте он выросал, и, чем дальше отходил от фонаря, тем громаднее становился...

Иногда казалось, что острый верх его шапки поднимался выше домов, в облачное небо.

Потом, подходя к свету, он становился меньше, и у фонаря опять принимал прежние размеры, и казался простым и обыкновенным халатником-торгашем.

И, странное дело, Саранина не удивляло это явление. Он был настроен так доверчиво, что и самые яркие чудеса арабских сказок показались бы ему привычными, как и скучные переживания серенькой обычности.

У ворот одного дома, самой ординарной постройки, пяти-этажного и желтого, они остановились.

Фонарь у ворот ясно вырисовывал свои тихие знаки. Саранин заметил номер 41.

Вошли во двор.

На лестницу заднего флигеля. Лестница была полутемная. Но на дверь, перед которой остановился армянин, падал свет тусклой лампочки, – и Саранин различил цифры:

– 43.

Армянин сунул руку в карман, вытащил оттуда маленький колокольчик, такой, каким звонят, призывая прислугу, на дачах, – и позвонил.

Чисто, серебристо звякнул колокольчик. Дверь тотчас же открылась. За дверью стоял босой мальчишка, красивый, смуглый, с очень яркими губами.

Белые зубы его блестели, потому что улыбался, не то радостно, не то насмешливо. И казалось, что он всегда улыбался.

Зеленоватым блеском горели глаза смазливого мальчика, и весь он был гибкий, как кошка, и зыбкий, как призрак тихого кошмара.

Он смотрел на Саранина и улыбался. И Саранину стало жутко.

Вошли.

Мальчик закрыл дверь, изогнувшись гибко и ловко, и пошел перед ними по коридору, неся в руке фонарь.

Открыл дверь, – и опять зыбкое движение и смех.

Странная, темная, узкая комната, уставленная по стенам шкафами с какими-то пузырьками, баночками, бутылочками. Пахло странно раздражающим запахом.

Армянин зажег лампы, открыл шкаф, порылся там и достал пузырек с зеленоватой жидкостью.

– Хорошие капли, – сказал он, – одну каплю на стакан воды дашь, – заснет тихонько, и не проснется.

– Нет, мне это не надо, – досадливо сказал Саранин, – разве я за этим пришел?

– Душа моя, – убеждающим голосом сказал армянин, – другую жену возьмешь, себе по росту, – самое простое дело.

– Не надо, – закричал Саранин.

– Ну, не кричи, – остановил армянин. – Зачем сердиться, душа моя, себя даром расстраиваешь? Не надо, и не бери. Я тебе других дам. Но те дорогие, вай-вай, дорогие.

Армянин, присев на корточки, отчего его длинная фигура казалась смешной, достал четырехугольную бутылку. В ней блестела прозрачная жидкость. Армянин сказал тихо, с таинственным видом:

– Капля выпьешь – фунт убудет; сорок капель выпьешь – пуд веса убудет. Капля – фунт. Капля – руб. Считай капли, давай рубли.

Саранин зажегся радостью.

«Сколько же надо? – подумал Саранин. – В ней пудов пять навырняка будет. Сбавить три пуда, останется малюсенькая женка. Это будет хорошо».

– Давай сто двадцать капель.

Армянин покачал головой.

– Много хочешь, худо будет.

Саранин вспыхнул.

– Ну, это уж мое дело.

Армянин посмотрел на него пытливо.

– Считай деньги.

Саранин вынул бумажник.

«Весь сегодняшний выигрыш, да своих прибавить надо», – подумал он.

Армянин тем временем достал граненый флакончик и стал капать.

Внезапное сомнение зажглось в душе Саранина.

120 р. деньги не малые.

«А вдруг обманет?»

– А верно ли они действуют? – спросил он робко.

– Товар лицом продаем, – сказал хозяин. – Сейчас покажу действие. Гаспар! – крикнул он.

Вошел тот же босой мальчик. На нем была красная куртка и короткие синие панталоны.

Смуглые ноги были открыты выше колен.

Они были стройные, красивые и двигались ловко и быстро.

Армянин махнул рукой.

Гаспар проворно сбросил одежду и подошел к столу.

Свечи тускло озаряли его желтое тело.

Оно было стройное, сильное и красивое, и мальчик улыбался послушной и порочной улыбкой.

Черные глаза, и синева под ними.

Армянин говорил:

– Чистые капли пить, – сразу действовать будут, размешать в воде или вине, – медленно, на глаз не заметишь. Плохо смешаешь, – скачками пойдет, некрасиво.

Армянин взял узкий стакан с делениями, налил жидкости и дал Гаспару.

Гаспар взял стакан и с ужимкой избалованного ребенка, которому дали сладкое, выпил жидкость до дна и, запрокинув голову назад, вылизал последние сладкие капли длинным и острым языком, похожим на змеиное жало. И тотчас же, на глазах у Саранина, он начал уменьшаться.

Он стоял прямо, смотрел на Саранина, смеялся и изменялся, как купленная на вербе кукла, которая спадает, когда из ней выпускают воздух.

Армянин взял его за локоть и поставил на стол.

Мальчик был величиной со свечку.

Он плясал и кривлялся.

– Как же он теперь будет? – спросил Саранин.

– Душа моя, мы его вырастим, – ответил армянин.

Армянин открыл шкаф и с верхней полки достал другой сосуд столь же странной формы. Жидкость в нем была зеленая. В маленький сосуд, величиной с наперсток, налил армянин немного жидкости и отдал ее Гаспару.

Опять Гаспар выпил, как первый раз.

С неуклонной медленностью, подобно тому, как прибывает вода в ванне, голый мальчик становился больше и больше.

И, наконец, он вернулся к прежним размерам.

Армянин сказал:

– Пей с вином, с водой, с молоком, с чем хочешь, пей, только с русским квасом не пей, сильно линять станешь.

III

Прошло несколько дней.

Саранин сиял радостью и загадочно улыбался.

Ждал случая.

Дождался.

Аглая жаловалась на головную боль.

– У меня есть средство, – сказал Саранин, – отлично помогает.

– Никакие средства не помогут, – с кислой гримасой сказала

Аглая.

– Нет, это поможет. Это я от одного армянина достал.

И это Саранин сказал так уверенно, что Аглая поверила в действительность средства от армянина.

– Ну, уж ладно, дай.

Принес флакончик.

– Гадость? – спросила Аглая.

– Прелестная штука на вкус, и помогает отлично. Только немного прослабит.

Аглая сделала гримаску.

– Пей, пей!

– А в мадере можно?

– Можно.

– И ты выпей со мной мадеры, – капризно сказала Аглая.

Саранин налил два стакана мадеры и в женин стакан вылил снадобье.

– Мне что-то холодно, – тихонько и лениво сказала Аглая, – хоть бы платок.

Саранин побежал за платком. Когда он вернулся, стаканы стояли, как прежде, Аглая сидела и улыбалась.

Он закутал ее в платок.

– Мне как будто бы лучше, – сказала она, – пить ли?

– Пей, пей! – закричал Саранин. – За твое здоровье.

Он схватил свой стакан.

Выпили.

Она хохотала.

– Что? – спросил Саранин.

– Я переменяла стаканы. Тебя прослабит, а не меня.

Вздрогнул. Побледнел.

– Что ты наделала? – воскликнул он в отчаянии.

Аглая хохотала.

Смех ее казался Саранину гнусным и жестоким.

Вдруг он вспомнил, что у армянина есть восстановитель.

Побежал к армянину.

– Дорого сдерет! – опасливо думал он. – Да что деньги! Пусть все берет, лишь бы спастись от ужасного действия этого снадобья.

IV

Но злой рок обрушился, очевидно, на Саранина.

На дверях квартиры, где жил армянин, висел замок.

Саранин в отчаянии хватился за звонок. Дикая надежда одушевила его. Он звонил отчаянно.

За дверью громко, отчетливо, ясно звенел колокольчик, – с той неумолимой ясностью, как звенят колокольчики только в пустых квартирах.

Саранин побежал к дворнику.

Он был бледен, и мелкие капельки пота, совсем мелкие, как роса на холодном камне, выступали на его лице и особенно на носу.

Саранин стремительно вбежал в дворницкую и крикнул.

– Где Халатьянц?

Апатичный чернородый мужик, старший дворник, пил чай с блюдечка. Он покосился на Саранина и спросил невозмутимо:

– А что вам от него требуется?

Саранин тупо глядел на дворника и не знал, что сказать.

– Ежели у вас какие с ним дела, – говорил дворник, подозрительно глядя на Саранина, то вы, господин, лучше уходите. Потому как он армянин. Так как бы от полиции не влетело.

– Да где же проклятый армянин? – закричал с отчаянием Саранин. – Из 43 номера?

– Нет армянина, – отвечал дворник. – Был, это точно, это скрывать не стану, а только что теперь нет.

– Да где же он?

- Уехал.
- Куда? – крикнул Саранин.
- Кто его знает, – равнодушно ответил дворник. – Выправил заграничный паспорт и уехал за границу.

Саранин побледнел.

- Пойми, – сказал он дрожащим голосом, – он мне до зарезу нужен.

Саранин заплакал.

Дворник участливо посмотрел на него и сказал:

- Да вы, барин, не убивайтесь. Уж коли у вас такая нужда есть до проклятого армянина, то вы поезжайте сами за границу, сходите там в адресный стол и найдете по адресу.

Саранин не сообразил нелепости того, что говорил дворник, и обрадовался.

Сейчас же побежал он домой, влетел ураганом в домовую контору и потребовал от старшего дворника, чтобы тот немедленно выправил ему заграничный паспорт. Но вдруг вспомнил:

- Да куда же ехать?

V

Проклятое снадобье делало свое злое дело с роковой медленностью, но неуклонно.

Саранин с каждым днем становился меньше и меньше.

Платье на нем сидело мешком.

Знакомые удивлялись.

Говорили:

- Что вы поменьше как будто?
- Каблуки перестали носить?
- Да и похудели!
- Много занимаетесь?
- Охота себя изводить!

Наконец, при встречах с ним стали ахать:

- Да что это с вами?

За глаза знакомые начали насмехаться над Сараниным:

- Вниз растет.
- Стремится к минимуму.

Жена заметила несколько позже.

Все на глазах, постепенно мельчал и было ни к чему.

Заметила по мешковатому виду одежды.

Аглая сначала хохотала над странным уменьшением роста своего мужа. Потом стала сердиться.

- Это даже странно и неприлично, – говорила она, – неужели я вышла б замуж за такого лилипута.

Скоро пришлось порешивать всю одежду, – все старое валилось с Саранина, брюки доходили до ушей, а цилиндр падал на плечи.

Старший дворник как-то зашел на кухню.

- Что же это у вас? – строго спросил он кухарку.
- Нешто это мое дело, – запальчиво закричала было толстая и красная Матрена, но тотчас спохватилась и сказала:

- У нас, кажется, ничего такого нет. Все как обыкновенно.
- А вот барин у вас поступки начал обнаруживать, так это разве можно? По настоящему, его бы надо в участок представить, – очень строго говорил дворник, и цепочка на его брюхе качалась сердито.

Матрена внезапно села на сундук и заплакала.

– Уж и не говорите, Сидор Павлович, – заговорила она, просто мы с барыней диву дались. И что это с ним, ума не приложим.

– По какой причине? И на каком основании? – сердито восклицал дворник. – Так разве можно!

– Только то и утешно, – всхлипывая, говорила кухарка, – корму меньше берет.

Дальше – меньше.

И прислуга, и портные, и все, с кем приходилось сталкиваться Саранину, начали относиться к нему с нескрываемым презрением. Бежит, бывало, на службу, маленький, еле тащит обеими руками громадный портфелище, – и слышит за собой злорадный смех швейцара, дворника, извозчиков, мальчишек.

– Баринок, – говорил старший дворник.

Много испытал Саранин горького. Потерял обручальное кольцо. Жена сделала ему сцену. Написала родителям в Москву.

«Проклятый армянин!» – думал Саранин.

Вспоминалось часто:

Армянин, отсчитывая капли, перелил.

– Ух! – крикнул Саранин.

– Ничего, душа моя, это моя ошибка, я за это ничего не возьму.

Сходил Саранин и к врачу. Тот осмотрел его с игривыми замечаниями. Нашел, что все в порядке.

Придет, бывало, Саранин к кому-нибудь, – швейцар не сразу впустит.

– Вы кто же такой будете?

Саранин скажет.

– Не знаю, – говорит швейцар, – наши господа таких не принимают.

VI

На службе, в департаменте, сначала косились, смеялись. Особенно молодежь. Традиции сослуживцев Акакия Акакиевича Башмачкина живучи.

Потом стали ворчать. Выговаривать.

Швейцар уже стал снимать с него пальто с видимой неохотой.

– Тоже чиновник пошел, – ворчал он, – мелюзга. Что с такого получишь в праздник?

И для поддержания престижа Саранина приходилось давать на чай чаще и больше прежнего. Но это мало помогало. Швейцары брали деньги. Но на Саранина смотрели подозрительно.

Саранин проговорился кое-кому из товарищей, что это армянин нагадил. Слух об армянской интриге быстро разошелся по департаменту. Дошел и до иных департаментов...

Директор департамента однажды встретил в коридоре маленького чиновника. Осмотрел удивленно. Ничего не сказал. Ушел к себе.

Тогда сочли необходимым доложить. Директор спросил:

– Давно ли это?

Вице-директор замялся.

– Жаль, что вы не заметили своевременно, – кисло сказал директор, не дожидаясь ответа. – Странно, что я этого не знал. Очень жалею.

Потребовал Саранина.

Когда Саранин шел в кабинет директора, все чиновники смотрели на него с суровым осуждением.

С трепетным сердцем вошел Саранин в кабинет начальника. Слабая надежда еще не покидала его, надежда, что его превосходительство намерен дать ему весьма лестное поручение, пользуясь малостью его роста: командировать на всемирную выставку, или по какому-нибудь секретному поручению. Но при первых же звуках кислого директорски-департаментского голоса эта надежда рассеялась, как дым.

– Сядьте здесь, – сказал его превосходительство, показывая на стул.

Саранин взобрался кое-как. Директор сердито посмотрел на болтнувшиеся в воздухе ноги чиновника. Спросил:

– Господин Саранин, известны ли вам законы о службе гражданской по назначению от правительства?

– Ваше превосходительство, – залепетал Саранин, и молебно сложил ручки на груди.

– Как осмелились вы столь дерзко идти против видов правительства?

– Поверьте, ваше превосходительство...

– Зачем вы это сделали? – спросил директор.

И уже не мог ничего сказать Саранин. Заплакал. Очень стал слезлив за последнее время.

Директор посмотрел на него. Покачал головой. Заговорил очень строго:

– Господин Саранин, я пригласил вас, чтобы объявить вам, что ваше необъяснимое поведение становится совершенно нетерпимым.

– Но, ваше превосходительство, я, кажется, все исправно, – лепетал Саранин, – что же касается роста...

– Да, вот именно.

– Но это несчастье не от меня зависит.

– Не могу судить, насколько это странное и неприличное происшествие является для вас несчастьем, и насколько оно от вас не зависит, но должен вам сказать, что для вверенного мне департамента ваше удивительное умаление становится положительно скандальным: уже ходят в городе соблазнительные слухи. Не могу судить об их справедливости, но знаю, что эти слухи объясняют ваше поведение в связи с агитацией армянского сепаратизма. Согласитесь, департамент не может быть местом развития армянской интриги, направленной к умалению русской государственности. Мы не можем держать чиновников, которые ведут себя так странно.

Саранин соскочил со стула, дрожал, пищал:

– Игра природы, ваше превосходительство.

– Странно, но служба...

И опять повторил тот же вопрос:

– Зачем вы это сделали?

– Ваше превосходительство, я сам не знаю, как это произошло.

– Что за инстинкты! Пользуясь малостью вашего роста, вы можете легко укрыться под всякой дамской, с позволения сказать, юбкой. Это не может быть терпимо.

– Я никогда этого не делал, – завопил Саранин.

Но директор не слушал. Продолжал:

– Я даже слышал, что вы это делаете из сочувствия к японцам.

Но надо же знать во всем границы!

– Как же я могу это делать, ваше превосходительство?

– Не знаю-с. Но прошу прекратить. Оставить вас на службе можно, но только в провинции, и чтобы это было немедленно же

прекращено, чтобы вы вернулись к вашим обычным размерам. Для поправления вашего здоровья вам дается четырехмесячный отпуск. В департамент прошу вас более не являться. Необходимые для вас бумаги будут вам присланы на дом. Мое почтение.

- Ваше превосходительство, я могу заниматься. Зачем же отпуск.
  - Возьмете по болезни.
  - Но я здоров, ваше превосходительство.
  - Нет уж, пожалуйста.
- Саранину дали отпуск на четыре месяца.

VII

Скоро Аглаины родители приехали, Было это после обеда. Аглая за обедом долго издевалась над мужем. Ушла к себе.

Он робко прошел в свой, – такой теперь для него огромный, – вскарабкался на диван, приткнулся к уголку, заплакал. Тягостное недоумение томило его.

Почему именно на него обрушилось такое несчастье? Ужасное, неслыханное.

Какое легкомыслие!

Он всхлипывал, и шептал отчаянно:

- Зачем, зачем я это сделал?

Вдруг услышал в передней знакомые голоса. Задрожал от страха. На цыпочках прокрался к умывальнику, – не заметили бы заплаканных глаз. И умыться то было трудно, – пришлось подставлять стул.

Уже гости входили в залу. Саранин встретил их. Раскланивался и пищал что-то неразборчивое. Аглаин отец тупо смотрел на него вытаращенными глазами. Большой, толстый, с бычьей шеей и красным лицом. Аглая в него.

Постояв перед зятем, широко расставив ноги, он осмотрелся осторожно, бережно взял руку Саранина, принагнулся, и сказал, понижая голос:

- Мы к вам, зятек, приехали повидаться.

Видно было, что он намерен вести себя политично. Нашупывал почву.

Из-за его спины выдвинулась Аглаина мать, особа тощая и злобная. Она закричала визгливо:

- Где он? где? покажи мне его, Аглая, покажи мне этого Пигмалиона.

Она смотрела по верх Саранина. Нарочно не замечала. Цветы на ее шляпе странно колыхались. Она шла прямо на Саранина. Он пискнул и отскочил в сторону.

Аглая заплакала и сказала:

- Вот он, маменька.
- Я здесь, маменька, – пискнул Саранин, и шаркнул ногой.
- Злодей, да что ты с собой сделал? Зачем ты так окорнался?

Горничная фыркала.

- А ты, матушка, на господ не фыркай.

Аглая покраснела.

- Маменька, пойдемте в гостиную.
- Нет, ты скажи, злодей, на какой конец ты так малявишься?
- Ну, ты, мать, погоди, – остановил ее отец.

Она и на мужа вскинулась.

- Ведь говорила я тебе, не выдавай за безбородого. Вот, по-моему и вышло.

Отец осторожно поглядывал на Саранина, и все пытался перевести разговор на политику.

– Японцы, – говорил он, – приблизительно не высокого роста, а повидимому мозговатый народ, и даже, между прочим, оборотистый.

VIII

И стал Саранин маленький, маленький. Уже он свободно ходил под столом. И с каждым днем становился все мельче. Отпуском он еще не воспользовался вполне. Только что на службу не ходил. А ехать куда-нибудь еще не собрались.

Аглая то издевалась над ним, то плакала и говорила:

– Куда я тебя такого повезу? Стыд и срам.

Пройтись из кабинета в столовую – стало путем весьма солидных размеров. Да еще на стул взлесть...

Впрочем, усталость была сама по себе приятна. От нее аппетит являлся, и надежда вырасти. Саранин набрасывался на пищу. Пожирал ее непропорционально своим миниатюрным размерам. Но не рос. Напротив – все мельчал и мельчал. Хуже всего, что уменьшение роста иногда происходило скачками, в самое неудобное время. Словно фокусы показывал.

Аглая подумывала было выдавать его за мальчика, определить в гимназию. Отправилась в ближайшую. Но разговор с директором обезкуражил ее.

Потребовались документы. Оказалось, что план неосуществим.

С видом крайнего недоумения директор говорил Аглае:

– Мы не можем принять надворного советника.

– Как же мы с ним будем? Ему учитель велит в угол идти, а он скажет: я – кавалер святой Анны. Это очень неудобно.

Аглая сделала просящее лицо, и принялась было упрашивать.

– Нельзя ли как-нибудь устроить? Он не посмеет дерзить, – уж я об этом позабочусь.

Директор остался непреклонен.

– Нет, – говорил он упрямо, – нельзя чиновника принять в гимназию. Нигде, ни одним циркуляром не предусмотрено. И входить к начальству с таким представлением совершенно неудобно. Как еще там посмотрят. Могут выйти большие неприятности. Нет, никак нельзя. Обратитесь, если желаете, к попечителю.

Но Аглая уже не решилась ехать к начальству.

IX

Однажды к Аглае пришел молодой человек, очень гладко, до блеску, причесанный. Расшаркался весьма галантно. Отрекомендовался:

– Представитель фирмы Стригаль и К°. Первоклассный магазин в самом бойком центре столичного аристократического движения. Имеем массу заказчиков в самом лучшем и высшем обществе.

Аглая на всякий случай сделала глазки представителю знаменитой фирмы. Томным движением дебой руки указала ему на стул. Села спиной к свету. Склонила голову на бок. Приготовилась слушать.

Блистательно причесанный молодой человек продолжал:

– Мы узнали, что ваш супруг изволил предпочесть оригинально

миниатюрный рост. Поэтому фирма, идя навстречу самоновейшим веянием в области дамских и мужских мод, имеет честь предложить вам, сударыня, в видах рекламы, бесплатно шить господину костюмы по самому лучшему парижскому журналу.

– Даром? – лениво спросила Аглая.

– Не только даром, сударыня, но даже с приплатой в вашу собственно пользу, но с одним маленьким и легко выполнимым условием.

Меж тем Саранин, прослыша, что речь идет о нем, пробрался в гостиную. Расхаживал около молодого человека с блистательной прической. Покашливал, постукивал каблучками. Очень досадовал, что представитель фирмы Стригаль и К°. не обращает на него ни малейшего внимания.

Наконец он подбежал к молодому человеку. Громко пискнул:

– Разве вам не сказали, что я дома?

Представитель знаменитой фирмы встал. Галантно шаркнул. Сел. Обатился к Аглае:

– Одно только маленькое условие.

Саранин презрительно фыркнул. Аглая засмеялась. Сказала, блистая любопытными глазами:

– Ну, говорите, какое условие.

– Условие наше в том, чтобы господин изволил сидеть за окном нашего магазина в качестве живой рекламы.

Аглая злорадно захохотала.

– Отлично. Хоть бы с глаз его долой.

– Я не согласен, – пронзительным голосом запищал Саранин. – Я не могу пойти на это. Я – надворный советник и кавалер. Сидеть в окне магазина для рекламы – это мне даже смешно.

– Замолчи, – крикнула Аглая, – тебя не спрашивают.

– Как не спрашивают? – завопил Саранин. – Долго ли я буду терпеть от инородцев!

– Ну, и господин ошибается! – любезно возразил молодой человек.

– Наша фирма не имеет ничего общего с инородческими элементами. У нас служат все православные и лютеране из Риги. И у нас нет евреев.

– Я не хочу сидеть в окне! – кричал Саранин.

Топал ногами. Аглая схватила его за руку. Повлекла в спальню.

– Куда ты меня тащишь? – кричал Саранин, – я не хочу, отпусти.

– Я тебя усмирю, – крикнула Аглая.

Замкнула дверь.

– Изобью! – сказала она сквозь зубы.

Принялась колотить. Бессильно барахтался в ее могучих руках.

– Ты, пигмей, в моей власти. Что захочу, то и сделаю. Я тебя в карман могу засунуть, – как же ты смеешь мне противиться! Я не посмотрю на твои чины, я тебя так взбучу, что тебе небо с овчинку покажется.

– Я буду жаловаться! – пищал Саранин.

Но скоро понял бесполезность сопротивления. Был слишком мал, – и Аглая, очевидно, решила пустить в дело всю свою силу.

– Будет, будет, – завопил он, – иду в Стригальское окно. Буду там сидеть, – тебе же срам. Надену все свои регалии.

Аглая захохотала.

– Ты наденешь то, что тебе Стригаль даст, – крикнула она.

Выволокла мужа в гостиную. Бросила его приказчику. Крикнула:

– Берите! Сейчас же возьмите его! И деньги вперед! Каждый

месяц!

Ее слова были истерическими вскриками.

Молодой человек вытащил бумажник. Отсчитал двести рублей.

– Мало! – крикнула Алгая.

Молодой человек улыбнулся. Достал еще сторубливку.

– Больше–с не уполномочен, – любезно сказал он. – Через месяц изволите получить следующий взнос.

Саранин бегал по комнате.

– В окно! в окно! – выкрикивал он. – Проклятый армянин, что ты со мной сделал?

А сам вдруг еще вершка на два осел.

Х

Бессильные слезы, тоска Саранина. – что до этого Стригалю и его компаньонам?

Они заплатили. Они осуществляют свое право. Жестокое право капитала.

Под властью капитала сам надворный советник и кавалер занимает положение, вполне соответствующее его точным размерам, и несколько не отвечающее его гордости. По последней моде одетый лилипут бегает в окне модного магазина, – то засмотрится на красавиц, – таких колоссальных! – то злобно грозит кулачками смеющимся ребятам.

У окон Стригалю и К^о толпа.

В магазин Стригалю и К^о приказчики сбились с ног.

Мастерская Стригалю и К^о завалена заказами...

Стригалю и К^о в славе.

Стригалю и К^о расширяют мастерские.

Стригалю и К^о богаты.

Стригалю и К^о покупают дома.

Стригалю и К^о великодушны: они кормят Саранина по–царски, они не жалеют денег для его жены.

Аглая получает уже по тысяче в месяц.

У Аглаи завелась и еще доходы.

И знакомства.

И любовники.

И бриллианты.

И экипажи.

И дом.

Аглая весела и довольна. Она раздобрела еще больше. Носит башмаки на высоких каблуках. Выбирает шляпки гигантских размеров.

Посещая мужа, она ласкает его, и кормит, как птицу, с пальца. Саранин во фраке с куцыми фалдочками дробными шагами бегает перед ней по столу, и пищит что–то. Голос его пронзителен, как комариный писк. Но слова не слышны.

Маленькие людишки могут говорить, – но их писк не слышен людям больших размеров, ни Аглае, ни Стригалю, ни всей компании. Аглая, окруженная приказчиками, слушает визг и писк человечка. Хохочет. Уходит.

Саранина несут на окно, где, в гнезде мягких материй, ему устроена целая квартира, обращенная к публике открытой стороны.

Уличные мальчишки видят, как человечешка садится к столу и принимается писать прошения. Крохотные прошения о восстановлении своих нарушенных Аглаей, Стригалем и К^о прав.

Пишет. Сует в конвертик. Мальчишки хохочут.
Меж тем Аглая садится в свой блистательный экипаж. Едет покататься перед обедом.

XI

Ни Аглая, ни Стригаль и К° не думали о том, чем все кончится. Они довольны были настоящим. Казалось, что и конца не будет золотому дождю, льющемуся на них. Но конец наступил. Самый обыкновенный. Какого и следовало ждать.

Саранин все меньше. Каждый день ему шили по несколько новых костюмов, – все меньше.

И вдруг он, на глазах удивленных приказчиков, только что надев новые брючки, стал совсем крохотным. Вывалился из брючек. И уже стал, как булавоочная головка.

Подул легкий сквознячок. Саранин, крохотный, как пылинка, поднялся в воздух. Закружился. Смешался с тучей пляшущих в солнечном луче пылинок.

Исчез.

Все поиски были напрасны. Не нашелся нигде Саранин.

Аглая, Стригаль и К°, полиция, духовенство, начальство, – все были в большом недоумении.

Как оформить исчезновение Саранина?

Наконец, по сношению с Академией Наук, решили считать его посланным в командировку с научной целью.

Потом о нем забыли.

Саранин кончился.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ МАЛЬЧИК

*...Так мило знать, что с
нами вместе жизнь иная есть.*

Валерий Брюсов

I

Пусторослев, наконец, остался один.

Столько усталости! Целый день встреч и разговоров. Жгучие, волнующие темы. Заботы и хлопоты о деле, которое так взяло все время.

Так взяло все время, что теперь, в минуту отдыха, вдруг не хочется думать о нем. Усталость обволакивает все чувства липкой пеленой. Глаза не хотят глядеть.

Прилег на диван. На письменном столе стынет недопитый стакан чаю. Бледное, нервное лицо склонилось. На темно-красной подушке оно кажется особенно бледным и худым.

Припомнилась далекая Сибирь. Подневольное житье в ней. Лютые морозы. Земля, которая и летом не оттаивала глубоко. Товарищи

суровой ссылки. Долгие, долгие ночи. И такой мрак, и такой холод!

Захотелось безопасности, уюта, семьи. Услышать детский лепет в этой квартире, слишком большой и слишком богатой для одного, – и робкие упражнения на рояли, – и внезапный смех.

Подумал:

«Разве с меня не довольно? Пусть работают другие».

И улыбка. Конечно, пусть другие.

И сразу же знал, что это – так только.

Нет, уже не оторваться от дела...

Опять тонкая дремота.

И вдруг легкие шаги.

Встрепенулся. Открыл глаза.

Никого нет.

Странно, – в последнее время Пусторослев не раз замечал, в минуты усталости и отдыха, что он не один. Чьи-то легкие шаги шуршали по полу недалеко от него, – словно кто-то маленький тихонько проходил мимо него, осторожно, босыми ногами. Маленький, едва достигавший головой до дивана. Подходил, всматривался, поднимая прекрасное нездешнее лицо. Прислушивался. Говорил что-то тихое, и странно внятное. Звал куда-то.

Но стоило открыть глаза, – и странный посетитель с легким шорохом скрывался. И уже казалось, что и не было его.

Сначала Пусторослев не думал об этих посещениях. Мало ли что приснится или покажется в минуты тоски и усталости.

II

Но вот уже несколько дней подряд маленький гость стал занимать внимание Пусторослева.

Прежде он приходил изредка. Теперь – каждый вечер. И Пусторослев уже начал ждать его.

В неверном, мертвом и неподвижном свете электрической лампы он приходил, легкий, маленький. И шаги его становились слышнее, – словно он уже вырос, стал смелее и решительнее.

Прежде он подкрадывался на цыпочках, – а откроешь глаза, – он укатывался куда-то дробными шагами, как испуганный мышенок, и не разобрать было, куда он убежал.

Теперь он приходил неторопливо, и слышно было, как легко, спокойно и уверенно ступают на паркете его ноги. И Пусторослев не решался еще очень быстро открыть глаза. Тот, ночной, уходил не торопясь, и Пусторослев наконец приметил, куда он уходит.

Это было место на стене. Самое обыкновенное на невнимательный взгляд. Немного ниже и наискось того места, где в черной раме висела гравюра, Мона Лиза. Между двух стульев. Узор обоев ничем, повидимому, не отличался. Но было какое-то странное и значительное выражение в этих зеленоватых странных цветах.

И, когда Пусторослев долго всматривался в узор, ему вдруг начинало казаться, что это место на стене чем-то обведено, словно за ним скрывается тайная дверь.

Лежал, закрыв глаза. От лампы на столе поодаль падали неподвижные пятна света на тонкое лицо. Услышал легкие шаги. Маленький посетитель подошел, всматривался и чего-то ждал. И в этом ожидающем стоянии неизвестного посетителя было что-то жуткое, тоскливое, вынуждающее к чему-то.

«Что-то надо сказать, или сделать,» – подумал Пусторослев.

Он слегка приоткрыл глаза, – и замер от жуткого и сладкого ужаса.

Перед ним стоял мальчик, лет десяти на вид, весь белый, тонкий и сияющий. На бледном, точно неживом лице жутко мерцали черные, страшно глубокие глаза. Одежда странного покроя, вся белая, открывала тонкую, длинную шею, и открыты были выше колен стройные, тонкие ноги. И весь он был спокойный и словно неживой, и только черные на бледном лице глаза жили и настойчиво вопрошали.

Миг один длилось видение, и скрылось. Пусторослев открыл глаза, быстро встал, двинулся к мальчику, протянул руки, но мальчика уже не было.

– Милый! кто же ты? где же ты? – воскликнул Пусторослев.

Стало тихо. Ожиданием была растворена тишина.

И вдруг, – тихий, сладкий и звонкий раздался смех. Пронесся в зыбкой тишине, – и замер.

И Пусторослев вдруг почувствовал, что он остался один.

Один! Никогда еще с такой значительностью не представало пред ним это столь страшное, столь великое, столь непонятное людьми слово.

Одиночество, сладостное и несравненное, великий праздник для великой и надменной души, великое томление для вопрошающего человека!

И в этот миг больно почувствовал Пусторослев, что он только человек, вопрошающий о неизвестном. В странном порыве тоски подошел он к тому месту на стене, где под холодной и таинственной улыбкой Джиоконды таилась дивная дверь, – и странные слова как бы сами собой родились на его устах:

– И ты хочешь быть человеком? Зачем? Что тебе в нашем бедном существовании?

И тихий голос ответил почти беззвучно, но странно внятно:

– Я хочу.

«Бедные, расстроенные нервы», – думал на другое утро Пусторослев. «Надо уехать из этого жуткого и жестокого города».

Но, когда он одевался, в неверном и слабом свете северного раннего утра прошел мимо него тихими и легкими шагами белый, весь белый и спокойный мальчик, и сказал тихонько старые, странно земные и трогательные слова:

– Голодные. Дети. Трупики.

– Что? – в ужас спросил Пусторослев.

И в тишине послышались еще более простые и земные слова:

– На гривенник молока.

III

Кратко и жутко промелькнул, едва возник и уже клонился к закату морозный день. На Невском зажигались фонари. Украдкой. Никто не видел, как они вспыхнули. И свет их был ясный и беспокойный.

На перекрестке двух шумных улиц, остановившись на минуту переждать толчей экипажей, Пусторослев увидел поэта-декадента, Приклонского. Медленной, развинченной походкой Приклонский подошел к Пусторослеву и молча пожал ему руку.

Пусторослев не любил Приклонского. Считал его шарлатаном. В этом смысле высказывался кое-где. До Приклонского, очевидно, дошли резкие отзывы Пусторослева. Как-то, встретясь на одном из тех

вечеров, где все бывает, и где всем бывает скучно, Приклонский подошел к Пусторослеву и без всякого повода начал рассказывать, по обычаю своему, очень парадоксально, что все писатели разделяются на два разряда: диллетанты и шарлатаны. Пусторослеву стало неловко. С тех пор чувство неловкости всегда охватывало Пусторослева, когда он встречался с Приклонским. Странные, опьяненно-веселые и невнимательные глаза Приклонского наводили на Пусторослева тоску.

Но теперь Пусторослев обрадовался этой встрече.

– Приключение по вашей части, – сказал он, стараясь говорить иронично и вдруг чувствуя с досадой, что это ему не удастся.

И он рассказал о белом мальчике. Досадно было, что рассказ выходит в сбивающемся тоне.

– Призраки держат себя странно, – закончил он, – вместо откровений о загробном мире какой-то детский и совершенно земной лепет.

Приклонский выслушал, так спокойно, как рассказ о самом обыкновенном событии.

– Что вас удивляет? – спросил он. – Земное не ниже и не хуже небесного. Между этим и тем миром не такое соотношение, что одно хуже, а другое лучше. Плоть так же свята, как и дух.

– Но «на гривенник молока», это все же слишком прозаично, – возразил Пусторослев.

Приклонский помолчал, спокойно посмотрел на него, и заговорил, как бы отвечая на какие-то другие, более интересные слова:

– Мы живем среди природы, которая вся насквозь проникнута стремлением к жизни. Тысячелетия тому назад волевая энергия природы была так велика, что возникли бесчисленные разновидности жизни на земле. Теперь энергия природы принимает иной характер: природа стремится не только к бытию, – она стремится к тому, чтобы осознать себя. Нас окружает страстное желание не только быть, но быть самым сознательным, – быть человеком, о более, чем человеком. Те домашние, маленькие нежити, которых вы давно чувствовали вокруг себя, настойчиво стучались в двери вашего сознания. Вам надлежит теперь отдаться с доверчивостью тому приключению, которое вас ожидает. Они вас не обманут. По крайней мере, смело можно утверждать, что они не сделают с вами ничего такого, возможности чего не заложены в вас самих.

Повидимому Приклонский собирался говорить еще долго. Но в легком дрожании его губ, которое придавало его некрасивому, преждевременно увядшему лицу ироническое выражение, Пусторослеву почудилось желание мистифицировать его. Он начал слушать рассеянно и наконец сказал:

– Просто, нервы у меня не в порядке.

– Просто, – неопределенным тоном повторил Приклонский.

IV

Опять длился вечер, холодный, скучный, одинокий, – и он казался нескончаемым и ненужным. Никуда не пошел Пусторослев, хотя его ждали в одном месте, и сам он в другое время охотно поехал бы туда. В другое время. Но теперь что-то удерживало Пусторослева, и странное ожидание томило его больно и жутко.

Длился, томительно длился вечер, – и все было обычно и скучно, и буднично, как всегда, – и уже казалось, что ничего нет и не будет, кроме того, что бывает обыкновенно. Ни чуда, ни

явлений из иного мира, близкого, и вечно загодочного, страшного и желанного.

И опять усталость одолела Пусторослева. Он лег, взял книгу, чтобы скоротать время до того часа, когда можно лечь в постель.

Опустил книгу, докучную, ненужную. Закрыв глаза...

И как он мог не заметить раньше? Всегда здесь с ним кто-то, вопрошающий, неотступный. Чего он хочет?

Пусторослев сказал тихо, не открывая глаз:

– Скажи мне, чего ты хочешь, и где ты, и кто ты. Скажи мне о себе, и я сделаю все, чего ты хочешь, и пойду за тобой.

Легкие шаги послышались. Таинственный гость подошел и стал у изголовья сзади. Так близко, – протянул только руку, и коснешься его. Так близко, – и так далеко.

Пусторослев повернулся на бок, двинул руку туда, к изголовью, и вдруг услышал тихие, тревожные слова:

– Не гляди. Не тронь. Рано.

Пусторослев опять лег спокойно, на спину, закрыл глаза и слушал.

Послышался нежный голос белого мальчика:

– Если бы я жил!

И в этом кратком восклицании было столько призывной тоски, такая жажда жизни, достойной и доблестной, такой порыв наполнить огнем святой борьбы минуты жизни, что Пусторослев почувствовал, как душа его зажглась давно уже неиспытанным восторгом.

Он встал. Быстро подошел к тому месту, где чудилась ему в стене дивная дверь. Не думал о ней, как то мимовольно подошел именно к ней. Остановился. Ждал. И весь дрожал.

Как тихое дуновение легкого ветра, мимо него прошел белый мальчик, зыбкий, едва видимый. Открылась тайная в стене дверь, за ней – узкий, темный проход. И Пусторослев без колебания пошел за мальчиком в неизвестный путь...

V

Были тогда беспокойные дни. Рабочие голодали, не шли на работы. Было много солдат и казаков. Иногда на улицах убивали.

Долог был путь; но как-то странно, Пусторослев не замечал его. Наконец он увидел, что стоит на дворе деревянного старого дома. Под воротами горел фонарь, и, если глядеть в ту сторону долго, то после на дворе казалось еще темнее и холоднее. Пусторослев был один. Ждал. Кто-то тихий и легкий промелькнул мимо него, и скрылся.

– Куда же идти? – спросил Пусторослев.

И уже после того он увидел дворника. Молодой, длинный и тощий парень с рыжими, жесткими волосами, которых было так много, что они, казалось, приподнимали шапку-блин.

– Да вам кого? – спросил простуженным и ленивым голосом.

Пусторослев сказал фамилию; – казалось ему, что она случайно пришла ему в голову:

– Елизаров здесь?

– А вон по той лестнице, в четвертый этаж, – ответил дворник.

Как во сне, прошли перед Пусторослевым жуткие впечатления: смрадная квартира; много угрюмых, словно голодных людей. Под образами – мертвая женщина. Мальчик, сын мертвой. Тощий, грязный,

уродливый и страшно и странно похожий на того мальчика, который приходил к Пусторослеву по вечерам.

Мальчик остался один. Родных не было. Пусторослев взял его. Жадные, голодные глаза глядели за ним, когда он уводил ребенка.

И все это промелькнуло так быстро, и все это казалось Пусторослеву сном до тех пор, пока он не очутился дома.

Наташа, его чинная и строгая служанка, сердито поморщилась, когда Пусторослев объявил ей, что ребенка он взял и что его надо устроить.

– За два часа не отмоешь, – ворчала она.

На другое утро Пусторослев заказал мальчику белую одежду того покроя, который он видел на своем таинственном посетителе. Заплатил, не торгуясь, так щедро, что, несмотря на предпраздничную спешку, одежда к вечеру была готова.

И когда вечером, тщательно вымытый, выстриженный, тонкий, белый, с горящими черными глазами, в короткой белой одежде, оставляющей ноги голыми, необутый мальчик тихо подошел к Пусторослеву, стало Пусторослеву жутко, – так похож был этот мальчуган на того, вечернего и таинственного.

VI

– Ты откуда, Гриша? – спросил Пусторослев.

Мальчик неловко дернул плечом, потербил тонкими пальцами складки своего наряда, и ответил:

– Из фабричных.

Помолчал. Потом сказал по-ребячески плаксиво:

– Утром с Наташей ездили, маму хоронили. Отец летом помер, теперь мама померла, – просто хоть ложись да помирай.

– Теперь ты мой будешь, – сказал Пусторослев.

Мальчик помолчал, потушился, шепнул тихонько:

– Спасибо.

Мальчик был тихий, но не робкий. Он дичился посторонних, старался уйти, когда кто-нибудь приходил, но уж если его останавливали, то он отвечал на вопросы прямо и просто, с эпическим спокойствием первобытного существа.

Наступали праздники. Пусторослев сделал для Гриши елку. Позвал детей. Было человек десять маленьких гостей, бедные и богатые. Было весело и шумно. Пусторослева радовал Гришин смех, но ему жутко было глядеть в его внимательные, слишком черные, слишком глубокие глаза.

На утро он спросил:

– Гриша, скажи, понравилась тебе вчера елка?

Гриша, по своей привычке, помолчал немного, теребя складки своего наряда, и потом сказал странно спокойным голосом:

– Елка – очень хорошо. Славно. А ребятишки у вас скверные были.

– Чем скверные? – с удивлением спросил Пусторослев.

Гриша заговорил поживее:

– А как же, – они себя различают. Которые богатые считаются, те так свысока, а которые бедные, то такие завидушие, – и все они завидуют, и так у них на все глаза горят. Все бы им отдать, да и то бы им мало было. Право слово, завидушие.

Часто разговаривали Пусторослев с Гришей. Каждый вечер. И каждый раз Пусторослев звал к себе Гришу с таким жутким чувством,

как будто бы он и ждал от него, и боялся каких-то странных и страшных слов.

VII

«Знает ли Гриша того, ночного? – думал иногда Пусторослев. – Не спросил ли его? Но как спросить?»

И наконец спросил:

– Гриша, ты у меня был раньше?

Мальчик побледнел еще больше, и казалось, что он вдруг испугался. Робко шепнул он:

– А ты почему знаешь?

Пусторослев закрыл глаза. Голова его кружилась жутко и томно.

А Гриша говорил:

– Я-то у тебя был. Во сне. Вижу я, сидит такой барин за столом, и крепко думает. А лица не видно. И так показывает, будто и вовсе лица нет. Но только это неверно. Теперь-то я узнал, – все, как у тебя, и стол, и лампа, все, как есть.

– Гриша, зачем же ты ко мне приходил?

Гриша вздохнул.

– Ну вот, – рассказывал он, – вижу, сидит будто барин, а лица не видно. А я и говорю: барин, а барин, нешто нам весь век голодать одним. Пойдем помирать вместе. А барин ничего не говорил. Все думает. Ну, я и уйду. А после того мама захворала. Померла. А после того и ты меня взял.

– Гриша, зачем ты меня звал? – с тоской спросил Пусторослев.

Гриша засмеялся. Как тот, ночной. Такой же зыбкий и быстрый смех. Точно быстрый плач. Такой ясный смех, и такой невеселый.

– А как же? – страстно заговорил Гриша, – отчего так? Почему, скажи, за что нам такое житье собачье? разве для того мы на земле живем, чтобы друг друга поедом есть? За что? И если он насильничает, так все и терпеть без конца?

Пусторослев глядел в черные, пламенные Гришины глаза, на его бледное, худое и тако прекрасное лицо. Жутко было ему. А Гриша говорил:

– Пойти бы всем вместе, дошли бы до такого места, где земля новая, и небо новое, и лев свирепый не кусает, и змейка-скоропайка нажалит. Да нет нам свободы, никуда не пойдешь.

– Гриша, откуда ты набрался слов? – спросил Пусторослев.

Ему хотелось разрушить это темное очарование, которое так долго держало его в своей власти.

Гриша слегка покраснел.

– Может быть, я глупости говорю. Не знаю. Что от людей услышишь, что сам придумаешь. Ты думаешь, что ты барин, так ты один думаешь? Я тоже люблю думать. Только, что я тебе скажу.

Гриша примолк.

– Скажи, Гриша.

– Если бы я все это дело знал, ни за что бы я не захотел быть человеком.

VIII

Были не раз такие странные и не совсем детские разговоры. На утро Пусторослеву казалось, что этого Гриша не говорил, что все

эти слова ему пригрезились в дремоте позднего вечера, в усталой дремоте вопрошающего и не находящего ответа человека.

И сам Гриша днем бывал совсем простым и обыкновенным мальчиком, с самыми простыми мальчишескими затеями и интересами. Только тихий очень и скромный, и очень худенький. И когда вспоминал покойных родителей, то иногда поплачет. А когда говорили при нем о фабричных рабочих, он делался печальным и хмурым, и начинал дрожать, и тихо уходил.

Там, у гроба матери, он казался лохматым, взъерошенным и уродливым. Но на самом деле он был скорее красив. Только очень уж худ.

И хорошо было то, что у него не много было неприятных привычек. Или, может быть, он был такой тихий и внимательный, что сам скоро замечал, чего здесь не следует делать.

Приближались великие дни. Сладостное веяние свободы носилось над городами и темными селениями нашей родины. Созрело негодование, и в его бурном дыхании отогрелась нежная надежда, так долго страдавшая под равнодушным и беспощадным снегом.

Гриша пришел вечером к Пусторослеву. Видно было, что он хочет что-то сказать.

– Гриша, что ты? – спросил Пусторослев.

Гриша помолчал, покраснел.

Так покраснел, как никогда еще не видал у него Пусторослев. Сказал звенящим и решительным голосом:

– Наши завтра пойдут. И я пойду.

Пусторослев испугался.

– Гриша, куда ты пойдешь? Что за глупости! – досадливо крикнул он. – Что тебе там делать, такому маленькому?

Гришины глаза горели, и щеки багряно пылали.

– Пойду, – тихо, но решительно сказал он.

Пусторослев понял, что не надо спорить.

– Гриша, – сказал он успокоительно, – утро вечера мудренее. Мы об этом лучше завтра поговорим с тобой, – а теперь не пора ли нам спатиньки?

Гриша стыдливо улыбнулся.

– Спатиньки придут сами, – сказал он, – а только какие спатиньки? Белые далеко, зеленым рано, серых не хочу, черных ты не пустишь, – какие же спатиньки! разве только красные.

IX

День страшный и беспощадный поднялся над морозным жутким городом. Была безоружная толпа, и вооруженные люди убивали. И ужас витал над столицей.

Пусторослев рано вышел из дому. Забыл о Грише. Встречи и заботы захватили его.

И вдруг, в говоре толпы, мимолетные слова:

– Много мальчишек...

Разом вспомнил. Стало страшно. Поехал домой. Очень торопил извозчика. И так было страшно, и тоскливо, словно непоправимое совершалось несчастье.

Дома, – расстроенное Наташино лицо, ее убегающий взор, ненужные слова:

– Ах, Андрей Павлович, на улицах–то что делается.

– Гриша где? – крикнул Пусторослев.

Наташа смутилась. Покраснела. Заплакала.

– Как сказали с вечера, шубку спрятать и сапожки, все спрятала в шкаф. Да уж как он ключ нашел, ума не приложу. И такой был тихий, и такой тихий. На минуту вышла, вернулась, – нет Гриши. Одедся и уж как пробежал? Ума не приложу.

Пусторослев вышел опять на улицу. Остановился у подъезда. Куда идти?

Шли все в одну сторону. Поспешно, словно спасаясь. Молодой человек с рыжей бородкой, по одежде рабочий, в очках, говорил:

– Вот он чем нас встретил? – штыками да пулями.

В толпе дворников и лавочников слышался злой говор:

– Студент. Переоделся.

Какой–то паренек в барашковой шапке быстро пробежал, крича:

– Товарищи, обходят!

Побежали.

Показались всадники. Они ехали медленно. На перекрестке собралась толпа рабочих. Слышались крики. Полетела в солдат пустая бутылка. Двое всадников отделились от строя. Нелепо махали шапками. Толпа разбежалась.

Пусторослев свернул в переулок. Шел куда–то. Шел поспешно, пробираясь наудачу к центру города. Не везде можно было пройти, – стояли цепи солдат, не пускали.

Шум, толпа, казаки, окрики часовых, – все это скользило мимо сознания. Пусторослев забыл, что его ждали, забыл о своем деле, – только мысль о Грише повторялась настойчиво и больно.

И вдруг увидел Гришу. Мальчик пробежал мимо, – странно–бледный на морозе. Крикнул Пусторослев:

– Иди, иди за мной.

Черные на бледном лице глаза мгновенной молнией блеснули перед усталым взором Пусторослева. У в то же мгновение резкий звук рожка пронизал все уличные шумы.

– Гриша, вернись! – крикнул Пусторослев.

Бежали мимо, кричали. Было видно много искаженных ужасом лиц. Улица пустела.

И опять Гриша. Подошел к Пусторослеву.

– Зачем они бегут? Чего они боятся? – спрашивал он, и голос его звенел и дрожал.

Такой бледный, и глаза так горят.

Пусторослев взял его за плечо, и сказал:

– Милый, вернемся домой. Здесь не надо стоять. Они убивают.

Гриша засмеялся, – совсем, как тот, ночной мальчик.

Пусторослев смотрел на Гришу с недоумением и тоской. Белый и сияющий, как тот, ночной посетитель, мальчик говорил:

– И пусть убьют. Разве ты боишься? Умрем вместе. Не стоит жить с этими злыми людьми. Не хочу быть с ними.

Вдруг где–то странно близко послышался тупой гул и топот множества коней. Всадники приближались медленно и неуклонно. Лошадиные в пене морды были близки и странно добродушны и покорны, как всегда, – а над ними колыхались красные, свирепые и тупые лица.

И над гулом и топотом стройного воинства пронесся внезапный, звонкий крик:

– Палачи!

Гриша оттолкнул руку Пусторослева и, звонко крича, побежал навстречу всадникам. Сверкнула белая, беспощадная улыбка, мелькнула в воздухе длинная стальная полоса, – офицер ударил Гришу.

Над детским трупом быстро мчались всадники.

Маленький, изуродованный труп схоронили. Пусторослев остался жить, – усталый, безрадостный, втянутый в суету ежедневной работы для дела, – труд до подвига, но все еще без восторга.

XI

Но длится время, и он ждет. Наступают великие дни. Опять придет сияющий рождественский мальчик.

Уже он приходит, приходит снова, тихий, вопрошающий, озаренный темной улыбкой, – подходит в тишине одинокого вечера, и заглядывает в усталое лицо Пусторослева.

И опять слышит Пусторослев его тихий и настойчивый шопот:

– Я хочу. Я пойду с ними, – и ты пойдешь со мной, в новый мир, через эту дверь, темную, но верную.

И знает Пусторослев, что теперь он не оставит Гришу одного, – пойдет с ним, за ним. И шепчет:

– Милый? где ты? кто ты?

И слышит:

– Приду. Вместе пойдём.

И повторяет:

– Вместе умрем.

СОЕДИНЯЮЩИЙ ДУШИ

Гармонов, по своей крайней молодости, еще не знал меры вещей и посещений и приходил не во-время, и не умел уйти во-время. Наконец, он почувствовал, что до одурения надоел Сонпольеву, спохватился, что отвлек Сонпольева от работы. Вспомнил, что все время Сонпольев был с ним принужденно вежлив, а иногда прорывался резкими словечками. Гармонов мучительно покраснел. Нерешительно приподнялся было. Опять сел, заметив, что Сонпольев хочет сказать что-то.

– Надел маску! – досадливо сказал Сонпольев, продолжая разговор. – Что вы хотите этим сказать?

– Притворяется, – смущенно пробормотал Гармонов. – Конечно, иногда приходится...

– Что вы в этом понимаете? – совсем давая волю своему раздражению, говорил Сонпольев, не дослушав ответа своего гостя. – Что вы знаете о масках? Что вы о них можете знать? Нет маски без соответствующей души. Нельзя надеть на лицо маски, не сочетав своей души с ее душой. Иначе маска сваливается.

Он замолчал и хмуро глядел перед собой. Не смотрел на Гармонова. Опять чувствовал к нему ту, же с первого знакомства

возникшую, странную ненависть. Постоянно старался скрыть эту ненависть под личной большой ласковости, – усердно звал Гармонова к себе, хвалил всем его стихи, – и время от времени беспричинно говорил Гармонову злые и грубые слова, от которых застенчивый юноша краснел и сжимался. Ненадолго становилось жалко, а потом опять начинал ненавидеть его медлительность, считал его скрытым и хитрым.

Гармонов встал. Простился. Ушел.

Сонпольев остался один. Было досадно, что помешали работать. Теперь уже не было того рабочего настроения. Мучила какая-то темная злоба.

Смуглый, незначительный, повидимому, юноша, Гармонов, – что в нем есть такого что в такой степени может вызывать раздражение? Большой рот, длинное лицо, очень смуглое, – медлительные движения, тягучий голос, под всем этим чувствовалась какая-то двухсмысленность и недоговоренность.

Сонпольев в досаде прошелся по своему кабинету. Остановился перед стеной. Заговорил.

В наши дни много есть людей, которые ведут долгие разговоры со стеной, – собеседник воистину интересный!

Сонпольев говорил:

– Так ненавидеть, так мучительно ненавидеть можно только то, что очень к нам близко. Но в чем же тайна этой дьявольской близости? Какой демон, и какими нечистыми чарами связал наши души? Столь несходные души! Мою, человека деятельной жизни, клонящейся к успокоению, и его душу, душу этого большеротого юнца, хитрого, как заговорщик, и медлительного, как трус. И почему в его характере такое странное наблюдается несоответствие с его наружностью? Кто выкрал из этого молокососа самую необходимую, самую лучшую часть его души?

Говорил тихо. Почти бормотал. Потом громко, досадуя, крикнул:

– Кто же сделал это? Человек или враг человека?

И услышал ответ:

– Я.

Кто-то крикнул это слово резким, высоким голосом. Точно ржавая сталь прозвенела резко, но тускло.

Сонпольев нервно дрогнул. Огляделся. Никого не было в комнате.

Он сел в кресло, хмуро смотрел на стол, заваленный книгами и бумагами, и ждал.

Ждал чего-то. Стало жутко ожидание. Сказал громко:

– Ну, что же ты прячешься? Уж начал говорить, так явись. Скажи, что ты хочешь сказать. Что тебе надо сказать?

Прислушался. Так напряжены были нервы. Казалось, малейший шум потрясь бы, как труба архангела.

И вдруг – смех. Резкий, ржаво металлический. Точно раскручивалась пружина заводной игрушки, и дрожала, и звенела в тихом безмолвии вечера.

Сонпольев схватился ладонями за виски. Облокотился на стол. Прислушался. Смех затихал с механической ровностью. И было ясно слышно, что он исходит откуда-то совсем близко, как будто даже со стола.

Сонпольев ждал. Напряженными глазами смотрел на бронзовую чернильницу. Спросил насмешливо:

– Чернильная нежить, не твой ли это смех?

Резкий голосок отвечал с такой же насмешливостью:

– Нет, ты ошибаешься, и притом довольно неостроумно. Я – не

чернильный. Разве ты не знаешь липкого голоса чернильных нежитей? Ты – плохой наблюдатель.

И опять смех, – опять зазвенела, раскручиваясь, ржавая пружина.

Сонпольев сказал:

– Не знаю, кто ты, – и как я могу это знать! Бедь я тебя не вижу. Только думаю, что и ты – такой же, как и вся ваша братия: вы около нас постоянно, и все вы шныряете и наводите на нас тоску и иные злые чары, а на глаза нам не смеете показаться.

Пружинный голосок ответил:

– Я то затем и пришел, чтобы с тобой поговорить. Люблю говорить с такими, как ты, – с половинными.

Замолк, – и уже Сонпольев ждал смеха. Подумал:

«Должно быть, он каждую свою фразу заливает этим гнусным хохотом».

И не ошибся. Станный посетитель, в самом деле, усвоил такую манеру разговора: поговорить несколько и залется ржаво-резким смехом. Казалось, что словами он заводит свою пружинку, и уже потом непременно должен расхохотать ее.

И пока звучал, механически правильно затихая, смех, из-за чернильницы выдвинулся гость. Он был маленький, весь, с головой и с ногами, ростом с безымянный палец. Серо-стального цвета. Из-за малых размеров и быстрых движений не понять было, тело ли это тускло поблескивает, или очень гладко пригнанная к телу одежда. Но, во всяком случае, что-то очень гладкое, словно нарочно упрощенное. Туловище – в виде тонкого боченочка, в поясе пошире, в плечах и в тазу поуже. Руки и ноги равной длины и толщины, и одинаково ловкие и гибкие, так что казалось, что руки слишком длинны и толсты, а ноги несоразмерно коротки и тонки. Шея короткая. Лицо с ноготок. Ноги очень широко расставлены. Внизу туловища виднелось что-то в роде хвоста или толстой шишки. Такие же нарости видны были с боков, под локтями. Движения быстрые, ловкие и уверенные.

Уродец уселся на перекладину чернильницы. Сбросил ногой вставку пера, чтобы поместиться поудобнее. Затих.

Сонпольев рассматривал его лицо. Худое, серое. гладкое. Маленькие, ярко блестящие глаза. Большой рот. Оттопыренные уши, островатые сверху. Сидел, уцепившись за перекладину руками и ногами, как обезьяна.

– Любезный гость, что же ты мне скажешь? – спросил Сонпольев.

И в ответ зазвучал механически-ровный, неприятно-резкий, словно ржавый голосок:

– Человек с одной головой и с одной душой, вспомни свое прошлое, – свое первоначальное прошлое тех древних дней, когда ты и он жили в одном теле.

И снова смех, сверлящий слух, резкий и звонкий. И пока еще смех звучал, гость механически ловко перекувырнулся, стал на руки, – и Сонпольев увидел тогда, что утолщенный предмет на месте хвоста был второй головой, – и она ничем не отличалась, повидимому, от первой. Может быть, малость размеров была тому причиной, а, может быть, и в самом деле обе головы ничем не отличались, – только Сонпольев не нашел никакой разницы. Руки вывернулись, как на шарнирах, и стали совсем, как ноги, и первая голова потускнела и спряталась между этими руками-ногами; и то, что раньше казалось ногами, так же механически повернулось и двигалось, как настоящие руки. С удивлением смотрел Сонпольев на своего странного гостя.

Гость кривлялся и плясал. И когда, наконец, затих, постепенно смолкая, его смех, вторая голова заговорила:

– Сколько у тебя душ, сколько сознаний, знаешь ли ты это? Ты гордишься дивной дифференциацией твоих органов, – вот, думаешь ты, каждый член моего тела исполняет свои, строго определенные, функции. Но, глупый человек, скажи мне, чем ты сохраняешь память о своих прежних переживаниях? В той же голове теснится весь твой, и прижизненный, и дожизненный, опыт. Ты мудришь и хитришь над и под порогом своего жалкого сознания, – но беда твоя в том, что у тебя только одна голова.

Гость залился опять своим ржаво-звонким хохотом, – и на этот раз хохотал особенно долго. Хохотал и в то же время плясал. Кувыркался. Становился кверху одним боком, на одну руку и одну ногу, – если еще можно было так различать его четыре конечности, – и они опять механически вывертывались, и тогда обнаруживалось, что наросты на его боках – тоже головы. И каждая в свой черед говорила и хохотала. Гримасничала. Дразнила.

– Замолчи! – в бешенстве крикнул Сонпольев.

Гость плялся, кричал и хохотал.

Сонпольев думал:

«Схватить бы его, раздавить. Или ударом тяжелого пресса разможжить на месте злую гадину».

А гость все хохотал и кривлялся.

«Взять его руками нельзя, – думал Сонпольев, – он, может быть, прожжет или опалит руку. Не разрезать ли его ножом?»

Он открыл перочинный нож. Быстро направил нож острием прямо в середину туловища гостя. Четырехголовое чудовище все собралось в комочек, замахало всеми своими четырьмя лапами и залилось пронзительным хохотом. Сонпольев бросил нож на стол.

– Злая гадина! – крикнул он, – чего ты от меня хочешь?

Гость вскочил на крышку чернильницы, стал там на одной ноге, вытянул руки вверх, и закричал пронзительно и гнусаво:

– Человек с одной головой, вспомни свое прошлое, когда ты и он были в одном теле. И когда вы пошли на великий подвиг. Вспомни пляску, пляску в страшный час.

Стало вдруг темно. Хохот звучал, хриплый и гнусный. Голова кружилась...

Из мрака медленно выдвигались легкие колонны, невысокий потолок. Тускло горели светочи. Красные в сладком воздухе зыблились их огненные языки. Переливно пела флейта. В легкой пляске мерно двигались ноги, – прекрасные, юношеские ноги.

И чудилось Сонпольеву, что он молод и силен, что он пляшет вокруг пирушественного стола. И на него гладит обрюзглое, наглое, пьяное лицо, – пирующий хохочет – ему весело, ему нравится пляска полуобнаженных юношей.

Чудится Сонпольеву, – бешеная злоба душит его и мешает ему исполнить замысел. И он в быстрой пляске проносится мимо пирующего, и руки его дрожат. Багровый туман ненависти застилает его глаза.

Но в то же время пробуждается его вторая душа, хитрая и ласковая, кошачья душа. И юноша улыбается торжествующему, и снова в плавной пляске проносится мимо него ласковый, нежный отрок. И пирующий хохочет. Ноги юноши и его обнаженный торс веселят хозяина пира.

И снова ненависть, застилающая глаза багровым туманом и сотрясающая руки злой дрожью. И снова хитрая улыбка ласкового

юноши.

Кто-то злобно шепчет:

– Долго ли мы будем кружиться напрасно? Пора. Пора. Кончай же.

Усилие дружных волей. Две души сливаются в одну. Ненависть и хитрость. Легкое, плавное движение – сильный удар, – легкие ноги уже уносят юношу в быстрой и красивой пляске. Хриплый крик. Смятение. Все смешалось...

И снова темно.

И очнулся Сонпольев: тот же уродец пляшет на столе, и кривляется и хохочет.

– Что же это? – спросил Сонпольев.

Гость сказал:

– В этом юноше две обитали души, и одна из них теперь твоя, душа пламенных чувств и страстных желаний, вечно несытая и дрожащая душа.

И задрожал сверлящий уши смех. И заплясал уродец.

– Стой, плясун! – крикнул Сонпольев. – Ты, кажется, хочешь сказать, что вторая душа того древнего юноши живет в тщедушном теле этого ненавистного, смуглого мальчишки.

Гость перестал смеяться, и прокричал:

– Человек, ты наконец понял то, что я хочу тебе открыть. Теперь, может быть, ты догадаешься, зачем я пришел к тебе, и кто я.

Сонпольев пережал резкое дрожание смеха, и ответил своему гостю:

– Ты – соединяющий души. Но отчего же ты не сделал этого при нашем рождении?

Урод зашипел, съежился, завертелся, потом приостановился, выбросил кверху одну из своих боковых голов, и прокричал:

– Мы это поправим. Если ты хочешь. Хочешь?

– Хочу, – быстро ответил Сонпольев.

– Позови его к себе в ночь под Новый Год, и позови меня. А чтобы позвать меня, возьми вот этот волосок...

Уродец быстро перебежал к лампе, положил на ее плоскую подставку черный, тонкий и короткий волос, и продолжал:

– И зажги его. И я приду. Но знай, что после того ни ты, ни он не сохраните своего отдельного бытия. И уйдет отсюда только один, совмещающий обе души, но не ты, и не он.

И вдруг исчез. Еще звучал, терзая слух, его резкий и ржавый хохот, – но уже никого не видел перед собой Сонпольев. И только черный на плоском подножии лампы волос напоминал об исчезнувшем госте.

Сонпольев взял волос, и спрятал его в своем бумажнике.

Уже к полуночи клонился последний в году день.

У Сонпольева сидел опять Гармонов. Говорили тихо, как бы сдерживая голоса. И было жутко.

– Вы не досадуете, что я пригласил вас на эту одинокую беседу? – спросил Сонпольев.

Смуглый юноша широко улыбнулся, и от этого его зубы казались слишком белыми. Он говорил что-то медлительное и скучное, что-то такое внешнее, что Сонпольеву не хотелось его слушать.

И он спросил, вне всякой связи с предыдущим разговором:

– Вы помните ваше прежнее существование?

– Очень смутно, – ответил Гармонов, и было видно, что он не понял вопроса, и думает, что Сонпольев спрашивает его о детских

годах.

Сонпольев досадливо нахмурился. Начал объяснять, что он хотел сказать. Чувствовал, что это выходит запутанно и длинно. И от этого еще больше досадовал.

Но Гармонов понял. Обрадовался. Покраснел слегка.

– Да, да, – сказал он поживее обыкновенного, – мне иногда кажется, что я раньше жил. Такое странное ощущение. И как будто та жизнь была полнее, смелее, свободнее. Как будто бы смел делать то, на что теперь не дерзаешь.

– И вам кажется, не правда ли? – с волнением спросил Сонпольев, – что вы как будто что-то потеряли. Как будто бы вам теперь недостает самой значительной части вашего существа.

– Да, да, – сказал Гармонов, – вот именно такое впечатление.

– И вы хотели бы восстановить эту, недостающую часть? – продолжал спрашивать Сонпольев. – Опять, как прежде, быть целым и смелым, опять, как в старину, совмещать в одном теле, легком и юношески свободным, всю полноту жизни и дивное соединение и торжество противоречий нашей человеческой природы. Быть более, чем цельным, – слушать в груди своей биение как бы удвоенного сердца, быть таким и иным, быть соединяющим в себе враждующие души, и из пламенной борьбы великих в себе противоречий выносить мужество и твердость великого подвига.

– Да, да, – сказал Гармонов, – я тоже иногда мечтаю об этом.

Сонпольев боялся глядеть на неуверенное и смущенное лицо смуглого юноши. Он смутно боялся, что это лицо будет его расхолаживать. Он торопился.

И уже близка стала полночь.

– Вот, – сказал тихо Сонпольев, – в моих руках есть средство достигнуть этого. Хотите ли вы этого достигнуть?

– Хочу, – нерешительно сказал Гармонов.

Сонпольев поднял глаза. Решительно и настойчиво смотрел на Гармонова, как бы требуя от него чего-то настоятельно необходимого. Неотступно смотрел прямо в черные юношеские глаза, которые, конечно, должны были быть пламенными, но на самом деле были только коварными, холодными глазами маленького человека с половинчатой душой.

И казалось Сонпольеву, что под его пламенным и неоступным взором глаза Гармонова зажигаются восторгом и жгучей злобой.

И смуглое лицо юноши стало вдруг значительным и строгим.

– Хотите? – еще раз спросил Сонпольев.

И Гармонов решительно и быстро сказал:

– Хочу.

И словно чей-то чужой, резкий голос произнес:

– Человек маленький и лукавый, совершивший, однако, подвиг великого мужества в одном из своих древних переживаний, – совершивший подвиг, ибо сочетал свою лукавую душу с пламенной душой негодующего, – скажи в этот великий и единственный час, твердо ли решился ты соединить свою душу с той, иной душой.

И еще быстрее и решительней ответил Гармонов:

– Хочу.

Сонпольев прислушивался к резкому голосу вопрошающего. Он узнал его. И не ошибся: «хочу» Гармонова уже тонуло в ржаво-металлическом хохоте того дивного посетителя.

И когда затих, Сонпольев сказал:

– Но знайте, что для этого вы должны отказаться от соблазна

и радости отдельного бытия. Вот, я совершу чародейство, – и оба мы погибнем, и освободим наши души или сольем их в одну, и уже не будет ни меня, ни тебя, – будет один, пламенный в замысле и холодный в исполнении. Надлежит нам уйти обоим, чтобы дать место ему, в котором мы оба таинственно сольемся. Друг мой, решились ли вы на это страшное дело? Страшное и великое дело.

Гармонов улыбался странно и неопределенно. Но пламенный взор Сонпольева погасил его улыбку, и юноша, голосом неживым и тусклым, как бы покоряясь непреодолимому и роковому повелению, произнес:

– Я решился. Я хочу. Я не боюсь.

Дрожащими пальцами вынул Сонпольев из бумажника чародейный волос. Зажег свечку. За ней таился четырехголовый посетитель, – он был сегодня серый и зыбкий, и маячил, как тень от зыблемой пламенной стихии, ласкавшей сожигающими объятиями белое тело покорной свечи.

Гармонов широко раскрытыми глазами, не отрываясь, следил за движениями Сонпольева. Сонпольев поднес волос к огню свечи. Слегка закрутился волосок, зарделся, вспыхнул. Горел очень медленно, с тихим и ритмическим потрескиванием, похожим на смех ночного гостя. И сам дивный уродец, кривляясь и прыгая, выдвинулся из-за свечи. Он встал посередине стола, смотрел то на волосок, то на юношу, что-то шептал, отрывистое и невнятное, и после каждого слова заливался тихим смехом, похожим на потрескивание горящего волоска.

Слова чудного гостя были простые, но страшные. Сначала они шли мимо сознания Сонпольева, – так был Сонпольев взволнован и поглощен горением чародейного волоска, что с простыми и знакомыми словами уродца не соединял никакой мысли. И вдруг ему стало страшно. Вслушался. Насмешливо звучали простые, страшно простые слова:

– Душа маленькая, коротенькая, душа боязливая.

И в страхе поднял глаза Сонпольев на Гармонова. Смуглый юноша сидел, странно скорчившись. Лицо его было очень бледно. Капельки пота выступали на лбу. Жалкая, принужденная улыбка кривила его губы. И когда он увидел, что Сонпольев смотрит на него, он скорчился еще больше, и как бы против воли зашептал голосом прерывающимся и глухим:

– Мне страшно. Мне больно. Не надо этого.

И вдруг изогнулся, как кошка, хитрая, робкая и злая, мегнулся вперед, и нелепо и уродливо вытянув слишком красные губы, дунул на догоравший волосок.

Пламя на волоске поднялось узкой струйкой, дрогнуло, погасло. Синий дымок заструился в тихом воздухе. Резкий хохот ночного гостя сверлил слух.

– Не удалось, не удалось, – звенели гнусные слова.

Гармонов сел. Виновато и хитро улыбался. Сонпольев смотрел на него ненавидящими глазами.

В соседней комнате послышался бой часов. И на каждый удар соединяющий души отвечал хриплым криком:

– Не удалось!

И пружинно-резким хохотом. И кружился, и кривлялся, и казалось, что он тает в желтом озарении неживой, электрической лампы.

И когда двенадцатый удар, последний голос уходящего года, замолк, и с ним замолк гнусный крик:

– Не удалось.

И замолк гнусный хохот исчезающего уродца: – Гармонов поднял–

ся, словно радуясь избавлению от роковой беды, и сказал медлительным, тягучим голосом:

– С Новым годом.

ПРИЗЫВАЮЩИЙ ЗВЕРЯ

*Опустись. опустись. занавеска!
Весь мир отошел и исчез.*

Валерий Брюсов

I

Было тихо, спокойно, не радостно и не грустно. Стены казались несокрушимыми. Окно скрывалось за тяжелыми, темно-зелеными, в тон обоям на стенах, только гораздо темнее их, занавесами. Обе двери, и большая, в боковой стене, и маленькая, в глубине кабинета, против окна, были крепко закрыты. Замкнуты. И там, за ними, – хорошо помнил это Гуров, – было темно и пусто, – и в широком коридоре, и в скучной, просторной и холодной зале, где тосковали разлученные с родиной грустные растения.

Гуров лежал на низком диване. В руках была книга. Читал. Медленно. Часто отрывался от чтения. Думал, мечтал, – все о том же.

Все о них.

Они были около него. Это он уже давно замечал. Таились. Неотступно стояли близко. Шелестели тихохонько. Но долго не являлись его глазам.

А на-днях, когда Гуров проснулся вялый, тоскующий, бледный, и лениво повернул выключатель электрической лампы, чтобы прогнать дикий мрак зимнего раннего утра, – он вдруг увидел одного из них.

Маленький, серенький, зыбкий, и легкий, мелькнул вдоль изголовья, пролепетал что-то, – и скрылся.

И потом, то утром, то к вечеру, пробегали перед Гуровым маленькие, зыбкие, – домашние нежити.

И уже сегодня он ждал их уверенно.

Временами начинала слабо, едва заметно, болеть голова. Временами становилось вдруг холодно, или вдруг жарко. И тогда быстро выбегала из угла длинная, тонкая Лихорадка с некрасивым, желтым лицом и костлявыми сухими руками, и ложилась рядом, и обнимала, и принималась целовать и смеяться. Но и эти быстрые поцелуи ласковой и хитрой Лихорадки, и эти медленные приступы легкой головной боли были приятны.

Слабость разливалась во всем теле. И усталость.

Гуров уже несколько дней никуда не выходил. Замкнулся дома. И к себе никого не пускал. Сидел один. Думал о них. Ждал их.

Усталость разливалась в теле, – но и она была также приятна. Казалось, что все буйство жизни отошло далече. И люди стали далеки, не любопытны, не нужны совсем. Хотелось быть с ними, с этими тихими, здешними, нежитями.

Странно и неожиданно прервалось томное ожидание. Стукнула далекая дверь, – и в зале за дверью Гуров услышал неторопливые шаги. Кто-то шел там приближаясь, ступая уверенно и легко.

Гуров повернул голову к двери. Повеял холод. Перед ним стоял мальчик дикого, странного вида. В полотняном плаще. Полуобнаженный. С голыми ногами. Очень смуглый. Загорелый весь. Черные, вьющиеся волосы. Черные, яркие глаза. Дивно правильное, прекрасное лицо. Столь прекрасное, что было страшно смотреть на его красоту. Не доброе, не злое.

Гуров не удивился явлению мальчика. Какое-то властительное чувство захватило его. И было слышно, как притаились, попрятались маленькие, домашние нежити.

И сказал отрок:

– Аристомах! И забыл ты свое обещание? Так ли поступают доблестные люди? Ты ушел от меня, когда я был в смертной опасности, ты обещал мне то, чего, видно, не захотел исполнить. И я так долго искал тебя, и вот нахожу тебя пребывающим в праздности, в роскоши утопающим.

Гуров смотрел в недоумении на отрока, полуобнаженного и прекрасного, и смутные воспоминания пробуждались в его душе. Что-то давно погребенное восставало неясным очерком, и томило память, не находящую разгадки странного явления, разгадки, которая казалась, однако, столь близкой и родной.

И где же незыблемость стен? Что-то происходило вокруг, – какая-то свершалась перемена. Но Гуров, поглощенный тщетными усилиями вспомнить что-то, и близкое, и ускользающее из цепких объятий древней памяти, еще не успел осознать уже чувствуемой им перемены. И он спросил дивного отрока:

– Милый мальчик, скажи мне ясно и просто, без лишних упреков, что я тебе обещал, и когда я оставил тебя в минуту смертной опасности? Я же клянусь тебе всем святым, что моя честь никогда не позволила бы мне такого черного поступка, как тот, в котором ты меня почему-то упрекаешь.

Отрок покачал головой. Звучным голосом, подобным мелодичному рокоту струн, он сказал:

– Аристомах, ты всегда был искусен в словесных упражнениях и столь же искусен в делах, требующих отваги и осторожности. Если я сказал, что ты оставил меня в минуту смертной опасности, то это я сказал не в упрек, и я не понимаю, зачем ты говоришь о твоей чести. Замышленное нами дело трудно и опасно, но кто же нас слышит теперь, перед кем ты мог бы хитросплетенными словами и притворным забвением того, что свершилось сегодня утром, перед солнечным восходом, доказать, что ты не давал никакого мне обещания?

Свет электрической лампы становился тусклым. Потолок казался темным и высоким. Пахло травой, название которой забылось, но было когда-то столь нежно и радостно. Веяло прохладой.

Гуров встал. Спросил:

– Какое же дело мы с тобой замыслили? Милый мальчик, я ничего не отрицаю, – я только не знаю, о чем ты говоришь. Я не помню.

И казалось Гурову, что отрок смотрит на него и не на него. Как будто бы здесь есть кто-то другой, такой же дивный и не здешний, как и этот странный пришлец, – и как будто дивное тело

этого другого отчасти совпадает с телом Гурова. Как бы чья-то древняя душа навлекалась на Гурова, и облекала его давно утраченной свежестью вешних восприятий.

И темнело вокруг, и становилось все свежее и прохладнее в воздухе, – а в душе воздвигалась радость и легкость первоначального существования. И яркие загорались в черном небе звезды.

Говорил отрок:

– Мы должны были убить зверя. Вот, это я тебе говорю тебе здесь, под многоокиными взорами всевидящего неба, если ты сам смутился от страха. И как не быть страху! Воистину, великое и страшное затеяли мы дело, чтобы слабой увенчались в далеких поколениях наши имена.

Тихо, однозвучно и робко журчал в ночной тишине ручей. Не видно его было, но отраднo чувствовалась его утешительная близость и свежесть. Под широкой сенью дерева стояли они, и продолжали разговор, начатый некогда.

И спросил Гуров:

– Зачем же ты говоришь, что я оставил тебя в минуту смертной опасности? Кто я такой, чтобы утрашиться и бежать!

Отрок засмеялся. Как музыка, звучал его смех, и мелодичны были звуки его ответа, звуки пронизанные сладким смехом.

– Аристомах, как искусно пригваряешься ты забывшим все! Не понимаю, для чего ты это делаешь, и делаешь с таким великим мастерством, что даже сам взводишь на себя упреки, о которых я и не думал. Ты оставил меня в минуту смертной опасности потому, что так же ведь и надо было, и ты не мог помочь мне иначе, как покинув меня в эту минуту. Или ты станешь упорствовать в своем отрицании и тогда, когда я напомню тебе слова оракула.

Гуров сразу вспомнил. Точно яркий свет пролился в темную область забытого. И в диком восторге, громко и радостно воскликнул он:

– Один убьет Зверя!

Отрок смеялся. И спросил Аристомах:

– Ты убил Зверя, Тимарид?

– Чем? – воскликнул Тимарид. – Как ни сильны мои руки, но я не тот, кто мог бы убить Зверя ударом кулака. Мы были неосторожны, Аристомах, и безоружены. Мы играли на прибрежном песке. И Зверь напал на нас внезапно, и на меня наложил свою тяжкую лапу. Мне надлежало принести мою жизнь в сладостную жертву славе и высокому подвигу, а тебе – докончить наше дело. И пока Зверь терзал бы мое тело, беззащитное и не защищающееся, ты мог бы успеть, быстроногий Аристомах, принести свое копье, и умертвить пьяного от крови Зверя. Но Зверь не принял моей жертвы. Я лежал перед ним, спокойный и неподвижный, глядя прямо в его налитые кровью глаза. Он держал на моем плече тяжкую свою лапу, дышал горячо и неровно, и тихо ворчал. Потом широким, жарким языком он лизнул мое лицо, и отошел.

– Где же он? – спросил Аристомах.

Странно спокойным и странно тихой подвижности влажного воздуха звучным голосом ответил Тимарид:

– Он шел за мной. Не знаю, как долго мне надо было пройти, пока я нашел тебя. Он шел за мной. Я приманивал его запахом моей крови. Не знаю, почему он до сих пор не тронул меня. Но вот я приманил его к тебе. Достань же оружие, которое так искусно ты спрятал, и убей Зверя, а я в свою очередь уйду от тебя и оставлю тебя одного в минуту смертельной опасности, с глазу на глаз

с разъяренным Зверем. Будь счастлив, Аристомах.

И сказав это, Тимарид бросился бежать. В темноте недолго мелькал его белый плащ. И вот уже он скрылся.

И в тот же миг раздалось страшное рыкание Зверя, послышалась его тяжкая поступь. Раздвигая кусты, показалась в темноте громадная, уродливая голова Зверя, сверкнули багровым огнем два огромные, пламенные глаза. И на темном молчании ночных деревьев, темный и свирепый, приблизился Зверь к Аристомаху.

Ужас наполнил сердце Аристомаха.

«Где же копье?» – краткая мелькнула в голове его мысль.

И в ту же минуту быстрое почувствовав на лице своем веяние ночного свежего воздуха, догадался Аристомах, что он бежит от Зверя. Тяжелые прыжки Зверя и его прерывистое рыкание раздавалось все ближе и ближе за Аристомахом.

И уже когда Зверь настигал его, громкий вопль рассек ночную тишину. И возопил Аристомах, и, вспоминая древние и страшные слова, громко произнес заклятие стен.

И, заклятые, вокруг него воздвиглись стены...

III

Заклятые, незыблемо и светло стояли стены. И неживой отражался на них свет мертвой электрической лампы. И все обставшее Гурова было обычно и просто.

И опять легкая приходила Лихорадка, и целовала желтыми сухими губами, и ласкала сухими, костлявыми руками, рассыпающими жар и холод. И опять слегка болела голова. И та же была книга, маленькая и скудная, с белыми страницами, на столике около дивана, на котором попрежнему спокойно и неподвижно лежал Гуров, нежась в объятиях ласковой Лихорадки, осыпaeмый ее быстрыми поцелуями.

И опять около него маленькие смеялись и шелестели домашние нежити.

Гуров сказал громко и равнодушно:

– Заклятие стен.

И остановился. Но в чем же это заклятие? Забыл слова. Или их и не было?

Маленькие нежити, зыбкие, серенькие, плясали вокруг маленькой книги с мертвенно белыми страницами, и шелестинными голосочками повторяли:

– Наши стены крепки. Мы в стенах. Не придет к нам цепкий внешний страх.

Но посреди их стоял один, такой же маленький, но не похожий на них. Он был весь черный. Одежда его струилась дымно-пламенными складками. Глаза его исторгали яркие молнии. И от этих молний острый озноб потрясал тело Гурова. И становилось вдруг страшно, и потом опять радостно.

И спросил Гуров:

– Кто ты?

Черный гость ответил:

– Я – Призывающий Зверя. На берегу лесного ручья оставил ты некогда, в давно минувшем переживании твоём, растерзанное тело Тимарида. Зверь насытился прекрасным телом твоего друга, – он сожрал плоть, которая должна была в себе вместить полноту земного счастья; дивное совершенство человеческого, – и более, чем человеческого – образа погибло, чтобы на мне насытить голодного и

всегда ненасытного Зверя. И кровь, дивная кровь, божественное вино счастья и веселости, вино блаженств более, чем человеческих, – где эта дивная кровь? Увы! – жаждущий, вечно жаждущий Зверь многовенно упился ей, и снова жаждет. Растерзанное Зверем тело Тимарида оставил ты на берегу лесного ручья, – ты забыл обещание, данное тобой твоему доблестному другу, и слова древнего оракула не отогнали страха от твоего сердца. И ты думаешь, что ты спасся, что Зверь не найдет тебя?

Жестоко звучали его слова. И пока он говорил, прекратилась понемногу пляска маленьких домашних нежитей, и остановились маленькие, серенькие нежити, и слушали Привызающего Зверя. И сказал Гуров:

– Что мне до Зверя! Я заклил навеки мои стены, – и Зверь не проникнет ко мне, в мою ограду.

Серенькие обрадовались, и зазвенели, засмеялись, и уже готовились начать снова свою веселую пляску и уже взялись за руки и опять стали в кружок, – но Призывающий Зверя заговорил снова, и резки и суровы были звуки его голоса. И он сказал:

– Но вот я здесь. Я здесь, потому что я нашел тебя. Я здесь, потому что умерло заклятие стен. Я здесь, потому что Тимарид ждет и неустанно вопрошает. Слышишь нежный смех доблестного и доверчивого отрока? Слышишь грозное рыканье Зверя?

За стеной раздавалось, приближаясь, грозное рыканье Зверя.

– За стеной рычит Зверь, за незыблемой стеной, – в ужасе восклицал Гуров. – Стены мои заклины навеки, и ограда их нерушима.

И сказал Черный, – но повелительно было выражение его слов:

– Говорю тебе, человек, умерло заклятие стен. Если хочешь спасти себя заклятием стен, – ну что же, скажи это заклятие!

Острый озноб вдруг пронизал все тело Гурова. Заклятие! Но забыты слова древнего заклятия. Да и не все ли равно? Умерло, умерло древнее заклятие!

И все предстоящее говорило с неотразимой убедительностью, что умерло древнее заклятие стен, – потому что и стены, и свет, и тени, – все стало мертвым и зыблемым.

Призывающий Зверя говорил страшные слова. И кружилась, и болела голова у Гурова, и томила своими жаркими поцелуями неотступно ласкающая Лихорадка. Страшные слова звучали, почти не доходя до сознания, – а Призывающий Зверя становился все больше и больше, – и зноем веяло от него, и страхом. Глаза его метали огонь, – и когда он стал уже такой высокий, что заслонил свет лампы, – вдруг черный плащ упал с его плеч. И узнал его Гуров, – это был отрок Тимарид.

– Ты убьешь Зверя? – спросил Тимарид нежным голосом. – Вот, я призвал его, я привел его к тебе, я разрушил заклятие стен. Древнее заклятие стен, коварный дар враждебного божества, это оно обращало в ничто мою жертву, это оно заслоняло от тебя твой подвиг. Но вот, умерло древнее заклятие стен, – возьми же скорее свой меч, убей Зверя. Я был только отроком, – я стал ныне Призывающим Зверя, – моей кровью я напоил Зверя, и он жаждет снова, и моей плотью я напитал Зверя, и он опять голоден, ненасытный, жестокий Зверь. И вот, к тебе я призвал его, и ты, во исполнение своего обещания, убей Зверя. Или умри.

Исчез. Страшное рыканье потрясло стены. Холодной повеяло сыростью. И стена, прямо против того места, где лежал Гуров, разверзлась, и вышел свирепый, громадный, уродливый Зверь. Со

свирепым рычанием подошел он к Гурову, тяжелую на его грудь положил лапу. И прямо в сердце вонзились беспощадные когти. Страшная боль пронизала тело. Сверкая кровавыми глазами, Зверь наклонился к Гурову, и с треском дробя зубами его кости, стал пожирать его трепещущее сердце.

ЕЛКИЧ

I

Елка, елка, не сердись.
Елкич, елкич, не бранись,
Мне постели не топчи,
Сядь на елку и молчи.

Вера Алексеевна прислушалась. В скучной темноте зимнего рассвета из детской доносилось тихое пение: кто-то тоненьким голоском тянул песенку со странными словами. На лице Веры Алексеевны выразилась озабоченность. Она тихо подошла к дверям детской. Пение замолкло на минуту. Потом тоненький голос опять затянул, отчетливо выговаривая тихие и странные слова и придавая им трогательное и жалобное выражение:

Мама елку принесла.
Елка елкичу мила.
Елка выросла в лесу.
Елкич с шишкой на носу.

Вера Алексеевна, сохраняя на лице все то же озабоченное выражение, осторожно потянула к себе дверь детской. Старший мальчик, Дима, еще спал, приткнувшись носом к подушке и мерно дыша открытым ртом. Младший, Сима, худенький, черноволосый и черноглазый мальчик, сидел на постели, охватив колени руками, смотрел горящими в темноте глазами в темный угол, покачивался и напевал. Вера Алексеевна позвала тихонько, чтобы не испугать его:

– Симочка.

Сима не услышал. Продолжал свою песенку, и звуки ее казались все более хрупкими и печальными:

Елкич миленький, лесной!
Уходил бы ты домой.
Елку ты уж не спасешь,
С нами сам ты пропадешь.

Вера Алексеевна подошла к постели мальчика. Нарочно стучала каблучками своих туфель. Сима повернул к ней лицо.

– Симочка, что ты поешь спозаранку. Дай Диме спать.

Дима проснулся. Пухлый, румяный, лежал на спине и сердито смотрел на мать.

Сима сказал печальным и хрупким голосом:

– Елкич–то, вот бедненький! Каково ему теперь. Елку срубили, – где он теперь жить будет? Пустят ли его на другую елку? И как он туда доберется? Мама, как он теперь будет?

– Что ты говоришь, Симочка? – недовольным голосом заговорила мама. – Какой еще елкич тебе приснился? И как можно петь в постели! Всех разбудил.

Дима, который вставая всегда бывал груб, сказал хриплым и сердитым голосом:

– Пришла! Кому мешает. Усмирение с помощью родительских шлепков.

– Дима, не груби! – строго сказала мама. – Шлепков пока еще никому не было, ты их не хочешь ли!

– Попробуй, – все так же сердито отвечал Дима, – я ведь и зареветь могу.

Мама спокойно сказала:

– Ну, миленький, меня ревом не испугаешь.

Подошла к Диме, сняла с него одеяло, приподняла Диму за плечи, наклонилась к нему и шепнула:

– Разговори Симу, – ему опять что–то снится нескладное.

Дима был польщен. Сразу стал очень любезен. Поцеловал обе мамины руки. Поздравил с праздником. Шепнул:

– Трудно. Теперь он все будет рассказывать.

Тоненький голосок за ними затянул свою нескончаемую песенку:

Елкич в елке мирно жил,

Елкич елку сторожил.

Злой приехал мужичок,

Елку в город уволок.

Мама вздрогнула, и короткое время стояла, как испуганная. Потом решительно подошла к Симе. Взяла его за плечо. Сказала решительно и строго:

– Симочка, не дури. Какой елкич? Что за вздор!

– А он, елкич, такой маленький, заговорил тоненьким и возбужденным голоском Сима, – маленький, маленький, с новорожденный пальчик. И весь зелененький, и смолкой от него пахнет, а сам он такой шершавенький. И брови зелененькие. И все ходит, и все ворчит: «Разве моя елка для вас выросла? она сама для себя выросла!»

– Это, Сима, тебе приснилось... – сказала мама. – Проснулся, так нечего в постели сидеть, – одевайся проворно. Дима, одеваться! И не дурить. Смотрите вы оба у меня.

И мама ушла из детской спальни. Она знала, что надо бы остаться сколько–нибудь еще с мальчиками, – но ей было так некогда. Эти праздники в городе, – их положительно не видишь, вздохнуть некогда. Столько разных выездов и приемов! – положительно какая–то неприятная праздничная повинность. И так много расходов, и так много домашних хлопот, суетни, неурядиц, неудовольствий, – с мужем, с детьми, с прислугой! Право быть хозяйкой дома при современном строе жизни становится уже очень тяжело. Видно, и нам скоро придется ступить на ту же дорогу, по которой идут хозяйки в Северной Америке.

Такими соображениями утешала или, вернее, расстраивала себя, мама пошла в столовую, где уже ее ждали. И проходя мимо больших зеркал в гостиной, она с удовольствием, как всегда, кинула быстрый

взгляд на отраженное в зеркалах, прекрасное, еще такое молодое лицо и на стройную фигуру в домашнем, совершенно простом, но очень изящном и, что самое важное, очень идущем к лицу наряде.

II

А мальчики, оставшись одни, немедля заговорили о бедном елкиче, который так тоскует о своей загубленной елке и не может утешиться.

Маленький, зелененький, шершавенький, с зелеными бровями и зелеными ресницами, он все ходит по комнате, и ходит, и ворчит. Никто его не видит, кроме маленького Симочки.

И ходит, и борчит, и жалуется, и наводит тоску на Симу.

Ворчит:

– Разве она для вас в лесу выросла? Разве вы сделали ее? Зачем вы ее зарубили?

Сима оправдывается:

– Милый елкич, да ведь нам зато как весело-то было! Ты подумай только, как свечки зажгли на елочке, вот-то весело стало! Разве ты этого не понимаешь? Ведь ты же сам видел, – свечки на елочке, и золотой дождь, и блески. Так все и горит, и блестит, и переливается. Еще мне-то что, я не первую елку справляю. А вот самые маленькие, и еще вот швейцаровы дети, – ведь им это какой праздник! Что же ты сердишься так, милый елкич?

И с тоской прислушивался к тому, что ему ответит елкич. И уже заранее знал, что елкич не поверит его словам, что нельзя никакими словами утешить елкича, у которого зарубили его родную елку.

– Она у меня одна была... – ворчит елкич. И ноет, и скулит тоненьким голоском. И только Сима слышит его:

– Какую власть взяли! – ворчит елкич. – Взяли мою елку, привезли, веселитесь. Если вам нужно вокруг елки плясать, ехали бы в лес-сами. В лесу хорошо. А то срубили, погубили.

Ноет, скулит.

III

Сима наконец приступил к своему старшему брату, студенту.

– Кира, елкич то все тоскует. Он, елкич-то, все ходит, и на домашних сердито смотрит, и все скулит таким тоненьким голоском. Какой он бедный!

– Результат чтения фантастических произведений... – проворчал студент.

– Нет, Кира, ты скажи, вот он жалуется, что елка не для нас выросла, а вот ее для нас срубили. Как же это так? Ведь она и в самом деле – для себя? И каждый для себя?.. А то ведь этак каждого придут и возьмут, и сделают, что хотят.

Студент выслушал хмуро. Сказал:

– Елка – дерево. Ее можно срубить. А вот относительно нас с тобой, – тут, действительно, дело обстоит неладно. Человек-то ведь будет получше елки, а?

Сима утвердительно кивнул головой. Кира продолжал:

– Ну, и вот, приходят агенты власти, и берут тебя, и ведут, куда ты не хочешь, и заставляют делать то, что несвойственно твоей

натуре. Ты говоришь: я для себя вырос. Тебе отвечают: нет, брат шалишь, – ты вырос церкви и отечеству, всему на пользу; а раз на пользу, так мы тебя и используем. Так-то, брат...

– Это очень нехорошо! – убежденно сказал Сима.

– Хорошего, действительно, мало... – согласился студент. – Но уж таков строй жизни и нас... Служи другим, коли хочешь, чтобы тебе служили.

– Тогда я не хочу... – печально сказал Сима. – Если надо заставлять и мучить, тогда я не хочу.

– Ну, брат, об этом нас с тобой не спросят! – сказал студент.

Затянулся папирасой. Видно было, что ему очень приятно курить и чувствовать себя дома на положении взрослого. Покровительственно посмотрел на Симу. Похлопал его по плечу. Сказал:

– Ты – забавный мальчуган. Все фантазируешь. Пожалуй, вырастешь, так поэтом будешь.

Сима помолчал, вздохнул и сказал, краснея и потупясь:

– Елкича жалко. Как он теперь будет?

IV

Сима проснулся ночью. Услышал опять, как елкич ходит, скулит тоненьким голоском и ворчит. И домашние шепчутся с ним, стараются его утешить.

Тоненький голосок из угла говорит:

– Мы тебя не гоним. Будь с нами. У нас хорошо. Светики перебегают. Пылиночки кружатся. Очень хорошо.

– Насмотрелся я... – ворчит елкич. – Мне здесь у вас не нравится. Хозяева у вас не хорошо живут.

– Нам нет никакого дела до хозяев, – отвечает домашний. – Мы сами по себя, они сами по себе, – мы им не мешаем, они на нас не обращают внимания. Только Сима за нами иногда смотрит, да это не беда, – он еще маленький, и он так и не вырастет, – он к нам уйдет. Он для нас почти что свой; а до других нам нет дела.

– Нет, ворчит елкич, – не нравится да и не нравится мне у вас. Что хотите, а не нравится. Кровью тут у вас пахнет, а я этого запаха не люблю.

– А у вас в лесу разве ничем таким не пахнет? – с досадой и насмешкой спрашивает домашний.

Но елкич не отвечает и ворчит себе свое:

– И не нравится, и не нравится. Рубят, бьют, а для чего, и сами не знают.

Сима приподнялся на локте и тихонько, чтобы не разбудить Диму, шепнул:

– Миленький елкич, почему же тебе у нас не нравится? Мы все – хорошие.

Стало очень тихо. Домашние молчали и чутко ждали, что ответит елкич. Помолчал елкич. Сказал сердито:

– Иди завтра на улицу, – сам увидишь.

Домашние засмеялись, зашушукались. Симе стало тоскливо.

– Что же я увижу? – спросил он. – Милый елкич, ты иди со мной и покажи.

– Покажу, покажу! – ответил елкич.

Пискливый голос его казался злым и угрожающим, но Сима не боялся этого: он знал, что елкич тоскует по своей елке и не

может утешиться, и потому такой сердитый.

– Покажу, повторял елkich, – будешь доволен мной.

Домашние тихонько шушукались и смеялись тоненькими, шелестинными голосками, и не понять было Симе, добрые они или злые, смеются ли они от злости или от милой веселости. Жутко было Симе и, чтобы подбодриться, он опять шопотом спросил елkича:

– Милый елkич, когда же ты мне покажешь? Утром? правда? Когда мы пойдем гулять с фрейлейн Эмилией? да?

– Да , да... – ворчал елkич. – Утром, так утром.

И шелестинные расстилались по всем углам смешки и шопотки.

И опять спросил Сима:

– Милый елkич, ты ведь маленький, как же ты с нами пойдешь? Фрейлейн Эмилия как зашагает, так только поспевай. Она говорит: «Моцион надо делать весело». Так как же ты?

– Ничего, сердитым голосом сказал елkич, – уж от вас не отстану. Я к тебе в карман сяду.

Шелестинные шушукались, смеялись голосочки во всех уголочках. И под шелестинный смех заснул Сима.

V

Утром мальчики, как всегда, пошли гулять с фрейлейн Эмилией. Но беспокойно и страшно было на улицах. Шли толпы. Слышались злые слова. И вдруг раздались вдали резкие звуки рожка.

Старший Симочкин брат пробежал мимо.

– Фрейлейн, крикнул он на ходу, – ведите детей домой!

Но уже фрейлейн и сама ухватила обоих мальчиков за руки и бросилась бежать в переулок, дальше от толпы, от веселого рожка.

– Елkич, елkич! – кричал Сима. – Что же мне покажешь?

– Беги за братом, – быстро шептал елkич, – брось немку, беги за братом. Его сейчас убьют солдаты.

Сима громко закричал и рванулся от фрейлейн Эмилиии.

– Сима, Сима, ради Бога, куда вы? – кричала испуганная фрейлейн, пытаюсь поймать Симу.

Но Сима убежал в толпу. Скрылся за народом. Фрейлейн растерянно металась, не зная, что делать. Дима плакал. Кругом бежали какие-то испуганные, плохо одетые люди. Кричали что-то.

Сима догнал брата.

– Кира, пойдем вместе! – закричал он. Студент испуганно глянул на мальчика. Побледнел.

– Зачем ты здесь? Где фрейлейн?

Опять в ясном и морозном воздухе весело и звонко зарокотали звуки рожка. Нестройный гам поднялся в ответ этим звукам. Вдруг все побежали. Перед Симой и студентом стало пусто и светло. Стройный ряд наклонившихся штыков вдруг дрогнул и задымился. Сима в страхе отвернулся. Страшный треск пронизал, казалось, все его тело. Земля заколебалась, поднялась, камней под снегом холодной мостовой прижались к Симочкину лицу. Короткий миг было очень больно. И потом стало легко и приятно. Раскинув на снегу маленькие, помертвелые руки, Сима шепнул:

– Елkич миленький...

И затих.

ДИКИЙ БОГ

Две недели, проведенные мной и братом моих Сином в великолепной столице, пышной и порочной, промелькнули, как быстрый и смутный сон. Все дивило и поражало взоры жителей страны, удаленной не одним только расстоянием, но и нравами, от ухищрений и соблазнов этого гордого, царственного, торжественного и страшного города. Но, – увы! – слишком поздно понял я, что не только дивен и славен шумный, многолюдный и обширный город, но и страшен он для неискушенного опытом долгой жизни юного сердца. И сам я испытал соблазн и огорчение, ни с чем несравнимое. Но не брать бы мне с собой молодого моего брата!

Друг наш Сарру, у которого мы остановились, хотел отплатить нам за гостеприимство наше во время его странствования в нашей земле. Он неотлучно был с нами, забыв для нас все свои дела, и единственной заботой его было, казалось, то, чтобы показать нам все достойное внимания в этом дивном и великом городе. Тогда как другие хозяева часто тягостятся гостями своими и ждут с нетерпением сладостного срока разлуки, наш добрый друг жалел лишь о том, что мы не можем прожить в его доме так долго, чтобы пройти весь годовой цикл торжеств, праздников и жертвоприношений. Храмы бо- жеств милостивых и свирепых, священные роци таинственных духов, мрачные башни успокоения, благоуханные и ликоющие сады любо- страстных наслаждений, приюты расточаемых за деньги ласк, базары с неисчислимыми богатствами роскошных тканей, ковров, оружия, драгоценных камней, благовоний и мастей, забавных птиц и обезьян, отроков и рабынь всех оттенков кожи, от самого нежного розового до самого черного цвета, кофейни и приюты для курений, от которых человек восхищается в невиданные на земле области, и много еще иного, о чем и не упомяну, показывал нам Сарру. Но речь веду не о множестве виденного нами. Одно было нам искушение и оно привело нас самых и всю страну нашу к величайшим несчастьям.

И не посещать бы мне этого великого, не рокового города! Или, по крайней мере, не брать бы мне с собой моего юного брата!

Едва вышедший из отроческого нежного возраста, как мог он преодолеть искушение, которое и для меня было столь тягостным испытанием?

Однажды утром друг наш Сарру сказал нам.

– Сегодня я покажу вам царский зверинец, – ибо в этом месяце сады царского зверинца доступны для обозрения не только нам, но и чужеземцам.

Брат мой Син шумными изъявлениями восторга радовал нашего друга. Я же смутился, ибо в ту ночь видел во сне зловещее предзнаменование: зверя непомерной силы и свирепости, голос которого подобен был святому рыканию бога. И не идти бы мне в прокля- тый зверинец! Но не захотел я огорчать любезного нашего хозяина.

В саду, который был столь обширен, что казался нескончаемым, в клетках разной величины и разной формы, сделанных из различных металлов и разнообразного дерева, увидели мы прежде всего чудесное многообразие птиц. Тут были и громадные птицы с сильными крыльями и хищно изогнутым клювом, которым они могли бы захватить и унести самого тучного барана, и птицы, лишённые почти совсем крыльев, но зато одаренные перьями удивительно красивой окраски, напоминавшими самоцветные камни в песке святой реке Мейрур,

которыми играя забавляются наши дети: птицы, голос которых был так приятен, что, казалось, пение их можно было слушать без конца с великим восхищением; птицы столь малой величины, что они казались красивыми стрекозами; были и такие птицы, которые умели говорить на языке той страны, хотя и не очень хорошо, но все-таки достаточно внятно и громко. В громадных водовместилищах видели мы великое множество рыб и других речных и морских чудовищ. Далее были помещены громадные, страшные змеи. Они с такой яростью разевали свои ужасные пасти, высовывая страшные жала, что невольный трепет обнимал всякого. Взгляд этих свирепых гадин производил такое впечатление, что неосторожный, посмотревший прямо в змеиные очи, лишался способности двигаться: и надо было, чтобы кто-нибудь другой увел его от страшного, хотя и безопасного места, ибо эти гады не только были заключены в клетки с тонко извитыми решетками, но и были предусмотрительно обезрежены: у них были вырваны те зубы, в которых хранился пагубный яд. Далее увидели мы неисчислимое множество клеток с зверями хищными и травоядными, – верблюды с одним и двумя горбами, носороги, бегемоты, невиданные звери с ужасными когтями, и чудовища с носами, похожими на змей.

Мой юный брат Син восторгался всем, что он видел. Я же, от множества собранных в одно место чудовищ, из которых многие оглашали воздух противными и страшными звуками, все было и более смущался, и тягостные предчувствия все сильнее томили меня.

Друг наш Сарру сказал нам:

– Сейчас вы увидите зверя, поистине царственного.

Но не успел еще Сарру произнести имя царственного зверя, как свершилось дивное явление, повергнувшее меня в неизъяснимый трепет и заставившее меня в священном ужасе упасть лицом на землю. Над многообразием звериных криков и людских веселых голосов раздался внезапно грозный и священный голос, – рыкание великого бога.

Рыкание, которое в тишине наших ночей наводило ужас на сердца наши и означало, что бог, алкая новой жертвы, рыщет священными стопами у околицы нашего селения, – это святое рыкание раздалось в зверинце великого царя. Повергнувшись на землю, ждал я благоговейно, кого из присутствующих изберет божество для своей дивной трапезы, – и таинственным ужасом было полно мое сердце. Мысленно прощался я с жизнью, готовясь предать свое тело разъяренному и алчущему богу, – ибо никогда в такой близости ко мне не слышал я божественного рыкания, – близость же к божеству ужасна воистину.

И вот, когда я и брат мой Син лежали, распростертые во прахе и ждали, вдруг услышали мы громкий, заглушивший даже божий голос, хохот множества людей.

Друг наш Сарру, смеясь, как все, старался поднять нас с земли.

– Не бойтесь, – говорил он нам, – этот зверь, точно страшен, если встретить его на воле. Но он посажен в такую прочную клетку, что не уйдет из нее, хотя бы и еще сильнее был он. Мастер, строитель клеток, знает свое дело. Да и может ли грозить кому-нибудь какая бы то ни было опасность в том месте, где бывает сам великий царь, любясь и забавляясь заключенными в его зверинце чудовищами?

Трепеща от ужаса и не поднимая лица, я ответил так другу нашему Сарру:

– Сердце мое не знает страха, и не дрожало оно в минуты смертной опасности. Но я услышал грозное рыкание бога и жду его

дивного и страшного явления. Бог, в святых муках дивного желанья, алчет жертвы – и человеку надлежит лежать во прахе и ждать, кого возьмет свирепое божество для своей святой трапезы.

И смеясь по-прежнему, говорил мне Сарру:

– Это рычит зверь, посаженный в клетку и совершенно безопасный. Вот, смотри, и малые дети теснятся у клетки зверя, и не боятся его, потому что решетка клетки несокрушима. Зверь получит только ту пищу, которую дадут ему приставники зверинца.

Но долго не верил я другу нашему, и долго лежал в пыли перед клеткой, потому что рыкания божества продолжались, такие же грозные свирепые, как и те, которые ужасали меня по ночам, когда я просыпался в моем шатре и слышал приближающегося к селению и требующего жертвы бога.

Но брат мой Син тихо сказал мне наконец:

– Я осмелился взглянуть на клетку. Рыкание бога исходит от зверя, заключенного там.

И тогда я не знал, что думать и как мне быть. Коварный ли демон имеет в этом нечестивом городе такую власть, что осмеливается гнусным своим рыканием подражать грозному голосу великого бога? Бог ли таится в шкуре зверя, плененного и безопасного, и смеется над жалкими в их ослеплении людьми, и выбирает себе между ними жертву? Но могут ли быть демоны столь дерзкие и столь сильные, чтобы рычать по-божьи? И может ли великий и грозный бог снизойти до того, чтобы прятаться в шкуре плененного зверя? Или презренный демон этого нечестивого города, лживый и коварный демон, покровительствующий хитрым и дерзновенным замыслам, измыслил такие чары, которыми побеждено и пленено божество?

Но не богохульство ли иметь такие помыслы о боге? И не грозит ли неисчислимыми бедствиями для меня и брата моего Сина, то, что мы осмеливаемся длить нечестивый восторг развратных жителей этого проклятого города, и лежать, хотя и в смиренном положении, перед отвратительной клеткой, в которой совершается что-то, нам совершенно непонятное, и, может быть, даже и совсем недоступное слабому человеческому разуму, но, несомненно богохульное и оскорбительно и для нашего бога, и для святых заветов нашей благословенной родины?

И рыдая лежал я во прахе, меж тем, как начестивцы издевались над нами, и не знал, что делать. И брат мой Син сказал мне:

– Уйдем отсюда!

Я не знал, можно ли уйти, пока рычит над нами бог. И как подняться? И как увидеть лик, на который еще никто из них не взирал? Если точно бог наш здесь в клетке, то как уйти от него и как оставить его в унижении и позоре? Но и что можем мы сделать?

И хотя в первую минуту мысль уйти от грозно-рыкающего бога показалась мне нестерпимо богохульной, но скоро я понял, что нам не остается ничего иного. Ибо, оставаясь здесь и слушая нечестивые насмешки и над нами, и над богом нашим, не совершали ли мы сами гнуснейшего из человеческих грехов – оскорбления божества?

Но прежде, чем подняться и уходить, я тщательно закрыл своим плащом лицо моего брата Сина, думая, что если кому из нас надо погибнуть, встретив разъяренный взор бога, то пусть лучше погибну я, уже насладившийся долготой дней, а не брат мой, еще не испытывавший сладчайших в скоротечной жизни радостей и утешений.

Притом же юношеское легкомыслие могло заставить его снова взглянуть на божество. Ведь, он мог подумать, что, если первый взгляд его на бога остался неотмщенным, то столь же милостив будет бог и второй раз. Я же, опытом долгой жизни умудренный, знал уже хорошо, что милость святого бога – дар редкий и трудно дающийся, и что искушать божество безумно.

И ни на что более не глядя, вышли мы с братом из зверинца, провожаемые грубым смехом и громкими насмешками толпы, нечестивой и безумной в своем несчастье. Поистине, грозной кары божества достойны не только люди, обитающие в этом проклятом городе, но и самые стены, столь надменно и хитро воздвигнутые и увенчанные суетно гордыми башнями.

В тот же день мы поспешно навючили наших верблюдов и еще до солнечного заката покинули ужасный и нечестивый город.

Во время долгого и трудного пути много было у нас, у меня и у брата моего Сина, времени и досуга, чтобы обдумать то, что случилось с нами в зверинце великого царя. Но никак не мог я понять значения того дивного явления, которое было нам. Не надлежало ли толковать его, как священное знамение, предвещающее нечто или ужасное, или благоприятное? Но согласно ли с истинным богопочитанием, завещанным нам нашими благочестивыми предками, думать, что святейшее в мире является не само для себя, в своей таинственной и неизъяснимой самоцельности, а только для того, чтобы в мире деяний человеческих быть неким вещим знаком? И кто мы такие, чтобы бог приходил к нам и рычал над нами без воли и могущества пожрать наши распростертые перед ним тела? Притом же никогда не слышали мы, даже и от старейших из старцев наших, чтобы бог являлся предзнаменовать пророчествовать о делах наших, – всегда прихидил он, грозно рыкая, чтобы пожрать того из нас, на кого падал его святой выбор.

И долго шли мы с братом Сином в пустынных местах, направляясь к родным селениям, и ничего не говорили друг с другом. По угрюмому молчанию брата моего понимал я, что и он думает о дивном явлении.

Наконец, уже когда до нашего дома оставалось не более трех дней пути, сказал мне брат мой Син:

– Когда рыкание бога повергло нас на землю, и мы лежали долго, а чужие люди издевались над нами, я наконец, решился поднять голову. И ясно увидел я разверстую пасть зверя. Клянусь, не было в этом ошибки, – святое рыкание исходило из пасти зверя. Дикого зверя, пойманного людьми и посаженного в клетку.

И я сказал брату моему Сину:

– О этих грозных и страшных явлениях надлежит хранить благоговейное молчание. Такова мудрость, которой научили нас предки наши. В мире есть много непонятного, – и как ни страшно то, что случилось с нами, мы должны с покорностью преклоняться перед волей нисходящего к нам божества.

Брат мой Син долго молчал. Но уже когда день склонялся к вечеру, и уже солнце было низко, он сказал мне:

– Это и было то самое рыкание, которое раздавалось у нашей околицы, когда бог приходил за жертвой. Бог, которому мы поклонялись с таким смирением, с такой покорностью, бог, который пожирал без счета нежных дев и веселых детей, этот бог оказался диким зверем, с глазами, зелеными, как у кошки, с желтой шкурой, испещренной черными пятнами. И его, бога нашего, можно изловить и посадить в клетку.

Я ужаснулся и запретил брату моему Сину говорить такие нечестивые слова. Но брат Син, охваченный неистовством, исходящим от злого и коварного духа, вечно враждующего зачем-то с нашим богом, сказал мне с яростью:

– Я видел, что бог наш – дикий зверь. И я не хочу, чтобы мы и впредь приносили ему такие же безчисленные и дорогие жертвы. Разве мы не можем построить такой для нашего бога клетки, которая была бы достойнымместилищем для его святости? И пусть он живет там мирно, не разоряя наших селений, не внося ужаса и горя в наши семьи, и питаюсь нашими добровольными приношениями. Я не так безумен, чтобы говорить, что можно жить без бога, – но разве бог не может питаться мясом баранов и быков? Зачем надо было, чтобы он пожрал в цвете лет твою невесту, прелестнейшую из девушек нашего села? Зачем надо было, чтобы столь многие оплакивали своих детей, когда бог превосходно мог бы насытиться от наших стад?

Объятый ужасом, тщетно запрещал я моему брату, тщетно даже я бил его, – его язык продолжал извергать злые и нечестивые слова.

И возвратились мы домой.

Скоро между молодыми людьми начались тайные совещания, – брат мой Син собирал вокруг себя юношей нашего селения и прельщал их своими безумными рассуждениями. Увы! и сам я принужден был, на прямо обращенные во мне вопросы, подтвердить, что и в самом деле в царском зверинце слышали мы, я и брат мой Син, грозное рыкание бога, и что оно исходило, повидимому, из той самой клетки, где заключен был некий дикий зверь, плененный хитрыми и сильными охотниками и безопасный в крепко слаженном своем убежище. Правда, я не уставал объяснять сомневающимся, что бог не мог быть в клетке, и исходившее из клетки божие рыкание было одним из тех неизъяснимых явлений, которые не могут быть постигнуты слабым человеческим разумом, и о которых лучше всего хранить благоговейное молчание. Но меня мало слушали и более верили злему внушению легкомысленного брата моего, уверявшего, что бог наш – зверь и что его надо посадить в клетку.

Скоро все жители нашей страны разделились на две враждующие между собой стороны: одни, соблюдая святыя предания старины и заветы благочестивых и мудрых предков наших, сохранили спасительную веру в бога, который обитает в непроходимых чащах, за святой рекой Мейрур, невидимый и недостижимый для людей, который по ночам выходит из чащ к той или другой деревни и громким рыканием требует жертв, – веру в то, что пребывание бога чащах, близ селений наших, благодетельно для нас, спасает нас от многих бедствий и дает нам счастье и удачу в охоте и других трудах наших, – веру в то, что блажен удел тех, кто погибает в пасти алчущего бога, насыщая собой его священный голод и в мирообъемлющей утробе его приобщаясь к божьему страданию и к божественной нескончаемой жизни. Другие же с нелепой запальчивостью и настойчивостью, пренебрегая мудрыми речами хранителей свято-отеческого предания, твердили бессмысленную сказку о том, что бог, которому мы доныне поклонялись, которому мы неисчислимые приносили жертвы, только зверь, таящийся в лесу.

Были многие смуты и раздоры, сопровождаемые даже драками и убийствами, – брат стал на брата и сын на отца, и во всех семьях нарушен был сладостный мир, и стали распри.

Наконец, в сердце мудрого и хитрого Белезиса вошла мысль, лукавая и злая, но прельстившая многих, особенно из тех, которые

любят примирять и выбирать во всем средние пути. Так говорил мудрый Белезис:

– Отцы наши преподали нам святое учение о поклонении богу, обитающему в чаще и требующему человеческих жертв. Святое учение предков не должно быть нарушаемо и отвергаемо. Весь строй нашей жизни придет в совершенное замешательство, если из сердец наших исчезнет страх перед богом, огненный взор которого пронизывает непроглядную темноту наших ночей. И если мы, старцы и учителя народные, в опыте долгой жизни нашей найдем достаточно поучения к тому, чтобы и без бога вести достойный предков наших образ жизни, и то буйные и своевольные юноши наши, откинув мысль о боге и истребив в себе священный трепет перед таинственным верховным существом, без сомнения, впадут в самый неистовый разврат.

И старейшины и учителя народные громкими хвалами приветствовали мудрые слова. Найдя доступ в сердца лучших людей, мудрый Белезис продолжал говорить так, чтобы угодить и легкомысленным юношам. Так говорил он:

– С другой стороны, мы не можем сомневаться и в правдивости нашего общего друга Мелеха, и в правдивости повествований юного Сина. Так, в зверинце великого царя видели они дивно изукрашенное помещение, которое они называют клеткой, но которое, по их описанию, столь великолепно, что достойно, без сомнения, быть чертогом великого нашего бога. И слышали они голос, исходящий из этого чудесного чертога, и голос тот показался им во всем подобным рыканию великого и славного бога нашего. А юный друг наш Син, с отвагой, свойственной юношескому возрасту его, осмелился даже бросить благоговейный взор на существо, которое рычало в чертоге, в то время, как Мелех и Син воздавали ему благочестивое поклонение, невежественные же и распутные жители великого города глупым смехом своим свидетельствовали о глубине своего невежества. И видел Син, что рыкающее существо во всем подобно зверю. Так говорят они, и почему бы нам и не верить их рассказу? И почему бы богу нашему не иметь и звериного облика? Пожирающий тела наших юношей чего требует от нас? Не знаем ли мы, что он хочет пить живую кровь и есть живую плоть? Когда он берет отрока или деву, он не жарит, не коптит и не солит свою пищу, а пожирает ее, как приличествует божеству, живем, но откуда мы знаем, что бог наш хочет непременно человеческого мяса? И если мы создадим ему помещение, столь же изукрашенное, как и то, в котором был заключен зверь великого царя, то не примет ли благосклонно наш бог нашего труда? Может быть, поселившись в созданном нами чертоге, он пожелает изменить закон питания своего и будет довольствоваться живыми телятами и ягнятами.

И юноши и девы шумными изъявлениями восторга приветствовали коварную речь мудрого Белезиса.

– Создадим чертог нашему богу! – восклицали они.

И более легкомысленные из них даже осмеливались говорить так:

– Построим поскорее клетку для зверя и загоним его туда. Довольно ему обжираться телами прекраснейших и сильнейших между нами.

Воистину, это были глупые юноши, – они думали, что жизнь есть величайшее благо, и они не хотели понять блаженства умереть в пасти алчущего бога.

Напрасно некоторые благочестивые старцы, оставшиеся верными святой вере предков, обличали нечестие замысла хитрого Белезиса и

корили его в том, что он на склоне своей жизни замыслил такое страшное дело. И из старцев многие, любящие своих детей более, чем бы надлежало любить бога, присоединились к нему, – и постройка чертога для того, чтобы бог жил в нем и не пожирал по воле юношей и дев, а довольствовался тем, что ему дадут люди, – эта нечестивая постройка была решена.

Пока же строилось здание, называемое чертогом, но которое было, конечно, клеткой для зверя, некоторые из юношей задумали выйти на бога со стрелами и копьями. Конечно, они были казнены.

И еще случилось событие, которое повергло в великое смущение всех благочестивых и всем легкомысленным прибавило смелости в их речах о боге.

Юноша Закир, один из храбрейших и искуснейших охотников, однажды пошел в лес и долго не возвращался. И уже мы все считали его жертвой бога, и уже девы пели сладкогласные песни, прославляя почивающего в божием лоне отважного Закира. Но вот через неделю на рассвете он вернулся, обессиленный от потери крови, покрытый страшными рубцами и язвами, но пылающий радостью и отвагой. С неохотой и уклончиво говорил он старейшинам о том, где он был и что с ним случилось, но мы все заметили, что юноши и девы собирались около него в местах

уединенных и слушали его рассказы. И скоро по селению нашему разнесся слух, что Закир встретил бога и сражался с ним. Дерзкое богухуление и открытый мятеж против божества на мог быть терпим. Искусные подслушиватели, пылая благочестивой ревностью и желанием снижать благосклонность старейшин, вызнали, о чем говорят юноши и девы, сходясь уединенных местах, и что они скрываются от старейшин. И тогда Закира взяли и подвергли пыткам, чтобы выведать от него, что с ним случилось.

Не стерпев жестоких мучений, Закир покаялся в своем грехе. Он говорил так, и мы все внимали ему в священном ужасе:

– Ночь была тиха и безлунна, когда я подходил к той чаще, что простирается на три дня пути за святой рекой Мейрур. Нож мой был остро наточен и стрелы отравлены, ибо я твердо решился выследить и умертвить чудовище. Внезапно, так близко от меня, как близко останавливается дева, любясь на юношу, которого вожделеет, так близко, как близко падает первый камень из руки мальчика, начинающего учиться метанию камней, – так близко от меня раздалось рыкание бога. Движимый силой привычки, вкоренившейся с детских лет, я повергся на землю и благоговейно ждал. И тяжкая близко слышна была мне поступ бога, и треск сухих ветвей под его дивными стопами. Я ждал. Но холодная ящерица скользнула по моей ноге, и ее прикосновение напомнило мне все, что я слышал о зверинце великого царя и о чертоге царственного зверя. И уже когда святейшее дыхание горячо и бурно проносилось над моей шеей, я вскочил на ноги и схватился за нож. Не знаю, был ли передо мной бог, или это было иное существо из породы демонов или диких зверей, – но я видел перед собой зверя, громадного, зеленоглазого и свирепого. Пасть его, разверстая, готовая растерзать меня, страшила огромными, острыми, белыми зубами. Воистину, кто бы он ни был, демон, бог или зверь, но это было существо дивное и грозное. И не знаю, как случилось, что я снова не повергся на землю. Какая–то сила, более могущественная, чем мое бедное сознание, принудила меня встретиться зверя очи в очи и принять грозный вызов рока. И я решил вступить в бой с этим чудовищем, кто бы он ни был. Зверь присел, как кошка, готовящаяся к прыжку, и снова

ужасное рыкание огласило лес, наполняя меня неизъяснимым ужасом. Но я зорко следил за движениями зверя и, когда он кинулся на меня, я проворно увернулся и спрятался за деревом. Зверь гибко извернулся и готовился повторить прыжок. Казалось, что неудача досаждает и стыдит его, и он прилег и затаился, хитрый, осторожный, злой. Поспешно изготовил я стрелу, и отравленная медь ее с тонким звоном метнулась навстречу зверю в одно время с его вторым прыжком. В тот же миг тяжелое и громадное навалилось на меня чудовище. Его когти вонзились в мое тело, но я, преодолевая боль и страх, успел ударить его ножом. Не помню, что было потом. Когда я очнулся, ночь приходила к концу. Я лежал окровавленный, слабый. С трудом приподняв голову, я увидел кровавый след, уходящий в глубину леса. Я понял, что раненный мной зверь оставил меня и удалился, — издыхать, может быть, а может быть, залечивать раны прикладыванием растущих на лесных прогалинах целебных трав.

Долго рассуждали старейшины о преступлении Закира. Наконец, хитрый Белезис произнес разумное слово, и все приняли его с многими хвалами. Так говорил Белезис:

— Подождем, когда услышим у околицы нашей рыкание бога, исцеленного дивными травами. Божий голос уличит дерзкого, святое рыкание бога покажет его победу над смертью, и тогда мы выведем безумного Закира, обнаженного и связанного, и предадим в жертву богу, которого он столь тяжко оскорбил, возжаждав божией смерти.

Так и поступили. И радовались юноши и девы. Они говорили:

— Издох зверь и не придет рычать у нашей околицы.

Цветами венчали они отважного и прекрасного Закира, и плясали вокруг него, и славословили его пением красно-сложенных гимнов, и восходящими выше облаков звуками флейт и тимпанов. Но непродолжительна была их радость. Не прошло и недели, как близ нашего селения снова послышалось грозное и священное рыкание. И вывели Закира, как решено было на суде старейшин, связанного и обнаженного, к чаще, на жертву богу. И на другой день, недалеко от того места, нашли кости безумного Закира. Юноши и девы плакали неутешно, и неизгладимую в сердцах своих запечатлели память о Закире, а мудрые старцы проклинали дерзкого богохулителя.

Но вот, готов был изукрашенный чертог для нашего бога. Мы постановили чертог на берегу святой реки Мейрура, на то место, где любил по ночам ходить бог, ожидая жертвы. И в клетку посадили мы для бога, как приятную и последнюю для него человеческую жертву, юную и прекрасную Ханнаи, совлекши с нее одежды, чтобы не утруждать святых когтей божих разрыванием мертвой и неуютной богу ткани. Не долго ждали мы. Бог пришел за добычей. И мы вышли навстречу ему с пением торжественных гимнов. В священном трепете сладостно томилась наша души. Нам предстояло, наконец, в первый раз увидеть лицом к лицу нашего бога и воздать ему поклонение не во тьме и тайне, как прежде, а при ярком озарении смоляных факелов. Праздничные одежды надели мы на себя, дорогими благоуханиями умастили тела и волосы наши, венками из душистых трав и прекрасных цветов увенчали мы наши головы. Никто из нас не взял с собой оружия, — так повелели старейшины наши, чтобы не оскорбить бога видом вооружения, которое легкомысленно было поднято на него. Радостные, спокойные и мирные, шли мы и пели священные гимны. И вот, наконец, багровый свет факелов упал на святой лик нашего бога.

Мы стали вокруг изготовленного чертога, стали так, чтобы свободный и широкий открыт был богу путь в чертог. Но бог не

пожелал исполнить смиренных молений наших. По воле своей пожелал он выбрать себе жертву. И бросился он на толпу отроков и дев, быстрый и свирепый, и поверг на землю дочь мою Мерро.

И когда бог с жадным ворчанием терзал милое тело дочери моей Мерро и, визжа и мяукая от наслаждения, пил горячую кров из ее трепетного горла, – отверзлись внезапно глаза мои, и понял я, что бог, которому мы поклонялись, бог, которому приносили мы неисчислимые жертвы, бог жестокий и свирепый, жаждущий горячей крови и алчущий живой, расцветающей плоти, есть воистину зверь, дикий и безумный, сильный только нашим бессилием, грозный только нашим перед ним трепетным страхом.

И все мы увидели звериное тело, желтое, с безобразными черными пятнами, и возопили все – и юноши, и девы, и старцы.

– Воистину, дикому и злему поклонялись мы зверю. И ныне видим мы своими глазами, что нет бога, обитающего в чаще за святой рекой Мейрур, и тела отроков и дев наших и великого охотника Закира пожраны свирепым и немыслящим зверем.

А зверь снова бросился в толпу юношей и терзал новую жертву. что могли мы сделать? Без орижия вышли мы встречать бога, – и встретили зверя. И мы бежали. Зверь гнался за нами, – и страшными ударами когтистых лап терзал и крушил многие тела, выбирая самых юных, – ибо у лесного зверя тонкое для пищи своей чутье.

В этот день насытился зверь довольно жаркой кроью и нежными телами отроков наших и дев. Мы укрылись в наших шалашах и оплакивали многих погибших. И оружие готовили мы, и святая жажда мщения жгла наши сердца.

И длились дни. Хитрый зверь таился и нападал внезапно, – и много погибло храбрых и юных. Было и среди нас немало таких, которые сохранили верность тому, кого они продолжали называть богом, – и они заманивали, а то силой увлекали в чаще тех, кто слишком громко и смело говорил против зверя и прислужников его. Иные находили выгоду в том, чтобы зверь по-прежнему почитался богом, – ибо гаданиями и волхованиями своими они обольщали многих и уверяли, что бог милостив к ним и к тем, за кого они молят бога. И много погибло неосторожных и отважных, но не мало было истреблено и приверженцев жестокого бога.

Иные из старейшин говорили так, – и слова их дышали глубокой мудростью:

– Безумные, к чему вы стремитесь? чего вы хотите? Подумайте, что будет, если вы убьете бога! Как можем мы жить без бога? Отвергнуть все священные заветы предков легко, – но на чем же будет основан строй вашей жизни?

Увы! как жить без бога? Этого мы не знали, об этом мы даже не хотели думать. Лишь бы избавиться от жестокого зверя.

И вот однажды утром радостные крики пронеслись по селению. Дети и юноши бежали по улицам селения и кричали.

– Зверь смертельно ранен! Зверь издыхает!

И девы свирельными голосами восклицали, ударя ладонь о ладонь и пляша на стогнах селения:

– Издыхает, издыхает зверь!

И трубные звуки, и тимпаны, и флейты оглашали распутья окрестных дорог, – и далече раздавались радостные крики:

– Проклятый, проклятый зверь издыхает!

А на берегу святой реки Мейрура лежал зверь, пораженный отравленной стрелой. Корчась в предсмертных муках, рычал издыхающий зверь. Зеленые глаза его горели бессильной яростью, и ужасные

когти рыли землю, и трава вокруг поверженного зверя орошалась его нечистой кровью.

И приспешники зверя плакали, таясь в своих шалашах.

А мы в тот день ликовали.

Мы не думали о том, как будем жить без бога.

Мы не думали о том, кто придет на берега святой реки Мейрура и поработит нас иной злейшей властью.

ЧУДО ОТРОКА ЛИНА

Исполнив с большим успехом повеление усмирить непокорных жителей мятежного селения, отказавшегося приносить жертвы и совершать благочестивые поклонения перед изображением божественного императора, отряд всадников возвращался в свой лагерь. Много пролито было крови, много истреблено нечестивцев, — и утомленные всадники с нетерпением ждали наступления того отрадного часа, когда они вернутся в свои палатки и без помехи насладятся прекрасными телами взятых ими в мятежном селении жен и дочерей нечестивых безумцев. Эти женщины и девы, уже вкусившие сладостное, но утомительное насилие поспешных всаднических ласк у околицы разрушенного и сожженного селения, возле изуродованных трупов их отцов и мужей, возле измученных тел их матерей, окровавленных ударами палок и бичей, эти женщины и девы, тем более желанные солдатам, чем непокорнее были они сами и чем вынужденнее были их объятия, лежали теперь, крепко связанные, в тяжелых телегах, которые увлекались сильными лошадьми по большой дороге прямо к лагерю. Сами же всадники избрали путь окольный, ибо до сведения старшего центуриона дошло, что некоторые из мятежников успели скрыться и бежали по этому направлению. И хотя уже покрыты кровью и иззубрены были мечи и притупились копья от удалой работы ревностных к славе и достоинству императора воинов, — но меч римского легионера никогда не бывает сыт телами поверженных врагов, и вечно жаждет новой и новой горячей крови человеческой.

Был знойный день, и самый жаркий час дня, вскоре после полудня. Небо сверкало безоблачное и беспощадно-яркое. Огненно-мглистый небесный Дракон, дрожа от всемирной безумной ярости, изливал из пламенной пасти на безмолвную и унылую равнину потоки знойного гнева. Иссохшая трава приникла к жаждущей и ждущей тщетно влаги земле, и тосковала вместе с ней, и томилась, и никла, и задыхалась от пыли. Из-под лошадиных копыт вздымалась, и еле движимым облаком в недвижимом воздухе стояла и колыхалась серая пыль. И пыль садилась на доспехи утомленных всадников, и они тускло и багрово мерцали. И сквозь облако серой, неподвижной пыли все окрест являлось взорам утомленных всадников зловещим, мрачным, печальным. Сжигаемая яростным Драконом, покорная, бессильная лежала земля под тяжкими копытами, окованными железом. Под тяжелыми, железно-окованными копытами гудела, дрожала пустынная, пыльная дорога. И только изредка встречались бедные селения с жалкими лачугами, — но, томимый тяжким зноем, забыл старший центурион свое намерение обшарить всю дорогу, и, мерно качаясь на седле, угрюмо думал о том, что кончится когда-нибудь этот зной, и

долгий путь идет к концу, и уведут боевого коня, и возьмут шлем и щит, и под широком полотном походной палатки будет прохлада и тихий свет ночной лампы, и опять заплачет нагая рабыня, и заплачет свирельным голосом, жалуясь и причитая на чужом и смешном языке, и заплачет, но будет целовать. И он ее заласкает, заласкает до смерти, – чтобы не плакала, не причитала, не жаловалась, не говорила свирельным голосом об убитых, о милых ей, о поверженных врагах великого Цезаря...

Юный воин сказал центуриону:

– Вон там, направо, близ дороги, я вижу толпу. Прикажи нам, Марцелл, и мы помчимся на этих людей, и разгоним их, и быстрым движением коней наших разбудим услышленный тажким зноем ветер, и он ответ пыльную истому от тебя и от нас.

Центурион внимательно посмотрел в ту сторону, куда указывал ему юный воин. Зорки были глаза старого центуриона.

– Нет, Люцилий, – сказал он, улыбаясь, – эта толпа – толпа детей, которые играют при дороге. Не стоит разгонять их. Пусть мальчишки смотрят на могучих коней наших и на отважных всадников, и с ранних лет запечатлевают в сердцах своих преклонение перед величием римского войска и перед славой нашего непобедимого и божественного Цезаря.

Юный всадник не смел возражать центуриону. Но омрачилось лицо его. Недовольный, отехал он к своему месту, и тихо сказал своему другу, такому же, как он сам, юноше:

– Эти дети, может быть, отродье мятежной сволочи, и я бы с радостью искрошил их в куски. Наш центурион от старости стал слишком чувствителен и утратил свойственную доблестному воину суровую решимость.

Но и друг его ответил ему с приметным неудовольствием:

– Зачем же нам сражаться с детьми? Какая в этом слава? Довольно с нас битв с теми, которые могут защищать себя.

И краснея в досаде, замолк юный и запальчивый воин. Всадники приближались к играющим детям. И остановились дети при дороге, и смотрели на воинов, дивясь их могучим коням, их блистающим доспехам и их мужественным, загорелым лицам.

Дивились, шептались, глядели широко раскрытыми глазами. И только один из детей, прекрасный отрок Лин, смотрел на воинов сумрачно, и черные глаза его сверкали огнем святого гнева. И когда отряд всадников поравнялся с детьми отрок Лин воскликнул:

– Убийцы!

И угрожая поднял и протянул руки к центуриону. И сумрачно глянул на него старый центурион, не расслышал, что кричит мальчишка, и проехал мимо.

Испуганные дети окружили Лина, и запрещали ему кричать, и шептали:

– Бежим, бежим скорее, а то они всех нас убьют.

И девочки уже плакали. Но прекрасный отрок Лин безбоязненно ступил вперед, и громко крикнул:

– Палачи! Мучители невинных!

И снова угрожая поднялась сжатая в кулак маленькая, бессильная рука отрока Лина. И сверкая гневными, черными очами, весь дрожа, задыхаясь от гнева, Лин кричал все громче и громче:

– Палачи! Палачи! Чем смоете вы с рук ваших кровь убитых вами?

Девочки подняли вопль, заглушая крики отрока Лина, и мальчишки схватили его за руки и повлекли прочь от дороги. Но Лин

вырвался из их рук, сжигаемый святым гневом, и выкрикивал проклятия воинам великого императора.

Всадники остановились. Юнейшие из них громко восклицали:

– Это – отродье крамольников! Мятежным духом заражены их сердца! Надо их истребить! Нет места под небом тому, кто осмелился оскорбить римского воина!

И старые воины говорили центуриону:

– Дерзость этих негодяев достойна жестокого наказания. Марцелл, прикажи нам догнать и истребить их всех. Надо истребить крамольное племя прежде, чем они вырастут и будут в силах восстать и причинить великий вред божественному Цезарю и миродержавному Риму.

И центурион сказал:

– Догоните их, убейте тех, кто кричал, а остальных накажите так, чтобы они помнили до конца своих дней, что значит оскорбить римского воина.

И все всадники, свернув с пыльной дороги, помчались вслед за убегающими детьми.

Видя погоню, отрок Лин крикнул товарищам своим:

– Оставьте меня! Меня вы не спасете, а если будете бежать, то все погибните под мечами этого нечестивого и безжалостного воинства. Я пойду к ним навстречу, и пусть они убьют меня одного, – я и не хочу жить в этом презренном мире, где совершаются такие жестокие дела.

И остановился Лин, и не могли увлечь его далее обессилевшие от бега и от испуга товарищи его. И стояли они, и громко плакали, меж тем, как всадники быстро окружили их тесным кольцом.

Засверкали на солнце вынутые из ножен мечи, и зыбкие улыбки Дракона побежали, безжалостные, злые, по стальным клинкам. И задрожали дети, и с громким плачем, прижимаясь друг к другу, сбились в тесную кучу. И Дракон, торопящийся к убийству, распалаящий жаркую солдатскую кровь, багровым дымом ярости застилающий воспаленные глаза воинов, уже радовался, уже готов был безпощадными лучами змеиных своих очей облобызывать невинную детскую кровь и гнойным зноем небесной злобы залить изрубленные жестокими и широкими мечами незащитные тела. Но смело выступил из толпы отрок Лин, и подошел к центуриону. И сказал громко:

– Старик, это я назвал тебя и твоих воинов убийцами и палачами, это я проклинал тебя и всех кто с тобой, это я призывал гнев праведного божества на ваши нечестивые головы. Смотри, вот они эти дети, плачут и дрожат от страха. Они боятся, что проклятые воины твои по твоему безбожному повелению убьют всех нас, и убьют нас и отцов и матерей наших. Убей одного меня, – ибо эти покорны тебе и пославшему тебя. Убей только меня, если ты не насытился еще убийствами. Я же не боюсь тебя, я ненавижу твою ярость, я презираю твой меч и твою неправую власть, я не хочу жить на той земле, которую топчут кони твоего неистового воинства. Еще руки мои слабы, и я еще так мал ростом, что не достану до твоего горла, чтобы задушить тебя, – убей же меня, убей меня скорее.

И с великим удивлением слушал его центурион. И сказал:

– Змееныш, не будет по твоему, – ты умрешь не один.

И приказал своим воинам:

– Убивайте их всех. Нельзя оставить в живых это змеиное отродье, – потому что слова дерзкого мальчишки запали в их мятежные души. Убивайте их всех без пощады, больших и малых, и даже

едва только научившихся лепетать.

И бросились воины на детей, и рубили их беспощадными мечами. Содрогнулись от детского вопля угрюмая долина и пыльная дорога, — и ответным застонали стоном мгlistые дали, — свирельно-нежным эхом застонали, и замолкли. И раздувая горячие ноздри, нюхали кони дымную кровь, и железно-окованными копытами медленно и тяжело топтали детские трупы.

И потом воины вернулись на дорогу, смеясь радостно и жестоко. Торопились к своему лагерю. Весело разговаривали и радовались.

Но длился, длился пыльный тяжкий путь в тоскующей под гневными пламенными очами Дракона долине. И багровый стал склоняться Дракон, но не было окрест прохлады и, замороженный тишиной и страхом, спал ветер. И багровый лик знойного Дракона склоняясь глядел в зоркие очи старого центуриона, — и улыбался небесный Змей тихой и страшной улыбкой.

И оттого, что было тихо, и знойно, и багряно и был тяжело ровен шаг мерно-звонких коней, стало тоскливо и страшно старому центуриону. И такая мерная, и такая звонкая была тяжелая конская поступь, и такая тонкая серая была недвижная, безнадежная пыль, и казалось, что не будет конца истоме и страху пустынного пути. И гулким отзвучным гуденьем на каждый шаг усталого коня откликалась пустынная даль.

И гулкие стоны рождались в пустынной дали.

Гудела земля под копытами.

Кто-то бежал. Догонял.

И голос, подобный голосу убитого отрока, кричал что-то. Центурион оглянулся на своих воинов. Покрытые пылью лица всадников были искажены не только усталостью. Смутный страх изображался в грубых чертах загорелых солдатских лиц. Сухие губы юного Люцилия двигались, шепча тревожно:

— Поскорей бы добраться до лагеря!

И взглянул пристально старый центурион в усталое лицо Люцилия и тихо спросил молодого воина:

— Что с тобой, Люцилий?

И так же тихо ответил ему Люцилий:

— Страшно мне.

И, стыдясь своего страха и своей слабости, сказал погромче:

— Жарко очень.

И опять, не одолев страха, зашептал тихо:

— Проклятый мальчишка гонится за нами. Заколдован он нечистыми чарами ночных колдуний, и не сумели мы зарубить его так, чтобы он не встал.

Центурион внимательно осмотрел окрестность. Ни близко, ни далеко никого не было. И сказал центурион юному Люцилию:

— Разве ты потерял амулет, данный тебе старым жрецом заморского бога? Говорят, что у кого есть такой амулет, против того бессильны чары полуночных и полуденных колдуний.

Люцилий ответил, дрожа от страха:

— Амулет на мне, но он жжет мою грудь. Подземные боги приблизились к нам, и я слышу их темный ропот.

Тяжким гулом стонала долина. Старый центурион, благочестивой речью думая победить свой страх, сказал Люцилию:

— Подземные боги благодарят нас, — мы сегодня довольно для них поработали. Темен и невнятен их голос, и страшен он в знойном молчании пустыни, но не в преодолении ли страха честь доблестного воина?

Но опять сказал юный Люцилий:

– Страшно мне. Я слышу голос настигающего нас отрока.

И в звойном безмолвии долины свирельно-звонкий голос возгласил:

– Проклятие, проклятие убийцам!

Дрогнули воины, и быстро помчались кони. И неведомый голос звучал так близко, так ясно:

– Убийцы! Убийцы невинных! Вам нет прощения, нет пощады!

И быстро мчались, погоняемые всадниками, кони. Но гнев зажег сердце старого центуриона. И он крикнул, задерживая бег испуганного коня и обращаясь к всадникам:

– Или мы не воины великого и божественного императора? От кого мы бежим? Проклятый мальчишка, не добитый нами, или оживленный нечистыми чарами злых колдунов, собирающих кровь в чашу для ночных волхований, продолжает возносить хулы против непобедимого воинства. Но оружие римскому надлежит превозмочь не только вражью силу, но и темные вражьи чары.

И устыдились воины. Остановили коней. Прислушались. Догонял их кто-то, возглашающий и вопиющий, и в мгlistой тишине мрачно-вечереющей долины явственно слышался детский крик:

– Убийцы!

Всадники повернули коней в ту сторону, откуда доносились к ним крики. И увидели они отрока Лина, бегущего к ним в окровавленной и изорванной одежде. И кровь струилась по его лицу, и по его рукам, поднятым к воинам в угрожающем движении, как будто бы отрок хотел схватить каждого из них и повергнуть к своим окровавленным, запыленным стопам и дикой злобой наполнились сердца воинов. обнажив мечи, разъярив коней быстрыми уколами заостренных стремени, они ринулись стремительно на отрока, и рубили его мечами, и топтали, и насытили над его прахом ярость свою, и потом соскочили с коней, и на куски изорвали тело отрока. и разметали его по дороге и окрест.

Оттерев мечи придорожной травой, они сели на коней, и помчались дальше, спеша к лагерю. Но снова тяжкий стон огласил мрачную, в лучах склоняющегося Дракона, долину, – и снова рыдающий свирельный голос вознес те же беспощадные слова. И повторялся в ушах убийц звонкий вопль:

– Убийцы!

Тогда, томимые ужасом и злобой, они опять повернули коней, и опять бежал к ним отрок Лин в окровавленной одежде, и простирал к ним свои залитые кровью, угрожающие руки. И снова они изрубили его, затоптали, и разрезали мечами его тело, и разбросали, и помчались.

Но опять и опять настигал их отрок Лин. И уже они забыли в какой стороне их лагерь, и в ярости безконечного убийства, среди воплей несмолкаемого укора, они металась по долине, и кружили около того места, где убиты были отрок Лин и другие дети. И весь остаток дня, багрово пламенеющий и дымно издыхающий Дракон смотрел ярим, беспощадным взором на страшное томление вечного убийства и нескончаемого укора.

И вечер отгорел, и была ночь, и звезды мерцали, непорочные, невинные, далекие, – и металась воины, и нескончаемым воплем томил их отрок Лин. И металась воины, и убивали, и не могли убить.

Перед восходом солнца, гонимые ужасом и преследуемые вечными стопами отрока Лина, примчались они к морскому берегу. И вспенились волны под бешеным бегом коней. Так погибли все всадники и с

ними центурион Марцелл. А там на далеком поле, у дороги, где убиты были всадниками отрок Лин и другие дети, лежали тела их, окровавленные и непогребенные. Ночью, трусливо и осторожно, пришли к поверженным телам волки, и насытились невинными и сладкими телами детей.

ДВА ГОТИКА

I

Летняя ночь достигла успокоенного своего срока. Оба мальчика, Готик и Лютик, гимназисты, тихо спали.

Внезапно что-то разбудило Готика. Какой-то робкий шорох за дверью. Готик открыл глаза, встрепнулся, — и сна как не бывало.

Было почти совсем светло. Тихо, светло, — и странно. Белая летняя ночь, северная ночь, вливалась тихим и ровным светом в незавешанное окно. Тихо на своей кровати лежал спящий Лютик, повернувшись к себе, так что виден был его гладко остриженный затылок.

Готик потянулся, встал на колени на своей постели, и посмотрел к окну.

Виделось за окном бледное небо, деревья. Белый, прозрачный пар, еле видимый, за деревьями означал место реки. Деревья стояли совсем не двигаясь, и чутко слушали, как журчала река, быстрая и мелкая, переливаясь по камням. Да еще слышались чьи-то легкие шаги.

Готик спрыгнул с постели. Бодрая готовность встретить что-то необычное схватила его, — унаследованная от незапамятных предков ночная отвага опасных приключений. Подбежал к окну.

Сердце его вдруг замерло, отстоялось на краткий, неощутимо-краткий миг, и забилось быстро, быстро. И увидел он в саду себя самого, тут же, под окном.

Белая блуза, ременный пояс, гимназическая фуражка в белом чехле, его сапоги с заплаткой на левом, черные брюки, — еще незачиненная прореха слева внизу, — все это в миг заметили и признали зоркие Готины глаза.

Другой Готик тихонько крался из сада. Он пригибался, прячась за кусты, — вот шмыгнул за калитку, — исчез за деревьями, на тропинке, что круто спускалась к реке.

Готик выглянул за дверь. Там всегда оставляли мальчики свою одежду и обувь, чтобы утром служанка Настя почистила. Теперь Лютины все вещи на месте, — Готиных не было.

Готик закрыл дверь, на себя глянул, — и в непобедимом обаянии сонливости не узнал себя. Его мысли заволакались дремой. В теле было покойно и словно пусто. Он легко и слабо удивился.

— Куда же это я иду? — подумал он.

Вдруг сон опять одолжил его. Даже не помнил, как забрался под одеяло. Крепко спал до позднего утра, пока не разбудил шаловливый Лютик.

II

Утром отрывочные воспоминания томили Готика.

Что-то было ночью. Не то во сне, не то в явь. Или мечталось.

Шумливый и шаловливый, слишком дневной, Лютик шалил, как всегда, приставал, недоедал и мешал вспомнить, и шутил, шутил и смеялся, смеялся и шутил бесконечно.

Но Готик все же мало по малу припомнил, куда и зачем ходил он, второй, ночной Готик, в то время, пока первый, обыкновенный и всегдашний лежал в постели тяжелым, бессмысленно-дышащим телом...

III

В замке тихом и волшебном, там, вдали, за очарованной рощей, обитает нежная царевна Селенита, легкий признак летних снов.

Дивный замок Селениты весь пронизан лунным светом.

Отуманенной дорогой, по долине, где мечтают полуночные цветы, Готик проходил тихонько, легкой тенью, еле слышный, еле видный, до травы едва касаясь. И пришел к царевне дивной, к милой Селените.

Тихая музыка еле слышно доносилась издалека. Лунная царевна Селенита нежной улыбкой встретила Готика.

Ее голос звенел, как струя в ручье.

Как струя в ручье, как нежный звон свирели, звучал тихий голос царевны Селениты.

Вся она была нежная, воздушная, и такая легкая, что казалась прозрачной.

Звезды горели не то на ее зеленовато-белой одежде, не то за ней, и просвечивали сквозь ее тело.

И улыбалась, и чаровала. И говорила нежным свирельным голосом, и ароматы струились, сплетались с журчанием ее свирельной речи.

IV

А Лютик надоедал шутками – бесконечными, скучными, назойливыми.

И все-то Лютик каламбурит! – досадливо думал Готик. – Как ему не надоест! Не диво, что мама на него сердится.

В самом деле, это ужасно надоедливо.

Что ему ни скажи, сейчас же начинается выворачивание и пригонка слов.

А вот отцу это почему-то очень нравится. Отец и сам веселый. Он часто поощрительно говорит Лютику:

– Ну-т-ка, Илютка, вальни хорошенько.

И Лютик старается, придумывает.

Глупо.

И до того это навязчиво, что Готик иногда и сам начинал каламбурить.

Тогда Лютик восторженно визжал, кричал, и прыгал:

– Да он совсем стал, как я, так что и не различишь, кто это, – он или я, – он – Илия или я – Илия.

И так приставал к Готику:

– Ты – Илия, или я – Илия? – что тот начинал сердиться

не на шутку.

До драки доходило порой дело. Мальчишки!

V

Людмила Яковлевна, Лютина и Готина мать, сегодня утром поднялась рано против обыкновения.

Встала вместе с мужем, — он уезжал в город на службу.

В другие дни она вставала уже после его ухода, когда и мальчишки подымались.

Проводила мужа до калитки, пришла в кухню, видит: уже плита растоплена жарко, — а вовсе и не надо так рано, — и Готина одежда сушится на веревке у огня, — совсем мокрая, — и сапоги в грязи.

Людмила Яковлевна встревожилась.

— Что это такое, Настя? — спросила она.

— Загвоздал чего-й-то Готик и сапоги и одежду, — со смехом сказала Настя.

— Да ведь вечером все на нем было сухое? — тревожно говорила Людмила Яковлевна.

— Да уж не знаю, где они загвоздались.

Настя смеялась как-то странно, — не то лукаво, не то смущенно. От этого Людмиле Яковлевне стало жутко.

— Ты знаешь что-нибудь? — пугливо спросила она.

— Да нет, барыня, право нет. Что мне знать-то? — отговорила Настя.

— Готик ходил куда-нибудь?

— Не знаю, барыня. Право, не знаю.

VI

Когда мальчишки пили утренний чай, Людмила Яковлевна спросила:

— Готик, куда ты бегал ночью?

Готик покраснел, и сказал:

— Никуда не бегал. Я спал.

Но сказал так, словно виноватый, — неуверенно, с запинкой.

— У тебя сапоги мокрые, — сказала Людмила Яковлевна.

— Не знаю, я спал, — повторил Готик.

— Готик сегодня вежливый, — сказал Лютик, — ес-ер прибавляет: я-с, говорит, пал, — а куда пал, не говорит.

— Вовсе не остроумно, — сказала Людмила Яковлевна досадливо.

Она больше не спрашивала Готика.

Но весь день провела в жестокой тревоге.

Ждала мужа.

VII

А Готик мечтал о лунной царевне, милой Селениточке.

— Она Селениточка.

— А на селе ниточка, — дразнил кто-то Лютиным голосом.

И мечты о раздворении весь день сладко волновали его.

Он думал:

Как хорошо, что есть иная жизнь, ночная, дивная, похожая на сказку, другая, кроме этой дневной, грубой, солнечной, скучной!

Как хорошо, что можно переселиться в другое тело, раздвоить свою душу, иметь свою тайну!

Таит от всех.

И никто никогда не узнает.

Ночью все иное.

Дневные спят, лежат неподвижными телами, – и тогда исходят иные, внутренние, которых днем мы не знаем.

VIII

Готик стоял на берегу реки, смотрел на воду, как она все бежит, журчит, и мечтал о Селените, как она улыбается и говорит.

Подошел Лютик.

– Готик, – сказал он, – ты грамматику забыл.

– Отстань, – досадливо ответил Готик.

– Правда. Ну вот, я тебе докажу: у свиньи хвостик, а у лошади?

– Хвост, – ответил Готик.

– У стола ножки, а у тебя? – допрашивал Лютик.

– Ноги.

– Мальчик читает книжку, а студент?

– Книгу.

– Ванечка надел рубашку, а Иван?

– Рубаху.

– Ванька надел сорочку, а Иван?

– Сороку, – с размаху ответил Готик.

Засмеялись оба.

IX

Когда отец, всегда веселый и говорливый, – в него был Лютик, – возвращался из города со службы, Людмила Яковлевна вышла ему навстречу на станцию, что редко делала в другие дни. По дороге домой она озабоченно говорила:

– Можешь себе представить, Александр Андреевич, Готик нынче ночью куда-то бегал, а куда, не говорит. Говорит, что спал. Как хочешь, Саша...

И она заплакала.

Александр Андреевич посвистал, махнул рукой.

– Глупости! – сказал он сиповатым голосом, – куда ему бегать? Какая-нибудь глупая фантазия. Просто на реку ходил.

– Это меня так беспокоит, – упавшим голосом сказала Людмила Яковлевна.

– Глупости! – повторил Александр Андреевич. – И не говорит, куда ходил?

– Да, не говорит же, – плачевно сказала Людмила Яковлевна.

– А вот я его спрошу хорошенько, так скажет, – сердито сказал отец.

Было жарко, и ему было досадно, что надо сердиться, чего он не любил.

За обедом разговор шел беспокойный и неровный. И отец, и мать значительно и внимательно поглядывали на мальчиков. Людмила Яковлевна несколько раз заговаривала о дачных ворах. О том, что Настя иногда забывает запереть двери. Что воры легко могут влезть и в окно, если оно не закрыто на задвижку.

Готику было неловко и тоскливо.

Лютик один был весел и шутил, как всегда.

– За Настасьей всегда надо смотреть, чтобы двери затворяла, – ворчал Александр Андреевич.

– На то она и Настя ж, чтобы держать двери настежь, – сказал Лютик.

Но, к удивлению обоих мальчиков, отец сердито сказал:

– Заткнись. Ничего нет смешного.

Лютик смешливо посмотрел на отца и мать.

Что они дуются? – подумал он. Уж не поругались ли дорогой.

И подумал, что надо пошутить о чем-нибудь постороннем, не домашнем. Припомнил один из намеренных разговоров с одним из своих бесчисленных знакомых, смешливо фыркнул, и сказал:

– Готик, треугольник нарисован, а к нем глаз. Угадай, что такое.

– Ну, кто этого не знает, – сказал Готик. – Всевидящее око.

– Вот и не угадал, Николай Алексеевич мне рассказывал, что это он в одной церкви видел, в деревне, – такое изображение на стене сделано, и подпись: глаз вопиющего в пустыне.

Все засмеялись.

– Это ты сам сочинил? – недоверчиво спросил отец.

– Ну вот, спроси сам у Николая Алексеевича, – уверял Лютик.

Отец вдруг опять нахмурился.

– Вот за вами бы нужен глаз да глаз, – сурово сказал он.

Помолчали.

Лютик спросил:

– Готик, как зовут предводителя современных Гвельфов?

Готик подумал.

– Ну, это просто, – сказал он.

– А ну, скажи!

– Того.

– Молодец!

– Объясни, – хмуро сказал отец.

– Очень просто, – сказал Готик, – если есть Гвельфы, то есть и Гибелинги. А Лютик уж, конечно, от слова гибель это слово произведет. Русские моряки довели свой флот до гибели, вот они и Гибелинги.

– Ерунда, – сказал отец.

Но засмеялся.

– Целый месяц сочинял, – сказал он.

– Ничего не месяц, – краснея сказал Лютик. – А зато я ни разу не сказал, что Того – не того. Сколько стишков было на эту глупость.

– Ну так ты на генерала Ноги что-то глупое придумал. Нутка, – оживился отец.

– Ну, это просто: у японцев есть ноги, они войдут в Порт-Артур.

Посмеялись, – и опять отец хмуро сказал:

– Иные ноги туда бегают, куда и не надо.

Неловкое молчание опять прервал Лютик.

– Готик, тебе все Настя положила? – спросил он.

– Все, отвяжись.

– И нож да вилка есть?

– Есть, отстань.

– Нож-давилка есть, а нож-резалка есть?

– Не ерунди! – крикнул Готик.

– Придумываешь пустяки, – сердито сказал отец. – Никакой связи нет в твоих дурачествах.

Лютик, не смущаясь, ответил:

– Вот то-то и весело, что нет связи. Не связано, свободно. А где логическая связь, там тоска, тощища. Тоска таскать все от причины к следствию. А вот так-то лучше, – как хочу, так и верчу. Когда рассуждаю дельно, то чувствую тосчищу, словно таз чищу, никому не нужный таз.

– Старо, брат, – сказал отец. – Это еще когда я учился, у нас был учитель, который любил мудреные диктовки давать. Вот в таком же роде была одна диктовка: Таз куя, сказал кузнец, тоскую: Задам же людям таску я за то, что я тоскую.

Мальчики смеялись.

XI

Наконец Александр Андреевич спросил, собравши все силы своей строгости:

– Ты куда это, Георгий, нынче ночью бегал?

Готик покраснел. Тербя салфетку, сказал жалующимся голосом:

– Да никуда, папа, право. Это мама, я не знаю, почему думает. Это она потому, что сапоги сырые. Ну, что ж, – вчера сыро же вечером было. Ну, мы возле реки ходили. Ну, по воде.

– Ночью не смей уходить! – строго сказал Александр Андреевич.

– Ну, не буду уходить, – хмуро ответил Готик.

– И, пожалуйста, не нукай, – раздражаясь, говорил отец. – Дурацкие привычки. Будешь бегать, розгами выдеру.

Готик обидчиво покраснел и тихо промолвил:

– Это из мрачных времен дикого средневековья.

Отец засмеялся.

– Поговори ты у меня! – погрозил он Готику полушутя, полусердито.

Лютик сказал весело:

– Нас драть нельзя, а то мы забастуем.

– Стачку устроим, – поддержал Готик.

– Обоих и выдеру, – дразнил отец.

– А мы обструкцию устроим, – кричал Лютик.

– Подадим тебе петицию.

– Или побежите в полицию?

– Ну уж нет, на это я не согласен, – живо отвечал Лютик, – хоть пополам перепори, а к городovým не пойду.

Настя переменяла блюдо. Заслушалась, локтем задела стакан, – стакан скатился на пол. Не разбился, – упал счастливо.

– Настя, вы со стола сталкан сталкили, – сказал Лютик.

– Надсмешники! – крикнула Настя, и с хохотом убежала.

Подали рисовую кашу.

– Готик, да неужели ты и кашу станешь есть? – спросил Лютик.

– Ну, да, и кашу стану есть, – с досадой сказал Готик, – тебе одному, что ли?

– Смотри, – остерегающим голосом говорил Лютик, – икашки поешь, икать станешь.

– Отстань, – кричал Готик, и сердясь и хохоча. – Какой ты дурак! Все глупости придумываешь.

XII

После обеда Александр Андреевич никуда не пошел. Он долго сидел в беседке у забора, глядя на реку, и курил. Потом пошел к жене.

– Знаешь, Люба, – сказал он тихо, – это начинает меня беспокоить.

Людмила Яковлевна заплакала.

– Ну, ну, не плачь, мы это узнаем, – говорил Александр Андреевич, – но куда он мог бегать?

– Так легко утонуть, – всхлипывая, говорила Людмила Яковлевна. – Каждый год кто-нибудь тонет.

XIII

За вечерним чаем опять говорили о том, что надо запира́ть на ночь двери. Насте напоминали. Мальчи́кам и отец и мать повторяли, – окон открытыми не держать.

На-днях где-то по соседству обворовали две дачи, – украли только что выстиранное белье, и все, что было на леднике.

Вспоминали сегодня этот случай.

Лютик говорил с досадой:

– Мама повестку получила, что их сегодня обокрадут.

XIV

Вечером после чая, когда уже мальчи́ки пошли спать, Людмила Яковлевна и Александр Андреевич опять, в спальне, заговорили о ночном приключении. Затворились, чтобы кто не вошел из мальчи́ков. Говорили тихонько.

Людмила Яковлевна сидела на стуле около кровати и причесывалась на ночь. Александр Андреевич стоял перед ней, нерешительно почесывая бритые щеки.

Тускло горела свеча.

– Ты спрячь его сапоги, – посоветовал Александр Андреевич.

– Он Лютины наденет, – тоскливо ответила Людмила Яковлевна.

– Ну, и Лютины спрячь.

– Этим его разве удержишь, – уныло сказала Людмила Яковлевна. Он и босиком убежит, – что ему! Уж коли повадился.

– А надо поймать, – досадливо сказал Александр Андреевич.

– Да поймаешь!

– Ну, не поймаем, так по следам уличим, и проследим, куда он ходил.

– Ну, где в траве следы видеть! – безнадежно сказала Людмила Яковлевна.

– Не все трава.

– Все–таки спрячу, – сказала Людмила Яковлевна.

Пошла в переднюю. Потихоньку.

– Ты тут останься, – шепнула она мужу, – настучишь сапогами, а я в туфлях.

XV

Мальчики улеглись. Настроенные разговорами на тревожный лад, они замкнулись в своей горнице.

Лютик, как лег, так и заснул.

Готик укладывался медленно. Прислушивался.

Где то недалеко играли и пели. Под нежный перезвон переливных звуков начал засыпать и Готик. Сладостное обнимало его предчувствие милого сна.

Вдруг, заслышав легкий шорох под своей дверью, Готик встрепенулся.

Полежал, вслушиваясь.

Было не то радостно, не то страшно. Жуткое ожидание.

Слышно было, что кто–то шевелился за дверью, и чьи–то легкие за дверью движения словно отдавались в Готином сердце, волнуя кровь.

Потрогали дверную ручку.

Дверь зашаталась, слегка колотясь о задвижку, но не поддавалась.

Ушли тихонько.

Готик лежал, и чутко вслушивался.

XVI

Людмила Яковлевна принесла в спальню и Лютины и Готины сапоги.

– Заперлись, – шопотом сказала она. По всему видно, что опять собирается идти. Сегодня, может быть, оба отправятся. Пусть босиком по сырой земле прогуляются.

– А одежда? – спросил отец.

– Костюмы на месте. Да, это что, – эти сорванцы и нагишом убегут, коли очень захочется.

– Надо подождать. Из окна видно будет. Или в саду побыть?

– А если они через двор побегут?

Остались ждать в спальне.

XVII

Опять услышал Готик, что кто–то подошел к двери.

И опять слышал он шорох, долгий, осторожный, – словно кто–то шарил полу, искал чего–то.

Толкнулись в дверь... Досадливый шопот... удаляющиеся легкие шаги...

Скрипнула где–то дверь, ступеньки зашатались.

Готик еще полежал. Прислушался. Тихо.

Вдруг вскочил. Сердце сильно билось. Подбежал к двери.

приоткрыл, выглянул, – никого.

Готик глянул на стулья, где лежала одежда. Только Лютина одежда. – Готиной нет. И сапог нет, ни Готиных, ни Лютиных.

– Стащили, подумал Готик, – и одежду, и сапоги.

Он вошел в комнату, подбежал к окну.

Опять по той же дорожке, что и вчера, пробирался мальчик, так же прячась. Сегодня он был босой.

Готик слабо удивился.

Подумал стыдливо:

Как же я приду к милой Селениночке босиком?

И вдруг опять неодолимая сонливость потянула его к постели.

Заснул.

И снова призрачные сны ему снились.

XVIII

Снилось Готику, что он идет к Селените. Его ногам сыро, ему неловко, что он босой. Но он не может и не хочет остановиться. Неведомая сила влечет его.

Чудные цветы на мирных полянах легонько покачивали милые и нежные головки, орошенные душистой росой, и улыбались луне невиданной на земле улыбкой.

Лунный свет в чертоге милой Селениты разливался, отражаясь зеркалами дивных стен, и томил, и чаровал.

Вот и Селенита. Милая, как и вчера. Милая, милая. Ножки у нее белые, не обутые, как у Готика, – чтобы не было Готику стыдно.

Зеленоватые на ней одежды при каждом движении развеваются тихо. Слова у нее звенят, как музыка, и сладостно–нежен шорох ее шагов, ее развевающихся одежд.

И радостная сияет на ее лице улыбка, – но эта улыбка растворена в дивной печали.

И от этой радости, и от этой печали кружится голова, и на глазах закипают слезы.

Селенита прильнула к Готику и обняла его, и в легком кружении понесли они над озаренными луной полянами, едва касаясь ногами нежных трав. И было радостно и томно.

XIX

В спальне шептались, строя предположения о том, куда мог ходить Готик.

Вдруг услышали шорох. Как по команде притихли, прислушались. Скрипела дверь.

Людмила Яковлевна тихо вышла из спальни. Пошел за ней и Александр Андреевич, держа в руке свечу. Остановились у дверей, где спали мальчики.

– Нет одежды! – испуганным шопотом сказала Людмила Яковлевна.

– Убежал.

– Хорошо, что один, – проворчал Александр Андреевич.

Быстро пошли в сад.

Вдруг, на их глазах из кустов выбежал мальчик и проворно шмыгнул в калитку.

Александр Андреевич побежал за ним.

XX

Людмила Яковлевна стояла у калитки и тревожно смотрела на росистые кусты и туманную реку.

Скоро Александр Андреевич вернулся, тяжело и неровно дыша.

– Не догнал. Юркнул куда-то, – ворчал он.

– Что же теперь делать? – спросила Людмила Яковлевна.

– Надо подождать. Посидим. Вернется же, – досадливо бормотал отец.

Пошли в дом. Людмила Яковлевна сказала:

– Ты бы пошел к мельнице.

– Куда я пойду! – сердито ответил Александр Андреевич. – За мальчишкой гоняться! Тут мест много.

XXI

Александр Андреевич прикорнул в гостиной в кресле, и скоро заснул. Спит себе, похрапывает.

Людмила Яковлевна, досадуя на мужа думала:

Ему все равно. Сердце не болит. Спит спокойно в такую минуту. Другой бы всю окрестность выбегал. Мало ли что может случиться.

Она вышла на балкон. Села, прячась за кумачевым его пологом, чтобы ее не видно было из сада.

Призадумалась. О Готике, о Лютике. Сознание подернулось тонкой дремой.

Уже светало.

Вдруг что-то мелькнуло светлое среди темной зелени, там, за кустами сада, по дороге.

Людмила Яковлевна вскочила точно от внезапного толчка.

Это Готик пробежал домой, – подумала она.

Не видела ясно, но была уверена, что это Готик. И уже представилось ей, что она видела ясно его лицо.

Людмила Яковлевна задрожала, схватилась руками за грудь. Ей стало страшно. Почему-то не пришло в голову бежать Готику навстречу.

Кинулась будить мужа. Шопотом окликнула его. Потом принялась расталкивать.

Едва разбудила. Разоспался, бормотал что-то. Вдруг очнулся. Услышал взволнованный женин шопот:

– Готик! Готик!

Испугался. Показалось, что с Готиком несчастье. Вскочил.

– Что с ним? – спросил он дрожащим голосом.

Жена зашикала на него:

– Ш-ш! Тише.

Потащила за рукав.

Оба побежали в сад, оба испуганные. Видели, что кто-то мелькнул в задние двери, где вход в кухню. Очевидно, заметил, что за ним бегут, – принялся раздеваться на бегу.

Они оба бросились за ним. Не догнали.

В передней Готины одежды были кое-как брошены, – на стул, на пол, как пришлось.

Взошли к мальчишкам.

И Готик, и Лютик спали. У Готика одеяло сбилось к ногам.

– Притворяется, – сердито и громко сказал отец.

Его страх прошел, и заменился злостью.

Сердился на Готика за то, что из-за него пережил минуту глупого страха, когда так больно и тяжело стучит и колотится сердце.

– Вставай-ка, путешественник, – сердито крикнул он, сильно шлепая Готика по спине.

Готик вскочил. Быстро проснулся, – а глаза еще тяжелые. Испуг, смущение.

Неужели узнали? – Тревожная мелькнула в его голове мысль. – Но как же узнали? И что теперь будет?

Проснулся и Лютик. Он громко зевал, и жалобным, тоненьким голосом говорил:

– Что это такое? большие маленьким спать не дают.

Вдруг догадался, что случилось что-то любопытное. Сел на постели, позевал, потянулся. Встал, завернулся в одеяло. Приготовился смотреть, что еще будет.

– С чего будили? с чего б удили? – бормотал он по привычке.

И отец и мать сердились, волновались, – и этим совсем запугали Готика. Спрашивали Готика оба сразу:

– Где ты сейчас был?

– Куда ты бегал?

– Откуда ты пришел?

– Говори, зачем ты уходил?

Готик сел на кровати и заплакал.

– Ничего я не знаю, – тихо и горестно сказал он.

Отец схватил Готика за плечи и сердито потрянул.

– Нет, ты отвечай, – крикнул он. – Москва слезам не верит.

Готик встал. Судорожно зевнул. Принялся тереть глаза.

Не знал, что делать и что говорить. Было тяжело и тоскливо.

А отец допрашивал:

– Говори, где ты бегал?

– Я спал, – со слезами сказал Готик.

– А, спал! Ну, хорошо, сейчас мы увидим, как ты спал.

Пойдем-ка, брать, в сад.

Потащили Готика в сад, неодетого. Пошел и Лютик, кутаясь в одеяло.

– Вот здесь он бежал, я видела, – показывала Людмила Яковлевна. – Постойте, вот и следы его на дорожке. Готик, ставь ноги в след.

– И вовсе не мой след, – сказал Готик. – Громадные лапы. У меня таких никогда не было.

И в самом деле, следы не сходились.

И отец и мать были смущены.

– Приснилось, что ли, тебе? – сердито бормотал Александр Андреевич.

Лютик хохотал и прыгал, путаясь в длинных складках в своем одеяле.

Готик радостно смеялся.

Не попался! не узнали! не поймали! – радостно думал он.

– Чей же это, однако, след? – с недоумением говорил Александр Андреевич. – Ведь, значит, тут проходил кто-то.

Оглянулся на дом, смутно доглядываясь. Из кухни выглядывала Настя.

– А она тут что делает? – шепотом спросил Александр Андреевич.

– Что вы, Настя, уже встали? – спросила Людмила Яковлевна. – Это не ее ли штуки? – тихо сказала она мужу.

Александр Андреевич посвистал.

– Понятно, это она бегала! Маскарад устроила.

– Идите-ка сюда, – позвала Людмила Яковлевна. – Чьи это здесь следы? Кто тут сейчас бежал?

Настя засмеялась.

– Да уж что, барыня, – сказала она, – видно нечего скрывать. Я бегала в Готином костюмчике.

– А зачем вы маскарад такой устраивали?

– Да чтоб по соседству не заметили, да и от вас пряталась. А там, на мосту, у нас балы были, танцы, парни, девушки, очень весело.

– Ну, нам такой веселой прислуги не надо, – решил Александр Андреевич.

– Утром расчет получите, да и с Богом.

XXII

Так это не Готик уходил к Селените, – это в его одежде бегала Настя. Как глупо!

Как жаль ночного, несбыточного сна!

Ночной милой жизни, и Селениты, и всего, чего нет и не было!

Все таинственное объяснилось так просто и пошло.

Готику стало тоскливо.

Он опять заплакал.

Отец взял его на руки и отнес в спальню, утешая обещанием купить велосипед.

А Лютику было смешно. Он дурачился и хохотал.

– Ну, спите, спите дети! – сказал Александр Андреевич.

И все опять в своих спальнях.

Спать!

Прощай, иная, неведомая, тайная жизнь. Надо жить дневными скучными переживаниями, и, когда придет ночь, спать, бессмысленно и тяжело.

ТЕЛА И ДУША

Сидели двое, после обеда, и разговаривали.

Так начинаются многие рассказы. Нет никакой причины не начать точно также и этот рассказ.

Был ясный весенний день. Кабинет любезного хозяина, в его городской квартире, выходил окнами на шумную и людную улицу. Это не мешает заметить теперь же.

Хозяин был человек, давно и широко известный своей кипучей и успешной деятельностью. Гость его был во всех отношениях поплоче. Хозяина звали Георгий Алексеевич Радугин, гостя – Иван Иванович Скворцов. Хозяин – инженер, гость – чиновник не из самых маленьких.

Хозяин сидел в кресле, слегка, но очень комфортабельно

развалясь, и курил сигару очень дорогую и очень, на свежего человека, скверную. Был рад тому, что его сигара такая крепкая и такая вонючая и что от нее такой синий, медленно плывущий в воздух, кружащий голову дым и такое резкое ощущение на языке. Гость посиживал на другом кресле, радостно ощущал приятную мягкость и удобную широкость кресла, покуривал сигару, данную гостеприимным хозяином, и с большим уважением поглядывал на хозяина. Сигара ему совсем не нравилась, – он предпочитал немецкие, дешевые и слащавые сигарки, свернутые, может быть, из новгородской капусты, но имеющие вид настоящих гаванских вонючек.

Такова ситуация. Разговор же состоял в том преимущественно, что гость удивлялся хозяину хвалил его и льстил ему, а хозяин слегка хвастался, как человек, привыкший к тому, чтобы ему все удивлялись и чтобы его все хвалили.

Скворцов уже не в первый раз говорил:

– Как вы успеваете? Ей Богу, удивительно и даже поразительно, особенно в наш век, когда все жалуется и никто не хочет ничего делать. И как вы находите время на все ваши дела и предприятия? Право, можно подумать, что вы никогда не спите. Да что! Для другого и двадцати четырех часов в сутки было бы мало, чтобы все это сделать, – а вы как-то успеваете. Да еще везде бываете и всем интересуетесь. Ей Богу, поразительно.

Говорилось все это, конечно, довольно гнусным тенорком, почти фальцетом. Люди, не слишком преуспевшие в жизни, не имеют никаких оснований обладать другим голосом. Так бывает во всех рассказах, за исключением тех случаев, когда в расчеты автора входит – поразить читателя контрастом, совершенно неожиданным. Но так как соль этого рассказа совсем иная, то в отношении голосов, фигур и всего прочего во внешних проявлениях действующих лиц не допущено автором отступлений от тех порядков, которые соблюдаются во всех повествованиях.

Поэтому для внимательного читателя почти не надо говорить о том, что хозяин, Радугин, говорил приятным, слегка сиповатым басом и обладал весьма представительной внешностью.

Итак, Радугин на излияния своего гостя отвечал приятным басом, любезно улыбаясь:

– Это вовсе не так удивительно, как вам кажется, милейший Иван Иванович.

Но внезапно вспыхнувшим в его глазах лукавым и бойким огоньком сразу стало понятно, что он расположен к некоторой откровенности. Оттого ли, что дело было после обеда, или оттого, что Скворцов оказал Радугину довольно крупную услугу. Скворцов вообще мог быть весьма полезен Радугину, – так сложились их деловые отношения и такова была служебная обстановка Скворцова. В благодарность за последнее, устроенное Скворцовым, дело Радугин сегодня и угощал его обедом.

Скворцов, радостно чувствуя, что хозяин расположен к откровенности, продолжал изливаться в выражениях удивления. Он думал, что откровенность Радугина влечет за собой новое, приятное в смысле личных выгод, дело. Да и вообще откровенность знаменует собой дружеские отношения, а быть на короткой ноге с самим Радугиным, конечно, для всякого в положении Скворцова лестно.

Радугин посмотрел в окно. Засмеялся чему-то. Встал и подошел к окну, – и синее облачко табачного дыма красиво потянулось за ним.

Радугин позвал гостя:

– Иван Иванович, подойдите–ка сюда, посмотрите–ка на эти две лестницы.

Иван Иванович, заранее на всякий случай улыбаясь, подошел к окну, глянул туда, куда показывал ему хозяин, и опять перевел глаза на Радугина с выражением заинтересованности и вопроса.

Радугин спросил:

– Как вы думаете, Иван Иванович, кто из этих двух молодцов раньше доберется до верху: красный или черный?

Скворцов быстро глянул в окно, опять повернулся, из вежливости и чтобы не заставляя ждать ответа, к Радугину и сказал:

– Понятно, красный раньше доберется, – он выше, а лезут они оба с одинаковым усердием.

Радугин самодовольно захохотал, как человек, хитро подловивший в чем–то другого. Тогда Скворцов поглядел на улицу повнимательнее и засмеялся тоже. К стене противоположного дома приставлена была лестница, и взбирался на нее зачем–то рабочий, молодой парень в красной рубашке. А на стену дома падала тень от лестницы, и казалось при первом беглом, что две лестницы поставлены и что всходят по ним два человека, один в красной рубашке, а другой – в черной.

– Обман зрения удивительный, – говорил Скворцов и вежливо смеялся тем тоненьким и гаденьким смешком, какой бывает только у маленьких человечков, когда они смеются сами над собой, чтобы угодить кому–нибудь большому и сильному.

Радугин отошел от окна, уселся опять поудобнее и сказал наставительно, с горы опыта и житейской мудрости:

– То–то вот обман зрения. Иногда обман зрения, иногда обман слуха, а иногда, глядишь, и кое–что более существенное навернется. Так–то вот и с моими заместителями.

Скворцов сторожно встрепенулся. Радугин помолчал значительно и внимательно посмотрел на Скворцова и, видя, что интерес его весьма возбужден, самодовольно улыбнулся и продолжал:

– Никому я до сей поры об этих моих заместителях не рассказывал. А вот вам первому расскажу. Если вам не скучно послушать.

– Помилуйте, что вы говорите, – забеспокоил Скворцов, – я с величайшим вниманием и интересом выслушаю. Мне очень лестно, что вы меня удостоиваете вашей откровенности. Помилуйте, за счастье почитаю.

Даже покраснел от страха, что его может счесть Радугин нежелающим выслушать.

– Хочется почему–то вам рассказать, – говорил Радугин, и видно было по его уверенному лицу и неторопливым движениям, что он и не ожидал иного ответа. – Правда, не без задней мысли. Да вот вы сами увидите сейчас, в чем тут дело.

Скворцов радостно захихикал, всей фигурой выражая готовность служить с усердием и великим даже удовольствием.

– Вы думаете, я много работаю? – спросил Радугин, и хитрая усмешечка пробежала под его коротко подстриженными сидящими усами.

– Хе–хе–хе, шутить изволите! – весело ответил Скворцов. – Уж ежели вы не много работаете, то кто же тогда и работает!

– Да, вот все так думают, – продолжал Радугин, – а ничуть не бывало. Моя работоспособность – самая ординарная. Правда, что я не лентяй. И делаю я, точно, много. Так много, что и вы не поверите. Да и никто. Больше делаю, чем об этом знают мои друзья

и недруги. Да-с, гораздо побольше. И делаю все это я не сам, а при помощи таких особых, запасных человечков. Как это вам понравится?

– Запасных? – робко спросил Скворцов.

Его лукавые, серые глазенки воровато шмыгнули по всем углам просторного кабинета и опять уставились на хозяина с тревожным выражением любопытства и непонимания.

Радугин помолчал. Нахмурился. Внимательно посмотрел на Скворцова. Видно было, что раздумывает снова, стоит ли говорить совсем откровенно. Наконец решился. Уверенно усмехнулся. Бросил остаток сигары. Заговорил тоном рассказа, с приемами человека, привыкшего говорить и чтобы его слушали, – и Скворцов уселся поудобнее и поспокойнее, видя, что предстоит выслушать целую историю.

– Давно это самое дело у меня началось, еще когда я совсем зеленым мальчишкой был, – рассказывал Радугин. – Шел мне тогда пятнадцати год. Жили мы летом в нашем имении, в Нижегородской губернии. Житье мне в то лето было совсем не привольное, потому что приставлен был ко мне некий, изрядно-таки нескладный и непокладливый студент. А приставлен ко мне он был по той горестной для меня причине, что предстояла мне осенью переэкзаменовка.

– Невесело, – участливо вздохнул Скворцов.

– Да-с, весьма невесело, – согласился Радугин. – Вырвешься когда на волю, только о том и думаешь, как бы удрать подальше от моего ментора, – осточертел он мне невообразимо. Вот однажды, в жаркий день, забрался я в лес, в самую чащу. Уселся там на краю какого-то

нелепого и невзрачного оврага. Там, в поле, жарища нестерпимая, а здесь, в лесной тиши, очень приятно, – прохладно и так смолкой пахнет, а внизу, в овраге, какие-то цветочки, метелки белые, на вид некрасивые, а туда же, пахнут довольно приятно. Сижу, глазаю то помечтаю, а то больше предаюсь грустным размышлениям о невеселых моих обстоятельствах. Отдыха настоящего за лето нет, а между тем скоро и осень настанет, и опять начнется несносное хождение в эту треклятую гимназию и постылый зубреж. Как вспомнишь какую-нибудь учительскую физиономию, так в жар и холод от отвращения кинет.

– Да-с, по большей части несимпатичный народ, – поддакнул Скворцов.

Радугин лениво и слегка насмешливо глянул на Скворцова и продолжал рассказывать.

– Вдруг – можете себе представить! – вижу перед собой лесного человечка. Никогда раньше мне никакая черговщина не являлась, а тут вдруг, извольте радоваться!

– От жары, надо полагать, – робко вставил Скворцов.

– Ну, уж не знаю, от жары ли, от чего ли другого, – с некоторым неудовольствием ответил Радугин, – да и какая там в лесу жара! Это в поле точно было жарко, а там, я вам уже говорил, было довольно прохладно. Конечно, тепло, но не столько все-таки, чтобы мерещиться нивесть что стало. Как бы то ни было, сидит этакая противоестественная образина, – маленький такой, весь вершка в три. Весь зеленый. Сидит на каком-то сучке, хвостиком потряхивает и посмеивается. Рот до ушей, уши болтаются, – красавец, нечего сказать. И так я тогда растужился да размечтался, что нисколько не был удивлен появлением этой хари богомерзкой. И даже, представьте, говорю ему: «Хоть бы ты, немытька, мне помог». А он мне отвечает:

«Что ж, помогу».

– Скажите! – с удивлением воскликнул Скворцов.

Радугин продолжал:

– Ну, слово за словом, разговорились мы с ним. Он мне и говорит: «Ты сам ничего не делай, ни уроков сам трудных не учи, ни работ не пиши. А есть такие ненужные людишки, которыми можно овладеть. Они на вид как будто и настоящие люди, и все у них на своем месте, и они все как все делают, а по настоящему – то их и нет вовсе. Так, видимость только одна, а человека нет. Ни души у него, ни воли, ничего нет. Сам для себя он не нужен, а всю работу человеческую он может сделать, почти как настоящий человек. Только надо его наставить, завести, как машину, а уж он пойдет и сделает все, что тебе надо». – Я его, понятно, спрашиваю: «Голубчик, немытька, да научи, как же это сделать, будь благодетель». – А он говорит: «Для этого я дам тебе такой талисман». Сбегал куда-то очень проворно и принес мне вот эту штучку, которую я с тех пор храню, как зеницу ока. Показать?»

– Пожалуйста, покажите, это так интересно, – попросил Скворцов, улыбаясь нерешительно и не зная, как относиться к словам хозяина, принять их в шутку или в серьез.

– А вы не боитесь? – спросил Радугин.

Его лицо вдруг сделалось строгим и значительным. Скворцов почувствовал себя почему-то неловко. Неуверенным голосом сказал он:

– Нет, чего же мне бояться. Пожалуйста, покажите.

Радугин опять усмехнулся. На этот раз жесткая и невеселая была у него улыбка. Тонем странной угрозы он сказал:

– Ну, смотрите, да только уж потом на меня не пеняйте, сами захотели.

Не спеша вынул он из бокового кармана своей домашней инженерской тужурки небольшую записную книжку, медленно развернул ее и вытащил из ее кармашка маленький, плотной бумаги, конвертик. Глаза Скворцова с жадным любопытством приковались к белым и пухлым рукам хозяина. Радугин раскрыл конверт не торопаясь, слегка потряхнул его над столом, и из конверта выпал на стол небольшой, плотный, побуревший от времени, но еще совершенно целый лист какого-то дерева.

– Вот, полюбуйтесь, – сказал Радугин, взял лист осторожно, двумя пальцами, и повертел его перед глазами Скворцова.

– Только-то? – радостно и удивленно спросил Скворцов. – Ну, это – предмет, не наводящий большого страха. А я, признаться, ожидал чего-нибудь неестественного.

Радугин осторожно вложил лист в конверт и, неторопливо убирая его на прежнее место, сказал холодно:

– Очень рад, что это вас не пугает. Но только, милейший Иван Иванович, я должен вам сказать, что у меня было вот какое условие с лесным человечком: всякий, а также и всякая, кто увидит этот листок, с того самого момента поступает в полное мое распоряжение. Такое условие, и изменить его я не в силах.

Скворцов пробормотал смущенно:

– То есть как же это? Что же это значит, я не совсем понимаю.

И вдруг он почувствовал во всем своем теле странную слабость и безволие. Руки его бессильно упали, голова поникла, и все мысли, казалось, в один миг вылетели.

Над ним звучал холодный и спокойный голос Радугина:

– Милейший Иван Иванович, ни своей души, ни своей воли у вас никогда не было, и вы только по недоразумению, впрочем довольно распространенному, считали себя настоящим и полным человеком. Вам только казалось, что вы поступаете по сознательным и разумным мотивам, что вы можете любить и ненавидеть, желать, стремиться, добиваться, радоваться и печалиться, строить свое благополучие и быть чьей-то опорой и надеждой. Ничего этого на самом деле не было и не могло быть. Вы жили, если жили, и двигались, если двигались, привычкой, наследственностью, культурой, случайными живыми или мертвыми волями разных людей и случайными сцеплениями разных обстоятельств, – но своей воли, своей жизни, своего пафоса в вас никогда не было. Над изменным планом вашего существования никогда не трепетали в вольном полете орлиные крылья восторга и дерзновения. Вот тайными чарами лесного бытия, волшебной волей перевозданной природы я изъеблю вас из этого круговорота пошлой жизни и беру в мое обладание, чтобы ваш человекообразный и в общем довольно остроумно устроенный организм послужил настоящему человеческому деланию. Вот и все. Что вы на это можете возразить?

Скворцов молчал. Лицо его ничего не выражало. Весь он был похож в эти минуты на очень хорошо сделанную куклу.

Радугин постоял немного около него. Усмехнулся. Тихо сказал:

– Замечательное отсутствие какого бы то ни было сопротивления. Первый раз приходится встречать такую совершенную пассивность.

Потом еще ближе подвинулся к Скворцову. Сказал громко и решительно:

– Ну, милейший, дайте-ка я обревизую ваш умственный и нравственный багаж. Что-то там у вас находится за вашей первой оболочкой?

Наклонился к Скворцову. Сказал совсем тихо какое-то невнятное слово. Точно легкое синеватое облачко перебежало от Радугина к Скворцову, изо рта в пот. И в тот же момент неожиданная и странная перемена произошла с обоими.

Радугин вдруг словно померк, осунулся, вялой походкой повернулся к своему креслу, повалился в него и безжизненно замер, – и лицо его стало тускло и безвыразительно. Скворцов же вдруг встрепенулся. Встал, очень быстро, как внезапно разбуженный чем-то бесконечно радостным. Засмеялся. Быстро заходил, почти забегал по кабинету. Лицо его стало веселым и оживленным. Все более быстрые движения и быстрая смена выражений на его лице показывали, что в нем происходит очень энергичная внутренняя работа. Но он почти ничего не говорил. Только несколько раз с его губ сорвались краткие слова справочного характера:

– В истекшем 1905 году.

– За номером 12557.

– Этот циркуляр издан еще при Петре Ивановиче.

Потом захохотал, – и смех его совсем не был похож на тот гаденький смешок, которым смеялся он раньше, – захохотал так самоуверенно и самодовольно, что хоть бы и Радугину впору. Бросился в свое кресло, – и вдруг застыл в прежнем безжизненном положении, и лицо его опять стало тупым и безвыразительным, как у куклы.

В тот же миг легкое облачко, струистое, синеватосерое, пронеслось, как и в первый раз, между двумя собеседниками, только на этот раз в обратном направлении, – и Радугин оживился. Открыл

глаза, потянулся, встал, посмотрел с презрением на Скворцова, и досадливо проворчал:

– Вот–то дубина стоеросовая! Из этого болвана немного пользы выскребешь. Чинодрал на редкость чистого типа. Впрочем, в свое время пригодится.

Потом подошел к Скворцову и сказал погромче:

– Ну–с, милейший Иван Иванович, просыпайтесь, вернитесь пока к вашей обманчиво–самостоятельной жизни. Морочьте себя и других довольно неудачной подделкой под настоящего человека с живой душой. Я побывал в вашей коже, и когда мне понадобится механизм вашего тела, я вас возьму и сделаю вами что–нибудь, может быть и дельное. Проснитесь.

Наклонился к лицу Скворцова и опять сказал какое–то невнятное слово.

Скворцов открыл глаза. Смущенно улыбнулся, точно его застали в чем–нибудь нехорошем. Забормотал:

– Никак я заснул?

– Был грех! – со смехом ответил Радугин. – Кажется, всхрапнули немножко. Приятный сон видели, надо полагать?

Скворцов нершитительно говорил:

– Да, что–то снилось, только все забыл, что видел.

Радугин насмешливо улыбнулся. Сказал загадочно:

– Вспомните в свое время.

Посмотрел прямо в глаза Скворцова, подумал:

«Пора тебе и уходить».

И Скворцов, словно угадывая мысль хозяина, стал прощаться. Радугин его не удерживал.

МИЛЫЙ ПАЖ

В некоторой благословенной и цветущей стране, на высоких берегах у прекрасной реки, текущей с увенчанных вечным снегом южных гор к великому Северному морю, – лежали обширные земли, подвластные могучему владельцу, и на самой высокой скале, неприступный и господствующий над всеми окрестными путями, гордо стоял графский замок.

Уже граф был в преклонном возрасте, уже он схоронил шестерых жен, молодых и прекрасных, но бесплодных, и древний род его пресекался бы с его смертью, но судьбе угодно было восстановить, хотя и странным способом, блеск и долгоденствие во многих землях прославленного рода.

Граф был богат, походы в земли неверных и многочисленные набеги на зарубежных близких врагов, в которых любил он в годы юности и зрелого мужества принимать участие, обогатили его многими изящными и дорогими вещами, – тканями, оружием, всякой утварью и одеждами, – и графский замок был украшен на диво пышно.

Из походов на Восток вынес граф пристрастие к роскоши и красоте, к сладким винам, к ароматичным курениям и пропитанным пряностями мясам. Ласкать красавиц любил граф, и любил, чтобы взоры его ласкала красота изукрашенных стен и сводов, тонко–чеканенных сосудов на пирах, и роскошных одежд на красавцах и красавицах. Только прекрасные лицом и телом и ласковые в обращении отроки, с

приветливыми взорами, удостоивались высокой чести попасть в число пажей к веселому и мудрому старому графу.

Много мужественных оруженосцев, красивых пажей и усердных слуг было у графа, и все они любили своего господника, и служили ему преданно и верно, как подобает добрым слугам, душой и телом и всей крепостью сил. Верные вассалы, и жены их, и дети исправно несли графу установленные оброки и дани. Три жирные капеллана прилежно отмаливали каждое утро графские грехи, – так как и деяния знатных господ подчинены отчасти божеским и человеческим законам.

В окрестной стране цвело тогда много прекрасных и юных девиц, а потому старый граф, решившись снова, как для продления рода, так и для своего собственного удовольствия, вступить в брак, невдолге избрал себе по сердцу своему в этом прелестном цветнике достойную его высоких доблестей и славного имени супругу. То была нежная и скромная Эдвига, дочь одного из соседних баронов, девица, блистающая красотой и разумом, и обученная на только всяким, приличным знатной даме, рукоделиям, но даже и грамоте.

Эдвига была веселого нрава, любила невинные забавы и застольные шутки, и когда старый граф ввел ее к себе женой, в его древнем замке началось еще более роскошное и веселое житье. Ибо старый граф полюбил нежную Эдвигу сильнее, чем прежних жен, и весьма заботился о том, чтобы доставить ей много удовольствий и радостей. Но так как уже телесные силы графа были в упадке, то графиня Эдвига скоро начала втайне скучать, и лукавые помышления вошли в ее сердце. Все же ведь свету известно, что женщины изменчивы и коварны, и что женская верность требует тщательного присмотра.

Эдвигины взоры стали почасту и подолгу блуждать по лицам пажей, словно нежная Эдвига искала себе утешителя. И наконец на одном из пажей остановились желания прекрасной госпожи, причем следует сказать, что и взыскательный к красоте граф одобрил бы графинин выбор, если бы знал, и если бы мог позволить ей измену.

Черноокий, смуглый, тонкий и ловкий паж Адельстан затмевал красотой всех окрестных юношей, подобно тому, как ясно-сияющая луна затмевает свет близких к ней звезд. Уже на верхней губе его пробивался пушок, столь радующий сердце отрока, который готов почувствовать себя мужем. Черные глаза его блистали из под длинных ресниц, как в черную ночь разожженные ярко факелы, – и осененные длинными ресницами, ярко пылали его смуглые щеки, так пылали, что ни одна из окрестных не могла глядеть на них, не мечтая о том, чтобы осыпать их поцелуями. И так как уже многие из них целовали его, лукавые, говоря, что еще он ребенок, то он приобрел привычку к любезному обхождению, и уверенность в своем превосходстве над другими юношами. И потому он так прямо и гордо держался, и так высоко поднимал голову, как будто бы он был королевич, а ведь отец его был только бедный и незнатный рыцарь.

Притом Адельстан умел играть на лютне, и, обладая приятным и сильным голосом, знал много романсов, в которых воспевались красавицы, а также и разных других песен. Адельстан смотрел на графиню почтительно и нежно, но улыбался иногда так дерзко, что графиня краснела и замирала, и в улыбке прекрасного пажа открывалось ей обещание радостного рая.

Когда однажды граф уехал на несколько дней, графиня пожелала, чтобы Адельстан остался при ней в замке.

– Ибо, – сказала она графу, – он самый прекрасный и самый

скромный из пажей, и у него глаза такие же, как у вас, – и глядя на него, я буду вспоминать вас, и не стану так скучать в разлуке с вами.

Граф исполнил желание своей супруги, – он и сам любил Адельстана, и знал, что Адельстан – отрок верный ему во всем и до конца.

На высокой башне замка, глядя вслед уезжающему графу и махая в знак прощального привета своим белым платком, прекрасная Эдвига тихо сказала Адельстану:

– Милый паж, эта ночь – наша. Я хочу, чтобы ты пришел ко мне, когда ночная темнота упадет на землю и покроет сладостным покровом и отдыхающих от трудов, и ожидающих отрадных лобзаний.

Адельстан отвечал Эдвиге:

– Милостивая графиня, сладки лобзания уст твоих, но ты принадлежишь моему и твоему господину, и если откроется наша измена, то могущественный граф сократит список моих и твоих прегрешений, вместе со счетом наших дней и с длиной наших тел.

– Граф ничего не узнает, – сказала веселая Эдвига, – а мы проведем вместе несколько сладких ночей.

– Милостивая госпожа, – сказал Адельстан, я дал обещание верно служить моему возлюбленному господину, и я боюсь, что изменой погублю мою душу, а потому лучше ты не соблазняй меня.

– Грех мы успеем замолить, – сказала Эдвига, – но ты, может быть, любишь другую, красивее меня?

– Милостивая графиня, – отвечал Адельстан, – я люблю только тебя и моего господина, а на свете нет, конечно, ни в благородном, ни в простом сословии, жены или девы прелестнее тебя, и лишь одна рожденная из морской пены богиня. Венус могла бы сравниться с тобою красотой, но не превзойти тебя.

Эдвига засмеялась лукаво, и спросила:

– Милый паж, изведал ли ты радости любви? Восходил ли ты на ложе к женам или к девам?

Адельстан из скромности потупил взоры и ответил:

– Нет, милостивая госпожа, на ложе к женам и к девам я не восходил.

И на это Эдвига сказала:

– Милый паж, как же ты отказываешься от того, чего не знаешь? Приди ко мне, и ты увидишь, что игра столь нежная не может обременить совесть. Я обнажу перед тобой свое тело, я положу тебя на свое ложе, я научу тебя всем приятным забавам любви.

И Адельстан не знал, что ответить. В блистающих глазах его загорелся тусклый огонь желанья, и багряная краска стыда покрыла его смуглые щеки, отчего он сделался еще желаннее для юной Эдвиги.

Но напрасно в эту ночь прелестная Эдвига ожидала Адельстана, – открыв двери в свою опочивальню, удалив своих служанок, лежала она, знойная от желаний, и нетерпеливыми взорами пронзала ночную темноту. Каждое легкое шуршание тканей, и каждый звук, столь обычный в ночной тишине, возникающий по неведомой причине, – ибо ночью свершается многое, чего мы не можем знать, – каждый звук нежной Эдвиге казался шорохом крадущихся ног Адельстана.

И много раз Эдвига поспешала к дверям, чтобы ласково встретить и ободрить робко-медлящего отрока, – и каждый раз напрасно.

Утомленная бессонной ночью, распаленная неисполненными жела-

ниями, на другой день позвала Эдвигу в свои покои Адельстана, осыпала его жестокими упреками, била его по щекам, царапала и щипала его.

Покорно перетерпев ее неистовство, хотя и пролив при этом не мало слез, Адельстан сказал ей:

– Милостивая госпожа, я должен пребыть верен моему господину, ты же задумала гнусное и непотребное дело. Если мы сотворим по твоему мерзкому желанию, погибнем мы оба лютою смертию от руки палача, и проклятые демоны утащат наши души прямо в ад, в неугасающий огонь, в кипящую вечно смолу.

– Милый паж, – сказала графиня, – да разве за нас некому помолиться? И на то ли оставил тебя граф со мной, чтобы ты оказывал неповиновение своей госпоже? Вот, и сам ты, глупый мальчик, не насладился, и меня тяжкими в эту ночь измучил муками, и еще устала я, нанося тебе заслуженные тобою удары. Не могу я больше выносить такие муки и труды, – приди же ко мне в эту ночь, а если опять не придеши, то завтра я подвергну тебя жестоком истязаниям.

Ничего не ответил Адельстан.

Но и в эту ночь Эдвигу напрасно ожидала его.

На другое утро ходила она по замку усталая и злая, и ничто в роскошном замке не веселило ее взоров. Вдруг услышала она где-то близко звуки лютни, нежный голос и смех, – и быстро пошла, сверкая гневными взорами, туда, где раздавались эти звуки, веселость которых была столь несогласна с ее тоской, что причиняла ее сердцу новые и горчайшие муки.

На дворе собрались пажи, и Адельстан пел им веселые и забавные песни, как будто уже он и забыл о мольбах и угрозах своей госпожи. Пажи слушали его, смеялись и хвалили песни певца.

И еще сильнее разгорелась графинина страсть; все раздражало ее: и пленительные звуки его голоса, и нежная красота его, и его стройные, нагие ноги, – ибо пажи не ждали, что госпожа придет к ним, и не успели еще обуться, – увлек их своих пением милый паж Адельстан.

Эдвигу, согнав со своего лица внешние признаки гнева, – ибо знатные госпожа изощрились в искусстве скрывать свои чувства и затемнять зеркало своей души обманчивыми выражениями благосклонности, – подошла к пажам и сказала:

– Плачу я и тоскую в разлуке с возлюбленным господином моим. Скучно мне, – чем я утешусь, когда господин мой далече? Смех ваш неприятен для меня, слезы ваши были-бы мне милее.

Веселый, синеокий Генрих, младший из пажей, а потому и самый смелый в обращении с госпожей, отвечал ей:

– Милостивая госпожа, господин наш скоро вернется, плакать нам и тебе не о чем, ты лучше послушай вместе с нами, как складно да звонко поет Адельстан, и утешься.

– Нет, – отвечала Эдвигу, – песни ваши мне скучны. Разве только песнями вашими должны вы служить графу и мне? До смеха ли только и до веселья ли на пиру простирается ваша верность?

– Милостивая госпожа, сказал синеокий Генрих, – наша верность господину и тебе до последней капли крови.

Засмеялась Эдвигу, и сказала:

– Вот вы и утешьте меня пролитием вашей крови.

И острым своим кинжалом Эдвигу несколько раз уколола выше колен обнаженные Адельстановы ноги, – и после каждого укола слизывала с острого и блестящего лезвия своим лукавым языком

сладкие капли Адельстановой крови.

И весело было графине смотреть на его окровавленные ноги.

Но и в эту ночь не пришел Адельстан к Эдвиге, – а на утро возвратился домой старый граф.

Изнывала графиня от страсти, и верность пажа удивляла ее, тем более, что она видела, что Адельстан бросает на нее пламенные взоры, полные вожделения. Она замечала, что Адельстан, прислуживая за столом, старается прикоснуться до ее нежной руки, или хотя до ее платья. И прикосновения Адельстана были ей радостны, но и горьки, ибо еще сильнее распалили ее желания.

Шли недели и месяцы, не было детей у графини. Она тосковала, томилась, и уже словно увядала.

– Пресвятая Дева Мария, – молилась она, – какая моя жизнь! Старый муж ласкает меня, но ненавистны мне его ласки, а тот, кого я люблю, не смеет войти в радость госпожи своей.

Уже и граф приметил ее томленья, и уже ревность вошла в его сердце. Он заметил страстные взоры графини и пажа, которые скрещивались перед ним, как два кинжала в равном и медлительном бою.

Старый граф одинаково боялся и того, что Эдвига согрешит с пажем, и того, что Адельстан забудет долг верности.

Невдали от графского замка, в месте уединенном и диком, в овраге среди дремучего леса, стояла темная хижина, жилище старого чародея.

Многие из окрестной местности и даже из дальних стран посещали чародея, – и всем им помогал он, получая за это щедрые приношения: – кто идет к чародею, тот нередко готов отдать и последнее.

Злобились на чародея попы, и грозились сжечь его живого, – ибо нечестивое дело – чары делать и колдовать. Уже и посылали за ним не однажды воинов и стражей городских, взять его на суд, но темными волхвованиями отвращал чародей опасность, затемняя взоры ищущих, сбивая их с дороги, насылая на них бури и лесные нестерпимые страхи.

Да и могущественному графу не угодно было, чтобы чародея до времени сожгли – ибо по близости еще не было другого, чары же всегда могли пригодиться.

Но чародей, зная, что жизнь его рано или поздно все же пресечена будет огнем, усердно собирал деньги, и время от времени отдавал их своей дочери, которая была замужем за пивоваром и жила в ближнем городе, не причастная наводнениям, в мире с церковью, которой приносили ежегодно не малые дары.

Однажды ночью графиня надела бедные и грубые одежды, закрыла свое лицо плащом, и пошла к чародею босая, чтобы смирением заслужить себе милость таинственной силы, а также и для того, чтобы вернее скрыть свое высокое звание. Но на поясе у нее висел тяжелый кошелек с золотом.

Веял бурный и холодный ветер, прямо в лицо трепещущей Эдвиге, яростно рвал ее одежды и затруднял ее шаги. Потoki дождя стремительно низвергались с омраченного неба. С треском и грохотом падали порой поперек дороги громадные деревья, сокрушенные беснованием свирепой бури.

Вся измокшая, дрожащая от страха и холода, с ногами исцарапанными, испачканными в мокрой глине, пришла молодая и прекрасная Эдвиге в мрачное логовище чародея.

Неприветливо смотрели на нее закоптелые от дыма волхвований

стены хижины, и наводя жуткий на Эдвигу страх, сверкали зеленые глаза громадного кота.

Старик длинный, тощий, седобородый, с пронзительным взглядом, спросил Эдвигу:

– Для чего, милостивая госпожа, ты пришла в такую страшную, и не для одной тебя, ночь в это отверженное место, оставив гордый замок и теплое ложе и не убоившись бешенства разъяренной неведомыми страстями бури?

– Я не госпожа, – сказала Эдвига, – я простая женщина, я принесла тебе мое тяжкое горе, чтобы ты своими проклятыми чарами обратил его в радость, за что я заплачу тебе так много, как только могу.

– Милостивая госпожа, – отвечал чародей, – ночь темна, буря воеет, – но давно сияли для меня следы твоих прелестных ног, и слышал я шорох твоих шагов уже от самых ворот старого замка. Ибо хотя эта хижина бедна убранством, но обитают в ней великие волшебства и неодолимые чары, и незримые вам, непосвященным в тайну, но усердные слуги неустанно охраняют все пути к ней. Скажи мне, милостивая госпожа, чего ты от меня желаешь.

Засмеялась лукавая Эдвига, и сказала:

– Вижу я, что бесполезно мне от тебя скрываться, но, может быть, и желания мои ты сам знаешь, так что и говорить их не надо.

Страшная улыбка, похожая на то, как бы мертвец улыбнулся, искривила иссохшие синие чародеевы губы, и он сказал:

– Милостивая госпожа, не довольно хотеть; не любит моя наука немного очарования. Если хочешь, скажи, чего хочешь, – если не хочешь, иди с миром, я же могу тебе дать только то, чего ты попросишь у меня словами, ибо иначе я мог бы дать тебе слишком много. Темны и многочисленны желания человеческие, самому человеку они ведомы не все, – мои же слуги видят глубоко в тайных изгибах души, и, не оградись только от их усердия пределами слов, они задушат чрезмерностью исполнения.

Тогда поведала ему трепещущая от стыда и страха Эдвига свое горе и свои желания, отдала ему свое золото, и падши к его ногам, с громкими рыданиями молила его о помощи.

Чародей выслушал ее до конца, взвесил на руке ее тяжелый и многоценный дар, и сказал:

– Могучие духи заключены в этом мешке, и, если бы ты умела ими повелевать, не пришла бы ты ко мне. Но встань, – все будет, как ты хочешь, – имей терпение, я это сделаю. Иди с миром.

В ту же ночь, немного позже, и старый граф постучался в двери той же чародеевой хижины.

Низким поклоном приветствовал его чародей.

Граф сказал ему:

– Становлюсь я стар, еще наследника у меня нет, и хотя уже больше года живет у меня молодая жена, но она все еще ходит праздная. И другое мое горе, – возлюбленная жена моя с вождением смотрит на моего милого пажа, и он на нее также. Еще не было между ними греха, но боюсь, что будет.

Выслушал его чародей, и сказал:

– Милостивый господин, все будет, как вы хотите, если вы поступите по слову моему. Она – ваша супруга, но и он – ваш слуга. Но не должен ли он служить вам душой и телом, и всею крепостью сил своих?

И затем долго говорил чародей со старым графом, и необычай-

ные наставления дал ему, – и радостен вышел граф из его хижины, и весел вернулся домой верхом на своем верном коне.

На заре призвал он к себе Эдвигу и Адельстана, и велел пажу затворить крепко двери. Адельстан, исполнив повеление господина, стал перед ним, и сказал смело.

– Милостивый граф, если хотите, судите меня, – я был вам верен.

Эдвига трепетала, и, бледная, молчала.

Старый граф сказал им:

– Не бойтесь. Мне и роду моему вы оба послужите, как умеете. Сегодня ночью, когда выла буря, наводя ужась и на храбрых, слышал я вещи и мудрые слова; вы же сделаете мудрое и славное дело, во исполнение вещей сказаний.

И повелел он графине обнажить ее прекрасное тело.

Красотой подобная рожденной из морской пены богине, хотя и багроволицая от стыда, стояла перед своим господином нагая Эдвига. Молча смотрел на нее граф, и радостью обладания трепетало его сердце. Адельстан же не смел поднять на графиню взора, но не мог и отвести в сторону глаз, Эдвигины голые стопы и розовые колени наполняли его сердце сладостным томлением.

– Ты моя, – сказал граф, – но и ты, Адельстан, отдан мне в службу и должен служить мне душой и телом, и всею крепостию сил. Сними же и ты свои одежды.

И когда оба были наги, сказал им граф:

– Теперь вы, юные и прекрасные, и освобожденные от одежд, свершайте перед очами моими то, что указывает природа созревшим для страстных лобзаний.

Охваченный быстрым любовным пылом, Адельстан обнял Эдвигу, и очаровательное сочетание их белых тел на узорных коврах радовал сердце старого графа: никогда еще не видел он соединенными двух столь прекрасных тел.

Когда же, усталые от взаимных ласк, они разошлись, и стыд наготы заставил их схватиться за одежды, – граф сказал им:

– Подождите, вот вы владели, ты ей и она тобой по слову моему, – но надлежит вам знать, что радость ваша – была радостью моей, и это я был тот, кто совершал тайное, – вы же были только два мои тела. И чтобы вы лучше это запомнили, вот я вам дам начертание моей власти на прекрасных телах ваших.

И он больно высек их, сперва Эдвигу, заставив Адельстана держать ее ноги, потом Адельстана, причем велел Эдвиге также держать его за ноги.

Омраченные и стыдящиеся, вышли они от графа, но радость разделенной любви все же ликовала в их сердцах.

С того утра каждый день призывал их граф, повелевал им обнажаться и ласкаться, и разнообразными движениями их обнаженных тел тешил свои взоры.

Сначала оба они были счастливы. Но скоро и Эдвигу и Адельстана утомили ласки по чужой воле, ибо любви ненавистно всякое принуждение, – и утомили даже до взаимной нелюбви. И оба они стали помышлять о том, как бы избавиться им от сладких, но тягостных оков любви, повелеваемой господином.

«Убью графиню!» – думал Адельстан.

«Убью пажу!» – думала Эдвига.

И однажды, когда начала она одеваться после ласканий, а он, обнаженный, по ее зову подошел к ней и склонился к ее ногам, чтобы обуть ее, она вонзила ему в сердце узкий и острый кинжал.

Адельстан упал, захрипел, и тут же умер.

Тело его вынесли, по графскому повелению повесили, как оно было, голое, во рву замка, и рядом с ним повесили собаку, чтобы думали вассалы, что смертью наказан паж Адельстан за некий дерзновенный поступок.

Графиня же понесла. И скоро родила сына, наследника славного и могущественного графского рода.

СТРАНА, ГДЕ ВОЦАРИЛСЯ ЗВЕРЬ

На полуистлевших от времени листах папируса начертано много сказаний о делах и людях, давно отошедших в неизменную вечность. И вот одно из них. Оно несвободно от неясностей, причина которых, по всей вероятности, в том, что от целой рукописи сохранились лишь обрывки, и смысл целого пришлось восстанавливать, пользуясь аналогиями. Самое название страны неведомо нам, и конец рассказа не сохранился. В тех частях истории, которые носят фантастический характер, не совсем ясно, говорит ли древний летописец иносказательно, или и сам верит рассказу о чудесном превращении жестокого юноши.

Надлежало выбрать царя. И старейшины решили предоставить выбор судьбе. Пред наступлением ночи вынесено было за городские ворота золотое, драгоценными изумрудами и сапфирами украшенное яйцо, и положено при дороге в траву. Кто придет из чужой страны, издалека, и поднимет затаенное в траве золотое яйцо, тот и будет царем в городе. Был ли таков обычай того места, или на этот раз особые гадания указали старейшинам города такой способ города – не знаю. Но, по соображению некоторых обстоятельств события, предпочитаю второе объяснение.

Блистающий и светлый возшел над страной пламенеющий в небе дракон, которому дают люди имя дневного светила, красного солнца, – блистающий и светлый, как и надлежало быть солнцу того дня, когда великий воцарится над той страной владыка. Старейшины вышли к городским воротам, а за ними и весь народ, – и все в благоговейном молчании ждали, кого укажет им судьба в цари. Долго дорога была безмолвна и пустынна, словно совещались великие боги или демоны той страны и колебались долго, на ком им остановить свой дивный выбор. И, наконец, решили судьбу города и великой страны.

По дороге, приближаясь в городской окрестности, шли два отрока, едва прикрытые грубыми, рваными и запыленными одеждами. Один из них был смугл, тонок и черноволос; на голове другого висели рыжие кудры, сиявшие золотом в златопламенных взорах воздымающегося на гору небес Змия. Тело рыжего отрока было оливкового цвета, щеки его пламенели румянцем, и глаза горели ненасытным желанием. Впрочем, лица обоих отроков были так сходны, как будто смуглое лицо одного огузилось в дивно-пламенеющем зеркале, и возник из-за чародейного стекла румяный и златоволосый двойник.

Весело разговаривая друг с другом и беспечно смеясь, отроки уже миновали затаенное в траве золотое яйцо. Приближались к городским воротам. Гулкий тысячеустный ропот толпы вдруг остано-

вил их. Испуганные и смущенные, стояли отроки у края пыльной дороги и озирались вокруг, стараясь понять, на что смотрит и дивится все это шумное множество. Смуглый отрок первый увидел яйцо. Подошел к нему. Сказал своему другу:

– Смотри, Метейя, какая красивая в траве лежит игрушка.

И поднял яйцо. Рыжеволосый Метейя подбежал к нему и, с жадностью простирая к смуглому отроку руки, воскликнул просящим голосом:

– О, миленький Кения, отдай, отдай мне это золотое яичко! Дай, дай мне его!

Засмеялся Кения, и отдал яйцо Метейе, говоря:

– На, возьми. Пусть оно будет твоим, если так тебе его захотелось.

И зардовался Метейя. Подбрасывал яичко, и любовался переливной игрой многоценных камней на нем.

Тогда вышли из ворот старейшины городские и поклонились отроку Метейе, державшему в руках золотое яйцо, и нарекли его царем того города.

Возник было в народе спор, кому быть царем. Некоторые легкомысленные юноши говорили, что на черноокого Кению надлежит царскую диадему. Говорили:

– Черноокий отрок поднял наше и потом по своей воле дал его рыжему и жадному мальчишке. Черноокому и прекрасному Кении надо быть нашим царем, – он щедр и великодушен, как и подавает быть царю.

И прекрасные девы, подстрекая к непокорству любезных им юношей, шептали:

– Золотую диадему на смоляночерные волосы Кении возложить, – как это будет красиво!

Но старые люди говорили:

– Царь не тот, который отдает, а тот, который требует и берет. Владыка нужен городу, а не мягкосердечный отрок с женственной душой.

И когда немногие приверженцы Кении вздумали упорствовать и длить бесполезные, но смущающие толпу споры, их связали, обезглавили и тела их сожгли.

Так воцарился в той стране Метейя. Сказал вельможам:

– С другом моим Кению шли мы долгим и трудным путем. Черные очи милого моего друга заметили в густой траве мое царское яйцо. Смуглые руки, прекрасные руки друга моего Кении подняли для меня из придорожной травы мое царское яйцо. Верным и преданным другом моим был и пребудет Кения, и место его да поставится самое первое, по правой стороне от моего царского, блистающего и украшенного ложа. На друга моего Кению самые богатые и красивые, какие только найдутся в городе, наденьте одежды и на руку ему дайте самое дорогое и красивое кольцо.

И сделали так, как повелел царь Метейя. по правой стороне от царя сидел отрок Кения, но не возгордился. Черные глаза его мерцали, как две погасшие, но все прекрасные звезды. Уста его алели, как две яркие розы, над которыми рыдает соловей. И золотое кольцо с алмазом сверкало на его руке, как вечерняя звезда на багрово-дымном небе заката. И были глаза его без сияния, уста его без улыбки, и руки его не радовались.

Черными и спокойными смотрел он на царя Метейю глазами, – и стало грустно царю Метейе, и однажды спросил царь Метейя друга своего Кению:

– Милый друг мой Кения, не завидуешь ли ты мне?

Кения склонил низко голову, как надлежит делать тем, к кому обращено царское высокое слово, и сказал спокойно:

– Великий царь, я тебе не завидую.

Царь нахмурился и спросил снова:

– Милый Кения, не хочешь ли ты быть царем?

И ответил Кения:

– Я не хочу быть царем.

– Кения, ты, может быть, думаешь, – продолжал спрашивать царь, – что ты поднял яйцо и потому имеешь право быть царем.

– Я поднял мое яйцо, – спокойно ответил Кения, – и подарил его тебе, царь. Теперь ты можешь владеть им и царствовать спокойно, – никто не отнимет его от тебя.

Замолчал царь Метейя и не знал, что еще спросить. Но черная досада томила царское сердце. И склонился к царю старейший и хитрейший из вельмож, седобородый Сальха и стал шептать царю в уши злые и коварные речи:

– Великий царь, сокровище и утешение наше, – шептал Сальха, – твой друг Кения, которого за его красоту так похваляют неразумные юноши и любострастные девы, тот Кения, которого ты, по своей царской милости, возвел на высочайшее место и посадил по правую сторону от твоего пресветлого царского ложа, – он легкомысленно и дерзко называет своим яйцо, которое было у тебя в солнечно-пламенеющих перстах в то время, когда мы вышли из-за городской ограды, и, преклонившись пред твоим величием и твоей дивной красотой, нарекли тебя нашим владыкой. Своим называет он яйцо, которое могущественные боги этой страны вложили в твои державные руки.

Царь Метейя покраснел от гнева, и глаза его засверкали нестерпимым пламенем. Гневные обратил он взоры на друга своего Кению, но не смутился смуглый, черноокий отрок, и пребывал безмолвным, неподвижным и спокойным, как черная ночь без зарниц и без звезд.

И приблизился к царю Метейе другой вельможа, творящий в той стране верховный суд, мудрый и злой Ханна, преклонился пред царем, и стал шептать ему в уши столь же злые и коварные речи, как и речи коварного Сальхи:

– Великий царь, красоту свою затмевающий прекраснейшие светила небесные, светлым разумом своим и дивными доблестями превзошедший мудрейших и славнейших в стране нашей и в иных ближних и дальних странах, – так шептал царю злой Ханна, – друг твой Кения, возведенный тобой и щедро награжденный за ничтожную услугу, дерзет думать, а, может быть, даже и говорить, что он лучше тебя, потому что он отдал тебе твое царское яйцо, и таким образом превзошел тебя в щедрости и великодушии. Друг твой готов стать твоим врагом, великий государь. Воистину, жестокого достоин наказания тот, кто злоумышляет против великого нашего царя.

Дрожа от гнева и сжимая царский посох в трепетных руках, густо покрытых рыжими волосами, царь Метейя спросил друга своего Кению:

– Скажи мне, Кения, кого из нас двоих считаешь ты лучшим и более достойным почитания?

– Великий царь, – спокойно ответил Кения, – люди почитают тебя, как своего владыку, и поклоняются тебе, и я с ними. Я – твой верный слуга и раб, и пребуду тебе неизменно верным и

послушным.

В гневе царь Метейя встал и воскликнул:

– Боги возвели меня на царский престол, потому что я лучше всех людей в этой стране и во всех других, и лучше тебя.

И ответил Кения:

Царь, ты и я – отроки, ничего еще не совершившие на земле достойного похвалы или порицания. Кто из нас лучше другого, никто этого не знает и не может сказать.

– Так, – удивляясь дерзости своего друга, тихо сказал царь Метейя, – и в самом деле не думаешь ли ты, что ты лучше меня, своего царя и владыки?

– Великий царь, – возразил Кения, – я этого не думаю. Я думаю, что мы оба одинаковы. Недаром выросли мы вместе, и так похожи один на другого лицом. Когда на румяной заре утренней или при багряно-красном небе заката я наклоняюсь к ручью, чтобы утолить мою жажду, мне кажется, что твое, о царь, лицо с приветливой улыбкой наклоняется ко мне, и твои губы тянутся навстречу моим для сладостного братского целования. Различаясь от меня цветом волос и кожи, пламенея румянцем, который у меня скрыт под смуглым цветом моего тела, ты так похож на меня, как будто отраженное в пламенеющем зеркале мое изображение. Ты прекрасен, как я, и так же, как я, щедр, милостив и великодушен.

И тогда все вельможи подняли шумный, негодующий крик, обвиняя Кению в том, что он осмелился приравнять себя к великому владыке. Яростью наполнилось сердце царя Метейи, и он приказал нещадно бичевать друга своего Кению смолистыми, гибкими плетями.

Когда голый и связанный лежал перед царем Кения, стена и вопя от нестерпимой боли, и багровыми полосами покрывалось его стройное, прекрасное тело, и горячие капли его крови брызгали в лицо царю Метейе, в это время свирепая радость истязаний вошла в сердце юного царя, – и он громко смеялся и радовался воплям и мучениям друга своего Кении. И все множество предстоящих смеялось вместе с ним.

Возопил тогда Кения:

– О, великий царь, что это я поднял и отдал тебе твое царское яйцо, – вспомни, и сжапись надо мной!

В ответ ему закричал диким, громким голосом разъяренный царь:

– Помню, Кения, все помню, – и чтобы ты вперед не величался перед мной, вот, повелеваю верным слугам моим засечь тебя до смерти.

Исполняя повеление царя, били черноокого Кению до тех пор, пока не затихли его стоны, – и потом вынесли его тело, и бросили у порога царского чертога.

С того дня ненасытной жестокостью напиталось сердце царя Метейи, и радостны стали ему вопли истязуемых. Всякого, кто говорил слова сожаления о милом отроке Кении, или слова укоризны жестокому и неблагодарному царю, всякого приказывал он приводить к подножию его престола и мучить до смерти. И веселился.

Потом, пресыщенный зрелищем изуродованных тел, опьяненный запахом горячей, изобильно пролитой крови, упивался он винами и забавлялся с плясуньями, очаровательницами змей, гадательницами и другими распутными женами и девами. Вельможи и старейшины городские не останавливали его, и пировали с ним вместе, радуясь, что царь не вникает в дела правления и не препятствует им, алчным и жестокосердным, обогащаться на счет вдов, сирот и голодающих от неурожая. Развратные сыновья вельмож пировали с царем, и забавляли

его своим бесстыдством.

И настал тогда в стране той великий плач и смятение. Жены, девы и юноши тайно сходились в лесах по ночам, сожигали богам многие многоценные жертвы. и страшными чарами вызывали и заклинали умерщвленного царем отрока Кению. И возник из могильного мрака черноокий отрок.

Однажды, когда царь пировал со своими вельможами и неразумными юношами, пришел к нему Кения. И ужаснулись пирующие.

На вечернем небе догорала быстрая заря. Долины полны были мгlistым туманом. Совсем белая на молочно-алом зареве заката светилась первая звезда, — и откинулась вдруг тяжелая завеса царской двери, и темный на светлом зареве зари явился и стал черноокий, черноволосый, весь смуглый, в белой короткой одежде, обнажавшей прекрасные руки и ноги, Кения. Кто-то, бессмысленно-пьяный, еще горланил, повалясь щекой на стол, — но безмолвием и ужасом зачарованы были обращенные на Кению взоры пировавших.

Звякнула о кипарисные доски пола выпавшая из чьей-то руки золотая чаша, и покатила тихо, дуго-образный чертя по полу путь, между царем и Кению, и темная, багряная, как кровь, струя вина коснулась нагих ног восставшего из могильного мрака отрока.

Тихо подошел Кения к царю, и сел рядом с ним, по правую сторону, на то место, где сидел раньше, и куда еще никого не посадил царь.

Царь спросил, трепеща от страха и от гнева:

— Ты жив, Кения?

И ответил ему Кения:

— Я встал, и пришел к тебе. Некогда вместе с тобой шел я в этот город, и были мы оба радостны и невинны. Потом, отдав тебе мое яйцо, рядом с тобой сидел я, незнающий и простодушный. Но вот ярость высокой царской власти распалила твое сердце, и разделила нас, и тяжкие по твоей воле перенес я муки. Ныне пришел я к тебе знающий и мудрый и наделенный силой, которой у тебя нет, хотя ты и царь великой страны. Я поднял многоценное яйцо, положенное благими и мудрыми, и охраняемое неразумными и злыми. Оно — мое, и мое все то, что соединено с его обладанием. Но ныне, изведав, как ярит человека высокая власть, я, Кения, тот, на кого дивно похож лицом царь Метейя, я не хочу быть царем. Да не будет, о, великий царь, между нами предмета разделения и раздора. Поделится мирно, — ты оставь себе многоценные изумруды и сапфиры царской власти, а мне отдай тяжелое золото, моими руками поднятое, моей кровью омытое.

Дикий гнев зажег царские взоры, — и возопил царь:

— Крамольную слышу речь, мятежный вижу взор непокорного раба. Где же вы, мои верные слуги? Возьмите мятежника, многими измучьте его муками, бейте его перед очами моими, бейте его гибкими смолистыми плетями и кнутами из воловьей кожи, залейте его горло растопленным свинцом, вырвите его черные глаза.

Так все сделали, как повелел жестокосердно усердным рабам их жестокий царь. Страшным голосом вопил истязаемый отрок. Выше перистых облаков ночного неба возносились его пронзительные вопли. Выше небес взлетали бы они, если бы над землей простиралась небеса.

Замучили до смерти, выволокли изуродованный труп за городскую ограду, и бросили на гноище. А вдалеке в это время, чуя свежую кровь, выли трусливые шакалы.

Пели в царском чертоге хриплыми с перепоя голосами веселые и непристойные песни. Плясали перед царем голые блудницы. Царь хохотал, и тонким хлыстом подстегивал плясуний, чтобы вертелись проворнее. Полупритворные визги голых блудниц радовали его.

И опять длились дни жестокостей и злодеяний. И опять в глухих лесах заклинали страшными ночными чарами замученного отрока. И опять возник Кения, и опять пришел в царский чертог. Изрубили его в куски, и бросили его собакам.

И когда опять пришел Кения, сожгли его вместе с тысячью плакавших о нем юношей и дев. Всех загнали в один дом, обложили дом сухим хворостом, облили хворост смолой, и зажгли. Радостно-яркое высоко взметнулось пламя, обливая багровой кровью ночные небеса, и дикий вопль тысячи сожигаемых разносился далеча окрест, пугая свирепых тигров, рыскавших в прибрежных тростниках в поисках за живой добычей. А люди, угождая свирепому своему владыке, плясали вокруг объятого пламенем дома.

Но опять пришел Кения. И ужаснулся разъяренный царь. Спросил непрестанно-восстающего отрока:

– Или бесконечными хочешь ты сделать твои и мои муки?

Улыбаясь, возразил Кения:

– Твоя воля, великий царь. Отдай мне мое золото, и будешь покоен.

– Не отдам, – возопил царь, – снова и снова предам тебя несказанным мучениям, доколе не утомишься страданиями и не уйдешь в вечную тьму!

– Царь Метейя, – возразил Кения, – уже не могу я сойти с того круга непрестанных возвращений к тебе, на который поставили меня верховные силы. Или отдай мне золото моего яйца, или своими зубами загрызи меня, пожри меня, как дикий зверь пожирает свою добычу, которую подстережет в пустынном месте. И станешь тогда зверем, но зато победишь меня.

Поник головой царь Метейя. Долго думал. Наконец сказал:

– Да будет так. Я – царь, и мне надлежит побеждать, какой бы то ни было ценой. Лучше быть зверем побеждающим и торжествующим, чем человеком, который уступает и отдает свое.

Засмеялся черноокий Кения. Тогда дивное превращение в один миг свершилось с царем. Все тело его покрылось рыжей шерстью, такого же цвета, как волосы у царя. Гибким, как у бенгальского тигра, стало тело Метейи, опустилось на четверенько, – взметнулся внезапно выросший напряженный хвост, – острые когти явились на руках и на ногах, обратившихся в огромные и страшные лапы. Прекрасная страшно изменилась голова: челюсти стали огромные, и ужасные во рту засверкали клыки, белые, изогнутые, острые. Яростно вопиющий голос царя Метейи стал рыканием дикого зверя, наводящим ужас на отважнейших мужей. Проворным и могучим прыжком бросился обращенный в зверя Метейя на Кению, и, радостно мурлыча и ворча, стал пожирать его сладкую плоть, дробя зубами его кости.

Пожрал друга своего царь Метейя, обратившийся в зверя. Вельможи и старейшины радовались и славили царя Метейю. Говорили, упоенные злобной радостью:

– Дивное чудо сотворили боги, в знак милости к нашей стране. Возлюбленному царю нашему Метейе дали они грозный облик зверя, страшные когти и могучие челюсти которого сокрушают кости его врагов, как хрупкий, хрустящий тростник.

И водили зверя по улицам, на страх трепещущим врагам.

Блистающей диадемой увенчана была косматая голова зверя, ожерелье висело на его шее, яркие яхонты и сверкающие изумруды блистали в рыжей звериной шерсти. Цветами осыпан был путь зверя, – и облик жаркой крови был его страшный след. Народ повергался ниц перед высоким зверем, и зверь выбирал себе добычу среди покорно-склоненных, и нежные пожирал тела юношей и дев.

Темен конец повествования. Подносящий горящий уголь в груди умертвит зверя, – так обещали гадания в тайном лесу. Но был ли умерщвлен зверь? Освободились ли из-под ужасной власти свирепого зверя трепетавшие перед ним люди? Неведомой осталась судьба страны, где воцарился зверь, и самое имя страны поглощено забвением.

В ТОЛПЕ

Древний и славный город Мстислав справлял семисотлетие со дня своего основания.

Это был город богатый, – промышленный и торговый. В нем самом и в его окрестностях понастроено было много фабрик и заводов, из которых иные славились на всю Россию. Население быстро возрастало, особенно в последние годы, и достигло внушительной цифры. Стояло много войска. Много жило рабочих, торговцев и чиновников, студентов и литераторов.

Думцы решили праздновать на славу день основания города. Пригласили властей, позвали Париж, и Лондон, а также Чухлому и Медынь, и еще некоторые города, но с очень строгим выбором.

– Знаете, чтобы не лезли всякие, – объяснял городской голова, молодой человек купеческого происхождения и европейского образования, известный тонкой галантерейностью своего обхождения.

Потом как-то вспомнили, что надо же позвать также Москву и Вену. И этим двум городам послали приглашения, но когда уже оставалось до праздника всего только две недели.

Литераторы и студенты упрекали голову в такой неуместной забывчивости. Голова смущенно оправдывался:

– Захлопотался. Совсем из ума вон. Так много дела, – вы не поверите. Редко и дома ночую: все комиссия за комиссией.

Москва не обиделась, – свои, мол, люди, сочтемся, – и поспешила прислать депутацию с адресом. Беселая же Вена ограничилась открыткой с поздравлением. Открытка была художественно разрисована: голый мальчик в цилиндре сидел верхом на бочке и держал в поднятой руке бокал с пивом. Пиво пышно пенилось, мальчик весело и плутовато улыбался. Он был круглолицый и румяный, и члены городской управы нашли, что улыбка его вполне прилична торжеству, – веселая, добро-немецкая. И весь рисунок нашли очень стильным. Только не совсем согласны были в определении его стиля: одни говорили: «модерн», другие – «рококо».

В городе немощном, пыльном, грязном и темном, – в городе, где было много уличных скверных мальчишек и мало школ, – в городе, где бедные женщины, случалось, рожали на улицах, – в

городе, где ломали старые стены знаменитой в истории крепости, чтобы добыть кирпича на постройку новых домов, – в городе, где по ночам на людных улицах бушевали хулиганы, а на окраинах беспрепятственно обворовывались жилища обывателей под громкие звуки трещегок в руках дремотных ночных сторожей, – в этом полудиком городе для съехавшихся отовсюду почетных гостей и властей устраивались торжества и пиршества, никому не нужные, и щедро тратили на эту пустую и глупую затею деньги, которых не хватало на школы и больницы.

И для простого народа, – нельзя же и без него обойтись! – готовились увеселения на городском выгоне, в местности, именуемой почему-то Опалихой. Строились балаганы, – один для народной драмы, другой для феерии, третий для цирка, – ставились американские горы, качели, мачты для лазания на приз. Скоморошьему деду купили новую бороду, кудельную, и обошлась она городу дороже шельковой, – уж очень художественно сделана.

Для раздачи народу изготовили подарки. Предполагали давать каждому кружку с городским гербом и узелок: платок с видом Мстиславля, и в нем пряники да орехи. И таких кружек да платков с пряниками и орехами наготовили много тысяч. Заготавливали заблаговременно, а потому пряники стали к дню праздника черствые, а орехи – гнилые.

За неделю до дня, назначенного для народного праздника, на Опалихе поставили столы и пивные буфеты, и две эстрады – платную – для публики, и другую – для почетных приглашенных.

Между буфетами оставили узкие проходы, чтобы за подарками к столам подходили по очереди и по одному человеку. Так придумал голова для вящего порядка. Он был умный и рассудительный молодой человек.

Накануне праздника привезли подарки, сложили их в сарай и заперли.

Народ, заслышав про увеселения и про подарки, толпами шел со всех сторон к древнему и славному городу Мстиславлю, крестясь издали на золотые маковки его многочисленных церквей. Говрили, что подарки – то подарками, а что, кроме того, будут еще на Опалихе бить фонганы из водки, и пить водки можно будет, сколько хочешь.

– Хоть опейся!

Многие приходили издалеча. И заранее. Уже накануне праздника на городских улицах шлялось много дальних пришельцев. Больше всего было крестьян, много было и фабричных рабочих. Были и мещане из соседних городов. Приходили, а кто и приезжал.

И вот, уже несколько дней продолжалось празднование в городе. Веяли флаги на домах, висели гирлянды из зелени. Служились молебствия. Сделали парад войскам. Потом смотр пожарной команде. На торговой площади был базар, веселый и шумный.

Наехало много знатных посетителей, своих и заграничных, лиц чиновных и сановных, и много любопытных туристов. Местные жители толпами выходили на улицы и глазели на приезжих гостей. Знатные иностранцы были предметом особого внимания, не очень, впрочем, дружелюбного. Старались и нажиться: квартиры, пища, товары, – все вздорожало.

И настал канун народного праздника. Город, как и все эти дни, горел праздничными огнями. В городском театре был назначен парадный спектакль, и после него – большой бал в губернаторском доме.

А толпа валила на Опалиху. И надзора за ней не было.

Раздача подарков назначена была с десяти часов утра, и городское начальство было уверено, что раньше раннего утра никто не пойдет на Опалиху. Но раньше раннего утра была ночь, и еще раньше был вечер. И с вечера стала толпа собираться на Опалиху, так что к полуночи перед сараями, отделявшими площадь народного гулянья от городского выгона, стало тесно, шумно и тревожно.

Говорили, что собралось несколько сот тысяч. Даже полмиллиона.

II

На Никольской площади у самого обрыва стоял домик Удоевых. Над обрывом разбит был сад, и из него открывался великолепный вид на нижние части города, Заречье и Торговый конец и на окрестности.

С высоты все очищалось и казалось маленьким, красивым и нарядным. Мелкая, грязная Сафать-река отсюда являлась узкой лентой переменчивой окраски. Дома и торговые ряды стояли, как игрушечные экипажи и люди двигались мирно, тихо, бесшумно и бесцельно, пыль вздымалась легкая, еле видная, и тяжкие ломовые грохоты доносились наверх едва слышной музыкой подземелья.

Против дома Удоевых, через площадь – казначейство, окрашенное охрой унылое двухэтажное здание. Там служил глава семьи, статский советник Матвей Федорович Удоев.

Забор около дома Удоевых был серенький и прочный, беседка в саду стояла такая милая и уютная, сирень благоухала, плодовые деревья и ягодные кусты обещали что-то радостное и сладостное, – хозяйственно, основательно устроилась семья старого и почтенного чиновника.

Дети Удоева, пятнадцатилетний Леша и его две сестры, Надя и Катя, девицы двадцати и восемнадцати лет, тоже собрались идти на Опалиху, на праздник. Оттого они были так веселы и так радостно волоновались.

Леша был белый, смешливый и прилежный мальчик. Особых, ярких примет он не имел: учителя в гимназии часто смешивали его с другим, тоже белолицым и скромным гимназистом. Девицы тоже были скромные, веселые и добрые. Старшая, Надя, была поживее, непоседлива и порой даже шаловлива. Младшая, Катя, была совсем тихоня, любила помолиться, особенно в монастыре, и очень легко переходила от смеха к слезам и от плача к смеху, и обедить ее было легко, и утешить, и насмешить нетрудно.

И мальчику, и девицам очень хотелось достать по кружке. Они еще заранее выпросились у родителей идти на Опалиху.

Отпускали их на Опалиху неохотно. Мать ворчала. Отец молчал. Ему было все равно. Впрочем, тоже не нравилось.

Матвей Федорович Удоев был молчаливый, высокий, рябой и равнодушный человек. Пил водку, но в умеренном количестве, и почти никогда не спорил с домашними. Домашняя жизнь шла мимо его. Как и вся жизнь... Приходила мимо, как облака, пролетающие и тающие на пронизанном солнечными светами небе... Мимо, как неумоимо шагающий странник мимо ненужных ему зданий... Как ветер, веющий из страны далекой... Мимо, мимо, все мимо...

III

Леша и обе сестры стояли и ворот и смотрели на прохожих. Было шумно и людно. Шли люди, нарядившиеся и, видно, что чужие. Шли больше в одну сторону, — к Опалихе. Гул среди толпы наводил на детей смутную тревогу.

Удоевы вернулись домой. Было неловкое и тревожное настроение. Не сиделось на месте.

Уже решили идти рано утром. Но сборы начались с раннего вечера. И чем ниже клонилось усталое солнце, тем сильнее нарастало беспокойство и нетерпение детей. Все выбегали к воротам посмотреть, послушать, поболтать с соседями, с прохожим.

Больше всех беспокоилась Надя. Она очень боялась, что опоздают. Досадливо говорила брату и сестре:

— Вы проспите, непременно проспите, уж я это предчувствую.

И нервно поламывала тонкие, хрупкие пальцы, что у нее всегда служило признаком сильной взволнованности.

В ответ ей Катя спокойно улыбалась и уверенно говорила:

— Ничего, не опоздаем!

— Надо же и спать, — лениво сказал Леша.

И вдруг ему стало лень, и он подумал, что неприятно и не к чему рано вставать, и не захотелось идти. Надя быстро и горячо возражала:

— Вот еще, спать! Ничего не надо спать. Я совсем сегодня не буду спать.

— И ужинать не будешь? — поддразнивающим голосом спрашивал Леша.

И вдруг всем им стало казаться, что нарочно долго не дают ужина. И забеспокоились. Часто смотрели на часы. Приставали к отцу.

Надя ворчала:

— Что это сегодня, как нарочно, часы у нас отстают. Ужинать давно пора. Этак немудрено и проспять завтра, если за полночь ужинать не дают.

Отец угрюмо говорит:

— Ну, чего пристааете? То один, то другой.

И смотрел на детей неразличающим взором, словно он видел в них только то, что их трое. Равнодушно вынимал часы и показывал. Было еще совсем рано. Никогда так рано не собирались ужинать.

Между тем в дом к Удоевым с разных сторон приходили вести о том, что на Опалиху уже собираются, идут толпами, что там уже толпа. Целый лагерь, с ночлегами и чуть ли даже не с палатками.

И уже начали догадываться дети, что утром поздно будет на Опалиху, — уже тогда не добраться будет. И от этого настроение в доме Удоевых делалось тревожным не в меру.

Мимо дома Удоевых шли. Все больше и больше народа проходило. В толпе были и нарядные, были и плохо одетые. Было много мальчишек. Но, в общем, толпа казалась настроенной солидно. Было шумно, весело и празднично.

IV

У ворот дома Удоевых остановилось несколько человек. Слышались оживленный говор, спор, смех.

Леша и сестры опять выбежали за ворота.

Стояли кучкой несколько мужиков и баб. С ними несколько мещан, из здешних. Разговаривали громко, недружелюбным тоном, слово переругивались.

Пожилая бойкая мещанка с остреньким и хитрым лицом, одетая в ситцевое платье, яркое от праздничной нарядности и шумящее от накрахмаленной новизны, с розовым платочком на масляно-причесанной голове, говорила высокому, степенному крестьянину:

– Да вы бы на постоялом остановились.

Старик-крестьянин отвечал неторопливо и вдумчиво, словно подыскивая точные слова для выражения значительной и глубокой мысли:

– Дерут больно ваши дворники. Дерут, слышь. Никак, значит, ты с ними не сообразишься. Обрадовались. Креста на вороту нет у людей. Дорвались, слышь, до добычи. Дерут больно. Разбогатеть, знатко, охота.

Добродушный паренек, белолицый и светлоголовый, с вечной улыбкой на пухлых губах и с кроткими ясно-голубыми глазами, сказал:

– Есть добрые люди, что и даром пускают.

На него все посмотрели насмешливо. Заговорил:

– Есть, да не здесь.

– Поищи-ка таких, да и нам скажи.

Смеялись почему-то злорадно, хотя повидимому, для злорадства не было никакого основания. Паренек ухмылялся, поглядывал вокруг невинными глазами, и уверял:

– А меня пустили. Правда. Одна тут пустила.

– Гладок ты больно, – сказал рыжий и корявый мужик.

Подошли соседи Шуткины: молодой человек, мальчик и две девушки. Перебросились несколькими незначительными словами, как часто встречающиеся и привыкшие друг к другу люди.

– Идете? – спросил старший Шуткин.

– Идем, утром! – ответил ему Леша.

Надя и Катя молча улыбнулись, радостно и слегка смущенно. Шуткины чему-то засмеялись. Переглянулись. Пошли к себе домой.

– Они хотят раньше нас идти! – догадалась Надя.

– Ну, и пусть! – сказала Катя и опечалилась.

Дом Шуткиных стоял рядом с усадьбой Удоевых. Выделялся своим неряшливым и ветхим видом.

Молодые Шуткины были все порядочные сорванцы и шалопаи. Пускались иногда на дерзкие шалости. Подбивали порой и детей Удоевых на шалости, и нередко довольно крупные.

Шуткины были смуглые, черноволосые, как цыганы. Старший брат служил писмоводителем у мирного судьи. Лихо играл на балалайке. Сестры, Елена и Наталья, любили петь и плясать. Делали это с большим одушевлением. Младший брат Костя был отчаянный озорник. Учился в городском училище. Не раз грозили выгнать его отсюда. Пока еще держался кое-как.

Подошли две сестры Шуткины, Елена и Наталья, во всем похожие очень одна на другую, так что странно было смотреть, что одна из них – рыжая, а другая – черноволосая, и их старший брат. Слушали и лукаво улыбались, и почему-то казалось сегодня, что улыбки у них скверные, и сами они не чистые.

Подмигивая сестрам Удоевым, старший Шуткин сказал:

– Рано вставать будете завтра?

– Да, – живо заговорил Леша, – встанем пораньше, до восхода, раньше всех придем.

И вдруг вспомнил, что никак невозможно прийти раньше всех, и стало досадно.

– Ну, да, встанете, где вам! – сказал Шуткин.

Сестры его смеялись нагло и лукаво. И непонятно было, зачем и чему они смеются. Старший Шуткин сказал:

– Что рано ходить! Это выйдет, как мы в прошлом году в монастырь ходили к заутрени.

– Вот-то была потеха! – с хохотом крикнула Елена.

И видно было, что и ей, и ее рыжей сестре все равно было, над чем смеяться, и вовсе не казалось странным и непристойным издеваться над собой же.

Шуткин рассказывал:

– Это еще в прошлом году было. Легли мы рано, без огня. Выспались, встали. Часов у нас в те времена не было, они в ученьи залежались по той простой причине, что у нас тогда было превышение расходов над доходами, и была необходимость прибегнуть к выпуску облигаций внешнего двенадцати процентного займа. Ну, вот, мы и пошли. Пошли, пошли, да и пришли. Видим, еще заперто все. Думаем, еще рано пришли. Сели мы на скамеечку «у брат обители святой». Сторож к нам подошел, спрашивает этак с довольно натуральным удивлением: «Вы что тут расселись? Ай дома, – говорит, – скучно стало?» – А мы говорим ему очень даже непринужденно: – «К заутрени, – говорим, – пришли; монахи-то ваши, – говорим, – разоспались сегодня». А он нам: «Эк, вас, – говорит, – принесло ни свет, ни заря! Да, ведь еще только одиннадцать часов недавно било. Неужели, – говорит, – дожидаться будете? Пошли бы, – говорит, – домой». Ну, мы послушались разумного совета, пошли себе к дому. Было смеху!

И Шуткины, и Удоевы смеялись.

В это время приближал запыхавшийся и потный младший Шуткин, Костя. Радостно кричал:

– Я уже слетал на Опалиху.

– Ну, что? как? – спрашивали его и свои, и Удоевы.

Костя с радостным хохотом говорил:

– Мужичья привалило видимо-невидимо. Все поле чисто запрудили.

– Вот чудачки-то! – с досадливым смехом сказал Леша, – ведь, в десять часов раздача начнется, а они с вечера пошли.

Старший Шуткин засмеялся, подмигнул сестрам:

– Кто вам это сказал? – крикнул он. – Начало в два часа будет, чтобы заморские гости успели посмотреть. Они рано не привыкли ложиться. И встают поздно.

– Нет, это неправда, в десять начало! – горячо возражал Леша.

– Нет, в два, в два, – в голос закричали все Шуткины.

И по их наглому смеху и переглядыванию сразу было видно, что они лгут.

– Ну, я сейчас верно узнаю, – сказал Леша.

Сбегал к секретарю городской управы, – его дом был недалеко. Вернулся ликующий. Кричал еще издали:

– В десять!

Шуткины посмеивались и уже не спорили.

– Да это вы нарочно придумали, – сказал Леша, – чтобы уйти пораньше, без нас. Ишь, вы какие!

Оживленно пробежал гимназист Пахомов, тонкий и вертлявый мальчик. Наскоро поздоровался с Удоевыми. Шуткины смотрели на

него недружелюбно.

– Ну, что, идете? – спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал:

– Мы с вечера. Многие с вечера идут.

Торопливо простился. Глянул на Шуткиных, хотел было поклониться, но передумал и убежал.

Шуткины злобно смотрели за ним. Смеялись. Удоевым неприятно–странен казался их смех, – к чему он?

– Чистоплюйчик! – презрительно сказал Костя.

Елена злобно и громко сказала:

– Хвастунишка! Где ему! Врет.

Вечер был такой тихий и прекрасный, что ненужно–грубые слова Шуткиных звучали особенно режущим разладом.

Солнце только что зашло. На облаках еще отражался пламенный отблеск его прощальных, багряномертвых лучей.

Такой прекрасный, такой мирный был вечер... А жгучий яд мертвого Змия еще струился над землей.

V

Удоевы вернулись домой. Было жутко и неловко, и не знали, что с собой делать. Из–за всякого пустяка вспыхивали ссоры и споры. Непоседливость обуяла всех.

И Леша сделался вдруг беспокойным и тревожным, как Надя.

– Придем к шапочному разбору, – громко и досадливо сказал он.

Как часто бывает, эти незначительные слова решили дело. Надя сказала:

– Так пойдемте лучше с вечера.

И с ней все согласились и вдруг зарадовались.

Весь вдруг покраснев, Леша кричал:

– Конечно, уж если идти, так теперь.

Побежали все трое к отцу, – спрашивать.

– Мы передумали, пойдем с вечера! – кричала Надя, вертясь перед отцом.

Отец угрюмо молчал.

– Ночь–то одну не поспать, – не беда, – говорил Леша, словно стараясь убедить в чем–то отца.

Но отец продолжал молчать. и лицо его было по–прежнему неподвижно–угрюмо.

Дети оставили его. Побежали к матери. Мать заворчала.

– Папа позволил, – кричал Леша.

И сестры смеялись, и болтали весело, звонко.

С радостным визгом бегали все трое по дому, по саду. Торопили ужин.

Вспомнили о Шуткиных. Почему–то досадно было воспоминание о них. Леша сказал сестрам:

– Только Шуткиным ни гугу.

Сестры согласились.

– Само собой, – сказала Надя, – ну их!

Катя нахмурилась, протянула:

– Такие противные!

И сейчас опять дети ели торопливо, и не хотелось есть, и досадно было, что старики так копаются, как будто и нет ничего особенного.

Когда уже кончали ужин, отец вдруг уставился на детей и долго смотрел на них, так долго, что они присмирели под его угрюмо-

равнодушным взглядом, и наконец сказал:

– С пьяными толкаться, – большое удовольствие.

Надя быстро покраснела и принялась уверять:

– Да нет пьяных. Никаких нигде нет пьяных. Право, даже странно, а только около нашего дома сегодня весь день совсем не видно было пьяных. Так что даже удивительно.

Катя весело засмеялась и сказала:

– Только о подарках и думают, и пить не хотят. Не до того.

Наконец кончился ужин.

Побежали – одеваться. Девицы хотели было принарядиться по-праздничному. Но мать решительно восстала.

– Куда? Зачем? С Мужиками толкаться? – сердито говорила она.

И видно было по всей ее внезапно насторожившейся фигуре и по ее серому, незначительному лицу, что она ни за что не допустит порчи праздничного платья.

Пришлось девицам надеть наряд попроще.

Наконец выбрались из дому. Побежали по крутому съезду к реке. И вдруг, едва спустились, увидели Шуткиных.

Пришлось идти вместе. Было досадно.

Досадно было и Шуткиным. Ни те, ни другие не придут раньше. Потерян случай похвастаться, подразнить.

Шуткины придумывали разные насмешки над Удоевыми. Несколько раз по дороге чуть не поссорились.

Вечер был как день, оживленный и шумный.

Над городом тихо мерцали звезды, как всегда, такие далекие, такие незаметные для рассеянного взгляда, и такие близкие, когда взглядишься в их голубые околицы.

Ясное бледное небо быстро темнело, и радостно было смотреть на неизменно совершающееся в нем таинство открывающей далекие миры ночи.

В монастыре звонили, – отходила всенощная. Светлые и печальные звуки медленно разливались по земле. Слушая их, хотелось петь, и плакать, и идти куда-то.

И небо заслушалось, заслушалось медного светлого плача, – нежное умиленное небо. Заслушались, тая, и тихие тучки, заслушались медного гулкового плача, – тихие, легкие тучки.

И воздух струился разнеженно-тепел, как от множества радостных дыханий.

Приникла и к детям умиленная нежность высокого неба и тихо тающих тучек. И вдруг все окрест, и колокольный плач, и небо, и люди, – на миг все затлелось и стало музыкой.

Все стало музыкой на миг, – но отгорел миг, и стали снова предметы и обманы предметного мира.

Дети торопились из города, туда, на долину Опалихи.

А в городе людно было и шумно, и казалось, что весело. Над домами веяли флаги. На улицах горели праздничные огни, – и от этого кое-где пахло противным салом.

Толпы ходили по улицам, по съездам, по набережной реки Сафат. Шныряли и смеялись в толпе дети. И все было звонко и весело, как в сказке и как не бывает в жизни, обычной и серой. И от этого вся насквозь, закутанная общим гулом, людская молвь казалась звучащей и вдруг сбыточной.

Проезжали экипажи с почетными гостями, и улыбались толпе

любезные лица важных господ и господж.

Слышался из экипажей тихий, невнятный, чуждый говор и легкий смех.

Враждебными глазами глядели на проезжающих богатых господ Шуткины. И злые и глупые у них рождались мысли.

И уже когда выходили из города, старший Шуткин, глупо скаля зубы, сказал:

– Ловко бы теперь подпалить город. Иметь свою приятность, я вам доложу.

Его сестры и Костя захохотали.

Катя дрогнула, передернула плечиками, воскликнула тревожно:

– Что вы, как можно! Какие вы страхи говорите!

– То-то была бы суматоха, – восхищался Костя, прыгая и визжа.

– Да ведь и вы погорели бы, – с удивлением сказала Надя, – что ж вам радоваться!

– Ну вот, – возразила Наталья, – чему у нас гореть-то! Не жалко.

Надя посмотрела на нее. В слабом отблеске дымных праздничных площадей ее веснушчатное лицо и рыжие волосы являлись пламенеющими, и оттого, что ее ноздри трепетали, казалось, что по лицу бежит огонь.

VI

До Опалихи добежали быстро, подгоняемые лихорадочно-радостным волнением.

Еще издали доносился смутный и грозный гул людского множества. Наводил жуткий и сладкий страх. В набегающей с порывами ночного ветра тьме они бежали. С ними, то перегоняя, то отставая, шли, торопились люди. Большие и малые. Мужчины, женщины, дети и старики. Больше молодежь. И все были так же взволнованы, и голоса звучали неровно, и смех поднимался и вдруг затихал.

За поворотом дороги вся долина Опалихи открылась разом темная, жутко-шумная, тревожная.

Кое-где горели костры, на окраине Опалихи, – и от этого поле казалось еще более темным.

Видны были огни костров и дальше. Но видно было, как они один за другим дымно гаснут вдали дымно-шумного поля. Должно быть, толпа гасила их ногами, топтала грубыми сапогами их внезапные, пламенно-стремящиеся души.

И еще более жуткий, и еще более сладкий страх охватил Удоевых, затрепетал за их дрогнувшими плечами. Но они храбрились.

Шуткиных радовало, что будет давка, беспорядок, смятение и потом можно будет долго рассказывать любопытные и значительные подробности разных происшествий.

Старший Шуткин смотрел на шумное темное поле, глупо ухмылялся и говорил с непонятной радостью:

– Беспременно кого-нибудь из слабеньких раздавят. Вот уж вы увидите.

Но не смели Удоевы поверить в близость несчастья и смерти. Это поле, где шумное множество, – и смерть. Не может быть.

– Да уж не без того, что раздавят, – странно-незнакомым голосом сказала одна из сестер Шуткиных.

И кто-то засмеялся грубо и невесело темным в темноте смехом.

– Ну да! – равнодушно сказала Катя.

Стало на минуту скучно. Оттого, что темно. От мгновенных и неверных озарений костров. И стали смотреть, и слушать, и пошли вперед, куда–нибудь.

По озаренным кострами лицам, – по большей части очень молодым, – по беззаботным голосам и смеху казалось, что всем очень весело.

По всему полю ходили, стояли, сидели шумные множества людей.

Втягиваясь все более в это смутное многолюдство, Удоевы заразились опять веселостью и бодростью толпы, оставившей привычные людские кровы и стены.

Стало весело. Слишком весело.

Шуткины отошли куда–то и уже не встречались больше. Но зато Удоевы встречали других знакомых. Многих видели. Перекидывались веселыми разговорами. Сходились и опять расходились в толпе.

Шли вперед, а может быть, в сторону, и поле казалось бесконечным. И казалось так занимательно, что попадают все иные лица.

– Да тут превесело. И не заметишь, как ночь пройдет, – говорила Надя, нервно позевывая и поеживаясь тоненькими плечиками.

И долго шли, останавливаясь, опять шли, путались среди костров, заслушивались чужих разговоров, сами разговаривали совсем с чужими людьми.

Сначала казалось, что идут к какой–то цели, – все ближе к ней, и все было определено и связно, хотя и тонуло в сладкой жуткости многолюдства.

Потом вдруг все стало отрывочным, потеряло связность, и какие–то клочки ненужных и странных впечатлений зароились вокруг...

VII

Все стало отрывочно и несвязно, и казалось, что предметы, нелепые и ненужные, возникали из ничего. Из глупой и враждебной тьмы возникало неожиданно нелепое.

Посреди поля была когда–то для чего–то вырыта канава. Оставалась она и теперь, ненужная, безопасная, поросшая черной в темноте, колючей травой, – и казалась почему–то страшной и странно–значительной.

Дети подошли к ее краю. Два телеграфиста сидели, свесив ноги в канаву, и разговаривали. Вспоминали знакомых барышень и почему–то произносили, с большим удовольствием, напечатанные слова.

Удоевы пошли по краю канавы. Увидели мост через нее, дощатый, с корявыми перилами. Пошли по мосту. Перила казались непрочными, неверными.

Леша сказал опасливо:

– Сюда толкнут, ноги поломаешь.

– А мы подальше уйдем, – сказала Надя.

В темноте голос ее звучал неуверенно и робко. Странно было, что нельзя видеть, как движутся говорящие губы.

И опять шли дальше, среди гулкого множества, переходя из озаренных кострами кругов в кромешную тьму, – и опять поле казалось бесконечным.

– Ну и куда ты идешь? – говорил убеждающим голосом один пьяненький оборвыш другому. – Задавят тебя, как клопа постельного.

– Пусть давят, – отвечал его товарищ, – жизни мне разве жалко? Задавят, плакать обо мне будет некому.

Увидели колодец. Он был прикрыт полусгнившими досками. Слабо удивились почему-то.

Пьяненький мужичок. мотая взъерошенной длинной головой, заглядывал в колодец и тянул:

– И-их.

Отбегал от колодца, вскрикивал:

– Маланья!

И опять возвращался к ветхому срубу мелкими падающими шагами пьяного человека.

Поглядели. Посмеялись. Пошли. Долго еще слышали его пьяные вскрики.

– Я нож припас, – хриплым голосом сказал длинный и тощий оборванец.

Его товарищ, такой же оборванный и почти такой же длинный, ответил сладким тенорком:

– И я.

– На всяк случай, – опять послышался хриплый голос первого.

И слышно было, как хихикает другой.

В зыбкой темноте, в нервно-трепетном озарении костров, вдыхая сладковатый дым сырого дерева, шли дети куда-то, Леша вперед, за ним обе сестры.

Притворялись, что не страшно.

Опять поле казалось бесконечным, опять путали костры, а по усталости в ногах думали, что идут уже давно.

– Колесим вокруг да около, – сказал Леша.

И этими словами сказалась общая мысль. Кате стало грустно, а Надя притворно весело сказала:

– Ничего, дойдем, куда надо.

Вдруг Леша упал. Ноги мелькнули вверх, головы не видно. Сестры бросились к нему. Помогли выбраться, – оказалось, что он попал руками и головой в какую-то неожиданную яму.

– Надо подальше от этого места, здесь опасно, – сказала Надя.

Но и потом не раз спотыкались на неровностях почвы.

VIII

– И баре туда же, – послышался возле Удоевых гнусный тенорок.

Не видно было, кто говорит и кто смеется, сочувствуя злым словам.

И поняли дети, что здесь вся толпа насквозь была враждебная, чужая, – непонятная и непонимающая. И там, где горели костры, были видны лица, которые сердито хмурились, глядя на гимназиста и его сестер.

Эти враждебные взоры смущали детей. Непонятно было, за что вражда? Откуда она выросла?

Какие-то чужие люди хмуро, неприветливо смотрели на проходящих мимо детей.

Порой слышались циничные шутки. И так как это было среди громадной толпы и никто не думал заступиться, то детям становилось страшно.

Пьяный мастеровой встал от костра, подошел к детям.

– Мамзель! – воскликнул он. – Со свиданием имею честь поздравить. Очень приятно. И всякое можем удовольствие доставить вам. Желаем поцеловаться.

Он покачнулся. Снял картуз. Облапил Катю. Поцеловал прямо в губы. Грохочущий хохот раздался в толпе. Катя заплакала.

Леша крикнул что-то, бросился на пьяного и оттолкнул его.

Пьяный свирепо заворчал:

– По какому правду? Толкаться? А ежели я желаю поцеловать? Какое в этом есть неудовольствие?

Сестры схватили Лешу за руки. Быстро увлекли в темноту.

Были очень испуганы. Обида жгла томительно.

Захотелось уйти из этого темного и нечистого места. Но не могли найти дорогу. Опять огни костров путали, ослепляли глаза, являли мрак чернее мрака и делали все непонятным и разорванным.

Скоро костры стали гаснуть. И стало равно темно в воздухе, – и черная ночь приникла к гулкому полю, и отяжелела над его шумами и голосами. От того, что не спали и были в толпе, казалось, что эта ночь – значительная, единственная и последняя.

IX

Еще недолго побыли, и уже стало противно, тошно, страшно.

В темноте творилась для чего-то ненужная, неуместная и потому поганая жизнь. Беспокровные люди, далекие от своих уютов, опьянились диким воздухом кромешной ночи.

Они принесли с собой скверную водку и тяжелое пиво, и пили всю ночь, и горланили хрипло-пьяными голосами. Ели вонючие снеди. Пели непристойные песни. Плясали бесстыдно. Хохотали. То там, то здесь слышалась нелепая мышинная возня. Гармоника гнусно визжала.

Пахло везде скверно, и все было противно, темно и страшно.

И уже повсюду голоса раздавались хмельные и хриплые.

Кое-где обнимались мужчины с женщинами. Под одним кустом торчали две пары ног, – и слышался из-под куста прерывистый, противный визг удовлетворяемой страсти.

Кое-где, на немногих свободных местах собирались кружки. Внутри что-то делалось.

Какие-то противные, грязные мальчишки откалывали казачка.

В другом кружке пьяная, безносная баба неистово плясала и бесстыдно махала юбкой, грязной и рваной. Потом запела отвратительным, гнусавым голосом. Слова ее песни были так же бесстыдны, как и ее страшное лицо, как и ее ужасная пляска.

– Зачем у тебя нож? – строго спрашивал кого-то городской.

– Человек я рабочий, – слышался наглый голос, – струмент захватил по нечаянности. Могу и пырнуть.

Хохот раздался.

И вот, в этой противной толпе, брошенные в гнусный разгул не в пору разбуженной жизни, шли дети и терялись в многолюдстве. И поле казалось бесконечным, потому что они кружили на небольшом пространстве.

Проходить становилось все труднее, все теснее делалось вокруг.

Казалось, что встают и встают окрест неведомо откуда взявшиеся люди.

И вдруг вокруг Удоевых сдвинулась толпа. Стало тесно. И сразу показалось, что по земле стелется и ползет к лицу тяжкая духота.

А с темного неба темная и странная струилась прохлада. И

хотелось глядеть вверх, на бездонное небо, на прохладные звезды.

Леша привалился к Надиному плечу. Мгновенный сон охватил его...

...Летит в синем небе, легкий, как вольная птица...

Толкнул кто-то. Леша проснулся.

Сонным голосом сказал он:

– А я чуть не заснул. Что-то даже видел во сне.

– Уж ты не спи, – озабоченно сказала Надя: – еще растеряемся в толпе.

– А я бы заснула, – тихо и жалобно сказала Катя.

– Право, как бы не растеряться, – говорила Надя.

Старалась подбодриться. Заговорила живо:

– Лешу поставим в середине.

– Ну, да! – сказал Леша вяло.

Он был бледен и странно-скучен.

Но сестры поставили его между собой. Развлекались тем, что оберегали его от толчков, пока толпа не нарушила их порядка, смятенно толкая их во все стороны.

– Мы пришли, теперь бы и раздавать, – слышался сгнанно-веселый и равнодушный голос.

И кто-то отвечал:

– Погоди, уже утром господа припожалуют, которые к раздаче приставлены.

Х

Было тесно и душно, хотелось выбраться из толпы на простор, вдохнуть всей грудью.

Но не могли выбраться. Запутались в толпе, темной и безликой, – как челнок запутался в тростнике.

Уже нельзя было выбрать дорогу, повернуть по воле туда или сюда. Приходилось влечься вместе с толпой, – и тяжести, и медленны были движения толпы.

Удоевы медленно двигались куда-то. Думали, что идут вперед, потому что все шли туда же. Но потом вдруг толпа тяжело и медленно пятилась или медленно влеклась в сторону. И тогда уже совсем непонятно стало, куда надо идти, где цель и где выход.

Завидели близко, немного в стороне, темные стены. К ним почему-то захотелось выбраться. Что-то знакомое, домашнее почудилось в них.

Ничего не сказали друг другу, но стали протискиваться к этим темным стенам.

И скоро стояли около одного из народных театров.

Казалось, что около стены есть что-то знакомое, защитное, – уют какой-то, – и потому не так было страшно.

Темный верх стены подымался, закрывал половину неба, и от этого терялось жуткое впечатление стихийно-безбрежной толпы.

Дети стояли, прижавшись к стене. Робко смотрели на сырые, тусклые облики людей, которые колыхались так близко. И жарко было от дыханий близкого множества.

А с неба холодная проникала порывами прохлады, и казалось, что душный земной воздух борется с небесной прохладой.

– Идти бы лучше домой, – жалобно сказала Катя. – Все равно, не протолкаться.

– Ничего, подождем, – ответил Леша, стараясь казаться бодрым

и веселым.

В это время тяжелое по толпе прошло движение, – точно протискивался кто-то к стене, прямо на детей. Их прижали к стене, – и совсем стало душно и тяжело дышать.

Потом толпа с усилием раздалась, – и казалось, что стена дрожит и колеблется, – и из толпы словно вынырнули два очень бледных студента с ношей.

Несли девочку, и она казалась неживой. Бледные руки ее свешивались, как мертвые, и на лице с тесно сжатыми губами и с закрытыми глазами лежала тусклая синева.

В толпе послышался ропчущий говор:

– Слабенькая, а лезет!

– Чего родители смотрят! – пустили какую!

В смущенном переговаривании толпы слышалось желание оправдать что-то недолжное, – и казалось, что эти люди на миг поняли, что не надо им быть здесь и теснить друг друга.

XI

Опять грубо и тяжело задвигалась толпа. Тяжелые толчки мучительно отдавались в теле. Грубые сапоги наступали на легко обутые детские ноги.

Не устоять было у стены. Оттолкали, оттерли. Сдавили тесным кольцом. Опять стало страшно в душном многолюдстве.

Головы детей с усилием подымались вверх, и уста их жадно ловили перемежающиеся струи небесной прохлады, меж тем как груди их задыхались в глухой и непонятной давке.

Не то двигались куда-то, не то стояли. И уже стало непонятно, много ли прошло времени.

Мучительная жажда простора томила детей.

И жажда...

Она медленно, уже давно подкрадывалась. Вдруг сказала жалкими словами.

– Пить хочется, – сказал Леша.

И говоря это, он почувствовал, что уже губы его давно сухи, и во рту неловко, и томительно от сухости.

– Да и мне тоже, – сказала Катя, с усилием двигая запекшимися и побледневшими губами.

Надя молчала. Но по ее побледневшему и вдруг осунувшемуся лицу и по ее сухо горящим глазам было видно, что и ее мучит жажда.

Пить. Хоть глоточек бы воды. Вода – святая, милая, прохладная, свежая.

Но негде было взять воды.

И прохлада с далекого неба становилась все мгновеннее, злыбкая, нервная, пахнет в жадно-раскрытые рты и сгорает.

Надя икнула. Легонько дрогнула. Опять икнула, и опять, и опять.

Не удержаться. Такая мучительная в тесноте и духоте икота.

Леша испуганно посмотрел на Надю. Какая она бледная!

– Господи, – сказала Надя, икая. – Какая мука! Охота была идти!

Катя заплакала тихонько. Быстрые, мелкие слезинки бегут одна за другой, – и не унять слез, и не отереть: рук не поднять, так сдавили.

– Что вы толкаетесь! – пищал где-то близко тоненький голосок. – Вы меня давите.

Хриплый, пьяный бас отвечал злобно:

– Что? Я тебя давлю? А тебе такая церемония не нравится? Ну, ты меня дави. Тут все равны, черт тебя дери!

– Ай, ай, давят, – завизжал опять тот же тоненький голосок.

– Не визжи, сопляк, – хрипел свирепый бас. – Уже придешь домой, аль приволокут. А и быть тебе, щенок, без кишок.

Через короткое мгновение тонкий и резкий пронесся визг без слов, жалобный и жалкий. И в ответ ему свирепый окрик:

– Не визжи!

Потом задавленный тонкий вопль.

Кто-то вскрикнул:

– Младенца задавили! Косточки хрустят. Царица Небесная!

– Косточки, косточки хрустнули, – завизжала баба.

Голос ее слышался близко, но ее за толпой не было видно.

И потом показалось, что она кричит где-то очень далеко. Оттолкали ее от этого места? Или и она задохлась?

Дети были так сдавлены толпой, что трудно было дышать. Переговаривались хриплым шопотом. Не повернуться. С трудом могут посмотреть друг на друга.

И страшно смотреть друг на друга, на милые лица, омраченные свинцовым в тусклом предрассветном сумраке страхом.

Надя продолжала икать, икнула и Катя.

Чувствовалось окрест, во всей этой так страшно и так нелепо сжатой толпе, одно желание, мучительное, и потому еще не сознательное, и потому еще более мучительное: освободиться от этих страшных тисков.

Но не было выхода, и бешенство закипало в безумной толпе, нелепо сдавленной по своей воле в этом широком поле, под этим широким небом.

Люди зверели, и со звериной злобой смотрели на детей.

Слышались хриплые, страшные речи. Говорил кто-то близкий и равнодушный, так странно-спокойный, что уже есть задавленные до смерти.

– Упокойничек-то стоит, так его и сжало, – слышался где-то близко жалобный шопот, – сам весь синий, страшный такой, а голова-то мотается.

– Слышишь, Надя? – спросила шопотом Катя, – вон, говорят, мертвый стоит, задавленный.

– Врут, должно быть, – шепнула Надя, – просто в обмороке.

– А, может быть, и правда? – сказал Леша.

И страх слышался в его хриплом голосе.

– Не может быть, – спросила Надя, – мертвый упал бы.

– Да некуда, – отвечал Леша.

Надя замолчала. Опять икота начала мучить ее.

Седая, косматая старуха, махая над головой руками, словно плывя, вылезла из толпы прямо на Удоевых. Вопя неистово, она протолкалась мимо их, и было так тесно и тяжело, что казалось, что она проходит насквозь, как гвоздь.

Ее неистовый вопль, ее мучительное появление в бледно-мутной предрассветной мгле были, как призрак тяжелого сна. И с этого времени уже все в сознании задыхающихся детей было истомой и бредом.

XII

Наконец, после ночи, томительной и страшной, стало быстро светать.

Быстрая, радостная, детски-веселая, запылала, засмеялась смехами розовых тучек заря. Золотые в мгlistой дали вспыхнули блески. И пока еще земля была темна и сурова, уже небо все полыхало радостью, всемирной радостью вечного торжества. И люди, — что же люди? Все еще только люди!..

Между темной, такой грешной, такой обремененной землей и озаренным небом простерся густой пар от дыханий великого множества людей.

Ночная прохлада, свиваясь в золотые небесные сны, сгорала в легких тучах, в заревых лучах.

А толпа, так странно, так неожиданно озаренная сверху безмятежным заревым смехом, эта громадная земная толпа насквозь пронизана была злобой и страхом.

Тяжко двигалась, стремясь вперед, и вновь приходящие из города тупо и злобно теснили стоявших впереди вперед, к сараям с подарками.

Под вечным золотом зари тусклое олово бедных кружек влекло людей в смятение и тесноту.

В истоме и бреде тяжкие, медленные мысли теснились в сознание детей, в темное сознание задыхающихся, и каждая мысль была страхом и тоской. Жестокая надвигалась погибель. Своя погибель. Погибель милых. И чья больнее?

И, словно просыпаясь порой, принимались кричать, и жаловаться, и просить.

Хриплые голоса их слабо взлетали раненой птицей с поломанным крылом и жалко падали и тонули в глухом гуле тупой толпы.

Тускло-суровые взоры угрюмых людей были им ответом.

Тоска теснила дыхание, нашептывала злые, безнадёжные слова.

И уже не было надежды уйти. Люди были злы. И злы, и слабы. Не могли спасти, не могли спастись.

Мольбы слышались повсюду, вопли, стоны, напрасные мольбы.

И кого можно было умолить здесь, в этой толпе?

Уж как будто не люди, — казалось задыхающимся детям, что свирепые демоны угрюмо смотрят и беззвучно хохочут, из-за людских сползающих, истлевающих личин.

И дьявольский мучительно длился маскарад. И казалось, не будет ему конца, не будет конца кипению этого сатанинского котла.

XIII

Стремительно стало солнце, радостно возбужденный, злой Дракон. Пахнуло жарким дыханием Змия; сжигая последние струи прохлады, возносился злой Дракон.

Толпа всколыхнулась.

Гул голосов пронесся над толпой.

Так отчетливо все стало кругом. Как будто, сдернутые невидимой рукой, упали ветхие личины.

Демонская злоба кипела окрест в истоме и бреде.

Свирепые сатанинские хари виднелись повсюду. Темные рты на тусклых лицах изрыгали грубые слова.

Леша застонал.

Рыжий черт, сверкая сухими глазами, зарычал на него:
 – Попал сюда, так и терпи. Мы тебя не звали. Помнись, сволочь сахарная. Начисто кишки выдавим.

Ярый Змий ярил людей.

Казалось, что солнце поднялось стремительно, и уже вдруг стало высокое и беспощадное.

И стало так жарко, и душно, и такая жажда томила всех.

Кто-то рыдал.

Кто-то молил жалобно:

– Хоть бы водиночку с неба.

Катя икала.

Иногда показывались чьи-то странно и страшно знакомые лица. Как все лица в этой озверелой толпе, и они застыли в своем ужасном преображении.

На них было еще страшнее смотреть, чем на незнакомых, – потому что озверение знакомого лица чувствовалось еще более.

Леша почувствовал, что кто-то давит на его плечи. Так тяжело вдавливал в землю. В темную, в жестокую землю.

Кто-то старается влезть.

Было несколько остро-мучительных минут. Потом на краткий миг облегчение. Потом влезший наверх наступил сапогом на Лешину голову. Леша услышал тихий Надин вскрик.

Кто-то темный и грузный пошел по верху в сторону, по плечам и головам, и странно колебался в воздухе.

Леша поднял голову вздохнуть вздохом высокого простора. Но было жарко в высоте.

Небо сияло ясное, торжественное, недостижимо-высокое, нежно усеянное перламутрами перистых облаков на западной половине.

Море торжественного света изливалось от только что появившегося солнца. и солнце было новое, яркое, величественное и свирепо-равнодушное. Равнодушное навсегда. И все его великолепие сверкало над гулом томления и бреда.

Кто-то тяжело топтался на Лешиних ногах.

Катя икала тяжело и мучительно.

– Да перестань, – хрипло крикнул Леша.

Катя захохотала. Смех с икотой был странен и жалок.

И уже надо всей шириной поля носился тяжелый, непрерывный гул криков, стонов, визгов.

И тогда настали минуты взаимной бессмысленной злобы.

Люди били друг друга, насколько позволяла теснота. Пинали друг друга ногами. Кусались. Хватали друг друга за горло, – душили.

Более слабых затискивали на землю и становились на них.

Крики и стоны, мольбы и проклятия, все, что слышал Леша, он повторял безжизненным, задушевым голосом, – и как еще две куклы, за ним лепетали то же обе сестры.

XIV

Мольбы и стоны вдруг стали тихи и дремотны.

Настали краткие и странные полчаса затишья, томления, усталости без конца, тихого, жуткого бреда.

Гул бреда носился над толпой, тихий гул, такой придавленный, такой жуткий.

И уже бред был разлит во всем, и у всех трех сквозь дым

брета едва теплилось страшное сознание гибели.

Обе сестры тяжело икали.

– Ангелочек Божий, – взвизгнул кто-то близко.

Утренняя дремота полузадавленных в толпе людей прерывалась изредка дикими воплями отчаяния.

И опять становилось тихо, и жуткий гул носился над толпой, не подымаясь в ликующие просторы, к неподвижному злему Змию высот.

Кто-то икал мучительно. Казалось, что это мучительно умирает кто-то.

Леша вслушался и понял, что это икает Надя.

Леша с усилием повернул к ней голову.

Надины посинелые губы открывались и закрывались странным, механическим движением. Глаза не глядели, и лицо приняло тусклый, мертвенный оттенок.

XV

Промчался томный срок затишья. И вдруг буря нелепых гулов и воплей завывала над смятенной толпой. Дикие восклицания бичевали воздух.

По искаженным злобой лицам видно было, что здесь уже не было людей. Дьяволы сорвали свои мгновенные маски и мучительно ликовало.

Несколько человек в толпе в эти минуты вдруг сошли с ума. Они выли, и ревели, и кричали что-то нелепое и ужасное.

Из-под ног людей часто вырывались предсмертные дикие вопли, – там, на земле, повергнутые, сбитые с ног уже не могли подняться.

И эти вопли потрясали души немногих, еще оставшихся людьми в страшной толпе человекообразных дьяволов.

Стояли рядом оборванный хулиган и его подруга, развратная и пьяная. Они смотрели друг на друга и говорили злобные слова. Хулиган странно двигал плечом.

Усилием бешеной злобы освободил руку. В руке сверкнул нож. В ярких лучах солнца таким острым смехом задрожала быстрая сталь.

Нож вонзился в тело блудницы. Завизжала:

– Проклятый!

Захлебнулась своим визгом. Умерла.

Хулиган завопил. Нагнулся к ней. Грыз ее красную, толстую щеку.

– Нас задавили совсем, мы сейчас умрем, – хриплым голосом сказала Катя.

Леша углом глаза глянул не нее, как-то бессмысленно засмеялся и сказал громко и отчетливо:

– Надю задавили. Она холодная.

И крупные по его лицу катились слезы, а бледные губы бессмысленно улыбались.

Катя молчала. И лицо ее стало синеть, и глаза потухали.

Леша задыхался.

Его ноги ступили на что-то мягкое. Резкая вонь поднималась с земли. Что-то, тяжело хрипя, ворочалось внизу.

– Воняет! – говорил сзади Леша странно-равнодушный голос. –

Бабу свалили, живот ей выдавили. Воняет баба.

Посинелое Катина лицо странно, безжизненно поникло.

Леше стало вдруг холодно.

XVI

– Шесть часов, – сказал кто-то.

По голосу было слышно, что говорит дюжий, спокойный человек, которому не страшно в толпе.

– Четыре часа еще ждать, – ответил ему робкий, задышающийся шопот.

– Чего ждать? – злобно рявкнул кто-то гулким голосом.

– Помрем все начисто, – спокойно и тихо ответил женский глубокий голос.

Кто-то отчаянно завопил срывающимся, полудетским криком:

– Братцы, да неужто нам еще эстолки времени давиться!

Взбудораженный гул метнулся по полю, как шумная стая пугливых чернокрылых птиц. Метнулся, завыл, колыхнул. И навстречу ему метнулась толпа.

– Пора, братцы! – орал чей-то визгливый голос, – не зевай, черти, лешие все себе заберут!

– Иди, иди! – гудело кругом.

Стремительно и тяжело двигалась уже вся толпа.

А на Лешу недвижные смотрели склоненные лица сестер, холодных и тяжелых на его плечах.

Разбившиеся волосы милых щекотали Лешины бледные щеки.

Ноги не переступали. Толпа несла всех трех, и Лешу, и сестер.

– Раздают! – закричал кто-то.

Видно было, – и, казалось, недалеко, – как летели в воздухе какие-то пестрые узелки.

– На шарап! – угрюмо хрипел измученный, тощий мужик.

– Чего стали, идите! – неистово кричали задние передним.

– Наших не пускают, анафемы вперед лезут, а мы стой, годи!

– свирепо орал кто-то.

И со всех сторон неслись бешеные крики:

– Братцы, вали напролом!

– Да что на него, лешего, смотреть? – за горло его хватай да под ноги!

– Вали вперед, чего смотреть!

– Не дают, сами возьмем!

– О-ой, раздавили...

– Батюшки, кишки вон лезут...

– Подавись своими кишками, сволочь треклятая!

– Режь ее, стерву астраханскую!

– Давай, не задерживай! – ревел впереди свирепый голос.

XVII

Везде вокруг свирепые грозили, отчаянные лица.

Тяжкий поток. И все та же злоба...

Нож разрезал платье. И тело.

Завыла, Умерла.

Так страшно.

Безжизненно смотрят на него странно-посинелые лица милых...

Кто-то хохочет. О чем?

Близок конец. Вот уже стены сараев...

В поднятой высоко руке дюжего парня тускло светилась в золотом солнечном свете кружка. И рука была странно и ненатурально воздвигнута к небу, как живой жест.

Кто-то метнутся вверх головой. Выбил кружку, – так слабо держала ее посинелая от натуги рука.

Кружка падала медленно, грузно, описывая дугу. Скользнула по чьей-то спине.

Дюжий парень скверно выругался.

Он был красный, потный, и белки его глаз, вытарщенных от натуги, казались крупными.

Нагнулся за кружкой с большим усилием. Видно было, как двигаются его локти.

Вдруг он поник, глухо крикнул.

Кто-то повалился на его нагнутую спину. Повалился и закричал. Барахтаясь, пополз вперед по спине упавшего. Еще кто-то сзади навалился на обоих животом. Все трое осели. Послышались глухие вопли. Верхий поднялся и казался очень высоким. Толпа слилась над поверженными, и по ее грузному оседланию можно было заметить, как приникали к земле двое задавленных.

Дюжий мужик с покрасневшим до багровой синевы лицом, двигая локтями и плечами, высвободил правую руку и протянул ее вперед. Его сдавили. Рука странно моталась на чужом плече, красная возле красного платка.

Баба в красном платке повернулась, вцепилась зубами в руку дюжего мужика. Не понятна была ее злость.

Свирепо вопя, мужик вырвал руку. Отчаянно заработал локтями. Казалось, что он растет.

Его выперли вверх, Упал на чьи-то головы, – и злобные под ним загудели голоса. Встал коленями на чьи-то плечи. Опять упал.

Падая, вставая, опять падая, становясь на четвереньки, он пробирался вперед, и толпа была под ним сплошной, неровной мостовой, тяжело движущимся глетчером.

И уже многие выталкивались локтями вверх.

Видно было несколько человек, неловко бегущих по плечам и головам к крышам буфетов.

И уже многие взбирались на крыши.

XVIII

Две бабы сцепились. Молча, угрюмо. Одна залезла пальцами в рот другой и рвала ей рот. Видна была кровь. Послышался отчаянный визг.

Резались ножами, чтобы проложить дорогу, и убитых толкали под ноги. Иногда убийца падал на убитого, и оба никли под ногами множества свирепых дьяволов.

Многие упали в овраг. На них валились другие. и в краткое время овраг был завален тяжело вопящими, мучительно умирающими людьми. И дьяволы топтали их ногами, обутыми в тяжкие сапоги.

Рыжий парень перед Лешей давно уже лез вверх, отчаянно работая локтями, напирая на плечи соседей. Он кричал что-то невнятное и хрипло хохотал.

Сначала непонятно было, чего он хочет, и что с ним делается. Вдруг он начал подыматься и на короткое время закрыл перед Лешиними глазами все, что было впереди.

Нелепые крики его падали в тупую толпу сверху острыми,

свистящими бичами, и странно было слушать нисходящий, казалось, с неба, гнусный голос. И тогда слова его стали ясными.

И слова его были – кощунство и хула, и скверная брань.

Потом он вдруг обрушился куда-то и ударил каблуком Лешу в лоб.

Но сейчас же начал подниматься. Стал на четвереньки. Вцепился в русую косу полузадавленной девушки. Встал на чьи-то плечи.

Он был красный, рыжий, хохотал, неровно шел вперед, по плечам и головам ступая без разбора тяжелыми сапогами.

Похожий на дьявола, медленно шел он над сжатой, тяжело ревущей толпой, и скрывался вдали.

И опять казалось Леше сквозь страшное томление, и тошноту, и багровый туман в глазах, что кто-то громадный, головой до неба, – и еще выше, – человек или дьявол, или человек-дьявол, идет поголовам, умирающих в задыхающейся толпе людей и вержет на них страшные богохульства.

И вторя его бешеному крику, возопил Леша:

– Проклятые люди! проклятый Бог! проклятое все!

И за ним визгливыми, безумными воплями заголосили сестры:

– Проклятые, проклятые!

Толпа впереди продавливалась в узкие проходы между деревянными шалашами. Оттуда слышались вопли, визги, стоны. Мелькали шапки и клочки одежды, почему-то взлетавшие наверх.

Чья-то голова несколько раз стукнулась об острый угол балагана, поникла, пронеслась порывом вперед и вдруг исчезла.

Казалось, что между балаганами теснятся все более и более высокие люди. Странно было видеть головы наравне с крышей балагана. Шли по телам поверженных.

Из-за балаганов доносился торжествующий рев победителей. Мелькали какие-то пестрые лохмотья, – что-то перекидывалось по воздуху.

И вот Лешу и сестер втолкали в один из проходов между балаганами.

Здесь было нестерпимо тесно, – Леше казалось, что все его кости сломаны. И страшно отяготели на его плечах изломанные тела сестер.

Но кончился узкий проход.

За балаганом стало просторно, светло, радостно.

– Сейчас умру, – подумал Леша и счастливо засмеялся.

На мгновение Леша увидел чье-то красное, радостное лицо, и человека, потрясавшего узелком над головой.

И упал.

Обе сестры свалились на него. Наполовину прикрыли его своими измятыми телами.

Леша еще слышал, как по нем бежали, мелко переступая по спине. Тяжко во всем теле отдавались свирепые удары дьявольских ног.

Чей-то каблук ступил на затылок.

Мгновенное было ощущение тошноты.

Смерть.

ЦАРИЦА ПОЦЕЛУЕВ

Сколь неразумны бывают и легкомысленны женские лукавые желанья, и к каким приводят они страшным и соблазнительным последствиям, тому примером да послужит предлагаемый рассказ, очень назидательный и совершенно достоверный, о некоторой прекрасной даме, которая пожелала быть царицей поцелуев, и о том, что из того произошло.

В одном славном и древнем городе жил богатый и старый купец, по имени Бальтасар. Он женился на прекрасной юной девице, – ибо бес, сильный над молодыми и над старыми, представил ему прелести этой девицы в столь очаровательном свете, что старик не мог воспротивиться их обаянию. Женившись, раскаивался не мало, – преклонный возраст не давал ему в полной мере упиться сладостями брачных ночей, а ревность скоро начала мучить его. И не без основания: молодая госпожа Мафальда, – так звали его жену, – скучая скудными ласками престарелого супруга, с вождедением смотрела на юных и красивых. Бальтасару же, по его делам, приходилось отлучаться из дому на целые дни, и только в праздники мог он неотлучно быть с Мафальдой. И потому Бальтасар приставил к ней верную, старую женщину, Барбару, которая должна была неотступно следовать всегда за его женой.

Скучна стала жизнь молодой и страстной Мафальды: уже не только нельзя было ей поцеловать какого-нибудь красивого юношу, но и украдкой брошенный на кого-нибудь умильный взгляд навлекал на нее суровые укоры и беспощадные наказания от ее мужа; ему обо всем доносила сварливая, злая Барбара.

Однажды в знойный летний день, когда было так жарко, что даже солнце тяжело задремало и забылось в небе и не знало потом, куда ему надо было идти, направо или налево, заснула старая Барбара. Молодая Мафальда, сняв с себя всю лишнюю одежду и оставив на себе только то, что совершенно необходимо было бы даже и в раю, села на пороге своей комнаты, и печальными глазами смотрела на тенистый сад, окруженный высокими стенами. Конечно, никого чужого не было в этом саду, да и не могло быть, так как единственная калитка в заборе была давно уже наглухо заколочена и попасть в сад можно было только через дом, – а в дом никого не впускали крепко запертые наружные двери. Никого не видели печальные очи пленной молодой госпожи. Только резкие тени неподвижно лежали на песке расчещенных дорожек, да деревья с поблеклой от зноя листвой изнывали в неподвижном безмолвии замороженной своей жизни, да цветы благоухали пряным и раздражающим ароматом.

И вдруг кто-то тихим, но внятным голосом окликнул Мафальду:
– Ну, чего же ты хочешь, Мафальда?

Промолчать бы ей, уйти бы ей в комнаты, закреститься бы ей от нечистого навождения, – нет, Мафальда осталась. Мафальда встрепенулась. Мафальда с любопытством оглянулась кругом. Мафальда лукаво усмехнулась, и шопотом спросила:

– Кто тут?

И недалеко от нее, в розовых кустах, откуда пахло так томно и нежно, засмеялся кто-то тихо, но таким звонким и сладким смехом, что от непонятной радости замерло сердце Мафальды. Вот, только пошептала она с лукавым искушителем, – и уже подпала под власть его поганых чар.

И опять заговорил неведомый гость, и ароматом повеяли его обольстительные слова:

– Госпожа Мафальда, что тебе в моем имени? И показаться я тебе не могу. Ты же поспеши сказать мне, чего ты желаешь, и о чем ты томишься, и я все исполню для тебя, прелестная дама.

– Почему не хочешь ты показаться мне? – спросила любопытная Мафальда.

– Госпожа, ты так легко одета, – отвечал Мафальде неведомый посетитель, – длинны и густы твои черные косы, но все-таки они не закрывают совсем твоих восхитительных ног, – и если я выйду сейчас к тебе, то госпожа, будет стыдно.

– Ничего, нас никто не увидит. Барбара спит, – сказала Мафальда.

Но чуток сон злых старух, стерегущих молодых красавиц. Барбара услышала свое имя и проснулась. Стала на пороге, рядом с госпожей, подозрительно осмотрелась, и спросила:

– Госпожа Мафальда, с кем ты разговаривала сейчас? Кто был у тебя в этом саду?

– С кем говорить мне, – досадливо ответила Мафальда, – здесь никого не было, да и кто мог бы попасть в этот сад? Разве только нечистый, а что мне с ним разговаривать? Не большая услада!

Но старуха недоверчиво покачивала головой, и бормотала:

– Хитры молодые жены старых мужей. Я чую, что здесь был кто-то: не чортом пахнет здесь, а молодым кавалером в бархатном берете и красном плаще. Крутя одной рукой черный ус, а другой рукой операясь в бок, около рукояти своей острой шпаги, он стоял там, за розовым кустом и говорил тебе слова, за которые твой муж заплатит тебе уже звонкой монетой.

Настала ночь, но не стало прохладно. Такая же душная, такая же темная, как день, была и черная ночь. Жестоко избитая мужем по доносу злой Барбары, долго плакала Мафальда и не хотела заснуть. Рядом с ней, на супружеском ложе тихо похрапывал почтенный купец Бальтасар, насладившийся в меру своих старческих сил вынужденными ласками наказанной жены.

И вдруг опять слышала Мафальда над собой тот же искусительно сладкий голос:

– Ну, говори скорее. Мафальда, чего же ты хочешь? Говори скорее, пока не проснулся муж, пока никто не знает, что я здесь.

И уже не медлила Мафальда ни минуты и сказала, приподнявшись на подушках и в темноту ночную обратив вождедеющий взор:

– Хочу быть царицей поцелуев.

Засмеялся неведомый посетитель и опять все стало тихо. Но в себе почувствовала Мафальда какую-то перемену. Еще не знала она, в чем состоит эта перемена, но уже радостно было ей. И она заснула сладко и крепко, и видела радостные и страстные сны. Многие прекрасные юноши приходили к ней, и осыпали ее такими пламенными поцелуями, каких, казалось, никто еще не ведал ни на земле, ни на небе. И снилось Мафальде, что сила ее нескончаема, и что она может перецеловать всех юношей того города и многих других городов, и всех их одарить пламенными ласками до утомления, до смерти.

И утро настало, и загорелась великая в теле Мафальды жажда поцелуев. Едва только ушел на свою торговлю ее муж. Мафальда сбросила с себя все одежды, и вознамерилась выйти на улицу. Барбара закричала неистовым голосом, призывая слуг, и хотела силой удержать в доме госпожу. Но Мафальда быстрым ударом повергла на

пол злую приставницу свою, локтями и кулаками растолкала всех слуг и служанок, и выбежала на улицу нагая, громко вопия:

– Прекрасные юноши, вот иду я на перекрестки ваших улиц, нагая и прекрасная и жаждущая объятий и пламенных ласк, я, великая царица поцелуев. Вы все, смелые и юные, придите ко мне, насладитесь красотой и буйным дерзновением моим, в моих объятиях испейте напиток любви, сладостной до самой смерти, более могущественной, чем и самая смерть. Придите ко мне, ко мне, к царице поцелуев.

Заслышав пронзительно звонкий зов Мафальды, отовсюду поспешно сбежались юноши того города.

Красота юной Мафальды и еще более, чем эта красота, бесовское обаяние, разлитое в ее бесстрашно и дерзко обнаженном пред всеми теле, распалили желания сбежавших юношей.

Первому же из них открыла юная Мафальда свои страстные объятия и упоила его блаженством пламенных поцелуев и страстных ласк. Отдала она его желанием свое прекрасное тело, простертое тут же, на улице, на поспешно разостланном широком плаще ее любовника. И перед очами вождедеющей толпы юношей, испускающей вопли страсти и бешеной ревности, быстро насладились они горячими ласками. Но едва разомкнулись объятия первого любовника, едва склонился он к ногам прекрасной Мафальды в страстной истоме, желая кратким отдыхом восстановить любовный неистовый пыл, оттащили его от Мафальды. И второй юноша завладел телом и жаркими ласками Мафальды.

Густая толпа вождедеющих юношей теснилась над ласкающимися на жестких камнях улицы.

– Им жестко, – сказал кто-то благоразумный и добрый, – подложим им свои плащи, чтобы и для себя приготовить пышное ложе, когда придет наш черед возлечь с царицей поцелуев.

И в миг целая гора плащей воздвиглась среди улицы.

И один за другим бросались юноши в бездонные объятия Мафальды, и отходили в изнеможении один за другим, а прекрасная Мафальда лежала на мягком ложе из плащей всех цветов, от ярко красного до самого черного, и обнимала, и целовала, и стонала от беспредельной страсти, от неутоляемой ничем жажды поцелуев. И свирельным голосом вопила, и далеча окрест был слышен голос ее, взывающий так:

– Юноши этого города, и других городов и селений, ближних и дальних, придите все в объятия мои, насладитесь любовью моей, потому что я – царица поцелуев, и ласкания мои неистощимы, и любовь моя безмерна, и неутомима даже до смерти.

Разнеслась по городу быстрокрылая молва о неистовой Мафальде, которая лежит обнаженная на перекрестке улиц и предает свое прекрасное тело ласканиям юношей. И пришли на перекресток мужи и жены, старцы и почтенные госпожи, и дети, и широким кругом обступили тесно сплотившуюся толпу неистовых. И подняли громкий крик, укоряли бесстыдных и повелевали им разойтись, угрожая всей силой родительской власти, и гневом Божиим, и строгой карой от городских властей. Но только воплями распаленной страсти отвечали им юноши.

И Бальтасар пришел, и рвался к своей жене, яростно вопия, расточая удары и кусаясь. Но не пустили его юноши к Мафальде. Обессилел старик, и, стоя поодаль, рвал на себе одежду и седые волосы.

Пришли городские старейшины, и повелели бесстыдному сборищу

разойтись. Но не послушались юноши, и продолжали толпиться вокруг прекрасной и обнаженной Мафальды. И уговоры патеров не подействовали на них.

И уже долго длилось позорище, и уже клонился к вечеру день.

Позвали тогда стражу. Воины набросились на юношей, избili многих, других кое-как разогнали. Но вот увидели они обольстительное, хотя уже измятое многими ласками тело Мафальды, и услышали ее свирельно-звонкий вопль:

– Я – царица поцелуев. Придите ко мне все жаждущие сладостных утешений любви.

Забыли воины свой долг. И тщетно восклицали старейшины:

– Возьмите безумную Мафальду и отнесите ее в дом к ее супругу, почтенному Балтасару!

Воины, как перед тем юноши, обступили Мафальду и жаждали ее объятий. Но так как они были грубые люди, и не могли соблюдать очереди, как делали это учтивые и скромные юноши того города, хорошо воспитанные их благочестивыми родителями, то они разодрались, и пока один из них обнимал Мафальду, другие пустили в ход оружие, чтобы решить силой меча, как должен насладиться несравненными прелестями Мафальды. И многие были ранены и убиты.

Не знали старейшины, что делать. Совещались на улице близ того места, где неистовая Мафальда вопила в объятиях солдат и осыпала их неутомимыми ласками.

Случай, который при всяких других обстоятельствах следовало бы признать ужасным, пришел на помощь пораженным бессильным гневом и стыдом старейшинам города. Один из солдат, юный и сравнительно с другими слабый, но страстный не менее их, не мог дожидаться возможности приблизиться к обольстительному телу Мафальды. Он ходил вокруг места, где сладостные звучали поцелуи, где неистощимая любовь дарила несравненные ни с чем наслаждения его товарищам, и отталкивали его от этого милого места товарищи его и грубо смеялись над ним. И он лег на камни мостовой, жесткие, холодные, ибо уже целый день прошел и ночная тьма сгустилась над городом, – лег на камни, закрыл голову плащом, завыл жалобно от обиды, стыда и бессильного желанья. Сожигаемый злобой, украдкой схватился он за свой кинжал и тихо, тихо, как в траве крадущаяся змея, пополз между ногами толпившихся солдат. И приблизился к Мафальде. Ощупал горячими руками ее похолодевшие ноги и в трепещущий бок ее вонзил быстрый кинжал.

Громкий визг раздался и прерывистый вой. В руках ласкавшего ее солдата умирала Мафальда, и стонала все тише. Захрипела. Умерла.

Обрызганный ее кровью, поднялся солдат.

– Кто-то зарезал царицу поцелуев! – завопил он свирепо. – Кто-то злой помешал нам насладиться ласками, которых еще никто не знал на земле, потому что первый раз к нам сошла царица поцелуев.

Смутились солдаты. И стояли вокруг тела.

Тогда подошли старцы, уже бесстрастные от долготы пережитых ими лет и подняли тело Мафальды и отнесли его в дом к старому Балтасару.

В ту же ночь молодой солдат, убивший Мафальду, вошел в ее дом. Как случилось, что его никто не заметил и не остановил, – не знаю.

Он приблизился к телу Мафальды, лежащему на кровати, – еще не был сделан гроб для покойницы, – и лег рядом с ней, под

красным ее покрывалом. И мертвая Мафальда разомкнула для него свои холодные руки, и обняла его крепко, и до утра отвечала его поцелуям поцелуями холодными и отрадными, как утешающая смерть, и отвечала его ласкам ласками темными и глубокими, как смерть, как вечная узорешительница смерть.

И когда взошло солнце, и знойными лучами пронизало сумрак тихого покоя, в этот страшный и томный, в этот рассветный час в объятиях обнаженной и мертвой Мафальды, царицы поцелуев, под ее красным покрывалом умер молодой воин. И разъединяя свои объятия, в последний раз улыбнулась ему прекрасная Мафальда.

Я знаю, что найдутся неразумные жены и девы, которые назовут сладким и славным удел прекрасной Мафальды, царицы поцелуев, – и найдутся юноши столь безумные, что позавидуют смерти ее последнего и наиболее обласканного ей любовника. Но вы, почтенные, добродетельные дамы, для поцелуев снимающие одни только перчатки, вы, которые так любите прелести семейного очага и благопристойность вашего дома, бойтесь легко-мысленного желания, бегите лукавого соблазителя.

ГОЛОДНЫЙ БЛЕСК

Сергей Матвеевич Мошкин пообедал сегодня очень хорошо, – сравнительно, конечно, – как ему, сельскому учителю, лишившемуся места и уже с год околачивающемуся по чужим лестницам в поисках работы, и не к лицу было бы. А все-таки голодный блеск сохранялся в его глазах, грустных и черных, и придавал его худощавому и смуглому лицу выражение какой-то неожиданной значительности.

Истратил на обед последнюю терхрублевку, и теперь в его карманах брячало только несколько медяков, да в кошельке лежал истертый пятиалтынный.

Пировал на радостях. Хотя и знал, что глупо радоваться, и рано, и нечему. Но так наискался работы, и так прожился, что и призрак надежды радовал.

На-днях поместил в Новом Времени объявление. Рекламиривал себя, как педагога владеющего пером. На том основании, что корреспондировал в местную приволжскую газету. За это и слетел с места: доискались, кто писал злые корреспонденции в «левую» газету; земский начальник обратил внимание инспектора народных училищ, а инспектор, конечно, не потерпел.

– Нам таких на надо, – сказал ему инспектор при личном объяснении.

Мошкин спросил:

– А каких же вам надо?

Но инспектор, не отвечая на неуместный вопрос, сухо сказал:

– Прощайте, до свидания. Надеюсь увидеться с вами на том свете...

Дальше в своем объявлении Мошкин заявлял, что хочет быть секретарем, постоянным сотрудником газеты, репетитором, воспитателем, сопровождать на Кавказ или в Крым, быть полезным в доме и т. п. Уверял, что не имеет претензий и не стесняется расстоянием.

Ждал. Пришла одна открытка. Странно, что с ней у него вдруг

связались какие-то надежды.

Это было утром.

Пил чай.

Вошла сама хозяйка. Сверкнула черными змейными глазками и сказала язвительно:

– Корреспонденция Сергею Матвейчу господину Мошкину.

И пока он читал, гладила свои черные над желтым треугольником лба волосы и шипела:

– Ничем письма получать, платил бы деньги за стол, за комнату. Письмом сыт не будешь, а ты в люди походи, поищи, не баронься на испанский фасон.

Читал:

«Будьте любезны пожаловать для переговоров от 6 до 7 вечера. 6 рота, д.78, кв.57».

Без подписи.

Злобно глянул на хозяйку: стояла у двери, прямая, широкая, с опущенными руками, спокойная, как кукла, холоднозлая, и прямо на него смотрела неподвижными, наводящими жуть глазами.

Мошкин крикнул:

– Баста!

Стукнул кулаком по столу. Встал. Заходил по комнате взад-вперед. И все твердил:

– Баста!

Хозяйка тихо и злобно спрашивала:

– Платить-то будешь, корреспондент казанский и астраханский? а? сознательная твоя харя?

Мошкин остановился перед ней, протянул к ней пустую ладонь и сказал:

– Все, что имею.

Умолчал о последней терхрублевке.

Шипела:

– Я тебе не гусарская офицерша, мне деньги надобны. Дрова семь целковых, откуда я возьму? Сам себя не прокормишь, – заведи платящую воздакторшу, ты молодой человек со способностями, и наружность у тебя достаточно восхитительная. Какая ни есть дура найдется. А мне разве возможно? Куда ни вертыхнись, деньги вынь на положь. Дунь – руб. плюнь – руб, поколей – полтора.

Мошкин приостановился. Сказал:

– Не беспокойтесь, Прасковья Петровна, сегодня вечером получаю место и рассчитаюсь.

И опять принялся ходить, шлепая туфлями.

Еще долго шипела, торча у двери. Наконец, ушла, крикнув:

– У меня стальная грудь! Другая бы иная на моем месте давно бы глаза под лоб закатила, сказала бы: живите без меня, околачивайтесь, как знаете, а я вам не крепостная.

Ушла и в его памяти осталось ее странная фигура, прямая, с опущенными руками, с желтым широким треугольником лба под черными гладко примасленными волосами, с усеченным узким треугольником затасканной желтой юбки, с крохотным треугольником красного, нюхающего носа. Три треугольника.

Весь день был голоден, весел и зол.

Ходил без цели по улицам. Засматривался на девушек, и все они казались ему милыми, веселыми и доступными, – доступными для богатых. Остановливался перед окнами магазинов, где выставлены дорогие вещи, – все острее становился голодный блеск в его глазах.

Купил газету. Прочел ее, сидя на скамейке в сквере, где

около него смеялись и бегали дети, модничали няньки, и пахло пылью и чахлыми деревьями, – и запах улицы и сада неприятно смешивался и напоминал запах гуттаперчи.

В газете его поразил рассказ об изтупленном, голодающем безумце, который в музее изрезал ножом картину знаменитого старого художника.

– Вот это я понимаю...

С волнением зашагал по аллее.

Повторял:

– Вот это я понимаю.

И потом, ходя по улицам, смотря на великолепные громады богатых домов, на выставленную роскошь магазинов, на элегантные наряды прогуливающихся господ и дам, на быстропроносящиеся экипажи, на всю эту красоту и утешительность жизни, доступные для всякого, у кого есть деньги, и недоступные для него, – рассматривая, наблюдая, завидуя, испытывал все более определяющее чувство разрушительной ненависти. И повторялись в уме все те же слова:

– Вот это я понимаю!

Подошел к толстому, ленивому и важному швейцару. Крикнул:

– Вот это я понимаю!

Швейцар молча и презрительно покосился на него. Мошкин радостно захихикал. Сказал:

– Молодцы анархисты.

– Проваливай, – сердито крикнул швейцар, – не проедайся.

Отошел. Вдруг стало страшно. Городовой стоял близко. Там резко выделялись его белые перчатки.

Швейцар сердито сплюнул вслед ему и отвернулся.

Долго ходил. В шестом часу зашел в ресторан среднего разбора. Сел к столу близ окна. Выпил водки, закусил анчоусами.

Взял обед в семьдесят пять копеек. Пил «Шабли во льду». После обеда выпил ликеру. Слегка охмелел. Под звуки органа кружилась голова. Сдачи не взял. Ушел, слегка пошатываясь и почтительно провожаемый швейцаром, – и швейцару сунул в руку двугривенный.

Посмотрел на свои никелированные часы, – был седьмой в начале. Пора. Как бы не опоздать! Не наняли бы другого! Стремительно пошагал в Измайловский полк.

Очень мешали разрытые мостовые; оголтелые, вечно сонные извозчики на переходах через улицу; прохожие, в особенности мужики и дамы: встречные или сторонились вовсе, или сторонились чаще влево, чем вправо, а те, кого приходилось обгонять, зачем-то шатались по тротуару, и не угадать было сразу, с какой стороны обгонять их; нищие, – они и к нему приставали, – и самый механизм хождения.

Так трудно одолевать, пространство и время, когда торопишься! Земля точно присасывает к себе, и каждый шаг покупаешь усилием и усталостью до боли и ломоты в икрах.

И от этого возрастала злоба, и усиливался голодный блеск в глазах.

Думал:

– Тарарахнуть бы все это к чорту! Ко всем чертям!

Наконец добрался.

Вот рота, а вот и дом нр.78. Дом четырех-этажный, обшарпанный; два подъезда, мрачные с виду; посередине – разинутая пасть ворот. Посмотрел таблички над подъездами, – первые номера, а

номера 57 нет. Никого не видно. У ворот белая пуговка и над ней на медяшке заросшая грязью надпись – к дворнику.

Нажал пуговку, и вошел в пасть, поискать табличку жильцов. Но прежде чем достиг таблицы, уже навстречу ему шел дворник, очень внушительного вида и с черной бородой.

– А где квартира пятьдесят семь?

Спрашивал с небрежной манерой, заимствованного от того земского начальника, из-за которого «слетел» с места. Знал уже по опыту, что с дворниками надо говорить так-то, и нельзя говорить вот так-то. Скитания по чужим подворотням и лестницам тоже придают человеку известный лоск.

Дворник спросил несколько подозрительно:

– А вам кого?

С простодушной небрежностью, растягивая слова, Мошкин отвечал:

– А я и сам не знаю. Я по объявлению. Получил письмо, а кто пишет, не написано. Только здесь адрес написали. Кто же там живет, в номере пятьдесят семь?

– Госпожа Энгельгардова, – сказал дворник.

– Энгельгардт? – переспросил Мошкин.

Дворник повторил:

– Энгельгардова.

Мошкин усмехнулся.

– Руссификация?

– Елена Петровна, – отвечал дворник.

– Чортова перечница? – почему-то спросил Мошкин.

Дворник ухмыльнулся.

– Нет-с, молодая барышня. По парадному пожалуйста, из ворот направо.

– Да там под дверями табличка, только первые номера.

– Нет, там и пятьдесят семь. В самом низу.

– А чем она занимается? Есть у них какое-нибудь заведение? Школа? или редакция?

Нет, оказалось, у госпожи Энгельгардовой не было ни школы, ни редакции.

– Живут своим капиталом, – пояснил дворник.

В квартире госпожи Энгельгардовой горничная очень деревенского типа провела его в гостиную, направо от темной передней, и просила подождать.

Ждал. Скучал и томился. Рассматривал вещи. Было нагромождено много мебели, кресла, столы, стулья, ширмы, экраны, этажерки, столбики, на них бюсты, лампы, безделушки, на стенах зеркала, картины, литографии, часы, на окнах занавески, цветы. От всего этого было тесно, душно, темно. Шагал в тесноте по коврам. Со злобой смотрел на картины, на статуи.

– Тарарахнуть бы все это к чорту! Ко всем чертям!

Но когда хозяйка вдруг вошла, он спрятал свой голодный блеск, опустил глаза.

Она была молодая, румяная, высокая, и кажется, красивая. Шагала быстро и решительно, как хозяйка в деревне, и при этом неловко помахивала сильными, красивыми, белыми, голыми выше локтя руками.

Подошла. Подала руку. Полувысоко, – хочешь – пожди, хочешь – поцелуй. Поцеловал. Нарочно, – со злости и для штуки. Быстро, громко чмокнул и зубом царапнул – аж дрогнула. Но ничего не сказала. Пошагала к дивану. Залезла за стол, засела на диван, а

ему показала на кресло. Сел. Спросила:
– Это ваше объявление было вчера?

Буркнул:

– Мое.

Подумал, и сказал повежливее:

– Мое-с.

И стало досадно. И опять подумал:

«Тарарахнуть бы.»

Говорила-спрашивала, что он может, где он учился, где работал. Так остороженько подходила, точно боялась раньше времени проговориться и надавать больше.

Оказалось, что хочет издавать журнал.

Какой? – еще не решила.

Какой-нибудь. Маленький. Ведет переговоры о покупке одного издания.

О направлении журнала умолчала.

Он ей может понадобится для конторы. Но так как в объявлении сказано: педагог, – то она думала, что он учил в гимназии.

Впрочем, если он может вести конторские книги...

Принимать подписку...

Вести переписку по делам конторы и редакции...

Получать деньги с почты...

Заделывать номера в бандероли...

Сдавать их на почту...

Держать корректуру...

Еще что-то...

И еще что-то...

И еще...

Барышня говорила с полчаса. Довольно бестолково перечисляла разные обязанности.

– Для этих дел надо несколько человек, – сказал Мошкин.

Барышня досадливо покраснела. По ее лицу пробежали жадные гримаски. Она сказала:

– Журнал маленький. Специальный. Для такого маленького предприятия, если взять несколько, то им нечего будет делать.

Усмехнулся. Согласился.

– Пожалуй, что и так. У вас не соскучишься.

Спросил:

– А сколько времени я у вас буду занят ежедневно?

– Ну, часов с девяти утра, – это не поздно? – часов до семи вечера, – это не рано? Иногда, если спешная работа, можно и попозже, или прийти в праздник, – ведь вы свободны?

– Сколько же вы думаете платить?

– Рублей восемнадцать в месяц вам будет достаточно?

Подумал. Засмеялся.

– Мало-с.

– Больше двадцати двух не могу.

– Хорошо-с.

И с внезапным порывом злости встал, сунул руку в карман, вытащил оттуда ключ от своей комнаты, и тихо, но решительно сказал:

– Руки вверх!

– Ах! – произнесла барышня и немедленно же подняла руки.

Она сидела на диване очень бледная. Дрожала. Она была большая и сильная. А он – маленький и тощий. Рукава ее одежды отвисли к

плечам, и две протянутые вверх белые, голые руки казались толстыми, как ноги акробатки, упражняющейся дома. И видно было, что у нее хватит силы долго держать руки вверх. И сквозь испуг на ее лице пробивалось выражение значительности переживаемого.

Наслаждаясь ее смущением, он произнес медленно и внушительно:

– Только двинься! Только пикни!

Подошел к картине.

– Сколько стоит?

– Двести двадцать, без рамы, – дрожащим голосом произнесла барышня.

Порылся в кармане, достал перочинный нож. Разрезал картину сверху вниз, и справа налево.

– Ах! – вскрикнула барышня.

Подошел к мраморной головке.

– Что стоит?

– Триста.

Ключем отбил ухо, оббил нос, щеки пооббил. Барышня тихонько ахала. И приятно было слушать ее тихое аханье.

Порвал еще несколько картин, порезал обивку кресел, сломал несколько крупных вещичек.

Подошел к барышне. Крикнул:

– Лезь под диван!

Исполнила.

– Лежи смирно, пока не придут. Не то бомбой тарарахну.

Ушел. Никого не встретил в передней и на лестнице.

У ворот стоял тот же дворник. Мошкин подошел к нему. Сказал:

– Что у вас барышня–то странная такая?

– А что?

– Да нехорошо себя ведет. Скандалит очень. Вы бы к ней пошли.

– Коли они не зовут, как же я могу!

– Ну, как знаете.

Ушел. Голодный блеск в его глазах тускнел.

Мошкин долго ходил по улицам. Тупо и медленно вспоминал эту гостиную и разрезанные картины, и барышню под диваном.

Тусклые воды канала манили к себе. Скользящий свет заходящего солнца делал их поверхночть крачивой и печальной, как музыка безумного композитора. Такие были жесткие плиты набережной, и такие пыльные камни мостовой, и такие глупые и грязные шли навстречу дети! Все было замкнуто и враждебно.

А зеленовато–золотистая вода канала манила.

И погас, погас голодный блеск в глазах.

Так звучен был мгновенный всплеск воды!

И побежали, кольцо за кольцом, матовочерные кольца, разрезая зеленовато–золотистые воды канала.

СМЕРТЬ ПО ОБЪЯВЛЕНИЮ

В последние дни Резанов чувствовал себя таким слабым, усталым, увядающим. К вечному успокоению все чаще клонились мысли. Казалось, что слаще нет отдыха, как на досчатом ложе, в сосновой

домовине.

И захотелось вдруг развлечения не по установленной заранее программе.

Сидел в своей тихой комнате один.

Читал объявления в «Новом Времени» очень внимательно. Искал чего-то. Сравнивал и выбирал.

Его бледное, начинающее увядать, лицо являло признаки смущения и нерешительности.

В задумчивости взял карандаш. Поставил его острием на абажур лампы.

Дрожала рука. Стучало острие карандаша. Усмехнулся. Подумал:

– Старею.

Опять опустил глаза, – когда-то вечно-веселые, теперь устало-равнодушные, – на газетный лист склонились внимательный и спокойный взор.

Наконец выбрал. Какая-то интеллигентная молодая дама, находясь в крайней нужде, просила добрых людей одолжить ей пятьдесят рублей; согласна была на все условия. Просила писать в семнадцатое почтовое отделение до востребования, предъявительнице квитанции за номер 205824.

Резанов, усмехаясь невесело, писал:

«Милостивая государыня, я дам вам деньги, которых вы просите, но не в долг и не даром, а за работу, о которой сейчас вам напишу. По необходимости вкратце, – в письме многого не скажешь. Но так как, по вашим словам, вы – дама интеллигентная, то вы, может быть, поймете, что именно от вас требуется. Вы должны явиться мне в образе моей смерти, – чем более привлекательной, тем лучше, – и сообразно с этим вести себя. Если вы сумеете разнообразить достаточно эту веселую игру, то ваш заработок может быть и вперед достаточен для вашего пропитания. Согласны ли вы? Не страшно ли вам? Понимаете ли вы, что от вас требуется? Если согласны, и не боитесь, и понимаете, то напишите, когда и где я могу вас в первый раз встретить. Для меня самое удобное время – после пяти вечера. Пишите в главный почтамт, предъявителю трех рублей номер 384384. Письмо возьму в четверг».

Трехрублевка, новенькая, пошловато-красивого образца 1905 года, хрустела неприятно, как накрахмаленное платье полоротой причастницы. Цифры 384 повторялись дважды. Совпадение казалось странным и замечательным.

Подумал:

– А если...

Бледно улыбнулся.

– Ну и пусть!

Не подписал. Запечатал. Сам отнес и бросил в почтовый ящик, – чтобы не забыли до утра, чтобы дошло скорее.

Потом вернулся и думал, какая она придет.

Тощая, уродливая, с побуревшим от бедности и страданий лицом, с желтыми зубами, с жидкими рыжеватыми космами волос под истасканной на дожде и ветре шляпой, где жалко и смешно трепыхаются перо и бант?

Или молоденькая, застенчивая, тихая, с тонкими пальцами швеи, исколотыми иглой, с бледным, точно восковым личиком, с большим, милым ртом?

Или пьяной придет проституткой, накрашенная, разбитная, с визгливым голосом и грубыми хватками?

Или провинциальная, вульгарная дама в невероятном костюме, с

невозможными манерами, с невымытой шеей, – брошенная мужем и еще никуда не пристроившаяся?

Какая же она будет, смерть? Моя смерть?

Или в темном встретитесь в переходе, и не увижу ее, и только в холодную опущу руку мое бедное золото?

В четверг пошел в почтамт. Летний день в столице был пылен, жарок и шумен. Там и здесь чинили мостовые, красили дома, – и так неприятно пахло. И все же было весело, привычно, и вывески знакомых ресторанов глядели празднично-нарядно.

Не торопился. Пил пиво у Лейнера. Никого не встретил знакомых. Да и кого теперь встретишь?

Разве случайно.

Было близко время к четырем, когда прошел сквозь узкие, отворенные двери в новый, под стеклянной крышей, зал почтамта. Вспомнил старый, заплеванный закоулок, где прежде выдавали письма до востребования. Теперь и чиновники заботятся о миловидности.

Остановился у будочки с бумагой и конвертами. Вертящаяся витрина показала ему все виды приторной пошлости на открытках, как на подбор.

– Покупают? – спросил он продавщицу.

Смазливая девица со скучающим лицом обидчиво дернулась жирными плечами.

– Вам что угодно? – спросила она враждебным тоном. – Конверты, бумага, открытые письма.

Взглянул на нее пристально. Заметил кудерьки на лбу, фарфоровый цвет лица, синие зрачки. Сказал:

– Да ничего не надо.

И прошел дальше.

Прямо против входа, за средним двойным окном большой квадратной загородки, сидели три девицы, разбиравшие письма. Снаружи стояли получатели. Толстая дама с бородавкой на носу спрашивала письмо на имя Руслан-Звонарева.

– Ваша фамилия Звонарева? – спросила почтовая барышня с лицом цвета пшеничной булки и отошла вглубь к шкафу с письмами.

– Руслан-Звонарева, – испуганным полушопотом говорила ей вслед дама с бородавкой.

И когда почтовая пшеничная девица вернулась с пачкой писем к окошку, дама с бородавкой повторила:

– У меня двойная фамилия, Руслан-Звонарева.

Рядом с ней стоял рыжий господин с котелком в руке и беспокойными глазами смотрел на письма, которые перебирала вторая почтовая девица, самая красивая из трех и очень гордая этим. Господин, по всем признакам, ждал письма «чувствительного и фривольного» и волновался, и был некрасив и жалок.

Третья девица, пухлая, румяная, с лицом широким и коротким, с опущенной на лоб широкой занавеской густых каштанового цвета волос, смеялась чему-то своему. Все обращалась к двум другим, – и те улыбались, – и смеялась, и говорила какие-то отрывочные слова о чем-то забавном.

Резанов молча протянул ей свою трехрублевку. Смотрел на девиц. Думал, что они молоды, здоровы, миловидны. Так их подобрало почтовое начальство, заботящееся о приличном виде своих учреждений.

Вспомнил недавнюю газетную полемику между почт-директором и какой-то просительницей, которая не получила места на почте потому, что была тощая, некрасивая, вялая от робости и бедности и недоядания, и старая, целых тридцать два года.

Закрыв глаза, – встало чье-то бледное, испитое, испуганное лицо с широко-открытыми глазами, с дергающимися нервно и робко губами. Кто-то шепнул так ясно и тихо:

– Нечем жить.

Кто-то ответил тихо и спокойно:

– Не живи.

Резанов открыл глаза. Ненавидящим взором смотрел на пухлолицую девицу, которая искала письмо на его номер, выкидывая из пачки на стол одно за другим открытки и закрытые письма. И все смеялась. Так противно, надоедливо.

Наконец, протянула письмо в узком штемпельном конверте. Перебросила остальные письма.

– Больше нет.

– И не надо, – досадливо сказал Резанов.

Отошел в сторону, сел на скамью у колонны. Разорвал конверт. Торопился, но был спокоен.

Крупные и узкие буквы, тонкие черты, ровный и спокойный почерк, неожиданно-красивый.

«Милостивый государь!

Я согласна. Я не боюсь. Я понимаю. Четверг, шестой час. Михайловский сад, аллея направо от входа. Белое платье. В правой руке ваше письмо в конверте.

Ваша Смерть.»

Сторож звонил. Зал пустел. Резанов поехал в «Вену». Пообедал. Пил пиво. Торопился.

Приехал в сад половине шестого.

Она стояла недалеко от входа, на краю аллеи, под деревом. Ее платье белело не темной зелени тихого сада.

Тонкая, бледная, очень тихая, и спокойная. Внимательно смотрела на него, когда он подходил к ней.

Глаза серые, спокойные. Ничего не выдавали. Только внимательные. В лице, совсем не красивом, выражение ясности и покорности. Губы большого рта улыбались мило и печально.

– Милая смерть, – сказал он тихо.

Стал перед ней. Странно волнуясь, протянул ей руку. Она молчала. Переложила его письмо в левую руку. Пожала его руку тонкой, холодной, тихой рукой.

И он спросил ее:

– Ты долго ждала меня?

Она ответила, медленно произнесла слово за словом, голосом ясным, безжизненно ровным, смертельно-спокойным:

– Ты меня не ждал. Ты думал, что встретишь не меня.

И казалось, что холодом повеяло от нее. И так тихи, так недвижны были складки ее белого платья. Ее простая соломенная шляпа с белой лентой, надетая высоко, кидала желтую тень на ее спокойное лицо. И, стоя перед Резановым, она слегка склонилась и провела концом своего легкого зонтика тонкую черту на песке, слева направо, между им и ей.

Спросил:

– Это – правда, что ты согласна быть моей смертью?

И такой же был тихий ответ:

– Я – твоя смерть.

Спросил опять, чувствуя холод в теле:

– Разве ты не боишься исполнять такую роль?

Сказала:

– Смерть боится живых и не показывается им так прямо. Ты, может быть, первый, кто увидел мое лицо, земное, человеческое лицо твоей смерти.

Саказал:

– Ты ведешь свою роль очень быстро и слишком добросовестно. Скажи мне, как тебя зовут.

Улыбалась печально и кротко. Сказала:

– Я – твоя смерть, белая, тихая, безмятежная. Торопись дышать земным воздухом, – часы твои сочтены.

Нахмурился. Сказал:

– Ты – интеллигентная дама, ты находишься в затруднительном положении и просишь денег. Что довело тебя до такой крайности, что ты согласна на все условия? И даже на то, чтобы играть в такую страшную игру.

Ответила:

– Я голодна, больна, устала и печальна.

Засмеялся. Сказал:

– Прежде всего отдохни. Что ты стоишь? Сядь на скамейку.

Прошли несколько шагов. Сели. Она чертила на песке запутанный узор.

Сказал:

– Ты голодна, – мы поедем, – хочешь? – куда-нибудь, и я накормлю тебя. Я дам тебе денег, сколько ты просила. Скажи, не надо ли тебе еще что-нибудь от меня.

Сказала:

– Я возьму от тебя все, что ты можешь дать, – твое золото и твою душу.

Он вздрогнул. Засмялся. Сказал:

– Ты хорошо играешь свою роль.

Ответила:

– Я пришла. Мой час настанет скоро. Я жду.

Он вынул кошелек.

В среднем маленьком отделении за стальной застежкой лежали заранее приготовленные пять золотых монет. Вынул их.

Она протянула молча свою узкую, бледную руку, – такую тихую и спокойную, – открытой ладонью вверх. Легкие линии чертили ясный и простой узор на ее белой, недвижно-раскрытой ладони.

Пять золотых монет, тихо взякнув звучным звоном одна о другой, легли на холодную, недрогнувшую ладонь. Неспешно сомкнулась рука, тонкие пальцы, длинные, белые, сжались, – и неторопливо опустилась рука с деньгами в скрытый сбоку прорез белой юбки.

И он думал:

– Мое бедное золото, – мой последний дар, – скудный заработок поденщика, – малая плата за безмерный труд – тебе, моя милая.

Думал ли только? сказал ли вслух? Так ясно звучали эти слова. Такой печалью стеснилась грудь.

И грустная смотрела на него она сбоку серыми, внимательными глазами и улыбалась. Потом склонилась, и тихо шуршал на песке конец ее зонтика.

И шептала:

– Взяла твое золото, – возму твою душу. Отдал мне золото, – отдашь мне душу.

Сказал он тихо:

– Взяла мое золото, потому что я дал тебе его. Но как

возьмешь ты мою душу? И где ты ее возьмешь?

И сказала она:

– Приду к тебе в мой час. И отдашь мне ты свою душу. Отдашь, потому что я – твоя смерть, и ты не уйдешь от меня никуда.

Тоска томила его. Он сказал, резким голосом побеждая тоску и страх:

– Ты живешь в комнате от хозяев, ты ищешь места или работы, тебя зовут Марьей или Анной. Как тебя зовут?

И крикнул с дикой злобой:

– Скажи, как тебя зовут.

Повторила бесстрастно:

– Я – твоя смерть.

Такие безнадежные и беспощадные упали слова. Дрогнул. Поник. Спросил упавшим голосом:

– Тебе нужно мое золото, – потому что ты голодная и усталая, – но душа моя, зачем тебе душа моя?

Ответила:

– На твое золото я куплю хлеба и вина, и буду есть и пить, и накормлю моих голодных смертеншей. А потом душу твою выну и возьму ее бережно, положу ее себе на плечи, и опущусь с ней в темный чертог, где обитает невидимый мой и твой владыка, и отдам ему твою душу. И сок твоей души выжмет он в глубокую чашу, куда и мои канут тихие слезы, – и соком твоей души, смешанным с тихими моими слезами, на полночные брызнет он звезды.

Тихо, не спешно, слово за словом, звучала странная речь, как формула темного заклятия.

И кто шел мимо, и какие звучали окрест голоса, и какие проносились, гремя по внешней мостовой, за оградой экипажи, и был ли быстрый, легконогий бег и детский смех и лепет, – все скрыто было за магической пеленой медлительной речи. И как за тающим дымом ладана таился, затаился звучащий, пестрый, весело-вечереющий день.

И была тоска, и усталость, и равнодушие. Тихо сказал.

– Если и до звезд вознесется трепет моей души, и в далеких мирах зажжет неутоляемую жажду и восторг бытия, – мне то что? Истлевая, истлею здесь, в страшной могиле, куда меня зароят зачем-то равнодушные люди. Что же мне в красноречии твоих обещаний? что мне? что мне? скажи!

Сказала, улыбаясь кротко:

– Во блаженном успении вечный покой.

Повторил тихо:

– Вечный покой. И это – утешение?

– Утешаю, чем могу, – сказала она, улыбаясь все той же неподвижно, кроткой улыбкой.

Тогда он встал и пошел к выходу из сада. За собой слышал он ее легкие шаги.

Долго шел он по городским улицам, – и она шла за ним. Иногда он ускорял шаги, чтобы уйти от нее, – и она шла скорее, торопилась, бежала, приподнимая тонкими пальцами край белого платья. Когда он останавливался, она стояла поодаль, рассматривала выставленные в магазинных окнах предметы. Иногда он досадливо оборачивался и шел прямо на нее, – тогда она торопливо перебежала на другую сторону улицы или пряталась в подъездах или под воротами.

И следила за ним серыми, спокойными, внимательными глазами.

Неотступно следила.

«Сяду на извозчика», – подумал он.

Удивился, почему такая простая мысль раньше не пришла ему в голову.

Но едва он заговорил с извозчиком, она приблизилась. Стояла совсем близко и веяла на него холодом и печалью. И улыбалась.

Подумал досадливо:

«Она сядет со мной. От нее ни уйти, ни уехать.»

Извозчик спрашивал шесть гривен.

– Тридцать копеек, – сказал Резанов и быстро пошел прочь.

Извозчик ругался.

Резанов поднялся в третий этаж. Остановился у дверей своей квартиры. Позвонил. Все время слышал шорох тихих, поднимающихся по лестнице шагов.

Второй раз позвонил нетерпеливо. Холод страха пробежал по спине. Хотелось войти в квартиру раньше, чем она поднимется, раньше, чем она увидит, в какую он вошел дверь, – на площадке было четыре двери.

Но уже она поднималась. Уже близко, в полусвете лестницы, забелелось ее платье. И ее серые глаза внимательно и близко смотрели в его испуганные глаза, когда он, входя в квартиру, последний раз глянул на лестницу, поспешно закрывая за собой дверь.

Сам замкнул дверь на ключ. Так резко звякнул замок. Потом остановился в полутемной передней. Смотрел на дверь тоскующими глазами. Чувствовал, – точно видел сквозь опрозрачившуюся вдруг дверь, – как она стоит за дверью, тихая, с кроткой улыбкой на милых губах, и поднимает ясное, бледное лицо, чтобы прочесть и запомнить номер квартиры.

Потом тихие послышались шаги вниз по лестнице.

Резанов вошел в свой кабинет.

– Она ушла, – слово сказал кто-то ясным голосом. И другой словно послышался в ответ ему голос, безнадежно-спокойный:

– Она придет.

Он ждал. Все темнее становилось. Томила тоска. Мысли были неясны и спутаны. Голова кружилась. По телу пробегал озноб и жар.

Думал:

– Что она делает? Купила еды, пришла домой, голодных своих смертеншей кормить. Так и назвала их, – смертеншей. Сколько их? Какие они? Такие же тихонькие, как и она, моя милая смерть? Исхудалые от недоедания, беленькие, боязливые. И некрасивые, и с такими же внимательными глазами. И такие же милые, как она, моя милая, моя белая смерть.

Кормить своих смертеншей. Потом спать уложить. Потом сюда придет. Зачем?

И вдруг любопытство зажглось в нем.

Придет, конечно. Иначе зачем проследила его до дому? Но зачем придет? Как она понимает свою задачу, эта странная дама, готовая за деньги на все условия, и даже на то, чтобы по смертям ходить?

А, может быть, она и не женщина, а настоящая смерть. И придет, и вынет его душу из этого грешного и слабого тела.

Лег на диван. Укрылся пледом. Весь сотрясаясь в приступах жесткой и сладкой лихорадки.

Какие странные приходят в голову мысли! Она – умная и добросовестная. Взяла деньги и хочет их заработать, и хорошо играет подсказанную ей роль.

Отчего же она такая холодная?

Да оттого, что она – бедная, голодная, усталая, больная. Устала от работы. Так много ей работы.

«Я косила целый день.
Я устала. Я больна.»

Ходит, ищет, голодная, больная. Бедные смертеньши ждут, голодные ртишки разевают.

И вспомнилось ее лицо, – земное, человеческое лицо моей смерти.

Такое знакомое лицо. Родные черты.

В памяти черта за чертой все яснее вставало ее лицо, – знакомые, родные, милые черты.

Кто же она, моя белая смерть? Не сестра ли моя?

«Тяжело мне, – я больна.
Помоги мне, милый брат.»

И если она – моя вечная Сестра, моя белая смерть, – то что мне до того, что она здесь, в этом воплощении, пришла ко мне в образе ищущей по объявлениям, живущей в комнате у хозяев!

Я вложил в ее руку мое бедное золото, мой скудный дар, – звонкое золото в холодеющую руку. И взяла мое золото остывающей рукой, и возьмет мою душу. Снесет меня под темные своды, – и откроется лик Владыки, – мой вечный лик, и Владыка – Я. Я возвал мою душу к жизни и смерти моей велел идти ко мне, идти за мной.

И ждал.

Была ночь. Тихо взякнул колокольчик. Никто не слышал.

Резанов поспешно откинул плед. Прошел в переднюю, стараясь не шуметь.

Так резко зазвенел замок. Дверь открылась, – на пороге стояла она.

Он ступил назад, в темноту передней. Спросил, словно удивляясь:

– Это – ты?

И она сказала:

– Я пришла. Это – мой час. Пора.

Он замкнул за ней дверь и пошел к себе по неосвещенным комнатам. Слышал за собой легкий шорох ее ног.

И в темноте его покоя она прильнула к нему и поцеловала его целованием нежным и невинным.

– Кто же ты? – спросил он.

Сказала:

– Ты знал меня, и я пришла. Я не боюсь, и ты не бойся. Я дам тебе последнюю усладу жизни, – поцелуй смерти, – «и будет смерть твоя легка и слаще яда».

Спросил:

– А ты?

Ответила:

– Я сказала тебе, что сойду с твоей душой тем единственным путем, который перед нами.

– А твои смертеньши?

– Я послала их вперед, чтобы они шли перед нами и открывали нам двери.

– Как же ты вынешь мою душу? – спросил он опять.

И она прижалась к нему нежно и шептала:

– «Стилет остер, и сладко ранит».

И прильнула, и целовала, и ласкала. И точно ужалила, – уколола в затылок отравленным стилетом. Сладкий огонь вихрем помчался по жилам, – и уже мертвый лежал в ее объятиях.

И вторым уколом отравленного острия она умертвила себя, и упала мертвая на его труп.

КОННЫЙ СТРАЖНИК

Во втором часу ночи ранней и еще теплой осени инспектор гимназии Сергей Платонович Переяшин возвращался из гостей домой по тихим и темным улицам Ковыляк.

Необходимое примечание для позабывших географию и для учивших ее не очень подробно: Ковыляки – большой губернский город. Стоит на обоих берегах реки Пропоицы. Имеет университет. Ведет большую торговлю. Славится окороками. Не следует смешивать с другими Ковыляками, уездным городом на реке Негодяйке, в котором нет ничего примечательного, кроме острога в древнем городище, где некогда жил удельный князь.

Переяшин хорошо поужинал, не мало выпил вина, играл в приятной компании и выиграл. От этого мысли его во время одинокой дороги были приятны, – для него, – и понемногу приняли несколько легкомысленное направление. Он замечтался.

Сначала мечтал о девицах: там, откуда он возвращался, их было не мало. Многие из них были с ним любезны: он был холост, не стар, высок, строен, ловок и силен. И даже имел свой капиталец, хотя и небольшой.

Потом мысли и мечтания его, по обычному для него сцеплению идей, обратились к его ученикам, гимназистам, и преимущественно к тем, которые жили во вверенном ему попечению пансионе при гимназии. Теперь они, конечно, все спали, и в пансионе было тихо и полутемно. Стрижанные головы на белых подушках, тихое дыхание спящих, сползающие с иных одеяла... Привычная картина, всегда будившая в Переяшине странные и жестокие волнения.

Вспоминал: были симпатичные мальчики; были и неприятные. И уже брожение с улиц заползло в гимназию, и настроение становилось беспокойным.

Переяшин думал, что для успокоения мальчиков полезны были бы строгие меры. Самые строгие меры. В сущности и многие родители были бы довольны, если бы к их мальчикам применялись самые строгие меры. Не дальше, как сегодня вечером, сестра одного живущих в пансионе гимназист говорила Переяшину:

– Валя мог бы учиться гораздо лучше. Несравненно лучше. Он такой способный. Ему все так легко дается. Но он ленится. Он вовсе не думает о том, что после смерти отца нам так стало трудно жить. Я очень боюсь, что он начнет засиживаться в классах. Ему

так еще долго учиться. Хоть бы секли их там у вас. Только шалят. И никого не боятся.

Переяшин отчетливо вспомнил Валу Заглядимова. Сначала – канцелярское воспоминание: в списке учеников строчка – Заглядимов Валентин. Потом топографическое: во втором классе, во втором ряду, около стены против окон. Потом – зрительное: невысокий, плотный, черноглазый мальчик, веселый и шаловливый. Но всегда вежливый. Потом – историческое: сегодня Заглядимов Валентин получил единицу.

Это не было само по себе приятно, но у Переяшина сладко защемило сердце. И вдруг сложилось и созрело странно-жестокое решение.

У гимназистов в спальне, – которая почему-то носила дурацкое название дортуара, словно соответственное русское слово не годилось, – было, как и ожидал Переяшин, тихо и сонно. Все было, как всегда, – все те же звуки и запахи. Из открытых форток слабо веяло внешней прохладой, лишние лампы были погашены. В комнате для дежурного воспитателя было совсем темно и тихо.

Переяшин заглянул в стеклянный верх двери в эту комнату, и ничего не увидел. Подумал, припоминая:

«Кто нынче дежурит? Кажется, Чечурин».

И пошел дальше, почему-то утешенный соображением, что Чечурин спит крепко, и уж если залег спать и свет погасил, то не проснется до первого звонка, если сторож не догадается разбудить его раньше.

Валина кровать стояла недалеко от входа, в спальне младших пансионеров. Валя лежал, скорчившись от холода, потому что одеяло наполовину сползло. Не догадывался проснуться и закрыться, и белел в смутной полутьме перемятым комочком. Тихонько посапывал носом, уткнувшись в подушку, и лицо его имело выражение невинное и значительное, как будто снились ему небесные ангелы, играющие золотыми мячиками на изумрудно-зеленых райских полях.

И невинное и важное выражение этого лица раздражало Переяшина. Он думал:

«Спит себе как путный. Ручки на груди сложил как ангел на иконе, – а сам единицу получил, а сам, как только от него отвернешься, так только о том и думает, как бы нашалить. Бровки сдвинул, – хоть сейчас в живую картину став у ног Мадонны. А вот я тебе сейчас задам отличную живую картину».

Весь охваченный тупой злостью, Переяшин схватил мальчика за плечо и потряс его довольно неласково. Валя, сопя и вздыхая, заворочался на постели. Но не проснулся. Переяшин повторял торопливо и тихо:

– Вставай, вставай живее, Заглядимов Валентин.

Валя попытался было опять ткнуться в подушку, – и несколько раз пришлось Переяшину брать его за плечи и раскачивать.

Вдруг Валя сообразил, что его будит инспектор. Испуганно вскочил. Хватился за одежду.

– Не надо, – хриплым шепотом сказал Переяшин. – Не надо одеваться, – повторил он погромче. – Иди так.

– Куда? – спросил Валя.

Переяшин не отвечал. Молча накинул одеяло на Валины плечи, взял его за руку, и повел.

Все спали. Валя с удивлением оглядывался на Переяшина. И путался босыми ногами в складках своего одеяла.

Переяшин вел его по лестницам и коридорам в свою квартиру.

Смотрел, как на темном полу белели красивые Валины ноги.

Через полчаса Валя возвращался на свою постель. У него было хмурое и красное лицо и заплаканные глаза. Он уткнулся носом в подушку, всхлипнул, потом засмеялся потихоньку, потом вдруг заснул.

Утром ему казалось, что он видел во сне, как Переяшин привел его в свой кабинет и выпорол ремнем. Было – во сне – больно и стыдно, и потом смешно.

Рассказал своему другу, Шурке Скворцову, какой смешной видел сон. Смеялись оба. Он вспоминал подробности. Смеялись. Шурка выдумывал подробности. Смеялись. Вдруг Шурка спросил:

– А отчего же у тебя кожа на этом месте стала полосатая?

– Врешь?! – спросил Валя.

– Ей Богу, не вру. Посмотришь в зеркало. А вот тут на боку два синяка. Точно от пряжки.

Стали серьезны. Внимательно исследовали. Удивлялись и смеялись.

– Должно быть, он тебя и вправду выпорол, – сказал Шурка.

– Врешь?! – опять спросил Валя сомневающимся голосом.

Шурка засмеялся. Сказал:

– Мне-то с чего врать? Ведь не меня. Да разве ты сам не помнишь, во сне это было или наяву?

Валя подумал.

– Заснул, – сказал он неуверенно. – Я крепко сплю. Может быть, и в самом деле выпорол. За единицу. А я об ней и думать-то позабыл.

– Так вот вспомни, – со смехом сказал Шурка. – Ты к нему самому сходи, спроси.

– Ну да, выдумаешь! – сказал Валя и тоже засмеялся.

– Право, – настаивал Шурка. – А то сестру пошли.

– Ты знаешь что? – сказал Валя смущенно. – Ты афиши-то не расклеивай об этом.

Но Шурка засмеялся еще веселее. Кричал:

– А вот и расклею! Что за секрет?

В тот же день «афиши были расклеены». В маленьких классах смеялись. Приставали к Вале.

– Правда? – спрашивали его. – Переяшка тебя выпорол? Больно? Чем порол? Где порол? Сам порол?

– Брунда! – сердито возражал Валя. – И ничего не выпорол. Просто это мне во сне приснилось. А пороть-то я еще и не дамся никому.

Не верили. Смеялись. Говорили:

– А откуда же у тебя синяки на этом самом месте?

– Просто я о кровать ушибся, – объяснил Валя.

Но уже этому совсем не верили и смеялись.

В средних классах отнеслись к слуху безразлично. Ведь это же у маленьких. Иные даже говорили:

– Маленьких пороть – разлюбезное дело. Им еще не стыдно, а вперед бояться будут. Вот нас – нельзя.

В старших классах негодовали. Шумели, кричали, спорили, – о способах выражения протеста. Позвали к себе Валу. Долго и основательно расспрашивали его. Осмотрели его тело, сосчитали красные полоски и синие пятна от ушибов.

Когда Валя вернулся в «занятную» своего возраста, то лицо у него было тоже, как ночью, красное, но уже не смущенное, а гордое. Он посматривал на товарищей свысока. Одного надоедалу

отшил презрительным окриком:

– Ну, ты, нестеганный! Туда же!

И тот отошел сконфуженный. Проворчал только:

– Заважничал! Во сне то всякий сумеет.

Шурке, – одному только ему, – Валя шепнул по секрету:

– Старший возраст письмо в газету пишут. Ловко расписали все дело. Пропечатают нас с инспектором. Скандал будет грандиозный. Инспектор с места слетит, а директору большая неприятность будет.

Шурка слушал, замирая от сладкого ужаса, и делал большие глаза. Валя посмотрел на него опасливо, и сказал:

– Только ты не болтай по своей привычке. Это не такое дело, чтобы рассказывать. Это такое дело, что тут надо молчать да и молчать.

– Ей Богу, никому не скажу, – уверял Шурка. – Разве же я сам не понимаю? Слава Богу, не маленький!

Но уже утром все знали, и в младших и в средних классах. И все смотрели как заговорщики, и настроение было важное и торжественное. Мальчишки посматривали на учителей с лукавым простодушием и делали такой вид, точно они ничего не знают, да и знать-то нечего. Старшие были мрачны и важны.

Прогуливаясь в городском саду после обеда, Переяшин встретил Валину сестру. Почему-то почувствовал себя неловко. Она улыбалась ему приветливо. Сказала:

– Большое вам спасибо. Мы все очень вам благодарны.

– За что? – с деланным недоумнением спросил ее Переяшин.

– Мы все, – повторила она, – вам очень благодарны за то, что вы наказали Валю. Его давно следовало высечь.

– Ну, что вы! – сказал Переяшин. – Я и не думал его сечь. Это ему приснилось.

Валина сестра улыбнулась. На ее щеках запрыгали умильные ямочки, и Переяшин вспомнил стихи своего вновь любимого современного поэта (у него каждый год был новый любимый поэт, из самых молодых, чувствительных и фривольных):

Посреди ее ланит
Ямочки отверсты;
Там шалун Эрот сидит,
Сложа нежны персты.

И, пока ямочки прыгали на румяных и полных щеках одетой в полутраур барышни, ее глаза приняли лукавое и понимающее выражение, и она сказала, горячо пожимая теплыми и тонкими пальцами сильную руку Переяшина:

– Ах, да, конечно, для него полезно видеть такие сны! Авось теперь будет учиться получше, чтобы опять не приснилось что-нибудь еще более неприятное.

Поговорив еще немного о разных других вещах, барышня простилась. А Переяшин отправился домой, сдержанно усмехаясь. И уже думал, что Валя наверное скоро опять получит плохую отметку или нашалит, и тогда опять можно будет посечь его. И сказать, что опять видел во сне. «Привычка к нехорошим снам».

Только уже надо будет не ремен взять, а припасти настоящие розги. Так будет гораздо лучше.

И сладко размышлял Переяшин о том, как будет сечь мальчика, как его белая кожа станет покрываться полосами и краснеть. Что ж делать! – если нет своих мальчиков, так хоть чужих постегать.

Переяшин всегда хотелось иметь своих детей. Да как-то так случилось, что не женился...

Однако, мечтам его не суждено было осуществиться. В местной газете «Ковыляцкие Вопли» появилось письмо в редакцию, подписанное так: «Сознательные гимназисты старших курсов второй Ковыляцкой гимназии». В этом письме рассказывалось, что инспектор гимназии Переяшин (опечатка, не замеченная корректором) подверг телесному наказанию гимназиста второго класса Ваню З. (было набрано «Валю», но корректор исправил, не веря, что может быть и такое имя). «Прискорбный инцидент» был рассказан довольно подробно и красноречиво. Выражалось энергичное негодование.

Город заговорил об истории. Переяшин стал популярным. Уличные мальчишки кричали ему издали:

– Дяденька, выдери этого мальчишку, – чего он ко мне пристаёт?

Через день в той же газете было напечатано опровержение от «начальства» гимназии: по тщательном расследовании оказалось, что во второй Ковыляцкой гимназии ничего подобного не было; никакого Ивана З. во втором классе этой гимназии нет, а есть Валентин З., который воспитывается в гимназическом пансионе на казенный счет и отличается замеченной еще его домашними склонностью фантазировать, что, по всей вероятности, и было причиной возникновения невероятного слуха. Инспектор гимназии – превосходный педагог и относится к воспитанникам гуманно (газета напечатала «туманно»).

Это опровержение мало кого убедило. Особенно неудачным оказалось упоминание о казенном счете. Говорили:

– На казенный счет учится, значит, бедный мальчик; родители не посмеют жаловаться. Этим и пользуются, чтобы обижать ребенка безнаказанно.

Еще через день «Ковыляцкие Вопли» сообщили, что их сотрудник был в гимназии, произвел дознание, и факт сечения гимназиста инспектором подтвердился. И уже тогда скандал принял серьезные размеры. В местном клубе возник вопрос об исключении из числа членов не только Переяшина, но даже и директора гимназии. Вопрос вызвал страстные прения. Остался нерешенным. Из за него между двумя старшинами произошло маленькое столкновение («форменная драка», уверяли некоторые очевидцы). Впрочем, их в тот же день помирили.

В гимназию приехал попечитель округа, – явление редкое. Ему некогда было разъезжать по учебным заведениям: все время уходило на канцелярскую работу.

«Из-за меня», думал Валя, видя, какой переполох происходит в гимназии.

Валю позвали в директорский кабинет. Ни директора, ни инспектора там не было. Попечитель один сидел в кресле у письменного стола, и смотрел на вошедшего в кабинет Валю с видом человека, не привыкшего разговаривать с детьми. И на Валю навели страх его угрюмые глаза, растрепанные полуседые волосы и тучное тело. Попечитель сказал, притворяясь ласковым:

– Ну-с, молодой человек, рассказывайте, что тут с вами было. Я слышал, что вы распускаете слух, будто бы вас здесь высекли. Так как же? Может быть, и в самом деле был такой грех?

Валя исподлобья смотрел на синий вицмундир тучного, старого, важного человека, на его серебрянную звезду, выглядывающую скромным углом из-за лацкана, – и молчал. Попечитель повторил:

– Ну-с? Да ты не стесняйся, – никто не услышит. Кто тебя высек?

Валя покраснел.

– Никто, – тихо сказал он.

– Никто? – тоном вопроса повторил попечитель, и на его желтом, морщинистом лице заиграла довольная улыбка. – Так что же вы болтаете? – спросил он с привычным выражением начальнической строгости.

Валя тоненьким дискантом, робея и стыдясь своей робости, объяснял:

– Я во сне видел. Я так и говорил, что во сне. Это они сами придумали.

– А письмо в газету кто писал? – быстро и строго спросил попечитель.

– Не знаю, – сказал Валя.

– Так, – недоверчиво и протяжно сказал попечитель.

Помолчал, посмотрел на Валью внимательно и с любопытством и отрывисто приказал:

– Иди.

Валя вышел, и навстречу ему вошли директор, инспектор и еще кто-то, – мундирные педагоги. И, пока еще дверь была открыта, Валя слышал сухой и уверенный голос попечителя:

– Как и следовало ожидать, газетные писатели подняли шум из ничего. Он говорит...

И дверь закрылась. Валью окружили. И вдруг он сообразил, что пропустил такой удобный и, может быть, единственный случай. Стало досадно на себя самого. И товарищи дразнили и укоряли Валью.

А дома, наоборот, бранили, зачем проболтается о своем сне. Боялись, как бы Валя, в отместку за эту неприятную для начальства историю, не вылетел из пансиона.

И опять было опровержение, на этот раз от учебного округа. Газета опять возражала. В городе кто верил газете, кто не верил, кто думал, что так мальчишке и надо.

Унять бы газету, – да тогда были не такие времена.

События, между тем, шли быстро и бурно. Волнения на окраинах города. Собрания, митинги. Забастовки. Казаки. Уличные процессии. Избиения. Красные флаги, – и багряная кровь многих.

Бастовали и гимназисты. Устраивали химическую обструкцию. Переяшину задали кошачий концерт. В его квартире побили стекла.

Уже попечитель был недоволен Переяшиным. Вызывал его. Было неприятное объяснение. Переяшин понял, что им собираются пожертвовать. Попечитель намекнул, что лучше бы первестись в другой город.

И злость томила Переяшина. Уже все гимназисты казались ему врагами. Было неприятно встречаться с ними на улице. Вообще неприятно стало выходить: популярность не радовала Переяшина.

Был морозный, ясный день. Переяшин стоял у окна своей казенной квартиры и с тупой злобой смотрел на площадь. Зрелище народной демонстрации было противно ему. Веяли красные флаги. Весело звучали молодые голоса, и сквозь двойные рамы отчетливо слышались смелые и гордые слова свободных песен. Шли толпа за толпой, – пестрое смешение лохмотьев и нарядов, молодых и старых лиц. Вот мелькнули знакомые лица, гимназисты.

«Даже и не скрываются, негодяи», – злобно думал Переяшин.

Вдруг все смешалось, дрогнуло, побежало. Вопли ужаса и

смятения пронесли в толпе. Переяшин с радостным волнением торопливо подошел к угловому окну. Он увидел, как на улице мчался прямо на толпу отряд казаков. Смотрел с жадным любопытством.

Свалка. Мелькание нагаек. Лошади теснились в толпу. Визг, вопли. Ключья одежды. Бегство. Давка. Чьи-то, полуобнажившиеся от ударов, окровавленные спины...

Переяшин радостно смеялся, взвизгивая и топочась за своим безопасным окном.

Через полчаса он вышел на площадь. Было пусто. Только патрули медленно кружили по площади и по улицам, да кое-где виднелись конные жандармы и казаки. У подъезда гимназии сидел на красивой лошади казак. Лошадь под ним стояла спокойно и сторожно, словно прислушиваясь к чему-то. Казак казался пьяным. Покачивался. У него было странно-равнодушное, красное лицо.

– Поработали, казачки? – заискивающим голосом спросил его Переяшин.

Казак молча глянул на него мутными глазами. Отвернулся. Презрительно сплюнул. Переяшин вытащил кошелек. Порылся в нем, – и казак стал внимателен. И уже не казался пьяным. И уже веселая улыбка заиграла на его молодом, простоватом лице. Предвкушения получил «на чай».

Переяшин достал серебряный рубль. Сказал казаку:

– Вот, казачок, возьми целковый на обновление плетки. Твоя-то поотрепалась об этих мерзавцев, – так ты новую купи, да лупи их хорошенько.

Казак слушал, радостно улыбаясь.

Слушал не один казак. Площадь была не так пуста, как казалось Переяшину.

В тот же день в городе уже говорили, что Переяшин дал рубль казаку на подновление плети. Передавали просьбу Переяшина «лупить хорошенько». Возмущались. «Ковыляцкие Вопли» посместили по этому поводу язвительный фельетон.

Положение Переяшина стало невозможным. При встречах на улицах от него отвергивались. Ему не подавали руки. Из клуба его исключили уже без споров. И попечитель решил убрать его из Ковыляк в другой город. Пригласил сначала объяснения и чтобы предупредить.

С таким же скучающим и угрюмым лицом смотрел попечитель на вошедшего к нему Переяшина, как раньше смотрел на Валю. Холодно и сухо объявил Переяшину, что здесь его не оставить.

– Я – патриот, – хриплым голосом сказал Переяшин, покачиваясь на стуле.

Попечитель с досадой и отвращением смотрел на Переяшина, и уже видно было, что Переяшин пьян.

– Я ему дал, движимый... побуждаемый... так как он есть страж и, значит, опора, – бормотал Переяшин.

– Не будем вдаваться в подробности, – осгорожно сказал попечитель. – Вы, в сущности, ничего не потеряете, а в нравственном отношении даже выиграете. Мы дадим вам такое же место.

– Не желаю, – возразил Переяшин. – Я намерен постоять за порядок.

Попечитель усмехнулся. Сказал:

– Это уже решено.

Переяшин вытащил из бокового кармана сложенный вчетверо лист

бумаги.

– Вот, – сказал он, – прошение. В чистую выхожу. Поступаю в конные стражники. Я уже ходил наниматься. И уже у меня есть все амуниция. И нагаечка.

На лице попечителя изображался ужас...

Прошло несколько дней. С городского кладбища расходилась толпа молодежи. Везде за углами было много казаков и конных стражников. В числе стражников гарцовал и Переяшин.

Из уважения к его чину ему дали самую хорошую, какая только нашлась в Ковыляках, лошадь. И вся амуниция на нем красовалась новенькая и чистенькая, и особенно хороша была нагайка. Так приятно было сжимать ее в руке и помахивать ей. И потому лицо у него было красное и веселое.

Сегодня, для обновления формы, он и сам выпил изрядно, и своих новых сослуживцев хорошо угостил. Нарочно стал на самом видном месте, и ругался:

– Молокососы! Бунтовать вздумали! Пороть вас хорошенько! Вешать вас!

Пересыпал свои слова площадной руганью. Его вид и его слова возбуждали в толпе смех и презрение. Несколько комков грязного снега шлепнулись в его лицо. Он заругался еще неистовее.

Кто-то бросил камень. Попал ему в руку. Переяшим взвизгнул, пришпорил коня, взмахнул нагайкой, и ринулся в толпу.

За ним и другие. Началось безобразное избиение.

ПЕРИНА

I

Наборщик Приходимцев и его жена Наталья Петровна ужинали. Они только на прошлой неделе повенчались, и теперь устраивали свое хозяйство. Наталья Петровна говорила:

– Я удивляюсь на мамашу, что они, будучи при таких деньгах, не только не пускают их в оборот, но даже не положат в банк, а держат их под собой. Хоть бы вы им посоветовали, Демьян Степаныч.

– Это я могу, – ответил Проходимцев, тощий черноволосый человек с очень серьезным лицом, – я им разьясню их невежество. Но я не понимаю того, Наталья Петровна, что вы говорите, что маменька свой капитал под собой содержат. В каких собственно смыслах это следует понимать?

Наталья Петровна оглянулась вокруг опасливо и, понизив голос, хотя слушать было некому, сказала:

– Это собственно, Демьян Степаныч, секрет, но как говорится, что муж да жена – одна сатана, то, и надеясь на вашу скромность, что вы никому не расскажете, я вам открою, что маменька держат свои капиталы в перине. В той самой перине, на которой они спят. Проходимцев ничего не ответил. Уже когда прошло много времени, и уже Наталья Петровна начала стлать постель, он все еще думал. Наконец сказал:

– Мнение мое об этом предмете такое, что надо маменьку пригласить к нам на постоянное пребывание, а то их там при их одиночестве всякий может ограбить и даже лишить возможности жизни.

– Маменька к нам не пойдут, – сказала Наталья Петровна, – они очень берегут свою перину, и не решатся ее перевозить.

Но Проходимцев, как бы не слушая, продолжал:

– И даже я так полагаю, что надо маменьку пригласить сегодня же, а то ноньче ночью их могут огривить и порешить, а это нам с вами будет неприятно и даже невыгодно. А то маменька откажутся, это я и сам знаю, но только я их приглашу так, что и с отказом они к нам переедут. Согласитесь сами, Наталья Петровна, что нам надобно не согласие маменькино, а маменькина перина.

И с этими словами Проходимцев аккуратно оделся, сказал жене:

– До приятного с мной свидания.

И ушел. Жена равнодушно посмотрела за ним, зевнула, и села у окна, сложа руки, ждать мужа.

II

Проходимцев, пройдя улицы две, постучался в окошко маленького одноэтажного домика. Взлохмаченная голова высунулась в окно, и хриплый тенорок проговорил:

– А, Проходимцев, друг любезный, что так поздно?

– Господину Раскосову почтение, – ответил Проходимцев, – и прошу выйти на улицу по важному и неотложному делу.

– Немедленно? – с некоторым удивлением спросил г. Раскосов.

– Немедленно, и даже сию секунду, – ответил Проходимцев.

Господин Раскосов зевнул, подумал, скрылся и скоро вышел из ворот.

Это был рослый и дюжий молодец с пухлым рябым лицом и светлой трепаной бородкой лопатой, одетый в синюю блузу и пиджак.

– Друг ты мне или нет? – спросил Проходимцев.

– Демьян, мне ли не поверишь? – воскликнул Раскосов.

– Не сверх того рубль целковый заработать желаешь? – продолжал Проходимцев.

Раскосов просиял и воскликнул:

– Это очень даже можно. Рубль целковый – монета уважительная.

Это я могу.

– Ноньче ночью мне надо важное дело сделать, – объяснил Проходимцев, – тещу к себе домой водворить желаю, а как она своего согласия не даст, то я намереваюсь переселить ее к любезной дочери, а моей законной жене на жительство скорым манером. Но как для такого дела нужен товарищ, то я и приглашаю господина Раскосова.

– А в полицию не возьмут? – осведомился Раскосов.

Проходимцев покачал головой.

– Возлагаю надежду на крепость рук и скорость ног.

И приятели отправились, соблюдая молчание.

III

Было тихо и тепло; в садах за изгородями пахло свежо и нежно, луна подымалась на востоке, за домами звучно и скоро лепетала река у плотины, – город спал.

Тещин дом стоял у выгона, второй от конца улицы. Проходимцев и Раскосов остановились под окнами. Проходимцев рассудительно сказал:

– Теперь главное затруднение состоит в том, как попасть, никого не беспокоив.

Потрогал рамы – все окна заперты, толкнул калитку – задвинута. Постоял, подумал, и полез через забор. За ним Раскосов. В будке у ворот яростно залаяла собака, но узнала Проходимцева и успокоилась, – свой. Проходимцев подошел к дому, заглянул в кухню.

– Марфушка спит, – сказал он, – надо ее вызвать.

И принялся громко мяукать, и скрести пальцами стекло окна. Кто-то зашевелился за окном. Проходимцев спрятался за угол, Раскосов последовал его примеру. Окно открылось, Марфя, молодая девица, в одной рубашке, высунулась в окно, и сказала, зевая:

– Машка подлая, чего ты скребешься?

Проходимцев выглянул из-за угла.

– Марфуше наше почтение, – сказал он.

За ним высунулся и Раскосов.

Марфа вздрогнула.

– О, леший, испугал, – крикнула она. – Что вам тут надо, полуночники?

Свежо и молодо во влажной темноте прозвучал ее голос.

– Мы к вам по делу, прекрасная девица Марфа, – сказал Проходимцев. – Потому, как ваша барыня, а наша любезнейшая маменька желает переехать к нам на жительство, но опасается огласки, чтобы соседи не помешали, а кроме того у нашей маменьки причуды, как у малого ребенка, то маменька нам ноньче и говорят: не хочу я к вам ни пешом идти, ни конью ехать, а несите вы меня, как Ольга перемудрая Игоревых послов, на моей собственной трехспальной

перине. Вот мы и пожаловали, а вы, Марфа прекрасная, извольте отворить нам двери.

Марфа засмеялась.

– Придумаете тоже, – сказала она, – нашли дуру, так я вам и отворила.

– Известное дело, нашли, – отвечал Проходимцев, – известное дело, отворишь, – семьдесят пять копеек получить желаешь?

– Обманете? – живо спросила Марфа.

Проходимцев вынул кошелек, отсчитал семьдесят пять копеек и подал Марфе.

– У нас деньги верные, как в казначействе, – укоризненно сказал он, – мы не затем, чтобы обманивать.

Марфа сосчитала деньги.

– Да мне что-ж, – сказала она, – я, пожалуй, и отворю. Мне то что же!

Она отошла от окна и, тяжело ступая, пошла к двери. Звякнул замок, с тихим скрипом раскрылась дверь, и, вся белая на ее зияющей темноте, выглянула Марфа.

Проходимцев и Раскосов вошли.

Марфа захохотала, пряча лицо в платок. Все трое отправились в спальню к старухе.

IV

Анна Прохоровна спала, свернувшись комочком на своей широкой перине. Приятели взяли перину, Раскосов в головах, Проходимцев в ногах, и понесли. Старуха проснулась. Забеспокоилась.

– Что такое? – закричала она. – Марфушка, подлая, куда меня волокут? Нешто пожар?

– Ничего, маменька, не беспокойтесь, – ответил Проходимцев, – мы с нашей супругой приглашаем вас к нам на пребывание.

– Озорники, да что вы делаете? – кричала старуха, меж тем как ее проворно, почти бегом, вынесли на двор, а потом на улицу.

– Пустите меня, я домой пойду.

– Никак невозможно, маменька, потому как ваш костюмчик дома остался, и кроме того не извольте кричать, а то соседи увидят вас в таком беспорядке, и вам будет зазорно.

Старуха захныкала:

– Разбойник ты, креста у тебя на вороту нет.

Но приятели не слушали и быстро мчались со своей ношей по тихим улицам безмолвного городка.

Скоро принесли и положили перину со старухой на пол.

– За вашим костюмчиком, маменька, пойду, – объявил Проходимцев.

Рассчитался честно с Раскосовым, и пошел за старухиной одеждой. Старуха плакала. Дочь говорила ей:

– Так как мы вас, маменька, очень любим, то и нет нашего желания жить с вами отдельно. Вам у нас будет, как у Христа за пазухой.

ОШИБКИ И ПОПРАВКИ

*Из сочинения институ-
тки, собирающейся от-
правиться бульдегомами:*

«Коровы полезны для нас только тем, что дают нам молоко, мясо, яйца, сыр и т. п. Но дружить с коровой или обожать ее я не стала бы, так как коровы – существа страшные, рогатые и млекопитающие. При том, чтобы взять у коровы мясо, надо снять с нее кожу, а это было бы невозможно, если бы коровы были нашими подругами».

*Учитель русского языка
и словесности, исправив
ошибки, отчеркнул при-
веденное место и написал
на полях:*

«Яйца несут не коровы, а курицы, коровы же их только высиживают. В млекопитающих коров нет ничего неприятного; напротив все млекопитающие кротки. Кротки и коровы, если их не дразнить; бодают рогами они только тех, кто ходит с красным флагом. Животных действительно страшных, каковы тигры, львы, верблюды и крысы, никому не придет в голову назвать млекопитающими».

*Эта тетрадка попала в
руки желчного редактора
юмористического журна-
ла. Вот его отзыв:*

«Какое жалкое зрелище представляет из себя этот учитель, не знающий самых элементарных вещей! Ведь это все равно, что не знать, что белый солнечный свет посредством волшебного фонаря разлагается на двенадцать основных цветов, от красного до черного включительно!»

*Простой читатель напи-
сал на всей этой лите-
ратуре:*

«Один другого лучше. Одна перешла через Рубикон, другой последовал за ней и попал на наклонную плоскость, а третий по этой плоскости закатился за Геркулесовы столбы, позабывши мудрое правило древних: *Suum quique*».

ТОМЛЕНИЕ К ИНЫМ БЫТИЯМ

Слова начинательные

Дню моему – сон и мечтание, ночи – томление.

Так начертано в книге судеб, и неизменно это начертание, неизменно до конца.

Когда для других восходит яростное солнце, призывающее к трудам и достижениям, тоска моя говорит мне хриплым голосом:

– Еще один день ненужного, бесцельного бытия. Но не бойся, – я с тобой. На всех путях твоих я с тобой.

Так утешает она меня: она думает, что я боюсь одиночества. Но приходят сны и мечтания, и озаряют бесконечную пустыню ненужного дня.

И сны мои странные для людей, и кто из них не назвал бы их жестокими!

И мечтания мои еще страннее и жесточе. Ибо они совсем и во всем – мои, и я веду их в долину странного инобытия.

Созданная по образу и подобию земного мира, населена она вампирами и кошмарами, – самое, однако, миролюбивое население. Неба и солнца нет в долине инобытия, – свет исходит только от созерцающего и только для него. Никому не дается с принуждением созерцать образы чуждого мира.

Истинно, свобода обитает в долине инобытия.

Свобода и союз. Все вместе, и все по законам своей и моей свободы. И если проливается кровь, то это – только моя кровь, радостно пролитая.

Когда же наступает ночь, успокоивающая трудившихся человечков, приходит ко мне томление мое, и говорит мне:

– Не бойся, я опять с тобой.

И оно думает, что я боюсь одиночества.

Боюсь ли я одиночества?

Если бы вампиры и кошмары оставили меня, я не был бы одинок. Из тьмы небытия извел бы я к свету истинного инобытия иные сны, иных вампиров извел бы я от небытия. Источающих мою кровь, и пожирающих плоть мою. Ибо я не люблю жизни, бабищи румяной и дебелой.

I

В ожидании истязаний, задуманных мной, я томился тоской и страхом, на узкой сидя скамье. Я был один, – пока еще один. Келья моя была мала и тесна, и заперта извне на крепкий замок. Стены у нее были голые и мрачные, как стены темницы. А за стеной шептались и смеялись заглушенными голосами, чтобы я не слышал.

Но только я и мог слышать. И кто же иной мог здесь быть, и видеть, и слушать?

Окно кельи было высокое, под мрачным сводом моей темницы томилось оно, и как будто бы его и вовсе не было. И если был свет, то не из этого окна. А свет был. И при этом свете видел я и окно, высокое, узкое, загражденное решетками. И видел дверь,

железную, тяжелую, холодную, с тонкой ржавостью широких скреп и темных петель.

И видел холодные, гладкие плиты каменного пола.

II

С визжанием и скрежетом зашевелилась ручка у двери, и это были звуки противные и страшные. Неизбежное приближалось, созданное мной же, но чего уже нельзя было отворотить или изменить. И насмешливый скрежет как бы говорил:

– Хочешь, не хочешь, – все равно сбудется. Тебя не спросят.

В этом визгливом и все же хриплом голосе слышалось торжество гнусного победителя, тщеславящегося незаконной победой. Унижение для меня звучало в этих звуках, но никого не радовали они. Призраки не радуются. Они ранят, и убивают, и даже унижают, и сами бесстрастны, – они, приносящие отчаяние и стыд.

И пока медленно открывалась дверь, я смотрел на нее глазами, полными ужаса и тоски. И медленно открывалась дверь. А открывавшие ее тихо говорили о чем-то, торжествуя и не торопясь, и тихий смех слышался в звуках их шепота.

III

Уже когда дверь открылась на половину, но входящие еще не показались, заметил я, что свойство освещения стало иным. Я отвел глаза от двери, в ту сторону, где почудилась мне перемена, – и там было отраженное пламя. Тускло-красное, оно ширилось. И вот оно коснулось моих глаз. Я увидел светочки, с дымом горевшие и изливавшие тусклый и неверный свет. И потом увидел людей. И ужаснулся.

То были обнаженные, прекрасные и ужасные отроки. Их было семь, и в руках их было то, что сулило радость истязаний. Тела их краснели в дымном озарении светочей. Широкие груди их дышали медленно и спокойно, и все движения их казались исполненными страшной силы и непоколебимого спокойствия. По их медленным и неотразимым движениям понял я, что они – исполнители.

Лица их сияли невиданной на земле красотой, но глаза их сверкали такой свирепой радостью, точно это демоны вышли из ада. Но то были только люди, созданные мной по тому же плану, как и первозданная Эдемская чета. И только человеческая радость трепетала в их раздувающихся ноздрях, – они предчувствовали радость тех мук, которыми они наслаются. О, они еще не знали, чем и как будет завершена их потеха! Они не знали, что они только рабы-исполнители, обреченные таким же мукам сами.

IV

Первые два отрока держали в руках по светочу из черных листов пергамента, пропитанного смолой и еще каким-то составом, усиливающим горение и замедляющим сгарание. Пламя держалось на верхних концах высоких светочей, иногда даже оно как бы отрывалось от светочей, и поднималось на краткий миг в воздухе, словно стараясь убежать с этого смолистого и нечистого ложа, но потом

снова возвращалось к обугленным вершинам светочей, и с тихим треском тихонько сползало еще немного ниже. Дым от светочей подымался немного, и затем легкой тучкой уносился назад, в отвернутую теперь настезь дверь.

Эти два отрока смеялись, как веселые и добрые мальчишки, и зубы их сверкали, белые, крепкие зубы хищного человека. В глазах у них сверкали искры, отраженные от светочей или от внутреннего огня.

Они подошли ко мне близко, и стали по обе стороны рядом со мной. Улыбаясь жестокой и бесстыдной улыбкой, они заглядывали мне в лицо. От них пахло сладко и нежно, кожа на их телах умащена была благовониями, и смрад светочей смешивался с благоуханием, исходящим от их тел. Стопы их ног казались покрасневшими от холода каменных плит.

V

Другие два отрока держали в руках по связке веревок. Это были обыкновенные бечевки средней толщины, пеньковые, прочные, добросовестно-сделанные. Такими бечевками связывают небольшие узлы и маленькие сундуки для недалеких путешествий.

Бечевки были сложены в несколько раз, и почти доставали до полу. Они колебались в руках отроков, и слегка ударяли их по бедрам и голням.

Отроки улыбались закрытыми губами, и казалось, что их зубы слегка сжаты. Иногда они сами слегка похлопывали себя бечевками по бедрам, и сладострастно вздрагивали.

Эти отроки были ростом больше первых двух, и мускулы их были более могучими. Они подошли ко мне тихо, словно крадучись, и стали за моей спиной. Они стали так близко, что я чувствовал на своей шее их сдержанное дыхание.

Беспокойство заставило меня обернуться назад, — беспокойство, одолевающее того, за кем стал некто враждебный. Но один из них посмотрел на меня с такой злобой, что я содрогнулся.

Он наклонился ко мне, и гортанными звуками сказал мне что-то на языке незнакомом, грубом и странном, — что-то непонятное, но, очевидно, угрожающее. Я отвернулся от него, и увидел подходящего ко мне пятого отрока.

VI

Пятый отрок держал в правой руке длинный свиток пергамента. Он держал свиток ближе к верхнему краю. Свиток изгибался широкими изгибами, потому что пергамент был толстый и прочный, и почти касался пола своим нижним концом.

Отрок со свитком стал передо мной, и устремил на меня внимательный взор. Он не улыбался, прекрасное лицо его дышало спокойствием и равнодушием. И долго смотрел. И томительно было ожидание.

Потом он опустил глаза на свиток, и стал читать шепотом, останавливаясь часто, и при каждой остановке смотрел на меня внимательно и равнодушно, словно сличая мои приметы с тем, что было начертано на пергаменте. И ему было все равно, сбудется или не сбудется замышленное. Он следил лишь, чтобы предметы предмет-

ного мира сходились с тем, что предсказано по писанию, которое он держал в своей нетрепетной руке.

Он был самый покойный из всех семи отроков, — он был книжный и отвлеченный. Тело его нежно пламенело в дымном озарении светочей, и казалось почти прозрачным. Члены его были тонки и стройны, и движения его медленны и исполнены необычайной и волнующей прелести.

VII

Повинуясь обаянию его шепота и его переходящих со свитка на меня и обратно взоров, я посмотрел на себя с таким странным и спокойным любопытством, словно взирая на чужого и нового человека. И со спокойным удивлением я увидел свое тонкое тело, облеченное в старое и пыльное одеяние.

Это была та одежда, которую носят все горожане в Европе, — скучная, черная одежда, повседневная и обременительная, как вериги.

Твердые поручки и твердая кираса на груди стесняли движения, но не защищали ни от чего, — и твердость их была обманчивая, и побеждалась простой и даже не теплой водой. Убогое золото блестело на груди в столь скудном количестве, что не соблазнило бы оно и голодного вора. Черная обувь когда-то зачем-то блестела, и кто-то другой в поте лица заботился о том, чтобы она с каждым восходом солнца воспринимала новый блеск, — но теперь она покрылась пылью. Далека и трудна была дорога, по которой пришел я в эту темницу.

Переводя глаза то на себя, то на читающего свой свиток отрока, я почувствовал, что в отроке есть нечто, смутно беспокоящее меня каким-то еще новым беспокойством, — не тем страхом, как от первых четырех, но чувством неизъяснимо волнующим. И с усилением всматриваясь в его черты, я наконец понял, что это — я. Я сам стоял перед собой, и читал свой приговор.

В стране инобытия свершаются иные возможности, неслыханные на земле.

И слова свитка зажглись передо мной тусклым пламенем, но я не стал их читать, ибо знал их наизусть.

Сколько раз в томительные дни, в тоскливые ночи читал я и перечитывал этот свиток, прежде чем отдал его исполнителям!

VIII

И тогда увидел я последних двух отроков. Они таились сначала сзади других, и шептались, и смеялись негромко, и теперь подошли, и стали рядом с отроком, читающим свиток.

Это были самые сильные и высокие из всех отроков. Их широкие и могучие плечи, их высокие груди, медленно и сильно дышащие, их слегка согнутые руки со вздутыми мускулами, — все это внушало страх. Истинно, это были исполнители, и лица их дышали жадным, веселым и беспощадным смехом и издевательством. В руках у каждого из них виднелось по связке длинных и крепких бичей, похожих на змей.

Эти отроки смеялись, прыгали от нетерпения, щекотали друг друга концами бичей, и при этом повизгивали от нетерпения и восторга. Они жадно и насмешливо смотрели на меня, и шептали что-то.

Отрок со свитком кончил читать, и сказал спокойно:

– Верно. Это – он.

Остальные шесть отроков обрадовались и засмеялись громко. И громче всех смеялись отроки с бичами.

И сказал я отрокам:

– Чему вы смеетесь? Разве вы не знаете, что это – я?

Отроки замолчали, и испуг выразился на их лицах. Но отрок со свитком сказал медленно и спокойно:

– Не бойтесь. Это – только он. И даже больше того скажу вам. Это – тело, преданное нам на забаву. Ибо мы – дети, и хотим играть.

Отроки опять обрадовались, и засмеялись еще громче прежнего. И отрок со свитком сказал, обращаясь ко мне:

– Даже и правдой ты не соблазнишь нас, величайшим из соблазнов – правдой. Потому что мы только исполнители.

IX

Возвысив голос, начал говорить он так, при наставшем внезапно молчание:

– Это тело, слабое и больное, отягощенное пороками и грехами всего мира, надлежит уничтожить. Как мастер мнет глину, когда изваяние не удалось, так и это порочное тело надлежит смять и уничтожить. И вот повеление исполнителя.

Он развернул свиток, и читал медленно и спокойно:

– Тело, которое вы найдете в темнице двигающимся, рассуждающим и чувствующим, предадите вы жесточайшим мучениям, истязаниям невыносимым, даже до смерти. Вы обнажите преданное вам тело, и подвергнете его поруганиям по произволу вашему. И потом распрострете вы его на полу темничном, и свяжете столь крепко, чтобы оно не могло избежать жестокости вашей. И будете бичевать его медленно и долго. Но не до смерти. И потом отрежете руки и ноги его, и остальное ввергнете в медленно горящее пламя. И темница его да будет предана огню. И память о нем да истребится на земле.

Он окончил чтение, и отроки радостно засмеялись. И сказал он:

– Таково повеление повелителя.

И я сказал:

– Повелитель – я.

Отрок со свитком ответил мне:

– Нам все равно, кто повелитель. Мы – исполнители. И мы исполним повеление.

И обратясь к другим отрокам, он сказал им:

– Утвердите светочи ваши в стене, и начните.

БЕЛАЯ СОБАКА

Так все опостыло в этой мастерской, – эти выкройки, и стук машинок, и капризы заказчиц, – в этой мастерской, где Александра Ивановна и училась, и уж сколько лет работала закройщицей. Все раздражало Александру Ивановну, ко всем она придиралась; бранила

безответных учениц, напала и на Танечку, младшую из мастериц, вчерашнюю здешнюю же ученицу. Танечка сначала отмалчивалась, потом вежливым голоском и так спокойно, что все, кроме Александры Ивановны, засмеялись, назвала закройщицу собакой.

Александра Ивановна обиделась.

– Сама ты собака! – крикнула она Танечке.

Танечка сидела и шила. Отрывалась время от времени от работы и говорила спокойно и неторопливо:

– Всегда лаетесь... Собака вы и есть... У вас и морда собачья... И уши собачьи... И хвост трепанный... Вас хозяйка скоро выгонит, так как вы есть самая злющая собака, пес барбос.

Танечка была молоденькая, розовенькая, пухленькая девушка с невинным, хорошеньким, слегка хитреньким личиком. Смотрела такой тихонькой, и глазки были такие ясные, и бровки разбегались веселыми и высокими дужками на розно-изогнутом, беленьком лбу под гладко причесанными, темно-каштановыми волосами, которые издали казались черными. Голосок у Танечки был звонкий, ровный, сладкий, вкрадчивый, – и если бы слушать только звуки, не вслушиваясь в слова, то казалось бы, что она говорит любезности Александре Ивановне.

Другие мастерицы хохотали, ученицы фыркали, закрываясь черными передниками и опасливо поглядывая на Александру Ивановну, – а Александра Ивановна сидела багровая от ярости.

– Дрянь, – восклицала она, – я тебя за уши выдеру! Я тебе все волосья вытаскаю.

Танечка отвечала нежным голосом:

– Лапки коротенькие... Барбос лает и кусается... Намордничек надо купить.

Александра Ивановна бросилась к Танечке. Но, прежде чем Танечка успела положить шитье и встать, вошла хозяйка. Строго сказала:

– Александра Ивановна, опять вы скандалите!

Танечка жаловалась:

– Излаяла ни за что, ни про что. Всегда по пустякам ко мне придерется и лает.

Но хозяйка посмотрела строго и на нее, и сказала:

– Танечка, я тебя насквозь вижу. Не ты ли и начинаешь? Ты у меня не воображай, что уж если ты мастерица, так и большая. Как бы я твою маменьку не пригласила, по старой памяти.

Танечка багряно вспыхнула, но продолжала сохранять невинный и ласковый вид. Смирно сказала хозяйке:

– Простите, Ирина Петровна, больше не буду. Только я и то стараюсь их не задевать. Да уж они очень строгие, слова им не скажи, сейчас, – я тебя за уши. Такая же мастерица, ни как и я, а уж я им из девчонок вышла.

– Давно ли, Танечка? – спросила хозяйка внушительно, и отошла.

* * *

Почти больная от злости вернулась домой Александра Ивановна. Танечка угадала ее больное место.

«Ну, собака, и пусть собака, – думала Александра Ивановна, – а ей то что за дело? Ведь я не разведываю, кто она, змея или там лисица, что ли, – и не подсматриваю, не отслеживаю, кто она. Татьяна, и дело с концом. Обо всех можно узнать, а только зачем ругаться? Чем собака хуже кого другого?»

Летняя, светлая ночь, томилась и вздыхала, вея с ближних полей на мирные улицы городка истомой и прохладой. Луна поднялась, ясная, полная, совсем такая же, как и тогда, как и там, над широкой, пустынной степью, родиной диких, рыскающих на воле, и воющих от древней земной тоски. Такая же, как и тогда, как и там.

И так же, как тогда, горели тоскующие глаза, и тоскливо сжималось дикое, не забывшее в городах о степных просторах сердце, и мучительным желанием дикого вопля сжималось горло.

Начала было раздеваться, да что! все равно не уснуть.

Пошла из дверей. В сенях теплые под босыми ногами шатались и скрипели доски сорного пола, и какие-то щепочки да песчинки весело и забавно щекотали кожу ног.

Вышла на крыльцо. Бабушка Стапанова сидела, черная в черном платке, сухая и сморщенная. Нагнулась, старая, и казалось, что греется в лунных, холодных лучах. Александра Ивановна села рядом с ней, на ступеньки крыльца. Смотрела на старуху сбоку. Большой, загнутый старухин нос казался ей клювом старой птицы.

«Ворона?» – подумала Александра Ивановна.

Улыбнулась, забывая тоску и страх. Умные, как у собаки, глаза ее засветились радостью угадки. В бледно-зеленом свете луны разгладившиеся морщинки ее увядшего лица стали вдруг не видны, и она опять сделалась молодой, веселой и легкой, как десять лет тому назад, когда луна еще не звала ее лаять и выть по ночам у окон темной бани.

Она подвинулась поближе к старухе, и ласково сказала:

– Бабушка Степанида, а что я у вас все хочу спросить?

Старуха повернула к ней темное лицо с глубокими морщинами, и резким старческим голосом спросила, точно каркнула:

– Ну, что, красавица? Спрашивай.

Александра Ивановна тихонько засмеялась, дрогнула тонкими плечами от вдруг пробежавшего по спине холодка, и заговорила очень тихо:

– Бабушка Степанида, сдается мне, – правда ли это, нет ли? уж не знаю, как и сказать, – да вы, бабушка, не обидьтесь, – я ведь не со зла...

– Ну, ну, говори, не бойся, милая, – сказала старуха.

Глядела на Александрю Ивановну яркими, зоркими глазами. Ждала. И опять заговорила Александра Ивановна:

– Сдается мне, бабушка, – уж вы, право, не обидьтесь, – что будто бы вы, бабушка, ворона.

Старуха отвернулась и молчала, качая головой. Казалось, что она припоминала что-то. Голова ее с резко очерченным носом клонилась и качалась, и казалось порой Александре Ивановне, что старуха дремлет. И дремлет, и шепчет что-то себе под нос. Качает головой, и шепчет древние, ветхие слова. Чародейные слова...

Было тихо на дворе, ни светло, ни темно, и все вокруг казалось замороженным беззвучным шептанием древних, вещих слов. Все томилось и млело, и луна сияла, и тоска опять сжимала сердце, и было все ни сон, ни явь. Тысячи запахов, незаметных днем, различались чутко, и напоминали что-то древнее, первобытное, забытое в долгих веках.

Еле слышно бормотала старая:

– Ворона и есть. Только крыльев у меня нету. И я каркаю, и я каркаю, а им и горя мало. А мне дадено предвиденье, и не могу я, красавица, не каркать, да людишки-то и слушать меня не хотят.

А я как увижу обреченного, так и хочется мне каркать, и хочется.

Старуха вдруг широко взмахнула руками, резким голосом крикнула дважды:

– Кар, кар!

Александра Ивановна дрогнула. Спросила:

– Бабушка, кому каркаешь?

Ответила старая:

– Тебе, красавица, тебе.

* * *

Жутко стало сидеть со старухой. Александра Ивановна ушла к себе. Села под открытым окном. Слушала, – за воротами сидели двое, и говорили.

– Воет и воет, – слышался низкий и злой голос.

– А ты, дядя, видел? – спросил сладенький тенорок.

Александра Ивановна сразу по этому тенорку представила кудреватого, рыжеватого, весноватого парня, – здешний, с этого же двора.

Прошла минута тусклого молчания. И вдруг послышался сиплый и злой голос:

– Видел. Большая. Белая. У бани лежит, и на луну воет.

Опять представила по голосу черную бороду лопатой, низкий плоеный лоб, свиные глазки, разставленные толстые ноги.

– Чего же она воет, дядя? – спросил сладкий.

И опять не сразу ответил сиплый:

– Не к добру... И откуда взялась, не знаю.

– А ежели, дядя, она – оборотень? – спрашивал сладкий.

– А не оборачивайся, – ответил сиплый.

Непонятно было, что значили эти слова, – но не хотелось думать о них. И уже не хотелось прислушиваться к ним. И что же ей звук и смысл людских слов!

Луна смотрела прямо в лицо и настойчиво звала, и томила. И тусклой сжималось сердце тоской, – и не усидеть было на месте.

Александра Ивановна поспешно разделась. Нагая, белая, тихо вышла в сени, приоткрыла наружную дверь, – на крыльце и на дворе никого не было, – пробежала двором, огородом, добежала до бани. Резкое ощущение холода в теле и холодной земли под ногами веселило. Но скоро тело угрелось.

Легла на траву, на живот. Приподнялась на локтях, подняла лицо к бледной, мертво-тоскующей луне и протяжно завывала.

– Слышь, дядя, завывала, – сказал у ворот кудреватый.

Сладенький тенорок трусливо дрожал.

– Завывала, проклятая, – неторопливо отозвался сиплый и злой.

Встали со скамьи.

– Щелкнула щеколда у калитки.

Тихо шли двором и огородом, двое. Впереди старший, дюжий, чернобородый, с ружьем в руках. Кудреватый трусливо жался сзади. Выглядывал из-за плеча.

За баней лежала в траве большая белая собака и выла. Ее голова, черная на макушке, была поднята к ворожащей в холодном небе луне, задние лапы были странно вытянуты назад, а передние упруго и прямо упирались в землю. В бледно-зеленом и неверном озарении луны она казалась огромной, – такой огромной, каких и не бывает на свете собак, – толстой и жирной. Черное пятно, которое начиналось на ее голове, и тянулось неровными извивами вдоль всей

спины, казалось женской распушенной косой. Хвоста не было видно, — должно быть, он был подвернут. Шерсть на теле была такая короткая, что собака издали казалась совсем голой, и кожа ее матого светилась в лунном свете, и похоже было на то, что в траве лежит и воеет по-собачьи голая женщина.

Чернобородый прицелился. Кудреватый закрестился и забормотал что-то.

Гулко прокатился удар выстрела. Собака завизжала, вскочила на задние ноги, прокинулась голой женщиной и, обливаясь кровью, бросилась бежать, визжа, вопя и воя.

Чернобородый и кудреватый повалились на траву, и в диком ужасе завывали.

ОЧАРОВАНИЕ ПЕЧАЛИ

Сначала все совсем так же, как и в старой сказке.

Молодая, прекрасная и кроткая королева скончалась. Оставила дочь, столь же прекрасную. Король Теобальд через несколько лет взял новую жену, красивую, но злую. Себе — красивую жену. Дочери — злую мачеху.

Новая королева, красавица Мариана, притворялась, что любит свою падчерицу, прекрасную королевну Ариану. Она обращалась с ней ласково и кротко, тая в злом сердце кипучую злобу. Злоба ее распалаялась тем, что королевна Ариана была так прекрасна, как бывают прекрасны юные девушки только в сказках и в глазах влюбленных и соперниц.

Выросла королевна Ариана, и далеко разнеслась молва и слава о дивной ее красоте, и приезжали к ней свататься многие королевичи и принцы, влюбленные в нее по рассказам путешественников и поэтов, и по ее портретам, и, посмотрев на нее, влюблялись еще больше. Но не одному из них не отдала прекрасная Ариана своей любви, ни на кого не смотрела с выражением большей благосклонности, чем та, которая подобала каждому высокому гостю по его достоинству и по заветам гостеприимства. И распалаялась злоба злой мачехи.

И многие рыцари и поэты той страны, и многих иных стран, и даже пришедшие издалека, привлеченные шумной молвой и славой о прелестях королевны Арианы, томилась и вздыхали о ней, и мечтали, безнадежно влюбленные, слагали ей песни, и носили ее цвета, черный и алый, и шептали ей робкие признания, — но никого из них не полюбила прекрасная Ариана, и на всех равно-благосклонно смотрели ее отуманенные печалью глаза. И разгоралась злоба злой мачехи, и решила Мариана погубить свою падчерицу.

Все совсем так, как в сказке.

Говорила Мариана верной служанке, Бертраде, оставшись с ней наедине в своем покое:

— Я — прекрасна, но Ариана — прекраснее меня, и не понимаю, почему. Щеки мои румяны, как и у нее; глаза мои черны и блестящи, как и у нее; губы мои алы и улыбаются так же нежно, как и у нее; все черты моего лица так же хороши, как и у нее, и даже красивее; и волосы мои черны и густы, как и у нее, и даже немного длиннее и гуще. Я высока и стройна, как и Ариана; у

меня такая же высокая грудь, как и у нее, и тело мое так же бело, и кожа моя так же нежна, как и у Арианы, и даже нежнее и белее, потому что я не хожу к бедным под жгучими лучами солнца, и под дождем, и под вьюгой, и не отдаю своего плаща встречному старому нищему, и своих башмаков бедному оборванному ребенку, и не улыбаюсь в грязных избах, и не плачу о нищих дома, как Ариана. И она все-таки прекраснее меня.

– Ты прекраснее королевны Арианы, милостливая госпожа – сказала коварная и хитрая Бертрада; – только глупые юноши и поэты восхищены добротой королевны, и умильно-печальную улыбку ее принимают за очаровательное явление красоты. Но разве поэты и юноши понимают что-нибудь в красоте?

Но не поверила Мариана, и тосковала, и плакала. И говорила:

– Избела бы ее, ненавистную. Но какое мне в том утешение? Память о красоте ее пережила бы ее, и люди говорили бы, что вот прекрасна королева Мариана, но покойная королевна Ариана была прекраснее ее. И во много раз увеличила бы несправедливая молва людская прелесть ненавистной девчонки.

Тогда Бертрада, склонясь к госпоже своей, сказала ей тихо:

– Есть мудрые и вещие люди, которые знают многое. Может быть, найдутся чародеи или чародейки, которые сумеют перевести красоту королевны Арианы на тебя, милая госпожа.

Так говоря, Бертрада думала о матери своей, старой ведьме Хильде, которая жила уединенно, чтобы никто при дворе короля не знал, что мать Бертрады – колдунья.

Со злой надеждой посмотрела королева на Бертраду, и спросила:

– Не знаешь ли ты таких?

– Поищу, милая госпожа, – ответила лукавая служанка, – я так верна тебе, что для тебя готова и в ад опуститься, и заложить душу свою тому, кто зарится на этот ценный товар.

Злая королева дала Бертраде денег и многие подарки, – злое сердце верило другому, столь же злому и коварному сердцу.

* * *

Прекрасная королева Мариана вышла в сад высокого королевского замка. Замок стоял за городом, на краю плоской горы, и далеко простершаяся внизу долина представляла взорам королева очаровательный вид. На минуту невольно залюбовалась Мариана туманно-синеющими далями полей, замкнутых далекой оградой леса, – и мирным течением реки, плавно уносящей на своих волнах и богато изукрашенные галеры, и утлые челноки, – и кудрявыми дымами деревень, таких красивых отсюда, сверху, где не видна грязь неряшливых и смрадных улиц.

Но вдруг вспомнила королева, что Ариана стоит на башне, высоко над садом, дворцом и над ней, гордой Марианой, стоит, подставляя прекрасное и печальное лицо лобзаниям вольного и золотого солнца, и смотрит на безмерные дали, с которых веет на нее печаль полей и деревень, – стоит, и смотрит, и плачет, может быть. И потемнели королевны прекрасные очи, и завистливой злобой исказилось ее лицо.

Вот увидела королева влюбленного в Ариану принца Альберта, одного из самых упорных искателей руки и любви молодой королевны. Третий раз возвращался Альберт ко двору короля Теобальда, и каждый раз жил все дольше и дольше. Но не склонялась на его мольбы прекрасная Ариана. Теперь принц Альберт стоял в тени дуба,

выросшего над краем мрачного обрыва, и смотрел, не отрываясь, вверх.

Королева подняла глаза по направлению его взора, и увидела Ариану.

На высокой башне, опершись рукой о ее сложенный из громадных камней парапет, стояла Ариана, и смотрела вдаль, вся облитая горячим светом пламенеющего в небе светила. Ветер взвевивал легкое покрывало на плечах королевны, и печальны были устремленные вдаль взоры.

Королева Мариана стояла, и насмешливо смотрела, то на Ариану, то на Альберта. Наконец, влюбленный принц заметил присутствие королевы. Он прервал милое ему созерцание весьма неохотно, но ничто в его наружности и обращении не выдало того, как неприятно было ему отвести глаза от милого образа, как тягостно было ему заговорить и нарушить этим полное восторгов и очарований молчание внизу, в зеленеющем саду, так сближавшее его с молчанием и печалью там, на высоте надменной башни, где стояла Ариана.

– Как настойчивы и неутомимы влюбленные! – говорила королева, когда принц Альберт, склонясь перед ней, целовал ее руку. – Милый Альберт, вы готовы стоять целыми днями, любуясь на прекраснейшую из земных дев.

– Прекраснейшую после вас, милая Мариана, – отвечал Альберт.

Льстил ей, чтобы снискать ее расположение. Так всегда нежна была, повидимому, королева со своей падчерицей, – и казалось влюбленному принцу, что счастье молодой королевны заботит сердце мачехи. Льстил ей, чтобы замолвила за него ласковое слово у королевны.

Улыбнулась Мариана, и не поверила ему.

Вспомнила, как очарован был, в первый свой приезд, ее красотой принц Альберт. Пока не увидел юной Арианы. И перед девственной красотой Арианы в его глазах померкла красота королевы.

Так бывало и с другими. Не раз.

– Что делает там Ариана! – спросила королева, улыбаясь. – Моя милая дочь любит подниматься на эту башню, и стоит там подолгу. У меня бы голова закружилась. И ветер такой надоедливый. И что она там делает!

– Ариана любит восходить на высоту, – ответил влюбленный принц, – на высоту, где открываются широкие горизонты, где смолкают случайные шумы, – на высоту, с которой равно малыми и ничтожными кажутся и подменные чертоги, и лачуги бедняков. И от широких далей, и от высокого неба веет на Ариану очарование печали. И она сходит к нам, как высокое явление красоты, и очарование печали на ее лице.

– Очарование печали, – тихо повторила королева.

И продолжал влюбленный принц Альберт:

– Нет красоты без очарования. Даруя человеку прекрасное лицо и прекрасное тело, природа точно облакает его неживой личиной! – но, как в гробе, спит живая красота в тех в лице, способных к проявлению красоты и, даже повидимому, прекрасных, – спит до тех пор, пока не придет неведомая очаровательница и не разбудит спящей красоты, одарив ее каждый раз новым очарованием.

Замолчал Альберт, словно смущенный чем-то.

Кончая его мысль, сказала королева:

– Так, милый Альберт, и блистательнейшая в мире красота ничто, если она лишена какого-то небедомого очарования.

– Да, – сказал влюбленный принц.

Омрачилось лицо королевы тоской и гневом. И сказала королева

Мариана:

– Я прекраснейшая из жен, но и вам, милый Альберт, неведома тайна моего очарования.

Отошла от него. Он опять поднял глаза на высокую башню, где все еще стояла Ариана, не замечая ни мачехи, ни влюбленного принца.

«Обвеянная очарованием печали, стоит она там, – думала королева. – В знойный полдень, когда все замирает под жгучими взорами небесного Змия, она одна стоит на высокой башне, и у безмолвного, ясного, неба просит таинственных очарований. Поднимусь к ней, посмотрю, как она там колдует и ворожит, подслушаю чародейные слова, журчащим потоком текущие с ее алых губ.»

И стала королева Мариана медленно подниматься по лестнице, ведущей на высокую башню.

Долго шла вверх. Уставала, садилась отдыхать, и опять поднималась, преодолевая упрямство крутых ступеней. И уже была близка к вершине башни, когда увидела королеву Ариану сходящую вниз.

Увидела и удивилась.

Прекрасно и печально было лицо Арианы, как всегда, и кротко улыбались ее милые губы, как всегда, но наряд ее был необычен. Как простая деревенская девушка той страны в рабочий день, одета была Ариана. Белая грубая ткань облегла ее стройный стан, оставляя открытыми загорелые на ветру и на солнце плечи и руки. Пестрая из грубой домашней материи юбка была коротка. На прекрасных ногах Арианы не было обуви. У ее пояса висел мешок с деньгами, и в руках держала она тяжелую корзину с вещами, назначенными для раздачи бедным.

– Милая Ариана, – спросила королева, – зачем ты надела на себя эту некрасивую и грубую одежду? Если ты идешь раздавать милостыню бедным, следуя своему обычаю, – хотя это могли бы сделать твои служанки, – но пусть так, иди сама, – но ведь ты изранишь о песок и о камни твои нежные ноги.

Ариана ответила:

– Прости, милая мама. Я не могу не идти к ним, хотя и знаю, что не могу помочь им ничем. Что же эти деньги и эти вещи! Всего, что я могу дать, так мало для них! И все, что у меня есть, так для меня много! И тяжело мне стало идти к ним и дразнить их завистливые взоры моим пышным королевским убором. Как нищая, буду приходить к ним, да и разве я не нищая, если не могу дать так много, как хотела бы!

– Иди, – сказала Мариана, – куда хочешь и как хочешь. Упрямая ты, и напрасно бы я тебе запрещала. Иди, красавица, но будь осторожна.

И когда Ариана спускалась с лестницы, Мариана шептала:

– В лесу найдется ветка, достаточно сухая, чтобы выколоть тебе глаз. В деревне найдется собака, достаточно злая, чтобы укусить тебя за щеку и изуродовать тебя. Где-нибудь на дороге найдется шаткая доска и камень, – о доску споткнешься и упадешь, о камень сломаешь себе переносицу.

Поднялась Мариана наверх башни и смотрела вниз.

Когда Ариана вышла в сад, в то место, где против двери из башни была калитка в наружной стене замка, к ней подошел влюбленный принц Альберт.

– Милая Ариана, – сказал он, – позвольте мне идти за вами.

Она улыбнулась и сказала ему:

– Милый Альберт, мой путь – не ваш путь. Ваш путь лежит к

мужественным подвигам, к победам и славе, к торжеству и к радости. Мой путь – в печали и в немощи, к деяниям всегда недостаточным, всегда ничтожным.

– Милая Ариана, – отвечал Альберт, – я пойду не с вами, а только за вами, и не помешаю вам ни лишним словом, ни лишним взором.

– Как нищая, я иду к нищим, – сказала Ариана, – только для того, чтобы хоть один тоскующий почувствовал, что он не совсем одинок в этом жестоком мире. Зачем же вам, милый Альберт, идти за мной?

– Милая Ариана, – настаивал влюбленный принц, – позвольте мне идти за вами. Я буду охранять вас от дикого зверя и от злой встречи.

– Пречистая Богородица закроет меня своей ризой нетленной от всякого злого человека, – сказала Ариана. – Но, милый Альберт, если вы так непременно хотите, и если вы не стыдитесь идти за бедной девушкой, образ которой я приняла, то идите со мной.

– Как вы милостивы, Ариана! – воскликнул влюбленный принц, склоняя колени перед Арианой, – позвольте мне поцеловать ваши милые ноги.

Ариана, улыбаясь, подняла влюбленного принца и сказала ему:

– Милый Альберт, поцелуйте меня лучше в губы, как вашу сестру.

И поцеловала его сама. Холоден и бесстрастен был ее поцелуй, но сладким восторгом наполнил он сердце влюбленного принца, и очарованием печали. Вместе вышли они из ограды замка и спустились по крутой тропинке в долину, где много было рассеяно бедных деревень у подножия надменного чертога и богатого города.

Королева Мариана смотрела на них сверху, и злоба кипела в ее злом сердце.

Когда Альберт и Ариана скрылись за калиткой сада, Мариана постояла еще немного, с недоумением всматриваясь во все то, на что каждый день так долго смотрела Ариана. Скоро стало ей скучно. Кроме того неприятно было постоянное завывание и бешенство ветра, и томилось солнце, грубый и злой змей, обжигающий кожу. Мариана сошла вниз в привычную ей обстановку богато украшенных покоев.

Притворяться нежной матерью!

О, как завидовала Мариана простым людям, которые не приучены притворяться. Те мачехи, простые бабы, бьют своих падчериц смертным боем. И никто не заступает за бедных девочек.

Но что можно сделать с дочерью короля?

Мариана затворилась в своих покоях и целый день томилась и плакала от досады и зависти. В зеркало смотреться принималась много раз, и каждый раз зеркало показывало ей прекрасное лицо, но каждый раз завистливое сердце говорило Мариане, что Ариана еще прекраснее.

Когда уже стемнело, королева вышла из своих покоев и, как тень неприкаянная, блуждала по залам и пустынным переходам дворца, хоронясь от людей, чтобы никто не смог по ее мрачному лицу прочитать ее черных дум.

И воскликнула вдруг королева, обращаясь к сгущавшемуся в углах пустынной залы сумраку:

– Тоскую и плачу, и никто мудрый и вещей не придет, и не спросит, отчего я тоскую.

Видно, сказаны были эти слова в такой миг, когда подстерегающая стояла близко и слушала чутко. Известно ведь, – в

какой час слово молвится!

Серeya в серых сумерках, шелестя серыми одеждами и едва слышно шурша истоптанными, серыми от пыли башмаками, выдвинулась из угла старая и безобразная колдунья Хильда. Беззвучно смеясь и хрипло покашливая, подошла она к Мариане. А королева стояла неподвижно, испуганная внезапным появлением, но в глубине ее злого сердца шевелилась надежда, что старуха – ведьма, и поможет ей погубить падчерицыну красоту.

Молчала королева, и старая Хильда заговорила:

– Мудрый и вещей не спросится. Он и так знает. Знаю и я, чем опечалена ты, прекрасная королева. Воздух населен духами, которые подслушивают и тайные мысли.

Молчала Мариана. И говорила Хильда:

– Прекрасна королева Мариана, а королевна Ариана еще прекраснее. Но королева Мариана хочет быть прекраснее. Но королева хочет быть прекраснее всех жен, живущих на свете.

Молчала Мариана. И говорила Хильда:

– На все есть средства: от полыни гибнут русалки, осина и мак страшны ведьмам и упырям. Есть заговоры и заклинания, – и чего ими не сделаешь! Очарованием печали красна красота Арианы. Из глубины болот восходит высокая красота. Чего же ты хочешь, королева Мариана: перевести ли мне на тебя очарование печали с твоей падчерицы? или погубить ее красоту?

– Зачем мне очарование печали! – воскликнула Мариана, – я не хочу печали: ее и так у меня много. Я хочу радоваться и смеяться.

– Как хочешь, милостливая госпожа, – сказала ведьма Хильда; – тогда погубим ее красоту тайными чарами. Но только дело это трудное и опасное, – высокие духи оберегают королевну Ариану, и как бы наши волхвования не обратились тебе назло, госпожа!

– Я ничего не боюсь, – угрюмо сказала прекрасная Мариана, – делай, что умеешь, и если успеешь, я наделю тебя щедро многими дарами.

* * *

Начались в тайне королевного покоя многие волхвования против королевны Арианы, и все безуспешные.

Каждый вечер приходила старая колдунья Хильда к королеве. Заговорила она вынутый ей на тропинке из замка в долину отпечаток обнаженной стопы Арианы, – и тогда жестокими болями всю ночь мучилась юная королевна, но, когда встала она утром, перенесенные ей страдания сделали еще сильнее разлитое в ее лице очарование печали.

Другой раз заговорила ведьма прядь волос, отрезанных королевой у Арианы, и похудела Ариана, тонкой стала, как белая березка, – но стала еще краше.

– Духа печали испугай радостью и смехом, – сказала однажды Хильда, – и отлетит очарование печали от прекрасного лица Арианы, когда простодушно-звонким залется она смехом, искажающим черты лица и уродливо растягивающим рот, привыкший только к печальной улыбке.

Мариана пошла с поспешностью к королю и сказала ему:

– Милая дочь наша Ариана грустит и печалится, хотя нет у нее никакой причины для скорби. Великой жалостью к Ариане болит мое сердце. Боюсь, что зачахнет от печали и умрет преждевременно

Ариана. Надо развеселить ее, и приучить ее к беззаботному смеху и веселью.

– Хорошо ты придумала, – сказал Теобальд: – девушка без смеха, что дерево без листьев. Я позабочусь об этом.

Со всей той страны собраны были самые искусные забавники и забавницы, шуты, скоморохи, сказочники, плясуны и плясуньи, фокусники, вожаки дрессированных медведей и обезьян, изобретатели смешных механических игрушек, комедианты, клоуны, акробаты и акробатки. Каждый день подолгу давали они свои разнообразные представления, – то на дворе, где с высокого балкона смотрела на них королева, королева и юная Ариана, а на галереях и внизу теснились нарядные толпы придворных, вельмож, рыцарей и знатных горожан, – то в одной из обширных зал дворца, где для тех же зрителей отведены были места, по их достоинству и знатности. Громко хохотали все зрители, глядя на забавные проделки увеселителей, и только юная Ариана улыбалась печально, и смеялась так тихо и грустно, что казалось, вот-вот она заплачет.

Фокусник из далекой страны показал волшебство еще невиданное и неслыханное.

На одной из стен зрительного зала натянул он полотно. Потом велел занавесить окна и погасить все огни. Сам же забрался на галерею против натянутого полотна, установил там фонарь потайный в некоем темном ящике и громко сказал собравшимся:

– Смотрите на полотно.

И начал деять чары, и на полотне открылись далекие страны, и, как живые, задвигались люди и животные, невиданные в королевстве Теобальда. Сначала ужас объял зрителей, особенно, когда кудесник показал им диковинные превращения. Но потом забавные сцены вызвали громкий смех зрителей. Только Ариана проливала тихие слезы.

Спросила ее королева Мариана:

– Милая дочь моя, отчего ты не смеешься, когда вокруг тебя такой громкий хохот, который и мертвеца заразил бы веселостью?

Ариана ответила мачехе:

– Как я могу смеяться над тем, чему смеются люди! Чему они смеются? Что их забавляет? Обманы, побои, воровство, погоня, злость. Тяжело и смотреть на их забавы, и вот я вижу, – смеются они, а почти у каждого в сердце есть горе или злоба.

Покраснела при этих словах Мариана.

Ариана же продолжала:

– И чародей, оживший перед нами полотно и заставивший толпу плакать, ужасаться и смеяться, владеющий дивными тайнами познания, радостен ли он? Душа его омрачена многими печалью, и знаю, сожгут его за чародейство. И мудрейший из людей, поэт, слагающий песни о любви и о тайне, влачит на своих плечах тяжкий груз несчастливой жизни, и душа его мрачна, как подземная темница.

Молча оставила ее Мариана. А на утро чародея кинематограф-щика сожгли.

Самое сильное волхование было, когда Хильда сделала из воска фигуру человека, и с обрядом, кощунственно повторявшим таинство крещения, нарекла ее Арианой.

– Что сделаешь с этим человеком из воска, – сказала старая, – то и с Арианой случится.

Мариана вынула из своей косы золотую иглу и, повторяя за колдуньей слова заклинания: «Как здесь Ариана восковая в моих руках красоту теряет, так бы и там Ариана живая красоту потеряла», –

провела острым концом иглы на восковой щеке, и намеревалась еще и еще много сделать знаков на воске, чтобы изуродовать лицо Арианы, как вдруг выронила из рук иглу и вскрикнула от внезапной острой боли. Капли крови упали на ее руки, и в зеркало увидела она рану на щеке своей.

Смущенная ведьма бормотала:

– Ворожила на Ариану, случилось на Мариану. Оберегающий Ариану дух вложил, должно быть, в твои уста твое имя, вместо имени Арианы. Ничего не сделать с ней чарами воска, – оставь эту восковую, чтобы тебе самой не было большего горя.

Чародейства и заговоры, и нашептывания по ветру, и наговоры на воде, ничто не приводило к цели, и хотя много страдала Ариана от злых чар, но становилась все прекраснее.

И, наконец, сказала ведьма:

– Не погубить нам красоты юной королевны – заклятие печали, наложенное на нее, сильнее всех чар, какие есть на земле.

– Что же нам делать? – спросила королева Мариана.

– Одно осталось последнее средство, – сказала Хильда, – перевести на тебя, королева, с Арианы очарование печали.

Крепко задумалась королева, и долго думала, и, наконец, сказала:

– Хорошо, пусть будет по-твоему, старая ведьма. Пусть Ариана будет смеяться и веселиться, пусть я буду тосковать и печалиться, как она теперь, – только бы мне быть красивее Арианы.

Хильда хрипло засмеялась, показывая желтые, кривые зубы, и сказала:

– Она-то уж не будет смеяться. Ее очарование перевести на тебя можно только в час ее скорой кончины.

– Да я не хочу ее смерти, – притворно испуганным голосом сказала Мариана.

Старая ведьма смеялась и повторяла:

– Иначе нельзя. Да ты ничего не бойся. Я так сделаю, что никто не узнает.

И, наконец, Мариана согласилась.

Тогда ведьма вытащила из-за пазухи белый платок, отдала его королеве и сказала:

В этом платке – большая сила. Только с ним надо обходиться осторожно. Когда королевна станет умирать, закрой ее лицо этим платком, чтобы капли ее пота в него впитались, и этим платком оботри свое лицо. И тогда обаяние, которым прекрасна была юная королевна, перейдет к тебе.

Ведьма рассказала королеве, когда и как она погубит Ариану, и ушла, богатые унося с собой опять дары.

На другой день, когда Ариана поднялась на башню, Мариана пришла и стала внизу башни, рядом с Альбертом. Говорила с ним и мешала ему смотреть на Ариану, и ждала. В это самое время старая ведьма Хильда поднялась на башню. Пригнулась, стала на колени, чтобы не видел ее никто из-за высокого парапета, и смиренно поползла к Ариане, шепча слова благодарности.

– Встань, старая, – сказала Ариана, – зачем ты ползаешь на коленях?

– Милая королевна, – говорила старая ведьма, – ты вымолила у короля помилование моему сыну, которого немилостливые судьи при- судили повесить только за то, что злые разбойники напоили его вином и заманили в свою шайку. Дай мне поцеловать твои ноги, добрая, милостливая, прекрасная королевна.

Ариана за многих просила у короля, хотя и не всегда успешно: случалось ей, хоть и не часто, вымалывать помилование и присужденным к смертной казни. Припоминая, кто бы мог быть тот, за кого благодарит старуха, Ариана стояла спокойно и не мешала старухе целовать ноги, хоть и противны были ее поцелуи: знала Ариана, что рабам приятно пресмыкаться и целовать ноги господ, и этим, в самом унижении утверждать свою личность.

Старуха вдруг охватила колени Арианы, головой толкнула ее к парапету, быстро подняла ее ноги и опрокинула ее через парапет. Взвевая в воздухе легкие одежды, – и старая ведьма метнулась вниз, серым клубком скатилась по лестницы и спряталась где-то, шепча заговоры.

Так быстро это случилось, что Ариана не успела приготовиться к защите, как уже почувствовала, что падает, вращаясь в воздухе.

«Я умираю», – коротко и ясно подумала она, и не было в ней ни удивления, ни испуга. Ударилась о выступ кровли спиной, и не почувствовала боли. Третий раз ударилась о ветку старого дерева, – и считала ушибы, и не чувствовала боли. Время казалось ей нескончаемо длинным, так что вся жизнь припомнилась в эту короткую минуту.

Древний и мудрый дух, обитающий в старом дереве, простер навстречу падающей королевне свои руки, обратившиеся вдруг в ветки дерева. Бережно и нежно принимали ветви Ариану, стараясь не касаться ее тела, а только придерживать за платье. Замедляя падение Арианы, каждая ветка осторожно качала ее и передавала вниз, на следующую. И последняя ветвь медленно отпускала Ариану, пока ее ноги не коснулись земли, – и потом выпрямилась и бросила Ариану на руки подбежавших к этому месту Марианы и Альберта.

С воплями притворной горести опустила на землю Мариана неподвижное тело падчерицы, и открыла ее грудь, потом вынула из-за своего низко-вырезанного корсажа флакон с мертвой водой, которую вчера дала ей Хильда, и этой водой облила Грудь Арианы, повторяя:

– Милое дитя мое, открой свои ненаглядные глазки, понюхай этого спирта, который так хорошо помогал мне при обмороках.

Положила руку на грудь Арианы, – слабо билось и замирало сердце королевы. Тогда Ариана вынула из-за корсажа чародейный платок, раскрыла его широко, и вытерла им лицо Арианы. И отшанулась, и бросилась бежать, сжимая в руке чародейный платок и громкими воплями разнося повсюду смятение и страх.

Альберт склонился над Арианой, – и едва узнал ее. С прекрасного лица стлетело очарование печали. Губы утратили кроткую улыбку, глаза были безвыразительно-крепко сомкнуты, как у слепорожденной, и все лицо было равнодушной, мертвой, восковой личиной красоты.

К телу бездыханной Арианы сбегались все, кто был в замке. Слуги плакали над ласковой госпожей, врачи долго осматривали прекрасное тело, и решили, что Ариана умерла. Суровой скорбью омрачилось лицо короля Теобальда. Королева Мариана заперлась в своей спальне, и оттуда далеко были слышны ее громкие рыдания.

Невидимый никем, кроме возлюбленного принца, подошел к Альберту дух старого дерева в образе маленького старика с неселыми глазами. Сказал:

– Не тоскуй, Альберт, Ариана не умерла. Она обрызгана мертвой водой, и сохранится целой и невредимой, пока не брызнут на нее живой водой.

– Где же эта живая вода? – с радостной надеждой спросил Альберт. – Я пойду за ней хоть на край света, я возьму ее, хоть бы пришлось за нее биться со всеми чудовищами и великанами.

– Я дам тебе живую воду, Альберт, – сказал старик, – но поклянись мне, что ты не воспользуешься ей, пока не придет время.

Альберт поклялся, и старик передал ему флакон с красной жидкостью.

– Когда же настанет время? – спросил Альберт.

– Об этом скажет тебе Мариана, – промолвил старик, и исчез.

Положили Ариану в хрустальный гроб, отнесли ее в королевский склеп, повесили там гроб на золотых цепях. Как живая, лежала в гробу Ариана.

Как только Мариана пришла к себе с платком, которым вытерла лицо умирающей падчерицы, она замкнула двери, и набросила на свое лицо чародейный платок.

Острые мечи печали пронзили ее сердце, и она упала на пол, и завопила от нестерпимой тоски. Долго рыдала, и колотилась головой о пол, и не могла утешиться. Все, что она ни вспоминала, окрашивалось перед ней в цвета печали, в цвета Арианы, черный и алый.

Встала наконец, взглянула в зеркало, и отшатнулась в страхе. Ужасное, хотя и прекрасное лицо глянуло на нее. Оно было бледно, и кровавой на нем раной казалась яркая красная черта губ.

– Ты прекраснее Арианы, – сказала ей зеркало, – но красота твоя страшна, – в ней очарование печали, и невинной крови, и смертного ужаса. В ней очарование порока, – мудрейшее и злейшее из очарований.

Когда похоронили Ариану, полюбила королева подниматься на высокую башню, и слушать голоса просторов и бури, и смотреть на то, что видели Арианины очи.

Дивились люди дикой и страшной красоте Марианы, и тому, как изменила ее нрав.

– Мачеха, а как тоскует по Ариане!

Однажды вечером пришла Мариана к Альберту, и сказала:

– Если бы я могла отдать Ариане мою душу вместе с очарованием печали! Легче ей в гробу, чем мне на свете.

Понял Альберт, что пора. Спустился в склеп, разбил гроб, обрызгал Ариану живой водой, и вывел ее к живым.

– Ариана жива!

Радостная разнеслась весть, и все спешили к королевскому замку. Среди общего ликования только одна Ариана была холодна и равнодушна. Спокойным «Да» отвечала она каждому явлению жизни, и смотрела на четко представляемое перед ней предметы, не узнавая за ними ничего.

Королева же Мариана решила умереть и возратить Ариане очарование печали.

Сказал Ариане Альберт:

– Милая Ариана, хочешь ли ты быть моей женой?

Нерадующим голосом ответила:

– Да.

Когда вернулись молодые из-под венца, Мариана тайно всыпала в свой кубок отраву, и выпила отравленное вино. Вынула чародейный платок, и сказала Ариане очень тихо:

– От счастья и от печали умираю. Милая дочь, этим платком вытри мое лицо, орошенное смертным потом.

Послушно исполнила это Ариана.

– И этим платком вытри свое лицо, – сказала Мариана.

И когда платок коснулся Арианина лица, умерла Мариана. И в тот же миг мечи печали пронзили сердце юной Арианы, и с громким воплем открыла она лицо, – прекрасный лик, обвеянный очарованием печали.

С громким воплем бросилась она на холодеющую грудь злой мачехи.

– С тобой, с тобой, – вопила она.

Подстерегающая желанья стояла близко. Взяла она темную душу Марианы, и соединила ее с изнемогающего от печали душой Арианы.

Чувства в своей груди двойную отныне душу, и преобразование зла силой печали, встала Ариана от трупа, в котором уже не было души. И была она еще прекраснее, чем прежде, новой, преображенной красотой. Но воле созидającego и разрушающего души вернулась она в мир, – нести ему очарование печали.

МУДРЫЕ ДЕВЫ

В украшенном цветами и светлыми тканями покое Девы ждали Жениха. Их было десять, они были юны и прекрасны, и были среди них Мудрые девы, и были Неразумные.

Вечер отгорел и погас, как погасает в небе каждый вечер. Дыхание темно-синего холода простерлось над землей, и далекие, вечные звезды начали свой медленный хоровод. Девы приготовили все, что надо было для брачного пира, и сели за стол. Одно место посреди их было пусто, – то было место для Жениха, которого ждали, но которого еще не было здесь.

Десять светильников горели перед Девами. На белой скатерти стола стояли сосуды с вином и хлебы.

Тихи были голоса беседующих Дев. Черная ночь молчала в саду за окнами украшенного брачного чертога, – а издали доносились откуда-то веселые песни, смех, музыка, шумные восклицания. Там, недалеко от дома, где ждали Девы Жениха, веселились и пировали Девушки, юные Женщины и праздные Молодые люди, – и всем им не было никакого дела ни до Жениха, приходящего во тьме и тайне, ни до Невесты, таинственно зажигающей высокий свой светоч. Они, беспечные, плясали, и пели, и смеялись, и славили сладостные очарования буйной жизни. В их песнях говорилось о том, что жизнь дается каждому только один раз, что юность пролетает быстро, и что надо торопиться вкушать ее восторги и услады, пока еще кровь горит избытком стремительных сил.

Тихо беседовали Девы:

- Теперь уже скоро придет Жених.
- Да, мы скорождемся его.
- Как они там шумят!
- Как безумны их песни!
- Как грубо звучит в ночной тишине их хохот!
- Жениху будет неприятен этот шум.
- Жених добрый, – он не осудит.
- Он уже скоро придет.
- Не он ли это вошел в сад?

- Не он ли стоит у порога?
- Не он ли заглянул к нам в окно?
- Не пойти ли нам к нему навстречу?
- Нет, в саду пусто и тихо.
- У дверей нет никого.
- Только черная ночь смотрит к нам в окна.

Длилась ночь. Ждали Девы. Беседовали тихо. Все громче и веселее становились голоса пирующих. Жених не приходил.

- Его все еще нет, - говорили опечаленные Девы
- Он придет в полночь, - говорили они, утешая сами себя.
- Будем ждать.
- Как долго!
- Как скучно!
- Не надо роптать на Жениха.
- Он придет.
- Надо ждать, - он утешит нас.
- Как долго ждать! Уже и полночь прошла.

Стали роптать Неразумные девы. Они говорили:

- Мы здесь сидим и ждем, а он забыл о нас.
- Может быть он и не придет.
- Может быть он пирует с другими.
- Зачем же мы ждем его, глупые?
- Как весело там!

- Не смешно ли, что мы сидим здесь, за накрытым столом, а сами не пьем, не едим, и не радуемся, и ждем Жениха, который не приходит, хотя уже прошли назначенные сроки!

- Не пойти ли нам туда, где так весело?

- Подождите, - говорили Мудрые девы, - Жених придет. - Он стукнет в дверь, станет на пороге, посмотрит на нас благостными очами, - и тогда начнется у нас веселье, более светлое и радостное, чем то, которому вы завидуете.

Но уже не захотели Неразумные девы ждать дальше. Они говорили:

- Мы пойдем туда, где весело. Идите и вы с нами. Если Жених не пришел вовремя, то он может сходить за нами и туда, где мы будем. Можно оставить ему на столе записку.

И взяли Неразумные девы свои светильники, и ушли, - шесть Неразумных дев. Остались четыре Мудрые девы. Они сели близко одна к другой, и тихо беседовали о Женихе и о тайне, и ждали.

Но Жених не пришел. Тишина и печаль томились и вздыхали в украшенном брачном покое, где Мудрые девы проливали тихие слезы, сидя за столом, перед догорающими светильниками, перед нетронутым и неначатым хлебом. Дремотные смежались порой очи, и грезился Мудрым девам Жених, стоящий на пороге. Радостные, вставали они со своих мест, и простирали руки, - но не было жениха с ними, и никто не стоял на пороге.

Догорели светильники, побелели окна, птичьими щебетаниями засмеялся утренний сад, - и поняли Мудрые девы, что Жених не придет. Они склонились над столом и плакали долго. Чем ярче пылала заря, тем бледнее становились их щеки.

Тогда сказала мудрейшая из Дев:

- Сестры, сестры! вот уйдем мы домой и потом станем вспоминать эту ночь. И что же мы вспомним? Мы ждали долго, - а Жених не пришел. Но, сестры, и Неразумные девы, если бы они были с нами в эту ночь, не то ли же самое сохранили бы воспоминание? На что же нам мудрость наша? Неужели мудрость наша над морем

случайного бывания не может восстановить светлого мира, созданного дерзкою волей нашей? Жениха нет ныне с нами, – потому ли, что он не приходил к нам, потому ли, что побыв с нами довольно, он ушел от нас?

Радостны стали Мудрые девы и перестали плакать. Они налили вино в свои чаши, и разломали хлеб, и ели, и пили, и веселились. И говорили они:

– Жених ушел от нас рано.

– Краткое время побыл с нами Жених, – но сердца наши утешены и кратким его пребыванием с нами.

– Жених ушел, но он – наш возлюбленный Жених.

– Он любит нас.

– Он оставил нам золотые венцы на головах наших.

Окончив свою радостную трапезу, встали Мудрые девы из-за стола. На пороге брачного чертога остановились они все четыре, обнимая одна другую, и простерли с прощальным приветом свои руки вслед уходящему Жениху. Глаза их были полны слез, и лица их были бледны, и губы их улыбались печально.

В это время окончился шумный пир, и шесть Неразумных дев возвращались домой. Остановясь у порога, где стояли Мудрые Девы, Неразумные смеялись, дразнили Мудрых и спрашивали:

– Дождались Жениха?

– Весел был ваш пир с Женихом?

– Что же вы теперь одни, и Жениха не видно с вами?

Мудрые девы ответили им кротко:

– Жених ушел.

– Мы его провожали.

– Вот уже белый хитон его мелькнул в последний раз из-за деревьев и не виден больше.

– В ту сторону, где восходит солнце, ушел Жених.

Не верили им Неразумные девы, громко смеялись, и говорили:

– Вам стыдно сознаться, что Жених не пришел к вам.

– Чем вы докажете, что он был с вами?

– Покажите нам его подарки.

Мудрые девы отвечали:

– Он подарил нам золотые венцы.

– Он сам надел их на наши головы.

– Разве вы не видите, как сияет золото наших венцов над нашими головами?

Неразумные девы, – пять из них, – смеялись и говорили:

– Никаких нет венцов на ваших головах.

– Вы сами себя уличаете вашей выдумкой.

– Должно быть, во сне видели вы, как приходил к вам жених.

– Напрасно вы проскучали всю долгую ночь, – идти бы нам лучше было за нами.

И ушли от порога пять Неразумных дев, издеваясь над Мудрыми девами и всячески понося их. Одна же из них осталась у порога. Она упала к ногам Мудрых дев, покрытым холодной утренней росой, и целовала ноги Мудрых дев, и плакала горько и говорила:

– Счастливые, счастливые Мудрые девы! Как завиден ваш высокий удел! С вами пировал Жених, которого не увидели мои очи и моих безумных подруг. На ваши мудрые головы он своими руками надел золотые венцы, светло сияющие, как четыре великие солнца. На ваших руках – святыня его прикосновений, на ваших губах – благоухание его поцелуев. О я, Неразумная! О я, несчастная! Умереть бы мне у ваших ног, лобзая ступени, по которым к вам восходил

Жених!

Мудрые девы подняли свою прозревшую в этот ранний час сестру, и целовали ее, и утешали нежно. Они говорили ей:

– Милая сестра, ты увидела на головах наших венцы, которых не могли увидеть Неразумные девы.

– Мудростью и ведением тайны наделил тебя Жених.

– Венец, который был на голове Жениха, он оставил нам для той, которая придет от неразумия к мудрости.

Коснулись Мудрые девы нежными пальцами ее головы, и сняла с нее поблекшие цветы буйного веселья. Говорили:

Вот мы надели на тебя, милая сестра, золотой венец.

– Как ярко сверкает твой венец в лучах восходящего солнца!

– Возлюбленный Жених, подаривший тебе этот блистающий венец, и сам придет к тебе, когда настанет время.

Одна за другой, по высокой лестнице брачного чертога и по дорогам сада, ступая на те места, которых касались ноги Жениха, шли пять Мудрых дев, увенчанные золотыми венцами, сияющими, как великие светила. С глазами, полными слез, и с сердцами, объатыми пламенем печали и восторга, шли они возвестить миру мудрость и тайну.

ОПЕЧАЛЕННАЯ НЕВЕСТА

Когда же и быть странностям, как не в наши дни? Свиренные и печальные дни, когда неистощимым кажется многообразие воплощаемых в жизни возможностей.

Несколько молодых девушек в наши дни составили кружок, доступ в который был довольно труден и цель деятельности могла бы, конечно, быть названа странной.

Когда умирал в городе молодой человек, у которого еще не было невесты, одна из участниц кружка надевала глубокий траур и приходила, как невеста.

Родные удивлялись очень, знакомые меньше, но и те и другие верили, что около свежей могилы есть красивая и печальная тайна.

В кружке участвовала и Нина Алексеевна Бессонова, молодая скучающая почему то девушка, не очень красивая, но достаточно миловидная. В нее-то и влюблялись даже, – что же и делать подрастающим гимназистам! – а ей все скучно было.

И вот, после одной из подруг, наступила и для Нины очередь проводить в могилу неведомого жениха.

– Следующий – ваш, – сказали ей.

Завидовали те, на кого еще не падал жребий. С сочувствующей печалью смотрели на Нину те подруги, которые уже исполнили свое печальное и красивое назначение.

В этот день Нина вернулась домой, странно взволнованная.

И потянулись для нее длинные и томные дни бездейственно тоскующей печали.

Тягостные предчувствия томили ее, и на каждом шагу подстерегали приметы, вещающие утрату, слезы, гибель близкого сердцу.

Как тягостно знать, что исполнятся неведомые сроки, и умереть некто, еще незнакомый, но уже милый и дорогой! И с ним погибнет

возможность счастья.

И кто он будет? И почему суждено ему не встретиться с ней ближе гробового предела? Быть может, спасла бы, уберегла бы, вымолила бы от жестокой судьбы часы и дни сладкого забвения печалей.

Не знаю, кто он будет, но как его жалко! Какая тоска.

Такой молодой, – и неумолимая уже следить за ним, подстерегает, и нанесет ужасный удар, от которого ничем не спасти, никак не уберечь!

Иногда Нина почти завидовала тем своим подругам по этому кружку, которые уже успели совершить сладостно-печальный обряд, и теперь только донашивали свой легкий и красивый траур. Траур, так идущий к их милым лицам, что прохожие на улицах останавливались посмотреть.

Нельзя было знать заранее, скоро ли случится это событие. Надо быть готовой итти по первому зову, не опоздать. Поэтому Нина заказала для себя весь траурный наряд. Потихоньку от родных. Хотя и досадно было, что приходилось от них прятаться и таиться.

О деньгах за траурное платье Нине заботиться не надо было: это был расход, падавший на средства кружка. Кружок имел довольно стройную организацию: собирались в его кассу ежемесячные членские взносы; были, как бывают и в других обществах, и разные случайные доходы.

Но хоть и не надо было заботиться о том, чтобы сразу достать много денег на траур, хоть и можно было сшитое уже и купленное прятать где-нибудь дома, а все же придется когда-нибудь траур надеть. И, конечно, лучше было бы сказать это заблаговременно. Но Нина почему-то стеснялась говорить об этом со своей матерью.

Да и как сказать! Надо объяснять, что и почему, а правила кружка не позволяли говорить о его целях и делах никому, кто не входил в его состав. Пришлось бы придумывать и лгать, и это было противно для Нины. И она откладывала со дня на день, а потом решила предоставить все случаю. Как-нибудь обойдется, – думала она.

Платье принесли, – Нина выбрала час, когда матери не было дома, – и спрятала его в своей комнате.

По вечерам она раскладывала на постели и на стульях траурные наряды. В комнате ее все было бело и розово, прозрачные колыхались легкие занавесочки на окнах, нежно и ласково пахли полевые цветы в красивых вазах и за окном над далеким, сталью голубеющим морем полыхал девичьем румянцем догорающий закат. И от этого всего девственно-чистого и светлого черные одежды казались особенно страшными, и пугали сердце, и быстрые исторгали из тоскующих глаз потоки слез.

Глядела на черный цвет, и плакала. Плакала долго. Иногда примеряла траур, и смотрелась в зеркало. Черный цвет, и скромный покрой платья, и строгий фасон шляпы, – все это было ей так к лицу, – и от этого еще печальнее становилось на сердце, и еще неудержимее хотелось плакать.

И по утрам, просыпаясь, открывала глаза с тайным страхом, – не прошло ли уже оно, жданое горе. Солнце было уже высоко, сад пламенел, залитый расплавленным великолепием драконовой лютой злости, и сквозь легкие, розоватые, сквозные пленки нарядных занавесок метался в глаза неистовый день. И навстречу дню и буйству стремительной жизни бросала Нина злое слово, яд тоскующего предчувствия:

– А он, мой милый, скоро умрет!

И выходила в столовую смутная, туманная, смятением милого лица странно противореча легкому и светлому наряду дачной барышни.

Мать смотрела на нее с недоумением, и спрашивала:

– Да что ты скучаешь, Ниночка? О чем волнуешься? Что с тобой?

Нина отмалчивалась, загадочно и печально улыбаясь, и садилась на свое место за столом, тихая, кроткая, красивая, к лицу одетая, к лицу причесанная, и совсем похожая на героиню романа, завязка которого не обещает счастливого конца.

И мать не могла добиться правды, что с Ниной.

Но вот однажды, в минуту внезапной откровенности, разнеженная печалью и замороженной тишиной северной белой ночи, взволнованная красивыми взлетами недалеких фейерверков на чьих-то незнакомых именинах прямо против веранды их дачи, где сидели они тогда вдвоем после вечернего чая, – Нина доверчиво прижалась к матери, вдруг заплакала, и сказала очень тихо, нежная и сумрачно-белая, на темно-сером платье матери выделяясь успокоенно-красивым пятном:

– Так тяжело на сердце. У меня предчувствие, что что-то будет... что-то страшное... горе какое-то.

Мать обеспокоилась. Обняла Нину. Приговаривала ласково, как малого ребенка уговаривала:

– Что ты, Ниночка, Бог с тобой, чему быть? Что будет? Ты, дитя мое, в предчувствия не верь, ты же не старушка. Да и кто в наши дни верит в это?

Нина вытерла слезы, и притворно спокойным голосом сказала, притворно улыбаясь:

– Правда, мама, я и сама знаю, что это очень глупо, а только все мне кажется, что ему грозит несчастье.

– Кому, Нина? – спросила мать.

Слегка отодвинулась, – взглянуть на дочь, шуря серые, немного близорукие глаза. Нина говорила, и чуть не плакала:

– Моему милому, жениху моему.

– Что ты Ниночка! – с удивлением говорила мать, – какому милому? Разве у тебя есть жених!

– Нет жениха, – тоскливо говорила Нина, – нет, но что же из того? А вот, предчувствие такое у меня, что вот я влюблюсь в него, и он будет мне света милее и жизни дороже, – и вдруг он умрет.

И Нина опять заплакала неутешно, – и мать с удивлением ласкала и уговаривала ее. Поила какими-то каплями. Нина всмотрелась в ее испуганное и смешно-озабоченное лицо, и засмеялась.

В этот вечер не любовалась траурными одеждами, и заснула спокойно. А на утро, едва открыла глаза, едва расслышала веселые птичьи смехи и голоса Минки и Тинки, споривших о чем-то, опять приступила тоска.

Два гимназистика, ее маленькие братья, Минка и Тинка, смеялись над ее таинственной печалью. Дразнили ее.

И было ей так грустно, что даже не сердилась она на мальчишек, надоедливых, шумных, и глупых, – несмышленицей.

* * *

День клонился к вечеру, но было еще жарко и ярко на празднично-летней земле, и торжественной казалась ширина и тишина

высокого купола. Нина стояла на широком пляже, и всматривалась в просторы воды и небес.

Проносились какие-то птицы, маленькие и быстрые, суетливо-озабоченные, и в воздухе над Ниной шныряли их длинные и тонкие пiski.

Плотный и мелкий, укатанный волнами песок сообщал ее стопам свою теплую хрупкость и влажность. Слегка щекотал кожу нежных ног, еще не загрубевшую от частых прикосновений к милому песку земных взморий.

Волны плескались, набегаая, – безветренные, широкие волны близкого, милого моря, – где люди тонут, как и в далеком, – плескались волны, набегаая, лобзая стройные, уже загорелые ноги. И весело, и свободно под легкой одеждой дышала грудь, вздымала две смуглые волны.

Стояла, смотрела в синюю даль, мечтала томительно, сладко и печально.

Кто же будет он, мой милый, кого провожу в могилу, над кем заплачу? И глаза, которые на меня никогда не глянут, и губы, которые мне никогда не улыбнутся.

Не молвит слова, не обвинит, не скажет:

«Милая, люблю! милая, дороже ты для меня жизни!»

Темным предчувствием печали томилось сердце, и хотелось плакать, – да еще не о чем было плакать.

А как отраднo было бы упасть на песок, и рыдать в безмерном отчаянии, ветрам и волнам поверяя печаль омраченной души!

Вспомнила вчерашний разговор с одной из подруг о предстоящей дуэли князя Ордын-Улусова с мужем женщины, которая его любила. Как жаль, что нельзя идти за гробом юного красавца Улусова! – ведь он любит другую, и всем уже известна в городе история этой любви, красивой, трогательной и безумной; – любовь, если в ней правда, воистину презирает все условия жизни и дерзает даже до смерти.

Да, может быть, еще и не убьет ни одним из соперников другого, и все окончится на этот раз благополучно. И пусть живет, ей то что!

Нетерпение предчувствий возрастало, томило нестерпимо.

Пламенеющее небо заката пылало, яркой страстью отравляя тихую печаль души, над миром распростирая багряное отчаяние в потоках многоцветно-горящей крови под изнемогающей пустыней холодного зенита.

Нина пошла домой. Сырым и неприятным казался песок. И досадно стало, зачем оставила дома башмаки, и идет босая.

Да нет, не на это досадно, – так, беспредметное томление, неясная тоска. Бремя, которое надо нести.

Близ своей дачи Нина увидела знакомую фигуру. Всмотрелась, Наташа Лещинская.

И обрадовалась Нина, и словно испугалась. Не проходит ли она с ужасной, жданой вестью?

Идет, как судьба, измучить печалью, изранить тоскующее сердце.

Уже издали было видно, по торопливости и неловкости движений, что Наташа взволнована чем-то. И что, конечно, несет с собой какое-то значительное известие.

У Нины от волнения задрожали руки и похолодели колени. Хотела бежать к подруге, но вдруг сердце так забилося, что Нина должна была остановиться.

Покраснела. Стояла, улыбаясь и держа скрещенные руки на гру-

ди, в неловкой и странной позе. Такая смущенная и неверная была улыбка.

– Наташенька, это ты? – сказала как-то неловко. – Как я рада!

И замолчала, сбита неверностью своих интонаций.

– Ну, Ниночка, – сказала Наташа, подходя и слегка запыхавшись от быстрой ходьбы.

И у нее было озабоченное лицо, а разбившиеся подвитые на шпильках черные волосы, выбившиеся из-под желтой, соломенной с желтым страусовым пером шляпки придавали ее смуглому лицу какой то мальчишески-задорный и излишне самоуверенный вид.

– Да? умер? мой? – бессвязно, испуганно спрашивала Нина.

Наташа оживленно говорила:

– Умер. И, можешь представить, застрелился! Правда, интересно? Тебе счастье.

Нина заплакала. Казалась такой жалкой, растерявшейся и милой среди этого пронизанного розовым и голубым светом простора, в своем простом синем с белыми полосками обшивки костюме, с загорелой стройностью тонких тихих ног, перед этой нарядной в многотонно-желтом, тяжело дышащей от скорой ходьбы по песку на высоких каблуках, румяно-смуглой и бойкой гостьей.

Плача, тихо спросила Нина:

– Кто?

Звук ее голоса был тонкий и робкий, как у плачущего ребенка.

Наташа ласково пожала ее руку.

– Правда, очень жаль, сказала она. – Молодой очень. Студент Иконников.

– Один? – спросила Нина.

– Да, он был один, когда застрелился. Семья жила на даче. Он приехал днем в пустую квартиру, писал письма, сам опустил в почтовый ящик, один переночевал. Утром застрелился. Никто и не знал в доме, пока родители не приехали, – он и им послал письмо на дачу. Они, кажется, в Павловске жили.

Нина молчала. Уже в саду своей дачи она вопросительно взглянула на Наташу. Отвечая на этот взгляд, Наташа сказала:

– Послезавтра хоронят. В Петербурге.

Пришли домой.

– О чем ты плачешь, Нина? – спросила мать.

– Он умер, – коротко ответила Нина, сухим, словно враждебным тоном.

– Кто умер?

Как почти всегда у стареющих женщин внезапное упоминание о смерти чьей-то обдало Нинину мать холодом страха, – точно сказал кто-то внятными и темным голосом:

– Умрешь и ты!

– Ах, мама, – с непривычной досадливостью ответила Нина, – ты, все равно, не знаешь его.

«Я и сама не знаю», – подумала Нина.

И оттого, что эта мысль вплелась смешной ниткой в печальную ткань переживаемого, стало еще больнее. И казалось, что беспощадными бичами смеха взмахнул жестокий над нежной спиной.

Мать обратилась к гостье:

– Скажите хоть вы, Наташа, кто умер.

Наташа, снимая шляпу перед зеркалом, говорила неторопливо, стараясь быть спокойной, но сама почему-то волнуясь:

– Застрелился студент, наш знакомый, Иконников. В городе.

Неизвестно, отчего. Такой молодой. Знаете, так много самоубийств в наши дни, и так жалко. Молодой такой, и никто не знает причины. Рана в виске, – маленькое синее пятно, точно расшиблено. И лицо совсем спокойное.

– Я поеду на панихиду, – решительно сказала Нина.

– Нина!

Мать села на кресло, смотрела на дочь, и не знала, что сказать.

– Непременно! Ради Бога, не удерживайте! – восклицала Нина.

Наташа села рядом с Александрой Павловной, и говорила тихо:

– Пожалуйста, не беспокойтесь. Я с ней поеду, и буду все время вместе.

Нина ушла к себе.

– Что с ней? вы не знаете, Наташа? – спрашивала Александра Павловна. – Она так хандрит все эти дни. Что это? Кто этот Иконников?

– Она такая впечатлительная, – говорила Наташа. – Иконникова я мало знаю. Не знаю, право. В наши дни так много всего, что угнетает. Какие у них были отношения, правда, я не знаю.

Нина вышла скоро, вся в трауре, и уже в перчатках и шляпе с опущенной вуалью, – и опять с недоумением смотрела на нее мать.

– Нина, да откуда у тебя траур?

– Ах, мама!

– Нина, это не ответ. Я хочу знать. Ты должна.

– Мама, не истязай меня. И так трудно. Я говорила тебе, что предчувствовала беду. Мой жених умер. Я сейчас еду.

И говорила уже почти спокойно.

– Подожди, хоть чаю выпейте. Все равно, на какой же теперь поезд, – с недоумением, страхом и досадой говорила мать.

И медлительно влачился скучный час ожидания. Ненужное питье, противная пища, свет лампы, смешанный с багряным умиранием израненной зари заставляющее вздрагивать звяканье ложек, и смешки Минки и Тинки, и недоумевающие допросы матери, – и что-то надо говорить!

Нина была очень печальна. Несколько раз принималась плакать. Наташа озабоченно шептала:

– Ты слишком рано начинаешь. Ты устанешь. У тебя не хватит настроения в решительные моменты.

– Оставь, Наташа. Ты ничего не понимаешь, – досадливым шопотом отвечала Нина.

Но вот и в вагоне, с Наташей.

Вагон наполовину пуст. Два – три случайные попутчика с сочувственным любованием смотрели на Нину.

Наташа спросила:

– Нина, да ты его не встречала?

– Конечно, нет.

– Так что же ты плачешь?

– А разве легко хоронить жениха?

И вдруг Нина рассмеялась.

– Я и не плачу. Я смеюсь.

– Со слезами?

– До слез смешно.

Плакала.

Наташа старалась обратить ее мысли на веселое, приятное, смешное. Не удавалось.

– Ну, какая ты плакса, – говорила Наташа. – Пожалуйста,

возьми себя в руки. Еще до истерики дойдешь, – что я с тобой в вагоне стану делать?

* * *

Было уже темно, когда ехали по улицам летнего города, и все вокруг для Нины было, как бред кошмара, становящегося к осуществлению.

Между двумя тучами сиял бледный месяц, – и в воде канала струилось его зыбкое отражение. И горькая была отрава в мерцании безмерно-тихом над грубыми грохотами злых и грязных улиц.

Увеселительный сад сверкал разноцветностью гирлянд из красных, желтых и синих фонариков над белой скукой забора и наглостью пестрых на серой стене афиш.

Подъезжали и подходили пестро-наряженные и грубо-размалеванные, и чей-то невидимый, но всем давно знакомый указательный палец упирался в откровенно-жалкое слово фдешевый разврат».

Было веселье в толпе, идущей веселиться, бедное, старательное веселье во что бы то ни стало.

Оскорбительное веселье, – когда на душе такая печаль. Жесткие люди! Как они могут веселиться, когда он, молодой и прекрасный, лежит с простреленной головой!

* * *

Нина переночевала у Наташи. Там легче было, чем дома. Наташа сказала тихо:

– У нее жених умер.

И никто не докучал. Нежно и любясь жалели. Снились ласковые и печальные, и немного страшные, – скорее жуткие, – сны.

Солнце, равнодушное к земной печали, яркое и злое, тихо, точно крадучись, метнуло в окно свое расплавленное трепетание, животворящий к смерти огонь, – и все шире и ярче из-за темного занавеса разливалось по зеленому ковру его знойно-жидкое золото.

Было утро дня, сулящее печали и труды, и безнадежные молитвы.

И на чужой постели, над залитым злым золотом зеленым ковром проснулась Нина, – и слезы в глазах, и слабость в теле и слышит внятное слово:

– Умер.

Никем не сказанное, – и связанное печалью, дрогнуло и упало сердце.

И слезы...

Думала:

«И уже теперь всю жизнь, просыпаясь, буду вспоминать, что он, милый мой, умер».

Одеваясь, заметила, что траур ей к лицу. Радостно улыбнулась. Торопила Наташу, – вместе доехать до того дома, где жил он, ее милый. Но тщательно положила над загорелой бледностью милого лица складки черной вуали...

Цветы и ковры на лестнице у его квартиры, – оранжевые и зеленые листья из стекол в медных оковках на окнах, – бронза перил и мрамор колонн, – так, до конца печаль останется красивой, и не оскорбит ее пахнущая кошками неопрятная лестница со двора.

На площадке третьего этажа у дверей квартиры белая гробовая доска... И каменные качнулись стены... Под локтем Наташина рука. Ее тихий голос:

– Здесь. Нина, милая!

Нина вошла, закрытая длинной черной вуалью, молчаливая, подавленная горем. Не видя никого, прошла прямо в зал, где на высоком черном катафалке, в белом гробу, лежал ее милый.

Кто-то ходил, раздана свечи для панихиды, и из боковой двери вился дымок разжигаемого кадила. В зале было немного людей, – и появление Нины было замечено очень. Не знал ее никто, и все дивились глубокому трауру и слезам неизвестно откуда пришедшей девушки.

Нина подошла близко, постояла у гроба, и тихо поднялась по ступеням катафалка. Покров, цветы, желтое лицо. Всмотрелась, наклоняясь, в тихую улыбку покойника.

Как страшно, как холодно улыбаются мертвые губы! Какие холодные тоскующим губам невесты его мертвые губы! Не дрогнут жарким поцелуем целуемые жарко могильно холодные мертвые губы!

Ужаленная холодом мертвых губ, слабо вскрикнула Нина. Кто-то взял под руку и помог спуститься с катафалка на строгий желтый лоск паркета. И точно поставил плачущую на колени, когда началась в синем дыме ладана панихида.

Было перешептывание родных:

– Кто?

– Вот эта?

– Вы не знаете?

– Никто, кажется, не знает.

Наташа стояла у двери.

Кто-то спросил ее:

– Не знаете ли, кто эта барышня в трауре, которая так плачет?

Так же тихо ответила Наташа:

– Это – невеста покойного.

– Но, никто из родных ее не знает, – с удивлением шептал спрашивающий.

– Да, это печальная история.

Стали передавать один другому:

– Это – невеста покойного.

Родные были в недоумении. Но все поверили. И как было не верить!

Для всех этих, родных и чужих, различно настроенных людей, печальных и равнодушных, Нина, никому не знакомая, плачущая, милая и жалкая в ее траурном наряде, была воистину невестой этого неизвестно почему застрелившегося студента, тихого и красивого в своем белом и красивом гробу. Никто не знал, какая тайна связывает этот гроб и эту плачущую девушку, – и не она ли была причиной его смерти, – но всем было трогательно смотреть на нее. Рядом с отчаянием седой старухи матери и тупым горем старика отца, выразившимися так сильно и так внешне некрасиво, с покраснелостью глаз, со слезливым насморком, с растрепанной прической седых волос, немая скорбь этой молящейся на коленях девушки в трауре казалась возвышенной и прекрасной. И хотя все знали родителей, а ее никто не знал, всем было гораздо более жаль ее милую, жалкую, трогательно склонившую колени, такую изысканно-очаровательную под складками ее полупрозрачной креповой вуали. И даже бывшая у иных мысль о том, что опечаленная и плачущая невеста могла быть причиной смерти этого прекрасного молодого человека, осыпанного в гробу благоухающими ненужным ему ароматом цветами, – даже и эта жестокая и суровая мысль не побеждала сожаления к ней, рожденного

в тихих потоках ее светлых слез. И ее глубокая печальность, и склоненное к холодным паркетам ее орошенное слезами лицо, и вся ее скорбная фигура, — о, если в этом горе есть неумолимое дуновение злых раскаяний, что же, разве от этого еще не более жалко ее? Мало ли из за чего ссорятся и временно расходятся любящие люди, — а ведь она, очевидно, любила его, — по нелюбимым так не плачут и траура не надевают, — мало ли что бывает между милыми, а он, жестокий, убил себя, не стерпел легкой печали, навек погрузил ее сердце в ужаси тоску страшного воспоминанья?

А она, плачущая и молящаяся невеста неведомого жениха, она, отдавшаяся покорно порывам своей творимой печали — что чувствовала она?

Как ни была она рада отдать свое сердце томлениям печали, как ни приготовлена была она к этому тоской сознанных предчувствий, — все же представшее ей превзошло ее ожидания.

Очарование этого молодого и такого смертельно спокойного лица, к которому припала она для поцелуя притворной скорби, в один краткий миг овладело ей, — и чувствовала она, что до века не свергнут ей этого сладкого и жгучего очарования. Что-то более прекрасное, чем красота, и более властное, чем власть любви, презирающей могильный холод и мрак погребального склепа, нечто неизъяснимое и невыражаемое никакими человеческими словами, обаяние, ведомое одной только смерти, приникло к ней, — и уже знала она, что лежащий в гробе, осыпанный алыми розами, обвеянный взмахами пламенеющего кадила, окруженный зыбкими волнами синего ароматного дыма, где растворен темный ладан, что он воистину желанный, возлюбленный ее жених.

И когда спускалась она со ступеней черного катафалка и глазами, полными тоски, окинула простор холодного покоя, отыскивая, где бы ей укрыть свои слезы, уже нестерпимой мукой было пронизано ее сердце. Она сделала два три шага, и почувствовала, что голова ее кружится. Она повернулась лицом к гробу; возрастающая сладость была в ее дрожащих коленях. Уже не выбирала она места и, где пришлось, опустилась, почти упала близ гроба. Рядом с ней плакала седая мать, тихо, слезливо всхлипывая. Черная ряса священника медленно двигалась близко от ее лица. Она заплакала, приникла лицом к рукам, брошенным на пол, и над ней звякнули тихим звяканьем колечки кадильной цепи, пронесся низкий и уверенный голос диакона, и грустно, красиво и звонко полилось панихидное пение, — слова трогательные, значительные, более веские, чем бедная вера людская, такие мудрые, такие утешающие, — и так неутешительные. Закрыв лицо руками, едва слыша слова и пение, едва вдыхая ладан грусти, она ясно видела перед собой лицо покойного, внезапно ей милое. Видела его живым, — смеялись глаза, и уста, полуприкрытые черными усами, двигались, и слова были мудрые и правдивые, и слова были о том, что неизменно близко и дорого сердцу. Всмотривались, — и черты лица, в короткую минуту целования схваченные цепкой памятью внезапно влюбленной, оживали теперь перед ней, и все яснее представилась милый облик. И каждая черта этого лица неложно говорила о чем-то, бесконечно-милом и близком.

Кончилась панихида. Уходили. Около родителей покойного были близкие. Утешали, шептали что-то.

Нина стояла одна. Ей казалось, что она окружена чужой и враждебной атмосферой.

Совсем одна...

Неужели уходить? Оставить милого?

Заплакала. Пошла из комнаты, тихая, грустная, милая, жалкая, провожаемая влажными взглядами родных и знакомых.

На лестнице, на площадке нижнего этажа остановилась, плача. И вдруг послышались бегущие сверху легкие шаги. Нина посмотрела вверх по лестнице, – какое-то неясное предчувствие сказало ей, что это за ней.

Девушка в траурном ситцевом платье, с креповым чепчиком на голове, русоволосая и веснучатая, с серыми и покрасневшими от слез глазами, – горничные так плачут по добрым господам, – быстро сбежала по лестнице. Остановилась перед Ниной.

– Барышня, – тихонько заговорила она, слегка запинаясь, точно конфузясь, – наша барыня, их мамаша, просят вас пожаловать к ним на минуточку.

– Зачем? – робко спросила Нина.

– Не могу знать, барышня, – ответила горничная, но видно было по ее тону, что знает и хочет сказать. – Только очень просят, – продолжала она. – Кажется, у них письмо. Да не знаю уж что. Только очень просят.

Нина поднималась по лестнице и смутная боязнь томила ее, навевая ей какие-то внешние опасения, такие мелкие сравнительно с глубиной ее печали. Думала:

«Неужели попросят не приходить более? Но за что же? Или станут обвинять в смерти моего милого?»

И ручьем хлынули слезы. Пошатнулась. Горничная поддержала ее под локоть, участливо заглядывала в лицо.

«Пусть обвиняют, – думала Нина, – я не буду спорить. Пусть я виновата. И почему я знаю? И что я знаю?»

Горничная провела ее в гостиную.

Видно было, что вся семья живет на даче, и приехали сюда только для похорон. Мебель была в чехлах и поставлена как-то кое-как, не совсем по зимнему. Зеркало в простенке было наскоро и неровно прикрыто чем-то белым, – это потому, что в доме был покойник.

Нина отвела креповую вуаль от лица, побледневшего под летним загаром и даже словно похудевшего от печали, – и смотрела печальными и робкими глазами на седую худощавую женщину, довольно высокого роста, поднявшуюся ей навстречу с дивана.

«Мать», подумала Нина.

Как-то механически отмечала:

«Седая. Тонкая. Глаза голубые, светлые. Похожа на сына».

Казалось почему-то, что еще на-днях эта женщина с заплаканными глазами и отчаянным лицом не была седой, – тщательно зачесывала волосы, и даже, может быть, подкрашивала их, а теперь вдруг разом опустила и уже забыла о своей внешности, и о растрепавшихся на голове седых космах.

Пригласила сесть. В этой же комнате, у окна, стоял отец, высокий, прямой старик. Стоял в полуоборот к окну, точно и хотел смотреть на гостью, и хотел скрыть от нее выражение печали на гордом старческом лице.

– Вот, – сказала старуха, – смотрю я на вас, вы одна здесь нам незнакомая. Вот я и думаю, что это вам должно быть письмо от Сереженьки. Вам?

– Не знаю, – сказала Нина. – Как я могу знать?

Старалась не плакать, а слезы опять хлынули из глаз. Заплакала и мать.

– Так это для нас неожиданно, – говорила она. – Ждем Сереженьку к обеду, – он на день в город уехал, – и вдруг... Да, о письме–то я начала. Видите...

Старуха вынула из альбома, лежащего на столе, письмо в узком серо–зеленом конверте, и сказала:

– О ком Сереженька пишет, мы никак не могли догадаться. Но это письмо, – ко мне он письмо оставил, и вот это письмо вложено, – просит передать его молодой барышне, которая у нас не бывала, передать, если она придет на панихиду или на вынос. А знаете, пишет по тому, что она в трауре будет и, может быть, поплачет немножко. Ей, пишет, и отдайте. Если же она не придет, сожгите, пишет, не читая. Вот я и думаю, не вам ли письмо.

И не колеблясь ни минуты, Нина сказала:

– Да, это мне.

Побледнела. Протянула руку за письмом, вся полная страха. Тяжелые ли упреки бросит ей из за таинственной грани ее милый? Слова ли нежной любви и утешения?

Подумала:

«А если придет она другая?»

Шуршал конверт в дрожащих пальцах. И уже нетерпеливой рукой разорван край конверта. Быстрые мысли чередовались, пока вытаскивала письмо из темницы конверта:

«Придет – отдам. Да не придет. Злая, оставила, забыла в страшные предсмертные его часы не томилась тоской предчувствий. Как я. Это – мое. Но если придет, и труар наденет, и заплачет, – отдам».

И отец и мать стояли перед ней и смотрели на ее лицо, когда она читала. Точно по лицу хотелось узнать им страшную тайну.

Читала:

«Милая, дорогая, пишу тебе в странной, может быть, несбыточной надежде, что ты все–таки придешь к моему гробу, заплачешь над моей могилой, хоть короткое время поносишь по мне траур. Зачем мне это? Знаю, что это – ужасная ерунда, а все–таки утешен мечтой о том, что ты придешь. И если придешь, тебе отдадут это письмо... А не придешь – сожгут. Так я просил маму, а она у меня славная и не обманет, сделает, как я прошу. Ты, я верю, не огорчишь ее ни одним ненужным словом. Я, видишь ли, умираю. Все одно к одному подошло. Не вини себя, милая. В нашей разлуке я сам виноват, я один. И мне пенять не на кого, а только это было так, словно из ткани моей жизни кто–то выдернул какую–то связующую нить, и все стало рассыпаться. По внешности я остался таким же, и шел заодно с товарищами, вообще не вешал носа. Даже взялся за дело, которое раньше, может быть, сделал бы с размаха. А теперь оно меня окончательно раздавило. Убить всегда трудно, – но ведь я знаю, что... Да что говорить! Взялся, и не могу. Предпочитаю убить самого себя. Не потому, чтобы старые прописи из морали, ну, там святость человеческой жизни, – да нет, может быть, и это. Так, страшно и темно. Весь изнемог. Я – человек конченный (впрочем, эту фразу я слизнул у кого–то, ну да сойдет). Тебе хотел бы сказать что–нибудь очень светлое и спокойное. Ты, может быть, улыбнешься сквозь слезы, но пусть, – я все–таки тебя, Киска, очень люблю. Будь счастлива, обо мне вспоминай не часто и без досады. А если бы ты вернулась, – но, впрочем, что вам, живущим, заветы из–за гроба? Чепуха, не правда ли? И все–таки, мой друг, моя милая, тот, кто увидел свет и отвернулся от него, порядочная дрянь.

Прощай. Твой Сергей».

Нина вложила письмо в конверт. Хотелось уйти, остаться одной, перечитывать, думать и плакать. И уже хотела уходить. Но чьи-то просящие взоры удержали ее.

– Что вам пишет Сережа? – спросила мать.

Нина молчала. Не знала, что сказать. И старая продолжала.

– Поймите ужас нашего положения, – ведь мы совершенно не знаем, из-за чего Сережа, из-за чего, – ведь это ужасно! Хоть бы что-нибудь знать, хоть бы что-нибудь!

Нина думала:

«Что же я могу сказать? А если она придет? и придется ей отдать письмо? Лучше пусть она скажет».

Улыбалась и плакала. Сказала решительно:

– Простите, я очень понимаю, но сейчас я должна молчать. Я не могу вам сказать, ничего не могу.

– Сударыня, – начал молчавший до этого времени отец, и звук его голоса был странно-резок и скрипуч, – ведь мы могли бы и не отдавать вам письма. В таком положении... Мы имели бы права сами распечатать. А вы скрываете...

Не кончил. Странно всхлипнул. Отвернулся.

Нина потупилась, и тихо сказала:

– Да, вы имели возможность прочитать это письмо, – но вы этого не сделали.

– Нет, конечно, – говорила мать, – кто же говорит!

Конечно, мы бы не стали читать чужого письма. Но наше... наше горе... умоляю вас, пожалейте старую женщину.

– Ради Бога, – вскрикнула Нина, – подождите, подождите до завтра. Клянусь вам, теперь я не могу. Я скажу вам завтра. Завтра, когда его... когда Сережу... ради Бога.

Плакали обе, обнимая одна другую. И вдруг мать оттолкнула Нину.

– Не даст вам Бог счастья, если он из-за вас! – плачущим воплем слабо вскрикнула она, и бросилась рыдая из комнаты.

Отец быстро ушел за ней. Нина осталась одна.

* * *

День проходил тупо и вяло, в смятении мыслей и мечтаний. Перечитывала письмо милого. Думала боязливо:

«А если придет та, другая, злая?»

Горько было думать, что придется отдать ей милые странички, исписанные мелким, торопливым четким почерком. И утешая себя, опять думала:

«Да нет, не придет».

Нетерпеливо ждала вечера, – идти опять на панихиду, в гроб милому положить белую розу, у гроба его оставить белый венок опечаленной невесты. И узнать, пришла ли злая разлучница.

Докучные, лишние, пламенные влачили минуты змеино-солнечного дня.

После обеда Нина сказала Натане:

– Последняя отрада – получить письмо от милого. Я его получила.

Натанша с удивлением смотрела на узкий зеленый конверт. Нина в первый раз заметила на конверте надпись.

Прочла:

«Опечаленной невесте».

Та, другая, не приходила. Ее не было ни на вечерней панихиде, где белый лег венки на ступени черного катафалка, и у черных волос милого упала белая роза, подарок невесты. Ее не было и на выносе, и на отпевании.

И красота невестинной печали ничем не была нарушена.

По знойным утренним улицам равнодушно-шумного города, за гробом, по пыльной мостовой шла Нина с родителями своего жениха. Кто-то из его родных, элегантно-одетый и красивый господин с седеющими усами и прямым станом отставного офицера, вел Нину под руку.

Красота ее печали влеклась по безобразию пыльных, знойных улиц, под неистовым пылением древнего Змия, среди минутно тронутых и крестящихся прохожих, – роковая красота печали влеклась на сером и злом безучастии Айсы.

Устала, но не хотела сесть в карету. И смертельно устала. Усталость венчала красоту ее печали, и милая томность ее лица была еще более трогательна этим, чужим ей людям.

Скорбный долог был обряд, – потому что не жалели денег, и в красивой церкви хорошо пел отличный хор певчих. Обряд, утешающий слабых, – но какое утешение мог дать Нине, бедной невесте жениха, только из-за гроба сказавшего ей слова любви, но и слова укора. И думала она:

«Куда же я должна вернуться, чтобы утешить его? Чтобы не остаться, по его откровенно-милому слову, порядочной дрянью мало-душно отвернувшейся от света?»

И казалось ей, что она знает, куда пойдет, и чем его утешить.

* * *

Могилы. Брошены последние горстки земли...

Рыдали мать и невеста, – некрасивая, старая, родная ему, с покрасневшим носом, сгибалась, сбивая на бок шляпу, – и молодая, бледная, заплаканная девушка, чужая ему при жизни и теперь единственно близкая ему.

И они остались одни над свежей могилой, – одна не берегла сына, и сердце его было ей темно, и помыслы не понятны и чужды, – и другая; на нее ни разу не глянули его милые очи, но ей открылось его сердце, – слабое, изнемогшее от непосильного бремени земное сердце человека, который хотел великого подвига и не мог его совершить.

«Милый, – шептала она, – я знаю путь, которым надо идти, чтобы с тобой быть, чтобы тебя утешить. Ты не мог, ты ослабел от печали, тебе темно и холодно в могиле, но ничего, не бойся, я сделаю все, что было твоим делом. И если на твоём пути есть страдание, они будут моими».

Смотрели одна на другую. Нина думала:

«Что скажу ей? Чем ее утешу?»

Сказала ей тихо:

– Вы сказали вчера, что Бог не даст мне счастья, если он умер из-за меня. Видит Бог, что я в этом несколько не виновата. Но на что же мне счастье, если он, милый мой, в могиле? Я не умела быть с ним вместе, когда он был жив, но поверьте, что я всегда буду верна его памяти. И то, что он мне завещал, исполню, – и его любовь будет моей любовью, его друзья моими друзьями, его ненависть моей ненавистью, и то, отчего погиб он, понесу я.

ДЕНЬ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОЙ

Ирина была юная, телесно-чистая, прекрасная, и более всего на свете любила себя, любила свое стройное, гибкое, девственно-свежее тело, для сладостных созревшее объятий, для знойных радостей налившееся в совершенные формы.

Уже давно порочные помыслами подруги открыли Ирине тайны внешней любви, роковые соблазны грубой жизни. Но недолго томила ее ребяческая, преждевременная похотливость, — эта, полная ранних предчувствий, отравы скоро истощилась в томных ласках и нескромных объятиях ее сверстниц, в жуткие и темные минуты робких уединений.

Когда же юная окрепла грудь, упруго выдавливая из нежной плоти совершенство чистых форм, и рдяностью налилась, пара млечных почек, упругим натяжением кожи раздвинутых широко одна от другой, над пологими склонами к той очаровательной долине, на дне которой бьется пламенный родник, когда колыхания этих дивных склонов стали подобны приливу и отливу очаровательных волн, — когда синими зарницами очей и алыми зорями щек явственные чертились руны темных ворожащих сил, вожделения и стыда, — Ирине стала противна страшная мысль, что грубый варвар, обладав ей, изомнет пленительное цветение, достойное эллина. И варварски разграбит высокое достояние, совершенный и блаженный мир.

Совершенный и блаженный мир!

Ирина чувствовала в те дни, что весь мир замкнут в пределах ее нежной, озаренно-жемчужной, радостно-тревожной кожи. Вся жизнь восторгами пламенеющего мира таилась, в этом пронизанном токами юной страсти теле, и все горизонты смыкались на прельщающих ее взор тонких очертаниях розовеющих пальчиков ее ног. И не было иной жизни, и не было и не могло быть иных времен.

Зенит и надир, оба полюса и экватор, все было на ее восхитительном теле, на этой радостно зеркалами стекла, воды, тусклых сталей и ярких воображений отраженной дивной плоти, от пышного океана черных волос, ниспадающих вдоль очаровательных изгибов, до пониравшей доски и землю милой, ласканий и целований трепетно избегающей поверхности. И что же солнце! яркий, многоценный алмаз на светлой бирюзе ее венца. И что же луна! легкий серебряный кокошник на темно-синем море ее бархатного убруса. И что же звезды! золотые жужжащие пчелы на влажных шорохах ее покрывала.

Как счастлив будет тот смелый искатель, который пламенным ножом дерзких желаний рассечет ее пояс над жемчужной обнаженностью чресл!

Но неужели одни только грубые достижения подарит он ей? А где же изысканно-сладостные утехы, чередование ощущений, пронзающих и нежных, многозвучные и яркоцветные симфонии желаний, томлений, страстностей, наслаждений и стелющихся ласканий?

Придет он, скажет приличное, совершит обычное, золотое надежит кольцо, повезет ее, томную, скромную, без румянца на лице к венцу, и пойдет канитель без конца!

Да не будет позора скучных объятий, разрешенного соединения!

Если я — воистину я, необъятная и блаженная вселенная, из себя изведшая и ворожащие мерцаниями сонмы золотокрылых звезд, и ясным холодом мечтающую луну, и пламенного, мечущего стрелы

Драконе лазурных высот, если во мне жизнь – моя единая, мною мне для меня ликующая, то что же мне закон, власть, предел? Призначным врагом на меня брошенная призрачная сеть!

Призрачная сеть, – и я бьюсь в ее липких петлях. Зачем? Разорву, разорву душевные плены!

Обнажая в своем строгом затворе свое невинное тело, мечтала и томилась Ирина. Смотрела на себя, и еще себя не узнавала в этой сжатой связками платий томительности тела. И еще было стыдно любоваться им.

Как чиста и благоуханна невинная, свободная плоть! Пленительно пахнет все девичье тело, и особенно сладки запахи колен и плечи, и еще слаще пряный и влажный аромат, исходящий из тех заросших тонкими, вьющимися волосками ложбинок, глубоких и чутких, лезащих между пышностью груди и упругой силой стройных рук.

Но ароматы, поднимающиеся от ее тела, еще казались Ирине отчасти чуждыми, смешанными с измятыми запахами одежд, с металлическими благоуханиями духов, с избыточными испарениями пота. И еще было стыдно вдыхать ароматы милого тела.

Это тело было обнажено и освобождено, но еще не было оно нагим и свободным, и еще не созрела смелость нести его навстречу вожделениям чистого и безтрепетного искателя, – навстречу его мечте и его страсти.

Было счастьем то, что начиналось тогда лето. Настояла на том, чтобы отпустили ее одну в далекую глушь. Оградилась пустынностью просторов, и жила, как хотела.

Там, невидимая никем, уподобясь воскресшей дриаде или русалке, проводила Ирина под открытым небом долгие дни нагая. Входила в пустынные воды, надолго отдавалась широким, холодным объятиям глубин, ускоряющим биения пламенного сердца. Лежала на прибрежном пригретом песке, перебирая загорелыми пальцами его легкую и сухую сыпучесть. Шла по мягким и твердым почвам, по ороженным травам и по мягко-сухим мхам, по липким доньям дождевых луж, то пачкая теплыми землями, то омывая прохладными водами нагие стопы.

И стала вся гибкая, тонкая, сильная, бронзово-загорелая. Грудь дышала глубоко и сильно, и голос приобрел яркую звонкость и далеко слышную силу. Под эластичной кожей радостной и прекрасной стала игра сильных мускулов. Кожа стала более упругой, неподатливой и плотной, и уже ветки лесных кустарников не так сильно царапали бедра, икры и спину, и уже стопы смело перебежали через мощные дороги по их острым камешкам. Все внешние восприятия стали точны и чутки, точно раздвинулся, расширился, запестрел и зазвучал невиданными и несслыханными восторгами весь мир, – ее блаженный мир. Свободный мир!

Шестьдесят шесть дней Ирина ни разу не надела другой одежды, кроме легкого иногда прохладными вечерами покрывала, и ни разу не обула ног.

И настал день шестьдесят седьмой. Знойный день в конце июля, утро.

Ирина тихо шла по узкой долине в лесу. На светлой зелени трав и мхов, и на темной зелени листвы ее тело золотилось и пламенело, являя на своей поверхности неисчислимые переливы теплых тонов, созданные сочетанием просвечивающей сквозь кожу крови, пламенных поцелуев высокого Дракона, резвых прикосновений ветров и глубинных объятий вод. И казалось это тело сложенным из первобытной красной глины.

Когда Ирина проходила в тени деревьев, пронизанная светом

листва набрасывала на ее тело трепещущую сеть, зыбко сотканную из расплавленно-золотых, скользящих и переливающихся кружочков. Вся от этого сделавшись пестрой, Ирина улыбалась радостно и смущенно, как будто льющееся по ее груди и животу навстречу ее шагам горячее солнце шекотало ее. Зеленые рефлексы на ее золотящемся многотонным золочением теле делали ее похожей на лесную деву, из недр земли первоначально восставшую. И лесным, перевозданно-ясным смехом искрились и сияли ее глаза.

Это был день шестьдесят седьмой, начало знойного и страстного дня. Радостная ликовала уверенностью, что сегодня придет он, желанный и жданный.

И вот, выходя из лесу, в сквозном просвете ветвей, показался он, юный и прекрасный, и совсем не похожий на поэта наших дней.

«Он?» – вопросительно подумала Ирина, и с сожалением осмотрела его светлую летнюю одежду, сшитую просто и хорошо, потому что он приехал из большого города, издалека, гонимый мечтой найти ее, удалившуюся от людей прекрасную деву, ту, тело которой подобно цветом перевозданной глине.

Ирина остановилась в тени деревьев, в стороне от дороги, по которой ему бы итти, – и он уклонился от своей дороги и направился к тому дивному дереву, под которым яркими и жгучими переливами знойных сверканий сияла нагота нетрепетной и нестыдливой девы.

Кому-то обещанной.

«Ему ли?» – думала она.

«Мне ли?» – думал он.

И смотрели друг на друга, очи в очи. Подобный испугу ощущали восторг, и мгновенный синими холодными молниями вспыхивал стыд, ускоряя вдруг стук двух сердец, в лад одно другому бившихся, потому что высоко вздымались две знойные, две пламенные темные волны, яркие два колыхая на своих вершинах рубина, два напряженно-ярые цветка.

Если улыбаются роза уст нагой девы на знойной смуглости ее лица, то какое белое открывается в ее легком раскрытии сверкание!

Если, синяя и колеблясь сквозь длинные, дымно-стрельчатые ресницы, дрожат зарницы в двух небесах бездонных глаз нагой девы, то синий там холод претворяется в синее пламя, и вся она, обнаженная дева, – неопалимая купина.

Расплетенные, тяжелые, упали косы по сторонам головы, упали на плечи, за плечами струятся, и зыбок их темный смех.

И его первые услышала слова:

– Если ты ждешь меня, вот, я пришел к тебе, милая царевна.

Сладко смеется радость, и радостное сладостно трепещет тело. Мерцали зарницы, и свирельные сказала слова, золотые сронила к цветам звоны:

– Разве я царевна? У царевны – диадема, а я только лесная дева.

Улыбался и говорил, и ясными смотрел на нее глазами, как небо смотрит в небо:

– Ты пришла сюда белой девой зыбких лент, ты возникла здесь золотой царевной голубых высот. Ты не лесная, потому что легкий стан твой объемлем, и твоя кожа опалена бессильной похотью злого Змия, мечущего ярыя стрелы, – только стрелы, а ты для меня, – целуемое для моих уст, объемлемое твое для моих объятий, и мне почивать в колеблемом твоём лоне, потому что перед тобой я.

– Да, – сказала Ирина, – ты пришел ко мне, и о имени

твоим не спрошу, чтобы от меня не увлек тебя по неведомым волнам белый лебедь к святыне твоего Грааля.

И обняла его одной рукой за шею, и в быстром беге увлекла его в долину, куда никому не притти, где никому не увидеть. Увлекаемый ей в быстром беге, на своей шее чувствовал он трепет тонких жилок ее руки, влекущую тяжесть ее руки, знойное обаяние власти, оварование ее руки.

Там, в неведомой долине, ясное сияло солнце, там, в неведомой долине, в широко-дышащую грудь сладостный и чистый вливался эдемский воздух первобытного, доброй землей взрощенного рая, – потому что у входа в неведомую долину совлекла с него и бросила прочь скучные городские одежды, злую закутанность юного тела. И тело его было бело, прекрасно и стройно, и оно не было таким, как тела у поэтов наших дней, тусклых и порочных дней.

Она обняла его и целовала его, и хотела его любви, и поцелуев, и объятий, и ласканий.

И если были небеса и земля, то они были первозданны и новы. И сияло ли солнце четырем небесам, – двум в двух отразившимся близко и блаженно, – сияло ли солнце высокой лазури? И струилась ли от реке прохлада двум прижавшимся одна к другой грудям, его белая грудь на колебаниях ее смуглых грудей, – струилась ли живая и сладкая прохлада дуновением свежим и отрадным для быстрых и счастливых вздыханий? Деревья и травы, берега и волны, шорохи и шумы, угретые камни и холодные ящерицы, – что предстояло и что проносилось? И вся жизнь была в согласном ритме двух тел.

Так невинно было очарование ее лобзаний, что долго лежали они, обнимаясь и целуясь, и сладостные говоря слова, но не вкушая последняго и сладчайшого счастья.

Склонясь к его белому плечу, Ирина раскрыла смеющийся рот, и нажала зубами на кожу его плеча, и легким укусом разбудила в нем ярость сладострастия. Чувствуя на своей шее сплетенные ее руки, и на лице своем частое и стелющееся ее дыхание, он обвинил ее тело руками, и соединил руки за ее спиной, и крепко обнял ее, и страстно приник, содрогаюсь, к ее телу.

Насладясь первыми ласками, лежали рядом, томно пламенея и сладкие ощущая томления первого стыда. И опять соединили свои объятия, и поцелуи, и ласки желанных достижений.

Неведомой долине явлен, длился знойный день, а для них, знойных, юных и прекрасных, сгорало время. И свилось небо близким шатром над головами, и земля была ложем отрад, и земля была для легкого бега, игр и пляски. И в реке была вода для прохладной забавы, и, радужно дробясь, звонкие и плескучие взбегали над водой брызги. Выходили опять на берег, где мягкая была под ногами глина, и хрупкий песок, и ласкающая ноги трава, – и силетались руками, и кружились, и плясали, и мчались в быстром беге, и падали на мягкое ложе трав в широкой тени деревьев возобновить радости сладких достижений.

Длился день, и сгорало время, и неистоцимы были желания и страсть, – но что же ты, бедное тело человека? Утомление владеет тобой, и к смертной клонит тебя истоме. Уже прерывисто стало дыхание, и неровны биения сердец, и усталые бессильно раскинулись на земле руки и ноги, и томные глядели не глядели глаза.

Но, преодолевая усталость, приникли друг к другу, и соединили свои тела и свои вожеления для последних ласк. Насладились в последний раз, остаток страстных сил соединили и сожгли в блаженном пламени.

Лежали в изнеможении. К его плечу приникла ее голова, разметавшая косы черными струями. Поперек его белого тела лежала ее смуглая рука, бессильно протянута. Лежали в изнеможении.

И уже не было дня, и уже заря отгорела, и холодной синевой покрылись небеса, и белые дымы закачались, над рекой. Из-за вершины дальних деревьев, там, за рекой, поднялась и бесстрастно глядела на недвижные тела ясная круглая луна. Свершила все свои живые круги, истоцила все свои любовные вздохи, и влеклась теперь навеки холодная и бесстрастно-печальная.

Познала покой последнего утешения. И, утешая, ворожила мертвыми чарами.

Тогда она, имени которой не назову, она, блуждающая окрест и никогда не показывающая человеку своего земного лица, вышла из безмолвного леса, и приблизилась к спящим. Долго сидела над ними, и глядела на их усталые лица. Под неподвижным взглядом косны и холодны были их прекрасные тела. И она томилась, и вздыхала, как ты, как ты, моя...

Сама себя вопрошала:

– Разве надо?

Сама себе отвечала другим вопросом:

– Зачем?

Сама собой наконец решила:

– Сотку им новые покровы, и к земным отпущу их дням, к созданию новой жизни.

С шеи своей сняла малый сосуд, и открыла его неспешно, – но уже роковая решительность была во всех ее движениях, – и обрызгала их такой холодной водой, что долго дрожали их стройные тела. Ворожащими движениями рук быстро соткала из неведомой пряжи на станке из лунных лучей широко-мягкую ткань, и другую такую же, и двумя отрадными покрывала одеяниями Ирину и того, кто был с ней.

Когда ровным стало их дыхание и глубоким, и ровным, и сильным стал стук согласных сердец, она, ворожащая в тайне, ушла, легкий оставляя за собой по росе, на луне слабо блестящий, след.

И сохранили знак ее печали.

ОБЫСК

I

Приятное в жизни переплетается с неприятным. Приятно быть учеником первого класса, потому что это создает известное положение в свете. Но и в жизни ученика первого класса случаются неприятности.

Рассвело. Заходили, заговорили. Шура проснулся, и первое его ощущение было то, что на нем что-то рвется. Это было неприятно. Что-то комкается под боком, – и потом возникло более отчетливое представление разорванной и скомканной рубашки. Под мышками разорвалось, и чувствуется, что прореха почти до самого низа.

Шуре стало досадно. Он вспомнил, что еще вчера говорил маме:

– Мама, дай мне чистую рубашку; у этой рубашки прорешка под мышками.

А мама ответила:

– Завтра еще поноси, Шурочка.

Шура поморщился, как любил это делать, когда что было не по нем, и сказал досадливо:

– Мама, да она завтра совсем разорвется. Что ж мне оборванцем ходить!

Но мама, не отрываясь от работы, – и охота ей самой все шить! – сказала недовольным голосом:

– Отстань, Шурка, не до тебя, некогда мне. Моду какую завел–приставать к матери! Сказано, завтра вечером перемеришь. Шалил бы поменьше, вот и одежда была бы целее. На тебе горит, – не напасаешься.

Шура же был совсем не шалун. Он заворчал:

– Как еще поменьше шалить? Меньше нельзя. Я совсем мало шалю. Только если и шалю, так уж самое, самое необходимое, без чего никак нельзя.

Так мама и не дала рубашки. Ну вот, что же теперь вышло, – рубашка разорвалась до самого подола. Теперь ее бросить надо. Вот какая нерасчетливая мама!

Было слышно за стеной, как мама проворно ходила, торопясь выбраться из дому. Шура вспомнил, что у мамы есть хорошая практика, такая, на которую надо ходить долго, и за которую дадут много денег. Это, конечно, хорошо; но вот сейчас мама уйдет, и Шуру придется отправляться в рваной рубашке, – и во что же она тогда обратится к вечеру?

Шура проворно вскочил, бросил одеяло на пол и побежал к маме, громко стуча по холодному полу голыми ногами. Закричал:

– Вот, мама, полюбуйся! Говорил ведь я тебе вчера, что надо мне дать другую рубашку, а ты не хотела дать, – ну вот, видишь, что с ней сделалось!

Мама сердито поглядела на Шуру. Досадливо покраснела. Заворчала:

– Еще бы ты вовсе голый выбежал! Что за срам! Никакого нет сладу с мальчишкой, до того набалован.

Схватила Шуру за плечи, повела к себе в спальню. У Шури опасно дрогнуло сердце. Мама говорила:

– Ведь знаешь, что я тороплюсь, а все–таки лезешь. Горе мне с тобой!

Но уж видела, что в этой рубашке нельзя оставить мальчика. Пришлось идти в комод, доставать новую рубашку, еще не надетую, потому что те рубашки, из которых мама хотела дать сегодня, были еще в стирке, – принесут их только к вечеру.

Шура обрадовался. Очень приятно было ему надевать новое белье, – оно такое жесткое и холодное и так забавно щекочет кожу. Одеваясь, он смеялся и шалил, но маме уже совсем некогда было побыть с ним, и она торопливо ушла.

II

В училище было, как всегда, странно: весело и скучно, живо и неестественно. Весело было, когда приходили перемены между уроками, и скучно, когда был самый урок. И предметы, которыми приходилось заниматься на уроках, были странные и совсем не нужные: Цари, которые давно умерли и ничего хорошего не сделали, но о которых надо было после стольких столетий все еще зачем–то помнить, хотя некоторых из них, может быть, и на свете никогда не бывало:

Глаголы, которые с чем-то спрягались, и Имена, которые куда-то склонялись, но для которых не находилось живого места в живой речи: Фигуры, о которых так трудно было доказать то, чего совсем и не надо было доказывать, и многое иное, столь же нелепое и чуждое. И не было одного во всем этом необходимого – не было Связи соотношений, не было прямого ответа на вечный вопрос: что к чему и откуда?

III

Утром в зале перед молитвой к Шуру подошел Миша Крынин. Спросил:

– Ну что, принес?

Шура вдруг вспомнил, что вчера обещал принести Крынину книжку с современными песенками. Сунул руку в карман, – там книжки не было. Сказал:

– Ну, в кармане в пальто оставил. Сейчас принесу.

Побежал в шинельную. И в это время сторож надавил пружинки электрических звонков, и по всему обширному и скучному зданию училища затрещали резкие голоса колокольчиков. Пора было идти на молитву, – без этого нельзя было начаться учению.

Шура заторопился. Сунулся в карман пальто, ничего не нашел, потом вдруг увидел, что это чужое пальто, крикнул досадливо:

– Ну, вот история, в чужое пальто залез!

И принялся отыскивать свое.

Рядом с ним раздался насмешливый хохот. Неприятный голос шалуна Дутикова заставил Шуру вздрогнуть от неожиданности. Дутиков, опоздавший в училище и пришедший только сейчас, кричал:

– Что, брат, по чужим карманам лазишь?

Шура проворчал сердито:

– А тебе что за дело, Дутька? Не в твой карман.

Нашел книжку и побежал в зал, где уже строились ученики к молитве, выравниваясь длинными шеренгами по росту, так что маленькие стали впереди, ближе к иконам, большие сзади, и в каждой шеренге справа были мальчики повыше, слева – пониже. Учителя считали, что молиться надо по росту и в шеренгах, иначе ничего не выйдет. Кроме того, в сторонке стали мальчики, которые навострились в церковном пении, и один из них перед каждым разом, как надо было запеть, тихонько подвывал на разные голоса, что называлось – задавать тон. Пели громко, быстро и безвыразительно, как в барабаны били. Дежурный ученик читал по молитвеннику те молитвы, которые полагалось не петь, а читать, и читал так же громко, так же безвыразительно. Словом, все было, как всегда.

А после молитвы случилось происшествие.

IV

У Епифанова из второго класса пропал перочинный ножик и серебряный рубль. Красноиоцкий бутуз, обнаружив покражку, поднял плач: ножик был красивым, в перламутровой оправе, а рубль был нужен на самые неотложные дела. Пошел жаловаться.

Начался разбор дела.

Дутиков рассказывал, что видел в шинельной, как Шура Долинин шарил по карманам в чужих пальто. Шуру позвали в кабинет

инспектора.

Сергей Иванович, инспектор, подозрительными глазами уставился на мальчика. Старому учителю было приятно думать, что вот он сейчас уличит воришку. Потом пригласят к директору родителей, потом будет экстренное заседание педагогического совета, потом воришку исключат. Казалось бы, во всем этом нет ничего хорошего. Но уж очень насолили шаловливые и непослушные мальчуганы старому педагогу, – со злорадством сыщика смотрел он на смущенного, покрасневшего мальчика и медленно задавал ему вопросы:

– Зачем ты был в шинельной во время молитвы?

– До молитвы, Сергей Иванович, – тоненьким от испуга голосом пищал Шура.

– Допустим, что до молитвы, – с иронией в тоне голоса соглашался инспектор. – Однако, я спрашиваю, зачем?

Шура объяснил, зачем. Педагог продолжал допрос:

– Допустим, что за книжкой. А в чужой карман зачем лазил?

– По ошибке, – горестно сказал Шура.

– Прискорбная ошибка, – заметил педагог, укоризненно качая головой. – А скажи-ка ты лучше, не взял ли ты по ошибке ножик и рубль? По ошибке, а? Посмотри-ка в своих карманах.

Шура заплакал.

– Я ничего не воровал, – говорил он сквозь слезы.

Педагог улыбался. Приятно довести до слез. На румяных щеках такие красивые и частые катятся детские слезы, и непременно в три ручья: из одного глаза две струйки слез, а из другого – одна.

– Если не воровал, так чего же плакать? – издевающимся тоном говорил инспектор. – Я и не говорю, что ты украл. Я предполагаю, что ты ошибся. Захватил, что в руку попало, а потом и сам забыл. Пошарь-ка в карманах.

Шура поспешно вытащил из кармана весь тот детский вздор, какому полагается быть у мальчишек, а потом и оба кармана вывернул.

– Ничего нет, – сказал он досадливо.

Инспектор смотрел на него пытливо.

– А не завалилось ли куда-нибудь за одежду, а? В сапоги, может быть, ножик-то провалился, а?

Позвонил. Пришел сторож.

Шура плакал. И все вокруг плыло в розовом тумане стыда, в безумном обмороке унижения. Шуру повертывали, ощупывали, обыскивали. Понемножку раздевали: заставили снять сапоги и вытряхивали их; стащили, на всякий случай, и чулки; сняли пояс, блузу, панталоны. Все вытряхивали и осматривали.

И сквозь все томление стыда, сквозь обиду унижительного и ненужного обряда яркая пронизывала радость: рваная рубашка осталась дома, и под грубыми руками усердного педагога шуршала новенькая, чистенькая рубашка.

Стоял в одной рубашке и плакал. За дверью слышались шумные голоса, веселые крики. Стукнула дверь, вошел поспешно кто-то маленький, румяный, улыбающийся. И сквозь стыд, и сквозь слезы, и сквозь радость о новой рубашке Шура услышал чей-то – не то веселый, не то смущенный – голос, слегка запыхавшийся от бега:

– Нашлось, Сергей Иванович. У самого Елифанова. У него дыра была в кармане, – ножик и рубль провалились в сапог. Теперь он почувствовал, что неловко, и нашел.

Тогда вдруг стали ласковы с Шурой. Гладили по голове, утешали и помогали одеться.

То плакал, то смеялся. Дома опять и плакал, и смеялся. Рассказывал маме. Жаловался:

– Совсем раздели. Хорош бы я был в рваной рубашке.

Потом... что же потом? Мама ходила к инспектору. Хотела сделать ему сцену. Хотела потом на него жаловаться. Но на улице вспомнила, что мальчик освобожден от платы за учение. Сцены не вышло. Притом же инспектор принял ее очень любезно. Извинялся очень. Чего же еще?

Унизительное ощущение обыска осталось в мальчике. Так врезалось это ощущение: заподозрен в воровстве, обыскан, и стой полуголый, поворачивайся в руках усердного человека. Стыдно? Но ведь это – опыт, полезный для жизни.

И мама сказала:

– Кто знает, – вырастешь, не то еще будет. У нас все бывает.

ОТРАВЛЕННЫЙ САД

*"Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила."
А. Пушкин.*

– Прекрасный Юноша, о чем ты задумался так глубоко? – спросила Старуха, у которой Юноша снимал комнату.

Она тихо вошла вечером в его полутемную комнату и, еле слышно шелестя по крашенному буро-красной краской неровному полу мягкими туфлями, приблизилась к Юноше и стала у его плеча. Он вздрогнул от неожиданности, – уже с полчаса стоял он у единственного окна своего тесного покойчика в верхнем жилье старого дома и, не отрываясь, смотрел на лежащий перед ним прекрасный Сад, где цвело множество растений, благоухающих нежно, сладко и странно.

Отвечая Старухе Юноша сказал:

– Нет, Старая, я ни о чем не думаю. Я стою, смотрю и жду.

Старуха укоризненно покачала седой головой, и узлы ее темного платка закачались, как два остро-поднятые кверху, настороженные уха. Ее морщинистое лицо, более желтое и сухое, чем у других старых женщин, живших на той же улице, на окраине громадного Старого Города, выражало теперь озабоченность и тревогу. Старуха молвила тихо и печально:

– Жаль мне тебя, милый Юноша.

Голос ее, хотя уже и старчески хриплый, звучал такой печалью, таким искренним состраданием, и ее уже бесцветные от старости глаза глядели так скорбно, что Юноше, в полумраке его покоя, вдруг, на одно короткое мгновение, показалось, что эти внешние признаки старости – только удачно надетая личина, и за ней скрывается молодая и прекрасная Жена, еще недавно только испытывавшая пронизывающую сердце скорбь Матери, оплакавшей погибшего Сына. Но прошло

это странное мгновение, и Юноша улыбнулся своей чудной мечте.

Он спросил:

– Почему тебе жаль меня, Старая?

Старуха стала рядом с ним, посмотрела в окно на Сад, прекрасный и цветущий, и весь осиянный лучами заходящего солнца, и сказала:

– Мне жаль тебя, милый Юноша, потому, что я знаю, куда ты смотришь и чего ты ждешь. Мне жаль тебя и твоей матери.

Может быть, от этих слов, а может быть, от чего-нибудь иного, что-то изменилось в настроении Юноши. Сад, цветущий и благоухающий за высоким забором под его окном, вдруг показался ему почему-то странным, и темное чувство, похожее на внезапный страх, жутким замиранием остановилось у его сердца, точно рожденное пряными и томными ароматами, исходящими от ярких внизу цветов.

«Что же это?» – подумал он в недоумении.

Он не хотел поддаваться темному очерованию вечерней тоски, – сделал над собой усилие, улыбнулся весело, быстрым движением сильной руки откинул с высокого лба прядь черных волос, и спросил:

– Что-же, Старая, страшного и нехорошего в том, на что я смотрю и чего я жду? И почему ты знаешь, чего я жду?

И в эту минуту он был веселый, смелый и прекрасный, и черные глаза его пылали, и румяные щеки его рдели, и алые, яркие губы его казались сейчас только поцелованными, и из-за них сверкали крепкие, белые зубы, веселые и злые.

Старуха говорила:

– Вот, милый Юноша, ты смотришь на Сад, и не знаешь, что это – злой Сад. Вот ты ожидаешь Красавицу, и не знаешь, что красота ее пагубна. Два года прожил ты в моей комнате, и не разу не засматривался так, как сегодня. Видно, и твой черед настал. Пока еще не поздно, отойди от окна, не дыши злым дыханием этих коварных цветов, и не жди, чтобы под окно твое пришла чаровать Красавица. Она придет, она зачарует и ты пойдешь за ней, куда не хочешь.

Говоря так, Старуха зажгла две свечи на столе, где лежали книги, захолопнула окно и задернула у окна занавеску. С легким скрежетом провлеклись по медному пруту кольца, заколыхалось и легло опять спокойно зеленое полотно занавески, – и в комнате стало весело, уютно и спокойно. И казалось, что нет за окном Сада, и нет в мире очарований, и все просто, обычно и установлено раз навсегда.

– А и правда, – сказал Юноша, – я никогда не обращал внимания на этот Сад, и сегодня только в первый раз увидел Красавицу.

– Уже увидел, – печально сказала Старуха. Уже упало в твою душу злое семя очарования.

А Юноша говорил не то Старухе, не то рассуждая сам с собой:

– Да раньше и некогда было. Днем – на лекциях в университете, вечером – за книгами или с веселыми товарищами и милыми девушками на вечеринке или в театре, где-нибудь на галерке, а то так и в партере по студенческой контрмарке, когда платной публики мало: антрепренеры нас любят, мы хлопаем усердно, и кричим, вызывая актрис, пока не погасят всех огней. Летом уедешь к родителям. Так, только слышал, что рядом великолепный Сад нашего профессора, знаменитого Ботаника.

– Потому и знаменитый, что черту душу продал, – сердито

сказала Старуха.

Студент рассмеялся весело.

– А все-таки, – сказал он, – мне странно, что я никогда до сегодняшнего вечера не видел его дочери, хотя и слышал много об ее дивной красоте и о том, что многие знатные юноши Старого Города и из других мест, близких и дальних, добивались ее любви, и надеялись, и обманывались, а иные и умирали, не стерпев ее холодности.

– Она – коварная, – сказала Старуха. – Она знает цену своим чарам, и показывается не всем. Нищему студенту трудно свести с ней знакомство. Отец обучил ее многому, чего и ученые не знают, но на ваши сходки она не ходит. Она больше с богатыми, от которых можно ждать многих подарков.

– Старая, сегодня я хорошо видел ее, и мне кажется, – возражал Юноша, – что девица с таким прекрасным лицом, с такими непорочно-ясными глазами, с такими изысканно-грациозными манерами и одетая так красиво, не может быть коварной и корыстной, и гнаться за подарками. Я твердо решил, что познакомлюсь с ней. Сегодня же пойду к Ботанику.

– Ботаник тебя и на порог не пустит. Его слуга о тебе и докладывать не пойдет, как увидит твою поношенную одежку.

– Что ему за дело до моей одежды! – с досадой сказал Юноша.

– Да вот, разве, если бы ты на крылатом змее приехал, так, пожалуй, пустили бы, и на твои заплатки не поглядели бы.

Юноша засмеялся и воскликнул весело:

– Что ж, Старая, и крылатого змея оседлаю, коли иначе туда не попасть будет.

Старуха ворчала:

– Да уж от ваших забастовок добра не ждать. Учились бы смиренно, и все было бы хорошо. И тебе бы не было никакой печали до этой хитрой Красавицы и до ее страшного Сада.

– Что страшного в ее саду? – спросил Юноша. – А не бастовать нам никак нельзя было: наши права и права университета нарушены, – неужели же мы смиренно подчинимся?

– Юноши должны учиться, – ворчала Старуха, – а не права разбирать. А ты, милый Юноша, прежде чем с Красавицей знакомиться, в ее Сад взглядишь хорошенько из окошка, завтра утром, при свете солнца, когда все видно ясно и верно. Ты увидишь, что в этом Саду нет цветов, которые здесь всем знакомы, а цветов, какие там есть, кто у нас в Городе не знает. Подумай-ка об этом хорошенько, ведь это не просто. Бес коварен, не его ли это создано на пагубу людям?

– Это, растения чужестранные, сказал Юноша, – они привезены из жарких стран, где все иначе.

Но уже Старуха не хотела больше разговаривать. Она досадливо махнула рукой и, шагая туфлями, сердито и неразборчиво бормоча неласковые слова, вышла из комнаты.

Первым побуждением Юноши было – подойти к окну, отдернуть зеленое полотно занавески и опять посмотреть в очаровательный Сад, и ждать. Но помешали: пришел Товарищ, шумный и нескладный молодой человек, и позвал Юношу идти в место, где они часто собирались, чтобы говорить много, спорить и шуметь, и смеяться.

По дороге Товарищ, смеясь, негодуя и размахивая руками немножко больше, чем следовало бы, рассказывал Юноше о том, что происходило сегодня утром в аудиториях и университетских корридорах, как

были сорваны все лекции, как были посрамлены противники забастовки, какие прекрасные слова говорили любимые хорошие профессора, и как смешно вели себя профессора нелюбимые и, значит, нехорошие.

Юноша провел интересный вечер. Говорил волнуясь, как все. Слушал искренние и горячие речи. Смотрел на товарищей, лица которых выражали и беззаботную смелость молодости, и ее пламенное негодование. Видел девушек, милых, умных и скромных, и мечтал о том, что из их веселого круга изберет себе подругу. И почти забыл о Красавице в очаровательном Саду.

Вернулся домой поздно, и заснул крепко.

Утром, когда он открыл глаза, и когда взор его упал на желтое полотно занавески у окна, показалось ему, что ее желтизна окрашена багрянцем темного желания, и что в ней есть какая-то странная и жуткая напряженность. Казалось, что солнце настойчиво и страстно упирает свои жгучие и горькие лучи в это пронизанное золотым светом полотно, и зовет, и требует, и волнует. И в ответ этой удивительной внешней напряженности золота и багрянца огненной живостью наполнились жилы Юноши, упругой силой налились его мускулы, и сердце его стало, как родник ярких пожаров. Пронизанный сладко миллионами живящих, и горящих, и возбуждающих игол, вскочил он с постели, и с ребяческим веселым хохотом, не одеваясь, принялся прыгать и плясать по комнате.

Привлеченная необычным шумом, заглянула в дверь Старая хозяйка. Покачала укоризненно головой, и ворчливо сказала:

– Милый Юноша, пляшешь и радуешься и всех беспокоишь, а чему рад, и сам не знаешь, и не ведаешь, кто стоит под твоим окошком, и что она тебе готовит.

Юноша смутился, и стал тих и скромн, как раньше, что и согласно было с его характером, и соответствовало прекрасному воспитанию, полученному им дома. Он умылся старательнее обычного, оттого, может быть, что не надо было сегодня спешить на лекции, а может быть, и по иной причине, и с таким же тщанием оделся, при чем долго чистил свою изрядно уже поношенную одежду; новой у него не было, так как родители его были не богаты, и не могли присылать ему много денег.

Потом подошел он к окну. Сердце его забилось тревожно, когда он отдернул желтое полотно занавески.

Очаровательно-прекрасное зрелище открылось перед ним, – хотя сегодня он сразу заметил, что есть что-то странное во всем виде этого обширного и превосходно расположенного Сада. Что именно его удивляло, еще он не сразу понял, и внимательно стал рассматривать Сад.

Что же было неприятного в его красоте? Отчего так больно замирало сердце Юноши?

То ли, что все в очаровательном Саду было слишком правильно? Дорожки разбиты прямо, все – одинаковой ширины, и однообразно усыпаны ровным слоем желтого песку; растения посажены с тщательной порядливостью; деревья подрезаны в виде шаров, конусов и цилиндров; цветы подобраны по тонам, так что сочетание их ласкало глаз, но почему-то ранило душу.

Но, рассуждая здраво, что же неприятного в том порядке, который свидетельствует, что кто-то неусыпно заботится о Саде?

Нет, не в этом, конечно, была причина странного беспокойства, томившего Юношу. В чем-то другом, еще непонятном Юноше.

Одно было несомненно, что этот Сад не был похож ни на один из тех садов, которые довелось на своем веку повидать Юноше. Он

видел здесь цветы громадные и слишком яркой окраски, – порой казалось, что разноцветные огни пылали среди буйной зелени, – бурые и черные стебли ползучих растений, толстые, как тропические змеи, листья странной формы и непомерной величины, зелень которых казалась неестественно яркой.

Пряные и томные ароматы легкими волнами вливались в открытое окно, вздохи ванили, и ладана, и горького миндаля, сладкие и горькие, торжественные и печальные, как ликующая погребальная мистерия.

Юноша чувствовал на своем лице нежные, но бодрящие прикосновения легкого ветра. В Саду же, казалось, ветер не имел силы, и в изнеможении улегся на спокойно-зеленой траве и в тени под кустами странных насаждений. И от того, что деревья и травы странного сада были бездыханно тихи, и не слышали тихо-веющего над ними ветра, и ничем не отвечали ему, они казались неживыми. А потому – лживыми, злыми и враждебными человеку.

Впрочем, одно из растений шевелилось. Но, взглядевшись, Юноша засмеялся. То, что он принял за безлиственный ствол странного растения, был человек небольшого роста и тощий, одетый весь в черном. Он стоял перед кустом с ярко-пурпурными цветами, потом медленно пошел по дорожке, опираясь на толстую палку и приближаясь к тому окну, из которого глядел Юноша.

Не столько по лицу, которое, будучи прикрыто широкими полями черной шляпы, только отчасти было видно сверху, сколько по манерам и походке Юноша узнал Ботаника. Не желая показаться нескромным, Юноша немного отодвинулся от окна в глубину комнаты. Но вдруг увидел он, что навстречу Ботанику шла Красавица, его юная дочь. Ее нагие руки были подняты к сложенным наголове черным косам, потому что в это время она вкалывала в волосы ярко-пунцовый цветок. Ее легкое и короткое, открытое платье было застегнуто на одном плече золотой пряжкой. Стройные, белые ноги были обуты в золоченые сандалии и обвиты широкими розовыми лентами.

Сердце Юноши забилось, он забыл всякую осторожность и скромность, опять бросился к окну, и жадно глядел на милое видение.

Красавица кинула в его сторону быстрый, пламенный взгляд, – синие из-под черных ровных бровей сверкнули очи, – и улыбнулась нежно и лукаво.

Если бывают люди счастливы, если светит им порой безумное солнце радости, сладким кружением восторга унося в запредельные страны, – то где слова, чтобы сказать об этом? И если есть на свете красота для очарований, то как описать ее?

Но вот остановилась Красавица, пристально посмотрела на Юношу, и засмеялась радостно и весело, – и в несказанном кружении восторга забыл Юноша о всем, что есть на свете, стремительно наклонился из окна и закричал голосом, звонким от волнения:

– Милая! Прекрасная! Божественная! Приди ко мне! Люби меня!

Красавица подошла близко, и Юноша услышал тихо-звенящий, ясный голос, каждый звук которого сладкой мукой ранил его сердце:

– Милый Юноша, знаешь ли ты цену моей любви?

– Хотя бы ценой жизни! – восклицал Юноша. – Хотя бы у темных ворот Смерти!

Ее лицо было бело, ее щеки были румяны, ее глаза были сини, ее уста были алы, – зарей пылающей и смеющейся стояла она перед Юношей, и простирала к нему стройные, обнаженные руки. И говорила,

и веял от ее слов аромат обольстительный и томный, как вздохи нежной туберозы:

– О, милый Юноша, мудрый и страстный, ты знаешь, ты видишь, ты дождешься. Многие любили меня, многие жаждали обладать мной, прекрасные, юные, сильные, многим улыбалась я улыбкой обаятельной, как улыбка последней утешительницы, но никогда никому до тебя не говорила я сладких и страшных слов: люблю тебя. Теперь хочу, и жду.

Страстью и желанием звенел ее голос. Она отвязала от пояса шелковый черный шнурок с бронзовым на нем ключем, и уже взмахнула рукой, чтобы бросить ключ Юноше, но не успела. Отец уже спешил к ней, заметив еще издали, что она заговорила с незнакомым Юношей. Он грубо схватил ее за руку, отнял от нее ключ и закричал хриплым старческим голосом, противным, как тяжелое карканье старого ворона на кладбище:

– Безумная, что ты хочешь сделать? Не о чем тебе с ним говорить. Этот Юноша не из рода тех, для кого взростили мы наш Сад, смешав соки этих растений с ядовитой смолой Анчара. Не для таких, как этот голяк, погиб наш предок, надышавшись тлетворным ароматом страшной смолы. Иди, иди домой, и не смей говорить с ним.

Старик повлек дочь к дому, видневшемуся в глубине Сада, крепко сжимая ее руки, обе захватив одной своей рукой. Красавица покорно шла за отцом и смеялась. И был смех ее ясен, звонок и сладок, и жалил тысячами острых жал пламенеющее сердце Юноши.

Он еще долго стоял у окна, долго всматривался напряженными глазами в расчисленные и расчищенные дали очарованного Сада. Но уже Красавица больше не показывалась. Все тихо и недвижно было в дивном Саду, и бездыханными казались чудовищно-яркие цветы, и от них доходил до Юноши аромат, кружащий голову и жутким томлением сжимающий сердце, – аромат, напоминающий темные, стремительные, жадные вздохи ванили, цикламена, датумы и тубероз, злых и несчастных цветов, умирающих умерщвляя, чарующих смертной тайной.

Юноша твердо решил проникнуть в дивный Сад, надышаться таинственными ароматами, которыми дышит Красавица, и добиться ее любви, хотя бы ценой за нее была жизнь, хотя бы путем к ней был путь смертный, путь безвозвратный. Но кто бы помог ему проникнуть в дом старого Ботаника?

Юноша ушел из дому. Долго ходил он по Городу, и всех, кого знал, расспрашивал о Красавице, дочери Ботаника. Одни не могли, другие не хотели ввести его в дом старого Ботаника, и о Красавице все говорили недоброжелательно.

Товарищ ему сказал:

– Все молодые Оптиматы Города влюбляются в нее, и хвалят ее изысканную и утонченную красоту. Нам же, Пролетариям, ее красота ненавистна и ненужна: ее мертвая улыбка нас раздражает, и безумие, затаившееся в синеве ее глаз, нам противно.

Девушка, вторя ему, говорила:

– Ее красота, о которой говорят много праздные и богатые юноши, вовсе даже и не красота на наш взгляд. Это – мертвая красивость разложения и упадка. Я думаю даже, что она румянится и белится. От нее пахнет, как от ядовитого цветка: даже дыхание у нее ароматно, и это противно.

Популярный Профессор говорил:

– Коллега Ботаник – знаменитый и ученый человек; но он хочет подчинять свою науку высоким интересам гуманности. Его дочь,

говорят, очаровательна; некоторые говорят об оригинальности ее костюмов и манер; впрочем, я не имел случая беседовать с ней более или менее обстоятельно; при том же в нашем кругу ее редко можно встретить. Думаю, однако, что ее очарования заключают в себе нечто вредное для здоровья, — до меня дошли странные слухи, за достоверность которых, конечно, я не ручаюсь, слухи о том, что процент смертности среди посещающих этот дом молодых аристократов выше среднего.

Аббат, с тонкой улыбкой на бритом бледном лице, сказал:

— Когда Красавица приходит ко мне в церковь, она молится слишком усердно. Можно подумать, что она замаливает тяжелые грехи. Но я уверен, что нам не доведется увидеть ее в шерстяной сорочке кающейся грешницы.

Мать, выславши из комнаты всех дочерей, сказала:

— Я не понимаю, что в ней находят привлекательного. На нее разоряются, она кокетничает, разбивает сердца юношей, отнимает женихов от невест, а сама никого не любит. Я не позволяю моим милым дочкам, Миночке, Линочке, Диночке, Ниночке, Риночке, Тиночке и Зиночке, вести с ней знакомство. Они у меня такие скромные, милые, любезные, веселые, приветливые, прилежные, такие хозяйки, такие рукодельницы. И как мне ни жаль расставаться с ними, но, так и быть, старшенькую я выдала бы замуж за такого скромного юношу, как вы.

Юноша ушел поспешно. Семь сестриц улыбались ему из окна, теснясь одна за другой. Это было зрелище милое и приятное, но сердце Юноши полно было сладкими и жуткими мечтами о Красавице.

* * *

Старый Ботаник привел свою дочь в дом. Его гнев смягчился, и хотя он до самого порога не выпускал из своей руки с большими костлявыми пальцами сложенный вместе тонких рук весело улыбающейся Красавицы, но уже он не жал их так больно, и не толкал ее так грубо. Его лицо было печально. Он выпустил руки своей дочери, и она сама послушно вошла за ним в его кабинет — огромную, мрачную комнату, стены которой были загромождены полками с множеством книг, громадных и запыленных.

Ботаник сел в обитое темной кожей кресло у своего тяжелого дубового стола. Он казался усталым. Прикрыл глаза, еще юношески блестящие, пергаментно-желтой, дрожащей рукой, и укоризненно смотрел из-под руки на дочь.

Красавица стала на колени у его ног, и смотрела снизу в лицо старого Ботаника, и улыбалась нежно и покорно. Она стояла прямо, с опущенными руками, и в позе ее была смиренная покорность, и в улыбке обольстительных уст было нежное упрямство. Лицо ее казалось побледневшим, и казалось, что на губах ее зыбко пламенует безумие смеха, и что в синеве ее глаз затаилось безумие тоски. Молчала, и ждала, что скажет отец.

И он сказал медленно, словно с трудом находя слова:

— Милая, что же я слышал? Не ждал я от тебя этого. Зачем ты это сделала?

Красавица склонила голову, и сказала тихо и печально:

— Отец, рано или поздно это же должно совершиться.

— Рано или поздно? — спросил отец, как бы с удивлением. И продолжал: — так пусть это лучше совершиться поздно, чем рано.

– Я пламенею, – тихо сказала Красавица.

И улыбка на ее устах была как отблеск знойного пылания, и в глазах ее затаились синие молнии, и ее обнаженные плечи и руки были, как тонкий алавастровый сосуд, наполненный расплавленным металлом. Порывисто дышала высокая грудь, и две белые волны рвались из тесных объятий ее платья, нежный цвет которого напоминал желтоватую розовость персика. Из под складок недлинной одежды были видны трепетно лежащие на темно-зеленом бархате ковра белые ноги, обвитые розовыми лентами золоченых сандалий.

Отец тихо покачал головой, и сказал печально и строго:

– Ты, милая дочь, столь опытная и столь искусная в дивном умении чаровать, оставаясь непорочной, должна знать, что еще рано тебе отходить от меня и бросать недовершенный мой замысел.

– Но зедь этому не будет конца? – возразила Красавица. – Они приходят вновь и вновь.

– Никто не знает, – сказал Ботаник, – будет ли этому конец, и увидит ли мы завершение нашего замысла, или передадим его иным поколениям. Но мы сделаем, что можем. Вспомни, что сейчас должен прийти к тебе молодой Граф. Ты поцелуешь его, – но не более, – и дашь ему отравленный цветок по его выбору. И он уйдет, полный сладких надежд и трепетных ожиданий – и опять свершится и над ним неизбежное.

Выражение покорности и скуки легло на лицо Красавицы.

– Иди, – сказал отец.

Наклонился, поцеловал ее в лоб. Красавица прильнула знойно-алыми губами к его морщинистой, желтой руке, прижалась к его сухим коленям белой, полуобнаженной грудью, вздохнула и встала. И вздох ее был, как свирельный стон.

Через полчаса Красавица, нежно улыбаясь, говорила молодому, красивому, надменному Графу, стоя перед ним среди Сада, у круглой клумбы с яркими, громадными цветами, от которых исходил одуряющий аромат:

– Милый Граф, вы хотите очень многого. Желания ваши слишком пылки и слишком нетерпеливы.

Улыбка ее была так же нежна и лукава, и непорочно ясные взоры ее с ласковым любованием скользили по стройной фигуре молодого Графа, и по его богатому наряду, сшитому модно и красиво из самых дорогих тканей, и украшенному золотом и самоцветными камнями.

– Милая очаровательница, – говорил Граф, – я знаю, что вы были холодны ко многим, искавшим вашей благосклонности. Но ко мне вы будете более ласковы. Я сумею добиться вашей любви. Клянусь честью, я заставлю потемнеть от страсти холодную синеву ваших глаз.

– Чем же вы стяжаете мою любовь? – спросила Красавица.

Непроницаемо было выражение ее прекрасного лица, и ее голос не обличал того волнения, которое так легко овладевает девами, когда они слышат знойный голос внушенной ими страсти. Но самоуверенный, надменный Граф не смутился. Он говорил:

– От предков моих досталось мне не мало сокровищ, и я сам, золотом и отвагой, приумножил их. Много у меня драгоценных камней, перстней, ожерелий, запястий, восточных тканей и ароматов, арабских коней, шелковых и атласных одежд, редкого оружия, и другого много, чего и перечислить скоро не сумею, чего даже не сразу и вспомню. Все я рассыплю у твоих ног, очаровательница, – рубинами оплачу я твои улыбки, жемчугами твои слезы, золотом твои

ароматные вздохи, алмазами твои поцелуи, и ударом верного кинжала твою лукавую измену.

Красавица засмеялась. Сказала:

– Еще я не ваша, а уже вы боитесь моей измены, и угрожаете мне. Ведь я могу и рассердиться на это.

Граф порывисто склонил перед Красавицей колени и осыпал поцелуями ее руки, гибкие и стройные, от нежной кожи которых подымалось легкое и жуткое благоухание.

– Простите моему безумию, оваровательная Красавица, – молил он, вдруг забывши всю свою надменность, – любовь к вам лишает меня покоя и подсказывает мне дикие поступки и странные слова. Но что же мне делать! Я люблю вас больше, чем мою душу, и за обладание вами готов заплатить не только моими сокровищами, не только моей жизнью, но и тем, что дороже мне жизни и спасения души, – моей честью!

Красавица сказала очаровательно ласково:

– Ваши слова тронули меня, милый Граф. Я не возьму с вас непомерно большой платы за мою любовь – она не покупается, и не продается. Но кто любит, тот должен уметь и подождать немного. Истинная, верная любовь всегда найдет путь к сердцу возлюбленной.

Граф поднялся. Изысканным жестом он оправил кружевные манжеты своего атласного зеленого кафтана и устремил на Красавицу долгий, восторженный взор. Глаза их встретились, и непроницаемо попрежнему было выражение непорочно светлых глаз Красавицы.

Охваченный смутной тревогой, которая в минуты смертной опасности одолевает даже надменных и самоуверенных, Граф отошел от Красавицы. На скамье недалеко лежал красиво изукрашенный резьбой дубовый ларец. Граф открыл его и с почтительным поклоном поднес Красавице.

Солнечные лучи веселым смехом задрожали на бриллиантах и рубинах диадемы. И казалось надменному Графу, что сияние и смех падают на многоценные камни от рдеющих уст Красавицы. Но улыбка ее была такая же, как и раньше, и она любовалась подарком, как малоценным, хотя и приятным знаком внимания. Потом на миг опечалилась легко, отуманилась, и сказала:

– Мои предки были рабами, а ты даришь мне диадему, от которой не отказалась бы и царица.

– Очаровательница! – воскликнул Граф, – ты достойна и еще более блистающей диадемы.

Красавица улыбнулась ему приветливо и опять опечалилась легко, отуманилась, и говорила тихо:

– Доля моих предков – горячие капли крови под бичами жестоких, а мне – торжественные рубины увенчанной радости.

И совсем, совсем тихо шепнула:

– Но не забуду.

– Что же вспоминать о давно-минувшем! – воскликнул Граф. – Радостны дни светлой юности, а печаль воспоминаний оставим старости.

Красавица засмеялась, отгоняя смехом грусть, мгновенную, как тучка, тающая на летнем солнце. Сказала Графу:

– За ваш прекрасный подарок, милый Граф, я дам вам сегодня один цветок по вашему выбору и один поцелуй. Только один.

Молодой Граф пришел в такой восторг и выражал его так стремительно и шумно, что Красавица повторила нежно и строго:

– Только один, не более.

И спросила Графа:

– Какой цветок хотите вы, милый Граф, получить от меня?

Граф ответил:

– Прекрасная обольстительница, что вы мне ни дадите, за все я буду вам несказанно благодарен.

Улыбаясь, говорила Красавица:

– Все цветы, которые вы здесь видите, милый Граф, привезены издалека. Они собраны с большим трудом и даже с опасностями. Прилежным уходом отец мой улучшил их форму и окраску, и аромат. Долго изучал он их свойства, пересаживал их, скрещивал, прививал и, наконец, достиг того, что из бедных, диких, некрасивых полевых и лесных цветочков образовались эти очаровательные, благоуханные цветы.

– И самый счаровательный цветок – вы, милая Красавица! – воскликнул Граф.

Красавица легко вздохнула и продолжала:

– Аромат их многие находят слишком крепким и одуряющим. И я замечаю, что вы, милый Граф, бледнеете, – мы с вами слишком долго были среди этих знойных ароматов. Я–то привыкла, я с детства надышалась ими, и самая кровь моя пропитана их сладкими испарениями. А вам не следует лишком долго стоять здесь. Выбирайте скорее, какой цветок вы хотите взять от меня.

Но молодой Граф настаивал, чтобы Красавица сама выбрала ему цветок, – он ждал с нетерпением ее второго подарка, обещанного поцелуя, – первого ее поцелуя.

Красавица посмотрела на цветы. Лицо ее омрачилось опять легкой тенью печали. Вдруг быстро, словно движимая чужой волей, она протянула руку, столь прекрасную в своей обнаженной белизне, и сорвала белый махровый цветок. Замедлила руку, склонила голову и, наконец, с выражением застенчивой нерешительности приблизилась к Графу и вложила цветок в петлицу его кафтана.

Аромат сильный и резкий пахнул в побледневшее лицо молодого Графа, и в томном бессилии закружилась его голова. Равнодушие и усталость овладели им. Едва помнил себя, едва чувствовал, как взяла его Красавица под руку и увела в дом, от ароматов дивного Сада.

В одной из комнат дома, где все было светло, бело и розово, Граф очнулся. Юношеская свежесть вернулась на его лицо, черные глаза его зажглись опять страстью, и он снова почувствовал радость жизни и буйство желаний. Но уже подстерегало его неизбежное. Белая рука, нагая и стройная, легла на его шею, и ароматный поцелуй Красавицы был нежен, сладок и долог. Две синие молнии ее глаз блеснули близко перед его глазами, и призакрылись тихой тайной длинных ресниц. Жуткие огни сладкой боли вихрем закружились вокруг сердца молодого Графа. Он поднял руки обнять Красавицу, – но с легким криком она отшатнулась и, легкая, тихая, убежала, оставив его одного.

Граф бросился было за ней. Но в дверях розовой горницы встретил его старый Ботаник. Язвительна была улыбка тонких губ, алой чертой разрезавших пергаментно–желтое лицо. Граф смутился. С несвойственным ему замешательством, чувствуя во всем теле странную слабость, простился он со старым Ботаником и ушел.

Жуткие вихри сладкой боли все быстрее кружились вокруг сердца молодого Графа, когда он ехал домой, верхом на вороном арабском скакуне, еле слыша звонкий, четкий стук подков о камни. Все бледнее становилось его лицо. Вдруг глаза его сомкнулись, рука опустила поводья, и он тяжело склонился, падая с седла. Испуганный

конь взвился на дыбы, сбросил седока и помчался.

Графа подняли уже мертвым, с разбитой о камни головой. И не знали, отчего он умер. Дивились, – такой был искусный наездник!

* * *

Настала ночь. Сладко и тревожно светила полная луна, ворожа и чаруя с лучами холодными, могильно-тихими. Смутным страхом полно было сердце Юноши, когда он подошел к своему окну. Рука его, захватив край зеленой занавески, долго медлила и колебалась, прежде чем он решился не спеша отвести в сторону занавеску. Медленно свиваясь, шуршало зеленое полотно, и шелест его сходен был со змеиным еле слышным свистом в лесной заросли; и тихо звенели и скрежетали о медный прут медные легкие кольца.

Красавица стояла под окном, и смотрела на окно, и ждала. И сердце Юноши дрогнуло, и не мог он понять, страхом или восторгом томнилось его сердце.

Черные косы Красавицы были распущены, и падали на ее нагие плечи. Резкая тень лежала на земле рядом с ней. Освещенная сбоку луной, стояла она, подобная резкому и четкому видению. Та половина ее лица, которая освещена была луной, и ее плеча, и ее руки, были мертвенно-белы, как белый цвет ее туники. Складки белой туники были строги и темны. Темна была синева ее глаз, загадочная была ее неподвижная улыбка. На странной успокоенности ее тела и ее одежды тускло поблескивала гладкая матовая пряжка, застегнутая на плече.

Заговорила тихо, и амброй, мускусом и туберозой благоухали ее слова, звенящие, как тонкие серебряные цепи у зажженного кадила.

– Милый Юноша, я и люблю тебя. Повинуясь твоему призыву, я нарушила волю моего отца, и пришла к тебе, чтобы сказать: бойся меня и моих чар, беги от этого Старого Города далако, а меня оставь моей темной судьбы, меня, упоенную злым дыханием Анчара.

– О, прекрасная! – отвечал ей Юноша, – ты, которую я едва узнал, и которая уже для меня дороже моей жизни и моей души, – зачем говоришь ты мне эти жестокие слова? Или ты не веришь моей любви, которая зажглась внезапно, но уже не погаснет?

– Я люблю тебя, – повторила Красавица, – и не хочу тебя погубить. Дыхание мое напитано ядом, и прекрасный Сад мой отравлен. Тебе первому я говорю это, потому что я люблю тебя. Торопись же оставить этот Город, беги от этого Сада с тлетворной красотой, беги далеко, и забудь обо мне.

Упоенный восторгом и печалью, сладчайшей всех земных радостей, Юноша воскликнул:

– Возлюбленная моя! Что же мне от тебя надо? Не одного ли мгновения жаждет моя душа! Сгореть в блаженном пламени восторга и любви, и у сладчайших ног твоих умереть!

Легкий трепет пробежал по телу Красавицы, и вся она стала, как ясная радость зари за белым туманом. Торжественным, широким движением подняла она свои белые, нагие руки, и вся стремилась к Юноше, и говорила:

– О, возлюбленный мой! Так будет, как ты хочешь, и с тобой умереть мне сладко. Иди же ко мне, в мой страшный Сад, и я расскажу тебе мою темную повесть.

Опять, как утром, в руке ее блеснул бронзовый ключ на розовой ленте. Засмеялась – резво, как мальчик, отбежала назад, мелькая на желтом песке дорожки белизной стройных ног, размахну-

лась быстро и ловко, – и метнула ключ в окно. Юноша протянул руки и на лету схватил ключ.

– Милый, я жду, я жду! – повторяла Красавица.

* * *

Там, в отравленном Саду, под сенью таинственных растений, где неживая луна смешивала отраву своей тоски с ядовитым дыханием земных злых цветов, стояли они, Юноша и Красавица, упоенные восторгом и печалью. Они глядели в глаза друг другу, и Красавица, голосом, звенящим как хрупкий голос клавесин, говорила:

– Мои предки были рабами, – но и рабы жаждут свободы. Повинуясь повелению господина, один из моих предков совершил утомительно долгий путь, чтобы достигнуть пустыни, где растет Анчар. Он собрал ядовитую смолу Анчара и принес ее господину. Отравленные стрелы доставили господину не мало побед. А мой предок, надышавшийся злых благоуханий, умер. Его вдова задумала отомстить злему роду победителей. Она воровала отравленные стрелы, мочила их в воде и, как многоценное вино, прятала эти настои в глубоких подвалах. Каплю настоя вливала она в бочку воды, и этой водой поливала пустырь на краю Старого Города, где теперь наш дом и этот Сад. Потом брала каплю воды со дна этой бочки, вмешивала ее в хлеб и кормила им своего сына. И стала почва этого Сада отравленной, и сыну своему привила она яд. И с того времени весь род наш, из поколения в поколение, питался ядом. И ныне в жилах наших течет пламенеющая ядом кровь, и дыхание наше ароматно, но пагубно, и кто целует нас, тот умирает. И не слабеет сила нашего яда, пока живем мы в этом отравленном Саду, пока мы дышим ароматами этих чудовищных цветов. Семена их привезены издалека – мой дед и мой отец были везде, где можно достать злые и вредные людям растения, – и здесь, в этой издавна отравленной почве, эти злые, эти пагубные цветы раскрыли всю свою гневную силу. Благоухая так сладко, так радостно, они, коварные, и росу, падающую с неба, претворяют в губительную отраву.

Так говорила Красавица, и радостно звенел ее голос, и лицо ее пылало великим ликованием. Кончила рассказ, и засмеялась тихо, и не весело. Юноша склонился перед ней, и молча целовал ее руки, вдыхая томительное благоухание мирры, алоэ и мускуса, веявшее от ее тела и от ее тонкой одежды. Красавица заговорила опять:

– Приходят ко мне потомки угнетателей, потому что чарует их моя злая, моя отравленная красота. Я улыбаюсь им, обреченным смерти, и каждого из них мне жаль, а иных я почти любила, но не отдавалась никогда никому. Только одним поцелуем дарила я каждого, – и поцелуи мои были невинны, как поцелуи нежной сестры. И тот, кого я целовала, умирал.

Ужасом смерти и несказанным восторгом, одновременно двумя столь несходными страстями томилась душа смущенного Юноши. Но любовь, побеждающая все, преодолевающая даже и томления предсмертной тоски, победила и ныне. Восторженно простирая к нежной и страшной Красавице трепетные руки, воскликнул Юноша:

– Если в поцелуе твоём смерть, о, возлюбленная, дай мне упиться неисчислимостью смертей! Прильни ко мне, целуй меня, люби меня, обвей меня сладостным ароматом твоего отравленного дыхания, смерть за смертью вливай в мое тело и в мою душу, пока не разрушишь все, что было мной!

– Ты хочешь! Ты не боишься! – воскликнула Красавица.

Бледное в лучах неживой луны лицо Красавицы стало, как матовый светоч, и были трепетны и сини молнии ее печальных и радостных глаз. Движением доверчивым, нежным и страстным она прильнула к Юноше, и ее нагие, стройные руки обвились вокруг его шеи.

– Мы умрем вместе! – шептала она. – Мы умрем вместе. Весь яд моего сердца пламенеет, и огненные струи стремятся по моим жилам, и я вся, как объятый великим пламенем костер.

– Я пламенею! – шептал Юноша. – Я сгораю в твоих объятиях, и мы с тобой – два пламенные костра, пылающие великим восторгом отравленной любви.

Тускнела и падала печальная, неживая луна, – и черная ночь пришла и стала на страже. Тайну любви и поцелуев, ароматных и отравленных, осенила она мраком и тишиной. И слушала согласный стук двух замирающих сердец, и в чутком молчании сторожила последние, легкие вздохи.

Так в отравленном Саду, надышавшись ароматами, которыми дышала Красавица, и упившись сладкой ее любовью, жалеющей нежно и смертельно, умер прекрасный Юноша, – и на груди его умерла Красавица, сладким очарованиям ночи и любви предав свою отравленную, но благоухающую душу.

ПРЕТВОРИВШАЯ ВОДУ В ВИНО

Молва предшествовала ему, пророку и учителю, народ ждал чуда. Рассказы о чудесах передавались из уст в уста. Верили. Мудрые же молчали. Они знали, что народ не мог жить дальше без чуда.

Мал и беден был город, куда пришел Учитель в утро того дня, когда молодая чета праздновала свою свадьбу. Друзья и знакомые сошлись на пир. Был зван и Учитель и его Мать. Грустен был Учитель, и не веселил его пиршественный шум. Печально смотрели на молодых его очи, потому что он знал, что дом их будет пуст.

Он знал, что дом их будет пуст...

Уста невесты дрогнули сладкой негой, когда упал на них поцелуй жениха...

Он знал, что дом их будет пуст...

Куст алых роз осыпался, пламенея усталым цветом у бедного порога. И, смеясь, шептал коварный искунитель:

– Срывающий розы, бойся острых шипов!

Молодые и прекрасные, сидели новобрачные во главе стола, и земная веселость горела в их темных глазах. Тихо сказала невеста Учителю, – он сидел рядом:

– Учитель, для моей радости сотвори на свадьбе моей хорошее и не очень страшное чудо.

– У своего сердца проси чудес, – отвечал ей Учитель.

Не поняла. Ждала и молящими глазами, улыбаясь невинной улыбкой счастливицы, просила о чуде. И шептала Учителю:

– Ведь мы знаем, что ты делал чудеса для других, и даже, когда был маленьким, делал их для своей забавы. Ты делал птиц из глины, а они пели слаще соловья, и потом ты отпускал их на волю, и они улетали.

– Так, милая, – сказал Учитель, – мгновенно чудесное явление. Вот была глина, во тьме и молчании лежащая, – и возникла красно-поющая птица, – и уже нет ее. И твоя радость придет к тебе.

Опять ждала.

Длился пир, шумны были гости и веселы, и уже все вино было выпито. Требовали вина, и не было его. Мать Учителя сказала ему:

– У них нет вина. Они бедные люди. Нехорошо будет, если осудят их гости и скажут: вот была свадьба, и вина не хватило.

Все взоры обратились к Учителю. Он встал и вышел тихо на двор к водоему. Омытый дождем, влажен был мощеный камнем двор. Вода в водоеме была высока. Последние, редкие капли дождя рябили ее поверхность. Дымно-тусклый свет смоляного факеля делал блестяще-багровыми каменные края водоема, а вода казалась тяжелой и черной.

Учитель молчал. Из дома доносились шумные крики и буйный смех упившихся, но все же еще жаждущих гостей. Распорядитель пира стоял рядом с Учителем у водоема, и там же были родители жениха и несколько девушек, подруг новобрачной. Девушки из скромности почти совсем не пили вина; они много плясали, и головы их кружились от их пляски и от чуждого опьянения.

– Воды здесь много, – сказал распорядитель пира, – вина же у них нет. Но если ты, Учитель, захочешь, эта вода обратится в вино.

– А если я не захочу захотеть? – спросил Учитель.

Омрачилось лицо у распорядителя пира, и в глазах его было такое выражение, словно он услышал странные и ненужные слова. А юные девы, подруги новобрачной, восклицали ласково-звонящими голосами:

– Ты захочешь, Учитель!

– Покажи нам чудо!

– Мы еще никогда не видали чуда!

– Обрати эту воду в самое хорошее вино!

И с жадным любопытством смотрели они на Учителя и на воду, и ждали нетерпеливо, захочет ли Учитель показать им чудо, и удастся ли оно. И были похожи на курсисток, жаждущих эксперимента.

Учитель медленно и как бы с неохотой погрузил руку в воду. Тяжело заколебалась вода, и красные отсветы от колеблющегося пламени факельного побежали по ее поверхности. Казалось, что от руки Учителя изливается сила, окрашивающая воду и претворяющая ее в вино.

Зарадовались девы и засмеялись весело. Распорядитель пира зачерпнул воду ковшом, отведал ее и сказал:

– Как была вода, так и осталась водой.

Девы смутились. Учитель спокойно сказал:

– Друг мой, вели слугам наполнить чаши этой водой и нести ее гостям. Пусть пьют.

Так и сделал распорядитель пира. Девы же не знали, что им думать, и не могли понять, удалось чудо или нет, или еще надо ждать его. Смущенные, вернулись в дом и ждали, что будет.

Сидящие за столом радостно закричали:

– Вот несут новое вино!

– Его много, – хватит пить до нового дня.

– Будем пить за новобрачных это вино и за Учителя.

И более трезвые тихо передавали друг другу весть, что Учитель

выходил к водоему, чтобы из воды сделать вино.

Пили. Иные хвалили и думали, что это винолучше того, которое было в начале пира. Другие говорили, что вино слишкомразбавлено водой. И еще иные смеялись и говорили, что это простая вода.

Учитель сидел и молчал.

И вот одна из юных дев налила в свой кубок этой воды, подошла к Учителю и сказала:

– Учитель, скажи мне, вино это или вода?

– Смотри сама и пей, если хочешь, – ответил ей Учитель.

– Что же мои глаза! И что же я! – говорила дева.–Ангелы стоят вокруг тебя и оберегают тебя, – а я их не вижу. Звезды, кружасьв небе, поют над тобой, а я не слышу их гимна. Силычетырех стихий стекаются к тебе и опять из тебя истекают дивным потоком, а я его не ощущаю. Что же я! Но скажи, и поверю.

Учитель сказал:

– Пей эту воду с невинной верой, и твое сердце, творящее чудеса, претворит ее в живое вино, крепче которого нет на свете.

Юная дева выпила чашу воды до дна, и великой радостью осветилось ее лицо. Пьяная водой, как вином, крепким и сладким, она плакала от восторга и восклицала, хваля учителя и пророка, и плясала, кружась и ударяя в ладони. Упившиеся тупо смотрели на ее пляски, и хлопали кое–как ладонями, не успеваяза быстрым темпомее кружений. И говорили они:

– Да, славное винцо. Учитель–таки знает толк в вине.

Распорядитель пира и старые трезвые гости непонимали, чему радуется упившаяся этой простой водой девушка, и улыбались ее слезам и ее восклицаниям. Новобрачные, выпившие не мало, дремали и посматривали на тяжелый темный занавес над входом в опочивальню: он, молодой муж, уже почти ничего не видел и не слышал; она, молодая жена, была в досаде на то, что Учитель не сделал для нее чуда, и на то, что юная подруга ее веселится чему–то в час, когда вся веселость должна принадлежать только ей.

Она не видела чуда, и дом ее будет пуст...

Учитель тихо оставил пиршество и с Матерью своей удалился в тот дом, где его приняли на ночь. Восторженная дева шла за ними и пела, и восклицала, и плясала, и, забегая перед Учителем, падала лицом на землю и целовала Учителю ноги, и опять плясала, и смеялась, и плакала. Когда закрылась за Учителем дверь дома, восторженная дева с воплями радости выбежала из города, и всю ночь лежала на мокрой и теплой траве у ручья, и плакала от несказанной радости. Сладко и звонко пел над ней соловей, и благоухали белые и алые розы, и звезды вели над ней свой вечный хоровод под музыку высоких сфер.

Утром вернулась в свой дом, навеки обрадованная и навеки опечаленная радостью и скорбью, широкими, как небесные высокие сферы. Пророчествовала об Учителе и пророке, смеясь и плача. Говорили о ней:

– Безумная!

Жалели. Но и завидовали, – знали, что она видела великие тайны и дивные чудеса, что перед ней открывалось небо, что с ней говорил Бог.

АЛЧУЩИЙ И ЖАЖДУЩИЙ

"Иные верили и спаслись, иные не верили и погибли, - ранее же всех погиб сам очарователь".

*«Ночной гость»,
роман леди Эвелины Варвик.*

За несколько переходов от города Дамаска крестоносцы разделились на несколько отрядов. Они хотели достигнуть Дамаска с разных сторон, чтобы таким образом легче и безопаснее овладеть этим богатым и крепким городом. Кроме этого, разделиться на отряды, идущие отдельно, побуждало их и то обстоятельство, что громадное полчище их на одном пути терпело недостаток в съестных припасах. Было также признано необходимым исследовать во всех направлениях местность, по которой, внезапно появляясь и также внезапно исчезая, рыскали отважные и коварные сарацены.

Благочестивый Ромуальд из Турени и с ним шесть тысяч шестьсот рыцарей, монахов и смелых горожан из той же области и из других, близких к ней, отошли далее всех других на восток. Шли долго, дольше, чем рассчитывали, и все еще не видели конца своего пути.

Далеко вокруг простерлась бесплодная, безводная пустыня. Под ногами крестоносцев хрустел мелкий, плотный песок, тонким серым слоем покрывавший твердую, смешанную с известью, глину. Известковые и меловые скалы кое-где выставляли из-под песчаного слоя свои острые ребра. Ни травки вокруг. Безоблачное небо, яркое солнце.

Были съедены все взятые с собой запасы, была выпита вся вода, - и стали томиться люди голодом и жаждой.

- Хоть бы орла в небе подстрелить! - сказал рыцарь Гвидо, всматриваясь в пустынную синеву небес.

- Да нет в небе орлов, - сказал зоркий юноша Теобальд, - уже давно не видел я ни в небе, ни на земле окрест ничего живого.

И вдруг вскрикнул юный Теобальд:

- Смотрите, сарацын!

Далеко, еле видный среди серой пустыни, маячил на светлом коне сарацын в сером плаще. И вдруг опять вскрикнул юный Теобальд от внезапной боли: стрела пробила его горло, - Теобальд упал, корчась в предсмертных судорогах.

Сарацын исчез, скрытый грядой далеких скал.

Юный Теобальд хрипел, умирая, - и лицо его, за немногие минуты перед тем прекрасное и веселое, стало серым, как безжизненные пески окрестной мертвой пустыни.

Крестоносцы оплакивали недолго смертью ного Теобальда, - нельзя было медлить в этой скудной, зловещей пустыне, надо было искать верного пути к вожделенному Дамаску, или хотя таких мест, где есть вода и пища, хотя бы и ржавая вода болот, хотя бы и скудная пища из мяс зверей и птиц, подстреленных на бегу и на лету, или из небольшой на каждого горсти риса или пшена.

Юного Теобальда зарыли в неприветливой почве чахлой пустыни, монахи отпели над ним торопливо погребальные песни, – и дальше пошли наугад благочестивый Ромуальд из Турени и бывшие с ним.

Дальше, от могилы юного Теобальда. Но куда идти? Бесследная лежала окрест пустыня, легкой покрытая по краям мглой, вся безжизненная и серая, – и ничто не возникало в ее немом просторе: ни движение, ни звук. Только порой, вдруг являясь из-за серой скалы, маячил далеко быстрый на легком коне сарацин, выпускал стрелу и скрывался так же быстро, недостижимый для рыцарских стрел, зыбкий, лукавый, как бы порожденный одним из тех злобных демонов, которые всегда обитают в пустынных местах, подстерегая неосторожных или слишком отважных путников. И каждый раз стрела сарацина, пущенная с дьявольской меткостью, ворожала на смерть кого-нибудь из бывших с благочестивым Ромуальдом из Турени.

Шли долго, изнемогая от усталости, голода и жажды. И, когда останавливались где-нибудь у гряды неприветливых скал, то нерадостен был отдых и не возобновлял утомленных сил. И стали путники роптать на благочестивого Ромуальда. Говорили ему с горькой укоризной:

– Что же твое благочестие и твои воинские знания? Сутану ты носишь, и доспехи война одновременно, рыцарь и монах, книгам и ратному делу обучавшийся много, – что же все это, если завел ты нас в безводную пустыню, где скоро уже дьяволы порадуются гибели многих, подъявших подвиг освобождения великой святыни!

Уговаривал и утешал их Ромуальд, как мог, но ропот возрастал.

Когда уже совсем истомлены были голодом и жаждой, злой демон той пустыни стал мучить и дразнить их лживыми видениями. Вдруг возникали перед путниками невдалеке пальмовые рощи, и зеленая, сочная виднелась трава, и разливались весело зыбкой, серебрящейся на солнце полосой радостная вода, и даже казалось путникам, что слышно щебетание птиц, спующих между зелеными пальмами.

С воплями восторга, с молитвенными славословиями бежали путники к зеленеющей роще, – и вдруг исчезло мгновенно очаровавшее их видение. Там, где радовались только что их очи блеску солнца в воде и ряби прохладных ее струй по ветру, опять только сухой и мелкий песок рассыпался под их ногами, взвевный в воздух тяжестью их бега, – и легкая песочная пыль, пахнувшая горько и сухо, делала трудным их горячее дыхание, и траурной нелепой печали заволакивала все окрест.

Другой раз являлся перед путниками богатый город, – среди серой пыльной мглы ярко блестела белизна стен и позолота возвышенных кровель на узких башнях, тусклой свинцовой синевой мерцала ширь полноводной реки, и медленно скользили по ней тяжелые барки и многовесельные, узкие, длинные галеры. Возле города, перед его крепкими стенами, пестротой ярких красок переливалось суетливое торжище базара, и казалось путникам, что доносится до них смугный многоголосый гул гортанного, трескучего говора сарацин, сирийцев и евреев.

– Дамаск, Дамаск! – радостно восклицали путники, и бросались вперед, забывая усталость, голод и жажду.

А иные при этом в изнеможении падали побледневшим лицом в сухой, хрупкий песок, и умирали, полные восторга, как бы уже достигнувшие вожделенного города и насладившиеся всеми его обильными утехами и радостями.

Но опять исчезло в пыльной мгле очаровавшее измученных путников явление, – и снова мрачное уныние овладевало их сердцами.

И уже изнемогали слабые, и многие отставали в пути, и были многие убиты, как из числа отстававших, так и из тех, которые еще шли за Ромуальдом из Турени. И умирали многие от усталости, голода и жажды.

Утром, когда багровым дымом из-за мглистых скал медленно подымалось солнце, и когда еще гора небес была тускло-голубой, собрались около благочестивого Ромуальда спутники его, и было их шесть тысяч триста, роптали, и говорили ему:

- Завел нас в пустыню, где мы умираем.
- Мы голодны.
- Мы жаждем.

И говорили ему монахи:

- Все считают тебя благочестивым, но за чей же грех карает нас Господь? Вст, молились бы мы, но ослабели руки наши и не поднимаются к небу, и память наша помутилась, разроняла по пустынным пескам слова святых молитв. В пустыню, где господствуют демоны, завел ты нас, отважный Ромуальд.

И рыцари говорили ему:

- Победитель на многих турнирах и вождь искусный, ты вел нас, куда хотел, и мы шли за тобой, и верили тебе. Но вот в пустыню завел ты нас, где господствуют демоны и сарацены, таится враждебная сила, не смеет вступить с нами в открытый бой, - бесславно погубят нас коварные враги наши, демоны и сарацены. Что же твое искусство и твоя доблесть, Ромуальд!

И повопило к нему все множество собравшихся:

- Накорми нас!
- Напой нас!
- Покажи нам дорогу!

Хриплы были голоса вопиющих, и бессильная была в них угроза, и жалкая, изнемогающая мольба.

Поник головой благочестивый Ромуальд из Турени и думал долго. Затихли голоса его спутников, и трепетно ждало все множество их, что скажет им вождь

И сказал Ромуальд:

- Что же вы от меня хотите? Что я могу? Не из песку ли, попираемого ногами вашими, сотворю я вам пшено?

Концом своего посоха он быстро провел по песку, и серовато-белая поднялась пыль, и покатались, шелестя сухо, легкие песчинки.

В толпе тогда раздались радостные восклицания:

- Из песку сотворил Ромуальд нам пшено!
- Посрамлены Ромуальдом демоны пустыни!

Бросились люди на пересыпающиеся под их ногами песчинки, и проглатывали их, как пшено. Так обмануло их нестерпимое томление голода, и казалось им, что они насыщаются.

Другие же видели в пустыне только песок и камни и угрюмо молчали, но не унимали тех, кто принимал песок за пшено, и не спорили с ними.

И опять приступили к Ромуальду, и говорили ему:

- Нас томит жажда, - как дикий коршун, раздирает она внутренности наши. Скорее дай нам воды, или погибнем мы все до одного.

И сказал Ромуальд:

- Где же я найду для вас воды? Окружают нас только голые скалы. Не ударом ли посоха по камню изведу я для вас источник воды? Но вот, видите, скала не источает воды.

И ударил по скале концом своего посоха. Тогда люди, обманувшие свой голод небывалым пшеном, закричали громко:

– Из камня извел Ромуальд ударом своего посоха источник холодной воды!

– Снова посрамлены Ромуальдом коварные демоны пустыни!

Толпясь и толкаясь, приникли к скале, сухой и серой, – и опять обманули их томления жажды, и казалось им, что они пьют воду. А другие стояли поодаль, и знали, что нет воды, но не спорили с теми, кто небывалой освежал запекшиеся уста водой.

И потом обманувшие свой голод и свою жажду приступили снова к Ромуальду, и говорили ему:

– Теперь мы готовы идти к Дамаску, – веди нас, указывая нам дорогу.

Опечаленный сказал им Ромуальд:

– Я не знаю дороги. Или вы хотите, чтобы посох мой сам показывал вам путь, которого я не знаю?

Дрожащей от слабости рукой бросил он прочь от себя свой посох, а сам сел под скалой, усталые закрыв глаза.

И спутники его радостно говорили между собой:

– Посох благочестивого Ромуальда из Турени укажет нам дорогу.

– Снова посрамлены будут Ромуальдом злые демоны пустыни.

Юный рыцарь Бертран, искусный в разведывании дорог и чуткий к далеким звукам, взял Ромуальдов посох и пошел впереди путников, – тех, которые желанием чуда обманули свой голод и свою жажду. Скоро из мгlistой дали сверкнули им в глаза золоченные иглы дамасских минаретов, – и под стенами этого славного города соединились они с другими отрядами крестоносцев.

А благочестивый Ромуальд из Турени и с ним три тысяч триста остались в пустыне, где господуют демоны и сарацены, и умерли от голода и жажды. Ночью на их трупы пришли шакалы, привлеченные запахом мертвых тел. Яркое солнце пустыни потом выбелило кости погибших. Потом демоны пустыни, вея сухими ветрами, долго играли грудой костей, – и стучала кость о кость, и песок пересыпался вокруг них и над ними.

СНЕГУРОЧКА

– Снегурочка, побудь с нами.

– Хорошо. Я побуду.

– Снегурочка, ты таешь?

– Таю.

– Милая, краткое время побыла ты с нами, – что же с тобой?

– Позвали, – пришла. И умираю.

– И уж нет Снегурочки? Только слезы.

Злой говорит:

– Лужа на полу, – нет и не было Снегурки.

И говорит нам тот, кто знает:

– Тает Снегурка у наших очагов, под кровлей нашего семейного дома. Там, на высокой горе, где только чистое веет и холодное дыхание свободы, живет она, белоснежная.

Дети просят:

– Пойдем к ней, туда, на высокую гору.

Улыбается мать и плачет.

Опять, опять мы были дети. Ждали елки, праздника, радости, подарков, снега, огоньков, коньков, салазок. Ждали, сверкая глазами. Ждали.

Нас было двое: мальчик и девочка. Мальчика звали Шуркой, а девочку – Нюркой. Они были маленькие оба, красивые, румяные, всегда веселые, – всегда, когда не плакали; а плакали они не часто. Были они лицом в мать.

Хотя их мать звали просто-на-просто Анной Ивановной, но она была мечтательная и нежная в душе, а по убеждениям была феминистка. Кротко и твердо верила она, что женщины не плоше мужчин способны посещать университет и ходить на службу во всякий департамент. С дамами безыдейными она не зналась. Ее подруги, феминистки, считали ее умницей; другие ее подруги, пролетарки, смотрели на нее, как на кислую дурочку. но те и другие любили ее.

Муж у нее был учитель. Очень аккуратный. Верил только в то, что знал и видел. К остальному был равнодушен. Считал себя добрым, потому что никогда не подсуживал никого из сослуживцев. Ученики его побаивались, потому что он был необыкновенно систематичен и последователен. Поэтому, хотя он преподавал русский язык, его называли немчурой (немецкого учителя называли короче – немец).

Приближались святки. Дни были морозны и снежны. Шурочка и Нюрочка бегали в саду около их дома, на окраине большого города. Дорожки были расчищены, а там, где летом трава и кусты, снег лежал высокий, и мать из окна с гостиной видела иногда только красные, пушистые шапочки на детях. Смотрела на детей, улыбалась, любовалась их раскрасневшимися лицами, прислушивалась к звонким взрывам их смеха, и думала нежно и радостно:

«Какие у меня красивые, милые дети!»

Солнце, красное солнце хорошего зимнего дня светило ярко и весело, радуясь недолгому своему торжеству. Оно поднялось невысоко, – и не подняться ему выше, – стояло близко к земле и к людям, и казалось ласковым, добрым и светло задумчивым. Розовые улыбки его лежали, тихие, не слишком веселые, на снегу по земле, на пушистых от снега ветках, на заваленных мягким снегом кровлях. От этого казалось, что весь снег улыбается и радуется. И такие забавные с кровли свешивались розоватые на солнце ледяные сосульки.

Забавный мир детской игры, маленький сад, был огорожен с улицы невысоким досчатым забором. Слышались за этим забором порой шаги прохожих по захламленным мосткам, но дети не слушали их, – своя была у них игра.

Им было тепло, – горячая кровь грела их тела, и мама одела их заботливо, – отороченные мехом курточки, меховые рукавички, сапожки на меху, шапочки из мягкого, как пух, меха.

Бегали долго, крича, как стрижи. Но одним беганьем весел не будешь. Играть!

И придумали игру.

Сперва недолго поиграли в снежки. Потом вдруг сказала Нюрочка:

– А знаешь что, Шурка? Знаешь, что мы сделаем?

– Ну, что? – спросил Шурочка.

– Мы сделаем Снегурочку, – сказала Нюрка, – понимаешь, из снега. Скатаем и сделаем.

– Снежную бабу? – спросил опять Шурочка.

– Нет, нет, зачем бабу! – кричала Нюрочка, – мы сделаем маленькую девочку, такую маленькую, как моя большая кукла, знаешь, Лизавета Степановна. Мы назовем ее Снегурочкой, и она будет играть с нами.

– Будет? – недоверчиво спросил Шурка. – А как же она будет бегать?

– А мы ей ноги сделаем, – сказала Нюрка.

– Да ведь она из снега? – говорил Шурка.

– А день-то сегодня какой? – спросила Нюрка.

– Какой?

– Сегодня сочельник, – объяснила Нюрка. – Для такого дня она вдруг побежит с нами, и будет играть. Вот увидишь.

– А и правда, – сказал Шурка, – сегодня сочельник.

И вдруг поверил. Но все еще спрашивал:

– А на другой день она останется?

– Конечно, – решительно ответила Нюрка, – останется на всю зиму, и будет бегать и играть с нами.

– А весной? – спросил Шурочка.

Нюрочка призадумалась. Долго смотрела на брата, приоткрыв недоуменно ротик. Вдруг засмеялась, и сказала весело, – догадалась:

– Ну, что ж весной! Весной она уйдет на высокую гору, и будет жить там, где вечный снег лежит, все лето будет жить там, а зимой опять к нам спустится.

И зарадовались, засмеялись веселые дети.

– Всю зиму будем бегать с ней, – радостно кричал Шурочка. – И маме ее покажем. Мама будет рада?

– Еще бы, – серьезно сказала Нюрочка. – Только не надо будет водить ее в дом, а то она в тепле растает.

– А где же ей спать? – опять спросил Шурка.

Он был мальчик практичный и рассудительный, весь в отца.

– А спать она будет в беседке, – решила Нюрочка.

Дети принялись за дело. Притихли, – и мать даже обеспокоилась, – что такое, не слышно криков и смеха. Тревожно глянула в окно, – да нет, ничего, ребятишки снежную бабу лепят. Успокоилась. Опять села на диван, продолжала читать книжку Эллен Кей, – очень хорошую книжку.

И уж как они только ухитрились, – уж не помогал ли им какой-нибудь добрый или злой дух, искусный в созидании тел, особенно там, где замысел жадно ищет возможности воплощения? Но Снегурочка под их быстрыми пальцами выростала, как живая. И все черты, самые тонкие, возникали точно, словно лепилась из снега живая человекоподобная душа. Нежные снежные комья лепились один к другому в сплошное нежное снежное тело.

Дочитала главу Анна Ивановна, посмотрела в окно, – посреди площадки перед окнами, где летом цвел алый шиповник, стояла почти совсем готовая маленькая снежная кукла.

«Ловкие у меня детишки, – подумала радостно Анна Ивановна, – кукла выходит у них прехорошенькая».

И ей было приятно вспомнить, что те новые приемы воспитания и обучения, которых она придерживалась, дают превосходные результаты. Искусство в жизни ребенка играет, несомненно, важную роль, и родители, – думала Анна Ивановна, – должны это помнить, и всячески развивать детскую самостоятельность.

В саду Нюрка говорил Шурка:

– Как хорошо, что мы взяли самый чистый снег! Вот она какая

славная выходит.

– Еще бы! – рассудительно говорил Шурочка, – ведь этот снег прямо с неба упал; он чистый.

– Ах, какая она хорошенькая! – с восторгом говорила Нюрочка.

– У нее мордочка похожа на твою рожицу, – сказал Шурочка.

Нюрочка весело засмеялась. Сказала скромно:

– На маму похожа наша Снегурочка.

– И ты похожа на маму, – сказал Шурочка.

– И ты, – сказала Нюрочка.

Шурочка принахмурился.

– Я больше на папу похож, – объявил он.

Засмеялась Нюрочка, говорит:

– Выдумал! Мы оба в маму. И Снегурочка у нас в маму.

Смотрели, любовались.

– Знаешь, – сказала Нюрочка, – уж очень она мягкая.

Потряси–ка эту яблоню, – вот те ледышки–висюлечки свалятся, мы из них сделаем ей ребрышки. А из тех, что посветлей, глаза.

Сказано – сделано. Вот у Снегурочки твердые ребрышки. Вот у Снегурочки ясные глазки. А вот у Снегурочки и белое платице. А вот у Снегурочки и белые башмачки. А вот у Снегурочки и белая шапочка.

Готова Снегурочка!

– Мама, хороша наша Снегурочка?

– Хороша, – отвечает мама из форточки, – только у вас руки зазябли, идите погрейтесь.

Дети засмеялись. Но мама зовет, надо идти.

– А как же Снегурочка? – спросил Шурка.

– А ей еще рано, – сказала Нюрка, – она еще постоит, подумает. Мы придем к ней вечером, позовем ее, поиграем с ней.

Побежали дети домой. Говорили маме:

– Мама, сегодня вечером у тебя будет новая дочка Снегурочка.

Смеялась мама, Анна Ивановна. Улыбался папа Николай Алексеевич: в сочельник он не ходил в гимназию; он сидел дома и читал последнюю книжку «Русского Богатства».

Свечерело и вывездило. Дети опять убежали в сад. Снегурочка стояла. Улыбалась. Ждала их.

Дети подошли к ней тихо.

– Надо ее позвать! – сказала Шурочка.

Помолчали. Вдруг стали робкими.

– Поцелуй ее! – сказал Шурочка.

– Сначала ты, – сказала Нюрочка.

Шурка посмотрел на сестру сердито. Сказал:

– Вообразила, что я боюсь. А нисколечки.

Подошел к Сегурочке и поцеловал ее прямо в бледные, красивые губы.

Оттого ли, что это был сочельник, ночь святая и таинственная, – оттого ли, что крепко верили дети в то, что они сами придумали, – оттого ли, что чародейная сказка обвееяла тихий сад тайными очарованиями и влила в излепленный детскими руками мягкий и нежный снег непреклонную волю к жизни, творимой по творческой свободной и радостной воле, – но вот, небывалое совершилось, исполнилось детское неразумное желание, – ожила белая Снегурочка, и ответила Шурке нежным, хотя и очень холодным поцелуем.

– Здравствуй, Снегурочка, – тихо сказал Шурка.

– Здравствуй, – ответила Снегурочка.

Пошевелила тоненькими плечиками, вздохнула легонечко и сама

подошла к Нюрке. И Нюречка поцеловала ее прямо в губы.

– О, какая ты холодная! – сказала Нюрочка.

Снегурочка тихо улыбалась. Сказала:

– На то же я и Снегурочка.

– Хочешь с нами играть? – спросил Шурочка.

– Ладно, – сказала Снегурочка спокойно, – давайте играть.

И побежали все трое по дорожкам сада. Играли долго.

Накрыли на стол вечером – пить чай. Дети заигрались в саду. Мама позвала их, – не шли. Только веселые слышались в саду голоса. Тогда Николай Алексеевич сказал:

– Пойду-ка я сам, возьму да и приведу их.

– Надень пальто, – сказала Анна Ивановна.

– Ну, я в одну минуту, – сказал Николай Алексеевич, – разве только шарф.

Укутал шею шарфом, надел теплую, меховую шапку, всунул ноги в калоши и вышел в сад. С крыльца крикнул:

– Ребятишки, где вы? Чай пить, живо!

С веселым смехом бежали дети по дорожке. Разбежались, промахали мимо, и было их трое. Николай Алексеевич сошел в сад. Крикнул:

– Дети, это вы с кем играете?

Дети повернули обратно: подбежали к нему. Николай Алексеевич увидел прелестную маленькую девочку, беленькую, с легким румянцем на щеках, – и удивился ее легкому, не по сезону костюму: юбочка легонькая и коротенькая, башмачки летние, чулочки коротенькие, коленочки голенькие.

– Откуда эта девочка? – спросил Николай Алексеевич. – Дети, ведите ее скорее домой, вы ее совсем заморозите.

Дети, перебивая друг друга, звонкими, радостными голосами кричали:

– Это – Снегурочка.

– Это – наша Снегурочка, папа.

– Наша сестреночка.

– Мы ее сами сделали.

– Из снега.

– Из самого чистого снега.

– Она будет играть с нами.

– Всю зиму!

– А весной уйдет на высокую гору!

Николай Алексеевич слушал их с недоумением и досадой. Ворчал:

– Глупые фантазии.

Сказал:

– Ну, живо в комнаты. Ты совсем озябла, малюточка? Да ты откуда?

– Я Снегурочка, – сказала белая девочка. – Я из снега.

– Пойдемте же греться, – нетерпеливо сказал Николай Алексеевич.

Взял Снегурочку за руку.

– Совсем заморозили вашу гостью, – говорил он, – и откуда вы ее взяли? Руки у нее, как лед.

Повел Снегурочку.

– Мне туда нельзя, – тихо сказала Снегурочка, упираясь.

И дети кричали:

– Папа, оставь ее здесь.

– Она переночует в беседке.

– В комнате она растает.

Но Николай Алексеевич не слушал детей. Он взял холодную Снегурочку на руки, и внес в комнаты.

– Смотри-ка сюда, Нюточка! – крикнул он жене, входя в столовую, – какая-то девочка, в одном платъице. Наши сорванцы совсем ее заморозили.

– Боже мой! – воскликнула Анна Ивановна. – Девочка! Вся холодная, Скорее к камину!

Дети в ужасе кричали:

– Мамочка! Папочка! Что вы делаете! Снегурочка растает! Это – наша Снегурочка.

Но взрослые всегда воображают, что они знают лучше. Посадили Снегурочку в широкое кресло перед камином.

Николай Алексеевич спрашивал:

– У нас есть гусиное сало?

– Нет, – сказала Анна Ивановна.

– Я схожу в аптеку, – сказал Николай Алексеевич, – надо потереть ей нос и уши, они совсем побелели от мороза. А ты, Нюточка, закутай ее пока потеплее.

Ушел. Анна Ивановна отправилась в свою спальню за теплым чем-нибудь, – закутать Снегурочку.

Шурка и Нюрка стояли, и растерянно глядели на Снегурочку. А Снегурочка?

Что ж, Снегурочке понравилось. Она сидела на кресле, глядела в огонь, и улыбалась, и таяла.

– Снегурочка, Снегурочка! – кричала Нюрка, – спрыгни с кресла, мы отворим тебе двери, беги скорее на мороз.

– Я таю, – тихонько говорила Снегурочка, – уже не могу я уйти отсюда, – я вся истаяла, я умираю.

Текли потоки воды по полу. В глубоком кресле, быстро тая, оседала маленьким снежным комочком белая, нежная Снегурочка. И где ее ручки? растаяли. И где ее ножки? растаяли. Слабый еще раз раздался нежный голосок:

– Я умираю!

И уже только груда тающего снега лежала на кресле.

Заплакали ребятишки, – громкий подняли вой. Пришла Анна Ивановна с теплым одеялом.

– Где же девочка?

– Растаяла наша Снегурочка.

Вернулся Николай Алексеевич с гусиным салом:

– Где же девочка?

– Растаяла, – плача говорили дети.

– Зачем вы ее отпустили? – сердито говорил Николай Алексеевич.

– Она сама растаяла, – уверяли дети.

Большие и малые смотрели на остатки талого снега и на потоки воды, и не понимали друг друга, и упрекали друг друга:

– Зачем посадил к огню Снегурочку?

– Зачем отпустили девочку, не согревши?

– Злой папа, погубил нашу Снегурочку!

– Глупые дети, что вы говорите нелепые сказки!

– Растаяла Снегурочка!

– Снегу-то сколько наташили!

Плакали маленькие, а большие то сердились, то смеялись.

И не было Снегурочки.

ХОЛОДНЫЙ СОЧЕЛЬНИК

I

В сочельник утром Мимочка проснулась поздно.

Первой радостной у нее мыслью было: сочельник, – значит дома, значит не идти в редакцию.

Там – ничего, – шумно, весь день народ, болтовня, время летит незаметно. Зато вечером, когда вернешься домой, часто болит голова, и потом надо вставать рано, чтобы к десяти успеть в Измайловский полк, – тяжело иной раз до слез.

То ли дело потягиваться под мягким, стеганым одеялом, не смотреть на часы, тикающие в изголовье, и думать, думать, закинув руки за голову.

Обрывочные сменяются мысля:

Если годовая подписка не поднимется, то к лету «Художественное Обозрение» закроют, – и Мимочка очутится на улице... На балу художников кто-то назвал ее «Орфелию» за белое платье и маки в распущенных, ниже колен, волосах... Как хорошо пишет Кнут Гамсун! Какая у него должна быть нежная поэтическая душа!

Но мало ли о чем есть еще подумать! И пролежать так можно до вечера. А из-за отвернувшейся кисейной занавески выглядывает небо, такое чистое, такое ясное. Манит вставать.

Одним движением плеч Мимочка сбросила одеяло, соскользнула на пол, накинула вязаный платок на голые плечи, всунула хрупко-белые ноги в стеганые, без задников, серенькие туфли, и побежала к двери, под которой белеет письмо. Оттуда, от Сони. Спеша разорвала конверт, торопливо бежит глазами по четким строчкам.

«Прости, Белочка, что ничего не могу тебе прислать с оказией... Дела так»...

– Господи, ну зачем это? Разве я маленькая, разве не понимаю? Откуда в деревне могут быть деньги?

Вздыхнув, идет к зеркалу, одеваться. Выспалась отлично, и синие глаза весело блестят из-под разбившихся золотистых волос. За эту косу в прошлом году парикмахер давал восемьдесят пять рублей, да пожалела. Ведь все богатство Мимочки в этих толстых, золотых жгутах, разложенных короной на маленькой голове, – они и профиль смягчают, и закрывают большие уши.

А все-таки тяжело получать письма от «своих». Так живешь день за днем, забываешь, теряешь ощущение времени, пространства. А письмо придет, – взбудоражит, заглядывает в душу, выплывает. И грустно становится, а отвечать – надо бодриться, придумывать веселое.

Кнут Гамсун в золоченой рамке скучает на письменном столе, окруженный книжками и картинками. Не подозревает, как мил он девушке с детскими плечиками и золотыми, ниже колен, волосами.

Надо воспользоваться праздником, сегодня же ответить Соне. Только о чем писать? Разве открытку, – так несколько слов, – поздравление.

С чужими легко, ну хотя бы с Катей. Говоришь часами, и не боишься обнаружить «лицо». А перед Соней, перед матерью, чего-то стыдно, жалко, и их, и себя, до боли жалко.

Но разве она виновата? Когда, два года тому назад, она ехала сюда, разве она думала, что Жизнь такая неумолимая, разве знала,

что так немилостиво примет ее старый брюзга, Город?

И вот, неумолимая истомила, измучила. И все-таки до того события, о котором она вспоминает порой с холодной тяжестью, она чего-то ждала, на что-то надеялась. Думала, что есть предел страданиям, что есть положения, пережить которые невозможно.

А теперь Мимочка знает, что люди – такие слабые, такие запуганные, и хотя жизнь – такая мука, хотя перевешивают страдания, а все-таки у них никогда не хватит дерзости – сложит один гигантский костер или подвести что ли под весь мир одну гигантскую мину и взлететь всем на воздух.

Стук в дверь.

– Нет, я не одета, не могу отворить.

– Да это я, – слышен веселый знакомый голос.

– А, это ты, Катюша. Сейчас.

Катя всего на три года старше Мимочки, но куда опытнее! Она равнодушна и к Кнуту Гамсуну, и к вселенскому пожару, и очень не одобряет того категорического нет, которым Мимочка пока еще отвечает на все предложения Жизни. Катя любит и Ницше, и Пьера Луиса, но вообще предпочитает «жизненную» философию всяким «книжным умствованиям». Отлично сложена, одета с претензией на шик. Задорное смуглое личико с болтающимися в ушах полумесяцами-серьгами делают ее похожей на певичку или маленькую актрису. Она недавно перекочевала из телеграфисток в натурщицы, нашла что это выгоднее и веселее.

– Вы, лежебочки, царские слуги, вечно празднуете, говорит Катя, с шумом входя в комнату.

– Разве ты и сегодня позируешь, Катечка?

– Конечно. Выставка уж открыта, а у моей «Баядерки» только нос да глаза намазаны. Я по дороге, занесла тебе подарок.

И Катя разворачивает хрупкий, точно восковой гиацинт, бережно окутанный синей бимагой.

– У меня целая корзина, – говорит она небрежно, – художник прислал.

Никогда она не называет по имени этого противного, рыжеволосого Стрицкого, которого Мимочка просто не выносит. Но интонация, с которой Катя произносит это слово, сразу дает понять, что это не имя нарицательное.

Болтают, о том, о сем. Пьют шоколад, сваренный Мимочкой на спиртовке. перебирают знакомых, вспоминают бал.

– Это была сногшибательная идея – красные маки в твоих золотых волосах, – говорит Катя, играя побрякушками цепочки, которые при каждом ее движении звенят, точно кокольчики. – Меня все спрашивали: кто это Офелия? Новенькая? А кстати, кто тебя провожал с бала домой, Мимочка?

– Никто, – говорит Мимочка тихо, и краснеет оттого, что не может ответить иначе.

Катя в раздумье качает головой.

– Нет, Мимочка, смотрю я на тебя, и просто изумляюсь. Куда ты себя готовишь? в монастырь, что ли? Наконец, до каких же пор ты намерена разыгрывать Царевну-Недотрогу?

В волнении Катя быстро ходит по комнате, шелестя юбками, гремя побрякушками.

– Надеюсь, что твое место в редакции – еще не венец всех твоих желаний? По-моему, тебе нужно теперь же, не теряя времени, заняться своим голосом. Я тебе уж давно твержу. И, что бы там ни говорили, все-таки карьера артистки чуть не единственная для

женщины, не желающей обращаться в населку или в синий чулок.

У Кати, не смотря на ее легкомысленный вид, имеются на все собственные взгляды, свое «мировоззрение». Она отвергает брак, не приемлет содержанства: больше же всего ненавидит буржуазных жен, которых величает «паразитками», «легальными проститутками» и другими неместными именами.

– Мы зарабатываем хлеб в поте лица, а «ее» поди содержи двадцать–тридцать лет за то, что имел неосторожность покатать когда-то в лунную ночь на лодке.

И с раздувающимся от негодования ноздрями Катя в сотый раз принимается доказывать Мимочке, что всячески нужно способствовать разложению института брака, основанного на лжи и предрассудках.

– Ох, и ненавидят же меня эти законные жены, – говорит она, самодовольно усмехаясь. – Скоро, кажется, во всех порядочных домах принимать перестанут. На днях забавный анекдот вышел. Захожу я к художнику, чтобы одной не тащиться в ресторан обедать. Отворяет супружница. Величественно: «Моего мужа нет дома». А я, – «сударыня, мне до вашего мужа нет никакого дела, – я зашла за моим любовником». Если бы ты видела эту физиономию!

– Господи, Катя, как ты могла!

– Уверю тебя, я точно бокал шампанского выпила. Ах! ты ведь еще ничего не понимаешь. Одни эти рожи чего стоят!

И по адресу «рож» энергическое выражение.

Мимочку ужасно шокируют все эти Катины словечки, жесты, восклицания. Притом она не совсем разбирается в Катиной логике. Катя брак отрицает, но сама живет со Стрцким, правда, неоткрыто. Денег от него не берет, – только цветы, безделушки. И, когда Мимочка робко задала ей вопрос, могла ли бы она прожить с ним год на необитаемом острове, Катя расхохоталась, и назвала ее в лицо дурочкой. Может быть, это и так, но ведь Мимочка еще так недавно и так наивно мечтала уехать с Дицом туда, где бы никого кроме них двоих не было, – где бы всегда они были одни, вдвоем!

О, этот жестокий Диц! Чего только Мимочка не делала ради него! Сколько раз расплетала и заплетала свои золотые, ниже колен, косы, – пела ему свои милые родные песенки, – даже из дому боялась уходить, чтобы не пропустить ни одного его прихода. Но Диц был женат, и черезэто Мимочка не могла перешагнуть; и он рассердился, и уехал, путешествовать со своей старой, некрасивой женой. Как Мимочка плакала, как молила его не уезжать! Даже руки ему целовала, – каждый палец на этих властных, неумолимо-строгих руках! А когда он уехал, Мимочка поняла, что никому на свете нет до нее дела, – что она может целыми часами рыдать в своей комнате, и никто не услышит, – разве только хозяйка пришлет спросить, не заболела ли она. Тогда-то Мимочка додумалась и до всемирного пожара, – пусть лучше все погибли бы, – и отравиться хотела, да Катя убедила, что этим ведь все равно никому ничего не доказать.

Теперь Диц далеко, – и время, и разлука утешили боль исстрадавшегося сердца. Но рана не зажила, и ноет всякий раз, когда Мимочка вспоминает, что теперь она одна, одна во всем мире, – некому даже пожаловаться на тоску, заменившую умчавшуюся радость. И все-таки она не может, как Катя... И страх, и тоску нагоняют на нее все эти рассуждения о карьере, о перемене жизни, – всех этих жестоких вещах, которые все равно не вернуть ей счастья. Вот и сестра Соня, с тех пор, как убили Володю, милого, с кроткими, голубыми глазами, – она все равно что не живет, –

заживо схоронила себя в глуши.

– Ты где будешь вечером? – спрашивает Катя, прикаливая перед зеркалом огромную, похожую на капор, шляпу с развевающимися перьями–султаном.

– Не знаю, – говорит Мимочка.

И сердце и нее сжимается от мысли, что ей некого ждать: хоть стой всю ночь у дверей, не услышишь на лестнице шагов, от которых вдруг заколотится сердце и всю обдаст горячим туманом.

– Может быть, ко мне придешь? – говорит Катя, стоя перед зеркалом, нарядная, прямая, решительная. – Художник придет, еще кой–то. Что же тебе для праздника одной сидеть! Ну, прощай, крошка. А на днях я с тобой поговорю серьезно.

Уходит, шелестя юбками, гремя побрякушками, уверенно закинув головку назад, – такая славная, никогда не унывающая, Катя.

Долго после ее ухода в комнате еще пахнет астрисом, заглушающим слабый запах гиацинта, белеющего на столе. Мимочке грустно, как–то не по себе: что–то надо найти, что–то вспомнить, но что, не знает. И ходит по комнате, бесцельно перебирая попадающиеся на глаза вещи. Наконец, вспомнила! – пойти на вокзал опустить письмо Соне.

II

Ярко освещенная улица, сверкающие витрины, огненные транспаренты. Свет широкой полосой посреди улицы, и морозная серебристая мгла в воздухе, и инеем запущены окна, шапки встречных, полости саней, а тротуары песком посыпаны, будто и не зима. И высоко над всем этим синее, глубокое, всегда серьезное, всегда задумчивое небо.

Озабоченно, деловито бежит трамвай, – сейчас ему нужно посмотреть, что делается на том конце проспекта, чтобы вернуться к вокзалу через десять минут. Во мгlistом сумраке раннего вечера ярко белеют электрические шары, точно огромные опалы, опрокинутые в воздухе. Проспект, нарядный, изукрашенный гирландами, огней, – фонарей, вывесок, – блистает, – неутомимая блудница, разрядившаяся к вечеру. Людей так много, что кажется тесной огромная широкая улица.

Мимочке странно, что она одна с пустыми руками в этой толпе, где всякий несет что–нибудь, – цветы, игрушки, конфеты, красивые, забавные вещи. А лица–то у всех такие сумрачные, озабоченные, со злым, напряженным выражением. Все покупают, суетятся, толкаются, но все это без радости, точно по принуждению, по обязанности. И жутко от мысли, что пожалуй и вправду когда–нибудь этого огромного города не хватит для всей этой массы людей, – все увеличивающейся, все прибывающей.

Город, огромный, холодный. Уже два года живет здесь Мимочка, но все еще не может привыкнуть.

«Я сам по себе, – ты сама по себе, и всякий сам по себе», – точно слышится Мимочке постоянно в его неумолчно глухом гуле.

Вспоминается Мимочке, как раз, прошлой весной, не дождавшись Дица в сквере, шла она домой, печальная, задумчивая. Был светлый вечер, фонари не горели, и проспект шумел беспокойным оживлением северной городской весны. Безотчетно, рассеянно смотрела Мимочка на мелькающие лица прохожих, – все чужие, все похожие друг на друга. Машинально вошла в дверь, расцвеченную зелеными, красными фонариками. И целый час машинально смотрела; как двигаются, мелькают,

обнимаются на экране чьи-то темные, отчетливые тени, чужие, все похожие друг на друга.

Да, город точно синематограф. С утра до ночи мелькают, двигаются, исчезают, снова появляются силуэты близких, чужих, встречных, случайных. Но миг любят, на мгновение встречаются, вмиг забывают. Так Диц, так и все.

Жизнь – словно не настоящая, а так, – только похожая на настоящую. Китайские тени, деревянные раскрашенные забавно фигурки, картонные марионетки, кукольная игра, смешная и страшная.

Мимочка не любит города, боится толпы, не выносит сутолоки. На улице ей всегда кажется, что ее опрокинет трамвай, переедет извозчик, обвалится карниз, рухнет мост. И снова охватывает ее растерянность и беспокойство, как во время Катиных наставлений.

Улица, магазины, даже степенный, деловитый трамвай, – все сегодня словно сговорились, твердят Мимочке одно и то же, – смеются, дразнят...

«Надо торопиться... Карьера артистки», – шепчет лебяжье боа в витрине французской красильни.

«Напрасно ты отказалась!» – твердит, качаясь бархатная эгретка в окне шляпного магазина.

«Мы ждем тебя, маленькая Офелия», – лепечут нарцисы, опрокинутые в темной зелени хрустального бокала.

«Как чудесно кружится голова!» – напоминает заплесневелая бутылка, выглядывающая из груди золотистых ананасов. – «Помнишь, как весело было там, в огромном зале, где стоял аквариум, величиной со всю твою комнату? Вернись к нам, к веселию и жизни».

На вокзале – толпа, давка. Мимочка сразу растерялась; она подавлена этим гулом торопливых восклицаний, прощаний, приветствий. Кто-то молодой, веселый торопится, едет домой. Второй звонок. Носильщики, нагруженные огромными корзинами и кулями, спешат на платформу; и уж им не попадайся, – оголтелые от спешки, не замечают никого.

У Мимочки кто-то чуть не вырвал из рук сумочку. Полная дама в ротонде раскричалась, – зачем Мимочка черезчур долго возится у ящика. Мимочка смешалась, – она не умеет так отвечать, как смелая Катя. Тоскливо на душе, и кажется, что дама в ротонде, и все эти неприветливые люди, в надвинутых на глаза шапках, в шубах с поднятыми меховыми воротниками, насмеваются над ней, над ее неумелостью, над ее беспомощностью. Злые, злые!

Дома Мимочку дожидается юный поэт Борегар. Очень милый, говорят, что талантливый, из начинающих. Пока ему, кажется, не особенно везет, – всю зиму он щеголяет в летнем пальто и в препотешных дамских ботинках. Мимочке он принес, – для «Художественного Обозрения», – заметку об его напечатанных стихах, написанную одним из приятелей.

– Кстати погреюсь у камина, ветер сегодня архи-предательский, – говорит он, пожимаясь тонкими плечами, потирая похолодевшие маленькие руки.

Мимочка молча и застенчиво улыбается.

– В вашей комнатке всегда так уютно, так веет светлой атмосферой труда, – говорит Борегар.

Ему весело, – он согревается. Терпеливо перебирает на столе книжки и картинки, пока Мимочка, еще не сняв калош, готовится озябшими руками чай и разыскивает последнюю книжку журнала, где кто-то назвал по имени «молодого, многообещающего» поэта.

Чай выпит, книжка найдена, и Борегар, согревшийся, довольный,

уходит, такой забавный в своих суконных ботинках и широкополой «испанской» шляпе. Из-за двери он шлет грациозный привет «светлomu приюту», где всегда готов чай, приятные книжки, милые картин-ки. Молодец Борегар! Никогда не падает духом – право, завидный характер.

Вот и вечер тихонько вошел в комнату, неслышно ступая мягкими валенками. Мимочка засветила в углу перед образом лампадку, – еще из дому подарок, – и ходят из угла в угол. Вспоминается детство, еще недавнее, – сочельник дома, милые лица, радость ожидания, елка, звезда. Не хочется ни убирать комнату ни ехать к Кате, которая теперь, разряженная, шурша юбками, гремя побрякуш-ками, поджидает художника в своей комнате, пропахшей астрисом, загроможденной цветами и безделушками. Мимочка так устала, так тяжело у нее на душе, лучше остаться дома. Платье оттягивает ослабшие плечи от шпилек разболелась голова.

В голубом халатике, вся окутанная разбившимися волнами тяжелых золотых волос, Мимочка садится в кресло у окна, где так любила сидеть с Дицом.

– Маленькая статуэтка на этажерке моей жизни, – вдруг слышится ей капризно-звенящий голос. – Поймите, а люблю в жизни одно искусство.

– Ну да, – все они выбрали только одно: Диц – живопись, Борегар – поэзию, даже у Кати и то теперь – «ремесло». А вот она, Мимочка, выросшая, как цветок в поле, никогда не думала: зачем, для чего. Ей нравится глядеть на небо, когда зажигаются ласковые вечерние звезды, – собирать ландыши там дома, в листвен-ной роще, – читать Кнута Гамсуна. И быть может, всего этого хватило бы на ее немудреную жизнь, если бы не большой, холод-ный город, насмешливые витрины, суетливый трамвай, «приставошка» Катя.

Может быть, все они правы. Может быть, надо что-то сделать, на что-то решиться. Но Мимочка так не привыкла думать, так устала, так одна.

Очутиться бы ей теперь дома, в бабушкиной комнате, где пахнет мятой и лампадным маслом, забраться бы ей с ногами в большое дедовское кресло, и заснуть бы сладко, позабывши все!

В комнате тепло, почти жарко. Нежный, восковой, благоухает гиацинт, – томно раскрыть свои объятия, и ждет. Его аромат, сладкий, мечтательный, что-то напоминает Мимочке, одурманивает усталую голову.

«Праздник, – думает она тоскливо. – Зачем это каждый год, зачем теперь?»

Дремлется, клонит ко сну...Тишина, жуткая, пытливая, тягостная... Машинально, сквозь сон, оглядывает Мимочка вокруг, обводит рассеянным взглядом стены комнаты. Какие гадкие, желтые обои, какой низкий потолок! Как могла она прожить здесь целый год, не замечая!

А что, если она проживет здесь еще десять, двадцать лет? Так вот, – просидит у окна, за которым шумит город, гудят трамваи, свистят автомобили? И ей страшно, вдруг так страшно, как еще никогда в жизни. Точно черная попасть раскрылась вдруг.

Нет, ни за что! Она пойдет на все, – послушается Катю, только не это. Лучше смерть, – только не эти желтые обои, не этот низкий потолок!

Форточка приотворилось, – снаружи доносится гул улицы, смягченный высотой. Свистят суетливые трамваи, звонят неугомонные

конки. Не на один миг не смолкает огромное, ненасытное чудовище. В монотонно-беспрерывном ритме его движений снова те же неумолимые слышатся Мимочке голоса, те же властные призывы.

А из дома напротив, где освещены только два крайние окна, несутся звуки тихие, жалобные, и кто-то, тоже одинокий и забытый, тоже тоскующий в этот вечер радости и печали, плачет о том, что розы осыпаются, песни умолкают, все проходит, ничего нет вечного.

И, уронив голову на руки, закрывшись разбившимися прядями тяжелых золотых волос, Мимочка плачет, долго и неутешно. Плачет об убитом Володе с кроткими, голубыми глазами, – о Соне, схоронившей себя заживо, – о милом, далеком Дице, – о ландышах, по которым соскучилась, – обо всем светлом, мгновенном, проходящем, никогда не повторяющемся.

Потом, от горьких слез и тяжелых, докучливых мыслей, она засыпает, вся окутанная плащом рассыпавшихся золотистых волос. И снится Мимочке, что где-то она с Дицом на голубых качается волнах в раззолоченной лодочке, и ей так весело, так весело, так легко!

Лампада горит, освещая светлую голову, улыбающуюся последнему радостному сну. Маленький, белый ангел, который знает, что сегодня доцветают Мимочкины золотые сны, слетает с образа и задумчиво благословляет ее на долгую, мучительную, скорбную жизнь.

ОНИ БЫЛИ ДЕТИ

Глава первая

I

Два гимназиста шли домой по аллее Летнего сада, который был гордостью дремотного уездного города Сарыни, и равнодушно посматривали на величавые дубы. Мальчишкам не жаль было желтых листиков, которые начали падать на сыроватый после угренного дождя песок. Они были заняты разговором, особенно один из них, лет семнадцати, в потертом мундире, порыжелой фуражке, тусклых и морщинистых сапогах. Руки его велики и грубоваты, угреватое лицо добродушно, а серые маленькие глаза смотрят иногда восторженно и умно. Имя его – Владимир Гарволин. Другой, Евгений Хмаров, – щеголь. Мундирчик на нем новенький, сшит превосходно. Лицо и руки Хмарова белые, с нежной кожей. Он высок для своих шестнадцати лет, – выше Гарволина на полголовы, – строен и красив. Его лицо портит высокомерная усмешка, которая не идет к мягким очертаниям рта и подбородка.

Гарволин горячился. Его пылкий голос мало соответствовал непреставительной фигуре, походке перевальцем и банальному содержанию его слов.

– Связи, карьера, – вот ты о чем мечтаешь. А все это – ужасная чепуха! – говорил он. – Миллионы людей обходятся без связей и не помышляют ни о какой карьере. А мы, черствые эгоисты, воспитанные на народные трудовые деньги, вместо того, чтоб помнить свой долг перед народом, думаем о том, как бы получше устроиться. Вздор! люди живы одной любовью.

Хмаров шел немного впереди и насмешливо улыбался.

– Идеалист! – сказал он наконец. – Что мне за дело до народа? Он сильнее меня, и тебя, – и всех нас, – пусть сам о себе позаботится. Да и любовь – штука хорошая, что и говорить, – только ей сыт не будешь.

– Нет, будешь! – энергично воскликнул Гарволин.

– Пустое! – с раздражением продолжал Хмаров. – Любить можно по-настоящему только тогда, когда обеспечен.

– Да пойми, что любовь прочнее всего обеспечивает жизнь.

– Как бы не так. Вот я, например, люблю сигары. А без денег какие сигары.

– Экий ты циник! – с кротким негодованием воскликнул Гарволин, и смутные щеки его покрылись румянцем.

– Ничего не циник. И женщины денег стоят. К ним, брат, без подарков лучше и не суйся.

– Ты клеветешь на женщин.

– Ну нет, брат, уж это-то я по опыту говорю, – хвастливо возразил Хмаров, и молодцовато огляделся вокруг бойкими, серыми глазами, в которых было что-то блудливое.

«А в самом деле,» подумал он: «надо подарить что-нибудь Шанечке. Дитя! ее и это еще позабавит».

– Вот только безденежье наше! – сказал он вслух, и по его лицу пробежала гримаска озабоченности.

– Вы богато живете, – заметил Гарволин. – Чай, здорово денег просаживаете.

– Что делать. Нельзя же нам жить как-нибудь. Ведь мы не какие-нибудь... мещане.

– Эх вы, барская спесь!

Хмаров надменно усмехнулся.

– Однако, прощай, – сказал он. – Мне тут подождать надо.

Гимназисты остановились на площадке сада. Гарволин вздохнул и угрюмо глянул в сторону.

– Шаньку Самсонову ждешь? – спросил он искусственным басом.

– А ты почем знаешь?

– Секрет-то не того... не велик.

– Да, брат, жду: просила здесь подождать, когда пойдет из гимназии.

– Что ж ты с ней, всерьез или так? – сумрачно спросил Гарволин.

– Шутить чужими чувствами – не в моих принципах, – внушительно ответил Хмаров.

– Ишь ты!

– Да. Вот видишь, почему я думаю о карьере: на моих руках не одна моя судьба. Не для себя самого я хочу сделать карьеру, а для любимой девушки.

– Девчонка еще она, да и ты, брат, зелен.

– За свои чувства я ручаюсь, – пылко ответил Хмаров, краснея, – а она, – она, брат, лучше всех женщин, какие когда-нибудь жили.

Голос его зазвенел юношеским восторгом, и холодные глаза тускло блеснули.

– Ну, давай вам Бог! – безнадежно сказал Гарволин.

Хмаров внимательно посмотрел на него и спросил насмешливо:

– Ты, что ж, тоже влюбился?

Гарволин махнул рукой, пожал руку Хмарова и торопливо пошел прочь.

«Бедняга!» подумал Хмаров: «что делать, женщины ценят внеш-

ность, уважают самоуверенность, смелость».

Он смахнул со скамейки пыль тонким платком и сел. Лениво снял он фуражку и провел рукой по светлым, коротко остриженным волосам. Гарволин отошел несколько шагов, понурив голову и широко махая красными руками, внезапно он остановился, круто повернулся к Хмарову и крикнул:

- Я пойду к Степанову, не зайти ли за тобой?
- Ах, да, – встрепенулся Хмаров, – он все еще валяется?
- Не встает.

Хмаров подвигался на скамейке, уселся поудобнее, протянул ноги и сказал:

– Экий бедняга. Я бы пошел, да ведь ты знаешь, мои дамы такие мнительные.

– Махни по секрету! – посоветовал Гарволин.

– Неудобно, – кто-нибудь увидит, – они от одной мнительности, пожалуй, захворают. Уж я лучше после.

– Как знаешь, – сказал Гарволин, и повернулся было уходить.

– Послушай! – окликнул его Хмаров.

– Ну? – диким голосом спросил Гарволин, и наклонил к Хмарову правое ухо.

«Экий медведь», подумал Хмаров, и улыбнулся.

– Я хотел тебя спросить, не нуждается ли он в чем.

– Да уж в нас с тобой не нуждается, не беспокойся, – грубо отрезал Гарволин и пошагал дальше.

По тому, как он пошевеливал плечами и размахивал руками, видно было, что он сердится.

II

Хмаров прислонился к спинке скамейки, и закрыл глаза. Черноглазая девочка представилась ему. – Смуглое личико с бойкой улыбкой и веселыми глазами... Он плотнее сжал глаза, всматривался и улыбался. Милые очертания смеялись, жили, сочные губы шевелились неслышными словами. А тепловатый ветерок веял, увядающие листья изредка падали с грустным, еле слышим шорохом.

Вдруг услышал он скрип песчинок, шелест юбочек и говор девочек. Гимназистки, – судя по голосам, их были пять или шесть, – прощались. Знакомый голос звенел задорно. Вот они разошлись, знакомые шаги направились к Хмарову.

– Щанья! – воскликнул он, и открыл глаза.

Перед ним стояла красивая девочка лет четырнадцати, рослая и крепкая. Несколько дикая веселость брызгала из каждой черточки смуглого лица, по которому беспрестанно пробегали смешные и милые гримаски. Загорелые щеки говорили об избытке здоровья. Большие черные глаза дерзко глядели из-под длинных ресниц. Полусросшиеся густые брови казались на первый взгляд слишком тяжелыми для веселого лица, но они соответствовали его твердым очертаниям. Щанья смеялась и хлопала руками.

– Какой ты милый, Женечка! – говорила она звенящим голосом. – Вот-то не ожидала тебя встретить.

– Ведь я сказал, Щанечка, что подожду: ты должна была верить, – слезал Хмаров с ласковым упреком.

– Ну, а я так и думала, что ты улепетнешь к своим дамам, ан ты тут как тут.

Женя засмеялся, но сейчас же спохватился, нахмурился и строго сказал:

– У тебя, Щаня, прескверные манеры.

Щаня притихла, присела на скамью, сделала испуганные глаза и сказала селгка дрогнувшим голосом:

– У меня, Женя, прескверные дела, вот что лучше скажи.

– Да? – участливо спросил Женя, и сел рядом с ней. – Провалилась–таки?

– Провалилась, – плачевно сказала Щаня, и грустно опустила голову, хмуря брови.

– Как же ты так?

– Вот поди ж ты. Боюсь, что–то дома будет.

– Старик рассердится?

– Задаст он мне трепака, – печально сказала Щаня, и вдруг, засмеялась неудержимо и звонко.

– Ну да, трепака! – утешил Женя. – С чего так строго? Ах ты, легкомысленная головушка! Ты ленивая, если даже переэкзаменовки не могла выдержать.

– Вот еще новости – летом учиться! На то зима. И зимой–то зубрежка надоест.

– Ведь если так будет продолжаться, – усовещивал Женя тоном старшего, – то тебе и диплома не дадут.

– Не дадут, и не надо, – вот еще.

– Да – согласился Женя, вздыхая, – вам, девочкам, диплом не важен. А вот нам приходится биться, – без диплома не пойдешь.

– Да я почти все сказала, – вдруг стала оправдываться Щаня, – а он так и норовит сбить. Что ж, дивья ему, он больше меня знает. Злючка, противный козел.

Щаня покраснелась, нахмурилась; ее бойкие глаза зажглись гневом.

– Да, – задумчиво говорил Женя, – эти господа слишком много берут на себя. В прошлом году наш латинист тоже повалился лепить мне двойки. А разве я виноват, что он не умеет преподавать? И дома у меня все удивляются, как такого болвана держат в гимназии.

– И у нас тоже все такие мумии, – недовольным тоном сказала Щаня, – совсем мало симпатичных личностей. Однако, пойдём, что тут сидеть.

Женя проворно вскочил, ловко взял ее книги, и пошел по аллее рядом с Щаней. Щаня посматривала на него, и любовалась его бодрой и красивой походкой.

– Зайдем в наш сад, Женечка, погуляем, – просительно сказала она.

– Право, Щанечка, – нерешительно начал Женя.

– Ну, хоть на полчаса! – нежно говорила Щаня, и заглядывала в его лицо молящими глазами.

– Щанечка, мне домой пора.

– Боишься маменьки? – лукаво спросила Щаня, нагибаясь совсем близко к лицу Жени.

Женя обидчиво покраснел, а румяные Щанины губы дразнили его милой усмешечкой.

– Вовсе не боюсь, а будут беспокоиться.

– Ну, как хочешь, – грустно сказала Щаня, и отвернулась.

– Ты, Щанечка, такая прелесть, что тебе ни в чем нельзя отказать, – нежно сказал Женя.

– Ну вот, и спасибо, милый Женечка, – воскликнула Щаня, поворачиваясь к нему с радостной улыбкой, – а то некогда! тюфяк!

Она хлопнула его по пальцам загорелой рукой, и с мальчишескими ухватками запрыгала по дорожке.

– За тобой, Щанечка, я готов идти на край света, – только

как бы тебе самой не влетело.

– Ну вот, очень я боюсь. Волка бояться, – в лес не ходить.

– Видишь, Щанечка, как я тебя слушаю: мне бы надо было еще в одно место, а я с тобой иду.

– Какое место? – живо спросила Щаня.

– Да тут гимназист есть больной, из нашего класса. Степанов. Он – бедный. Положим, у меня самого в кармане сегодня не густо, но все таки... может быть, он нуждается, – не могу же я не помочь!

– Какой ты добрый, Женечка!

Женя самодовольно улыбнулся, но постарался принять равнодушный вид, и с медленной важностью промолвил:

– Ну, пожалуйста, – я не люблю комплиментов.

– Но, – робко сказала Щаня, – ведь к нему можно после.

– Это уж решено, Щанечка, – великодушно ответил Женя, – к нему вечером, теперь – к тебе. Я не умею тебе отказывать. Вообще, я не люблю подчиняться чьим-нибудь капризам, но ты, Щанечка, другое дело.

– Я – другое дело! – крикнула Щаня, запрыгала, и завертела Женю.

– Тише, тише, безумная, ведь здесь люди ходят, – унимал Женя, отбиваясь.

Щаня вытянула руки по швам и замаршировала по-военному.

– Ах, Щаня, когда ты отстанешь от этих манер.

Щаня повернулась к нему с покорной улыбкой.

– Ну, ну, не сердись, не буду. Никогда больше не буду. Евгений Модестович, – шаловливо шепнула она, и нежно прижалась к Жене.

Женя быстро огляделся, – никого не видно, – охватил Щаню, и неловко, по-детски, чмокнул ее в щеку. Глаза его засверкали. Щаня отодвинулась.

– Что за вольности! – стыдливо шепнула она, поправляя под шляпкой разбившуюся косу, и вдруг весело, но слишком нервно рассмеялась.

Им приходилось видеться крадучись: мать Хмарова считала неприличным для Жени общество мещанской девочкой, дочери не очень богатого кушца; она приказала сыну прекратить это знакомство. Но необходимость скрывать встречи подстрекала детей; – было им жутко и весело.

III

Шагов за пять до деревянных ворот сада Щаня остановилась и потянула назад, за кусты, Женю.

– Что ты? – спросил он.

– Твоя сестра! – шепнула Щаня.

Сквозь кусты виднелся через улицу забор небольшого сада, над забором – навес пристроенной к нему террасы, а под навесом стояла беленькая девочка лет тринадцати, с капризным и скучающим лицом и слегка вздернутым носом. Она пристально всматривалась в деревья Летнего сада.

– Как тут быть? – говорила Щаня, – с чего это она здесь торчит?

– Ревнует, – объяснил Женя.

Оба они заговорили шепотом.

– Ревнует? Что ты? – недоверчиво переспросила Щаня.

– Очень просто. Мы с ней были дружны; разница лет, конечно, сказывалась, но я все-таки любил ее позабавить. Ты знаешь, я иногда, когда в духе...

– О, да, ты остроумный и любезный.

Женя самодовольно улыбнулся.

– Но теперь, ты понимаешь, я думаю только о тебе. Конечно, я иногда захожу к ней, но она мне, признаться, надоедает. Вот она и злится, и высматривает. Она еще совершенный ребенок.

– Мы вот как сделаем, – решила Щаня.

Ее глаза засверкали и засмеялись, и она зашептала таинственно, с видом заговорщицы:

– Я пойду мимо вас. Она увидит, что я одна, и успокоится: она же увидит, что я прошла, а тебя еще нет. А ты беги кругом.

– Ты, Щанька, гений! – восторженно крикнул Женя.

– Ш-ш! зеворот! услышит! – унимала его Щаня, махая на него руками.

– Молчу, молчу, – зашептал Женя. – Ну, я бегу.

Мальчик юркнул в кусты. Щаня прислушалась, постояла, хмуря брови, пока не затих шорох ветвей за ним, и пошла из-за кустов через ворота на улицу.

IV

Маша поджидала ее на своей вышке.

– Послушайте, девочка! – надменно окликнула она Щаню.

Щаня подняла голову, и весело засмеялась.

– А! – воскликнула она, – а я думала, это – целая барышня. Ну, слушаю, девочка, – что надо?

– Скажите, пожалуйста, – спросила Маша, обидчиво краснея, – куда пошел мой брат?

– Ваш брат? А кто такой ваш брат?

– Пожалуйста, не притворяйтесь. Вы с ним были сейчас в саду, а он скрылся.

– Ишь ты, глазастая какая! – запальчиво закричала Щаня, покачивая головой, – прыгала бы через забор да и бежала бы за своим братом, а мне как знать, где он.

– Экая мужичка! – уронила Маша, стараясь выразить большое презрение.

– Миликтриса Кирбитьевна! – ответила Щаня и сделала кислую гримасу.

– Как ты смеешь так со мной разговаривать, уличная девчонка! – крикнула Маша.

Щаня прыгала и кривлялась.

– А коли ты такая важная, так и не связывайся с уличной девчонкой! – кричала она. – Фу ты, ну ты, ножки гнуты.

– Вот папа скажет твоему отцу, чтоб тебя высекли.

– Ну, ты еще и не посмеешь ничего своему отцу сказать, – тебе самой достанется: зачем на улице базарить! фря курносая!

– Вот погоди, дворник с метлой придет, – сказала Маша, стараясь принять равнодушно-презрительный тон.

– Ай, ай, как страшно! – крикнула Щаня, отбегая: – фискалишка презренная, – забралась на вышку шпионить.

У конца забора Щаня остановилась, сделала Маше нос и крикнула:

– Жди себе братца.

Маша отвернулась, досадливо покусывая тонкие губы. Щаня

убежала было за угол, но вдруг вернулась.

– Пока ты собачилась, – крикнула она, – твой брат домой пришел.

В самом деле, кто-то прошел по двору, но кто, Маша не успела заметить: дверь на крыльце уже затворялась. Маша обрадовалась, и побежала домой. Но это был только почтальон, а Женя еще не возвращался.

V

На перекрестке двух улиц, безнадежно пустынных и грязных, Женя и Щаня сошлись, улыбаясь еще издали друг дружке, и остановились среди луж. Щаня передала мальчику разговор с Машей.

– Нажалуется, – пробормотал Женя, нахмурившись.

– Не посмеет.

– Ну да, не посмеет. Она про себя не скажет, не беспокойся, а наболтает, что видела нас вместе. Мать опять молебен отслужит.

– Молебен? – переспросила Щаня, и звонко засмеялась.

– Это мы с отцом так называем, – начал объяснять Хмаров, и приунывшее было лицо его опять засияло горделивым сознанием своего остроумия. – Она, видишь ли, начнет сцену: нервы, и все такое. Будет пилить, пилить, точно все это нужно. Ну, отец и говорит: начала молебен петь.

– Молебен петь? – смеясь, повторяла Щаня.

– Пожалейте, говорит, мои бедные нервы, – с внезапной злостью заговорил Женя, – а сама всем нервы надрывает. И тут еще дядюшка, и тетушка.

Они пробирались по грязной улице. Женя терся, новеньким мундирчиком о рогатые изгороди слаженные из осиновых жердей, и шлепался модными сапожками в мутные лужи. Щаня выбирала сухие местечки по другой стороне улицы.

– Экая трущоба! – раздражительно сказал Женя, – точно не может твой отец мостков набросать.

– Иди сюда, – звала его Щаня, – там сапоги загваздаешь.

– Везде одинаково мерзко, – брюзгливо отвечал Женя.

Он видел отлично, что там, куда зовет его Щаня, гораздо лучше, – но продолжал идти по своему пути с тем упрямством, которое заменяло у него характер.

VI

На выезде из Сарыни стоял двухэтажный дом нелепой архитектуры, с разбросанными вокруг хозяйственными постройками. Прежде это была помещичья усадьба, к которой принадлежала подгородная деревня Ручейки. Во время дворянского упадка усадьба досталась Самсонову. На ту улицу, где шли Женя и Щаня, выходил фруктовый сад, огороженный тыном, а дальше парк с прудами, протоками, мостиками, беседками, цепкими кустами давно не подстригаемых акаций. Дорожки заросли травой, но пруды были расчищены. – Щаня любила кататься на лодке. Были для нее и качели, была горка, которую зимой приспособляли для Щанькиных салазков.

Щаня и Женя дошли до низенькой изгороди парка.

– До калитки далеко, – сказала Щаня, – осторожно перебираясь через улицу, – перелезем: здесь невысоко.

– Полезем. – согласился Женя, и повернулся к изгороди,

выбирая место поудобнее.

Но едва он поставил ногу на перекладину, а другую занес поверх изгороди как вдруг в парке послышался неистовый лай: два свирепых пса бросились на Женю. Женя вскрикнул и соскочил, – прямо в лужу. Брызги обдали его. Сделавши прыжка два по лужам, он остановился: ноги подкашивались. Сквозь лай еле слышал он крик Щани, унимавшей собак, и ее серебристый смех. Собаки утомонились, – Женя сообразил, что опасность миновала. Он взглянул на свою забрызганную одежду: на колене зияла длинная прореха, – должно быть, зацепился, соскакивая с изгороди. Сердито хмурясь, он полез в парк, где уже поджидала его Щаня.

– Глупая привычка – вечно скалить зубы, – сделал он выговор Щане.

Щаня перестала смеяться.

– Боже мой! – воскликнула она, – ты весь перепачкался. Новый мундир, – а его так залюхал. И разорвал.

Она бросилась было обтирать его мундирчик рукавами своей кофточки, но Женя хмуро отстранил ее.

– Ну, большая беда! – проворчал он сердито, – ведь я не Гарволин, – меня не одна перемена.

– Это все я виновата, – мне бы надо было вперед пойти. Экая я дура!

– Оставь ты, пожалуйста, мужицкую манеру бранить себя! – крикнул Женя.

Щаня с удивлением посмотрела на него.

– Чего ты? ведь я не тебя!

– Гораздо естественнее других ругать, чем себя.

– Ты испугался, Женечка?

– Вовсе не испугался, – я вздрогнул от неожиданности. У меня нервы не из канатов. Твои собаки дождутся, что я их задушу руками.

– Ну, да, задушишь, – а сам убежал.

– Да ведь они могли быть бешеными. Глупо драться с собаками, их на дуэль не вызовешь.

Щаня захохотала, и долго потешалась, представляя, как Женя стреляется с Барбосом. Женя натянуто улыбался. Щаня повела его к яблоням, во фруктовый сад.

– Вот у вас свои яблоки, а мы должны покупать, – сказал он Щане притворно-беспечным голосом.

Но он чувствовал, что голос его вздрагивает, и это было ему досадно.

– А у вас варят варенье? – спросила Щаня.

– Ну, кто же в городе варит варенье! – пренебрежительно сказал Женя. – Это в деревне еще ничего, – да и то, в сущности, это мещанство.

– А вот моя мама варит.

– Ну, у вас совсем другие нравы, – объяснил Женя.

– Ну, конечно, – согласилась Щаня, – мы не по вашему живем, – мы попросту, без затей.

Женя никак не мог отделаться от подозрения, что Щанька смеется над ним. Подсолнечники огорода, который был разведен Самсоновым за фруктовым садом, глупо пялились на него, и говорили, казалось:

– Сплоховал, брат.

– Знаешь, – начал он объяснять – я потому вздрогнул, что у меня нервы расстроены.

– Чем расстроены? – спросила Щаня.

– Ах, Щанечка, как ты не понимаешь! Я не девочка. Мне надо подумать о будущем, – в моих руках лежит и твоя судьба.

– Думают-то только, знаешь, кто? – спросила Щаня со смехом.
– Индейские петухи да дураки.

Женя нахохлился.

– Все у тебя глупые шутки. Что ж, я – дурак по-твоему?

– Ах, Господи, уж и рассердился! – воскликнула Щаня, кокетливо повертываясь к нему. – И вовсе не нервы, а просто ты барчук изнеженный. Вот у тебя какая кожа тонкая. А вот я, – я – толстокожая, у меня нет нервов.

– Ты думаешь, это хорошо? – спросил Женя. – Современный человек должен иметь тонкую нервную организацию.

– Так ведь откуда ее взять? – смиренно возразила Щаня. – На это надо уж так и родиться в дворянской семье.

– Да, конечно. Но тоже и дворяне, – бывают такие слоны!

VII

Дети уселись под яблоней и ели яблоки. Узкая серенькая скамейка, длинная, на двух тумбочках,гнулась и поскрипывала под ними.

– Что я тебе расскажу, Женечка, – заговорила вдруг Щаня. – У нас рядом девушка повесилась.

Щаня сделал паузу, и посмотрела на Женю широко раскрытыми глазами.

– С чего? – спросил Женя, жуя сочную мякоть антоновки.

– У нее был... дружок.

– Ага!

– Писарь полковой. Ну и обещал жениться, а сам женился на другой, а она от него уж...

– Понимаю, – сказал Женя. – Это всегда так бывает.

– Ну вот вчера мать к ней и пристала, стала бить ее, чтоб она созналась, – она и созналась, а мать ее розгами наказала.

– Дикие нравы! – пренебрежительно сказал Женя.

– А девушка ночью взяла да и повесилась в сарае.

– Ну, и что же?

– Ну, утром нашли ее, а только уж она вся мертвая, синяя такая, – так и умерла.

– Ну и дура! – решительно сказал Женя.

– Чем это дура? – обидчиво спросила Щаня.

– Чем дура? А вот чем: раз, что не надо было связываться с писарьком, – она должна была знать, что у этого народа не может быть благородных чувств.

– Только у вас, дворян, благородные чувства!

– Конечно. А второе: все же не к чему убивать себя.

– У тебя не спросилась, жаль.

– Вот и вышла дура. Что она этим выиграла?

– Что? – с недоумением переспросила Щаня.

– Да, что выиграла? Вот то-то, она должна была бороться за себя. А не могла, значит, она слабая натура, значит, туда ей и дорога.

– Ах, Женя, как ты говоришь. Теперь уж не нам судить ее.

– Все это вздор. Это уж теперь доказано, что жизнь – борьба за существование. Он воспользовался ее любовью, хорошо, – а она о чем думала? Ведь это с ее согласия было. Стало быть, он и прав. Кто умеет добиться своего, тот и прав, а ротозею не к чему и

жить. Таков закон.

– Ну, закон. Кто его написал?

– Закон природы, открытый Дарвином. Он доказал, что мы все от обезьян приходим. Которые обезьяны были поумнее, те сделались мало-по-малу людьми, а остальные так скотами и остались. То же и у людей: каждый заботится сам о себе, а кто не умеет, того затолкают. Выживают только субъекты, приспособленные к жизни, – слабые и себе и людям в тягость.

Щаня посидела минутку молча и задумчиво, потом засмеялась, соскочила со скамейки, подпрыгнула, ухватила за толстый сук яблони, и подтянулась на руках. У нее были сильные руки, да и вся она была сильная и ловкая, – ей никакого Дарвина не страшно. Радость охватила ее и заставила звонко взвизгнуть. Ну, а Женя, конечно, нахмурился.

– Что за манеры! – проворчал он. – Ты ведешь себя, как мальчишка.

– Тебе, небось, завидно, – сказала Щаня, продолжая смеяться и прыгать.

– Что за слово «небось»!

– Чем же не слово?

– Вообще, у тебя ухватки грубые и слова мещанские. Можно бы вести себя поприличнее.

Щаня обиделась и угомонилась.

– Мои слова не нравятся, так нечего со мной и говорить. Известно, я невоспитанная, ну так иди к барышням.

Щанины губы дрогнули, и на глазах заблестели слезинки. Женя почувствовал раскаяние.

– Щанечка, дорогая, – закричал он, бросаясь к ней, – не сердись: я – грубый, а ты – божественная, добрая.

VIII

Щаня и Женя забрались в самый дальний угол сада. Из-за изгороди видны были поля и вдаль лес. Щаня прислонилась грудью к не высокому забору, счастливо и тихонько промолвила:

– Как красиво!

Женя принял усиленно равнодушный вид.

– Ну, – сказал он, – это веселит тебя потому, что ты еще мало что видела. Вот если бы ты побывала за границей, – так там есть местечки, в Швейцарии, например, на Рейне. Я во всех этих местах был, и в Италии, и во Франции, словом, везде.

– А в Америке был? – спросила Щаня.

– Нет, еще не был.

– Ну, значит, не везде был.

– Ну, кто же ездит в Америку! А ты была в Москве?

– Нет, меня никуда не возили, – я только в Рубани была, а дальше и не бывала.

– Что Рубань! Только слава, что губернский город, – городишка самый захолустный. Ты, значит, ничего хорошего не видела.

Щаня завистливо вздохнула.

– Когда я буду большая, – сказала она, – я везде, везде выезжу, – во всех городах побываю.

– Во всех городах нельзя побывать, – важно сказал Женя, – их очень много.

– Что ж, что много! А вы отчего нынче никуда не уехали?

– Ну, мы порастраjali денeжки, – досадливо сказал Женя, – мой

папа умеет это делать. А за граница кусается. Вот здесь и киснули все лето.

- И ты жалеешь? - кокетливо спросила Шаня.
- Зато я с тобой, Шанечка, познакомился.
- Но ведь это не так интересно, как за граница!
- Милая Шанечка, ведь ты знаешь, что я тебя люблю.
- Ты сам-то давно ли это знаешь?
- Да ведь мы еще недавно знакомы, Шанечка.
- А ведь признайся, ты бы так и не догадался, что ты меня любишь, если б я сама тебя не навела на эту мысль?
- Ну, да, вот еще!
- Нет, признайся, ведь так?
- Конечно, - важно сказал Женя, - вы, женщины, больше нас понимаете в делах любви, - это ваша специальность.

Глава вторая

1

Сегодня Самсоновы обедали позже обыкновенного: Шанин отец только что вернулся из своей поездки в уезд. Он был не в духе. Шанька боязливо посматривала на него и старалась за обедом не обратить на себя его внимания. Но суровая фигура отца притягивала к себе Шанины взоры.

Полувосточный склад лица обличает в нем не чисто-русскую кровь. Черные, густые и невьющиеся волосы начинают седеть. Черные глаза с желтыми белками мрачно блестят. Невысокий и узкий лоб, изборожденный глубокими прямыми морщинами, сжать у висков. Загорелое лицо имеет красновато-желтый оттенок. Плотный стан слегка сутуловат. От лица Шаня переводит глаза на мать: Это - черноволосая и черноглазая женщина южно-русского типа, лет тридцати, еще совсем молодая на вид и красивая, - Шаня похожа больше на мать, чем на отца.

Марья Николаевна предчувствовала, что Шане достанется от отца, и была недовольна: хоть она и сама иногда колотит Шаньку, но не любит, чтоб отец это делал. А отец угрюмо молчал... Наконец, он пристально посмотрел на Шаню. Она зарделась под его взорами. Отец угрюмо спросил:

- Ну, что, перевели?
  - Оставили, - робко ответила Шаня.
  - Хорошее дело! Что ж, у меня шальные деньги за тебя платить? Вот как возьму веник...
  - Вы только и знаете, - шепнула Шаня, ярко краснея.
- Она знала, что отец может исколотить ее до полусмерти, - но в ней сидит злобный дьяволенок, который подсказывает ей дерзкие ответы. Ей страшно, - но дерзкие слова словно сами срываются с языка.
- Молчи, пока... - внушительно и грозно говорит отец.
- А мать смотрит на нее с упреком, и делает ей, незаметно для отца знаки, чтоб она молчала. Но Шаня не унимается и ворчит:
- Никто так не обращается... Я - большая.
  - А вот поговори у меня. Зачем сапоги в глине?
  - Не успела снять, - сейчас только пришла.
  - А где была до этаких пор?

- Известно, где, - в гимназии. Где же мне быть!
  - Врешь, негодная! - крикнул отец. - Говори сейчас, где шлялась!
  - Что ж, дома все сидеть, что ли! Уж и по улице нельзя пройти, и в саду нельзя погулять.
  - Погруби еще! - грозил отец, и суровое лицо его бледнело.
  - Чего мне грубить, - я дело говорю.
  - Ну, чего отцу огрызаешься! - вступилась мать.
  - Вовсе я не огрызаюсь. И вы еще на меня нападаете, чтой-то такое!
  - Вот огрызок-то анафемский! - негодовала мать. - Ты ей слово, она тебе десять.
  - Знаю, матушка, - заговорил отец, - ты все еще с мальчишкой Хмаровым хороводишься. Не пара он тебе. Форсу у них только много, а сами гольтепа такая... Вот они у меня в лавке товару набрали на столько, чего и все-то они сами не стоят, а платить не платят.
  - Не украдут ваших денег! - запальчиво крикнула Щанька.
  - Зачем красть! - с презрительной усмешкой возразил отец: - не отдадут - и вся недолга. Вот слышно, переведут их отсюда, - уедет из Сарыни, а там судись с ними.
  - Вы обо всех по себе судите, так и думаете, что все обманывают.
  - Что такое? - закричал отец, багровея. - Ах ты, мразь ты этакая, кому ты говоришь! Да я тебе голову оторву. Пошла вон из-за стола!
  - Чтой-то и поесть на дадут, - захныкала Щаня.
  - Вот я тебя накормлю ужо березовой кашей. Вон, вон пошла!
  - Да дай ты ребенку поесть, - сказала Марья Николаевна. - Успеешь еще накуражиться.
  - Вон! - бешено закричал отец, и стукнул кулаком по столу.
- Посуда задрезжала. Щаня выскочила из-за стола побледневшая и испуганная, уронила стул, метнулась было к матери, но, увидев, что отец тяжело подымается со стула, тихонько взвизгнула и бросилась к двери.
- Куда? - остановил ее отец свирепым криком. - В угол! На колени!
- Щаня, дрожа, повиновалась. С расширенными от испуга глазами сунулась она в угол, неловко выдвинула из угла тяжелый стул, быстро опустила на колени, и уткнулась в угол побледневшим лицом. Отец опять сел.
- «Изобьет! нет, авось, не будет бить!» боязливо соображала Щаня, и чутко прислушивалась к тому, что делалось за ее спиной, - а сердце ее до боли сильно стучало в груди. Отец и мать молча кончали обед. Щаня чувствовала на своей спине сочувственные взгляды служанки, приносящей и уносящей кушанье, - и ей было стыдно стоять здесь и ждать, - чего? прощенья? расправы? чем ближе подходит обед к концу, как слышала это Щаня по стуку ножей и посуды, тем боязливее и трепетнее замирало ее сердце. Ей вдруг вспомнилось, как мать перед обедом, когда они ждали отца, сказала ей: «иссечет он тебя, как кошку за сметану». Эти слова настойчиво повторялись в ее мыслях. Нетерпеливый, расслабляющий страх пробежал холодной дрожью по всему ее телу.
- Обед кончался. Отец молча подошел к Щане, тяжело ступая по паркету грубыми сапогами, и ухватил Щаню за ее толстую, круто сплетенную косу. Щаня отчаянно взвизгнула, откинулась назад, подняла было руки к голове, и забилась беспомощно у ног отца, который

тащил ее по полу.

– Да что ты, Степан Петрович! – закричала мать, бросаясь к мужу, и отымая от него девочку: – побойся Бога, что ты делаешь с девочкой!

– Прочь! – бешено крикнул Самсонов, отталкивая жену.

Сильная и цепкая, она не поддалась. Толкаясь и осыпая друг друга ударами, возились они над Щаней, которая ползала по полу на коленях: коса ее была в руке отца, и она подавалась головой туда, куда тянул отец. Наконец, почувствовав, что отец держит ее слабее, она схватилась обеими руками за его руку, в которой была зажата ее коса. Он сильно тряхнул рукой, выпустил Щанины волосы, – Щаня отлетела по полу в сторону, ударилась об стул, быстро вскочила, и убежала к себе. За ней неслись неистовые крики отца и матери. Марья Николаевна, обозлясь за Щаню на мужа, страстными криками изливала все, что накипело в ней злобы против него.

– Плут всесветный! – яростно кричала она, наступая на мужа: – людей обманываешь, рабочих обсчитываешь, – коршун! Разразит тебя Господь за твои темные дела, – помни мое слово.

Самсонов сердито отмахнулся от нее, и отошел к другому концу комнаты.

– Мели, мельница! – злобно сказал он, стараясь сдержать гневную дрожь голоса. – Какие такие темные дела?

– Много за тобой грехов! – кричала Марья Николаевна, опять приступая к нему. – Завел полюбницу, ослезил меня, – греха не боишься, и стыда в тебе нет, – дочь-то ведь у тебя не маленькая, хоть бы пред ней постеснялся, греховодник старый!

– Тьфу, дура поганая! Говорить с тобой, – только черта тешить.

Он ушел в свой кабинет, яростно захлопнул дверь, и заперся на ключ. Марья Николаевна продолжала кричать у его двери еще долго, – он не отвечал.

II

Щаня робко притаилась в уголке за своей кроватью, и уселась, вся скорчившись, на тот старый и расшатанный стул, на который всегда усаживалась она, когда чувствовала себя обиженной. Косые лучи вечернего солнца неподвижно и печально озаряли знакомые, милые для Щани предметы ее тихого убежища. Издали доносились до нее бешеные отголоски ругани, но Щаня не прислушивалась к ним, не хотела прислушиваться. Ей было еще обидно, но слез уже не было на испуганно и гневно горевших глазах. Мечты зачинались в ее голове, ласковые и грустные. И чем больше вслушивалась она в них, тем дальше и глуше казались ей отголоски свирепой брани. Обиженным сердцем понемногу овладевало кроткое, ласковое настроение. Мечта кружилась около одного дорогого образа.

Красивый мальчик с гордой улыбкой самоуверенный, умный, благородный. Ему доступны вершины почестей, – он дворянин, он отважен. Она перед ним такая ничтожная и глупенькая. И он любит ее.

Ах, если б у нее вдруг сделалось прозрачное эфирное тело! Сбросила б тесное платье, полетела бы к милому, легкая, воздушная. Не задержали бы ни высокие заборы, ни крепкие запоры. Сквозь стены проникла бы, как влажное дыхание, отклоняющее пламя пристенной свечи. Прилетела бы голубой тенью, никем не видимая, прильнула бы к нему, – нагие руки ему на плечи, нежные губы к его губам, –

тихонько шепнула б ему: «здесь я, милый мой!» – и тайными поцелуями опьянила бы, очаровала бы его...

Скрипнула дверь, разбились мечты, вошла старуха нянька, вынянчившая еще Щанину мать. Теперь, хоть Щанька и подросла, а нянька все жила, уже четвертый десяток лет, при Марье Николаевне: она была «свой человек» в доме, хозяева ей доверяли, и она зорко охраняла хозяйское добро.

– Притулилась, ясочка ненаглядная, – нежным шепотом заговорила нянька, глядя Щаню по голове.

Щаня почувствовала боль в корнях волос, память отцовской таски, – нетерпеливо тряхнула головой и опустила ее на деревянное изголовье. Ей стало досадно, зачем помешали мечтать, и она не хотела повернуть к няне недовольного лица. А нянька стояла над Щанькой, глядела на нее добрыми старушечьими глазами, и утешала ее простыми и глупыми словечками. В странном беспорядке теснились в Щанином слухе и голуби, и генералы, и светики ненаглядные, – какая-то ласковая чепуха, – и Щаня поддавалась ее льстивому обаянию.

– Скажи, няня, сказку, – молвила она, глянув на няньку одним глазом.

Няня присела рядом с Щаней, и заговорила сказку про какого-то вольного казака. Щаня не вслушивалась и мечтала себе о своем. Вдруг няня замолчала. Щаня открыла глаза и приподняла голову. Мать стояла перед ней.

– Мой-то сокол, улетел! – сказала она няне.

Няня завздохала и заохала.

– К сударушке своей! – злобно сказала Марья Николаевна. – Ну, а ты, Щанька, что сиротой сидишь? Подь к матери, – хоть я тебя приласкаю.

Марья Николаевна села на Щанину кровать и притянула к себе дочку. Щаня прильнула щекой к ее груди, – мать посадила ее к себе на колени.

– Ох, горюшко мне с тобой, – говорила она, поглаживая и похлопывая дочь по спине. – Все-то ты отцу досаждаешь. Вот сапоги-то все не переменяла, так в глине и щеголяешь.

Щаня соскочила с колен матери, села на пол и принялась стаскивать ботинки.

– Надень туфли, – сказала мать.

– Я лучше так, мамуня, – тихонько ответила Щаня, сняла чулки и опять забралась на колени к матери.

– И с ним-то горе, – говорила меж тем Марья Николаевна няне. – Я ли, злодея моего, не любила, не лелеяла! А он, натко-с, завел себе мамоху, старй черт!

– И на что позарился, – подхватила няня, – сменял тебя, мою кралечку, на экое чучело огородное.

– Что уж он в ней, в змее, нашел, – досадливо говорила Марья Николаевна, – только что молодая, да жирная, что твоя корова. Так ведь и я не старуха, слава Тебе, Господи.

– И, касатка! – убедительно сказала няня, – недаром говорится: полюбится сатана пуще ясного сокола.

– Она – белая, – вдруг сказала Щаня, приподнимая голову.

– Ах ты! – прикрикнула мать: – с тобой ли это говорят! Не слушай, чего не надо, не слушай!

И мать сильно нашлепала Щаньку по спине, но Щанька не обиделась, а только плотнее прижалась к матери.

– И я-то дура! – сказала Марья Николаевна, – говорю при девке о такой срамоте.

– Ох, грехи наши! – вздохнула няня.

– Что, Щанька, оттаскала тебя отец? И за дело, милая, – не балахрысничай.

– Чего ж заступалась? – шепнула Щаня.

– Так, что уж только жалко. И что из тебя выйдет, Щанька, уж и не знаю, – вольная ты такая. Только мне с тобой и радости было, пока ты маленькая была.

– Я, мамушка, опять маленькая, – еще тише шепнула Щаня, и закрыла глаза.

Марья Николаевна вздохнула, прижала к себе дочку и, слегка покачивая ее на коленях, запела тихую колыбельную песенку.

– Ходит бай по стене, –
 Ох–ти мне, ох–ти мне.
 Что мне с дочкой начать, –
 Бросить на пол иль качать?
 Уж я доченьку мою.
 Баю старому даю.
 Баю баюшки баю.
 Баю Щанечку мою.

Щане было грустно и весело, – душа ее трепетала от жалости к матери...

Вечерело. Вокруг дома пусто и глухо. Только изредка слышна трещотка городского сторожа: это – двенадцатилетний мальчик, которого послал за себя ленивый отец: слышен изредка протяжный крик маьчугана. Доносится лай собак, их злобное ворчанье и глухое звяканье их цепей. В самом доме, – неопределенные шорохи старого жилья. Строго смотрят иконы в тяжелых ризах, в больших киотах. Угрюма неуклюжая мебель, в строгом порядке расставленная у стен. В холодном паркете тускло отражаются затянутые тафтой люстры. Скучно и хмуро. От лампад, готовых затеплиться, струится елейный и смиренный запах. Марья Николаевна опять жалуется няньке, а Щанька опять слушает, тихонько сидя в уголке, и молчит.

Хоть и не бедны Самсоновы, а все–таки жизнь в их доме имеет определенный мещанский уклад: просты отношения между обитателями дома, и наивно–откровенны; прост сытный обед и плотный ужин; просты наивно–плоские беседы, и бесцеремонны домашние одежды.

В такой–то обстановке вырастает Щанька, шалунья и своевольница, которую то балуют, то жестоко наказывают. Родители словно дерутся девочкой: когда отец бьет Щаньку, мать ее ласкает; когда отец ласкает дочку, мать к ней придирается и сечет ее иногда за такие пустяки, на которые в другое время никто и внимания не обратил бы. Но Щаня изловчается и часто успевает–таки ладить и с отцом и с матерью. И теперь, в ее предприимчивой голове, сквозь жалость и сочувствие к матери, уже выясняется план, – как бы и с отцом помириться.

Щаня – девочка быстрых и бойких настроений, счастливая, как радость, одним тем, что живет. Не может она долго печалиться, хоть бы и после того, как ее побили.

III

Поздно вечером, часов в одиннадцать, Самсонов вернулся домой. Щаня уже лежала в постели, но не спала. Окна ее комнаты были

плотно занавешены, двери крепко заперты, и под дверями лежал скатанный половичек, чтобы не просвечивало наружу от свечки, которая горела около кровати. Щаня читала книжку, одну из тех, которые она тайком приносила домой и по ночам читала. Это были романы. Ими снабжали ее или Женя, или, чаще, Щанина подруга по гимназии, Дунечка Таурова.

Щаня услышала неясный шум открывающихся дверей и тяжелой отцовой поступи. Она мгновенно задумала смелое дело – идти к отцу просить прощения. Тут был риск: или отколотит еще раз, может быть, выстегает, или проласкает, – и тогда она обеспечена от будущих неприятностей за то, что осталась на второй год в классе. Щаня загадала, – идти или не идти: она будет считать до ста, и если в это время нигде ничего не услышит, то не пойдет, а если услышит, то пойдет. Она начала счет. Ей стало жутко, и она ускоряла счет, чтоб поскорее кончить, до первого шума. Она считала уже шесто десяток, как вдруг где-то далеко в городе, раздался невнятный, глухой крик. Щаня вздрогнула, с разбега просчитала еще несколько, и остановилась. Делать нечего, надо идти.

Она проворно вскочила с постели, набросила на себя платье, спрятала книгу, потушила свечу, и тихохонько вышла босая в корридор. Придерживая рукой дверь своей комнаты, она остановилась и слушала, – везде в доме было тихо. Тихо-тихо ступая, пошла она по неосвещенному корридору, по темным комнатам. Вот и дверь отцова кабинета. Внизу ее светится щель, – значит, отец еще сидит. Щаня прижалась ухом к двери. Ее сердце шибко колотилось. Неясный шелест еле слышался ей за дверью...

Внезапно решившись, она стремительно открыла дверь, быстро подбежала к отцу, и охватила руками его шею. Самсонов сидел у письменного стола и просматривал счета. на нем был надет засаленный халат, старый, много раз заплатаанный, из которого в некоторых местах лезла вата.

– Ты чего, оглашенная? – закричал Самсонов на дочку: – чего тебя носит?

Щанька прижалась к нему, и уселась на его колени.

– Да ты чего вольничаешь? Аль забыла...

– Прости, папочка милый, не буду лениться, – вкрадчиво заговорила Щанька, ласкаясь к отцу, и целуя его жесткую щеку.

– То-то не буду. Разве у меня шальные деньги?

– Ты – богатый.

– Ну, ну, не так богатый. Положим, грех роптать. А дело-то всяко бывает: вот маюсь, пока мышь голову не отъела, а завтра что еще будет. Посечь бы тебя надо, Щанька, – бормотал он, ласково поглядывая на красивое лицо девочки.

Он прижал к себе дочку, покачивая ее на коленях, и подбрасывая сверху ее ноги. Щанька тихонько смеялась.

– Отлщить бы тебя хорошенько. Слышишь, Щанька, а? Хочешь, задам баню?

– Другой раз, голубчик папочка, – отвечала Щаня, вытаскивая кусочки ваты из отцова халата.

– То-то другой раз, смотри ты у меня, разбойница. Еще как надо было бы.

Глава третья

I

Женя, подходя к дому, озабоченно осмотрел испачканную, изорванную одежду. Стало досадно.

«Она не может и представить себе, легкомысленная Щанька», думал он, «как это у нас неудобно и неприятно. Увидят, – и сейчас начнутся жалостные разговоры. Надо постараться проскользнуть незаметно.»

Разговоры, на которые мог бы навести этот беспорядок одежды, особенно неприятны были теперь Жене потому, что у них гостили, приехавшие из Крутогорска, Женин дядя, Аполлинарий Григорьевич Хмаров с женой. Дядю своего Женя считал за человека очень умного и насмешливого, и побаивался его языка.

Проскользнуть незаметно не удалось. В передней случайно его встертила мать, Варвара Кирилловна, высокая и худощавая дама с величественным видом и длинным носом. Она заметила и грязь, и прореху, и пришла, по обыкновению, в ужас.

– Женя! Боже мой! – воскликнула она. – Но в каком ты виде! Посмотрите, ради Бога, на кого он похож!

С этими словами она повела его в гостиную, где собралась вся семья. Женя имел сконфуженный вид: он не привык видеть себя в таком беспорядке, – а при дамах и тем менее. Сестрица Маня смеялась, а отец окинул его удивленными глазами и сделал самую ледяную из своих улыбок, которая так шла к его видной и внушительной наружности.

– Хорош! – сказал дядя, высокий господин с длинными седыми усами, бритым подбородком и лукавым выражением лица.

А дядина жена, Софья Яковлевна, полная дама с блестящими глазами и нервно-быстрыми движениями, оглядывала его с выражением безгливости и ужаса, и восклицала:

– Испачкан, изорван! Но его поколотили уличные мальчишки.

– Где это ты? – спрашивала мать.

– Не лучше ли ему сначала переодеться? – обратился к ней Модест Григорьевич.

Женя взглянул на отца с благодарностью, и поспешил уйти. За ним звенел Манин смех.

«Один только отец умеет вести себя», думал Женя, передеваясь. «Только в нем есть эта холодная корректность, которая отличает...»

II

Варвара Кирилловна не намерена была забыть про это неприличное происшествие. За обедом она опять спросила Женю:

– Скажи, пожалуйста, где ты так перепачкался. И где ты изволил прогуливаться?

Женя успел сочинить подходящее объяснение и небрежно ответил:

– Я был у этого... Степанова. Потому и поздно.

– Это что за Степанов?

– Но я вам вчера говорил, – это наш гимназист больной.

Варвара Кирилловна встревожилась.

– Чем больной? – с обидой и страхом в голосе спрашивала она. – И когда ты рассказывал? Я ничего не помню.

– Ты еще нас всех заразишь! – воскликнула Софья Яковлевна, брезгливо поводя своими пышными плечами.

– Ах, мама, я не пошел бы, если б это было прилипчиво. Надо ж навестить: они бедные, может быть, я мог бы немножко помочь.

– Какая филантропия, скажите пожалуйста! – насмешливо говорила Софья Яковлевна. – А кто тебя там прибил?

– Никто не бил. Но, знаете, в этих захолустьях такая грязь, что надо привычку там ходить. Мостки поломанные, – и ногу чуть не сломал.

– Потому, должно быть, тебя и провожала эта девчонка! – вмешалась Маня.

– Какая девчонка, Женечка? – спросил дядя, улыбаясь и селгка прищуривая веселые и лукавые глаза.

Женя покраснел.

– Не знаю, о чем она говорит, – сказал он, пожимая плечами, – я один ходил.

– А краснеешь зачем? – спрашивал дядя.

– Нет, не один, – горячо возражала Маня. – Черномазая девочка, гимназистка. Ты в кусты спрятался, а она мимо нашего дома прошла.

– Вот и неправда, – уверенно сказал Женя, – ничего такого не было.

– Да ведь я видела, как вы с ней шли в Летнем саду.

– Это, должно быть, опять та же Самсонова, – недовольным тоном сказал отец.

– Опять, Боже мой! – патетически воскликнула мать.

– Но я с ней только случайно встретился в саду! – невинным тоном объяснял Женя, – и не мог же я убежать от нее!

– Какие скороспелые нежности! – воскликнула Софья Яковлевна, сверкая глазами и покрываясь румянцем негодования.

– Мы только немного прошли вместе, и расстались. И я вовсе не думал прятаться. Я даже не сразу вспомнил. Что ж тут такого?

– Ах, это все та же мещаночка! – вспомнил и дядя. – Bravo, Женечка, у тебя появляется постоянство во вкусах: не на шутку влюбился в свою сандрильону.

– Что ж, что мещанка? – возразил Женя. – У нее приданое есть.

– Много ли? – насмешливо спросила мать.

– Тридцать тысяч! – с весом сказал Женя.

Мать пренебрежительно пожала плечами.

– Ну, все же деньга... если только отец даст, – вступился дядя, лукаво усмехаясь.

– Не рано ли думать? – спросил отец.

– Это у нее собственные, – сказал Женя, отвечая дяде.

– Да? – с некоторым вниманием спросила мать.

– Я все это у нее разузнал...

– Вот как! практично! – насмешливо сказал отец.

– Да что это такое! – засмеялась Софья Яковлевна, – разузнал!

– Дело в том, – объяснял Женя, – что эти деньги завещал ей дядя, ее крестный отец, и они хранятся в Крутогорске в конторе у другого дяди, Жглова.

– Непрочное помещение! – заметил дядя с той же лукавой усмешкой.

– Вообще, – решила Варвара Кирилловна, – тебе, Женя, о таких вещах рано еще думать.

– Конечно, – подтвердил отец.

– Решительно прошу, – продолжала Варвара Кирилловна, – туда не ходить. Раз навсегда. Я не могу этого выносить, – пожалей мои нервы.

Когда Женя после обеда ушел к себе, Варвара Кирилловна сказала своей гостье:

– Женя у меня такой впечатлительный, а эта девчонка отчаянно его ловит. Нынче нет детей. Четырнадцатилетняя дрянь уже думает о женихах, – возмутительно!

– В их мещанской среде это так понятно! – говорила Софья Яковлевна. – Да и вообще нынешние дети... И зачем вы отдали его в гимназию, – не понимаю. Там такое общество!

– Ах, куда же отдать! Здесь хоть на наших глазах, а в закрытых заведениях, говорят, такие вещи...

– Но это все так преувеличено.

III

Женя прошел после обеда в свою комнату, в мезонине. Вспоминал разговоры за столом. Досадовал. Привык досадовать. Из всего, что говорилось за обедом, особенное впечатление на Женю произвели и уязвили его дядины слова.

«Мещанка!» думал он, перебирая книги. «И все-таки она премилая. Конечно, она дурно воспитана, действительно по-мещански, – какие манеры, и словечки! Но я ее перевоспитаю: она рада мне подчиняться, она меня так любит, бедняжка, – ее не трудно будет обломать. Любовь ко мне переродит ее».

Жене вспомнилось, как они с Шаней пили «на ты», когда поближе познакомились и сдружились. То было в самую жаркую пору лета, в межень, как говорят у нас. День был ясный, тихий, знойный.

Щаниных родителей не было дома. Шаня тихонько принесла в сад вино. Они забралась в баньку, которая стояла в глухом уголке сада: нельзя нести вино в парк – далеко, а в баньке никто не увидит. Жене ясно вспомнились его тогдашние жуткие и томные впечатления: полусветлая банька с открытыми окнами, куда вливался из сада жаркий, душистый воздух сквозь ветви кустов, тесно лепившихся у стен... бревенчатые стены, скамейки по стенам, вся странная для беседы обстановка места, где обыкновенно только моются... сладкое и крепкое вино... тишина, уединение... птичий писк по кустам и далекое жужжание пчел... Щанин нежный полусшепот... ее быстрое, теплое дыхание, и аромат вина... отуманенные взоры... взволнованная кровь и ярко зардевшиеся щеки... жаркие руки, блуждающие... вздрагивающие прикосновения... ласковые Щанины улыбки... долгие, смущенные поцелуи... И за стеной смеются миллионы тихих и звонких голосов и шелестов, слышится задорный птичий писк по кустам, далекое жужжание пчел.

Женя раз мечтался. Сладко и томно стало ему.

– Барин, чай пить пожалуйста, – услышал он за собой голос горничной.

Женя посмотрел на смазливую девушку.

– Гости пришли, – сказала она.

– Ах, милая, ты сегодня преинтересная, – скучающим голосом проговорил Женя, и лениво провел рукой по ее плечу.

Она лукаво усмехнулась.

Женя сошел вниз. Его охватили привычные, бодрящие впечатления: свет ламп, красиво отраженный на обоях, на красивых одеждах и лицах дам и барышен, – тихое позвякивание чайной посуды и еле различаемый аромат душистого чая, смешанный с тонким благоуханием модных духов, – оживленный, но негромкий разговор, приправленный и забавной сплетеней, и легким злословием по адресу отсутствующих, – приветливые улыбки и любезные слова. Приятно было сознавать, что здесь собралось все-таки «лучшее» общество Сарыни.

Здесь были: уездный предводитель дворянства Ваулин, из отставных военных, господин очень вежливый, нарумяненный, загну-тый в корсет, от которого его стан казался деревянным, – его дочь, девушка лет шестнадцати, со скучающим, бледным лицом, которое казалось немного припухлым, – директор гимназии Кошурин, длинный и веселый господин, недавно переведенный сюда из Петербурга и забавлявший дам не очень свежими столичными анекдотами да рассказами про любовь по Библии, – его сын Павел, гимназист седьмого класса, румяный и красивый мальчик, плотный, упитанный, выхоленный, хотя уже с некоторой ранней блеклостью кожи под глазами, большими, но несколько тусклыми, – седой полковник, – тучный судебный следователь, – и еще несколько офицеров, девиц и дам.

Павел Кошурин что-то доказывал в кругу молодых людей и барышен. Женя подошел к ним.

– Все это так условно, – говорил Кошурин слегка дребезжащим, не установившимся голосом переходного возраста, – нравственность, долг: что у нас нравственно, то в другом месте или в другое время безнравственно, и наоборот. А потому мы несколько не обязаны следовать тому, что кто-нибудь считает нравственным или хорошим.

– Конечно, – подтвердил Женя.

– Надо стоять выше буржуазной морали, – пискнул молоденький офицерик с румяным и красивым лицом.

– Позвольте, – вмешался седой полковник, вслушавшись с своего места, – вот я вас спрошу, – если вам представился случай украсть, вы бы ведь не украли?

– Разумеется, не украл бы, – ответил Женя, пожимая плечами.

– Ну, вот видите, значит, не все так условно...

– Но позвольте, – горячо возразил Кошурин, – ведь я и каждый из нас почему не украли бы? Вовсе не потому, что считаем это безнравственным. Не ворует, в сущности, мы только потому, что боимся, как бы нас не поймали.

– Нет, извините, – возразил полковник слегка обидчивым тоном, – это не о всех можно сказать.

– Или потому не ворует, – пояснил Женя, – что боимся того, что нельзя будет воспользоваться краденым, а риск велик. Воруют только дураки, и почти всегда попадают, а умный человек не пойдет красть, но вовсе не потому, что это безнравственно.

– А почему?

– Да потому только, что это невыгодно.

– Ну, нет-с, позвольте не согласиться. Вы это изволите рассуждать так, вам нравится, может быть, смелые слова произносить, – а я из своего жизненного опыта могу вас уверить: есть люди, которые не воруют именно только потому, что гнушаются такой низостью.

В других местах тоже прислушивались к спору, и слова

полковника вызвали сочувственные отклики.

– Вдруг бы мы пошли воровать! можно ли это себе представить!
– восклицала Софья Яковлевна.

– Да, трудно представить кого-нибудь из нас в роли грабителя или мошенника! – с холодной усмешкой сказал Модест Григорьевич.

– Нет, молодой человек, – внушительно сказал седой полковник, обращаясь к Кошурину, – люди нашего старого поколения твердо знают, что воровать – постыдно.

– Всякие бывают люди, – с усмешкой ответил Павел Кошурин, – а мы о себе только говорим: если б можно было украсть красиво и безопасно большой куш, этак миллиончиков с десятков, я бы украл и не задумался бы ни на минуту.

– Ну, это так только говорится, для красного словца, – решил полковник, и повернулся к тучному следователю продолжать с ним прерванную беседу.

– Этим господам нас не понять, – говорил Павел Кошурин барышням, – у нас совсем разные натуры. У людей прежних поколений все застыло в определенных формах. Они просто не смеют выйти из своих рамок. У нас развивается тонкая нервная организация; нам доступен такой мир, который им недоступен.

– Может быть, этот мир и им был доступен в молодости, – сказала Катя Ваулина.

– О, нет: мы – совсем иное дело. Ведь они о чем в молодости мечтали? о славе, о любви, о благе народа, – какая чепуха, неправда ли? Вдруг ходили в народ. К этим пьяным, грязным дикарям. Зачем! как это глупо! Нет, для нас в жизни существует только изящное, прекрасное. Мужики – скотоподобные. Мы их ненавидим. Жизнь должна давать нам наслаждения, иначе не стоит и жить.

– Да ведь и старички тоже наслаждались жизнью, – пыталась спорить Катя.

– Да, но наивно, грубо; они не выходили из рамок условного. Я вам приведу пример в цветах: им нравились яркие цвета, – красное, голубое, зеленое, – нам нравятся нежные еле уловимые оттенки.

– О, да! – согласилась Катя.

– То же и во всех чувствах. Мы улавливаем тонкие, неопределенные ощущения, которые им непонятны. То же и в искусстве: им нравится Пушкин, мы упиваемся туманными дымками Фетовских стихов.

– Ах, стихи! Прочтите нам какое-нибудь свое стихотворение! – просительным голосом воскликнула молоденькая барышня в розовом платье и с наивным лицом.

– Да, да, пожалуйста! – просили и другие барышни.

Павел Кошурин улыбнулся небрежно и самоуверенно.

– Мне удалось на днях создать очень замечательное и оригинальное стихотворение. Я его прочту вам, если угодно, но в пояснение вам надо сказать несколько слов. Собственно, стихи и не следует объяснять, но я иду совсем особой дорогой, – я не подражаю никому, и потому вам мои стихи могут на первый взгляд показаться не совсем ясными: в них надо вчитываться. Я, видите ли, довел свои нервы до такой чуткости, что начинаю видеть голубые вещи.

– Голубые вещи? что это такое? – восклицала розовая барышня.

– Это что-нибудь страшное? – опасливо спросила Катя Ваулина. Кошурин снисходительно улыбнулся.

– Это, как бы вам сказать... Да это, впрочем, все видели, только не понимали. Помните, случается, что вам иногда что-нибудь

покажется в углу комнаты, или на стуле, или на диване, какая-нибудь голубая тень. Вы подходите и приискиваете естественное объяснение: платье висит, или стоит зонтик, или что-нибудь лежит на стуле, – и вы успокаиваетесь. Вы уж привыкли находить такие объяснения, и верите им.

– А если там ничего нет? – спросил розовый подпоручик.

– Ну, вы уверите себя, что вам только показалось. Но это и на самом деле прошла голубая тень, душа какого-нибудь умершего существа, – они всегда проходят мимо нас, только мы не хотим видеть.

Глаза барышен широко раскрылись.

– Но зачем же они ходят? – спросила барышня в розовом.

– Зачем? Может быть, они хотят к нам обратиться, сообщить нам что-то, а мы не обращаем внимания. Это, собственно, еще не самые души: когда человек умирает, его душа выходит, и сна в голубой оболочке, которая легче всякой земной материи, – и эта оболочка еще долго живет на земле, пока душа от нее не освободится.

– Но, значит, их очень много? – боязливо сказала Катя.

– Ну, не так много, – усмехаясь, ответил Павел Кошурин. – Ведь одни только дворяне бессмертны. Мужики издыхают, как скоты.

– Неужели? – воскликнула розовая барышня.

– Уверяю вас. Кстати, вы знаете, что мы ведем свой род от времен Ивана Грозного. Но я начал о голубых вещах. Голубых ясно можно видеть, если изошрить внимание.

– То есть, если расстроить нервы, – опять вмешался полковник.

– Почему же расстроить, а не настроить? – спросил Кошурин, пожимая плечами. – Я начинаю достигать этого. Вчера в сумерках я сидел один у себя. Задумался. Было тихо. Сижу вот так, откинувшись на спинку кресла, руки протянуты на коленях, – и вот, я вижу, подошла ко мне, тихо-тихо, голубая тень, и стала близко... все ближе, – ближе, – наконец, я чувствую на руках кончики ее крыльев.

Гимназист остановился и значительно смотрел на слушателей.

– Тень крылатая! – заметил Аполлинаруй Григорьевич, который, вместе с другими, снова начал вслушиваться в речи румяного гимназиста.

– Прямо из высших сфер, – с веселым смехом сказал Кошурин отец.

– Что же она говорила? – спросила Катя, доверчиво и испуганно глядя на гимназиста.

– Пока еще я ничего не слышал. Но вот слушайте мои стихи.

– Господа, – сказал Аполлинаруй Григорьевич, – прошу внимания. Юный поэт прочтет свои стихи.

Все стали слушать, Кошурин-младший принял мечтательно-горделивую позу, и торжественно продекламировал:

Вдохновенные руки бессильно томятся на грустных коленях...
Замечаю внимательным взором движение в таинственных тенях...
Вдохновение ль желанных сношений, немая ли это забава, –
Голубая, прозрачная тихо ко мне опускается пава.
Голубое крыло над рукой моей колышется зыбко,
А на клюве прозрачном дрожит незнакомая миру улыбка.

Катя в восторге смотрела на поэта. Седой полковник откровенно засмеялся, а Аполлинаруй Григорьевич сказал, лукаво усмехаясь:

– Славные стихи. В наше время таких не писали. Только не понимаю я, о чем грустят колени.

– Это, видите ли, передается впечатление, – небрежным тоном пояснил гимназист. – Всякая вещь имеет свою физиономию, и члены человеческого тела тоже.

– Позвольте спросить, – обратился к Кошурину Ваулин, – почему именно вы изволите упоминать в ваших стихах паву, а не другую птицу, – орла бы, например?

– Извините, этого я не могу объяснить. Это надо почувствовать.

– Пава – это символ, – сказал Женя.

– Символ чего, позвольте спросить? – продолжал любопытствовать Ваулин, устремляя на гимназистов серые, пронизательные глаза.

– Символ чего-то такого... я не могу это выразить.

– Если хотите, – снисходительно объяснил наконец Кошурин, – символ гордого стремления к неизвестному. Я, по крайней мере, так объясняю себе. Но я должен сказать, что когда я создаю стихи, я не понимаю, что пишу.

– О, да, это заметно, – очень любезно согласился Ваулин.

– Я на него уж и рукой махнул, – с веселым смехом заявил Кошурин-отец.

V

Павел Кошурин и Катя Ваулина сидели уединившись в уголке. Гимназист в чем-то настойчиво убеждал девушку, которая неопределенно улыбалась и покрывалась слабым румянцем.

– Позвольте же, – воскликнул наконец гимназист, – прочесть мои стихи, посвященные вам. То, что я должен вам сказать, прозой не выходит убедительно, – стало быть, это надо сказать стихами. Надеюсь, вы поймете, или почувствуете. Слушайте.

Катя закрыла глаза, и откинулась на спинку стула. Гимназист, близко наклонясь к ней, продекламировал страстным полупшепотом:

Отодвинул я завесы плотные, –
 Запечатана тайная дверь.
 Беззаботные, безотчетные, –
 Отчего не теперь?
 Облелеял бы лаской блуждающей
 Я твою заповедную дверь...
 Утомляющей, утоляющей, –
 О, не бойся, поверь!

Кошурин кончил. Катя сидела с закрытыми глазами, и словно ждала еще чего-то. Наконец она открыла глаза. В них было блудливое и желающее выражение.

– Все? – спросила она очень тихо.

– Все. Поняли?

– Может быть. Только...

– Что только?

– Положим верю, – а дальше что?

– Дальше после, – ответил гимназист, радостно улыбаясь.

Катя отошла от него.

– Что, – спросил Женя, подходя к Кошурину, – у тебя, кажется, была интересная беседа с Катей Ваулиной?

– Да, – дурочка, такая боязливая, не может понять, что можно и невинность соблюсти, и...

– Капитал приобрести? – поспешил досказать Женя.

– Ну, капитал не капитал, а насладиться во все свое удовольствие. Впрочем, я, кажется, обратил ее в свою веру стихами. Хочешь, прочту тебе?

– Прочти.

Кошурин повторил свое произведение.

– Понял? – спросил он, окончив чтение.

Женя захохотал.

– Она то поняла? – спросил он.

– На то похоже. Но, – само собой, об этом никому ни гугу.

– Разумеется.

Глава четвертая

I

Владимир Гарволин жил со своей матерью недалеко от Самсоновых. Он с детства водил дружбу с Шаней, и частенько катал ее на салазках с той горки, что стояла в Самсоновском парке. Давно уже обольстила его сердце пленительно-веселая девочка, но, застенчивый и неловкий, он не умел выразить своего чувства, и казался грубым и суровым. По праву старой детской дружбы он говорил Шане ты, Шаня была с ним доверчива, Шаня любила поболтать с ним о своем милом Женечке, – жестокая Шаня! И чем больше бичевала Шаня Володино сердце речами о Хмарове, тем милее и дороже становилась она для него, – радостная, недостижимая.

А дома была у Гарволина грусть. Неонила Петровна, его мать, вдова здешнего чиновника, получала небольшую пенсию, давала за ничтожную плату уроки девочкам, которые ходили к ней готовиться в гимназию, а по вечерам отправлялась читать романы престарелой, полу-глухой барыне, которая платила ей скудно и неаккуратно, задерживала ее почти каждый раз до поздней ночи, нестерпимо капризничала, да и считала себя благодетельницей, потому что иногда приглашала Неонилу Петровну с Володей обедать.

В последнее время Володя тяготился этими обедами, и раза два пробовал увернуться от них. Но это было неудобно: капризная старуха жестоко обижалась, что пренебрегают ее приглашениями, и не хотела слушать никаких резонов. Ей нравилось видеть Володю, – он был застенчив и неловок, и она за обедом всласть шпыняла его балгожелательными наставлениями.

– Для твоей же пользы, батюшка, – приговаривала она, – мальчик ты хороший, а в жизни и полировка нужна. Неотесанным дубиной только тын подпирать.

Хоть очень неприятны Володе были эти обеды, но приходилось-таки ходить: мать просила – а то еще место потеряет.

Не легко достаются деньги, трудна жизнь. Утро до трех часов уходило на занятия с девочками. В это же время надо было готовить обед: постоянную прислугу держать было не на что, а ходила находом баба, мещанка, которая жила недалеко. Эта баба придет утром, настакает дров, наносит воды приберет кой-что, и уходит до следующего утра; в назначенные дни придет вымыть полы, выстирать белье. Девочки уйдут, – еще много дома заботы и работы: сшить,

починить, заштопать. Придет вечер, – надо идти на другой край города, добывать гроши чтением. Каждый день во всякую погоду, в дождь, в снежную метель, в морозы, тащиться в стареньком пальтишке, которое плохо греет стареющее тело, – это было трудно.

Неонила Петровна была женщина болезненная, нервная. Девочки раздражали ее, но с ними надо было ладить. Надо было приноравливаться и к капризам богатой старухи. У Неонилы Петровны болела грудь, она все чаще и чаще кашляла, все более и более высыхала и сморщивалась. К сорока пяти годам она казалась уже совсем старухой. Чтение сильно утомляло ее, но его нельзя было оставлять: деньги нужны.

Когда Володя подрос, он стал искать для себя какой-нибудь работы, каких-нибудь уроков, – все это оплачивалось дешево, и денег с трудом хватало. Володя подумывал бросить гимназию, идти в чиновники, – мать не соглашалась.

– Дотяни как-нибудь, – без диплома век нищим будешь.

Был у Володи в Сызрани дядя, брат его покойного отца, но тому помогать было не из чего: он служил в казначействе на маленьком жалованьи, и имел полдюжины детей, которым иногда не на что было и башмаков купить.

Бывлао вечером Неонила Петровна собирается идти к своей старухе, одевается, укутывается в какие-то тряпки, и кашляет, мучительно кашляет.

– Ты бы, мама, сегодня дома посидела, – говорит Володя, помогая ей одеваться: – слышишь, ветер так и воет, – еще больше простудишься.

– А вот закутаюсь хорошенько, и ничего мне не будет.

– Хоть бы один вечер отдохнула.

– Я отдыхать буду, а деньги сами к нам придут! – раздражительно говорит Неонила Петровна.

– Проживем как-нибудь, мама. – побереги здоровье.

– Раз умирать надо!

У Володи сжимается сердце, когда мама говорит о смерти. Он принимается мечтать, как он кончит курс в университете, получит хорошее место, и успокоит маму, – усиленно старается представить себе подробности будущего житья-бытья, а в мозгу настоятельно повторяется: «не дотянет, умрет.»

Мать кашляет мучительно, и покорно говорит:

– Видно, помирать пора.

Володино сердце мучительно ноет.

«Как же другие живут?» спрашивает он себя, и представляет себе людей богатых, и бедных, и счастливых, и обездоленных... Старухи, хилые, бесприютные, надорвавшиеся в непосильной работе... Но жалость к одной из этих старух, близкой, милой, перевешивает в его сердце слабую, надуманную для утешения жалость к миллионам еще более несчастных существ.

II

В воскресенье у обедни Марья Николаевна встретила Неонилу Петровну с Володей и зазвала их к себе обедать.

– Вот, снимались у приезжего фоторгафа, – рассказывала дома Марья Николаевна, – Шанька, подари, что ль, Володеньке свой портрет.

Шаня побежала к себе: за ней пошел и Володя.

– Слушай, Шаня, – угрюмо заговорил он, когда они остались

одни в ее комнате: – ты думаешь, Хмаров на тебе когда-нибудь женится?

Щаня покраснела, и от раскрытого еще комода, где она искала свои карточки, повернулась к Володе.

– С чего ты это? – спросила она. – Да я и не думаю. Что я за невеста? Я еще в куклы играю.

И она весело засмеялась, и опять принялась шарить в комод, торопясь и не находя.

– Ну, положим, думать то ты думаешь! – сказал Гарволин. – А только напрасно: маменька ему не позволит.

– Да тебе-то что за печаль? – рассердилась Щаня. – Выискался какой.

– Тебя жалко: обманет он тебя.

– Он – честный! – запальчиво крикнула Щаня.

Она нашла свои карточки, и держала их, не вынимая из конверта, гневно сверкая на Володю черными глазами.

– Ну, честный на счет другого чего, может быть, – угрюмо сказал Володя, – а на эти дела все они... Скажет: маменька не велит.

– Неправда! Ты – злой злючка, ты со злости так говоришь, а сам знаешь, что неправда. Он – честный, он никогда не обманет, он милый, хороший!

Щаня притопывала ногами, и щеки ее пышно рдели. Володя вздохнул.

– Ну, давай тебе Бог. Только все ж держи ухо востро.

– И слушать не хочу, и молчи, пожалуйста. И никогда вперед не смей так говорить. На вот лучше карточку, хоть и не стоишь ты за такие слова. Самую хорошую тебе выбрала.

– Эх, Щанечка!

Щаня призадумалась на минутку, и вдруг весело и лукаво улыбнулась.

– Слушай-ка ты лучше, что я тебе скажу, – сказала она Володе. – Скажи мне, синий или красный? Ну, живей.

– Ну, что такое? – с удивлением спросил Гарволин.

– Скорей, скорей! – торошила Щаня. – Я задумала кое-что. Ну говори же, синий или красный.

– Красный! – угрюмо сказал Володя. – Чепуха какая-нибудь.

Щаня звонко и радостно засмеялась.

– Не обманет, не обманет! – закричала она, прыгая и хлопая в ладоши. – Знаешь, что я сейчас загадала?

– Ну?

– Если синий, так он меня бросит, если красный, – не бросит. Ну что, чья выходит правда? Вот видишь, какой ты злой. Видишь, вышло, что не бросит, а ты на него врешь такие вещи.

– Эх ты, стрекоза! – уныло сказал Володя. – Задаст он тебе такого красного!

– Слушай, Володя, – заговорила вдруг Щаня, лукаво улыбаясь и заглядывая ему в глаза: – ведь ты все это из ревности?

Володя вспыхнул и угрюмо отвернулся.

– Из ревности, да? Ведь да? признайся, – шептала Щаня.

– Эх, Щанька, брось его, право, брось! – горячо и убедительно заговорил Володя, и взял Щаню за руки.

Щаня засмеялась, вырвалась от него, запрыгала и закричала:

– Не обманет! Не обманет! Красный! Красный! Красный!

Володя безнадежно махнул рукой. Ему стало еще грустнее, чем прежде. Он увидел, что Щаня залгянула в его сердце, и смеется жестокая, беззаботно.

Заглянула в его сердце, – и ей радостно, что ее любят: это льстит ей. Она никому не откроет Володина секрета, – зачем? он милый. Но ей сладко, что у нее есть такие секреты. Она знает, что Володя будет хранить ее карточку, как святыню, – но она не знает, как трудно Володе.

III

В понедельник, часа в три, Щаня встретила с Женей в Летнем саду.

– Хочешь, Женечка, я подарю тебе свой портрет? – спросила она, кокетливо и наивно улыбаясь.

– Подари, Щанечка.

Щаня вынула из кармана фотографическую карточку.

– У приезжего снимались? – спросил Женя, рассматривая портрет.

– Да.

– Впрочем, здесь у кого же еще.

– Еле выпросила у отца, – не к чему, говорит, мы и так тебя видим.

– Резон! – насмешливо сказал Женя.

– За то и сами снялись.

– Гуртом дешевле, – дело.

– Ну, вот, я тебя и осчастливила, – сказала Щаня, и весело глянула сбоку, слегка нагнувшись, в Женино лицо.

– Осчастливила, Щанечка, спасибо! – сказал Женя.

– А только, если ее у тебя увидят тебе достанется, пожалуй?

– Ну вот, – я прячу подальше и буду хранить. Никто не увидит.

– Да, да, спрячь подальше.

Щане стало обидно, что Женя должен спрятать ее карточку, но она постаралась скрыть от Жени свое чувство. Вечером, в своей постели, она вспомнила опять, что Женя будет прятать от родных ее карточку, как запрещенную вещь, как непристойное или краденое, – и заплакала от обиды.

Щане не вспомнился в эти минуты Володя Гарволин. А он рассматривал ее карточку вместе с матерью, и ни от кого не прятал ее.

IV

Несмотря на то, что мать запретила Жене ходить к Щане, он все-таки улучал иногда свободные минуты и забегал к ней. Давно уже собирался он сделать ей какой-нибудь подарочек, да не было у него лишних денег. Женя всегда имел карманные деньги в весьма приличном количестве, да не находилось у него таких денег, которые не были бы назначены на его собственные прихоти. Просить лишних денег у матери или отца было бесполезно: Хмаровы и так жили не по средствам. Именье было заложено, и давало так мало дохода, что Хмаровым уже года два приходилось отказываться от зарубежных поездок, к которым они привыкли. Жалованье, которое получал Модест Григорьевич по своей судебной должности, проживалось без остатка, и много было долгов. Понятно, что Женя не мог рассчитывать на лишнее.

Наконец, случайно скопилось в его кошельке некоторая сумма, которую он решил употребить на подарок Щане. Он отправился в

лавки, приценился к разным вещичкам, сравнивал, выбирал, и кончил, совсем неожиданно для себя самого, тем, что купил для себя хорошенький портсигар: уж очень любезен был приказчик, и очень изящной показалась Жене вещичка. Выходя из магазина, он утешил себя соображением, что у Щани и так всего много: она не нуждается так, как он. И притом, если подарить ей что-нибудь, она, пожалуй, не сумеет утаить этого от родителей, и те, пожалуй, еще поколотят, – что хорошего!

«Лучше я так приду, – она и без подарков мне рада!» соображал он. «После тех дикарей, которые окружают ее дома, я должен показаться ей человеком с луны.»

Подходя к парку Самсоновых, Женя услышал голос Щани, которая заунывно напевала:

Если б, сердце, ты лежало
На руках моих,
Все качала бы, качала
Я тебя на них.

Женя поморщился.

«Этакая пошлость!» подумал он.

Щаня увидела его, и покраснела: ей стало стыдно, что он слышал ее пение. Но она не любила быть долго сконфуженной, весело засмеялась и спросила Женю:

– Ну, что, хорошо я пою?

– Поешь-то ты хорошо...

– Да где-то сядешь? – закончила Щаня. – Ну, хорошо, хочешь, тебе спую?

– Спой, только, пожалуйста, не эту пошлость, что я слышал.

– Чем же это пошлость?

– Да помилуй, разве можно такими вещами наслаждаться!

Щаня замолчала, сорвала ветку рябины и стала ее ощипывать.

– Что ж ты не поешь? – спросил Женя. – Или ты обиделась?

– Ничуть не обиделась, а не хочу.

– Сейчас же хотела.

– А сейчас и отхотела. У меня это скоро. Пойдем ка лучше на качели.

– Пойдем. Только ты, может быть, обиделась?

– Ну да, вот еще.

Щаня и Женя забралась на качели. Тяжелая доска, подвешенная на четырех толстых брусках, раскачивается с легким скрипом, все выше и выше. Щаня сильно работает руками и ногами: ей нравится подбрасывать доску высоко, высоко, – и она радостно, звонко смеется. Доска взлетает выше и выше. Сначала Женя старается не отставать от девочки и, в отместку ей, подкидывать ее конец с каждым разом все выше. Потом ему приходится только держаться. Он начинает бояться, и бледнеет. Он держится руками, упирается из всех сил ногами в доску, – ноги его как-нибудь странно и страшно начинают отставать от доски при каждом взлете, и ему каждый раз кажется, что вот-вот он сорвется. А Щанька все поддает доску, поддает без конца.

– Довольно, – говорит он наконец глухим от волнения голосом.

Щанька не унимается: она работает так, что пот струится по ее лицу, – ей хочется сделать, чтобы доска стала вертикально.

– Довольно, Щанька, упадешь, – говорит Женя, задыхаясь.

Шанька отчаянно стиснула зубы. Еще один неистовый взмах, – и доска стала вертикально. На одно мгновение Женя видит прямо под собой напряженно–вытянутую фигуру девочки. Женя замирает от ужаса, и беспомощно корчится, – и стремится за доской вниз, безнадежно уцепившись оцепенелыми руками за брусья, – и вот Шанька уже опять над ним и упруго приседает, чтобы повторить ужасный взмах качелей.

– Перестань, Шанька, говорят тебе! – кричит Женя бешеным голосом.

Качели взлетают попрежнему высоко, но Шаня видит, что Женя побледнел, и перестает поддавать. Расскачавшиеся качели тяжело колышутся, Шанька тяжело дышет, черные глаза ее мерцают торжеством победы.

Не дожидаясь, когда качели остановятся, улучив благоприятный момент, Женя соскочил с доски, и быстро отошел в сторону, подальше от качелей. Ему не хочется и смотреть на них: у него кружится голова.

– Ну, чего ты боишься? – спросила Шаня, спрыгивая с качелей, и побежала за ним.

– Я за тебя боюсь, ты могла ушибиться.

– Привыкла! – беспечно ответила Шаня.

– Мало ли что. Если б ты упала, я бы считал себя виновником твоего несчастья.

– Велико несчастье!

– Ты могла бы до смерти убиться, пойми, пожалуйста.

– До смерти! Большая беда. раз умирать надо, а все трусить, так и жить не стоит, – скучно очень.

– А обо мне ты не думаешь? – убеждал Женя, досадливо краснея. – Что бы со мной было, если бы ты умерла?

Шаня звонко засмеялась и повернула Женю за плечи кругом.

– Ах ты, философ! – крикнула она. – Уж очень ты цирлих–манирлих, как я погляжу, – уж я даже и не понимаю.

V

После праздничной обедни народ толпами выходил из собора. Варвара Кирилловна остановилась на паперти, и поджидала кого–то в толпе.

– Охота связываться! – недовольным тоном сказал Модест Григорьевич.

– Иди, пожалуйста, домой! – с раздражением ответила Варвара Кирилловна, – и не беспокойся, я все самым приличным образом улажу.

– Как знаешь, только я тебя предупреждал...

– Хорошо, хорошо, знаю.

Модест Григорьевич пожал плечами и отправился домой. В это время из церкви показалась Марья Николаева с Шаней. Варвара Кирилловна подошла к ним.

– Я, моя милая, хочу сказать вам кое–что, – величественно обратилась она к Марье Николаевне.

– Сделайте ваше одолжение, послушаю, – отвечала Марья Николаевна спокойно. – Беги, Шанька, домой, нечего тебе тут.

Шаня весело побежала вперед. Варвара Кирилловна и Марья Николаевна сошли с паперти и медленно двигались в толпе горожан. Варвара Кирилловна немного помолчала, потом начала:

– Я хочу вас просить, чтоб вы запретили вашей дочери вести

знакомство с моим сыном.

– А вы бы, сударыня, лучше вашему сыну запретили: я и так свою Шаньку в ваш сад не пускаю, – а ваш-то сыночек частенько около наших яблонь околачивается.

– Дело не в яблонях, моя милая, – вы должны понимать, что ваша дочь моему сыну не пара.

– Отлично понимаем, сударыня, – мы вашего сына в свой дом и не пустим, а только чего ж он к Шаньке вяжется?

– Уж я не знаю, моя милая, кто к кому вяжется, как вы выражаетесь.

– Да что, сударыня, я вам такая милая сделалась? Будто бы и не было моего желания так уж вам угодить.

– Послушайте, – сказала Варвара Кирилловна, краснея от негодования, – я наконец решительно требую, чтоб безобразие было прекращено.

– Не знаю, про какое такое безобразие изволите говорить, а только что уж очень много у вас форсу, сударыня.

– Как ты смеешь со мной так разговаривать, дерзкая баба! – внезапно вспылила Хмарова. – Да знаешь ли ты...

– Да ты-то что ершишься! – закричала Марья Николаевна, так же внезапно выходя из себя. – Что муж то твой генералом будет! Так еще пока будет, да и то он, а не ты. А у нас, у баб, звезды-то у всех одинаковы.

Марья Николаевна все более и более повышала голос. В толпе стали прислушиваться и оглядываться. Варвара Кирилловна поторопилась отойти подальше.

– Нахальная баба! – проворчала она, больше для своего удовольствия.

– Что, – кричала вслед ей Самсонова, – не нравится, небось?

Дома Шаньке досталось от матери, зачем она водится с Хмаровым: Марья Николаевна сорвала остаток злобы на Шаньке, и больно высекла ее. Шаня поплакала, и принялась вышивать в подарок Жене кошелек: была бы ему память, если б не дали повидаться.

Однако встречи повторялись. Евгения тянуло к Шане. Его родители были очень озабочены своими делами, – им было не до Жени: Модест Григорьевич хлопотал о переводе в Крутогорске на более видную должность. Место, которого желал он, было еще занято, на него было много других кандидатов, и Хмаровы сильно волновались.

VI

Осенний ясный день. Холодноватый ветерок. Невысокое солнце как-то лихорадочно жаркое. Листва ярка и разноцветна. Дорожка старого парка журчат опавшими листьями; опавшие, блеклые листья заволакивают у берегов воду в пруде, рябят поверхность узких протоков. Женя и Шаня сидят в беседке в конце парка у низкой изгороди и смотрят на унылое поле, на мелкую речку.

– А помнишь, – спросила Шаня, – как мы с тобой летом в этой речке ловили раков руками?

Женя краснеет. Как подумаешь, каких глупостей не наделаешь, если влюблен!

Шаня приготовила Жене подарочек, – шитый бисером и шелками кошелек, – и держит его в кармане. Она мечтает, как он будет рад подарочку, – ей приятно мечтать об этом, и она оттягивает ту минуту, когда отдаст ему кошелек. Она знает, что он и кошелек

должен будет спрятать, как ее портрет, но пусть! пусть! за то он сам порадуется. Наконец она опускает руку в карман, нащупывает там кошелек, и веселыми глазами, посмеиваясь, с значительным видом посматривает на Женю.

– Ну, в чем дело? – спрашивает Женя, и улыбается.

– Женечка, – внезапно смущаясь, говорит Щаня, – вот я тебе подарочек приготовила на память. Сама вышивала.

Она достала кошелек, и подала его Жене. Женя покраснел и смешивался: он вспомнил вдруг, как он покупал подарок Щане, и не купил, – и ему стало стыдно и досадно.

– Спасибо, – пробормотал он, неловко поворачивая кошелек в пальцах: – очень мило. Но зачем ты это? Ах, Щаня, это неудобно.

– Неудобно? – спросила Щаня, и на лице ее отразилось недоумение и обида.

– Ну да, конечно, как ты не понимаешь.

– Где ж мне понимать. Я думала, тебе приятно...

– Вот ты мне даришь, точно намекаешь, чтоб и я тебе дарил, – недовольным и обиженным тоном объяснял Женя.

– Ничего я не намекаю, – сердито сказала Щаня, постукивая носком башмака по песку дорожки.

Женя не обратил внимания на перерыв: он слишком занят был своим негодованием.

– А почему я тебе не дарю? Ну, положим, я подарю...

– Ничего мне от тебя не надо.

– А твой отец увидит, тебе же достанется. Я не хочу подводить тебя под неприятности. А не могу же я принимать от тебя подарки, если сам ничего тебе не буду дарить.

– Ничего мне не надо, – шепнула Щаня, и заплакала. – разве я для подарков? – крикнула она стесненным от слез голосом, всхлипывая.

– С тобой совсем нельзя говорить, Щаня, ты несколько не жалеешь моих нервов, – говорил Женя дрожащими от ярости губами. – ты просто психопатка какая-то.

Он побледнел и вздрагивал от злости.

– Психопатка! – повторила Щаня, плача. – Ишь ты, какое слово выдумал, – психопатка! Поди ж ты как! А ты куропатка! Противный, – тебе же хотела угодить, а ты ругаешься.

Женя почувствовал наконец, что говорит несправедливые глупости. Ему стало жаль, что Щаня плачет.

– Ну, чего ж ты плачешь? – заговорил он примирительно. – Ведь я не хотел тебя обидеть.

– А зачем ругаешься?

– Ну извини, Щанечка, больше не буду.

Женя отымал Щанины руки от ее лица и целовал ее мокрые от слез глаза. Щаня слабо отбивалась.

– Уж очень у тебя скоро, – говорила она, – сейчас ругался, а сейчас и нежности, – ловкий какой! Коли я психопатка, так ты меня и не тронь. Ишь, слово какое!

– Ну полно, Щанечка, – уговаривал Женя, целуя мокрые пальцы Щаниных рук, – не ворчи, ты не старушка.

Щаня вдруг засмеялась, вскочила со скамейки, и крикнула:

– А кошелек возьмешь?

– Возьму, Щанечка, – спасибо, милая.

– И спрячешь?

– И спрячу.

– И будешь хранить?

– И буду хранить.

– Ах ты, куропатка! Беги, догоняй меня, – не догонишь. Щаня со звонким смехом побежала по дорожкам, на бегу стирая руками со щек остатки слез. Женя догонял ее.

Глава пятая

I

Зима в том году была снежная и холодная. Щаня и Женя продолжали встречаться, – то в Летнем саду, – то на общем катке, на речке. Но на катке мешали Маня и родители Хмарова.

Чаще и охотнее дети сходились по-прежнему в саду и в парке Самсонова. Теперь, когда в саду нечего было караулить, попадать в него было легче: Щаня заботилась, чтоб всегда была незамкнута калиточка в высоком частоколе сада.

Чтобы не дрогнуть в саду на морозе, порой забирались они в баньку, по тем дням, когда ее не топили: хоть и там было холодно, а все же в стенах хоть ветер не тревожил. Короткие свидания проходили в невинных поцелуях и наивных разговорах.

Иногда Щаня и Женя украдкой пробегали мимо дома в парк и катались с горы на салазках.

II

Впрочем, Щане не было надобности много прятаться: ее родителям тоже было не до нее. Самсонов все чаще уходил к своей любовнице, пышнотелой и белолицей мещанской девице, для которой он нанял небольшую квартиру. Марья Николаевна бешено ругалась с мужем. Ее страстные крики иногда будили в нем прежнюю страсть к ней, – но возвраты его нежности только больше раздражали и томили ее.

Наконец и она нашла себе утешителя, скромного телеграфиста Кириллова, которого взяла сама, и который очень робел перед ней. Любви к нему Марья Николаевна не чувствовала, а ходила к нему из злости к мужу. Но открыть это мужу она не смела, – боялась побоев, – и только темными намеками дразнила его. Самсонов, может быть, догадывался, но был доволен, что жена стала меньше ругаться с ним.

Бывало, зимним вечером, закутавшись и закрыв лицо, Марья Николаевна пробирается по задним улицам, по снежным сугробам, к дому, где жил Кириллов. В ночной темноте светится и светит только снег. Глухие места, задворки, – редко, редко где в окне виден огонь, еще реже встретится прохожий.

Вот и огород, и нарочно не закрытая калитка. Марья Николаевна идет протоптанной в снегу тропинку мимо заваленных снегом грядок, очертания которых еле заметно волнисты. Она подходит к домику, два окошечка, которого глядят в огород. Окна освещены, и шторы не спущены.

«Дурак!» досадливо думает Марья Николаевна, и заглядывает в окно.

Кириллов, молодой человек с бесцветными бровями и льняными волосами, стоит без сюртука посреди комнаты, и усердно пилит смычком дрянную скрипченку, извлекая жалостные, дребезжащие звуки. Марья Николаевна легонько стучит пальцами в стекло, – Кириллов

мечется по комнате, торопливо напяливает на себя форменный сюртук, и бежит отворять двери.

Он робеет перед своей гостьей, суетится около нее, неловко помогая ей раздеваться, но она недовольно отстраняет его.

– Завесь окно сначала, – говорит она: – сам то, батюшка, и об этом не умеешь догадаться.

Кириллов бросается к окошкам. Марья Николаевна садится на жесткий диван, и недовольными глазами окидывает тщедушную фигуру хозяина и бедную обстановку маленькой комнаты. Кириллов становится перед ней, потирает руки, и не знает, что сказать. Марья Николаевна кажется ему слишком велика для него комнатки.

– Ну, что ж стоишь, – садись, что ли, занимай гостью, – говорит Марья Николаевна.

Кириллов садится на диван, и осторожно подвигается к Марье Николаевне: ее огненные глаза начинают зажигать его вялую и боязливую страстность.

– Ты о себе, однако, много не мечтай, – говорит Марья Николаевна. – Ты воображаешь, очень ты мне люб.

– Коли не погнушались прийти, – лепечет Кириллов, дотрагиваясь слегка пальцами до талии своей гостьи, так же осторожно, как до раскаленной печки, – то стало быть...

– Как бы не так, – перебивает Марья Николаевна, сердито отодвигаясь. – Своему черту на зло, – так и знай. Изболела моя душа, на его такие качества гляючи. На отместку ему тебя завела.

– Очень мне обидно от вас такие жестокие слова выслушивать, – говорит Кириллов, смелее схватывая рукой талью Самсоновой, которая уже не отодвигается.

– Обидно! Большая мне печаль! – отвечает Марья Николаевна. – Эх ты, сухопарый! Ты и целоваться не умеешь так, как он.

– Помилуйте, Марья Николаевна, уж я ли, кажется, не стараюсь.

– Дурак и больше ничего. Мой то сокол, пока еще я была ему любя... Эх, да что тут и вспоминать. Вот бросил, – а узнает, что я у тебя была, на месте убьет. А ты, слюняй ты этакий, и окошек занавесить во-время не умеешь.

III

– Что тебя давно не видать у нас? – спросил а Щаня, встретив Гарволина по дороге из гимназии.

– Мать шибко нездорова, – угрюмо ответил Володя.

Неонила Петрова сильно простудилась в один из ненастных зимних вечеров, пробираясь к своей старухе читать романы, – думала сначала, что это пройдет, перемогалась, и наконец слегла. С каждым днем она заметно слабела. Володе страшно было думать, что мать умрет, но он не мог не думать об этом, – и напрасно старался утешить себя надеждой на выздоровление матери. Лекарь добросовестно и внимательно выстукивал и выслушивал ее грудь, присаживался к столу и мучительно выжимал из себя какие-то рецепты, – но помочь не мог. Он видел, что человек умирает, – но, может быть, и отлежится. Ему тоже неприятно было думать, что больная, которую он лечит, умрет, и он утешал Володю.

– Пока нет ничего опасного.

Но по лицу его Володя видел, что он говорит не то, что думает.

Дни, которые тянулись в боязливом и томительном ожидании, и тревожные ночи казались Володе случайным и нелепым кошмаром.

«Зачем, зачем?» спрашивал он себя. «Трудиться весь век, жить зачем то без радости, без света, умереть в нищете. А еще несколько лет, – ведь она еще не старая, – я бы стал зарабатывать, – хоть бы покойная старость. Умереть, как умирает на мостовой кляча, заморенная работой!»

Дядины дочери, Катя и Люба, девушки по восемнадцатому и семнадцатому году, поселились у Неонины Петровны, ухаживали за ней и занялись хозяйством. В доме было мало денег. Девушки озабоченно шептались и боязливо вели счет, сколько стоят лекарства...

Суетливая забота, неумолимая нужда, беспощадная смерть...

Кате и Любе жаль было тетю. Они плакали и разговаривали о своих приметах, которые, по их глубокому убеждению, предвещали смерть. Володя слушал их с досадой, но сжимал его сердце их наивный предвещательный лепет.

Смерть стояла над постелью больной и обвеивала ее холодным равнодушием, тупой покорностью. Недоумевающее выражение пробегало иногда в глазах больной, – перед ней мелькали смутные, серые тени, на лицо садилась откуда-то тонкая и липкая паутина...

Было ясное зимнее утро. Володя уже несколько дней не ходил в гимназию. Неонила Петровна третьи сутки не приходила в себя. Она лежала неподвижно, с полуоткрытыми, тусклыми глазами, в углах которых накоплялась какая-то странная пена, – и дышала торопливо, жадно. В тихой комнате, где мерно колотился маятник, страшно было слушать это бурное дыхание. Через короткие промежутки быстрые вдыхания и выдыхания сменялись глубоким вздохом. Эти промежутки становились все короче: Володя следил за ними по часам, – они уменьшались с поразительной правильностью. Настанет минута, когда грудь устанет дышать, сердце биться.

«В одиннадцать часов все кончится,» высчитал Володя, и тупо ждал.

В начале двенадцатого быстрые дыхания прекратились. Долгий стонущий вздох... другой... третий... Лицо, уже давно начавшее становится мертвенно-неподвижным, подернулось пепельной тусклостью, которая быстро набегала от висков к губам, – жили, еще только губы... Но вот губы вытягиваются, – беспомощное, детское выражение ложится на старческое лицо, – губы вытягиваются, словно просят, – восковеют, смыкаются... Опять разошлись, – нижняя губа мертвенно отодвинулась вместе с челюстью, продержалась так с полсекунды, и снова, как-то механически и быстро, рот закрылся, – движение ужасное и нелепое... Еще раз то же движение... и еще раз... повосковеют губы сомкнулись на веки.

С тупым ужасом и любопытством смотрел Володя на грубый процесс умирания...

Тихая суматоха вокруг... Чей-то плач... Слезы в глазах... Ее глаза еще не закрылись... Володя закрыл глаза матери и придерживает мягкие веки пальцами, пока веки не застывают, сомкнутые...

Потом, – возня над трупом... Ясный, равнодушный, злой день... Белый снег подернут разноцветными звездами. Яркое, мертвое солнце... Труп на столе, – хоронить надо... Забота, проклятая забота о деньгах. Идти к людям, просить.

Труп на столе, жизнь все та же, неумолимая чуждая...

Володя мрачно шагал по улицам и злобно смотрел на прохожих. Болезненная баба с ребенком встретила его.

«Умрешь, умрешь и ты!» со свирепой злобой подумал Володя. «Так повосковеют и твои бледные губы.»

И вдруг он заметил, что мимовольно повторяет смыкание и размыкание рта, – ужасное, механическое движение умирающей матери.

Потом – опять дома: монотонное чтение псалтыри, панихида, ладан, свечи, чужие люди, мертвый обряд.

Старик священник заметил мрачное молчание и убитый вид Володи, и начал его утешать.

– Грех отчаиваться, – говорит он неторопливо. – Господь все к лучшему устраивает. Ваша матушка пожила, – ну, что ж делать, Господь знает, когда своевременно кого отозвать из этого мира в лучший.

– А зачем дети умирают? – внезапно спрашивает Володя.

– Бог знает, что делать, а мы должны покоряться Его святой воле. Безгрешному младенцу и умирать легко.

– А зачем мертвые дети рождаются?

– Грешно, грешно, – говорит священник. – В смирении переносите испытания. Помыслите, – что мы и что Он.

Вот наконец и похороны.

Щаня пришла с матерью. Она утешает Володю. Но ему становится еще грустнее: мать умерла, Щаня недоступна, – для кого, для чего жить.

– Как же ты, теперь, Володенька, будешь жить? – ласково спрашивает на поминках Марья Николаевна, – у дяди, что ли?

– У дяди, коли пустит, – уныло отвечает Володя.

– Что ты, что ты, – бормочет старик-дядя: – как же не пустит. Ты нас не стеснишь: ты – брат, – молодец, ты сам деньги зашибаешь.

IV

Так и прошла зима. Были последние дни февраля. Снег уже подтаивал и зернился мельчайшими льдинками.

Хмаровы со дня на день ждали перевода в Крутогорск, но еще Женя не говорил об этом Щане: он помнил, как Щаня опечалилась, когда он первый раз рассказал ей, что отец хлопочет о переводе, – как она жаловалась, что он ее забудет, и как он должен был утешать ее и уверять, что всегда будет помнить и придет за ней, когда кончит учиться...

Щаня после обеда выбежала в сад. Еще издали увидела она Женю, подошла к калитке, и поджидала его, весело улыбаясь. Женина походка была радостно оживленная. Его ликующая улыбка издали радовала Щаню, и девочка качалась на скрипучей калитке, отталкиваясь от земли ногой, уцепившись руками за перекладины калитки.

– Славная погода! – крикнул Женя, вбегая в калитку. – Щанечка, не шали, – ручки прищемись.

Он схватил ее за талию и стащил с калитки. Щаня смеялась, и глаза ее блеснули: Женя редко бывал такой веселый и живой, такой радостный.

– А у нас радость, Щанечка, – оживленно начал он, и вдруг смутился.

– Какая радость? – беззаботно спросила Щаня.

– То есть, мои радуются, а для меня, Щанечка, большая печаль. Вот видишь, отец получил место в Крутогорске, и мы переезжаем скоро.

Щаня побледнела, и в расширившихся глазах ее блеснули слезы.

– Как же так! – пролептала она, бессильно опускаясь на скамейку, запорошенную оледенелым снегом.

Женя смущенно стоял перед ней.

– Что ж делать, Щанечка... Мы еще поживем здесь немного.

- До лета? – оживилась было Щаня.
- Нет, Щанечка, – на будущей неделе едем. У нас все уж готово. Давно ждали.
- А как же твоя гимназия?
- Женя весело засмеялся.
- Ну, в Крутогорске не одна гимназия.
- Ах, Женечка, я так и знала, что что-нибудь будет. Я нынче новый месяц с левой руки увидела. Вот так и вышло.
- Женя видел, что Щане хочется плакать. Ему было жаль ее. Он сел рядом с ней, обнял ее и принялся утешать.
- Я тебе, Щанечка, писать буду, а ты мне. Потом я за тобой приеду и женюсь на тебе.
- Еще пойду ли я за тебя! – сердито ответила Щаня, отворачиваясь.
- А чего же ты плачешь, Щанечка?
- Кто плачет? Вовсе нет. Сор в глазах...
- А на щечках что?
- Ну, ладно, нечего смеяться. Так приедешь за мной?
- Приеду, Щанечка, приеду.
- Смотри, я буду ждать, все буду ждать, догло ждать, много лет, – говорит Щаня, и плачет.
- Ну, ну, Щанечка, – и так всему свету известно, что у вас, женщин, глаза на мокром месте.
- Ничего, Женечка, было бы сердце на месте.
- Жене становится грустно. Он нетерпеливо посматривает на плачущую Щаню и постукивает каблуками по снегу. Щане кажется, что Женя рассердился, и она старается перестать плакать. Кое-как это ей удается.
- Вот-вот вы заживете теперь, – говорит она, завистливо вздыхая.
- Да, – говорит Женя, оживляясь, – отца скоро произведут в генералы и дадут ему ленту и звезду. У него уж есть Владимир на шее. Это очень большой орден. Кто его получит, тот делается дворянином.
- Ишь ты! – наивно восклицает Щаня.
- Но он и без того дворянин, – потомственный. И я дворянин. Мы – столбовые. Меня никто не имеет права бить.
- Ну, а если кто поколотит?
- Я того могу убить на месте, и мне за это ничего не будет.
- Врешь, поди?
- Я – дворянин, а дворяне не лгут, – обиженно говорит Женя.
- У нас там будут свои лошади, мы будем давать балы. Это будет очень весело... Но потом я за тобой приеду, ты не беспокойся...
- Влюбишься в красавицу какую-нибудь.
- Ты, Щанька, самая первая красавица на свете, – восторженно восклицает Женя. – Вот погоди, как мы с тобой заживем. Я сделаю себе блестящую карьеру: у меня есть очень влиятельные родтсвенники.
- Ты будешь, как твой отец.
- Что отец. Конечно, папа мог бы сделать себе карьеру, – но он был в молодости шестидесятником: у него были, знаешь, эти ложные взгляды, – тогда это было в моде. Ну, он и запустил некоторые связи. И представь себе, чуть даже бунтовщиком не сделался. А, каково! Это мой папаша то, солидный человек, джентельмен, «не нынче завтра генерал,» – и вдруг был почти бунтовщиком... Впрочем такое было время.

– Вот ты бунтовать не будешь, – неопределенным тоном говорил Щаня.

– Конечно, не буду! – с презрительной самоуверенностью говорит Женя.

– По всему видно.

– Я – не дурак.

Холодные струйки враждебности пробежали между детьми.

V

– Я тебе буду писать каждую неделю, – говорил Женя, прощаясь с Щаней у калитки и растроганно глядя на заплаканное Щанино лицо.

– Только ты мне на дом не пиши, – плачевно говорила Щаня, – а то мне будет таска с выволочкой, а я тебе адрес дам моей подружки одной, ты на нее и пиши, на Дунечку Таурову.

– Ну, а ей ничего не будет такого? – осторожно осведомился Женя.

– Кому? Дунечке–то? Нет, у нее маменька старенькая, и души в ней не чает. Ее некому тузить.

– Хорошо, Щанечка. А теперь пока до свидания, пора мне домой.

Щаня схватила руками Женину шею и осыпала его долгими поцелуями. Ее слезы падали на Женины щеки.

– Ну, полно, Щанечка, – унимал он девочку. – Ведь мы еще будем видеться на этой неделе...

VI

Женя возвращался домой. Ему жаль было Щанечки. Но погода была такая хорошая, холодноватый воздух веял таким предвесенним задором, что ему становилось, как–то против воли, радостно. Печаль о предстоящей разлуке с Щанечкой перемешивалась представлением шумных улиц Крутогорска, больших домов и зеркальных стекол в магазинах.

Радостно представилась ему дорога на лошадях. Весело зазвенят колокольчики, бойко побегут лошадки. Ямщик будет протяжно покрикивать и помахивать кнутом. Кругом – поля под снегом, деревни, оснеженные леса. Веселые остановки на станциях. Так верст шестьдесят, – а там немного по железной дороге, – и вот он, веселый Крутогорск.

А Щанечке грустно, – хорошая погода ее не утешает, веселое солнце дразнит ее, весенний снег ярко режет ей глаза, – и затуманивают их слезы.

* * *

Условные сокращения

АЛ(1917)	Алая лента. (Сборник) Петроград: «Петроградское издательство» 1917.
БВ	Биржевые ведомости (газета; СПб.)
Библиография (1909)	[Чеботаревская. Анастасия Н. <сост.>] Библиография сочинений Федора Сологуба. Часть первая. Хронологические перечни напечатанного с 28 января 1884 г. до 1 июля 1909 г. СПб.: «Типография Г. Шахт» 1909.
Гол.блеск (Киев 1991)	Голодный блеск. Избранная проза. Киев: «Дніпро» 1991.
ЖС(1904)	Жало смерти. Рассказы. М.: «Скорпион» 1904.
ЗР	Золотое руно (журнал; М.)
ИЛ(1907)	Истлевающие личины. Книга рассказов. М.: «Гриф» 1907.
КО(1909)	Книга очарований. Новеллы и легенды. СПб.: «Шиповник» 1909.
КР(1908)	Книга разлук. Рассказы. СПб.: «Шиповник» 1908.
Л.	Ленинград
М.	Москва
МЧ(1911/13/16)	Маленький человек. (Сборник) Москва: «Польза» 1911, 1913 и 1916.
ОЛ(1911/14)	Отрок Лин. (Сборник) Москва: «Польза» 1911 и 1914.
ОН(1912/15/20)	Опечаленная невеста. (Сборник) Москва: «Польза» 1912 и 1915; и потом - София: «Русско-болгарское издательство» 1920.
РС(1896)	Рассказы и стихи. [Тени] СПб.: «Типография Меркушева» 1896.
Св.и тени (Минск 1988)	Свет и тени. Избранная проза. Минск: «Мастацкая літаратура» 1988.
СВ	Северный вестник (журнал; СПб.)
СД(1921)	Сочтенные дни. Ревель: «Библиофил» 1921.
СПб.	Санкт Петербург
СС Сири́н	Собрание сочинений [в 20-и томах]. СПб.: «Сири́н» 1913-1914.
СС Шиповник	Собрание сочинений [в 12-и томах]. СПб.: «Шиповник» [1909-1912].
Тяж.сны (Л. 1990)	Тяжелые сны. Роман. Рассказы. Л.: «Художественная литература» 1990.
Bristol(1979)	Федор Сологуб. Рассказы. Selection and Introduction by Evelyn Bristol. Berkeley: 1979.
Lauer	Lauer, B.: Das lyrische Frühwerk von Fedor Sologub. Gießen: "Schmitz" 1986.
Leitner	Leitner, A.: Die Erzählungen Fedor Sologubs. München: "Otto Sagner" 1976.

КОММЕНТАРИИ

Из двух *Собраний сочинений* Сологуба (см. выше «СС Сирин» и «СС Шиповник») были употреблены при надобности добавочной проверки или корректуры следующие тома:

- том 3   СС Шиповник (1909)
- том 4   СС Шиповник (1910)
- том 7   СС Шиповник (1910)
- том 11   СС Шиповник (1911) / СС Сирин (1913)
- том 12   СС Шиповник (1912)
- том 14   СС Сирин (1913)

Библиографические данные, относящиеся к другим томам издания издательства «Сирин», следуют публикации Лейтнера (см. выше Leitner, с.22-35).

Жирным шрифтом ниже отмечается заглавие текстов Сологуба, курсивом подзаголовков. Цифрой в острых скобках "<>" указано на очередность различных изданий одного и того же текста. Так как частотность опубликования любого текста может быть признаком его популярности, отмечены все известные издания (ср. выше Leitner, с. 22-35; Lauer, с.391-392). Нельзя было установить содержание сборника *Помнишь, не забудешь и другие рассказы*. Москва: «Творчество» 1918 (ср. Leitner, с.33). Если имеются достоверные сведения о первоначальном издании, то после цифры <1> поставлено слово «Впервые». Это касается прежде всего рассказов, опубликованных до 1916г.

Ниночкина ошибка. - Рассказ. <1> Впервые: «Иллюстрированный мир», 1894, № 25 (28-VIII), с.7; № 36 (4-IX), с.3-7; и потом: <2> Lauer, В./ Steltner, U. (сост.), Fedor Sologub 1884 * 1984. Texte, Aufsätze, Bibliografie. München 1984, с.19-74. Печ. по изд. <1>.

Тени. - Рассказ. <1> Впервые: СВ, 1894, № 12, с.1-20; и потом: <2> РС(1896), с. 38-72; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.9-43 (под заглавием *Стена и тени*); <4> СС Сирин, 3 (1913), с.1-38; <5> Св.и тени (Минск 1988), S.220-237; <6> Тяж.сны (Л. 1990), S.250-266; <7> Гол.блеск (Киев 1991), S.286-307. Печ. по изд. <1>.

Червяк. - Рассказ. <1> Впервые: СВ, 1896, № 6, с.49-67; и потом: <2> РС(1896), с. 5-37; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.45-47; <4> СС Сирин, 3 (1913), с.39-74; <5> Св.и тени (Минск 1988), S.237-253; <6> Гол.блеск (Киев 1991), с.308-328. Печ. по изд. <1>.

Ничего не вышло. <1> Впервые: «Петербургская жизнь», 18-VIII-1896, № 198; и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с.43-50; <3> СС Сирин, 11 (1913), с.47-55. Печ. по изд. <1>.

К звездам. - Рассказ. <1> Впервые: СВ, 1896, № 9, с.1-17; и потом: <2> РС(1896), с. 73-102; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.79-108; <4> МЧ(1911/13/16); <5> СС Сирин, 3 (1913), с.76-106. Печ. по изд. <1>.

Задор. - Эюд. <1> Впервые: «Север», 25-V-1897, № 21; и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с.9-25; <3> СС Сирин, 11 (1913), с.9-25 (ср. там же, с.235 (Примечание «Сологуба»): «Сначала он =< рассказ > составлял главу романа *Тяжелые сны*, где говорилось о детских воспоминаниях Логина»); <4> Св.и тени (Минск 1988), с.253-262; <5> Гол.блеск (Киев 1991), с.329-339. Печ. по изд. <1>.

Улыбка. - Рассказ. <1> Впервые: «Север», 16-XI-1897, № 46; и потом: <2> КО(1909), с.161-178; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.109-126; <4> СС Сирин, 3 (1913), с.109-127; <5> Св.и тени (Минск 1988), с.262-270; <6> Гол.блеск (Киев 1991), с.340-349. Печ. по изд. <1>.

Лелька. - Эюд. <1> Впервые: «Южное обозрение», 16-XI-1897, № 305 ("Вторая лист газеты", с.6-7); и потом: <2> СС Шиповник, 3 (1909), с.209-218; <3> СС

Сирин, 3 (1913), с.219-229; <4> Тяж.сны (Л. 1990), с.246-250. Печ. по изд. <1> и <2: для добавочной корректуры>.

Лелечка. - Рассказ. <1> Впервые: «Север», 4-I-1898, № 1; и потом <под заглавием Прятки>: <2> КО(1909), с.147-162; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.127-144; СС Сирин, 3 (1913), с.129-148; <4> Bristol(1979), с.55-72. Печ. по изд. <1>.

Белая мама. - Рассказ. <1> Впервые: «Север», 5-IV-1898, № 14; и потом: <2> КО(1909), с.183-196; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.145-160; <4> СС Сирин, 3 (1913), с.149-165; <5> Bristol(1979), с.73-87. Печ. по изд. <1>.

Земле земное. - Лирический рассказ. <1> Впервые: «Север», 24-V/31-V/7-VI/14-VI-1898, №№ 21-24; и потом: <2> ЖС(1904), с. 46-86; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.161-202; <4> СС Сирин, 3 (1913), с.167-211; <5> Тяж.сны (Л. 1990), с.267-286. Печ. по изд. <1>.

Баранчик. - <1> Впервые: «Север», 1-XI-1898, № 44; и потом: <2> ЖС(1904), с.109-112; <3> СС Шиповник, 3 (1909), с.203-208; <4> СС Сирин, 3 (1913), с.213-218. Печ. по изд. <1>.

Красота. - Лирический рассказ. <1> Впервые: «Север», 3-I-1899; и потом: <2> ЖС(1904), с. 113-126; <3> СС Шиповник, 4 (1910), с.9-23; <4> СС Сирин, 4 (1913). Печ. по изд. <1>.

Утешение. - Рассказ. <1> Впервые: «Север», 11-IV - 23-V /-1899, №№ 15-21; и потом: <2> ЖС(1904), с. 127-204; <3> СС Шиповник, 4 (1910), с.25-98; <4> СС Сирин, 4 (1913). Печ. по изд. <1>.

Обруч. - <1> Впервые: «Северные цветы», 1902; и потом: <2> ЖС(1904), с. 87-108; <3> СС Шиповник, 4 (1910), с.99-105; <4> СС Сирин, 4 (1913); <5> Bristol(1979), с.88-92. Печ. по изд. <1>.

Жало смерти. - Рассказ о двух отроках. <1> Впервые: «Новый путь», 1903, № 9; и потом: <2> ЖС(1904), с. 1-45; <3> СС Шиповник, 4 (1910), с. 99-105; <4> СС Сирин, 4; <5> Тяж.сны (Л. 1990), с.294-316. Печ. по изд. <1>.

Превращения. - Миниатюра. <1> Впервые: «Воскресенье», 4-I-1904, № 1; и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с. 51-61; <3> СС Сирин, 11 (1913), с. 57-68; <4> Св.и тени (Минск 1988), с.270-274; <5> Гол.блеск (Киев 1991), с.350-356. Печ. по изд. <1>.

В плену. - <1> Впервые: «Северные цветы», 1905 т.4; и потом: <2> ИЛ(1907), с.54-65; <3> СС Шиповник, 4 (1910), с.151-169; <4> ОН(1912/15/20); <5> СС Сирин, 4 (1913); <6> Bristol(1979), с.93-110; <7> Тяж.сны (Л. 1990), с.316-326. Печ. по изд. <1>.

Маленький человек. - Рассказ. <1> Впервые: «Новый мир», 1905, № 14 с.155-156, № 15, с.174-175, № 16; и потом: <2> ИЛ(1907), с.74-90; <3> СС Шиповник, 4 (1910), с.171-198; <4> МЧ(1911/13/16); <5> СС Сирин, 4 (1913); <6> Bristol(1979), с.111-136; <7> Св.и тени (Минск 1988), с.274-289; <8> Гол.блеск (Киев 1991), с.375-382. Печ. по изд. <1> и <2: с части 6 до конца>.

Рождественский мальчик. - Рассказ. <1> Впервые: БВ, 26/27-XII-1905, №№ 9148 /9149; и потом: <2> ИЛ(1907), с.98-108; <3> СС Шиповник, 4 (1910), с.199-218; <4> СС Сирин, 4 (1913). Печ. по изд. <1> и <2: для добавочной корректуры>.

Соединяющий души. - Новогодний рассказ. <1> Впервые: «Народное хозяйство», 6-I-1906, № 19; и потом: <2> ИЛ(1907), с.23-31; <3> СС Шиповник, 11 (1911), с.27-41; <4> СС Сирин, 11 (1913), с.29-46. <5> Bristol(1979), с.137-152; Печ. по изд. <1> и <2: со страницы 206, абзаца 13, до конца>.

Призывающий зверя. - Рассказ. <1> Впервые: ЗР, 1906, № 1, с.53-61; и потом: <2> ИЛ(1907), с.32-38; <3> СС Шиповник, 11 (1911), с.63-74; <4> СС Сирин, 11 (1913), с.69-82. <5> Bristol(1979), с.153-164; Печ. по изд. <1>.

Елкич. - Январский рассказ. <1> Впервые: «Журнал для всех», 1906, № 2; и потом: <2> <под заглавием Январский рассказ> ИЛ(1907), с.91-97; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.91-102; <4> ОЛ(1911/14); <5> СС Сирин, 7 (1913); <6>

Bristol(1979), с.188-198; <7> Тяж.сны (Л. 1990), с.326-332. Печ. по изд. <1>.

Дикий бог. - Рассказ. <1> Впервые: «Наша жизнь». Литературно-научное приложение, 18/26-II-1906, №№ 5-6/7-8; и потом: <2> ИЛ(1907), с.3-15; <3> <под заглавием *За рекою Мейдур*> СС Шиповник, 11 (1911), с.75-94; <4> СС Сирин, 11 (1913), с.83-107 [ср. там же, с.235 (Примечание «Сологуба»): «печатается со значительными изменениями»]. <5> Bristol(1979), с.165-187; Печ. по изд. <1>.

Чудо отрока Лина. - Рассказ. <1> Впервые: «Весы», 3 / 1906, № 2, с.18-26; и потом: <2> ИЛ(1907), с.16-22; <под заглавием *Отрок Лин*> <3> СС Шиповник, 11 (1911), с.95-107; <4> ОЛ(1911/14); <5> СС Сирин, 11 (1913), с.109-123. Печ. по изд. <1>.

Два Готика. - <1> Впервые: «Слово», 2-IV-1906, № 430 (Литературное приложение № 9); и потом: <2> ИЛ(1907), с.39-53; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.65-89; <4> ОЛ(1911/14); <5> СС Сирин, 7 (1913); <6> Bristol(1979), с.199-224; Печ. по изд. <1>.

Тела и душа. - Рассказ. <1> Впервые: ЗР, 1906, № 6, с.34-40; и потом: <2> ИЛ(1907), с.66-73; <3> <в "Содержании" тома под ошибочным заглавием *Тело и душа*> СС Шиповник, 7 (1910), с.201-215; <4> СС Сирин, 7 (1913). Печ. по изд. <1>.

Милый паж. - Новелла. <1> Впервые: «Весы», 3 / 1906, № 8, с.17-29; и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с.109-123; <3> СС Сирин, 11 (1913), с.125-142 [ср. там же, с.235 (Примечание «Сологуба»): «печатается теперь со значительными изменениями и сокращениями»]. Печ. по изд. <1>.

Страна, где воцарился зверь. - <1> Впервые: «Речь», 25-XII-1906, № 252; и потом: <2> КО(1909), с.25-40; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.49-63; <4> СС Сирин, 7 (1913); <5> Bristol(1979), с.225-239. Печ. по изд. <1>, <2>: со страницы 260, абзаца 5, до конца> и <3>: для добавочной корректуры>.

В толпе. - Рассказ. <1> Впервые: «Новая иллюстрация», [приложение к БВ] 5-II-1907, № 3 / 19-II-1907, № 4 <? = БВ, 26/27-IV-1907, №№ 9865/9867, ср. Leitner, с.26 № 30; Св.и тени (Минск 1988), с.382>; <2> КР(1908), с.109-158; <3> <в отдельном издании под заглавием *В толпе*> СПб.: «Освобождение», 1909; <4> СС Шиповник, 7 (1910), с.121-166; <5> СС Сирин, 7 (1913); <6> Св.и тени (Минск 1988), с.295-318; <7> Гол.блеск (Киев 1991), с.383-412. Печ. по изд. <1> и <4>: части 5-8>.

Царица поцелуев. - Новелла. <1> Впервые: «Перевал», 1907, № 5 (март), с.18-22; и потом: <в отдельных изданиях под заглавием *Царица поцелуев*:> <2> Ревель: «Библиофил» 1921; <3> Петроград: «Myosotis» 1921. Печ. по изд. <1>.

Голодный блеск. - <1> Впервые: «Речь», 22-VII-1907, № 171; и потом: <2> КР(1908), с.179-193; <3> СС Шиповник, 11 (1911), с.125-137; <4> СС Сирин, 11 (1913), с.143-157; <5> Св.и тени (Минск 1988), с.289-295; <6> Гол.блеск (Киев 1991), с.375-382. Печ. по изд. <1>.

Смерть по объявлению. - Рассказ. <1> Впервые: ЗР, 1907, № 8; и потом: <2> КР(1908), с.159-178; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.103-120; <4> ОН(1912/15/20); <5> СС Сирин, 7 (1913). Печ. по изд. <1>.

Конный стражник. - <1> Впервые: «Утро России», 25-IX-1907, № 8 и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с.139-156; <3> СС Сирин, 11 (1913), с.139-155; <4> Bristol(1979), с.240-258. Печ. по изд. <1>.

Перина. - <1> Впервые: «Русская мысль», 28 / 1907, № 10 (окт.), с.4-7 и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с.157-164; <3> СС Сирин, 11 (1913), с.181-190. <4> Bristol(1979), с.259-266. Печ. по изд. <1>.

Ошибки и поправки. - <1> Впервые: «Зритель», 11-I-1908, № 1. Печ. по изд. <1>.

Томление к иным бытиям. - Мистерия. <1> Впервые: «Факелы». Книга третья. СПб: «Издательство Д.К.Тихомирова» 1908, с.111-120; Печ. по изд. <1>.

Белая собака. - Рассказ. <1> Впервые: «Путь», 1908, № 2; и потом: <2> <под заглавием Собака> КО(1909), с.75-84; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.9-18; <3> СС Сири́н, 7 (1913); <4> Bristol(1979), с.267-275. Печ. по изд. <1>.

Очарование печали. - Сентиментальная повесть. <1> Впервые: «Речь», 13-IV-1908, № 89; и потом: <2> КО(1909), с.42-65; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.177-200 <подз.: Сентиментальная новелла>; <4> СС Сири́н, 7 (1913). Печ. по изд. <1>.

Мудрые девы. - Рассказ. <1> Впервые: «Слово», 13-IV-1908, № 2; и потом: <2> КО(1909), с.15-24; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.167-175; <4> СС Сири́н, 7 (1913). Печ. по изд. <1>.

Опечаленная невеста. - Рассказ. <1> Впервые: «Образование», 1908, № 7 (Июль); и потом: <2> КО(1909), с.115-141; <3> СС Шиповник, 7 (1910), с.19-47; <4> ОН(1912/15/20); <5> СС Сири́н, 7 (1913); <6> Bristol(1979), с.276-304. Печ. по изд. <1>.

День шестьдесят седьмой. - Новелла. <1> Впервые: ЗР, 1908, №№ 7-9, с.79-82. Печ. по изд. <1>.

Обыск. - <1> Впервые: «Новое слово». Книга третья. 1908; и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с.165-174; <3> СС Сири́н, 11 (1913), с.165-174; <4> Св.и тени (Минск 1988), с.318-322; <5> Гол.блеск (Киев 1991), с.413-418. Печ. по изд. <1>.

Отравленный сад. - Новелла. <1> Впервые: «Бодрое слово», 1908, № 1; и потом: <2> КО(1909), с.85-114; <3> СС Шиповник, 11 (1911), с.175-200; <4> СС Сири́н, 11 (1913), с.175-200 [ср. там же, с.236 (Примечание «Сологуба»): «Тема заимствована из рассказа Натаниеля Готторна Ядовитая красота, и из стихотворения А.С.Пушкина Анчар.».]. Печ. по изд. <1>.

Претворившая воду в вино. - Легенда. <1> Впервые: «Весы», 5 / 1908, № 10, с.19-23; и потом: <2> КО(1909), с.7-14; <3> СС Шиповник, 11 (1911), с.201-208; <4> ОЛ(1911/14); <5> СС Сири́н, 11 (1913), с.201-207; Печ. по изд. <1>.

Алчущий и жаждущий. - Новелла. <1> Впервые: «Слово», 14-XII-1908, № 650; и потом: <2> КО(1909), с.66-74; <3> <в отдельном издании под тем же заглавием, а с подзаголовком Рассказ> М.: «Жизнь и люди», 1910 [ср. Leitner, с.33]; <4> СС Шиповник, 11 (1911), с.209-218; <5> ОЛ(1911/14); <6> СС Сири́н, 11 (1913), с.243-253; <7> Bristol(1979), с.305-313. Печ. по изд. <1>.

Снегурочка. - Рождественский рассказ. <1> Впервые: «Речь», 25-XII-1908, № 318; и потом: <2> СС Шиповник, 11 (1911), с.219-231; <3> МЧ(1911/13/16); <4> СС Сири́н, 11 (1913), с.201-208 [ср. там же, с.236 (Примечание «Сологуба»): «Тема заимствована из рассказа Натаниеля Готторна Снежная кукла»]; <5> Bristol(1979), с.314-327. Печ. по изд. <1>.

Холодный сочельник. - <1> Впервые: «Слово», 25-XII-1908, № 661. Печ. по изд. <1>.

Они были дети. - <1> Впервые <? - в Библиографии (1909) рассказ не отмечен>: КР(1908), с.7-108. Печ. по изд. <1>.

* * *